Александр Маргелов
Василий Маргелов
Василий Маргелов. Десантник № 1

В память о Человеке чести — Герое Советского Союза генерале армии МАРГЕЛОВЕ Василии Филипповиче,нашем отце, с благодарностью и наилучшими пожеланиями ветеранам всех войн, сегодняшним и будущим защитникам нашего Отечества.

Маргеловы А.В. и В.В.

От авторов

Авторы книги приносят искреннюю и сердечную благодарность ныне здравствующим ветераном десантникам и друзьям десантников:

Золотову Семену Митрофановичу, Кукушкину Алексею Васильевичу, Краеву Владимиру Степановичу, Гудзю Павлу Даниловичу, Бардееву Игорю Александровичу, Щербакову Леониду Ивановичу, Орлову Георгию Александровичу, Борисову Михаилу Ивановичу, Костину Борису Акимовичу, Двугрошеву Юрию Ивановичу, Драгуну Борису Антоновичу, Волгарю Владимиру Ивановичу, Шевченко Николаю Арсентьевичу, Куртееву Алексею Семеновичу, Молчанову Николаю Павловичу, Маркелову Владимиру Андреевичу, Лушникову Алексею Петровичу, Жукову Борису Георгиевичу, Минигулову Шарипу Хабеевичу, Рябову Геннадию Васильевичу, Парамонову Владимиру Денисовичу, Анпилогову Владимиру Яковлевичу, Мелькову Геннадию Трофимовичу, Дьяченко Алексею Александровичу, Бурову Валентину Ивановичу, Палатникову Александру Самойловичу, Гниленко Валерию Павловичу, Понизовскому Владимиру Семеновичу, Исмаилову Агамехти Мамед оглы (Михаилу Михайловичу), Таминдарову Хуснутдину Шайхутдиновичу, Костенко Юрию Петровичу, Скрынникову Михаилу Федоровичу, чьи материалы и воспоминания использованы в книге и тем, кто помогал в их сборе, а также тем, кто оказывал авторам содействие в подготовке настоящей книги к изданию — в первую очередь, Игриневу Юрию Ивановичу, Дронову Сергею Васильевичу и Захаренкову Валерию Николаевичу. Особая благодарность внуку генерала армии Маргелова офицеру запаса Александру Александровичу, прекрасному компьютерщику, без помощи которого книга появилась бы гораздо позже.

Мы склоняем головы перед светлой памятью Павленко Павла Федосеевича, Лисова Ивана Ивановича, Кулишева Олега Федоровича, Шубина Валерия Федоровича, Давыдова Ивана Николаевича, Доронина Владимира Дмитриевича, Михалева Николая Сергеевича.

Их воспоминания о Василии Филипповиче Маргелове — дань выдающемуся военачальнику и напутствие нынешним защитникам Отечества.

После выхода в свет книги «Генерал армии Маргелов В.Ф.» (Изд. «Полиграфресурсы», Москва, 1998) многие читатели обращались с просьбой написать книгу о службе Василия Филипповича Маргелова в Воздушно-десантных войсках СССР — от его первых шагов воздушного десантника до Командующего ВДВ.

Первой письменной просьбой такого рода было письмо Игоря Николаевича Шептухина из города Одинцово Московской области, которое авторы позволили себе воспроизвести

полностью:

«Уважаемый Александр Васильевич, здравствуйте!

Прочитал Вашу книгу «Генерал армии Маргелов». Большое спасибо Вам за нее. Такие люди, как Ваш отец, Василий Филиппович — это золотой фонд нашей страны, ее гордость, честь, слава! Памяти о генерале Маргелове жить вечно! В наше нелегкое время Василий Филиппович служит примером настоящего русского офицера не только для Воздушно-десантных войск, но и для всей нашей многострадальной Армии. О таких людях должна знать и наша подрастающая молодежь, у которой, кажется, появляются другие ориентиры. Именно на таких книгах надо ее воспитывать!

К сожалению, мне не пришлось связать свою судьбу с ВДВ, а вот мой батя служил 8 лет, сначала в 114-й Венской, а потом в 103-й Витебской вдд. Именно благодаря его рассказам о ВДВ и пришла ко мне любовь к этим войскам. Ваша книга стала для меня настоящим подарком.

С Вашего позволения, у меня к Вам просьба. Вы обязательно должны написать еще книгу, где осветить все годы работы Василия Филипповича в Воздушно-десантных войсках более подробно. Книга «Генерал армии Маргелов» замечательная, но уж больно мало там о десантнике Маргелове.

Вот все, что я хотел написать. Еще раз большое спасибо Вам за Вашу книгу. Примите в знак уважения стихотворение о «Десантнике № 1», поверьте, оно написано всем сердцем!

До свидания, с уважением,

Шептухин Игорь Николаевич».

Естественно, с глубокой благодарностью от всей семьи Маргеловых, а также от многих других людей, абсолютно разных по отношению к воинской службе, по возрасту и образованию, авторы приводят это замечательное стихотворение.

В.Ф. Маргелову

В истории десанта славной
Есть много командиров смелых,
Но первый в списке — легендарный
Василь Филиппович Маргелов!
На век со славой обрученный,
Пройдя пути лихих годин,

Он Патриот, Солдат, Ученый,
Десантник с номером «один»!
Великий Сын своей страны,
Он для солдат служил примером.
Он нес дорогами войны
Достойно званье офицера.
Суворовских традиций знамя
В руках мозолистых держал.
Учил солдат — Победа с нами!
И там, где трудно — побеждал.
Бойцы любили командира,
Всегда, повсюду примечали.
За ум, отвагу, удаль, силу
Любовно Батей величали.

«Маргеловец» — нет выше званья!
И этим званием гордились:
С ним уходили на заданье,
С ним — в рукопашную сходились,
Всегда сражались храбро, ловко,
Отвага — это ключ к успеху.
И помнит Невская Дубровка
Штыки маргеловских морпехов!
И в трудный час под Сталинградом
Вершили праведное дело.
Гвардейцев вел не за награды,
За Родину лихой Маргелов!
Испив днепровскую водицу
И переплыв Днепра стремнину,
Еще отважней стали биться
С врагом в ту страшную годину.
Дрались в окопах и траншеях
Маргеловцы за землю свято,
Отважно гнали немцев в шею
Полки родной сорок девятой!
Херсон, Одесса, Николаев —
Победами отмечен путь.
И среди пушечного лая
Гвардейцев вспять не повернуть!
И знают Будапешт и Вена
Как шли, чеканя грозно шаг,
Как пробивали вражьи стены
Броски маргеловских атак.
И Площадь Красная запомнит
Парад Победы в сорок пятом,
Брусчатка долго будет помнить
Как шли Маргелова солдаты!

После войны задача встала
Крепить десантные войска…
И оборону укрепляла
Опять Маргелова рука.
Он создал самородок, слиток,
Тех, кто сильнее и храбрей,
Советской Армии элиту —
Ее страны богатырей!
Тех, кто в бою, в ученьях первый,
В атаках и, конечно, в спорте,
Кто жилы рвал свои и нервы
В крылатой доблестной когорте.
Кто там, где путь всегда опасен,
Кто с неба — в бой на парашютах.
Войскам десантным «Дяди Васи»
Любые по плечу маршруты.
Они хранят страну от горя,
Они ее защита, цвет;
Ее надежный крепкий корень

И прочный становой хребет.

В сержанте, в рядовом, в комбате —
Маргеловскому духу жить!
И в каждом, кто готов служить, —
Жить вечной памяти о Бате!

15.02.99

Было и много других отзывов: письменных, при встречах, по телефону… Ветераны Великой Отечественной и других войн, ветераны воинской службы, сугубо гражданские люди присылали и передавали свои воспоминания, замечания, предложения к новому изданию книги. Всем таким читателям авторы очень признательны. Даже такому, который после прочтения книги, как-то настороженно спросил, мол, не политработник ли писал книгу. Политработниками авторы не были, поэтому с удивлением поинтересовались, что привело его к таким мыслям. Оказывается ему не понравилось частое упоминание в тексте о славных боевых делах воинов — политработников, коммунистов и комсомольцев. Пришлось напомнить, что в годы Великой войны солдаты считали за честь носить эти высокие звания, а политработниками зачастую становились еще вчерашние бойцы и строевые командиры, наиболее грамотные и сознательные. Задача у них была одна — донести до каждого воина политические цели освободительной войны против наглого захватчика, и эти цели, по счастью, совпадали с целями руководящей партии, возглавляемой великим Сталиным. Кстати, враг также высоко их «ценил» — при пленении им грозил расстрел вне очереди, без разговоров… Вот такие были преимущества у политработников, коммунистов и комсомольцев на фронте. А их подвиги, описываемые в книге, в основном взяты из воспоминаний о войне солдат, сержантов и младших командиров (строевых!). Так что не стоит путать этих готовых к самопожертвованию ребят с сегодняшними перевертышами — горбачевыми, ельцыными и им подобными, изменившими прежде всего себе, предавшими интересы трудового народа. Даже само слово политработник исчезло, теперь в армии — воспитатели, как будто мы живем вне политики. Абсурд! Вооруженные Силы страны создаются для ее защиты от внешнего врага. А война, как хорошо должно быть известно каждому более или менее грамотному человеку, продолжение политики иными средствами.

Новое издание, исправленное и дополненное, выходит в двух частях под общим названием «Через ураганы пяти войн». Именно так хотел назвать отец свои мемуары…, но мемуаров он не оставил, хотя многие его об этом его просили.

Еще при жизни генерала армии В.Ф.Маргелова называли «Человек-легенда», «Десантник № 1». Люди, которые служили под его командованием, именовали себя «маргеловцами», а аббревиатура Воздушно-десантных войск — **ВДВ**, и по сей день расшифровывается как «**В** ойска **Д** яди **В** аси».

Патриот, человек отважный, дерзкий, прямой, заботливый командир, талантливый военачальник, способный на поступки на основе чести, всегда готовый к самопожертвованию… Именно ему принадлежит честь и слава создания непревзойденных Воздушно-десантных войск. Участник пяти войн, как он сам говорил, Василий Филиппович всей душой войну ненавидел, рассказывал о ней редко и скупо. Зато фильмы про войну любил — усаживаясь перед экраном телевизора, признавался: «Люблю войну в кино смотреть!»

В первой части «Песня славит Сокола» подробно описывается его боевая биография до окончания Великой Отечественной войны. Во второй части «Десантник номер один»— его ратный труд в Воздушно-десантных войсках. Книга написана, прежде всего, на основе его собственных воспоминаний, по воспоминаниям ветеранов Великой Отечественной войны и воинской службы, прошедших боевой путь вместе с ним, а также по воспоминаниям его

друзей и близких ему людей.

«По образу и подобию Суворова»

Боевая летопись России богата славными именами, которыми по праву могут гордиться Русские сердца. Вспомним вдохновенные слова Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, произнесенные им на беспримерном в истории военном параде на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова…».

Остановимся на одном из этих славных имен… Александр Васильевич Суворов! Полководец, равного которому не было и нет не только в отечественной, но и мировой истории. Очень немногих генералов можно сравнить с ним. В XIX веке такой чести были удостоены лишь трое…

Грузинский князь и Великий Россиянин Петр Иванович Багратион был одним из них. Его любил и ценил сам Суворов. Его звали «генералом по образу и подобию Суворова».

Степан Александрович Хрулев, герой Севастополя (1854–1856), любимец защитников черноморской твердыни. В посвященном ему стихотворении русского поэта Аполлона Майкова обжигают пламенные строки:

В том тайна Русских сил, доступная немногим:
На подвиг доблести и в мире, и в войне
Не нужно Русских звать команды словом строгим,
Но встанут все на клик «Голубчики, ко мне!»

Михаил Дмитриевич Скобелев… Легендарный Скобелев, прославивший имя свое блистательными походами в Средней Азии и непревзойденными победами на Балканах в 1877–1878 годах в войне за свободу и независимость братьев-славян. Это его войска, сокрушившие турок, были остановлены дипломатами в одном переходе от османской столицы, это он, Великий Россиянин, поставил на колени некогда гордую Турцию.

Сравнения с великим Суворовым проводились не по числу выигранных сражений, не по числу проведенных операций, не по достигнутым чинам. За критерий бралось иное — беззаветная храбрость, свойственная только великим Русским, презрение к опасности, когда дело шло о судьбе России, непоколебимая стойкость и беспримерная дерзость в бою, умение с горсткой сил достичь успехов, достойных целых армий. А главное — величие души, милосердие, добросердечное и отеческое отношение к солдату, скромность и кристальная честность…

Если взять за основу эти критерии — все сразу, то в двадцатом веке к числу генералов «по образу и подобию Суворова» можно смело отнести Героя Советского Союза, генерала армии Василия Филипповича Маргелова.

Это он, подобно Суворову, умел с горсткой бойцов решать задачи, посильные полкам и дивизиям, это он смело шел на смерть и выходил победителем, как в этом убедится читатель, прочтя книгу. Это он до боли сердечной любил и берег солдата и делил с ним последний кусок хлеба. Это он был кристально честен, когда стяжательство становилось нормой жизни высшего командного состава. Это его боготворили и обожали подчиненные, готовые закрыть его грудью в минуты опасности. Это его именем гордились фронтовики, попадая в части и соединения, ему подчиненные, и десантники, когда Василий Филиппович возглавил этот героический род войск. И поныне считаются ВДВ «войсками дяди Васи», и, говоря так, сыны этих войск вкладывают в слова свои необыкновенную силу любви к «дяде Васе», уважения к нему, гордость за свою принадлежность к героическому…

Это он, один из очень немногих генералов, мог пожертвовать всем самым дорогим, когда речь шла о могуществе Отечества. Это он совершил непревзойденный в наше время и

беспримерный подвиг, равный подвигу Николая Раевского. Раевский в 1812 году под Салтановкой в критический момент вышел вместе со своими сыновьями под картечь перед дрогнувшими батальонами и подвигом этим решил исход боя в свою пользу. Он спас армию Багратиона, сорвал план Наполеона по расчленению и уничтожению русских войск. Он спас Россию.

Когда потребовалось провести необходимые, но крайне опасные испытания новых способов и средств десантирования боевой машины десантной БМД-1 на парашютных системах, которые, в случае успеха, позволяли поднять на неизмеримую высоту боеспособность Воздушно-десантных войск, а, следовательно, оборонную мощь державы, Маргелов послал на них своего сына.

Офицер-десантник Александр Васильевич Маргелов, названный так в честь великого Суворова, по приказу отца и велению своего отважного русского сердца, совершил первым в истории экспериментальный прыжок внутри боевой машины на серийной парашютной системе… Потом было еще два аналогичных эксперимента на других новых и более сложных системах десантирования…

Говорят на первый эксперимент Василий Филиппович взял пистолет, заряженный одним боевым патроном… Для себя…

Все испытания прошли успешно… Особенно памятно последнее десантирование на парашютно-реактивной системе полковнику Александру Маргелову и его товарищу по двум экспериментам генерал-лейтенанту Леониду Щербакову, за которое они были удостоены высокого звания Герой России.

Екатерина Великая любила повторять: «Бог дал русским особое свойство!» Этим особым свойством обладали великие ее сподвижники — лучшие из «стаи славной екатерининских орлов» — Алексей Григорьевич Орлов, под Чесмой лишивший Турцию ее флота, Петр Александрович Румянцев, знаменитый беспримерной Кагульской победой, Потемкин, «гений которого царил над всеми частями русской политики», и, конечно же, непобедимый Суворов. Они были гордостью россиян. И также великими полководцами прошлого. Россия теперь гордится генералом «по образу и подобию Суворова» Василием Филипповичем Маргеловым.

Во второй половине XVIII века прусский посланник Сольмс докладывал Фридриху II: «Все войны Екатерины ведутся Русским умом». В этом он видел причину блистательных побед на всех театрах военных действий, ибо, по словам Екатерины, «оружие Российское там только славы себе не приобретает, где руки своей не подъемлет».

Русским умом Великого Россиянина генерала Маргелова во второй половине века XX-го создавались непревзойденные Воздушно-десантные войска, войска истинно русского духа, войска «по образу и подобию суворовских чудо-богатырей. И чудо-богатыри Маргелова унаследовали дерзость и отвагу чудо-богатырей Суворова.

В славный век Екатерины Великой, ставшей поистине Великой Россиянкой и гордостью России, «ни одна пушка в Европе», по замечанию русского дипломата Александра Андреевича Безбородко, «не смела пальнуть без ведома государыни».

Разве кто-нибудь посмел бы разговаривать с нашей державой на высоких тонах, когда на страже ее достоинства и чести стояли «войска дяди Васи», дерзкие и молниеносные, могущественные и отважные чудо-богатыри Маргелова!

В трудные для России дни мы невольно обращаемся к великому прошлому нашей державы, черпаем силы в славной ее истории, особенно пристально вглядываемся в образы великих наших соотечественников, являющихся гордостью нации.

Русский философ Александр Николаевич Бердяев писал: «В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги, и, чтобы понять волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы… В воле нации говорят не только живые, но и умершие, говоря великое прошлое и загадочное еще будущее…».

Воля России! Что может ныне еще питать ее, как не память о великих предках, как не

книги о тех, кто отдал жизнь за могущество России. В воле нации говорит боевой дух Александра Невского и Дмитрия Донского, Румянцева и Потемкина, Суворова и Багратиона, Хрулева и Скобелева.

В воле Россиян будет жить и боевой дух славного генерала Маргелова, создавшего войска, которые по боеспособности своей превосходили целые армии иных государств в то время, когда он, Великий Россиянин, командовал ими.

И пусть этот дух, эту гордость за великую Россию укрепит книга о замечательном нашем соотечественнике, написанная его сыном Александром, Героем России, книга, достойная памяти Великого Россиянина — Маргелова Василия Филипповича.

Полковник Николай Шахмагонов,
член Союза писателей России.

Часть I
«Песня славит сокола»

Глава 1
Истоки славы

На родной Екатеринославщине. Детство. Рабочая юность. В Белоруской объединенной военной школе. Лыжный переход. Летчики-пилоты… Становление командира.

Неповторим и величественен красавец Днепр, воспетый блистательным мастером пера Николаем Васильевичем Гоголем, и уроженцем Малороссии Тарасом Григорьевичем Шевченко.

А сколько связано с этой рекой!

На берегах ее родилась Русь. Здесь жили наши предки — днепряне, здесь, на притоке Днепра, — реке Рось, обитало росское (русское) племя славян.

В среднем течении Днепра раскинулся на живописных берегах утопающий в зелени садов и парков красавец Днепропетровск, прошлом Екатеринослав, основанный великим Потемкиным. «Лепоустроенный Екатеринослав» — назвал его в письме своем последний гетман Украины Кирилл Разумовский.

Здесь, в этом городе, размещалась ставка гениального русского полководца генерала-фельдмаршала князя Потемкина — здесь был своеобразный штаб освобождения от турок и освоения Северного Причерноморья (Новороссии). Отсюда уходил Суворов в 1787 году на Кинбурн, где одержал блистательную победу. Отсюда повел свою победоносную Екатеринославскую армию на неприступный Очаков сам Потемкин.

Земля, пропитанная духом геройства, духом великого русского мужества, не могла не родить героев.

Не мало в боевой летописи Екатеринослава имен, которыми гордится страна… Видное место в этом списке занимает имя Василия Филипповича Маргелова.

Вспомним — Потемкин, уступая врагу в численности войск, взял Очаков, положив 8700 турок и пленив 4000 против своих 936 человек. Суворов уничтожил в Кинбурнском сражении 5000 турок из 5300, потеряв чуть более 300 человек.

Немногие из полководцев и военачальников могли воевать с таким соотношением потерь… Генерал Маргелов относится к их числу…

И именно здесь, в этом славном городе, на рубеже двух революций и родился в семье рабочего-металлурга 27 декабря 1908 года (по новому стилю — 9 января 1909 года), взглянул на голубое небо, его пленник и властелин его, будущий создатель «крылатой пехоты», смело бросающейся в бой из поднебесья, прославленный военачальник, Герой Советского Союза генерал армии Василий Филиппович Маргелов. Здесь следует сделать

маленькое уточнение… Когда отец получал партбилет, партийный чиновник написал его фамилию через букву «г», которая так и осталось на всю его последующую жизнь.

Семья была большой: трое сыновей — Иван, Василий, Николай и дочь Мария, порой сильно бедствовала, а потому и приходилось его отцу, Филиппу Ивановичу Маркелову, гнуть спину на капиталиста от зари до зари. Только благодаря своей богатырской силе и огромной выносливости мог он работать в горячем литейном цехе лицом к лицу с испепеляющим огнем расплавленного металла по 16 часов в сутки, пока не выгнали его с завода за «политическую неблагонадежность». Давно хозяева хотели избавиться от неудобного им вожака рабочих. А тут и повод подвернулся: заступился он за соседскую бабку Матрену. Дело было так — прицепились к ней трое подвыпивших хулиганов, мол, плати три копейки за право торговать семечками, не их заберем. А откуда же ей, горемычной, такие деньги взять? А те пристали к ней, как банный лист к телу:

— Дай, да дай!

Старушка в слезы, а им все нипочем, только смеются. В это время проходил мимо Филипп Иванович. Ну и врезал он им как следует. Выплевывая зубы, разбежались как зайцы — попробуй ответь тем же здоровенному металлургу. А потом нажаловались городовому, дескать избил их пьяный громила ни за что, ни про что. Вот так и лишился дед Филипп работы — убрали его подальше от коллектива беспокойных рабочих. С трудом удалось устроиться на шахту горным рабочим, но на работу, где условия труда были еще невыносимее и где он быстро завоевал авторитет среди шахтеров.

Но не только расплавленная сталь клокотала в огнедышащих печах заводских мартенов. Жарче огня горели сердца рабочих-металлургов и шахтеров, день и ночь батрачивших на капиталистов и получавших за свой рабский труд жалкие гроши.

Не раз приходилось задумываться Филиппу Ивановичу над извечным для России вопросом — почему русские люди всегда словно чужие в своем Отечестве, почему они словно пасынки в нем и почему столь безобразно и скудно, да и не своевременно оплачивается столь тяжелый труд тех, кто добывает «черное золото», столь необходимое стране. Он не понимал тогда всех тонкостей большевистских замыслов, не понимал истинных замыслов тех, кто растаптывал государство, умышленно превращая жизнь россиян в рабство и тормозя прогресс.

Не раз во главе рабочих демонстраций, расправив могучие плечи, широким шагом выходил горновой Филипп Маркелов, хотя и не был он никогда ни большевиком, ни коммунистом. Верил он в светлое будущее своего народа и, как умел, боролся за него.

В 1914 году призвали деда Филиппа на военную службу, и ушел он на германскую войну защищать Отечество. Два «Георгия» свидетельствуют о его мужестве и отваге. В одном из боев в наступлении герой-богатырь лично заколол штыком десяток немцев. Но третьего «Георгия» ему не дали за то, что однажды он выступил против несправедливости, за права солдат. В 1917 году он был избран членом полкового комитета. Потом были бурные годы Гражданской войны. Филипп Иванович взял в руки винтовку и пошел на фронт защищать молодую советскую республику, твердо веря, что борется за лучшую жизнь именно трудового народа. Служил он сначала в Красной Гвардии, а потом — в Красной Армии.

Когда отгремели залпы Гражданской войны, Филипп Иванович Маркелов вернулся в 1920 году домой, где сначала работал на своей земле, уходя зимами на побочные заработки, в 1931 году вступил в колхоз «Парижская Коммуна», а позже перебрался на лесопильный завод, с 1936 года работал в Леспромхозе.

Семья окончательно вернулась в город Костюковичи, что в Могилевском уезде в Белоруссии, где Маркеловы жили и работали в летнее время. Здесь же была и многочисленная родня. Родственники хоть и сами жили бедно, но всегда помогали друг другу. В 1921 году второй сын Филиппа Ивановича Василий закончил школу. Сын рос в отца и был не по годам высоким, сильным парнем. В те времена в таком возрасте многие

подростки начинали свою трудовую жизнь. Не минула эта чаша и сына екатеринославского пролетария.

Еще в раннем возрасте Василий с братьями помогал матери Агафье Степановне дома по хозяйству и мелкими заработками: то почту возил, то грузчиком подрабатывал, то плотником. Словом, все работы прошел, когда еще был маленьким, — так с гордостью и восторгом вспоминала после войны бабушка Агафья, мать боевого гвардии генерал-майора…

А в тринадцать лет он уже работал учеником в кожевенной мастерской. Дело спорилось в крепких руках подростка. Не прошло и трех месяцев, как мастер стал давать Василию самостоятельные задания, и тот выполнял их старательно и добротно. Вскоре он стал помощником мастера, но не по душе была ему работа в частной мастерской, и в 1923 году он поступает чернорабочим в местный «Хлебопродукт». Здесь, в рабочем коллективе, проявился его талант вожака, его уважали за честность и трудолюбие.

Стал он человеком известным, даже старшие обращались к нему по имени-отчеству. Секретарь комсомольской ячейки предложил Василию вступить в комсомол. Старательно изучив Устав и изрядно волнуясь, пришел он в назначенное время на комсомольское собрание. Все шло нормально пока заместитель секретаря комсомольской организации Изя, которого Василий терпеть не мог за его зазнайство и верхоглядство, не спросил: «Как вы, товарищ Маркелов, относитесь к «еврейскому вопросу?» Ну, Василий и объяснил, что он думает о тех руководителях и идейных вдохновителях, которые сами не знают, что такое труд, а других пытаются поучать. Имел он в виду именно этого Изю, не вдаваясь глубоко в каверзный смысл вопроса. Вернулся он домой расстроенным — отказали ему по предложению Изи в доверии.

— Что, моего Васеньку в комсомол не приняли? — возмутилась глубоко набожная Агафья Степановна. А говорили, что туда только лучших принимают.

Двоюродный брат Иван, секретарь партийной организации института, спросил:

— В чем дело, Вася?

— Не знаю, — честно признался Василий — на все вопросы ответил, работу мою хвалили, а как Изьку лентяем и крикуном назвал, — предложили в следующий раз прийти, получше подготовившись, и еще назвали каким-то «антисемитом».

— Не переживай, брат, я переговорю, с кем следует.

Через несколько дней тот же Изя, заискивающе улыбаясь, приглашал его:

— Вас’ка, почему ты в комсомол не приходишь?. Приходи. Не обижайся.

Скоро его приняли в комсомол, но неприятный осадок остался надолго. Шел 1924-й год…

И никто тогда не мог предположить, что десять лет спустя будет репрессирован партийный начетчик Изя, но в ответ темные силы репрессировали и подающего большие надежды ученого-математика Ивана Филипповича Маркелова. Родным было сказано, что погиб он на шахте.

Страна нуждалась в топливе. Уголь в далекие двадцатые годы был острейшим дефицитом. По комсомольской путевке шестнадцатилетнего Василия Маргелова отправили в Екатеринослав на шахту имени М.И. Калинина чернорабочим, затем он становится коногоном. Начиналась его самостоятельная трудовая жизнь.

Первый спуск в шахту оставил в его памяти неизгладимое впечатление. В те времена основным орудием труда забойщика были кайло и лопата. Только физически сильным и выносливым была по плечу эта неимоверно тяжелая работа.

Однажды, когда бригада, в которую входил Василий, пробивала новый штрек, произошел завал. Забойщики оказались отрезанными от внешнего мира толстым слоем земли. Кое-кто упал духом, кое-кто уже молился Богу. Но Василий Маргелов и еще несколько его товарищей упорно раскапывали завал. Более трех суток они без пищи и воды

боролись со стихией, и она отступила. На четвертые сутки после удара кайлом в «стену» завала шахтеры увидели свет и, помогая друг другу, выбрались на волю.

Однако те дни и ночи, проведенные в темном забое без свежего воздуха, воды и пищи, не прошли даром. Василий по состоянию здоровья уже не мог работать на шахте, и его направили лесником в Леспромхоз, в родную Белоруссию.

Лесные угодья, которые каждый день приходилось осматривать молодому леснику, раскинулись на многие сотни километров. Летом — на лошади, а зимой — только на лыжах, без них ни проехать, ни пройти. Ну, как тут не стать заправским лыжником! А ведь иной раз 18-ти летнему парню приходилось на лыжах преследовать браконьеров, и никто не мог уйти от рослого широкоплечего лесника. Во время поиска браконьеров научился молодой лесник читать «лесную книгу». Умел он находить едва заметные следы в лесу, маскироваться, терпеливо выжидать в засаде, не зная, конечно, как пригодятся эти качества ему в будущем, когда он будет водить по вражеским тылам своих бойцов. Сибирские следопыты признавали его за своего, а казаки, видя, как он мастерски управляет в бою конем, считали его казачьего рода. Прошло некоторое время, и на его участок уже никто не посягал. Знали — все равно нагонит, заберет ружье — и наказания не избежать.

В начале 1927 года Василий Филиппович стал председателем рабочего комитета Леспромхоза — СХЛР, где проработал до сентября 1928 года. Вскоре его избрали членом местного Совета и председателем налоговой комиссии, назначили уполномоченным по комсомольской линии по работе среди батраков и по военной работе. Тут же в Костюковичах он стал кандидатом в члены партии.

В 1928 году Василий Филиппович Маргелов был призван в Рабоче-крестьянскую Красную Армию и по путевке комсомола направлен учиться на красного командира. Хотел он стать танкистом — великоват был для тех танков, и, учитывая его физические данные, направили Василия в Объединенную Белорусскую военную школу имени ЦИК БССР в городе Минске.

Благодаря своей природной тяге к военным знаниям и незаурядной физической подготовке курсант Маргелов с первых месяцев учебы вошел в число отличников по огневой, тактической и, конечно же, физической подготовке. Никто не мог сравниться с ним по меткости стрельбы из револьвера «Наган», винтовки «трехлинейки», пулемета «Максим». За эти успехи он был зачислен в группу снайперов и получил личный пистолет ТК (Тульский, системы С.А. Коровина, калибра 6,35 мм). Этот маленький пистолет в начале 30-х годов очень любили командиры Красной Армии, и отец, доставая свой ТК, неоднократно отмечал восхищенные, а иногда завистливые взгляды товарищей.

Курсант Василий Маргелов пользовался заслуженным авторитетом у товарищей по школе, отличался он рвением к учебе, проявляя при этом большие способности к науке побеждать, и поэтому со второго курса был назначен старшиной пулеметной роты. Вот тут впервые по-настоящему проявились способности Василия Маргелова в военном деле. Он не только показывал товарищам по службе пример добросовестного отношения к освоению нелегкой науки побеждать, но и по-командирски требовал от них достижения высоких результатов в боевой подготовке. Большое внимание старшина роты уделял физической закалке курсантов и в особенности — лыжным кроссам. Неудивительно, что его рота через некоторое время вышла в число передовых как по боевой подготовке, так и по физической. А по лыжному кроссу пулеметной роте во всей школе равных не было.

За время учебы в военной школе Василий Маргелов завоевал большой авторитет также и у командования. Потому и был он вскоре переведен, как тогда говорили, действительным членом ВКП(б). Партийный билет ему был вручен в 1929 году. Отец искренне верил в идеалы компартии, и он уж точно являлся тем коммунистом, которые не на словах, а на деле подтверждали лозунг: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!». Был он членом бюро комсомольской ячейки ОБВШ, вел комсомольское просвещение, а с 1930 года был избран членом бюро ячейки ВКП (б).

В начале 1931 года в преддверии 17-го съезда ВКП(б) военные училища готовились организовать лыжный переход из мест своей дислокации в Москву. Минская военная школа по высоким показателям боевой подготовки также имела право приветствовать партийный съезд. Встреча лыжных команд была назначена накануне годовщины Красной Армии.

Начало тридцатых годов было временем героических рекордов Валерия Чкалова, Алексея Стаханова и Паши Ангелиной. Старшина Маргелов выступил с инициативой лыжного скоростного пробега Минск-Москва. Командование с большим вниманием отнеслось к патриотической инициативе будущего командира — ему было поручено отобрать в команду лучших лыжников. Все курсанты хотели оказаться в числе избранных, но отбор был жестким. Например, своего друга, будущего Маршала Советского Союза Ивана Игнатьевича Якубовского, он не взял по причине его громадного роста, побоялся, что не выдержит тот длительного перехода на лыжах. Обиделся Иван, но в душе согласился. Правда через много лет, уже будучи большим военачальником, как-то сказал отцу:

— А помнишь, Василий Филиппович, как не взял ты меня в лыжную команду?

Ну что тут ответить заместителю министра обороны?

— Зато вы маршалом стали, — нашелся отец.

Один из участников перехода, большой друг отца, Иван Иванович Лисов, впоследствии — генерал-лейтенант, заместитель командующего Воздушно-десантными войсками, мастер парашютного спорта СССР, так описывает в своей книге «Секунды, равные жизни» тот памятный лыжный переход.

«…Тогда у нас не было спортивных лыж, хорошего крепления, одежды и обуви, хоть приблизительно похожих на нынешнее снаряжение спортсменов. Шли мы на армейских лыжах-досках, с плохим креплением, в сапогах и «буденовках» на голове.

Февраль был снежный и морозный. Шли мы вдоль железной дороги, по обочине. Был случай, когда курсанта Володю Котова, крепенького паренька небольшого росточка, порывом сильного ветра сорвало с насыпи под откос в глубокий снег и тут же занесло. Он шел в группе последним, и в пургу никто не заметил этой потери.

Уже прошли порядочно от места исчезновения курсанта, и Маргелов, пропуская мимо себя цепочку ребят, обнаружил «недостачу» в строю и, доложив курсовому командиру, старшему нашего перехода, тут же повернул всех нас назад на поиск «самовольщика», оставившего без разрешения строй. Долго мы искали его в этой метельной круговерти, рассыпавшись по всей насыпи, и только случайно перед наступлением темноты по торчащей из сугроба лыже нашли его. Видимо от усталости Володя нечаянно уснул, укрыв лицо подшлемником.

После этого случая Маргелов не шел по старшинству впереди за курсовым командиром, а по своей инициативе стал замыкающим. Больше до самой Москвы у нас не было отстающих. В столицу пришли без обмороженных или исхудавших, крепкими, загорелыми. Только лыжи наши превратились действительно в гладкие доски, даже продольные борозды стерлись до основания, но задачу мы свою выполнили, в Москву прибыли вовремя.

Мы не раз вспоминали с Василием Филипповичем этот далекий поход тридцатых годов и нашу курсантскую жизнь, отправляясь на лыжную прогулку, уже будучи в больших чинах и званиях.».

Каждый день перехода начинался рано утром и заканчивался поздно вечером. Будущие командиры проходили в день по 60–70 километров, а в самый последний день отмахали 104 километра!

Команда Белорусской Объединенной военной школы (школа к этому времени стала Минским военным училищем имени М.И. Калинина) заняла первое место. Народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов тепло приветствовал участников перехода и пожелал им успехов в боевой подготовке. Василию Маргелову как руководителю лыжной команды он лично вручил золотые именные часы-«луковицу», а остальные спортсмены получили из рук

наркома дипломы и памятные подарки.

Как вспоминал другой однокашник и друг отца, учившийся на курс его ниже, — Василенко Гавриил Тарасович (впоследствии Герой Советского Союза (1940 г.), генерал-лейтенант), несмотря на напряженный учебный график, курсанты находили время книги почитать, и на танцы сходить к белорусским девушкам. Он же рассказал, как переименовали школу. Перед приездом в Минск М.И. Калинина в военную школу прибыл командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич. Он собрал офицеров и курсантов и предложил просить Калинина дать согласие назвать школу его именем. Все, как тогда было принято, поддержали предложение. Михаил Иванович, правда, проявил неудовольствие этой инициативой «с мест», но, в конце концов, все-таки дал согласие.

Окончив Минское военное училище «по первому разряду», по-современному — с отличием, Василий Маргелов был назначен командиром пулеметного взвода полковой школы 99-го стрелкового полка 33-й стрелковой дивизии. С первых дней командования взводом молодой краском зарекомендовал себя в глазах командования полка и дивизии как грамотный, волевой и требовательный начальник. Вместе с личным составом взвода он буквально сутками пропадал на полигонах и стрельбищах, досконально отрабатывая с подчиненными все боевые задачи и упражнения. При этом большое внимание Василий Маргелов уделял физической подготовке и, в особенности — лыжам. И вполне закономерно, что его взвод за рекордно короткое время вышел в передовые. Прошло некоторое время, и Маргелов стал командиром взвода полковой школы, в которой готовились младшие командиры РККА. И с этой задачей Василий Филиппович справился успешно.

В декабре 1932 года молодой Маргелов поступает в Летную школу пилотов в городе Оренбурге. Начинающий военлет уже осваивал на легендарном У-2 профессии военного летчика, да случилась неприятность. Сидел он как-то в учебном классе и чистил пистолет. При этом вполголоса напевал распространенную в среде военных курсантов песенку о Буденном и Ворошилове на мотив ходившей в народе песни о Конной Армии:

Сидел бы ты, Буденный, на коне верхом,
Держался б с Ворошиловым за хвост вдвоем.
Сидеть вам на кобыле,
Не летать на «Либерти»,
Зануды вы, зануды, вашу мать ити.

Песенку эту напевали все кругом, особенно не задумываясь над смыслом. И надо же было такому случиться — в класс незаметно вошел комиссар… Шуму было много, «разобрали» курсанта по партийной линии, влепили соответствующий выговор, но, учитывая методические способности молодого командира, умение воспитывать красноармейцев, в январе 1933 года его назначили на должность командира взвода в Минское военное училище, которое он сравнительно недавно закончил. Там же в феврале 1934 года он назначается помощником командира роты, а в мае 1936 — командиром пулеметной роты.

Здесь, в стенах родного учебного заведения, Василий Филиппович Маргелов сложился как военный педагог.

К этому времени был он уже женатым человеком, 25 сентября 1931 года у него появился первенец — сын Геннадий. И неизвестно, кто этому больше радовался — он сам или Агафья Степановна с Филиппом Ивановичем, которые окружили внука своей любовью и заботой. Да не долго продолжалось семейное счастье отца. Все бывает в жизни… В общем, остался отец один с маленьким сынишкой.

Генашку забрали к себе бабушка с дедушкой в Костюковичи, где он рос у них, изредка встречаясь с отцом, что всегда было большой радостью для обоих, несмотря на то, что заметно посуровел молодой командир. А Геннадий, познавший с 1944 года на фронте, куда он сбежал от бабушки, материнскую заботу Анны Александровны, говорил: «У меня есть

одна мать — Анна Александровна». После похорон отца он просил нас, своих младших братьев-близнецов, еще больше заботиться о матушке, постоянно высказывать ей свою любовь и внимание.

В 1957 году Командующий ВДВ генерал-лейтенант Маргелов В.Ф. был в Белоруссии на войсковых учениях, в которых принимали участие и воины-десантники.

Выбрав момент, заехал отец в деревню, где жил отец мужа его бывшей жены. Старик его не узнал, но пригласил за стол. Василий Филиппович достал выпивку, закуску, и старый больной человек поделился с ним своим горем: пропал без вести его сын в самом начале войны и по этой причине ему не платят пенсию за погибшего кормильца, и живет он кое-как с дочерью и внучкой. А тут и внучка вошла. На секунду всколыхнуло сердце старое чувство, так была похожа она на свою мать в молодости. За ней появилась и мать. Увидела отца в генеральских погонах и заголосила, привалившись к изгороди.

— Что ж ты о сыне не спросишь? — спросил отец.

— Так я знаю, что он с тобой, — всхлипывая, тихо произнесла измученная жизнью женщина.

На том и расстались. Однако нашел генерал свидетелей гибели на фронте ее мужа и добился, чтобы старику выплачивали за сына пенсию.

Больше они никогда не встречались…

С 25 октября 1938 года капитан Маргелов командует 2-м батальоном 23 стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии.

Из аттестации на присвоение очередного воинского звания «майор»:

> «Над повышением своего политического уровня работает. С беспартийной массой связан. За короткий период завоевал авторитете среди бойцов и командиров. В своей практической работе искривлений партийной линии не имел.»
>
> «Тактически развит хорошо. Технические средства борьбы знает. Стрелковое дело знает хорошо и сам хороший стрелок. Хороший методист. Требовательный к себе и подчиненным. Обладает твердой волей. В проведении в жизнь принятого решения настойчив.»
>
> «Физически развит, в походах вынослив. Батальоном командует несколько дней, но быстро сколотил и мобилизовал красноармейскую массу на выполнение поставленных задач путем развития социалистического соревнования и ударничества.»
>
> «Вывод: Должности командира батальона вполне соответствует.
> Растущий, энергичный, старательный командир.
> Подлежит присвоению военного звания в очередном
> порядке «МАЙОР».

Однако очередное воинское звание он получил позднее — только в 1940 году, в конце советско-финляндской войны.

Глава 2
Славное прошлое десантного комдива

Освободительный поход в Западную Белоруссию. Добыть противогазы! Бескровное освобождение белорусского города. В снегах Заполярья. «Неблагодарные» шведы. «Око за око!»

Каждый военный, и особенно каждый фронтовик, знает, как приятно возвращаться домой в родную часть после успешно выполненного боевого задания. В этот день капитан Василий Маргелов вез из штаба немцев, союзников, как он сам понимал тогда, временных и, конечно же, лживых, то, что удалось «достать» по приказу командования ценой смертельного риска. Чувство исполненного долга поднимало настроение.

Зеленая легковушка мчалась по проселочной дороге и легкий ветерок врывался в открытые окна. Дорога вырвалась из леса, пошла под уклон, и под колесами застучал настил моста… И тут яркая вспышка ослепила Маргелова. Машина вместе с разлетевшимся в куски мостиком провалилась в речку, которая, к счастью, оказалась не очень глубокой. Вода окрасилась кровью и, казалось, что все, кто был в машине, погибли. А в машине было четверо — красноармеец-водитель и три пассажира, командиры Красной Армии.

Но одного из них словно хранила судьба, хранила для будущих славных дел…

Командир в форме капитана Красной Армии медленно открыл глаза и сквозь кровавую пелену увидел погибших товарищей и искореженный автомобиль. Промыв речной водой глаза, он осторожно стал ощупывать себя. «Вроде цел…», — подумал он, и тут острая боль, внезапно возникшая в переносице, прошла как бы через мозг и снова вспыхнула огнем в верхней части лица. Кровоточила также и болела изуродованная левая щека. Хотел было перевязать себе голову, как вдруг услышал топот приближающихся всадников и звуки выстрелов, поднимающих фонтанчики на поверхности воды.

Пока капитан Маргелов выбирался из машины и окончательно приходил в себя, память услужливо в течение мгновений прокрутила события последних дней.

В 1938 году Василию Филипповичу Маргелову присваивается воинское звание «капитан», и он назначается командиром батальона 23-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии Белорусского Особого военного округа.

Но вот началась военная кампания по освобождению западных областей братских Белоруссии и Украины, потерянных нами в период Гражданской войны по условиям Брестского мира, заключенного по прямому указанию Ленина.

В это тревожное время капитан Маргелов возглавил разведку 8-й стрелковой дивизии, будучи на должности начальника 2-го отделения штаба дивизии.

Немецкие войска полностью разгромили «панскую» Польшу и стремительно приближались к западным границам СССР. В этих сложных военно-политических условиях между правительствами СССР и Германии был заключен мирный договор, который вошел в историю как печально известный пакт Молотова-Риббентропа. Согласно его секретным протоколам, «панская» Польша делилась примерно поровну новыми союзниками и устанавливалась разграничительная демаркационная линия между советскими и германскими войсками. Вот в этой-то стратегической операции на западных рубежах нашей Родины и довелось получить первое боевое крещение начальнику 2 отдела (разведки) 8-ой стрелковой дивизии капитану Василию Филипповичу Маргелову.

В те дни капитан Маргелов получил важное, особо секретное задание. В раэведуправление Белорусского фронта пришел приказ из Москвы «добыть» у «союзников» секретный противогаз, В вышестоящем штабе рассудили: нужен командир боевой, смекалистый, дерзкий, способный сделать почти невозможное, задачу решить по-суворовски «быстро и с натиском». Выбор пал на капитана Маргелова. «Пусть попробует, а вдруг с ходу у него получится. А тем временем тщательно подготовим еще несколько групп разведчиков, для подстраховки».

— Капитан, или грудь в крестах, или голова в кустах, приступить к выполнению немедленно, — заключил командир дивизии после того, как изложил суть боевой задачи. И, отчетливо понимая смертельную опасность и большую ответственность, неожиданно выпавшую на долю уважаемого им молодого командира, добавил:

— Хочу, чтобы вернулся живым.

Комдив обещал всяческое содействие и приказал через час доложить замысел

действий. Добавил также, что в случае успеха представит к ордену Красного Знамени.

Боевые ордена тогда очень ценились, и не только в среде профессиональных военных, но и в народе. Орденоносцы были гордостью страны. Отец вспоминал, как в числе других преподавателей ездил за 100 километров от училища, чтобы посмотреть на участника боев в Испании, награжденного орденом Красной Звезды. Но не в ордене было дело. Капитан Маргелов хорошо знал историю… Знал, какой урон нанесли германцы противнику, внезапно применив ОВ (отравляющие вещества) в Первую мировую войну. Противогаз был просто необходим. В войне с врагом коварным, без чести и совести, он мог потребоваться в любую минуту. Маргелов не верил в искренность союзников. Знал, держат они камень за пазухой. Прекрасно он понимал, на что шел, зная, что немцы — наши «союзники», вести себя с ними нужно соответствующим образом.

И еще очень хотелось проверить себя в настоящем деле. Поскольку времени на подготовку к выполнению задания не было и, зная о том, что к немцам собираются выезжать начальник штаба и начальник особого отдела дивизии, отец, тщательно все продумав, доложил командиру дивизии свое решение.

— Задача деликатная, для ее выполнения требуется один человек, но с хорошим «прикрытием», — задумчиво сказал он. У меня, конечно же, есть дерзкие, хорошо подготовленные разведчики, но, тем не менее, прошу разрешить выполнение задания мне лично. Выезжаю вместе с начальником штаба и начальником особого отдела дивизии. А там в расположении немецких войск действую по обстановке. Одновременно в своем батальоне ставлю задачу подчиненным по отработке операции.

Командир дивизии задумался, глядя в глаза капитану: «Велика ответственность», — но, не заметив ни тени сомнения, пожал руку и сказал:

— Машина будет через полчаса. Там никто помочь вам не сможет. О вашем задании начальники будут знать. Вся ответственность — на вас. Удачи, капитан. Я буду ждать вашего возвращения, но, если попадетесь немцам, рассчитывайте только на себя.

Ровно через полчаса Маргелов и его спутники были в пути. По дороге разговор был общий — о предстоящих переговорах с «союзниками», но временами отец замечал короткие напряженные сочувственные взгляды собеседников. Командир известил из о боевой задаче. Наконец приехали на место. Переговоры продолжались не первый день, дело шло по намеченному плану. Появилась выпивка, закуска. Провозглашались тосты, о которых отец вспоминал потом, через пару лет, с горькой усмешкой. Пока «союзники» изощрялись в красноречии разведчик незаметно наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Заметил как мимо открытой из-за жары во двор двери прошли два немецких солдата с нужными ему противогазами. Притворясь слегка пьяным и изобразив смущенную улыбку, отец попросил разрешения у начальника штаба выйти «до ветра». Присутствующие заулыбались, отпуская шутки в адрес «слабака», и позволили ему идти. Изображая нетвердую походку, капитан, зорко оглядываясь по сторонам, направился в сторону походного сортира, где заметил «своих» немцев. Один из них скрылся за дверьми, другой ожидал своей очереди. Отец, покачиваясь и улыбаясь, подошел к немцу и, как бы не удержав равновесия, упал в его сторону… ножом вперед. Срезав противогаз, он прикрываясь убитым, ввалился к его приятелю. Там быстро покончил и с ним… Трупы сбросил в отхожее место и, убедившись, что они затонули, вышел наружу.

Забрав оба противогаза, он незаметно добрался до своей машины и надежно спрятал их. Затем вернулся к «столу переговоров» и выпил свой стакан водки. Немцы одобрительно загудели и стали предлагать шнапс. Однако наши командиры, поняв, что разведчик свое дело выполнил, стали прощаться. Вскоре они уже катили обратно.

— Ну что, капитан, добыл?

— Целых два, — похвалился отец.

— Но ты ж не забудь, что мы тебе помогали…как могли, — сказал «особист». Начальник штаба промолчал. Нарушая воцарившееся внезапно молчание, отец, закурив папиросу, сказал, обращаясь к водителю:

— Гони, боец, быстрее.

За окнами машины быстро проносились деревья, впереди — речушка. Машина въезжает на мост и… вдруг взрыв.

Из оцепения вывел грохот выстрелов. Маргелов приподнялся.

— Ясно — подорвались на мине, — подумал отец. И тут увидел, как из леса по направлении к машине скачут всадники, стреляя на ходу в его сторону. Отец, превозмогая боль, пристыковал пистолет Маузер к деревянной кобуре и стал отстреливаться. Вот он сбил первого всадника, затем — следующего… Кровь заливала глаза, мешая вести прицельную стрельбу. И тут немцы, услышав стрельбу, пришли на помощь. Отбив атаку, они взяли русского капитана с собой, отвезли его в госпиталь, где немецкий хирург прооперировал ему переносицу. Шрам же на левой щеке остался памятью о тех днях на всю жизнь…

Когда немцы доставили его, окровавленного, в бинтах, в расположение нашей дивизии, он сразу попал в руки НКВД. Вопросы были в духе «особистов»:

— Почему один остался живой? Почему привезли немцы? Почему они оперировали тебя, капитан?

Он все рассказал подробно. Как водится, не поверили. Трое суток провел в подвале, пока сотрудники НКВД не съездили по приказу комдива на место и не извлекли из «сортира» трупы убитых разведчиком немецких солдат с обрезанным креплением противогазов и убедились, что пули в телах убитых нападавших всадников были выпущены из его Маузера.

Освобождая Маргелова, старший «опер» в звании старшего лейтенанта сказал:

— Покуда иди, капитан. Считай, что тебе повезло.

Никакой благодарности не получил, но был рад и этому. Зато уж со своими друзьями — старшими лейтенантами как следует отметили «свободу» в местном ресторане.

Запомнились мне воспоминания отца об освобождении им одного белорусского городка (к сожалению, в свое время мы не догадались записать его название, а сейчас это сделать достаточно сложно). Вот как отец рассказывал о бескровном освобождении этого городка.

Спустя некоторое время после того, как особисты «простили» меня за то, что я остался жив после истории с немецкими противогазами, я был вызван к командиру дивизии.

— Василий Филиппович, — молвил комдив, — послезавтра наш полк должен освободить от польских оккупантов находящийся на нашем направлении белорусский городок. Необходимо как можно скорее разведать имеющиеся в нем силы противника и немедленно доложить нашему командованию. «Мы решили доверить тебе», — сказал он, посмотрев на присутствующего здесь же начальника штаба дивизии, — выполнение этой ответственной задачи, так как считаем вполне профессиональным разведчиком. Тем более, что белорусский язык тебе родной, да и дерзости тебе не занимать. В твое распоряжение выделяется броневик и два бойца-автоматчика с лихим водителем-белорусом. Оба — хлопцы бывалые, не подведут. Задача, конечно, не из легких — вернуться вы должны без потерь. Прошу тебя только — не лезь на рожон и действуй аккуратно.

При этих словах командир дивизии внимательно посмотрел на мою перевязанную щеку и добавил: — Польские буржуи боятся немцев, но с еще более лютой ненавистью относятся к большевикам. Так что, в случае чего, пощады не ждите. Все понятно?

— Так точно! — ответил я и спросил: — Разрешите приступить к выполнению задачи?

— Разрешаю, — ответил комдив, добавив: — на знакомство с группой и подготовку к выполнению боевой задачи даю один час, и — вперед.

— Есть, — козырнув ответил я.

Лихо развернувшись, четким шагом направился к двери, а выйдя из кабинета командира дивизии, стремглав полетел знакомиться со своей командой. Водитель броневика и автоматчики были не новичками в Красной Армии и долго объяснять им поставленную командованием задачу не пришлось. На мой вопрос, есть ли у них какие-либо предложения

или просьбы, они попросили разрешения взять побольше боеприпасов, мол, мало ли что может случиться…

Убедившись в надежности своих бойцов, я проверил, как они подготовились к выполнению боевой задачи, после чего доложил командованию о том, что через пять минут отправляемся на выполнение задания.

Получив «добро», мы двинулись в путь. Дорога была длинной и очень пыльной. Спустя некоторое время справа от дороги увидали скелет сгоревшей легковушки, а через несколько километров, по левую сторону — взорванную танкетку. Пролетев на бешеной скорости мостик через речушку, въехали на окраину нужного нам городка. Заглушив двигатель, осмотрелись по сторонам. На улицах — ни единой души. Казалось, городок знал, что скоро штурм. Жители попрятались, как перед бурей, магазины были закрыты.

Вдруг, откуда не возьмись, к броневику подбежал мальчонка лет двенадцати.

— Вы — советские? — спросил он, беспокойно оглядываясь на безлюдную улицу.

— Да. А ты кто такой? — спросил я.

— Советские — значит наши. А я местный, жидек, — ответил паренек, — зовут Янко.

— Ладно, Янко, раз ты местный, то садись рядом с водителем и показывай дорогу к ратуше, — предложил я ему.

— Мальчонка с большой готовностью проворно вскарабкался на переднее сиденье, и спустя некоторое время броневик подкатил к ратуше. Поблагодарив хлопчика и пожав ему на прощание руку, я приказал водителю оставаться в броневике, а через десять минут дать очередь из пулемета поверх ратуши. Сам взял автоматчиков, и мы быстро пошли к входу.

Возле входной двери околачивались два полусонных полицейских, которые, завидя броневик с красной звездой на башне, стали протирать глаза, не веря себе. Сообразив, что это не сон, они в панике побросали оружие и испарились в мгновение ока.

Путь в ратушу был свободен, и мы смело шагнули вглубь здания. На первом этаже никого. То же самое и на втором. На третьем путь нам преградили два польских жандарма, которые тут же подняли руки при виде направленного на них автомата. Охранники сообщили, что сейчас в ратуше идет совет, на котором местные власти обсуждают вопрос, как оборонять городок от наступающих частей Красной Армии.

Связав на всякий случай перепуганных жандармов и договорившись с автоматчиком о дальнейших действиях, я широко распахнул двери в зал заседаний и громким голосом скомандовал: «Руки вверх!» Автоматчики встал рядом, направив на заседавших автомат. Решительная поза не оставляла сомнений в готовности немедленно открыть огонь на поражение в случае неподчинения приказу. Городской голова, главный жандарм и командир полка польских жолнежей, дислоцировавшегося в предместьях городка, как и все остальные, сидевшие за столом, незамедлительно выполнили команду.

— Шановне панове! Вы арестованы и сопротивление бесполезно, — решительным голосом произнес я. Советские войска уже заняли позиции вокруг городка. Вам, полковник, советую прямо сейчас связаться со своим полком и дать команду готовиться к сдаче наступающим советским частям, а потом вы все отправитесь со мной в расположение наших войск — во избежание ненужных инцидентов.

Следует отметить, что мои слова были подкреплены несколькими очередями с улицы — водитель броневика в точности исполнил мой приказ. Решительность наших действий и пулеметные очереди оказали на панов деморализующее воздействие. Полковник четко выполнил мой «совет», и вскоре операция была завершена: трое главных поляков со связанными руками были погружены в броневик и доставлены в расположение нашего командования.

Вся группа получила благодарность от командира дивизии за образцовое выполнение боевой задачи и была представлена к правительственным наградам.

На радостях мои друзья-сослуживцы собрались вечером в ресторане городка, уже занятого к тому времени без единого выстрела нашими войсками. Отметив мою удачу, которую боевые друзья единодушно назвали подвигом, обильными возлияниями, мы

захотели потанцевать с местными паненками, оставшимися в городке. Девушки с удовольствием танцевали с молодыми статными офицерами и с не меньшим удовольствием присаживались за наш стол выпить и закусить в веселой компании.

Веселье наше расстроили, судя по всему, зажиточные местные граждане еврейской национальности, также находившиеся в ресторане и праздновавшие что-то.

— Вася, — сказал один из моих товарищей, — над тобой жиды смеются.

Действительно, за одним из столов еврейская компания показывала на мою перевязанную щеку и легкомысленно между собой пересмеивалась.

Офицеры схватились за пистолеты, а я — за свой «маузер», который направил вверх. Выстрел прозвучал неожиданно — люстра, висевшая под потолком, разлетелась вдребезги. Насмешников как ветром сдуло. Зато почти мгновенно появились наши ребята из военной комендатуры и препроводили всех на гауптвахту, где оставили нас отдохнуть до утра на свежем сене.

Утром при разборе происшествия я взял вину на себя. Боевую награду мне не дали, но зато для моих друзей все закончилось без последствий, — с этими словами закончил рассказ отец.

Кстати, после успешного завершения своего похода по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии осенняя кампания 1939 года была объявлена «военными маневрами», и никто из ее участников не получил никакой правительственной награды.

Отец неоднократно рассказывал нам, своим сыновьям, о нерасторжимой связи братских уз, навеки связавших три самых близких славянских народа. Он никогда не задумывался, какой он национальности, — родился на Украине, вырос и стал красным командиром в Белоруссии, отец его был белорусом, мать — русской. Украинская Энциклопедия называла его «наш земляк», Белорусская — «белорус», БСЭ — «русский». Сам отец владел всеми тремя языками, благодаря чему речь его была весьма колоритной, ибо он часто в разговоре употреблял отдельные слова или фразы (и всегда к месту) из этих языков. Умение говорить по-белорусски и по-украински особенно пригодилось ему во время освободительного похода, когда Красная Армия освобождала братские славянские земли от фашистских полчищ.

На всю свою жизнь он запомнил, с какой огромной радостью и благодарностью встречали воинов Красной Армии жители городов и сел Западной Белоруссии и Западной Украины. Никакого сопротивления Красной Армии, о котором трубила западная пропаганда, не было и в помине. Повсюду красноармейцев встречал радушный прием, радостные улыбки, искренние рукопожатия, и это было для красного командира главной наградой.

Потом не раз приходилось разведчикам Маргелова выслеживать и обезвреживать группы немецких диверсантов, многочисленные и хорошо вооруженные. Они укрывались в лесах, терроризируя местное население, устраивая провокации и готовясь к нападению на подразделения Красной Армии. Сутками выслеживали разведчики врага. Выполнение задания осложнялось тем, что действовать приходилось в отрыве от наших войск, на незнакомой лесисто-болотистой местности. Несмотря на все эти трудности, бандиты были разгромлены. В ходе боев были захвачены образцы нового оружия и секретные документы, изобличающие германские спецслужбы в подготовке и проведении диверсий и провокаций против Красной Армии.

Закончился освободительный поход в Западную Белоруссию и Западную Украину. И военная судьба позвала комбата (с октября 1939 года) Василия Маргелова в новый поход. Впереди были новые боевые дела, новые подвиги во славу Отечества.

В годы советско-финляндской войны в 1939–1940 гг. — командир Отдельного разведывательного лыжного батальона 596 стрелкового полка 122-й дивизии. Его батальон совершал дерзкие рейды по тылам противника, устраивал засады, нанося противнику

большой урон. Во время одного из них капитан (с 21 марта 1940 г. — майор) Маргелов взял в плен офицеров шведского Генерального штаба.

«Проникнуть в тыл противника было крайне сложно — белофинны были превосходными солдатами», — вспоминал позже уже генерал Маргелов. Он всегда уважал достойного противника, а одиночную подготовку финских бойцов ценил особенно высоко. В его батальоне были выпускники спортивных институтов из Ленинграда и Москвы, отличные спортсмены-лыжники.

Однажды, углубившись на финскую территорию километров на десять, бойцы обнаружили свежую лыжню противника. «Устроим засаду», — объявил свое решение командир батальона: «Первая рота — направо, вторая — налево, третья рота проходит на двести метров вперед и отрезает противнику путь к отступлению. Взять в плен несколько человек, желательно офицеров», — отдал он боевой приказ.

Возвращавшиеся по своей лыжне вражеские лыжники не заметили наших замаскировавшихся бойцов и попали под их шквальный огонь. В ходе короткого и яростного боя комбат успел разглядеть, что у некоторых солдат и офицеров странная форма, непохожая на финскую. Никто из наших бойцов не мог даже подумать, что здесь возможна встреча с солдатами нейтральной страны. «Раз не в нашей форме и вместе с финнами, значит — противник», решил командир и приказал взять в плен, в первую очередь, врагов, одетых в эту странную форму. Были, к сожалению, и убитые с нашей стороны. Доставить их через линию фронта в расположение наших войск было делом весьма сложным. Мало того, что пленных надо было тащить буквально на себе, нельзя было при этом допустить, чтобы они замерзли. При стоявших тогда суровых морозах в условиях неподвижности или даже малоподвижности, например, в случае тяжелого ранения, смерть наступала очень быстро. Линию фронта удалось преодолеть без потерь. В ходе боя 6 человек были взяты в плен, но не финны, а… шведы. Их сразу отправили в Москву.

Но это было позже. Когда же добрались до своих, комбат опять получил «на всю катушку». Опять НКВД, опять допросы. В ходе допросов Василий Филиппович и узнал, кого он взял в плен — шведских офицеров, изучавших возможность участия в войне на стороне Финляндии шведского Экспедиционного добровольческого корпуса, уже прибывшего в конце января — начале февраля на Кандалакшское направление. Приписали тогда комбату что-то вроде политической близорукости, мол, «нейтралов» не распознал, не тех в плен взял, припомнили оставление своих убитых на поле боя, в общем, не избежать бы ему скорого военно-полевого суда и, скорее всего — расстрела, да командующий армией взял храброго командира под защиту.

Большинство его бойцов и офицеров было награждено орденами и медалями, только он остался без награды. «Ничего», — шутил он, — «зато Швеция осталась нейтральной…». Гибель и пленение первого небольшого воинского контингента, посланного воевать против СССР, вызвали в Швеции столь удручающий резонанс, что до самого конца конфликта шведское правительство не решилось послать в Финляндию ни одного своего воина. Только через кровь своих солдат шведы еще раз пришли к выводу, что традиционный нейтралитет по отношению к России все-таки лучше, чем война.

Знали бы шведы, кому они обязаны сохранением своего нейтралитета, а также тому, что шведским матерям, женам и невестам не пришлось оплакивать своих сыновей и любимых…

О войне с Финляндией генерал армии В.Ф. Маргелов вспоминал всегда с большой неохотой. По его мнению, слишком много было там пролито крови советских солдат и не всегда оправдано. Сам же он, командуя лыжным батальоном, всегда берег своих людей. Являясь опытным, хорошо подготовленным лыжником, капитан Маргелов большое внимание обращал на экипировку своих солдат в ходе подготовки к очередному рейду по вражескому тылу. Видимо с тех времен он вынес опыт, что мелочей при подготовке к бою в тылу противника не бывает, чего и требовал от своих подчиненных генералов и офицеров в

ходе дальнейшей службе в ВДВ.

Группа офицеров Управления Командующего ВДВ летела на самолете для проверки хода боевой подготовки в одну из воздушно-десантных дивизий. Офицеры живо обсуждали вопрос захвата группой исламских террористов гражданского самолета и дальнейшую судьбу заложников. Информацию об этом случае, накануне, передали по телевиденью. В.Ф. Маргелов прислушался к разговорам и привел такой пример из своего боевого прошлого.

После очередного возвращения из рейда по тылам неприятеля, он прибыл с докладом о выполнении поставленной задачи в штаб и там узнал, что прошлой ночью, финский отряд лыжников прошел по тылам наших войск и нанес большой урон. Но самое главное, они напали на наш медсанбат и вырезали без единого выстрела всех раненых и медицинский персонал (санитарки, медсестры — в основном женщины), который находился там в это время. Наше командование поручило его лыжному батальону провести акцию возмездия.

Вернувшись в расположение батальона, он построил весь личный состав и повел всех в палатки подвергнувшегося нападению медсанбата. Все красноармейцы своими глазами увидели эту страшную картину разгрома и смерти своих раненых товарищей и медперсонала.

После увиденного никто не нуждался в разъяснении поставленной задачи. Батальон встал на лыжи и бойцы, как белые ангелы возмездия, ушли в ночь. Совершив рейд по глубокому тылу противника, в утренних сумерках они подошли к расположению финского банно-прачечного отряда. Разведчики бесшумно убрали часовых и подали сигнал, что путь свободен. Одна рота вошла в казарму, и солдаты вырезали всех спящих. Надо сказать, что такие вспомогательные подразделения финской армии комплектовались в основном женщинами-добровольцами. Разбросав в помещениях листовки, где была изложена причина такой акции, лыжники исчезли в лесу, как тени.

После этого случая, в ходе всей последующей компании, попыток нападения на медицинские учреждения наших войск не было.

Командующий надолго умолк, а затем сказал, что наглость террористов поощряется гуманными методами борьбы с ними.

Много раз лыжный батальон капитана, а в конце войны — майора (есть все-таки справедливость на свете!) Маргелова пересекал линию фронта и беспрерывными неделями выполнял боевые задачи в тылу противника. Даже ранения не могли заставить комбата покинуть поле боя, оставить своих лыжников-десантников и вернуться к своим. И так до самого конца той войны…

По окончании войны майора Маргелова назначают на должность помощника командира того же 596 полка по строевой части.

Глава 3
На подступах к Ленинграду

Командир дисбата. Бессмертный подвиг моряков-лыжников. Командир 218-го гвардейского стрелкового полка. Аннушка. «Батя» Маргелов принимает 13-й гвардейский стрелковый полк. «Матушка».

В наказание за все так называемые «провинности» майора Маргелова с октября 1940 года назначают командиром 15 ОДБ — отдельного дисциплинарного батальона. В этой должности он и встретил Великую Отечественную войну на Ленинградском фронте.

А чем «дисциплинарники» не солдаты? Солдаты! И зачастую — самые боевые и отчаянные. Герой Советского Союза генерал армии П.Н. Лащенко считал, что штрафные подразделения (на уровне которых фактически являлись до войны и «дисциплинарники»)

были «шансом для оступившегося, смалодушничавшего, совершившего промах, возможностью искупить свою вину, снять с себя черное пятно, часто ценой собственной крови». Вне зависимости от воинского звания военнослужащий мог получить только одно звание — штрафной рядовой. При необходимости штрафники приказом по части могли назначаться на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

Отец вспоминал, как он принимал батальон. Прибыл он в его расположение с тремя офицерами, своими заместителями. Никто их не встречал. Остановил он одного бойца и спрашивает, где командование батальона. Тот как-то странно дернулся и указал на стоявший невдалеке блиндаж. Майор Маргелов приказал офицерам ждать его у входа, а сам смело шагнул внутрь. Он, конечно же, знал, что фактически заправляет батальоном какой-то уголовник, дисциплина в батальоне отсутствует напрочь, никакой боевой подготовки. В общем — сплошная анархия. При этом в батальоне было немало боевых офицеров, в том числе старших, а также младших командиров и солдат, попавших под влияние бывших уголовников, пытавшихся установить в дисбате свои порядки, основанные на законах преступного мира.

Войдя в блиндаж, Маргелов увидел здорового верзилу и с ним нескольких человек, сидевших за столом, уставленным бутылками с самогоном и закуской.

— Чего тебе? — спросил недовольно «вожачок».

— Я новый командир батальона, — ответил отец.

В ответ он услышал непотребную брань, обозначавшую пожелание убираться скорее подобру-поздорову в известном направлении. Удар тяжелого отцовского кулака в ухо «вожачку», сразу вернул последнему память — кто он, где он и за что. Тот пулей вылетел из блиндажа и заорал:

— Братва, стройся! Новый командир прибыл!

После знакомства с личным составом батальона майор перед строем призвал своих новых подчиненных оправдать оказанное им доверие, кровью, а если потребуется — жизнью, доказать свою преданность Родине. В конце он добавил, что в случае «бузы» пощады не будет.

После этого начались суровые армейские будни — боевое сколачивание батальона, напряженная боевая подготовка.

— Солдаты! — говорил комбат. — Пусть вам сегодня тяжело морально и физически, но в боях вы сможете показать, что вы настоящие воины. На вашей стороне будет умение побеждать и ненависть к врагу. И скоро вы снова займете свое достойное место в жизни, я в это верю и сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь вам в этом!

Бойцы воспрянули духом! Личный пример командира и его забота о них, вчерашних изгоев общества, сделали их настоящими солдатами, готовыми честно и до конца выполнить свой долг перед Родиной. А уж как они любили и уважали своего Батю!

Отец рассказывал, как однажды во время артобстрела он вышел на открытое место — и тут его сбивают с ног и закрывают своими телами трое его бойцов — как бы осколок в Батю не попал! Естественно, такое отношение нужно было заслужить. Еще он говорил, что в начале войны немцев можно было бить очень легко, только нужно было хорошо знать их порядок дня. Хваленый «немецкий порядок» играл против них! Завтрак, обед и ужин зазнавшиеся после молниеносных войн в Западной Европе вояки привыкли получать строго в определенное время — вот тут-то штафники-маргеловцы и «потчевали» их досыта!

Поэт Владимир Белов так описал в своем стихотворении (с некоторыми сокращениями) один боевой эпизод тех дней, рассказанный генералом армии Маргеловым В.Ф. во время их встречи в рабочем кабинете Командующего ВДВ. В образе комполка выведен командир штрафного батальона майор Маргелов. Хотя в стихотворении допущены некоторые неточности (например, перепутано время года — осенью майор Маргелов не мог командовать штрафниками, так как с июля 1941 г. он уже был назначен командиром 3-го гв. стрелкового полка), но, в целом, это эмоциональное произведение достаточно правдиво

передает рассказ генерала Маргелова. Полностью стихотворение напечатано в журнале «Подвиг», (вып. 16, изд.!Молодая Гвардия», 1976).

ИНТЕРВЬЮ

Командующему Воздушно-десантными
войсками Советского Союза
генералу армии Маргелову

Нас трое в комнате просторной.
Биноклем комполка играет:
Хозяин, старый генерал, —
Ребята, что-то здесь не то.
Давно войною умудренный.
Не так ведь наши разгильдяи
Седой полковник, он упорно,
Шагают, сколько я их драил,
Словно у знамени, стоял.
Ох, мать их… Я же не святой!

Нет, генерал совсем не старый,
А, может, фрицы? —
Взял бинокль,
И кисти рук, и мышцы плеч
Подносит медленно к глазам.
Готовы возвращать удары,
И сразу, будто бы под током,
И дальним отблеском пожара
Немеют руки…
В небе сокол
Бьет терпкая от соли речь.
Парит спокойно и высоко.
— Ну, жми, шофер, не тормози!
…Опять оторваны штрафбаты:
Упрямый командир полка
Ну, комполка, командуй:
Собрал комбатов возле хаты.
«Вправо!» —
Пять самокруток, прядь заката
Такой хороший поворот…
И узкая вдали река
В тылу врага погибнешь — слава
Плывет спокойно и печально:
Тебя сторонкой обойдет.

— Всем, описав свою дугу,
Пылят…
А выправка, что надо!
Собраться здесь.
Удар кинжальный
Стоят осенние леса.
Внезапно нанесем врагу. —

Сквозь всю Европу шли парадом.
Ночной приказ такой: в атаку
Ударим с ходу, без пощады, —
Без выстрела.
В ножи, в штыки.
Кровавая падет роса.
Пусть в Кенигсберге будут плакать,
И в Нюрнберге пусть будут плакать, —
Ударим… —
Как наши плачут старики.
Что ж, давай, водитель,
Быстрее скорость набирай!..
Привал окончен. Батальоны
Из окруженья — на восток.
Встал генерал, поправил китель.
Четыре вольные колонны
Полковник вдруг сказал:
В леса по древнему закону —
Поймите,
Ушли, словно вода в песок.
Ведь мы могли свернуть…
— Курите…
Остался довоенный «газик»,
В нем восемнадцать человек.
Казалось, обеспечен рай,
Что было, то уже не сглазить,
А, может, ад… Туда ведь с матом
Но все же паузу в рассказе
Летели гиблые штрафбаты.
Я чувствую, как талый снег.
Об этом здесь не говорят.
Ждут комполка.
Шофер по скатам
И генерал совсем не курит,
Стучит кирзовым сапогом:
Полковник веки тихо щурит,
— Сейчас бы закатиться сватом
Наверное, глядит назад
И чтобы яблони кругом…
И видит где-то вдалеке.

В тылу врага четыре нитки…
Шоссе осеннее. Он молод
Маршруты четырех колонн.
И сдуру что-то натворил.
— Успеем всюду. — И автомат лежит в руке,
«Газик» прыткий
Граната рядом, словно молот.
Взревел надрывно у калитки.
Лес желтый, словно с похорон.
Машина из последних сил
Рванулась, набирая скорость.

Машина с пожелтевших просек —
Эх, автомат, работай споро, —
Идет на серое шоссе.
Боец негромко попросил.
Сухая праздничная осень…
Баб на покосе
Стволы зенитных пулеметов,
«Юнкерс» косит,
Прицел на уровень спины.
Чтоб мир от боли окосел.
Война как повар.
Люди — шпроты
И сухофрукты для компота —
И счетверенным пулеметом
Объелся повар белены.
Глядит, глядит машина вдаль.
Докладывает четко кто-то:
В крови, в дерьме прорвался
— Вот наша движется пехота, «газик»,
Портянок, видно, ей не жаль.
Летит за дальний поворот.
(И снова пауза в рассказе.)
Лес, восемнадцать автоматов
Истерика, кого-то рвет,
Глядят с заляпанных бортов.
А кто-то плачет и хохочет,
Висят тяжелые гранаты,
Кто покатился по траве.
Мелькнут тельняшки, ведь ребята
Мир опрокинут, опорочен
Собрались со всех флотов.
И безнадежно осовел.

Вчера морские офицеры…
Сегодня отданы в штрафбат…
Но верит комполка без меры,
Что это завтра офицеры,
И гимнастерки нараспашку.
Что нет надежнее солдат.
А ночью снова будет бой.
И полосатые тельняшки
Не приговором трибунала
Через траншеи, через страшно
Их на врага ведут сердца.
Пройдут над вражескую пашней
Не сбить летящего баклана
Неотвратимою судьбой.
Тяжелой каплею свинца.
…Полковник тихо веки щурит,
Ах, слишком ровно, очень ровно
Рванулось море в небеса.
Вдали шагает батальон.

Десант воздушный белой бурей
Равненье держит безусловно.
Летит. В безоблачной лазури
А «газик» катит себе, словно
Лишь парашютов паруса.
Цыпленок в будущий бульон.

И генерал повел плечами…
Мне кажется, что комполка
На «газике» летит отчаянно,
И осень кружится печально,
И узкая скользит река.

Однажды в расположение дивизии, куда организационно входил и 15 ОДБ, прибыл генерал А.А. Жданов, член Военного совета Северно-Западного направления и Военного совета Ленинградского фронта. Побывал на передовой, заслушал командиров полков. Недовольство высокого начальника вызвало то, что командиры не знали задачу дивизии, своих соседей слева и справа и их задач. Между двух полков занимал оборону батальон майора Маргелова.

— Дисциплинарный батальон, — предупредил генерала командир дивизии.

— Ну и что, заслушаем комбата, — сказал Жданов.

Майор Маргелов четко изложил задачи батальона, подробно рассказал о своих соседях слева и справа и о порядке взаимодействия с ними. Жданов остался доволен докладом и, как оказалось, запомнил командира батальона.

«Дисциплинарники» воевали самоотверженно, не щадя своей жизни там, где им было положено тем суровым временем и их положением — на самых опасных участках фронта, в первых рядах атакующих. Во время одного из жестоких боев командир получил тяжелое ранение, почти все его бойцы также были ранены, но боевая задача была выполнена. Батальон искупил свои вольные или невольные грехи сполна — кто кровью, а кто — жизнью.

Оставшиеся в живых ребята из 15 ОДБ составили костяк 3-го стрелкового полка 1-й мотострелковой дивизии, командиром которого был назначен майор Маргелов Василий Филиппович. После переформирования полк дислоцировался в Березовке, откуда бойцы ходили на выполнение боевых заданий в тыл врага и выполняли другие задачи в интересах дивизии и армии.

Сложная обстановка на подступах к Ленинграду потребовала от командования оборонявших город войск создания специальных частей, способных выполнять тактические задачи в интересах фронта. Одной из таких частей стал 1-й Особый лыжный полк моряков Краснознаменного Балтийского флота, командиром которого назначили майора Маргелова. Именно А.А. Жданов, вспомнив способного комбата батальона «штрафников», предложил его кандидатуру на эту почетную и опасную должность.

Формирование полка и его боевые действия на льду Ладожского озера описываются по воспоминаниям отца и ветерана полка — заместителя комиссара 1-го батальона, рядового матроса Орлова Николая Федоровича, обобщившего письма других ветеранов полка.

Первый лыжный полк моряков был сформирован в основном из добровольцев — моряков береговой обороны и других вспомогательных служб КБФ, направленных для сформирования различных десантных отрядов. Формирование полка проходило в начале ноября 1941 года в Кронштадте, здесь же в состав полка влились недавние защитники острова Ханко. Моряков переодели в ватные брюки, сапоги, ватные бушлаты темно-зеленого

цвета с одной красной звездочкой на левом рукаве. Им выдали лыжи и шерстяные вязаные подшлемники-шапочки. Переписали адреса их родственников и каждого в отдельности сфотографировали.

При переодевании возникли проблемы: переодеваться в «пехоту» моряки категорически не хотели. Недовольство нарастало, грозя перерасти в прямое неповиновение приказу. Тогда командир полка, которому доложили об отказе моряков расстаться с черными бушлатами и бескозырками, собрал полк и обратился к «братишкам»:

— Я понимаю ваше недовольство и уважаю флотские традиции. Но сейчас вопрос стоит так: вы мне нужны живые… А в черной форме на фоне белого снега противник не позволит ступить и несколько десятков шагов.

После таких слов моряки, тихо ворча, переоделись.

Примерно в середине ночи 19–20 ноября полк спустился на тонкий лед Финского залива, рассредоточившись на случай проломов льда. Лед коварно потрескивал и плавно прогибался. С большим перелетом слева разорвалось несколько снарядов, не причинив никому вреда. Рано утром моряки прибыли в поселок Лисий Нос, где их погрузили в железнодорожный состав и доставили в Ленинград. В Ленинграде в школе подплава имени С.М. Кирова моряки получили боезапас, новые автоматы ППД (с круглым диском на 71 патрон), финские ножи с черной ручкой, по две гранаты РГД и по две лимонки. В вещевые мешки насыпали про запас еще патронов.

Во второй половине дня перед моряками выступил только что назначенный комиссаром 1-го батальона капитан Петрищев. Он предложил символично выделить 1-й батальон, вокруг которого, собственно, и сформировался полк «имени Ленсовета». Получив одобрение «братишек», он представил им своего заместителя — матроса Орлова Н.Ф., добавив, что Орлов — боксер и прекрасный лыжник. Он хотел еще что-то сказать, но тут появился командующий КБФ адмирал Трибуц В.Ф., который, не скрывая своего возмущения, в очень строгой форме обратился к новоиспеченному заместителю комиссара:

— Это что еще за цыганщина?! Немедленно привести себя в порядок!

Дело прошлое, но Николай Федорович Орлов много позже вспоминал, что выглядел действительно, как было принято называть в таких случаях, «партизаном». Поверх ватных брюк на нем были натянуты флотские клеши, напуском свисающие из-за голенищ сапог. Из-под расстегнутого бушлата на фоне тельняшки торчал наган и свисали ленточки от спрятанной бескозырки. Поверх маскхалата — ремень и торчащие из-под него гранаты. А за голенищем сапога — финский нож. Поставив задачу полку, командующий ушел.

И вот полк лыжников-моряков, растянувшись длинной цепью в несколько рядов, шагает по Ленинграду к Финскому вокзалу. На протяжении всего пути их провожали ленинградцы, выкрикивая им пожелания победы. А моряки, выдерживая уставной интервал, вышагивали, нагруженные боекомплектом, минометами, станковыми и ручными пулеметами и с лыжами на плечах, с достоинством «бывалых» старались не уронить звания Балтийских Моряков.

В ночь, в темных сумерках выгрузились они с поезда в лесу в районе Ваганово. Затем их на автомашинах перевезли на берег Ладоги в какие-то бараки.

На следующий день выдали им «НЗ» — кусок окорока, две головки сахара, плитку шоколада, сухари и флягу спирта. У костров смолили лыжи, натирали мазью, подгоняли крепления.

Здесь же моряки были официально представлены командиру 1-го Особого лыжного полка моряков КБФ майору Маргелову Василию Филипповичу, которого они уже немного узнали. Вот как об этом вспоминает участник тех событий Н. Шувалов в своей книге «Мы становились солдатами» (Лениздат, 1973).

«Как известно, моряки — народ своеобразный. Влюбленные в морскую стихию, они не особенно жалуют сухопутных собратьев.

Когда Маргелова назначили командиром морских пехотинцев, некоторые говаривали, что он там не приживется, «братишки» не примут. Однако это пророчество не сбылось.

…Когда полк моряков был построен для представления новому командиру, Маргелов после команды «Смирно!», увидев много хмурых лиц, смотревших на него не особенно-то дружелюбно, вместо обычных, положенных в таких случаях слов приветствия «Здравствуйте, товарищи!», крикнул: «Здорово, клешники!» Мгновение — и в строю ни одного хмурого лица…».

В один из дней к морякам в барак приехал адмирал В.Ф. Трибуц. Моряки как раз отдыхали после обеда тренировочных занятий. Все встали. Адмирал, чуть-чуть улыбаясь, спросил:

— Ну, как, орлы Балтики, есть жалобы?

Все смущенно стояли, не решаясь что-либо ответить. И вдруг наступившую тишину нарушил смелый возглас:

— Есть!

Это был краснофлотец Толя Дикарев. Командующий шагнул в его направлении и серьезно спросил:

— В чем дело?

Дикарев также серьезно заявил:

— Да не плохо было бы горилки добавить!

Тогда адмирал уже с улыбкой ответил:

— Балтийцам вредно увеличивать дозу спиртного. Не дай Бог! А то моряки Ладоги останутся без работы.

После этих слов раздался дружный хохот.

Затем полк построили, и адмирал Трибуц поставил морякам боевую задачу. Предстояло наступать на Шлиссельбург. План операции предусматривал внезапную ночную атаку непосредственно на город и по побережью, восточнее его. Все части дивизии должны были наступать по льду Ладожского озера, моряки должны были идти в прорыв после атаки пехотных полков. Перед строем полка Трибуц объявил: «После выполнения задания все будут награждены орденами, а благодарные ленинградцы не забудут ваш подвиг».

В 23 часа 1-й батальон остановился перекусить в палатке медсанчасти. Лейтенант медицинской службы, хирургическая сестра Тосщева Мария Трофимовна, тогда двадцати лет от роду, вспоминала, как моряки выпили по 200 грамм, закусили сосисками. Потом многие из них стали вынимать из своих вещмешков «НЗ» и складывать в кучку: галеты, шоколад. Одни уходили, приходили другие. Пожилой военврач спросил их:

— Сынки, что вы делаете? Вам это в бою пригодится.

За всех ответил капитан Петрищев:

— Если мы прорвем оборону, то будем сыты, а если, не дай Бог, попадем к немцам, то чтоб наше, русское, проклятому не досталось.

Так начался первый боевой поход на побережье, захваченное врагом. В назначенный квадрат прибыли вовремя. Устроили привал, ожидая приданные пехотные части, которые должны были прикрывать фланги полка. Артиллерия противника обстреляла позиции полка. Разведка, посланная командиром полка, обнаружила вдоль побережья на большом протяжении разрушенный лед.

Вот как об этих событиях пишет в своей книге ветеран тех боев Н. Шувалов.

«…Ночью полк собрался на берегу Ладожского озера, в районе поселка имени Морозова, в месте нового сосредоточения дивизии. На подготовку к наступлению даны одни сутки. На следующий день выясняется, что лед на озере еще тонок. Он плохо держит людей…

Наступление дивизии задержано на один день. Но и через сутки состояние льда не изменилось.

Наступление вновь отложено, опять на сутки.

Принято решение — орудия всех батарей артполка оставить на берегу. Командиры же батарей пойдут с пехотой и связь со своими батареями будут держать по радио.

Дубенецкому, командиру батареи, в которой находились самые дальнобойные орудия,

приказано немедленно с несколькими разведчиками и связистами добраться до Бугровского маяка на южном побережье озера и оттуда вести корректировку огня по побережью.»

Вот так 1-й Особый лыжный полк моряков КБФ под командованием майора Маргелова В.Ф. делал несколько выходов к побережью, но каждый раз боевая операция срывалась из-за отсутствия пехоты и ледовой обстановки. Но полк не терял даром времени. Возвращаясь из походов, моряки по приказу командира полка «проигрывали» штурм побережья, каждый раз — по-новому, с учетом меняющейся обстановки и новых разведданных. Затем отец собирал командиров и проводил разбор учебной атаки.

Время шло, а боевые действия не начинались. Начальник Особого отдела полка, получив очередную «последнюю накрутку сверху», передал приказ немедленно наступать, угрожая в противном случае расстрелом на месте.

— У меня приказ наступать после начала схватки пехотных полков с противником. Бросить в атаку одних моряков означает отправить их на верную смерть. Я должен с ними поговорить.

— Иди, майор, и передай мои слова: или немедленная атака, или — трибунал и расстрел!

Маргелов собрал своих командиров, вплоть до взводных, и, объяснив ситуацию, закончил словами: «Если вы откажетесь идти в атаку, я вас насильно не поведу, лучше сам пойду под расстрел». Моряки, не сговариваясь, дружно выразили желание идти в бой:

— Товарищ капитан 3-го ранга! Мы все понимаем и готовы со своим командиром идти хоть в пекло! Фашисты хорошо запомнят «братишек»…, если останутся живы.

Обращение к командиру полка по флотскому эквиваленту звания «майор» еще сильнее подчеркнуло то, что моряки окончательно приняли командира в «братишки», за своего.

Очень запомнился морякам день 27 ноября 1941 года. Полк побатальонно выстроили около бараков. Выступил командир полка Маргелов В.Ф. Он рассказал о бесчинствах фашистов на временно оккупированной территории нашей Родины. Как, не жалея сил, трудятся ленинградцы на заводах и фабриках днем и ночью, отдавая все свои знания и умение, все свои силы, помогая фронту быстрей разгромить коварного и сильного врага. Затем он еще раз разъяснил задачи, поставленные перед полком.

С наступлением сумерек полк встал на лыжи, и, в который уже раз, спустился на лед Ладоги. Двигаясь вдоль проложенной через озеро дороги, моряки видели провалившиеся автомашины и санные повозки. В повозках как живые стояли запряженные замерзшие лошади. На острове Зеленец устроили привал. Боясь потерять внезапность штурма, полк в середине ночи покинул остров и прибыл к намеченному рубежу атаки. Пехотных подразделений не было. Ранним утром поступил приказ снять лыжи и развернуться фронтом вдоль побережья.

Где-то слева от полка должен был располагаться Бугровский маяк. Под ногами моряков глубокий снег, через него кое-где выступали сухие стебли какой-то прибрежной травы. Перед полком простиралось гладкое заснеженное пространство. Стояла звенящая тишина. 1-й батальон располагался в центре атакующего полка. Матрос Орлов находился в нескольких метрах левее капитана Петрищева, а чуть правее его впереди шел майор Маргелов В.Ф.

По рядам вполголоса пролетела команда:

— Приготовиться к атаке! Гранаты — к бою!

Полк продвигался быстрым шагом, соблюдая полнейшую тишину. Вдруг Орлов скорее увидел, чем услышал, капитана Петрищева с поднятой правой рукой, держащей автомат, и кричащего:

— За Родину! За Сталина! Вперед! УРА!

Внезапно капитан упал, сраженный автоматной очередью. В сознании Орлова промелькнула мысль: «Надо было еще ближе подойти. Рано бросились в атаку.» Но лавина моряков, сбросив несвойственную им форму и оставшись в родных черных в бушлатах, в

тельняшках, сбросив каски и надев запрятанные бескозырки, в полный рост рванулась черной волной на позиции врага с криками:

— УРА! Полундра! За Родину! За Сталина!

Бежали. Падали. Вставали и опять падали. Ползли. Только вперед! Не было такой силы, которая остановила бы наступательный порыв «братишек». Все вокруг стонало от разрывов. Откуда-то справа с характерным свистом пролетели и разорвались с большим интервалом позади наступающих несколько одиночных снарядов. Тут же на наступающих посыпались мины. Несмотря на шквал минометного и пулеметного огня, полк упорно продвигался вперед. Раненые оставались в строю. Немцы, в панике выбегая из землянок, вели беспорядочную автоматную стрельбу. Матросу Орлову запомнился лежащий на его пути сбитый самолет с красными звездами, а справа дощатый сарай, из которого били из автоматов немцы. «Получай, гады!» и метко брошенная им граната разнесла в клочья сарай с засевшими в нем немцами.

Прошел слух, что в начале атаки тяжело ранен командир полка, позже стало известно, что его на волокуше отвезли на баржу, вмерзшую в озеро недалеко от берега.

А бой продолжался. Балтийцы сражались мужественно и храбро, шли в бой, презирая смерть. Некоторые из «братишек» уже были в деревне Липки, другие контролировали участки на канале, третьи уничтожали доты и огневые точки противника, оставшиеся в тылу наступающих.

А где же пехота? Когда она подойдет и обеспечит тыл и фланги, чтобы при продвижении вперед не оказаться в «мешке», чтобы не отрезали моряков от своих? Где наша артиллерия? Эти вопросы задавали себе моряки, не задерживаясь на захваченных рубежах и жадно вглядываясь вперед, выбирая участок для очередного броска. Тяжело раненному командиру полка постоянно докладывали о ходе атаки. Все шло по его плану, инициативные действия атакующих подразделений он одобрял и ставил новые задачи.

Приняв круговую оборону и прижимаясь к озеру, полк держался до глубокой ночи. Затем, выполняя приказ Маргелова В.Ф. и, прикрывая друг друга автоматными очередями, мелкими группами отходили моряки на лед Ладоги.

За отрядом, который вел сержант Морозов, шла группа человек в десять, прикрывающая его отход, под командованием матроса Орлова — это были последние наши богатыри, покидающие берег. Отстреливаясь, они скрылись в снежной пелене. Чудом добрались они до острова Зеленец, откуда их, израненных, переправили сначала в госпиталь в поселке Рахья, а затем и в ленинградский, где-то на Фонтанке.

Было, конечно, и много других подвигов, совершенных моряками-маргеловцами, как они себя называли и через много лет. Например, Анатолий Дикарев, тот самый, что просил у командующего Трибуца В.Ф. добавить спиртного, умело расправился с дотом противника. А сержант Морозов со своим отделением сдерживал лобовые контратаки немцев. Один моряк с надписью на бескозырке «Подплав КБФ» самоотверженно держал круговую оборону со стороны маяка, не давая фашистам обойти моряков с тыла. Таких примеров стойкости и мужества «братишек» — множество.

Памятным был тот десант на побережье Ладоги в направлении деревня Липки-Шлиссельбург и оставил самые сильные впечатления не только у моряков, но и у их командира полка. Через много лет Командующий Воздушно-десантными войсками Советского Союза генерал армии Маргелов Василий Филиппович добился, чтобы десантники получили право носить тельняшки.

— Удаль «братишек» — говорил он, — запала мне в сердце. Мне хочется, чтобы десантники переняли славные традиции старшего брата — морской пехоты и с честью их продолжали. Для этого я и ввел десантникам тельняшки. Только полоски на них под цвет неба — голубые.

А когда на Военном Совете, проводимом министром обороны Маршалом Советского Союза Гречко А.А., Горшков С.Г., командующий ВМФ Адмирал Флота СССР, начал бурчать, что, мол, десантники крадут у моряков тельняшки, отец в присутствии всех резко

ему возразил:

— Я сам в морской пехоте воевал, и знаю, что десантники заслуживают, а что — нет!

Подвиг моряков-лыжников запечатлел в своем стихотворении боевой ветеран полка Н.Ф. Орлов:

В БОЕВОЙ УШЛИ ПОХОД.

Бури, штормы не преграда,
Кровавой раной обнажился
Не страшил коварный лед,
Берег Ладожской земли.
Матросы лыжного отряда
Десант Маргелова врубился
В боевой ушли поход.
В укрепления из брони.

Балтийцев дерзкая внезапность,
В смертельной схватке рукопашной
Сорвала замыслы врага,
Матросы, Балтики сыны,
Неповторимую отважность
Жизнь отдавали не напрасно —
Взрастила Русская страна.
«Дорогу жизни» сберегли.

Кронштадтский ключ от Ленинграда,
В Балтийском сердце — наш оплот.
Матросы лыжного отряда
В боевой ушли поход…

Как считают ветераны 1-го Особого лыжного полка моряков КБФ, от имени павших смертью храбрых и оставшихся в живых героев, которых смерть обошла в аду штурма, эта дерзкая, смелая и крайне необходимая в то время операция, незаслуженно замалчивается. По их мнению, эти боевые действия коренным образом изменили бы обстановку на Ленинградском фронте, стали бы решающим фактором перехода от кровопролитной позиционной обороны к активным и эффективным контрнаступлениям на коварного и сильного противника. Они явились первым шагом к большому наступлению, сливаясь воедино с другими боями по прорыву блокады Ленинграда.

Возможно некоторой справкой к замыслу лыжного десанта послужит рассказ в книге Г.А. Митрофанова «Легендами овеянная» (Лениздат, 1975) о морской пехоте в боях за Ленинград, где он пишет: «Уже 28 ноября бригаду перебрасывают на Войбокаловское направление, где советские войска вели тяжелые бои с наступавшей группой врага, которую возглавлял генерал Томашек. Эта группа стремилась выйти к Ладоге к ледовой Дороге Жизни, перерезать ее.»

А Н. Шувалов в своей книге продолжает так: «3-го декабря части нашей, а также 311-й стрелковой дивизии и 6-я морская бригада начали теснить врага в южном направлении.» Напрашивается вывод, что 1-й Особый лыжный полк моряков КБФ наносил фланговый удар и тем самым угрожал отрезать наступающую группировку немцев, отвлекая на себя основные силы врага и помогая этим Войбокаловскому удару. А, может быть, уже тогда ставилась задача прорыва блокады?

Надеемся, военные историки со временем разберутся в роли героического лыжного

десанта КБФ в ноябре 1941 года, но уже сейчас очевидно одно: если бы первоначальный план командования был выполнен, то полк, несомненно, достиг бы гораздо более значительных успехов и со значительно меньшими жертвами. Пехотные подразделения преступно опоздали, артполк не поддержал огнем наступающих моряков. Выступая на заседании военного трибунала в качестве свидетеля, командир полка, израненный, на костылях, прибывший туда прямо из госпиталя по приглашению А.А. Жданова, привел именно эти факты, подтвердив отчаянный героизм и готовность к самопожертвованию моряков-десантников. Как рассказывал отец, после вынесения командиру и комиссару дивизии смертного приговора они подошли к нему, попросили у него прощения и напоследок его поцеловали.

Оказалось, что командование дивизии всю ночь накануне похода пьянствовало, забыв о долге и чести.

В журнале «Наш современник» № 3 за 1977 год в рассказе Г. Кулагина (с. 156) сообщается:

> «…В конце ноября… был опубликован суровый приказ по войскам Ленинградского фронта: «Преданы суду военного трибунала за трусость бывший командир Н-ской дивизии (Иванов) и бывший военком (Фролов).
> Лишены воинских званий и приговорены к расстрелу —…
> Приговор приведен в исполнение».

На листке бумаги, хранящемся дома, в Кабинете-музее отца, с этой выпиской из журнала, имеется пометка «Верно», сделанная отцом красным карандашом, и его подпись.

Через много лет участники десанта, ветераны «1-го Особого лыжного полка моряков КБФ» подарили своему командиру стихотворение Николая Федоровича Орлова о том героическом десанте:

ЛЫЖНЫЙ ДЕСАНТ

Ноябрьским утром в сорок первом,
С кромки ладожского льда,
Матросы-лыжники в набеге смелом
Штурм нелегкий взяли на себя.
— ПРИПЕВ —
Ура! Полундра! За Родину — вперед!
Отряд Маргелова рванулся на каналы.
Он рукопашный бой ведет,
Взрывает доты, переправы.
Адмирала Трибуца приказ:
«Упредить вторжение фашизма!»
Мы, Балтийцы, исполнили наказ,
На подвиг нас звала Отчизна.
— ПРИПЕВ —
В тельняшке грудь осколки рвали,
Шквалом минометного огня.
Павших бескозырки накрывали
Под градом пулеметного дождя.
— ПРИПЕВ —
Отважно схватку под Липками вели
Матросы дерзкими бросками.
К «Дороге жизни» пираты не прошли,
Отметив путь могильными буграми.

— ПРИПЕВ —
Россия помнит Балтики оплот,
Кому судьбу свою вручала;
Кто жизнь отдал в броске на пулемет,
В граните вечно встал на пьедестале.
— ПРИПЕВ —

В декабре 1941 года Василий Филиппович узнал, что у него родился сын Виталий. В то время семья майора Маргелова: его жена Феодосия Ефремовна Селицкая, сын Анатолий, которому тогда было три года и новорожденный Виталий — находились в эвакуации на Урале. В городе Перми (тогда — город Молотов). Семья добиралась до Урала из Белоруссии вместе с тысячами таких же семей советских командиров. Кто на машинах, кто по железной дороге, кто пешком, взяв с собой самое необходимое, они уходили вглубь страны, спасая своих детей для будущего нашей Родины.

Страшные военные события тех бурных лет, переломавшие судьбы многих людей и целых народов, разлучили Василия Филипповича с его женой Феодосией Ефремовной. Это можно сравнить только с внезапным ударом молнии, вызвавшим пожар и оставившем на поверхности пепел. Но какой сильный огонь бушевал под затвердевшей кромкой пепла, мы, его дети, знали или догадывались… и склоняем головы перед Любовью, живущей вечно и приходящей на помощь в черные дни обид и разочарований.

Недолго задержался Василий Филиппович на госпитальной койке. Он рвался в бой, и сразу после выписки получил назначение на должность командира 218-го стрелкового полка 80-й стрелковой дивизии. Входило это соединение в состав 54-й армии Ленинградского фронта.

Надо было готовить полк к боям, сколачивать его. Стремясь создать особый, стальной костяк, Маргелов добился перевода в полк бойцов из 15 ОДБ, проверенных в бою своих побратимов.

А вскоре командование преподнесло еще один приятный сюрприз. В полк прибыло 85 бойцов и младших командиров — участников памятных Маргелову боев с белофиннами.

Командир постарался организовать им радушную встречу. Даже начальника политотдела дивизии Л.М. Бердичевского пригласил в тот день в полк.

После построения сам командир полка, начальник политотдела дивизии, начальник штаба полка и комиссар полка Н.Н. Оглоблин побеседовали с каждым воином.

Со стороны командира 218-го стрелкового полка был проявлен к пополнению особый интерес. Это и понятно — группа имела боевой опыт. При знакомстве Василий Филиппович расспрашивал о семьях, о родителях, о родных местах, в первую очередь его интересовала подготовленность бойцов к боевым действиям и их моральное состояние. Доброжелательной, проникновенной была беседа, и очень располагала она бойцов к чуткому и внимательному командиру. Из беседы было видно, что командир полка остался пополнением доволен. У бойцов также сложилось очень хорошее впечатление, они почувствовали, что командир у них строгий и волевой. Один из вновь прибывших — старший сержант Иван Николаевич Давыдов, особо обратил внимание на себя отца выправкой и молодцеватостью, даже военная форма на нем сидела как с иголочки, обут он был в офицерские сапоги.

— Откуда такой франт? Не тыловик? — поинтересовался он.

— Никак нет, товарищ майор. Я — разведчик, а форма и сапоги — поощрение командования за образцовое выполнение боевого задания, — лихо ответил сержант.

— Разведчик — это очень хорошо. Служить тебе в полковой разведке.

Забегая вперед, должен сказать: разведчик Давыдов оправдал доверие своего командира полностью. После перевода отца осенью 1942 года на Южный фронт под Сталинград Ивана Николаевича тяжело ранило. Его отправили в тыловой госпиталь, где он

получил инвалидность и был комиссован. Однако боевой ветеран не пал духом — он получил высшее образование и впоследствии работал в научно-исследовательском институте.

В середине 60-х годов он случайно встретился в метро с генералом армии Маргеловым. Командующий ВДВ его сразу узнал и пригласил к себе в Управление Воздушно-десантных войск. Засиделись они тогда за воспоминаниями… Было о чем поговорить — о боевых товарищах, о текущих событиях, о будущем. Теплой была встреча. Иван Николаевич вспоминал потом: «Василий Филиппович был ко мне очень внимателен, по-дружески прост». После этого он еще несколько раз встречался с отцом, бывал у него дома.

К сожалению, только после смерти отца мне посчастливилось познакомиться с этим сильным духом и верным боевой памяти человеком, человеком высокой культуры и порядочности, до конца дней своих носившим с собой финский нож разведчика, очень гордым человеком, всегда готовым постоять за себя. После посещения Кабинета-музея отца Иван Николаевич по нашей просьбе написал воспоминания о тяжелых боях под Ленинградом, которые очень дополнили рассказы отца и других ветеранов-маргеловцев. Большое спасибо и вечная память ему и другим маргеловцам, не дожившим до сегодняшних дней. Низкий вам поклон…

Но вернемся в военное лихолетье…

Закончив переформирование полка, Маргелов провел боевое сколачивание входящих в полк подразделений. Необстрелянных бойцов подучили, и полк вступил в активные боевые действия. Предстояло освободить населенные пункты Обсоло и Падрело. Враг повсеместно оказывал яростное сопротивление. В критический момент первый батальон залег, и тут отец лично поднял его и повел в атаку. Штурмом овладели этими населенными пунктами, полностью уничтожили гарнизон врага, были взяты пленные, много трофеев, в том числе оружия. После боя командир полка лично поблагодарил всех бойцов и командиров и особенно группу пополнения. Полк продолжал вести активные боевые действия на Ленинградском фронте, а затем на Волховском, в состав которого была передана 54-я армия.

В марте 1942 года начались боевые действия по уничтожению фашистских захватчиков в районе Виняглова и Смердыня. Особенно жестокие и кровопролитные бои шли за важный опорный пункт Вороново, который играл огромную роль для врага. Фашисты, опираясь на него, стремились не допустить наступления наших войск в районе Синявино — Мга. Он имел стратегическое значение и для нас, поскольку являлся ключевым для прорыва блокады Ленинграда. В январе 1944 года именно в этом районе была прорвана блокада Ленинграда.

Красноармейская газета «В бой за Родину» от 24 марта 1942 года (№ 184) на первой странице вровень с названием газеты дала сообщение под заголовком «Трофеи одного дня»: «22 марта подразделение тов. Маргелова, в результате ожесточенного боя выбило немцев из важного оборонительного рубежа. Захвачены трофеи: 15 пулеметов, 2 радиостанции, несколько минометов, около 2 тыс. мин различных калибров, несколько автоматов и другое военное имущество. Имеются пленные.» Так дрались маргеловцы!

Василий Филиппович Маргелов всю свою жизнь руководствовался правилом — всегда и во всем быть примером для своих подчиненных. Особенно в бою… Известен такой факт из его биографии.

В мае 1942 года в районе Виняглово около двухсот фашистских захватчиков прорвались через участок обороны соседнего полка и вошли в тыл маргеловцам. Василий Филиппович Маргелов быстро отдал необходимые распоряжения по ликвидации вражеского отряда и не дожидаясь подхода резервов, сам лег за станковый пулемет. Меткими очередями он лично уничтожил 79 фашистов, остальных добили рота автоматчиков, взвод разведки и комендантский взвод.

Здесь нужно добавить, что у Маргелова всегда был станковый пулемет, из которого по утрам Василий Филиппович совершал необычную «зарядку» — подстригал из пулемета макушки деревьев, после чего садился на лошадь и упражнялся в рубке шашкой. Разумеется, это было возможным, когда полк находился в обороне. Отрастил командир тогда усы и

небольшую бородку, и в неполные 33 года звали его в полку «Батя».

В наступательных боях Маргелов не раз лично поднимал в атаку батальоны, а когда была необходимость — дрался в первых рядах своих бойцов, увлекая их к победе в рукопашном бою. Любил он бой рукопашный, любил, поскольку проверялся воин на стойкость, ловкость, силу и мужество. Маргелов и в этом бою был примером для бойцов и командиров. Дерзость и быстрота — таковы были его принципы. Однажды собрал он группу из добровольцев в 13 человек и ночью ворвался с ними в занятый врагами населенный пункт Михайловка, 17 гитлеровцев взял в плен, захватив в качестве трофеев много оружия, боеприпасов и другого имущества. Фашисты в панике бежали.

В кругу друзей отец иногда вспоминал, как вынес на своих плечах из под огня противника раненного в бою Ворошилова. Роль Климента Ефремовича Ворошилова в организации обороны Ленинграда, его боевые и полководческие качества молодой командир Маргелов оценивал высоко.

При этом, как отмечали ветераны его полка (да и другие «маргеловцы», служившие под его командованием), был он очень строгим и требовательным, но человечным — всегда заботился о бойцах и командирах, постоянно обращал внимание на то, как они одеты, обуты, накормлены. Не дай Бог, если он замечал, что у бойца плохая обувь или одежда — тут начальник вещевого снабжения получал «на полную катушку».

Однажды, когда полк занимал оборону, Василий Филиппович с начальниками служб обеспечения проходил по траншеям переднего края. Остановился около сержанта-пулеметчика. Тот четко отдал рапорт, его огневая точка была хорошо оборудована и замаскирована. Однако командир полка обратил внимание, что обувь сержанта совсем развалилась. Подозвав к себе начальника вещевого снабжения, он приказал ему снять свои сапоги и обменять на обувь сержанта, строго предупредив, что если он еще раз увидит плохо одетого бойца, то переведет вещевика на передовую.

Хотя отец командовал 218-м полком меньше года, но за этот срок бойцы его хорошо узнали, многому научились от него, а главное — науке, как успешно бить врага в любой обстановке. Он много вкладывал труда, на личном примере учил бойцов и командиров мужеству, отваге и дерзости. Он не терпел трусов, слабовольных, а особенно — лентяев.

И.Н. Давыдов в своих записках выразил об отце мнение не только свое, но и многих других ветеранов войны и Воздушно-десантных войск, с которыми нам, братьям, довелось встречаться:

«Считаю необходимым отметить личные качества Василия Филипповича Маргелова. Это человек великого таланта, мужества и беспредельного героизма. Он был военным профессионалом высшего класса, с молниеносной реакцией и отличной ориентацией, это был великий патриот нашей Родины. Василий Филиппович пользовался огромным авторитетом среди бойцов и командиров полка, дивизии, армии. Если Василий Филиппович появлялся в дивизии или в армии, все выходили взглянуть на героя. Слава о нем шла по всему фронту. Удивительно, но Василий Филиппович обладал какой-то притягательностью, его разговор или выступления перед бойцами и командирами просто завораживали. На коротких собраниях и совещаниях в армии все ждали его выступления, он был прекрасным оратором, его выступления отличались глубоким знанием дела, принципиальностью, четкостью, независимостью суждений, что, правда, не всегда нравилось командованию армии.

Василий Филиппович на нашем Ленинградском, а затем на Волховском фронтах (54-я армия была передана из Ленинградского фронта на Волховский фронт, поэтому боевые действия она вела в основном на Волховском фронте) внес огромный вклад в разгром фашистских захватчиков, проявил личное мужество, отвагу и героизм. Однако, по неизвестным причинам он не был отмечен ни единой наградой. Считаю, что со стороны командования 54-й армии была допущена несправедливость и жестокость, пусть это будет на их совести.

С большим огорчением мы узнали в июле 1942 года, что Василий Филиппович

покидает наш стрелковый 218-й полк. Ему было приказано принять под свое командование 13-й гвардейский стрелковый полк 3-й гвардейской стрелковой дивизии. А уже в октябре того же года его полк со всей дивизией был направлен на Южный фронт в район Сталинграда. Все бойцы и командиры полка очень тяжело переживали, обстановка резко изменилась, как-то стало серо и неуютно. С убытием из полка Василия Филипповича полк стал неузнаваем, утратилась уверенность. Раньше каждый боец или командир с гордостью отвечал на вопрос «Из какой части?» — «Маргеловец», этот ответ определял часть и пароль. Настолько был велик авторитет Василия Филипповича Маргелова.

Перед отъездом Василий Филиппович зашел в каждое подразделение полка, попрощался и пожелал боевых успехов.»

Хранится в семье генерала армии Маргелова Василия Филипповича и боевая характеристика на него, написанная 19 июля 1942 года. Позволю себе воспроизвести ее.

Боевая характеристика.
На подполковника Маргелова Василия Филипповича.

Бойцы и командиры 218 сп 8 °СД с основания полка, организатором которого является тов. Маргелов, по праву гордятся званием маргеловцев.

На всем протяжении боевых действий полка личный состав любит его, как принципиального, отважного командира, зажигательного агитатора и как честнейшего товарища.

В период боев у станции Молосковицы тов. Маргелов вместе с небольшой группой бойцов уничтожил 7 танков противника; с группой бойцов, составленной из всех полков 8 °СД, в течение 7 дней т. Маргелов сковал и продержал превосходящего по силе противника у поселка Ропши. Дважды попав в окружение, он вывел оставшихся с ним бойцов, нанося при этом большой урон в живой силе и технике противника. На подступах к одному из важнейших пунктов противника — д. Кондруя, под руководством Маргелова была перерезана дорога и захвачено много трофеев и пленных.

Этим далеко не исчерпывается перечень боевых дел тов. Маргелова.

Преданность делу партии Ленина — Сталина, личная отвага, решительность, знание военного дела, умение сочетать строгость к себе и своим подчиненным с человечностью — основные черты коммуниста Маргелова.

Под его руководством полк организовал и оснастил неприступную для противника линию обороны, неоднократные попытки противника прорваться в расположение обороны полка терпели неудачу.

Пришедшие в полк вместе с тов. Маргеловым, воспитанные им бойцы и командиры 15 ОДБ, в боевых действиях полка проявили себя как достойные ученики своего учителя-командира.

Дважды раненный во время Отечественной войны, тов. Маргелов уходил с поля боя только тогда, когда получал строжайшее приказание вышестоящего командования.

И не случайно на всех мероприятиях, проходивших в связи с годовщиной дивизии, имя Маргелова приводилось как пример солдата-полководца, патриота нашей Родины.

Секретарь партбюро 218 сп политрук Гущин
Боевая характеристика заверена гербовой печатью 218 сп 80 с.д.

22 июля 1942 года в полку торжественно отметили переход в Гвардию. Отныне полк стал называться 218-й гвардейский стрелковый полк. В полку это высокое звание расценивали как запоздалое признание заслуг его недавнего командира — подполковника Маргелова Василия Филипповича

В боях под Ленинградом получил командир полка воинское звание подполковник. В

коротком аттестационном листе на присвоение очередного воинского звания записано: «Майор Маргелов В.Ф. в 80-й СД со дня ее существования, в должности командира полка. Тактически грамотный, волевой, инициативный, требовательный к себе и подчиненным командир, пользуется большим авторитетом. В боях с немецкими оккупантами показал доблесть и мужество, умение руководить боем. Был ранен два раза. Мужественный, стойкий, преданный партии ЛЕНИНА — СТАЛИНА и Социалистической Родине. Должности командира полка соответствует. Ходатайствую о присвоении тов. МАРГЕЛОВУ очередного воинского звания «ПОДПОЛКОВНИК». Приказом НКО от 28.6.1942 г. звание было присвоено.

Единственной боевой наградой отца за эти бои стала медаль «За оборону Ленинграда», выданная 22 декабря 1942 года. Но с не меньшей гордостью хранил он удостоверение № «0» Первого лыжного полка моряков КБФ к знаку, выпущенному в память о 35-летии «десантной операции Шлиссельбург — Липки, ноябрь 1941 г.», а также памятные знаки «Защитнику Ораниенбаумского плацдарма 1941–1944 гг.», «Народное ополчение Ленинграда», «Невский плацдарм» («Невская Дубровка») и другие памятные знаки, отметившие юбилейные победные даты тех лет. Среди этих ветеранских наград есть и знак, посвященный 40-летию снятия блокады Ленинграда, с надписью «Защитникам В.Ф. и А.А. Маргеловым». Маргелова А.А. — Анна Александровна — боевая подруга и жена (с 1943 года) прославленного командира, наша, братьев-близнецов Александра и Василия, матушка.

Самым главным «трофеем» боевого командира под Ленинградом стала Аннушка — военврач Куракина Анна Александровна, с которой он встретился в конце грозного 1941 года, с которой прошел всю суровую дорогу Великой Отечественной войны и не расставался до конца жизни. Их любовь была внезапной, но они ее бережно пронесли через все жизненные испытания и невзгоды.

Родилась Анна Александровна 23 января 1914 года в многодетной крестьянской семье в деревне Морское Мышкинского уезда Ярославской губернии. С ранних лет познала нужду, тяжелый крестьянский труд. Пять сестер, две из которых были младше ее, один брат, самый старший, и она, Аннушка, составляли большую и дружную семью, помогая родителям вести хозяйство. Со временем тяжким семейным трудом обзавелись коровой, лошадьми, другим домашним скотом. Только жить стало полегче, как в 20-е годы деревенская беднота, разучившаяся работать в годы революции и Гражданской войны, объявила их «середняками» и обобрала до нитки. Пришлось все начинать заново, старшие дети отправились в Ленинград на заработки, а вскоре вслед за ними отправилась и Аннушка. Устроилась на работу в типографию, закончила Рабфак, поступила в медицинский институт.

Как и большинству студентов тех предвоенных лет пришлось ей поголодать, и недосыпать, грызя гранит науки. Зачастую в студенческой столовой, прикрываясь учебником, приходилось довольствоваться одним черным хлебом, густо намазанным горчицей и круто посыпанным солью, — благо, тогда это бесплатно стояло на столах. Но учеба ей давалась легко, училась она всегда очень прилежно, на одни пятерки, как-то преподаватель русского языка назвал ее даже «королем русской грамматики».

В 1941 году перед самой войной закончила она мединститут и сразу поступила на курсы врачей-хирургов при Военно-медицинской академии. И вот военврач 3 ранга Куракина Анна Александровна с 15 июля 1941 года направляется в 3-й стрелковый полк известной нам уже 80-й стрелковой дивизии на должность командира санитарной роты, затем на такую же должность в 218-й сп — можно догадаться, что забрал ее в свой полк, конечно же, отец. А забрал он ее благодаря случаю. Случай этот был вызван беспорядочным отступлением наших войск, бомбежками, артобстрелом противника. Несколько военных медиков в этой неразберихе отстали от своего полка и попали в расположение 218-го полка, где остались. Она оперировала командира полка балтийских моряков, раненного в ногу и его «братишек». Своему большому другу, с которым не раз приходилось лежать за одним пулеметом, отбивая яростные атаки врага, старшему врачу полка Яшке (Якову Ефимовичу)

Гуревичу он приказал никого к Куракиной не допускать. То же он повторил комиссару полка — другу своему Петру Ильину.

Правда ее муж, мой отец, за время войны дважды «заворачивал» ходатайства начальников своей жены о присвоении военврачу Куракиной очередного воинского звания. «Если бы не ваш отец, — говорила нам впоследствии матушка, — то к концу войны я бы точно имела звание подполковник, но зато теперь, будучи женой генерала армии, я — маршал, так как жена военнослужащего всегда на одно звание выше звания своего супруга», — весело поблескивая глазами говорила она.

В марте 1942 года она назначается ординатором 1-го Хирургического отделения армейского полевого госпиталя легкораненых (АПГЛР) 54-й армии, а в конце мая — начальником этого отделения. В октябре 1942 года, упросив командующего 54-й армии Федюнинского Ивана Ивановича, который случайно подвез ее на машине, отправляется вслед за мужем (да, это не оговорка, юридически в то время она считалась законной женой Василия Филипповича, и только принятый в 1943 году закон о регистрации браков определил регистрацию их супружеских отношений справкой, выданной на фронте военным юристом, а в 1947 году родители зарегистрировали свой брак уже в ЗАГСе, при этом матушка взяла фамилию мужа). Догнала она мужа в Тамбове, где переформировывалась его соединение, а уж потом вместе отправились они под Сталинград.

Далее проходила службу в различных должностях в 8-м Отдельном медико-санитарном батальоне 54-й армии, закончила войну в звании гвардии капитана медицинской службы, награждена орденами: дважды Отечественной войны II степени, Красной Звезды, а также медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены» и многими другими.

За тяжелый труд врача-хирурга в годы войны и в послевоенное время больные были ей очень благодарны. Раненые, зная добрые и умелые руки, просились к врачу Куракиной, дважды в годы войны ей пришлось оперировать своего мужа, возвращая его своим профессиональным умением и любовью в строй. Но не только за операционным столом отличалась на фронте Анна Александровна, приходилось ей и личным оружием отбиваться от прорвавшихся к медсанбату фашистов. А в 13-м гвардейском стрелковом полку, который принял подполковник Маргелов В.Ф. под Сталинградом, доктора Анну прозвали «Матушка» и «Матушка-кормилица».

Ненадолго прервемся от описания непрерывных кровопролитных боев… Ветеран Великой Отечественной, имевший, по его словам, честь воевать под командованием Бати — командира полка Маргелова Василия Филипповича в 1942 году на Волховском фронте, а затем — под Сталинградом, в должности комбата полковой артиллерии 13-го гвардейского стрелкового полка — гвардии старший лейтенант Шевченко Николай Арсентьевич поделился воспоминаниями о некоторых моментах военной жизни между боями. Чтобы представлять себе, что война — это не только окопы, а солдаты — люди, но… одетые в форму.

Сразу по прибытии в полк подполковник Маргелов В.Ф. попросил всех офицеров отказаться от личной кухни и повара. В то время офицеры гвардии получали дополнительный паек к питанию: животное масло, консервы рыбные, галеты (печенье), табак «Золотое Руно» или «Казбек», некурящим выдавался шоколад. Это и было поводом, чтобы офицеры питались отдельно от солдат. Вот этот-то доппаек и позволил завести каждому офицеру своего повара, а отсюда — растаскивание солдатской нормы общего котла.

Так и завелись личные повара при общем пищеблоке. Но так как кроме офицеров с ними еще питались (доедали недоеденное) адъютанты и прочие, то для общего объема доппайка этого было мало, и часть мясного пайка из солдатского котла уходила в офицерские кухни. Что, естественно, и было обнаружено командиром полка при обходе подразделений… Он начинал его с батальонных кухонь и пробы солдатского еды… Уже на второй день все должны были питаться из общей кухни вместе с солдатами. Кое-кто

воспринял его просьбу по-своему, недоброжелательно: «Новая метла по-своему метет», «Мели, Емеля — твоя неделя»…

Наутро после вчерашнего вечернего совещания заместители и начальники служб полка были приглашены на завтрак в расположении полковой роты. Только успели устроиться за столом с котелками, как прибыл солдат и что-то шепнул повару. Повар побледнел, в руках его ковш-раздатка дрожал, как при приступе малярии. Как потом оказалось, что в первом батальоне повар кормил солдат пригоревшей кашей. Новый комполка с утра прибыл в этот батальон, зашел на кухню и спросил повара, чем тот кормит солдат.

— Пшенной кашей с говяжей тушенкой, — ответил повар.

— Ну и как, все солдаты довольны? — последовал вопрос командира.

— Так точно, едят — аж ушами шелестят! — слишком уж лихо отрапортовал повар.

— Ну-ка, тогда налей и мне, — попросил командир.

Повар зачерпнул каши, стараясь поймать побольше мяса, и налил ее в круглый котелок, который поставил перед командиром полка, а сам присел рядышком. После первой ложки лицо командира перекосилось, шрам на щеке налился кровью.

— Ты сам-то кашу пробовал? — спросил он повара.

— Никак нет, — почуяв недоброе и понурившись ответил повар.

Тогда командир полка надел котелок с кашей повару на голову. Каша полилась… Хохот бойцов потряс округу. И вот тогда-то и понеслись «посыльные» со «страшной вестью» — Батя повара в котел бросил… От этой-то новости и побледнел ротный повар. А командир полка далее поинтересовался — чем будут кормить комбата. Принесли большую кастрюлю рисовой каши с мясом. На вопрос командира полка: «Он, что, все съедает?» — ему ответили: «Там у него и помощников достаточно».

Так первая проверка командира полка отучила всех офицеров полка от персональных поваров. Кроме чая (с заварной травой) ничего сверх нормы они себе не позволяли. А эти крохи — доппаек — сделали свое доброе дело. Особенно, как вспоминал командир батареи лейтенант Шевченко Н.А., когда еженедельно приносили в батарею табак «Золотое Руно» и каждому бойцу после завтрака выдавали по щепотке на самокрутку. А так как он не курил, то получал шоколадную плитку, но после «приобщения» доппайка — отказался от сладостей и передал свой табак на общую закрутку. Так и необстрелянный комбат (а прибыл он в полк, когда полк находился на отдыхе), заслужил уважение бойцов. ««Это — наш комбат», — говорили артиллеристы, — хоть и зеленый (после училища форма на нем выглядела слишком свежей), но под стать командиру полка — даже табак не жалеет, а ведь мог бы обменять табачок на самогон или, скажем, на молоко. А он, как комполка, — все солдатам».

««Как мало надо нашему солдату», — произнес совсем седой ветеран Н.А. Шевченко, — чтобы он поверил в твою порядочность. Хороший пример дал нам Батя.»

Эта глава также написана по воспоминаниям Николая Арсентьевича Шевченко, ветерана маргеловского полка.

Молодую женщину, военврача 3 ранга Анну Александровну Куракину в 13-м гвардейском стрелковом полку называли Матушкой. Все началось с прибытием в полк подполковника Маргелова Василия Филипповича, начальника штаба артиллерии полка капитана Дацко Виктора Михайловича и доктора Анны — так нам ее представил начальник медслужбы полка. Она должна была присматривать за пищеблоком, старшинами и другими служащими «котелка». Никто еще не знал, что она — жена командира полка.

Первое совещание руководства полка — представление прибывшего командования полка… Командир всем понравился. Строг, но, видимо, справедлив. Начал с разноса своего заместителя — подполковника Степанова за плохую заботу о солдатах. Хотя полк тогда стоял на отдыхе, бойцы были разуты, оборваны. Питались по второй норме, и это при наличии личных поваров вплоть до командира роты. Мало что доставалось солдатам из мясного…

После «разноса» своего зама принялся командир полка за личные кухни. Без особых

упреков попросил он с завтрашнего дня сдать паек на солдатскую кухню и питаться всем с общего котла, на виду у солдат, а не по землянкам и хатам. Многие закрутили носом, загрустили… А чтобы улучшить качество пищи, командир представил доктора Аннушку, специалиста по лесной зелени, весьма полезной для повышения качества блюд и для здоровья.

Так Аннушка взялась за дело, и как впоследствии оказалось, она и вправду была специалистом высокого класса. Уже вечером того же дня она провела семинар со старшинами и поварами, а утром с большой группой бойцов пошла в лес собирать травы. Чеснок, щавель, крапива — все пошло в котел. На утро все комбаты были приглашены на завтрак в полковую роту. Пришли, увидели длинный стол из свежесрубленных жердей (досок не было). С одной стороны стола — офицеры, с другой — солдаты. Все встали в очередь со своими котелками, командир полка — тоже, не то пятым, не то шестым. Всем налили суп-кашу с зеленью. Отведали и удивились — вроде бы обычная пшенная каша с мясом, но зелень (крапива) придала ей необыкновенно аппетитный вкус, даже не прочь были попросить добавки. «Никогда до этого я понятия не имел, — вспоминал Николай Арсентьевич, — чтобы крапива так улучшила вкус». Видя изумление бойцов, командир полка рассмеялся и показал на Анну Александровну — благодарите повара Аннушку. Так в полку появился консультант по витаминизации пищеблока и прекращению воровства из солдатского пайка бессовестными офицерами, старшинами и их челядью.

И — о чудо! — выражение «путь к сердцу солдата лежит именно через его желудок» оказалось истиной, которая в течение недели сделала солдат и офицеров единомышленниками вновь прибывшего командира полка. О командире полка — кавалеристе в пехоте — заговорили уважительно. Это прибыл Батя…

«— Это наш гвардейский командир, даже доппайка не пожалел солдатам», — говорили бойцы.

С той поры непоседливую Аннушку стали величать «Матушка-кормилица», а при ее появлении в ротах шумные матерные перебранки, неприличные анекдоты утихали без всякой команды. И если при приближении каких-либо женщин обычно подавалась шутливая команда «Рама!», как при появлении фашистского истребителя, то при ее появлении почтительно извещали «Матушка Аня!», все стихало и почти «во фронт» становились солдаты. Так забота о желудке солдата сделала ее уважаемым, любимым во всем полку, а может и в дивизии, человеком. Ее опыт осветила дивизионная газета. «Давно это было, — закончил воспоминания Николай Арсентьевич, — но до сих пор с большим удовольствием вспоминаю, что я имел честь знать чету Маргеловых — Василия Филипповича и Анну Александровну. Всю работу с подчиненными я строил по принципу, усвоенному от Матушки и Бати».

Через год, 30 декабря 1943 года, накануне форсирования Днепра, Цюрупинским РО НКВД был зарегистрирован брак Василия Филипповича Маргелова с Куракиной Анной Александровной…

Глава 4
В боях под Сталинградом

13-й гвардейский стрелковый полк. Подготовка к бою на Мышковой. «Мышковское сражение». Гвардия переходит в наступление.

Потерпев поражение под стенами Москвы, остановленный на Севере и на подступах к Ленинграду, гитлеровский вермахт стремился во что бы то ни стало добиться решающей победы на южном крыле советско-германского фронта. Немецко-фашистским войскам в

ходе наступления удалось выйти к Главному Кавказскому хребту и подойти к стенам Сталинграда. Только на Сталинградском направлении противник сосредоточил 50 дивизий. Здесь действовали отборные фашистские армии: 6-я полевая и 4-я танковая, которые являлись острием гигантского клина, нацеленного на Сталинград. Советское командование, в свою очередь, принимало решительные меры не только по сковыванию противника на подступах к Сталинграду, но и готовило резервы для проведения стратегического наступления.

Практическим мероприятием Ставки по реализации этого замысла явилось формирование в конце 1942 года 2-й гвардейской армии — мощного оперативного объединения, способного решать сложные боевые задачи. Укомплектовывалась 2-я гвардейская армия в основном гвардейскими стрелковыми дивизиями, бойцы и командиры которых закалились в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Эти гвардейские дивизии и составили основной костяк армии, организационно влившись в 1-й, 13-й гвардейские стрелковые корпуса и во 2-й гвардейский мехкорпус.

Поистине легендарным соединением 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора П.Г. Чанчибадзе была 3-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора К.А. Цаликова. За мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами еще в сентябре 1941 года она была в числе первых четырех дивизий преобразована в гвардейскую. И вновь гвардейцы 3-й стрелковой дивизии отличились на Волховском и Ленинградском фронтах.

Головной полк этой дивизии — 13-й гвардейский стрелковый было приказано возглавить гвардии подполковнику Маргелову В.Ф.

В описании боевых действий полка использованы материалы из очерка ветерана полка Стебунова Владимира Тихоновича, присланные по просьбе автора книги. «Очерк описывает один из «звездных часов» полка в сражении под Сталинградом — на реке Мышкова. В очерке герои — командир полка, солдаты, офицеры», — написал в письме боевой офицер. Владимир Тихонович стал впоследствии командиром 13-го гвардейского Севастопольского (Приказ ВГК от 10.5.44) Краснознаменного (1945) стрелкового полка, ныне он полковник в отставке.

В октябре 1942 года, когда батальоны стали ротами, а роты — горстками людей, полк был выведен на доукомплектование на Тамбовщину. Возле небольшого городка Раненбург (ныне город Чаплыгин) в село Кривополянье в течение двух месяцев прибывали новобранцы. По несколько раз в день бойцы атаковали «противника», вгрызались в земля, ползая по-пластунски, отрабатывали ружейные приемы. Жили в крестьянских избах и в землянках, что было не сравнимо с укрытиями в Синявинских болотах.

Вместе со штабом полка и командирами подразделений командир полка горячо взялся за боевую подготовку 13-го гвардейского полка к грядущим сражениям. Надо отметить, что в процессе формирования 2-й гвардейской армии в ее части и соединения влилось много моряков Тихоокеанского флота, курсантов военных училищ. Внимание командование полка старалось уделять индивидуальной ратной выучке каждого автоматчика, пулеметчика, минометчика, артиллериста и в особенности — истребителям танков. По богатому опыту предыдущих боев командир полка В.Ф. Маргелов хорошо знал, какое огромное значение для успеха в бою имеют стойкость, выдержка и высокое боевое мастерство бронебойщиков-истребителей танков. Эти простые парни с длинными, похожими на копья былинных богатырей, ружьями могли творить чудеса. Это они метким огнем из противотанковых ружей, точным броском гранаты или бутылки с горючей смесью крушили вражеские танки — становой хребет фашистских частей и подразделений. Отцу не раз приходилось вступать в единоборство с фашистскими танками еще в боях под Ленинградом, и он, учитывая личный опыт предыдущих боев, стремился подготовить истребителей танков прежде всего в морально-психологическом отношении.

Нередко командир полка сам показывал бронебойщикам, как отрыть индивидуальный окоп, как лучше «работать» с противотанковым ружьем, как метать гранаты и бутылки с

зажигательной смесью. Полк учился действовать в любое время суток и в любую погоду. Не забывали в полку и о физической подготовке бойцов. Каждый день проводили пешие марш-броски с полной выкладкой на расстояние 10–15 километров, а раз в неделю совершали суточные переходы на 30–40 километров и обязательно с боевой стрельбой. Порой боевая учеба продолжалась по 15–20 часов в сутки, причем треть времени отводилась на ночную подготовку.

Отличная боевая выучка 13-го гвардейского стрелкового полка впоследствии позволила ему с честью выйти победителем в жестоких и кровопролитных боях на подступах к волжской твердыне — Сталинграду.

По «солдатскому телефону» стало известно, что полк входит в состав гвардейской армии. Да это и было видно по вооружению, обмундированию и пайку. Солдаты часто задавались вопросом, откуда страна берет все это для армии. Командиры и бойцы по учебной карте с полушариями земли строили разные догадки, куда же их направляют. Шло Сталинградское сражение, и все предположения строились вокруг этого города на Волге. Вскоре полк посадили в пульмановские вагоны, приспособленные под теплушки, и состав тронулся в путь навстречу неизвестности. Однако бойцам и офицерам после бесконечных учений, ночных маршей, бросков и кроссов эти вагоны показались домом отдыха — кухня по расписанию варит и кормит, агитаторы проводят беседы и читают газеты. В каждой теплушке по гармонике, звучат песни от чапаевского «Черного ворона» до последних, услышанных от солдат, побывавших в госпиталях. В каждой теплушке споры, дискуссии по всем вопросам, начиная от все не открываемого второго фронта до тактики старшин рот и батарей по сохранению рукавиц и портянок.

В теплушке командира батальона гвардии капитана Ивана Кудинова спорили о Горлове и Огневе. В ту пору среди командного состава шли горячие споры о пьесе Александра Корнейчука «Фронт», напечатанной в «Правде». Газету с пьесой рвали из рук. Пьеса ставила вопрос — как же воевать, чтобы победить? Спорили о двух военачальниках, руководивших боевыми действиями войск: Горлове, имевшем в прошлом большие боевые заслуги, крепко державшемся за отжившие формы и методы управления войсками, и Огневе — с новыми взглядами на ведение войны. Такая открытая критика некоторой части военного руководства в тяжелые для страны годы, да еще в «Правде», вызывала разные суждения: не повредят ли открыто высказанные народу недостатки и ошибки крупных военачальников в ведении боевых действий, нужно ли говорить об этом открыто в печати? Назывались конкретные лица, которые якобы были изображены в пьесе. Споры сводились к одному: командовать должны такие военачальники, как Огнев. Ротные и взводные, в подчинении которых были не фронты и армии, пытались говорить и действовать по-огневски.

— А наш командир под Огнева подходит? — начал разговор молоденький старший лейтенант.

— Наш Батя — командир крупного калибра!

Это о командире полка Василии Филипповиче Маргелове. Его хорошо знали по Волховскому фронту, в разгар боев под Ленинградом. Бойцы чувствовали железную силу воли, решительность и смелость командира. Его видели в передовых цепях наступающей пехоты, на огневых позициях артиллеристов, на командных и наблюдательных пунктах. Уже тогда о его бесстрашии, мужестве и любви к солдатам ходили легенды.

В полку он стал уважаемым и авторитетным командиром. Что недолюбливал, так это штабные бумаги. Офицерам штаба не давал засиживаться в землянках:

— Каждый, кто воюет, должен испытать на себе то, что испытывает рядовой пехоты. Неплохо бы сходить и в атаку.

Солдатская психология такова: каждому хотелось, чтобы его командир был выдающимся, ну, хотя бы похожим на Чапаева, Котовского… Маргелова в полку ни с кем не сравнивали. Он пришелся по душе солдату и был просто Маргелов.

Начало нового военного 1943 года ознаменовалось выдающейся победой доблестной Красной Армии — разгромом трехсоттысячной группировки фашистских войск под Сталинградом. Однако немецкое командование предприняло все меры к деблокированию своих окруженных войск. С этой целью фашистские стратеги разработали операцию, которой было присвоено кодовое название «Зимняя гроза». По приказу Гитлера спешно была образованна группа армий «Дон» под командованием фельдмаршала фон Манштейна. Роль танкового тарана по замыслу фашистов должна была сыграть сводная армейская группа «Гот». На нее и возлагалась задача по деблокированию окруженных войск Паулюса. Непосредственное руководство операцией возлагалось на командующего 4-й танковой армией генерала Гота.

К началу контрудара в эту группировку входили 3 танковые, 1 моторизованная, 5 пехотных, 2 авиаполевые, 2 кавалерийские дивизии, ряд подразделений и частей из резерва главного командования, в том числе отдельный танковый батальон, вооруженный новейшими тяжелыми танками T-V «Тигр», имевшими 100-миллиметровую броню и мощную 88 мм пушку. Эти танки применялись на советско-германском фронте впервые. Двойной перевес в людях и артиллерии, шестикратный в танках на направлении главного удара как будто бы гарантировал фашистским воякам успех «Зимней грозы». По замыслу командующего группой армий «Дон» фон Манштейна ударная деблокирующая группировка «Гот» должна была форсировать реку Аксай, мощным ударом прорвать оборонительные рубежи на реке Мышкова и в районе Ерико-Крепинского встретиться с частями группы прорыва 6-й армии Паулюса.

Рано утром 12 декабря 1942 года после мощной авиационной и артиллерийской подготовки противник из района Котельниковского всей своей мощью ринулся на Сталинград. Несмотря на героическое сопротивление наших соединений, в основном стрелковых и кавалерийских, танковая лавина Манштейна форсировала реку Аксай и вышла в район хутора Верхне-Кумский. Далее на направлении главного удара фашистских войск к Сталинграду единственным подходящим естественным рубежом, на котором советские войска могли организовать мощную оборону, способную выдержать удар танкового тарана, была река Мышкова, пересекающая с востока на запад подступы к Сталинграду со стороны Котельниковского. По боевому приказу командующего 2-й гвардейской армией генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского войска армии должны были к утру 13 декабря выйти на рубеж реки Мышкова, упредить противника в развертывании, занять прочную оборону и не допустить его прорыва к Сталинграду по этому кратчайшему направлению.

Здесь хочется заметить, что в советской военной истории всю операцию по уничтожению деблокирующей группировки «Гот» принято называть Котельниковской. О сражении на берегу реки Мышкова, где фактически был разгромлен танковый таран немцев, в «Военном энциклопедическом словаре» 1983 года, например, всего восемь строк: «Мышкова, река в Волгоградской области, левый приток Дона, на рубеже которой во время Сталинградской битвы с 19 по 24 декабря в ходе Котельниковской операции 1942 года войска 2-й и 51-й гвардейских армий отразили удар сильной группировки немецко-фашистских войск и сорвали планы немецко-фашистского командования по деблокаде окруженных под Сталинградом войск противника».

А вот немецкие военные историки под впечатлением от тех кровавых потерь, которые фашистские войска понесли в ходе бесплодных штурмов оборонительных рубежей советской гвардии на Мышковой, высказывались более пространно и категорично. Например, немецкий военный историк генерал Ф. Меллентин, никогда не симпатизировавший Красной Армии, в своей фундаментальной работе «Танковые сражения 1939–1945 годов» (Москва, Изд-во иностр. литературы, 1957 г., стр. 173) относительно боев на реке Мышкова оценил поражение манштейновской группировки «Гот» на рубеже этой реки весьма категорично: «Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой безвестной речки привела к кризису Третьего рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших

поражение Германии».

Впрочем, в истории Второй Мировой войны много «белых пятен»… Следует отметить, что отец всегда гнал от себя корреспондентов и фотографов. Может это также добавило тех самых «белых пятен», в том числе — и в его богатую боевую биографию.

Вышеприведенные соображения, как и последующие в этой главе, принадлежат генералу армии Маргелову В.Ф. Он также считал, что в этом вопросе нужна серьезная работа историков. Как участник тех невиданных по жестокости боев, он с полным основанием заявлял, что основную тяжесть ударов вражеских танковых дивизий в героической обороне на реке Мышкова, где были остановлены и разгромлены основные силы манштейновской «Зимней грозы», вынесли на своих плечах части гвардейских стрелковых дивизий 2-й гвардейской армии и 2-го гвардейского мехкорпуса. Именно здесь, на рубежах Мышковой, наши солдаты, проявляя чудеса храбрости и героизма, огнем противотанковых пушек, меткими выстрелами противотанковых ружей, гранатами и бутылками с горючей смесью сожгли и подбили почти все танки манштейновского деблокирующего тарана. Поэтому, может быть, было бы правомерным назвать эту выдающуюся операцию советских войск, эту грандиозную битву «Мышковской» — по имени безвестной доселе степной речушки Мышкова, оборонительные рубежи на которой гитлеровцам пройти не удалось даже ценой колоссальных потерь.

Но вернемся к событиям той огневой поры…

К берегам этой малоизвестной речки вместе с другими частями 13-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии по тревоге в срочном порядке был направлен и 13-й гвардейский стрелковый полк.

На четвертые сутки полк распрощался с теплушками на маленькой железнодорожной станции Большие Липки в ста километрах юго-западнее Сталинграда. Это совсем озадачило полковых «стратегов». Вновь появились учебные карты и началось по ранее отработанной схеме: оценка обстановки, предполагаемое решение начальства и решение «я бы сделал вот так». Последних было больше, так как в полку было много выпускников училищ и курсов.

Ночью из теплушек — в походную колонну и «шагом марш!» Командир полка то там, то здесь, торопил бойцов, всячески их подбадривал.

Ночь морозная с колючим ветром. Дорога завьюжена снегом. Холод бойцам не страшен — на них полушубки, валенки, рукавицы. Идти трудно. Как-никак, солдаты навьючены кроме обычной выкладки станинами станковых пулеметов, минометными стволами, лафетами, плитами, рациями, катушками с проводом, противотанковыми ружьями.

Для своевременного достижения рубежа реки Мышкова, гвардейцам полка после выгрузки пришлось совершить 100-километровый марш.

Маргелов поставил задачи подразделениям, приказал собрать сани и передать их 1-му батальону — передовом отряду. Им же была поставлена задача найти человека, который в июле-августе воевал южнее Сталинграда.

Маршрут перехода проходил по местности, только что освобожденной от немецко-фашистских захватчиков. Все населенные пункты фашисты разрушили или сожгли при отступлении. Поэтому даже на больших привалах гвардейцы не имели возможности ни обогреться, ни обсушиться, ни укрыться хотя бы за какой-то стеной или крышей.

— Кровушки пролито здесь много: мы отступали, фриц наступал — кровь лилась, фриц драпал — кровь лилась. Весной вырастет красная трава.

— Теперь, братцы-славяне, пора кончать отступать. Приказ Сталина № 227 слышал?

— Мурашки по спине бегали, когда читали. Доотступались до Волги и загранотрядов.

Черные трубы, оставшиеся от редких населенных пунктов, напоминали, что здесь жили люди. Но на всем пути полк не встретил ни одной живой души.

Морозы иной раз сменялись оттепелью, и промокшие за день валенки солдат ночью превращались в ледовые колоды, которые при ходьбе причиняли нестерпимую боль. Из лыж мастерили санки для пулеметов и минометов. По дороге бросали противогазы.

Противогазные сумки заполняли сухарями и гранатами. На коротких привалах люди засыпали мгновенно, многие пытались продолжить сон на ходу. Заключали договор: вначале один спал, держась за плечи впередиидущего, затем менялись местами. Но гвардейцы упорно продвигались вперед, совершая переходы по 40–50 километров в сутки.

Чем ближе полк подходил к реке Мышкова, тем чаще стали встречаться трупы убитых и замерзших. Многие из новичков не видели так близко следов войны:

— Если бы не увидел, не поверил…

— Жутко смотреть…

— Гунны прошли…

— Вот вам и воспитание ненависти к фашистам.

Когда бойцы узнали, что идут навстречу Манштейну, среди солдат состоялся такой разговор:

— Старый знакомый. Встречались под Ленинградом…

— Потрепали его здорово там…

— Не пришлось ему гулять по Невскому…

— Будет эта Мышкова ему мышеловкой.

Командиры и политработники показывали личному составу пример мужественного выполнения воинского долга. Они проводили летучие митинги и организовывали выступления активных участников боев перед необстрелянными молодыми воинами.

В ходе марша росли ряды партийных и комсомольских организаций. Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов, в ту пору начальник штаба 2-й гвардейской армии, в своих мемуарах описывает такой эпизод: «На дороге остановилось подразделение бронебойщиков. На плечах у солдат длинные, похожие на жерди противотанковые ружья. Остановка непродолжительная — всего 10–15 минут. Только бы успеть пообедать! Но пока старшина возится с термосами, от роты отделяется небольшая группа и располагается возле сарая, в котором оказался и я с несколькими офицерами. Стены сарая все в щелях и мне не только слышно, но и видно, что происходит снаружи. Вот бронебойщики бросили на снег патронный ящик, на него встал молодой лейтенант и объявил партийное собрание роты открытым. Собрание это длилось не более пяти минут. Решение было вынесено короткое: «Коммунистам на марше и в бою быть впереди!».

Чем ближе к Мышковой, тем больше шло небольших групп пехотинцев, повозок с ранеными — остатки частей, отошедших под напором танковых дивизий противника. Из строя к раненым подбегали солдаты и совали табак, сухари, банки с консервами, все то, чем могли поделиться. Вот подбегает бывший моряк и укрывает бушлатом ноги раненому бойцу. Бушлат — ничего дороже его в вещевых мешках бывших моряков не было. Ветераны полка помнили бушлаты, сохраненные через многие сотни верст фронтовых дорог у Днепра и в Литве!

Вспоминая марш полка, генерал армии Маргелов не переставал восхищаться выносливостью бойцов и командиров. Это был поистине первый боевой подвиг полка на пути к встрече с вражеским танковым тараном врага. Марш, решивший последующие победы над врагом.

Недаром и Военный совет армии также рассматривал этот переход к берегам Мышковой как боевой подвиг гвардейцев.

Благодаря стремительному маршу гвардейцы 13-го гвардейского полка одними из первых в армии вышли на рубеж реки Мышкова. Другие соединения и части армии еще продолжали марш и передвижение по железной дороге, а 13-й гвардейский полк уже разворачивался и готовил оборонительные рубежи.

Трудно, очень трудно приходилось бойцам при оборудовании оборонительных линий. Местность здесь была равнинная, безлесая. Грунт промерз настолько, что его с трудом брали не то что саперные лопатки, а кирки и ломы. Снежного покрова почти не было, а поэтому замаскировать окопы и блиндажи тоже было нелегким делом. А ведь надо было не только маскироваться как следует, но и думать о прочности блиндажей и окопов, которые за

отсутствием леса укреплять было просто нечем.

Вот тут-то на помощь бойцам пришли жители Васильевки и Капкинского. Днем и ночью вместе с бойцами старики, женщины, подростки рыли окопы, строили блиндажи и дзоты. Патриотизм жителей был настолько велик, что многие из низ жертвовали своими домами, сараями, бревна и доски от которых шли на постройку оборонительных сооружений. Отец с глубокой благодарностью вспоминал эту героическую помощь простых советских людей. Под ураганными порывами пронизывающих ветров долбили они кирками, ломами, лопатами промороженную сильными морозами твердую, как бетон, землю. Без их самоотверженной помощи вряд ли удалось бы гвардейцам в кратчайшие сроки создать прочный оборонительный рубеж на реке Мышковой.

Отец считал, что в романе Юрия Бондарева «Горячий снег» правдиво отражена драматическая картина тех боев на Мышковой. Ветераны войны — участники тех боев полностью соглашались с его мнением.

Советские воины готовились встретить врага по-гвардейски — стремительным огнем всех видов оружия. Зная об огромном количестве танков у противника, командир полка подполковник Маргелов В.Ф. самое большое внимание уделил оборудованию обороны в противотанковом отношении. Батальоны зарывались в землю и готовились к смертельному поединку с танковыми подразделениями врага. Систему обороны Василий Филиппович построил так, чтобы в случае прорыва противника через первые эшелоны обороняющихся батальонов, он мог быть уничтожен в глубине батальонных районов обороны. Противотанковые средства сосредоточились на танкоопасных направлениях. По приказу командира полка бойцы-истребители танков отрывали для себя глубокие индивидуальные окопы с таким расчетом, чтобы наехавший на окоп танк не смог раздавить гвардейца, а тот, в свою очередь, пропустив танк через окоп, мог поразить стальное чудовище в самое уязвимое место — в моторное отделение.

Кроме того, командир полка требовал от бронебойщиков, чтобы они стреляли по танкам только с дистанции действительного огня, а автоматчики и пулеметчики своим огнем должны отсекать пехоту от танков. «У Манштейна много танков, — выступал на одном из митингов Маргелов, — Его расчет на силу танкового удара. Главное — выбить танки. Каждый из нас должен подбить по одному танку. Пехоту отсекать, заставлять прижиматься к земле и уничтожать».

Двое суток, 17 и 18 декабря, командир полка с командирами подразделений работали на местности. Много времени пришлось затратить на выбор основных и запасных позиций для каждого орудия, противотанкового ружья, станковых и ручных пулеметов, особенно с фланговым и перекрестным огнем. Никто толком не знал, даже командиры батальонов, как лучше организовать сосредоточенный огонь одной или нескольких рот. Маргелов говорил с хрипотцой, будто застужен, а здесь совершенно охрип, рассказывая и показывая, бегая впереди всех. Не скажешь, что ему 34 года, а ведь командирам подразделений, еле успевающим за командиром полка, лет намного меньше. Облазили все ранее оборудованные окопы и огневые позиции. Их расположение замыслам командирам подразделений не отвечало. Оборудование было примитивным: неглубокие окопы, в которых от танков не спасешься, нет запасных позиций и «лисьих нор» для отдыха.

«— И это — божий дар, как говорят у нас в деревне», — сказал комбат-3 капитан Лукашов.

— Придется поковыряться как следует в земле, — дополнил комбат-2 старший лейтенант Кондратьев.

Обитатели обороны смотрели на своих командиров ожидающими глазами. Они чувствовали свою слабость, но молчали, боясь осуждения гвардии. С большой охотой рассказывали о боях, угощались и с жадностью затягивались ядовито-зеленым дымом моршанской махорки.

Полковая разведка, работавшая в течение трех суток, доставила пленного унтер-офицера 6-й танковой дивизии. Пленный, огромного роста, после нелегкой дороги,

трясся то ли от мороза, то ли глядя на скуластое со шрамом лицо Маргелова и на его маузер. По показаниям пленного, дивизия после разгрома под Москвой переформировывалась во Франции. В конце ноября прибыла по железной дороге и разгрузилась в Котельниковском, что в 70 километрах юго-западнее Васильевки. Дивизия считается лучшей в группе Гота.

— Когда дивизия должна наступать? — спросил пленного Маргелов.

— Утром. К вечеру встретимся с солдатами бесстрашной 6-й армии, — уверенно ответил пленный. Это был убежденный противник.

— Вот, сволочи, все уже подсчитали. Хотят повторить августовское наступление. Понравилась им эта Васильевка! А вот мы здесь упремся, и никто нас не спихнет. Скажите унтеру, чтобы перестал трястись — противно смотреть, — на этом командир полка допрос закончил.

Ночью разыгралась поземка и усилился мороз. Солдаты, чертыхаясь на начальство, прогрызали мерзлую землю, углубляя окопы, оборудуя новые огневые позиции, пикировались между собой, деля кирко-мотыги и лопаты.

— Чего грызем землю, заняли бы старые окопы и баста! Выдумывает начальство: углубляй, расширяй, рой новые…

Солдатская психология сложная. Вряд ли кто докопался до ее глубин. Вот и здесь: окоп углублять для его же, солдата, спасения, а он ворчит, хотя приказ выполняет. Окоп после первой же танковой атаки спас жизнь солдату — хвалит командира: «Вот это командир! Все продумал, заставил нас, славян, поработать для себя же. Зря ругали».

Эти и другие мероприятия полностью оправдали себя первый же день ожесточеннейших боев на рубеже тогда еще неизвестной миру речушки.

В небо то и дело взлетали немецкие ракеты. Противник боялся разведчиков. Во второй половине ночи враг бил по участку обороны полка бесприцельным огнем артиллерии — самым неприятным в этом была невозможность угадать, куда прилетит снаряд. Наша оборона молчала, не производя ни одного выстрела. Командир не хотел раскрывать систему огня раньше времени. Своим артиллеристам он поставил задачу засекать огневые позиции противника.

Были проведены накоротке собрания коммунистов и комсомольцев, групп истребителей танков, рассмотрены заявления командиров и солдат с просьбами о вступлении в члены ВКП(б).

18 декабря передовой отряд полка и передовые подразделения 6-й танковой дивизии встретились на реке Мышкова. К этому времени немецкие танки были уже у Васильевки и Капкинского. Передовой отряд подбил два немецких танка. «Это первые две свечки, поставленные командиру 6-й дивизии», — сказал комбат—1.

К исходу дня полк с ходу занял оборону на четырехкилометровом фронте от Васильевки до Капкинского. Выход главных сил немецко-фашистских войск к реке Мышкова был упрежден полком на шесть часов.

В землянках штаба полка зуммерили телефоны. Дежурные отвечали: «Все в порядке». Политработники с офицерами штаба находились в окопах, на огневых позициях, готовили подразделения к бою. Основу обороны составляла артиллерия, поэтому ей уделялось особое внимание. По замыслу, пехотинцы переднего края могли пропустить часть танков через свои окопы, которые обязательно нужно было остановить и уничтожить. Эта задача и решалась всеми командирами и бойцами.

Начальник артиллерии полка гвардии старший лейтенант Николай Шевченко, быстрый, влюбленный в артиллерию, всю свою душу отдавал обеспечению живучести каждого орудия. Решив все задачи, он доставал записную книжку и читал каждому орудийному расчету приказ генерал-майора русской артиллерии А.И. Кутайсова из далекого 1812 года: «Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Артиллерия должна жертвовать собой… Последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю

орудий».

Станковые пулеметчики примерялись к основным и запасным гнездам, тренировали дублеров из музыкантов полкового духового оркестра. Совсем недавно эти ребята показывали свое искусство на вечерах самодеятельности, а днем учились стрельбе из «максима». В бою они стали дублерами в пулеметных расчетах.

Начальник штаба полка гвардии капитан В. Дацко, четкий, требовательный, волевой, умело организовал работу штаба полка.

А между тем танковые дивизии армейской группы «Гот» рвались к Сталинграду. 19 декабря, введя в бой свежую 17-ю танковую дивизию и создав этим самым громадное превосходство в танках на главном направлении удара, немцам ценой огромных потерь удалось захватить хутор Верхне-Кумский и прорваться к реке Мышкова. Здесь неожиданно для себя, они встретили мощное сопротивление передовых частей и прежде всего 13-го гвардейского полка 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которые упредили противника не только с выходом к реке, но и в развертывании, и в создании оборонительных рубежей. Хотя наши воины опередили врага всего на несколько часов, но и за это короткое время бойцы сумели как следует подготовиться к встрече с врагом. И встретили фашистов, как обещали, по-гвардейски!

Всех сражающихся на берегах Мышковой облетела весть о бессмертном подвиге бронебойщика Ильи Каплунова. Находясь на огневой позиции северо-восточнее хутора Нижне-Кумский, комсомолец Каплунов вступил в единоборство с несколькими танками противника. Пять фашистских танков подбил из противотанкового ружья отважный воин, но и сам был тяжело ранен. С перебитой рукой и оторванной ступней, истекая кровью, гвардеец продолжал беспримерный поединок с танками и подбил еще три. А когда на отважного воина пошел девятый танк, то он зубами сорвал чеку противотанковой гранаты, пополз навстречу надвигающейся громаде и уничтожил ее ценой своей жизни.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Илье Макаровичу Каплунову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя навечно занесено в списки полка.

Гвардейцы роты, в которой служил отважный бронебойщик, написали письмо матери героя Марии Семеновне Каплуновой: «Мы будем такими, как Илья, — писали бойцы, — За смерть Ильи дорого заплатят нам фашистские изверги». Ответ убитой горем, но гордой подвигом сына Марии Семеновны, размноженный в сотнях экземпляров, зачитывался потом на передовой. «Мне становится легче, — говорилось в нем — когда читаю, что мой Илюша в одном бою уничтожил девять немецких танков и погиб как герой, не осрамив себя перед Родиной».

Гвардейцы, воодушевленные подвигом Ильи Каплунова, стояли насмерть и отбили все атаки фашистов.

Ранним утром 19 декабря немцы произвели артиллерийский налет и атаковали танками и мотопехотой 2-й стрелковый батальон, находившийся на южном берегу реки. Встреченные дружным огнем артиллерии и бронебойщиков, танки остановились перед батальоном, так и не сумев подойти к реке.

— Прощупывают, сволочи, — сделал заключение комбат-2.

Новички, впервые увидевшие вблизи танки со зловещими крестами, с интересом пытались подняться из окопов, чтобы увидеть, как горит броня.

Все бинокли, стереотрубы полка были обращены в сторону противника. Перед полком открывалась невиданная картина: в двух-трех километрах от реки все пространство от балки Рассыпная до балки Свиная было сплошь забито танками, бронетранспортерами и автофургонами. По полю на виду обороны сновали легковые автомобили, мотоциклы. Сразу бросается в глаза отсутствие всякой маскировки. Командир и штаб полка, оценивая действия противника, предположили, что, во-первых, немцы рассчитывают на психологический эффект, на устрашение. Такую демонстрацию сил они устраивали в начале войны, но сейчас

не сорок первый год. Во-вторых, дивизия спешила, ее передовые части попытались столкнуть обороняющихся, но не смогли, а главные силы вместе со своими тылами, уверенные в успехе авангардов, двинулись к реке.

Полковые разведчики привели пленного. По его словам, в дивизии утверждают, что советские войска бегут. Вместе с главными силами дивизии, чтобы не отстать, прибыли танковые части.

Командир полка Маргелов доложил командиру дивизии генералу К.А. Цаликову, что налицо, скорее всего, второй вариант.

— Такая армада техники — хорошая цель для авиации и артиллерии, — подытожил командир полка. Командир дивизии согласился, и вот уже «илы» 206-й штурмовой авиадивизии под прикрытием «яков» 268-й истребительной авиадивизии наносят бомбо-штурмовые, а корпусная и дивизионная артиллерия — артиллерийские удары по скоплению вражеских войск. Поле между двумя балками стало похожим на растревоженный муравейник. Возникли многочисленные пожары. В окопах полка ликование, кто-то даже подбрасывал шапки.

Не успели уйти наши самолеты, как появился разведчик, прозванный солдатами «рамой», а за ним «юнкерсы» и «хейнкели». «Один… Пять… Двадцать… Сорок…», — считают в окопах, глядя на небо. Самолеты, выстроившись цепочкой, начинают «крутить колеса», пикируя, сбрасывают бомбовый груз на боевые порядки полка и соседей. Солдаты, не раз испытавшие на себе бомбежку, следят за траекторией полета бомб: «Это не сюда…». Спокойно скручивают цигарки, закуривают. «А вот это к нам…». солдаты, видевшие бомбежку только в кино, жмутся к стенкам и ко дну окопа, нещадно ругают Гитлера, и всех фрицев, вопросительно поглядывают на курящих. Их можно понять, действительно, при первой бомбежке у страха глаза велики. Молодые солдаты еще не научились преодолевать чувство страха усилием воли. Может быть, и после первых бомбежек это труднопреодолимое чувство не пройдет, но затем в поединке с робостью и страхом человек обычно выходит победителем.

Вражеские самолеты, сделав последнее «колесо», растянулись в цепочку и начали ходить прямо над головами, поливая пулеметным огнем оборону полка. Все небо было покрыто клубочками разрывов зенитных снарядов, частыми нитями трассирующих пуль зенитно-пулеметных установок. Дважды немцы повторяли бомбовые удары. На огонь артиллерии противника ответила мощными налетами корпусная и дивизионная артиллерия. Полковая артиллерия молчала — готовилась к встрече танков.

Описывать состояние оборонительных сооружений после бомбежки трудно. Недаром в нашей речи есть такое образное определение: как после бомбежки. Многие окопы, огневые позиции разрушены, разбиты орудия, пулеметы, порваны и разметаны в разные стороны телефонные провода. Горчичный запах тола лезет в нос и горло. Все заняты приведением в порядок обороны. Бегают санитары, медсестры, уносят раненых и убирают до ночи в укромные места убитых. На наблюдательных пунктах крик, беготня. Все запрашивают, что осталось живым, где нужно срочно латать оборону, кому и чем помочь. Начальник связи полка неутомимый гвардии капитан А.О. Затолока в одной телогрейке, мокрой от бега, посылает на проверку проводов линейщиков, резервных радистов. Он опытен, изобретателен, и это выручает его в любой обстановке.

На наблюдательном пункте командира полка вместе с командиром у стереотрубы — командиры артиллеристов. Через стереотрубу хорошо видно, как танки выстраиваются в три колонны и начинают движение в сторону нашей обороны. Идут на большой скорости, выдерживая равнение в колоннах. «Обычно в атаку ходили россыпью, — говорит Маргелов, — а тут углом вперед и в колоннах. А этот командир дивизии хитрец: хочет протаранить оборону танками и для уверенности построил их так, чтобы таран был наиболее мощным. Ну, братцы-бомбардиры, сейчас надежда только на вас!»

По радио, по телефону надрывные голоса кричали: «Танки! Танки! К бою!»

Оборона, изуродованная, разбитая бомбовыми ударами и артиллерийским огнем

противника, была готова встретить вражеские танки и в этих условиях.

Громада танков подходит к реке. Наша артиллерия с закрытых позиций открывает огонь. В окопах кричат: «Горят! Горят!» Два факела в головной и три — в правой колоннах-треугольниках. Танки, как бы раздумывая, останавливаются у берега, а затем скатываются к реке. Немецкая артиллерия открывает шквальный огонь. Противно воют мины-«скрипухи». Танки поднимаются на северный берег реки, ведя огонь с коротких остановок. За третьей линией в колоннах мелькают пехотинцы. Полковая артиллерия прямой наводкой открывает огонь по танкам противника. Еще несколько факелов. Полк впервые отражает такую массированную танковую атаку, и можно понять командиров батальонов и рот, которые хотя и отдали все необходимые команды, а личный состав знает, что нужно делать, но все же сейчас необходим для ободрения твердый и спокойный голос командира:

— Танки бить гранатами по днищу и в гусеницы.

— Пехоту отсеивать огнем пулеметов и автоматов

— Залповый огонь вести поротно.

Трудно такую армаду остановить перед передним краем. Большей части танков удается перевалить через первую траншею. На них скрещиваются трассы снарядов и пэтээровских пуль, летят гранаты, бутылки с горючей смесью. Несколько танков загорается, но остальные рвутся в глубину обороны. Головная колонна-треугольник попадает под фланговый огонь артиллерийской и зенитной батарей. Взрывы снарядов. Скрежет разрываемого железа. Башни танков поворачиваются то влево, то вправо, нащупывая артиллеристов. Сейчас самая тяжелая работа у артиллеристов-истребителей танков. «Первый выстрел — главный выстрел. Не попал в танк — он может раздавить орудие. Да если и подбил гусеницу, танк может принести горе и орудию и расчету. Нужно танк сжечь!» — так учили, и так делают артиллеристы.

Пехотинцы бесстрашно отсекают пехоту противника от танков, не допуская их к первой траншее.

Артиллеристы, черные от копоти и грязи, сбросили полушубки. На позициях сплошные крики: «Снарядов! Снарядов!» Из засад неожиданно для противника бьют орудия. Взрываются танки на минных полях. Сколько же нужно мужества, самоотверженности и труда, чтобы установить столько мин! Отважно действует подвижной отряд заграждения. Маневр танков во много со многом сокращен работой саперов под командованием полкового инженера гвардии капитана Белокоскова. Расстроились колонны танков, горят танки среди огневых позиций артиллерии, минных полей и окопов. В это время в узкой траншее, протянувшейся с изгибами и изломами на всю ширину обороны полка, идет ожесточенный бой с немецкой пехотой. Противник пытался трижды сбить подразделения 1-го и 2-го батальонов, но все его атаки захлебнулись. На левом фланге наши бойцы гранатами и в рукопашную ведут бой с автоматчиками противника. Пехотинцы батальона и немецкие автоматчики дерутся жестоко, отчаянно. Рукопашный бой в кино изображается театрально. На самом же деле это обычная драка, и побеждает в ней наиболее сильный и изобретательный. Бывшие моряки сбросили полушубки и дерутся в бушлатах и бескозырках, наводя страх на врага одним только своим видом. В критические моменты они в таком виде бросались с гранатами на немецкие танки.

Успеху в рукопашных схватках помогли занятия по самбо или, как называли их солдаты, «уроки драки», которые проводились в Кривополянье. Эти занятия были далеки от классического самбо, но в рукопашном бое гвардейцы поднаторели. «Уроки» помогли значительно снизить количество жертв в полку.

Из только что разрушенного танковым снарядом пулеметного гнезда, заваленного комьями промерзшей земли, вылетают два солдата. Белые, без кровинки, лица, огненные глаза, дышат тяжело, осматриваются, ищут пулемет. А командир взвода уже кричит им:

— Вперед, на запасную!

«Юнкерсы» в третий раз сбросили бомбы перед головными танками, которые еще раз попытались прорваться вперед. Но не пропустили их гвардейцы-артиллеристы батарей Н.

Сумина, И. Кудрявцева, а также полковые бронебойщики.

Вновь создалось угрожающее положение в районе обороны 2-го батальона. Он уже раз был в танковых клещах, а теперь ему грозила опасность быть разрезанным на две части и окруженным вражескими танками. Комбат-2 своими силами ничего не смог сделать. Командир полка отдает распоряжение своему штабу, артиллеристам, саперам и увлекает их за собой к командному пункту 2-го батальона. Когда угроза окружения 2-го батальона вражескими танками была ликвидирована, состоялся разговор по телефону командира корпуса генерал-майора П.Г. Чанчибадзе с командиром полка:

— Маргэлов, сколько вас нужно искать? Гдэ вы сейчас сидите?

— Не сижу, а командую с КП комбата-2.

— Почему нэ на своем мэсте?

— Мое место сейчас здесь, товарищ командир корпуса.

— Спрашиваю, гдэ ваше мэсто?

— Товарищ командир корпуса, командую полком я. Мое место там, где я нужен полку.

— Ну-ну… Как дэла?

— Полк стоит на своем месте.

Командир полка был исполнительным офицером, но разговаривать с начальством умел, за что был уважаем всеми, но не всегда начальством.

К вечеру повалил снег. Бой начал затихать. Пользуясь непогодой, немецкие танки и пехота отошли за реку. Первый батальон, зажатый танковыми клещами, продолжал вести бой с наседающими автоматчиками противника. Даже по прошествии многих лет можно удивляться гвардейцам батальона, их упорству, терпению, отваге и мужеству — сидеть в осаде и подбить пять танков! Это настоящий подвиг.

На НП полка смелый и отважный разведчик гвардии сержант Иван Аненков привел пятерых пленных. Эти пленные не говорили «Гитлер — капут». Они были уверены в своей победе. Из боя — в бой, из боя — в бой проходили фронтовые дороги Ивана. Будучи в разведке в Васильевке, он встретился в подвале один на один с немецким офицером. У того в руках «парабеллум», а у Ивана, как назло, вылетел из рук автомат. Вся надежда на нож за голенищем. Но не дрогнул сержант-гвардеец — долго дрался с офицером и, наконец, одолел его и доставил в штаб полка. В одном из боев был Аненков тяжело ранен. Нашли его на поле боя мальчишки из Большого Лога. И Иван Петрович опять стойко продолжил бой — за жизнь. Победил и на сей раз. Остался он без обеих ног и рук, научился ходить на протезах. Тем не менее, не потерял гвардеец силы духа и жажды к жизни, веры в людей. Там, где был ранен, жил и работал, жена ему родила трех дочек, а потом стал дедом, и радостью наполнялось его сердце при виде шести внучек и внука. Такие гвардейцы были в разведке полка!

Ночью командир полка, его заместители, политработники и офицеры штаба полка обходили позиции. Воинам, получившим боевое крещение, вручались нагрудные знаки «Гвардия». Похожий на орден Красного Знамени, он вызывал общее уважение. В то время мало кто имел ордена и медали. И гвардейский знак, полученный после первого тяжелого боя, носился солдатами как самая высокая награда.

Разговаривая с командирами подразделений, командир полка терпеть не мог, если кто-то из командиров читал список своих подчиненных по бумажке:

— Товарищ командир! Суворов знал всех солдат полка не только по фамилии, но и по имени. Через много лет он узнавал и называл имя солдат, служивших при нем в полку. При «бумажном» знании личного состава и не предугадаешь, как поведет солдат во время боя.

Побывали у командира роты гвардии лейтенанта И.П. Фролова:

— Как вели себя в бою новички? — спросил заместитель командира полка по политчасти.

— Бой выдержали. Практику получили по сокращенной программе за целый месяц.

— Так, можно считать, что солдаты рождаются. А почему это вы сделали отделения по пять человек? — спросил командир полка.

— Это по опыту древних греков.

— Откуда это взяли?

— Первый номер ручного пулемета — учитель истории. Он утверждает, что древние греки считали: каждый командир может руководить в бою не более, чем пятью подчиненными. И я с ним согласен.

— Хорошо, пусть будет так, как вы решили с историком. Тем более, что на большее число у вас и людей нет.

Кто-то правильно сказал: «Лейтенанты военного времени — каждый тактик себе и стратег». Вот и этот командир роты — двадцатилетний лейтенант, недавно пришедший из военного училища, залез в далекую историю, чтобы обеспечить роте победу в бою.

Этой же ночью были представлены и подписаны наградные листы на отличившихся командиров и бойцов.

Главным испытание для солдата является бой. Первый бой солдаты полка выиграли, вышли победителями. А согласно определению Петра I, солдатом называется известный генерал и последний рядовой.

Успех боя помогает быстрее восстановить психические и физические силы, подзарядить «аккумулятор» боевого духа солдата. Вот и сейчас, после боя, солдаты делятся впечатлениями, рассказывают запомнившиеся эпизоды, шутят. Солдаты, получившие боевое крещение, пытаются взглянуть на свое поведение со стороны, тем более, что некоторые из них вели себя далеко не героически. Нет такого солдата, который не хотел бы узнать, что думает о нем командир и его товарищи. Разговоры по душам очень интересны, тем более, что в ротах были учителя, студенты, колхозники, рабочие… Люди разные по крепости духа, с разными характерами и другими человеческими достоинствами.

В 5-й стрелковой роте делился впечатлениями о дневном бое сержант Давыдушкин с молодым солдатом:

— Во время бомбежки прыгнул к нам в ячейку замполит батальона. «Ну, как гвардейцы, — говорит он, — не страшновато?». «Оно, конечно, страшновато, — отвечаю ему, — не хочется погибнуть, еще не убив ни одного немца. А у меня к ним счет личный. Тут замполит признался, что и ему страшновато. Тогда у меня отлегло от души: значит не во мне одном бывает страх. А замполит подождал, когда от «юнкерсов» оторвутся бомбы, проследил, куда они полетели, и продолжал: Тут главное перебороть страх, не показать его другим. Мне, например, помогает чувство ненависти к фашистам. Запомнил я одно выражение: ненависть всегда мы несем на кончиках штыков».

Расчет орудия полковой батареи менял огневую позицию. Поругивал фрицев. Война не только смертельная опасность, но и адский труд. Чтобы окопать сорокапятимиллиметровую пушку расчету нужно вынуть около 30 кубометров земли, а его соседу — расчету пушки 76 миллиметров — более 50 кубометров. И это зимой, да еще за ночь, к утру. Тяжело, но надо.

Между артиллеристами и пехотинцами-пулеметчиками завязался разговор:

— Скажите, откуда столько пулеметчиц у пехоты? Слышали ваши разговоры: «Вот «Клавка» лупит», «Анка» помогла мне здорово».

Пришлось разочаровать артиллеристов:

— Пулеметчиц в полку нет. На щитках «максимов» наклеены фотографии жен, невест, снимки девчат из газет. По их имени солдаты и называют пулеметы. Это привезли «старики» с Волховского фронта. Вот и строчат «Клавки», «Анки»…

Разговор перешел к сегодняшнему бою. Командир расчета 76 мм пушек сержант Кутайсов подвел итог боя пословицей: «Пошел фриц за шерстью, а вернулся стриженым».

Ночью солдаты выходили из траншей и окопов, довольные тем, что можно побегать в рост, потолкаться, погреться.

Выписка из журнала боевых действий полка за 19 декабря:

> «Полк вел бой с танками 6-й танковой дивизией. В полку крепкое ядро коммунистов. Коммунисты и комсомольцы показывали пример ведения боя с фашистами. Это способствовало первому успеху полка. Авторитет командиров подразделений подкреплялся действиями политических работников и парторгов. В бою отличились: Аристов Г.Ф., Горинов В.Я., Муминов Г., Усачев И.С., Горчанов М.А., Роджабкулиев И., Черненко А.И., Власов В.А., Некрылов С.И., Сергеев В.С.Андреев К.А., Храмов В.А., Матвеев В.И…».

Всего 206 человек.

В книге «Утерянные победы» фельдмаршал Манштейн написал так: Если когда-либо с конца ноября… имелась возможность спасти 6-ю армию, то это было 19 декабря».

Не сумев с ходу прорвать оборону на рубежах реки Мышковой, противник подтянул резервы и на другой день — 20 декабря — вновь пошел в атаку. Танковые части и пехоту противника поддерживали сотни истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, обрушившие на гвардейцев тысячи бомб. «Рамы», «юнкерсы» и «хейнкели» пытались до начала танковой атаки сделать нашу оборону мертвой. В небе наши «яки» вели воздушный бой с «мессершмитами».

Берега Мышковой закипели от взрывов. Ревя моторами и лязгая гусеницами, эстафету смерти у авиации принимали надвигающиеся на оборонительные рубежи гвардейцев танковые части фашистов. Из-за пурги не видно, сколько танков ползет на полк, лишь мерцают огни зажженных фар. Заметает траншеи, окопы, огневые позиции, не видно солдат. В ожидании непосредственной схватки с врагом все волнуются. Здесь уместно вспомнить слова Д. Фурманова: «… Это одна рыцарская болтовня, будто есть совершенно спокойные в бою, под огнем — этаких пней в роду человеческом не имеется. Можно привыкнуть казаться спокойным, можно держаться с достоинством, можно сдерживать себя и не поддаться быстро воздействию внешних обстоятельств, — это вопрос иной. Но спокойных в бою и за минуты перед боем нет, не бывает и не может быть…».

Командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Малиновский внимательно следил за развитием событий в районе Васильевки и Капкинского и, понимая, что 13-й гвардейский стрелковый полк принимал на себя всю тяжесть удара танков противника, немедленно оказал полку всемерную помощь.

Командир полка Маргелов отмечал, что помощь пришла вовремя. К этому времени полк, находясь в многодневных тяжелых боях, израсходовал практически все боеприпасы к противотанковым ружьям и орудиям. В подразделениях у бойцов остались считанные противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. И какова была радость, когда в распоряжение командира полка поступило два отдельных противотанковых дивизиона! Кроме того, в полк было доставлено большое количество противотанковых гранат, патронов для ПТР, бутылок с горючей смесью. Все эти меры значительно повысили противотанковую оборону полка, позволили 13-му гвардейскому с честью вынести жестокие испытания грядущих боев.

13-й гвардейский полк занимал оборону в районе поселков Васильевка и Капкинский, от которых до Сталинграда было всего 35–40 километров. Здесь полк вел упорные бои против 6-й танковой дивизии немцев. Но неожиданно Манштейн с целью создания решающего превосходства в танках на самом кратчайшем направлении к Сталинграду перебросил из своего резерва к Васильевке 17-ю танковую дивизию.

6-я танковая дивизия была в срочном порядке переброшена прямо из Франции специально для усиления пробивной способности танкового тарана сводной армейской

группы «Гот». Гитлеровские танкисты, отъевшись на французских харчах, избалованные мягким климатом, видимо, плохо себе представляли, что их ждет на берегах реки Мышковой. Одеты они были в легкие щегольские шинелишки и комбинезоны, а на ногах многих вояк красовались фасонные сапоги или ботинки. На всю заснеженную степь от них разило дорогими французскими духами «Коти». Надеясь на легкий успех, эти вояки с ходу ринулись в атаку. Более того, со свойственным эсэсовцам коварством они применили и жестокие, недозволенные приемы войны.

Находясь в боевых порядках одной из противотанковых рот, отец своими глазами видел, как впереди танков они гнали пленных красноармейцев, стариков, женщин и даже детей. А командиры их танковых подразделений опустились до полного коварства и посадили на лобовую броню своих танков ни в чем не повинных русских женщин, некоторые из них были с детьми.

От этой жестокости и подлости фашистов темнело в глазах, кровь стучала в висках и хотелось лишь одного — бить, бить и бить фашистского зверя.

С глубоким волнением вспоминал отец эти мгновенья: «Посмотрев на замерзших в окопе бойцов, я понял, что они испытывают те же чувства, что и я. Многие из них, прильнув к прицелам ПТР и пулеметов, с яростью сжимая в руках до побеления пальцев противотанковые гранаты, были готовы растерзать фашистов.

— Внимание! — подал я команду бойцам. — Первый залп в воздух! Как люди попадают — стреляйте по зверям!

Гвардейцам не надо было пояснять, кто тут был кто. Они меня поняли сразу.

Когда первый наш залп в небо разорвал воздух над заснеженной степью, двигавшиеся впереди танков люди, словно поняв наш замысел, как по команде упали на землю. Словно ветром сдуло и женщин с брони головных машин. А еще через мгновение меткие выстрелы наших бронебойщиков превратили несколько танков в чадящие костры».

Озлобленный неудачами, разъяренный упорством и дерзостью советских пехотинцев и артиллеристов, противник шел напролом. Завязалась беспримерная по своему ожесточению битва гвардейцев-пехотинцев с танковыми подразделениями врага. И не зря командир полка еще при подготовке оборонительных рубежей основное внимание уделил противотанковой обороне. Как только танки разворачивались в боевые порядки и устремлялись на позиции полка, их встречал дружный огонь противотанковых ружей и полковой артиллерии с прямой наводки. И по всему предполью запылали дымные костры десятков подбитых танков. Но другие крестатые громадины, обходя своих собратьев, продолжали атаку. Некоторым из них удавалось прорываться через окопы передней линии. Огнем пулеметов и автоматов бойцы отсекали от танков пехоту и уничтожали ее. А оказавшиеся без прикрытия танки гвардейцы подбивали гранатами, жгли бутылками с горючей смесью. С каждой минутой ожесточалась борьба. Временами казалось, что в полку не хватает физических и моральных сил для этой борьбы, хотя гвардейцы сами навязывали ее противнику. Это был коллективный подвиг полка, когда героем становился каждый солдат.

Известно, что от дисциплины и исполнительности до геройства — один шаг. В этих боях солдаты показали себя настоящими чудо-богатырями.

На батарею капитана Николая Сумина направлялось до 20 танков. Еще до атаки батарея подверглась удару «юнкерсов». У двух орудий были повреждены обе станины, во всех расчетах были раненые и убитые. Казалось, стоит танкам пройти первую траншею, как они выйдут спокойно в глубину обороны — батарея не сможет открыть огонь. Танки противника в 400 метрах от батареи. Переносят огонь на другие цели. Внезапно для врага батарея открывает огонь. В течение нескольких минут пять танков остановились, начали чадить.

Несколько трассирующих снарядов попало в орудие сержанта Шестакова. Невероятно, но из этого орудия был подбит еще один танк. Огневая позиция орудия изрыта снарядами,

его правая станина пробита насквозь, зияющая дыра на щитовом прикрытии, разбит привод поворотного механизма. Три человека из расчета ранены, один убит.

— Как же вы стреляли из такого орудия? — спросили у Шестакова.

— Наводили за люльку противооткатных устройств. Каждый работал за двоих, — ответил сержант.

— Хорошо, что фрицы били бронебойными, а не осколочно-фугасными, — дополнил Юрков.

— Юрков, вы ранены?

— Немного. В руку и ногу. У нас все ранены. Не бросим же мы своих товарищей!

Батарея гвардии старшего лейтенанта Ивана Кудрявцева открыла огонь по танкам противника, когда они подошли на расстояние прямого выстрела. После боя Кудрявцев, бывший инженер уральского завода, спокойный, рассудительный, прекрасно знающий свое дело, рассказывал:

— Трудно выдержать, когда танки с большой скоростью подходят к переднему краю, палят из пушек, поливают из пулеметов, а батарея молчит. Сердце заходится от волнения у меня и у всех солдат. А нужно подпустить их как можно ближе. Тут еще иногда мысль проскальзывает: не пропустить бы танки.

Батарея подбила и сожгла девять танков. У орудий осталось по два-три человека. Артиллеристы выполнили свое обещание: танки в Васильевке и в Капкинском по-прежнему стояли на приколе.

Семь вражеских танков застыли неподвижно перед позицией роты противотанковых ружей Иосифа Готовипас, молодого, решительного и храброго лейтенанта. Два из подбитых танков были на его счету. Гвардейцы роты противотанковых ружей старшего лейтенанта Дреева подбили четыре танка. В роте не было солдата старше двадцати лет. Почти все попали в водоворот войны прямо со школьного порога. Бывалые солдаты, после первых же боев, изменили об этих школьниках свое мнение:

— А мы-то считали вас юнцами безусыми. А вы — настоящие мужчины, вровень с Сергеевым и Дуняшкиным (они подбили по два танка).

Рядовой Демьяненко из противотанкового ружья также подбил два танка и, когда к его окопу приблизился третий, гвардеец бросил в него бутылку с горючей смесью. Прикрывал Демьяненко огнем ручного пулемета рядовой Ф. Выпирайло. На фронте неуклонно исполнялся закон войскового братства. В единоборстве с танками победили бронебойщики-гвардейцы: сержанты Минаев, Семенов, Рапота, рядовые Замятин, Астафьев, Каминский, Зотов, Климовский. Они спасли жизни сотням солдат, сидящим в траншеях. Десять танков собирались пройти через их позиции и проутюжить окопы.

Минометчики провели, как они говорили, удар по психике вражеских танкистов. Они били по танкам минами, которые особого вреда танкам не причиняли, но удар и взрыв мины на броне действовали на танкистов удручающе.

Стойко и умело сражались пехотинцы полка с автоматчиками противника. На переднем крае обороны от Васильевки до Капкинского шел бой за каждый изгиб траншеи и каждый окоп. На отдельных участках обороны немцам удалось вывести из строя противотанковые средства. Часть танков с ходу преодолела первую траншею. Это очень неприятно, когда впереди тебя вражеская пехота с танками, да еще танки ползают в тылу. Против вражеской пехоты была проведена контратака: 8-я стрелковая и сводная рота резерва, при непрекращающихся огневых артналетах, атаках танков и бомбовых ударах авиации, вышли, вернее, выползли по-пластунски на рубеж развертывания и после минометного налета отбросили пехоту противника от переднего края. Это были злобные, беспощадные боевые схватки.

Танки противника с поля боя не уходили, делали попытки прорваться сквозь огонь артиллерии, противотанковых ружей, найти проходы в минных полях. Часа через два немцы ввели на участке полка еще около десяти танков. При отражении атаки этих танков орудие гвардии сержанта Александра Юрченко вело бой с пятью танками и три из них подбило. В

сумерках танки противника отошли за реку.

В этих боях Маргелову все время приходилось находиться в боевых порядках сражающихся подразделений, личным примером вдохновлять бойцов. Да и понятия передовые и тыловые позиции полка в этом бою не существовали. Всюду бушевал огонь битвы, всюду рвались снаряды, свистели осколки. Смерть праздновала свою обильную жатву. Все больше и больше дымных костров чадило на священной земле Сталинграда. И враг не выдержал, откатился вспять.

Ночь. Командир полка подполковник Маргелов и его заместители обходят оборону. Поредели роты и батареи. Командир полка назначил командиров рот и взводов вместо выбывших из строя. Командирами взводов стали многие сержанты, успевшие покомандовать взводами в бою. В полку, как и в других частях нашей армии, это было явлением обычным.

В одном из укрытий начальник политотдела дивизии подполковник А.Н. Мазанов вручал партийные билеты командирам и бойцам, принятым в ряды ВКП(б). Поздравлял, жал руки, желая победить фашистов и остаться живым.

Телефонисты зуммерили во все подразделения, передавая сообщение о том, что командующим Сталинградским фронтом генерал-полковником Еременко А.И. и членом Военного Совета фронта Хрущевым Н.С. объявлена благодарность личному составу полка за проявленные доблесть и мужество при отражении танковых атак противника.

Разведчики не знали отдыха: ночью проводили поиски, днем участвовали в контратаках и рукопашных схватках.

Что и говорить, жестокий урок преподали фашистским танкистам гвардейцы подполковника Маргелова. Отец был горд за своих бойцов, а все мы, слушавшие его рассказ, еще больше восхищались его скромностью, скромностью полководца.

Спеси у фашистов после этого боя как не бывало. На тех из них, кто успел выскочить из горящих танков и попал к нам в плен, было жалко смотреть. Насмерть перепуганные, продрогшие на ледяном декабрьском ветру в своих легких шинелях и комбинезонах, они переступали с ноги на ногу, пытаясь согреться, и молили о пощаде…

Выписка из журнала боевых действий полка за 20 декабря: «Полк продолжал вести бои с фашистскими танками. В бою отличились: Анучин И.А., Андреев А.А., Азизбеконян Н.С., Юдин И.Г., Щерба А.Е., Баймуратов М.А., Богданов Б.Н., Вахрушев И.И… Галкин М.А., Фролов П.М., Бакулин К.И…», — всего 98 человек.

Еще несколько дней жестоких боев — и фашисты уже выглядели совсем по-другому. Многие части 6-й и 17-й танковых дивизий СС в боях с гвардейцами 2-й армии потеряли большую часть своей материальной части, тысячи танкистов нашли смерть на берегах русской речушки Мышкова. Моральный дух этих хваленых вояк резко упал.

Да и жестокие сорокоградусные морозы «переодели» их. Теперь они были похожи не на парижских пижонов, а на огородные пугала. Каждый из них напяливал на себя для утепления все, что можно. В ход шли драные тулупы, женские платки, а то и просто какие-то рогожи. На ногах многих из них красовались плетеные корзины, набитые тряпьем. В захваченных фашистских танках наши бойцы обнаруживали целые галантерейные лавки. И вскоре знаменитые французские духи «Коти» попали по назначению… Почти все девушки 3-й гвардейской дивизии благоухали ими как именитые французские баронессы где-нибудь на великосветских балах в Париже.

Мужество советской гвардии на рубеже реки Мышкова сорвало все попытки фашистов прорваться к Сталинграду — инициатива перешла к советским войскам.

С утра 21 декабря противник предпринял две отчаянные попытки взломать оборону полка. Наступление 6-й танковой дивизии поддерживало большое количество авиации, которая нанесла несколько массированных бомбовых удара по оборонительным позициям 13-го гвардейского полка. Атаки противника были отбиты. На отдельных участках бои переходили в рукопашные схватки, сопровождаемые лязгом железа, сочным матом и

воплями. Однажды побывавший в рукопашной схватке или штыковом бою и победивший в них достоин преклонения.

К исходу дня противник перегруппировал 17-ю танковую дивизию в районе Васильевки и создал бронированный таран из двух танковых дивизий, с тем чтобы прорваться к Сталинграду по кратчайшему направлению. На полк навалилось около 80 танков. Борьба с ними велась всем личным составом полка, дивизионной артиллерией и подвижными отрядами заграждения. Были моменты, когда судьба обороны измерялась минутами. Полковые и дивизионные батареи И.Кудрявцева, Н.Сумина, Д.Козаченко, Ю.Тихоновского, бронебойщики и истребители танков прилагали нечеловеческие усилия по уничтожению танков.

Сержант Мучкин со своим орудием находился на фланге минного поля. «Юнкерсы», пикируя, сбросили бомбы вблизи орудия, а затем обстреляли его из пулеметов. Мучкин рассказывал: «Когда я после бомбежки поднялся из окопа и огляделся, то от радости крикнул «Ура!» — орудие осталось целым. Один из номеров расчета был ранен. Перевязали. Гитлеровцы, очевидно, решили, что орудие разбито. Танки пошли прямо на нас. Два мы подбили. К нам начали подбираться вражеские автоматчики. Но их обратили в бегство пехотинцы, которые шли к нам на выручку».

Расчеты станковых пулеметов гвардии лейтенанта Шаргородского, сержантов Галимова, Витюкова, положив в снег вражеских автоматчиков, не допустили их к переднему краю. Разведчик гвардии сержант Потинин и автоматчик гвардии рядовой Огурцов под прикрытием огня минометов и пулеметов зашли во фланг атакующей группе противника, вызвали панику и вынудили ее к бегству. Пулеметчик Вакуленко заставил лечь густую цепь вражеских автоматчиков. Когда пулемет замолчал, выпустив последние патроны, немцы стали наседать. Вакуленко стал отбиваться гранатами. Соседний пулемет не дал ни одному фашисту ступить на бруствер окопа Вакуленко.

В бою нет ни времени, ни возможности считать, какие потери нанесены врагу. Судили по результатам: если противник отказался от атаки, значит у него потери большие. Так было и в этот раз. Восемь часов продолжался бой, затихая только на время подготовки немцев к очередной атаке. *Для сравнения: «Мамаево побоище» продолжалось три часа, Полтавская битва — около трех часов.* На поле боя горели немецкие танки. Где-то вдали стонали моторы двух танковых дивизий. Передний край обороны не изменился. В порядок приводились оборонительные сооружения. В роты и батареи пришли почтальоны, раздавали треугольники, сделанные из оберточной бумаги. Счастливчики вначале читали письма про себя, а затем читали или пересказывали соседям по окопу, землянке. Такова была традиция.

Если пехотинцы и артиллеристы вели бой третьи сутки, то связисты в бою были четверо суток, протягивая «ниточки», зарывая их в землю. Линейщики выходили на линии во время бомбежек и артобстрелов, искали порывы, соединяли провода. Многие из линейщиков не возвращались.

Ночью собирали убитых, чтобы захоронить их в братской могиле. Для похорон от каждого подразделения выделялось по два-три человека.

Погиб командир 1-го стрелкового батальона гвардии капитан Кудинов. Это был храбрый, иногда до безрассудства, простодушный и в то же время изобретательный в бою командир.

Выписка из журнала боевых действий полка за 21 декабря: «Полк продолжал бои с танками 6-й и 17-й танковых дивизий противника. В бою отличились все роты и батареи полка. Командиром полка отличившиеся гвардейцы представлены к наградам».

В ночь на 22 декабря полк готовился контратаковать противника в районе Васильевки и Капкинского. Танки, прорвавшиеся в Васильевку, немцы закопали и использовали как неподвижные огневые точки. Несколько раз командир 6-й танковой дивизии пытался

использовать эти танки в общей атаке, но наши артиллеристы не дали им возможности покинуть свои укрытия. С утра подразделения полка во взаимодействии с 144-м стрелковым полком соседней 49-й гвардейской стрелковой дивизии атаковали противника и ворвались в Васильевку. Противник яростно сопротивлялся — бой шел за каждый метр земли. Наконец враг был отброшен.

Подразделения 3-го стрелкового батальона, зажатые танковыми клещами на южном берегу реки, продолжали вести тяжелый бой, сковывая значительные силы немцев. Едва гвардейцы перевели дух, как после первой атаки фашистов последовала вторая, еще более мощная. Противник четырежды атаковал позиции батальона, но все усилия стоили ему лишь огромных потерь. Так, гвардейцы 9-й стрелковой роты во главе с заместителем командира батальона по политической части гвардии старшим лейтенантом И.Ф. Бубновым, заняв круговую оборону, уничтожили восемь вражеских танков и бронемашин, большое количество солдат. Так же героически сражались бойцы и других частей и подразделений, крушивших танковый клин на рубежах реки Мышкова.

Штаб полка на основе разведывательных данных сделал следующее заключение: противник готовится к очередной атаке обороны полка. Он постарается сковать силы полка, ведущие бой в Капкинском, и не допустить выхода подразделений из боя для занятия оборонительных позиций. Возможен удар на узком участке фронта. Командир полка приказал подразделениям занять свои оборонительные позиции, а 3-му батальону продолжать бой в окружении и с наступлением темноты выйти в свой район.

Это было решение на грани риска, которое позволила принять только уверенность в командирах и солдатах. В этом случае от командиров потребовалось переосмысливание обстановки с проведением перегруппировки в короткие сроки и уточнением задач своим подразделениям. Были приняты меры к предупреждению надлома и даже паники, которая могла произойти при перемещении личного состава. Особая заслуга в сохранении уверенности солдат в своих силах принадлежала политическим работникам полка, коммунистам. Они сумели буквально в часы, во время боя, побеседовать со всем личным составом.

Под прикрытием артиллерийского и минометного огня было произведено занятие новых оборонительных позиций.

При отражении танковой атаки противника командиры батальонов, рот и батарей проявили распорядительность, тактическую смекалку, командовали уверенно. Как и в прошедшие трое суток. артиллеристы на морозе в одних гимнастерках работали у орудий, бронебойщики пытались угодить в гусеницу или моторную группу танка, пехотинцы бросали связки гранат и бутылки с горючей смесью.

А как самоотверженно действовали саперы! Не было в полку, пожалуй, человека, который бы за время прошедших боев не сказал благодарственное слово саперам: пехотинцы — за то, что подрывались вражеские танки перед их окопами, артиллеристы — за то, что танки не раздавили их орудия и расчеты.

При наступлении сумерек тяжелый бой затих. Полк, измотанный боем, приводил в порядок оборону. Выдохлась и 6-я танковая дивизия. 22 декабря можно считать последним днем, когда противник предпринял отчаянную попытку отбросить полк от реки в степь и прорваться к Сталинграду.

Всю ночь противник явно нервничал: освещал местность ракетами, самолеты несколько раз вешали над боевыми порядками полка «абажуры», иногда тявкала автоматическая пушка, прозванная солдатами «геббельс», строчили пулеметы. Оборона изредка отвечала на стрельбу.

В лощинах были устроены небольшие укрытия, оставленные ранее оборонявшимися частями, — ровики высотой в один метр, покрытые парой досок или брезентом. Для топлива солдаты использовали все, что могло гореть и давать какое-то тепло, жгли и резину от разбитых машин. За время отдыха, бывало, закоптятся как черти — друг друга не узнают.

Выписка из журнала боевых действий полка за 22 декабря: «Полк продолжал отражать беспрерывные танковые атаки противника. По-прежнему удерживает оборонительные позиции. Командир полка был тяжело контужен, но с НП не ушел, продолжал командовать подразделениями».

Под утро 23 декабря из ночного поиска возвратились полковые разведчики. Доставленный ими «язык» оказался поваром. На фронте повара и парикмахеры обычно всегда и все знали. Этот повар был несловоохотливым, все больше молчал. Но все-таки сказал, что слышал от кого-то, что дивизии приказано обороняться, а соседние части должны уйти в соседний район. Наше наблюдение подтвердило, что немцы начали окапываться и устанавливать мины. Действительно, как потом было установлено, атака, которую Гот назначил на 24 декабря, была отменена. Она была бы двадцать первой.

В полдень части 3-й гвардейской стрелковой дивизии, взаимодействуя с частями 49-й гвардейской дивизии, атаковали противника в Васильевке и Капкинском. Завязался упорный бой, в ходе которого 13-й гвардейский стрелковый полк был неожиданно контратакован 80-ю фашистскими танками. В ходе кровопролитного сражения под натиском превосходящих сил противника Капкинский нашим войскам пришлось оставить, а вот за Васильевку гвардейцы держались насмерть.

Даже многие гвардейцы, до этого не раз побывавшие в жестоких сечах, вспоминали этот бой как ужасающий огненный смерч, гулявший по заснеженным берегам речушки и сеявший за собой смерть и кровь. Но гвардейцы не дрогнули. По приказу командира полка подполковника Маргелова они подпустили танки на минимальное расстояние, навязали фашистам ближний бой и метким огнем из всех видов оружия, точными бросками гранат и бутылок с горючей смесью нанесли фашистам громадные потери. Десятки фашистских танков пылающими кострами так и остались на поле боя. Более суток длился этот бой, и все это время командир полка ни на минуту не покинул передовые порядки сражающихся подразделений.

Не будет преувеличением сказать, что бой за Васильевку и Капкинский, который вел 13-й гвардейский стрелковый полк, стал как бы апогеем всей гигантской битвы с танковыми полчищами Манштейна. Видимо поэтому в разгар сражения к Маргелову В.Ф. на КП прибыл член Военного совета 2-й гвардейской армии генерал Ларин. Впрочем понятие КП, «командный пункт» в том жестоком бою было весьма относительным, так как он то и дело превращался просто-напросто в окоп на передовой линии обороны. И перед нашим КП, и позади его дымились, догорая, или безмолвно застыли подбитые немецкие танки, между которыми лежали десятки трупов немецких солдат. Когда генерал Ларин спустился в окоп, командир полка Маргелов доложил ему:

— Товарищ генерал! Только что отбита очередная атака танков противника!

Генерал махнул рукой, обвел взглядом подбитые танки и сказал:

— Можете не докладывать… Я вижу…

Но потом все-таки добавил:

— Товарищ Маргелов, вы как-никак командир полка, а потому не стоит свой КП держать на передовой.

Командиру полка было трудно что-либо возразить генералу. Он хотел было объяснить ему особенности борьбы пехоты с танками. Хотел рассказать ему, как бойцы пропускали танки над головой и потом били их наверняка. Но… не успел.

Где-то впереди загудело, и вновь на передовую линию обороны полка поползли бронированные чудовища.

— Танки! Тридцать штук! — доложил начальник штаба полка.

— Вот и хорошо! — воскликнул даже с какой-то радостью в голосе генерал Ларин. — Дайте-ка мне, товарищ комполка, для начала противотанковое ружье!

И, не ожидая ответа и тем более не реагируя на возражения Маргелова, генерал

сбросил рукавицы и приник к прицелу противотанкового ружья, лежащего прямо на бруствере окопа.

Грянул один залп, другой… Смертельная круговерть боя захлестнула все и всех. Через дым и огонь в этот момент на левом фланге прорвались немецкие танки.

Отец не знал, что происходило в тот день в душе члена Военного совета генерала Ларина, но генерал бросился на левый фланг — навстречу надвигавшимся бронированным коробкам. Отец задумчиво и как бы нехотя вспоминал, как он рванулся было за генералом Лариным, но взрыв снаряда отбросил его в сторону. Когда отец несколько пришел в себя после контузии и выбрался из навалившегося слоя земли, доклад, который он услышал, был трагичен: «Генерал Ларин тяжело ранен».

Ни один манштейновский танк так и не смог прорваться к Сталинграду через боевые порядки 13-го гвардейского стрелкового полка. Больше того, подразделения полка захватили плацдармы на левом берегу реки. В донесении командующего группой армий «Дон» генерал-фельдмаршала Манштейна от 24 декабря 1942 года сообщалось: «Я должен констатировать, что общая обстановка уже настолько ухудшилась, что относительно 6-й армии и группы «Дон»… крупные решения уже запоздали».

В журнале боевых действий полка за 23 декабря записано: «Пятый день полк ведет напряженный бой с фашистскими танками и пехотой. Атака полка увенчалась успехом. День был тяжелый для всех подразделений».

Именно в эту метельную декабрьскую ночь, когда гвардейский полк подполковника Маргелова В.Ф. вели героический бой с фашистскими танками, командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский собрал Военный совет армии по плану действий на следующий боевой день — 24 декабря.

До заметенной снегом избы, где собрался Военный совет армии, долетали звуки боя, который шел в районе Васильевки. Боевой успех гвардейцев 13-го стрелкового полка и успехи соседних, бившихся бок о бок подразделений, командующий армией оценил как предпосылки к успеху в предстоящем 24 декабря выступлении по всему рубежу реки Мышкова. Военному совету было ясно: обескровленный фашистский зверь в результате бесплодных боев за Васильевку и Капкинский уже потерял свою таранную силу. Вся с такой тщательностью разработанная Манштейном операция «Зимняя гроза» просто-напросто нашла на рубежах реки Мышкова начало своего конца. Неминуемый час расплаты настал.

24 декабря 1942 года в 8 часов утра после мощного артиллерийского налета по переднему краю и ближайшей глубине обороны 2-я гвардейская армия перешла в решительное наступление. Нелегко пришлось гвардейцам 3-й стрелковой дивизии. Противник яростно защищал рубежи, которые достались ему ценой многодневных кровавых боев и огромных потерь. Фашистская пехота и танки, взаимодействуя с артиллерией и авиацией, стремились остановить атакующие части Красной Армии. И опять особенно жестокие бои завязались за Васильевку, где в авангарде штурмовых частей шел 13-й гвардейский стрелковый полк подполковника Маргелова. Свыше 1500 вражеских трупов осталось лежать на улицах, в домах и подвалах освобожденного поселка. Не успели убраться восвояси и достались в качестве трофеев гвардейцам 20 исправных фашистских танков.

За боем в Васильевке наблюдал начальник штаба 2-й гвардейской армии генерал-майор С.С. Бирюзов. На его глазах гвардейцы, рассыпавшись по всему поселку, штыками, гранатами и ножами уничтожали фашистов. Боевой наступательный порыв гвардейцев 13-го полка был так велик, что они, наступая в авангарде 3-й гвардейской стрелковой дивизии, дрались с фашистами без отдыха двое суток подряд.

В 4-й стрелковой роте командир роты, назначенный на эту должность из числа

командиров взводов, трижды пересчитывал людей и оружие: двадцать человек, ручной пулемет, восемь автоматов, десять винтовок со штыками, один пистолет и один револьвер. Ему явно хотелось иметь побольше бойцов. Он позвонил комбату и тот прислал ему подкрепление: повара, связиста и трех повозочных. Командир роты был высокого роста, с уверенно-властным выражением лица. В прошедших боях он показал себя с лучшей стороны: бесстрашным, даже лихим, находчивым, близким к солдатам. «С таким командиром, — говорили солдаты, — хоть в пекло!» Четким голосом командир роты поставил задачу всему личному составу:

— Рота, слушай боевую задачу. Перед нами противник перешел к обороне. На высотке «Лысой» — пулемет МГ-34. За высоткой — танки. Задача нашей роты: внезапным броском выйти к высотке «Лысой» и уничтожить на ней фрицев. Затем наступать вдоль балки Рассыпная. Ручной пулеметчик — со мной. Вадин — связной к комбату. Атака — по моей команде. До атаки — всем посмотреть на местности направление наступления роты и продумать, как каждый из вас будет действовать. Проверить оружие, гранаты, подогнать вещевые мешки.

Все разошлись по своим местам выполнять указание командира роты. Никто не любит ожидания атаки. Малоприятное это время. Недаром говорят, что нет ничего хуже, чем ждать да догонять. Занятость солдат подготовкой к атаке, как и рассчитывал командир роты, дала возможность освободиться от тревожных мыслей, связанных с предстоящим испытанием человека в бою. Перед боем солдату важно самомобилизоваться, настраиваясь на выполнение своей задачи, мысленно ее выполняя и, тем самым, отгоняя мысли об опасности.

Пришел комсорг батальона — ему предстояло идти в атаку вместе с ротой. Командир роты и комсорг подходили к группам бойцов, разговаривали, крутили цигарки, не спеша выбивали огонь «катюшей» (было такое орудие для добычи огня).

С НП комбата красная ракета. Командир крикнул: «Вперед!» — и рота сползла с берега реки, поднялась на ее противоположный берег, быстрым шагом, стреляя на ходу, с криками «Ура!» атаковала высотку. Рядовые Свиридов и Юсупов, первый раз ходившие в атаку, позже вспоминали:

— Справа бежал командир роты с пистолетом в руке. Рядом с ним — пулеметчик. Слева бежал Касьяненко, партийный. Надежный он был в бою, мы его и держались.

Первые же часы боя показали, что враг не намерен оставлять рубежи, доставшиеся ему тяжелой ценой. Но яростная атака полка, воодушевляемого своим командиром, подавила злобное сопротивление противника и к исходу следующего дня, пройдя с боями более 30 километров, вышел на реку Аксай. На этой реке противнику было нанесено еще одно тяжелое поражение.

Но не только на передовой советские бойцы творили чудеса.

Добрую славу у бойцов и командиров заслужили медики полка всех рангов и званий — от санитара до врача. Старший врач полка военврач 2-го ранга Д.С. Епифанов и военврач 3-го ранга А.А. Куракина (жена командира полка) в полевых условиях, зачастую под артобстрелом и бомбежкой проводили сложнейшие операции. Сотни жизней спасли медицинские сестры, оказывая помощь раненым под артиллерийским огнем и бомбежками противника. Это отметил сам отец, весьма и весьма скупой на похвалы, как он говорил, «врачишкам». Кстати, и сам он был сильно контужен в том бою, и помощь ему оказывала его Аннушка…

Днем и ночью трудились бойцы полковой1 артиллерийской мастерской, ремонтируя оружие непосредственно в боевых порядках.

Напор наших частей и соединений был настолько силен, что обескровленным немецким дивизиям танковой группы «Гот» не оставалось ничего другого, как отойти за реку Сал.

Вскоре всем стало ясно, что манштейновский танковый таран не только потерял свою

пробивную силу, но и вообще не в состоянии дальше вести какие-либо наступательные действия с целью деблокирования 6-й армии Паулюса, окруженной в Сталинграде. Более того, под ударами частей и соединений 2-й гвардейской армии войска танковой группы «Гот» переходили к обороне.

Если немецкая ударная группировка Гота за 12 дней наступления продвинулась до реки Мышкова на 75–80 километров, то советские войска это расстояние прошли с боями за 3–4 дня. На этом закончилась предпринятая немецко-фашистским командованием операция «Зимняя гроза», и так и не состоялся встречный «Удар грома» из сталинградского «котла».

Наступая на левом фланге 13-го гвардейского корпуса, 3-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с другими частями армии развивала наступление на Котельниковский — город, откуда не так давно начал наступление Манштейн. 13-й гвардейский полк вел наступление на левом фланге дивизии.

Однако противник оказывал упорное сопротивление, и все наши попытки с ходу прорваться в Котельниковский не увенчались успехом. И снова завязались кровопролитные бои.

Оценив обстановку, командир полка Маргелов В.Ф. пришел к выводу, что в лоб оборону Котельниковского прорвать не удастся. И вот, в ночь с 31 декабря 1942 года на 1 января 1943 года, он приказал командиру разведывательного взвода полка провести разведку обороны противника и найти в ней брешь, с тем чтобы полк мог выйти в тыл Котельниковской группировки немцев с юго-западного направления. Изучив повадки немцев за время боев, Василий Филиппович свой расчет строил на том, что они наверняка не удержатся от соблазна отпраздновать Новый 1943 год.

Через несколько часов начальник разведки доложил, что на левом фланге противник располагает лишь небольшими подразделениями прикрытия. Не теряя драгоценного времени, командир полка принял решение: оставив прикрытие на главном направлении, основными силами полка обойти Котельниковский с юго-запада и выйти в тыл к немцам. Как говорится в народе, смелость города берет… Немцы не ожидали столь смелого прорыва в свой тыл, да еще в новогоднюю ночь, а потому маневр полка увенчался успехом. Не встречая сопротивления врага, подразделения полка обошли Котельниковский с юго-запада, затем, углубившись в его тыл, развернулись на север и перерезали дорогу, ведущую от Ростова через Котельниковский на Сталинград.

Здесь на рубеже 12–15 километров юго-западнее Котельниковского полк занял оборону. Оседлав дорогу, ведущую от Котельниковского в западном направлении на Ростов, гвардейцы стали перехватывать и уничтожать подразделения и боевую технику фашистов, передвигавшиеся по дороге. Захваченные пленные показали, что фашистское командование начало отвод своих танковых, моторизованных и артиллерийских частей из района Котельниковского. Город удерживается лишь немецкими подразделениями, а основную массу войск в районе города составляют румынские части.

Около 24-х часов связистам наконец-то удалось установить связь со штабом 3-й гвардейской дивизии и командир полка В.Ф. Маргелов доложил командиру дивизии генералу Цаликову об успехе проведенной операции.

Выслушав доклад Василия Филипповича, командир дивизии был удивлен и даже высказал сомнение в его правдивости. Однако когда командир полка со своим начальником штаба подробно доложили свои координаты, а также сведения, добытые от пленных немцев, комдив убедился в невероятном успехе, и поблагодарил личный состав полка за дерзкий маневр, и приказал в определенный час ударить по Котельниковскому с запада.

Командир корпуса генерал Чанчибадзе нисколько не поверил докладу генерала Цаликова об успехе командира полка В.Ф. Маргелова. Приказав соединить его с комполка, он взял трубку и закричал:

— Маргелов, ты мэня зачем обманываешь! Приезжай, я тэбя расстрэляю!

— Разрешите прибыть после боя? — дерзко спросил Маргелов. Рассвирепевший

комкор в ярости бросил трубку…

Едва куранты пробили полночь, как наши бойцы устроили фашистам новогодний фейерверк. Впоследствии отец вспоминал, что только раз в жизни пришлось ему вот так — не за новогодним столом с бокалом шампанского, а в атакующих шеренгах полка с маузером в руке — встречать Новый год.

В ярких сполохах выстрелов и разрывов ворвались наши бойцы в Котельниковский. Расчеты командования полка полностью оправдались. Полупьяные немцы и румыны, никак не ожидая удара в эту новогоднюю ночь, да еще с тыла, не помышляя о сопротивлении, в панике выскакивали из домов о попадали под кинжальный огонь советских гвардейцев.

А в это время уже отчетливо была слышна канонада к востоку от Котельниковского. Части 2-й гвардейской армии штурмовали Котельниковский сразу с нескольких направлений.

Вскоре в центре города подразделения 13-го гвардейского полка встретились с основными силами советских войск, штурмовавшими последний оплот гитлеровской «Зимней грозы».

Вот что писал в своем не отправленном письме невесте убитый в этих боях обер-ефрейтор из хваленой 17-й танковой дивизии: «Весь декабрь мы беспрерывно в боях. Роты сводятся в отделения, батальоны — в роты. Ты себе представить не сможешь, что здесь происходит. Одиннадцать наших дивизий устремились к Сталинграду, чтобы высвободить свои войска из окружения, но в 35 километрах от него мы вынуждены были повернуть назад. Нам удалось овладеть одной высотой, в боях за которую мы потеряли 50 человек. Но соседи справа и слева не смогли нас поддержать, и нам пришлось ее оставить. С этой высоты мы уже видели город и мысленно обещали своим окруженным коллегам завтра их освободить. Но назавтра мы оказались далеко от них. Вместо продвижения вперед мы вынуждены отступать все дальше и дальше на запад. От нашей дивизии в количестве 12 тысяч человек осталось 3–4 сотни и немного танков. Нам теперь все безразлично, ибо так или иначе настанет и для нас последний час». И этот час настал здесь не только для автора этого письма, но и для многих тысяч фашистских вояк.

Свидетельство погибшего немецкого солдата красноречивее всего говорит нам о мощи ударов частей 2-й гвардейской армии. Это потом уже, после Второй Мировой войны, битые немецкие генералы в своих мемуарах причины поражения «Зимней грозы» будут видеть не в мужестве и доблести советских солдат, а в сильных морозах, которые якобы тогда свирепствовали, или в снегопадах и метелях. Некоторые из этих псевдоисториков в бреду лжи стали утверждать, что одной из причин крушения танкового тарана, направленного на Сталинград, оказались, видите ли… полевые мыши, которые, как утверждают авторы, с голоду погрызли изоляцию электросистем танков, чем и вывели их из строя… Нет! Только мужество, дерзость и героизм советского солдата, который не дрогнул перед лавиной фашистских танков, а рассеял и уничтожил ее — вот истинная причина поражения фашистских войск группы «Гот».

Командир полка подполковник Маргелов после боя прибыл на доклад к командиру корпуса. Едва он вошел в кабинет, как генерал Чанчибадзе набросился на него с кулаками. Устояв от неожиданного удара, комполка развернулся и со всей силой врезал в челюсть комкору. Чанчибадзе упал. Медленно поднявшись, он подошел к командиру полка и, потирая подбородок, сказал с сильным грузинским акцентом:

— Маргелов, верю — будэшь командиром дивизии!

Затем внимательно выслушал доклад подполковника, обнял его и пожелал на прощание новых побед. А во искупление своей вины и, отмечая подвиг командира полка, тут же дал указание подготовить наградной лист на награждение орденом Красного Знамени. А еще через несколько дней подполковник Маргелов был назначен начальником штаба 3-й гв. стрелковой дивизии.

За этот бой 13-й гвардейский стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени. Многие бойцы и командиры полка были удостоены орденов и медалей. Орденом Красного Знамени был награжден и командир полка — гвардии подполковник Маргелов Василий Филиппович, это был его первый боевой орден.

Из наградной характеристики на командира 13 гв. стр. полка 3 Гв… стр. дивизии гв. подполковника Маргелова В.Ф.

Командир 13 Гвардейского стрелкового полка Гвардии подполковник МАРГЕЛОВ В.Ф. своим умелым руководством обеспечил успешное выполнение боевых задач. Под его руководством 13 гв. сп сдержал наступление крупных сил противника, которые пытались при поддержке 70 танков прорвать оборону полка в районе дер. Васильевки и выйти на соединение с вражеской группировкой, окруженной в районе Сталинграда.

В 3-х дневных боях, с 20 по 23.12.42, 13 Гв. СП нанес противнику большие потери в живой силе и технике. Этим самым полк блестяще выполнил задачу сдержать противника до подхода главных сил 2 Гвардейской Армии.

Руководимый Маргеловым полк не менее успешно провел последующие наступательные операции против укрепившегося противника в дер. Антоновка, Кругляков, Шестаков. В результате этих боев 13 гв. сп захватил в качестве трофеев 2 танка, 12 пушек, 2 зенитные установки, 6 пулеметов и уничтожил более 900 солдат и офицеров противника, 36 танков и бронемашин.

В бою за дер. Шестаков тов. Маргелов был серьезно контужен, но через двое суток вернулся в строй. Волевой и бесстрашный командир. Полк своими успехами обязан его твердому и умелому руководству.

Достоин награждения орденом «КРАСНОЕ ЗНАМЯ».
п. п. Командир 3 Гв. стр. дивизии
Гв. Генерал-майор ЦАЛИКОВ.
1.01.43
Достоин правительственной награды ордена «КРАСНОЕ ЗНАМЯ».
п. п. Командир 13 Гв. стрелкового корпуса
Гв. генерал-майор — ЧАНЧИБАДЗЕ

Заключение Военного Совета Армии:

Достоин награждения орденом «КРАСНОЕ ЗНАМЯ».

Командующий 2 Гв. АРМИЕЙ Член Военного Совета
Гв. Генерал-лейтенант Гвардии полковник - Малиновский Александров

Свой вклад в срыв попытки деблокировать окруженную группировку противника у стен Сталинграда внес и 13-й гвардейский стрелковый полк подполковника Маргелова В.Ф. В книге о боевом пути 2-й гвардейской армии («В наступлении гвардия», ВИ МО СССР, Москва, 1971) указывается (с. 56): «Боевые порядки атаковавших здесь стрелковых частей возглавлял 13-й стрелковый полк 3-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием мужественного и талантливого офицера В.Ф. Маргелова. О смелости и решительности Василия Филипповича ходили легенды, основанные на действительных фактах его фронтовой жизни.» Большое значение в успехе боя имело четкое взаимодействие и взаимная помощь всех родов войск и соседних полков. Важную роль в успехе полка сыграла целенаправленная и многогранная партийно-политическая работа, обеспечивающая стойкость в обороне и высокий наступательный порыв личного состава, его массовый героизм. Не меньшую роль сыграл авторитет и личный пример командира полка и подобных ему офицеров полка.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, многие солдаты и офицеры были

награждены орденами и медалями, весь личный состав полка был награжден медалью «За оборону Сталинграда». Это свидетельствовало о том, что противостоящий враг был разгромлен общими усилиями бойцов и командиров — солдат полка.

Благодарные жители села Васильевка присвоили бесстрашному командиру полка звание «Почетный гражданин села», о чем ему была вручена Почетная Грамота.

После этих памятных боев отца назначили начальником штаба 3-й гвардейской стрелковой дивизии.

А впереди предстояли жаркие бои по прорыву рубежа обороны немцев по реке Миус — «Миус-фронта».

Глава 5
Прорыв «Миус-фронта» и освобождение Донбасса

Путь к Ростову. Планы Гитлера по удержанию Донбасса. Подготовка к форсированию Днепра. Первый штурм «Миус-фронта». Августовский штурм «Миус-фронта». Освобождение Донбасса. Бои на рубеже реки Молочной.

Разгром сводной армейской группы «Гот» на рубеже реки Мышкова и под Котельниковским создал благоприятные условия для наступления войск Южного фронта вдоль Дона на Ростов и пресечение путей отхода войск противника с Северного Кавказа. Немецко-фашистское командование, опасаясь окружения своей северокавказской группировки, решило отвести ее за реку Дон. Противник понимал, что наибольшую угрозу осуществления этого плана представляло наступление 2-й гвардейской армии, передовые части которой 1 января 1943 года находились уже на расстоянии 200 километров от Ростова, тогда как отходившие с Кавказа главные силы 1-й танковой армии немцев были в 500–600 километрах от столицы Дона. Обеспечивавшие отход северокавказской группировки немцев соединения вновь воссозданной противником 4-й танковой армии получили задачу упорными боями за населенные пункты, узлы дорог и на выгодных для обороны естественных рубежах сдерживать наступление советских войск на ростовском направлении.

Командующий войсками 2-й гвардейской армии генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский в своем Боевом приказе от 1 января 1943 года поставил перед главными силами армии (1-й и 13-й гвардейские стрелковые, 3-й гвардейский танковый и 6-й механизированный корпуса) задачу продолжать преследование отходившей на Ростов армейской группы «Гот», наступая на левом берегу Дона в общем направлении на Дубовское, Кутейниково, Батайск, Ростов.

Как раз в это время — 8 января 1943 года — Василий Филиппович Маргелов назначается начальником штаба 3-й гвардейской стрелковой дивизии.

Дивизия с упорными боями продвигалась на Дубовское и Кутейниково. Противник яростно огрызался.

В 5—10 километрах северо-западнее Кутейниково жестокий бой разгорелся за поселок Савельев. Начштаба Маргелов В.Ф. как раз находился в боевых порядках 5-го гвардейского стрелкового полка 3-й гвардейской стрелковой дивизии, когда в атаку двинулись 30 танков противника. В этом бою отличился командир взвода 45 мм батареи полка лейтенант И.И. Стрельцов, лично подбивший 4 танка противника. Окрыленные успехом, героически дрались воины 3-й гвардейской и за хутор Братский. Здесь враг атаковал гвардейцев 20-ю танками из Кутейниково и 50-ю танками из Иловайского. В упорном бою гвардейцы уничтожили 24 фашистских танка, до 300 солдат и офицеров противника и захватили Братский.

Нелегок был путь на Ростов для гвардейцев 3-й стрелковой дивизии. Противник цеплялся за каждый выгодный рубеж, каждый населенный пункт, которые приходилось брать в жестоких боях.

Участникам этих событий особо запомнились бои за важный пункт немцев станицу Иловайскую. Подразделения 9-го гвардейского стрелкового полка несколько раз атаковывали его, но все атаки были безуспешны. По приказу комдива 3-й гвардейской генерал-майора К.А. Цаликова подполковнику Маргелову В.Ф. было поручено разобраться в сложившейся ситуации. Прибыв на передовые позиции полка, он приказал выделить для внезапной ночной атаки 1-й батальон капитана А.П. Кондратеца, которого хорошо знал по предыдущим боям как бесстрашного и инициативного командира. Воспользовавшись темнотой, Кондратец вплотную подвел свой батальон к окраинам Иловайской и выбил противника. Однако утром немцы предприняли контратаку 50-ю танками и батальоном пехоты. Завязался сильный бой. Подбив свыше 10 танков и перебив большое количество пехотинцев противника, гвардейцы отстояли Иловайский. Но сам отважный комбат, находившейся все время в гуще боя, пал смертью храбрых. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Громя фашистскую группировку «Гот» и преследуя его по пятам, советские гвардейцы вышли на рубеж реки Маныч и, форсировав реку в нескольких местах, захватили плацдармы на противоположном берегу. Завязались упорные бои за каждую станицу, каждый населенный пункт на пути к Ростову, до которого оставалось всего 40 километров. Совершив маневр, части 3-й гвардейской стрелковой дивизии во взаимодействии с частями 87-й и 49-й гвардейских дивизий 13 февраля 1943 года полностью очистили от фашистов город Новочеркасск.

После освобождения Новочеркасска развернулось преследование разгромленного противника по всему фронту наступления 2-й гвардейской армии.

Отступая, фашисты стремились как можно быстрее отвести свои войска за реку Миус. Немецкое командование рассчитывало на этом рубеже остановить наступление войск Южного фронта, которым командовал со 2 февраля 1943 года генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский. На реке Миус немецко-фашистское командование располагало мощной системой оборонительных сооружений, построенных еще в 1941–1942 годах. На всех высотах по правому берегу гитлеровцы построили большое количество дотов, дзотов, установили минные поля и проволочные заграждения. Всю эту мощную оборонительную линию, которую предстояло прорвать войскам 2-й гвардейской армии, фашисты назвали «Миус-фронтом». Этот «фронт» прикрывал южные районы Донбасса. Фашисты отдавали себе отчет в том, что если они не удержат позиций «Миус-фронта», им придется отступать по степным просторам до самого Днепра. Вот почему противник решил любой ценой удержать этот рубеж.

Оборону на Миусском рубеже держала 6-я немецкая армия, воссозданная по приказу Гитлера вместо разбитой и плененной под Сталинградом армии Паулюса. Гитлер назвал ее «Армией мстителей». Генерал-фельдмаршал фон Манштейн писал: «Донбасс играл существенную роль в оперативных замыслах Гитлера. Он считал, что от овладения этой территорией, расположенной между Азовским морем и низовьями Днепра, простирающейся на запад (примерно по линии Мариуполь — Красноармейское — Изюм. — Авт.), будет зависеть ход войны. Гитлер утверждал, что без запасов угля этого района мы не сможем выдержать войну в экономическом отношении».

Не допуская мысли об оставлении Донбасса, Гитлер в марте 1943 года специально прилетел в Запорожье в штаб группы армий «Юг» и потребовал от Манштейна и его генералов не отдавать Донбасс даже временно.

Однако планам и мечтам фашистского командования не суждено было сбыться.

В первой половине марта 1943 года после выхода на рубеж реки Миус 13-й гвардейский стрелковый корпус был снят с передовой и выведен на формирование и отдых в район города Краснодон. До вступления в бой 18 июля на отдыхе корпус пополнялся личным составом, усиленно занимался боевой подготовкой. Части 3-й гвардейской дивизии часто

совершали марш-броски на 50–70 километров, форсировали водные преграды и проходили обкатку танками.

В освобожденном Краснодоне, который был разграблен захватчиками полностью, бойцов дивизии привлекали к работам по извлечению останков людей, брошенных фашистами в шахтные стволы. Советские воины также помогали жителям Краснодона наладить мирную жизнь, выручали их продуктами, предметами первой необходимости. Замкомдиву полковнику Маргелову Василию Филипповичу приходилось часто встречаться с местными властями, вот тут-то он и его солдаты узнали о существовавшей в городе в годы оккупации подпольной организации «Молодая гвардия», о славных делах и подвигах молодогвардейцев. Правда, как много позже признался отец, уже прочитав роман А. Фадеева «Молодая гвардия», события, расписанные в романе, имели мало общего с тем, что было на самом деле.

В начале июля боевая подготовка была закончена. Ветеран 3-й и 49-й гв. дивизий Молчанов Н.П. вспоминая эти события, рассказал как командир корпуса генерал-лейтенант Чанчибадзе проводил где-то 8—10 июля смотр 3-й дивизии. В это время все новое пополнение принимало гвардейскую присягу, здесь же состоялось заседание военно-полевого суда, после чего перед строем дивизии по приговору суда был расстрелян один из вновь мобилизованных на освобожденной территории. Мобилизован он был по ошибке — на одном глазу у него было бельмо. Несчастного должны были уволить из армии, но он не стал ждать и сбежал. Его поймали и… вот такой ужасный финал. После расстрела Чанчибадзе еще самолично выстрелил в труп — для того, чтобы «поднять» дух солдат перед наступлением. Через 2–3 дня после «поднятия» духа дивизия снялась с места и двинулась в направлении фронта.

14 июля 1943 года соединения и части 2-й гвардейской армии сосредоточились на исходных рубежах перед атакой. В те дни шли упорнейшие сражения на Курской дуге, и всем было ясно, что удары наших войск по «Миус-фронту» не позволят немцам снять свои части с нашего участка фронта для усиления своей группировки на Курской дуге.

Командующий армией генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер провел совещание командиров и политработников армии и поставил соединениям армии задачи на наступление.

13-й гвардейский стрелковый корпус, в составе которого наступала 3-я гвардейская дивизия, имел задачу, взаимодействуя со 2-м гвардейским механизированным корпусом, развить наступление и прорвать оборону «Миус-фронта» на участке поселка Степановка.

16 июля в войска 2-й гвардейской армии поступил приказ командующего войсками фронта генерал-полковника Ф.И. Толбухина, сменившего на этом посту генерала Р.Я. Малиновского.

«Товарищи красноармейцы, командиры, политработники, — говорилось в приказе, — на советско-германском фронте начались решающие сражения. Временное затишье кончилось.

Приказываю:

Войскам Южного фронта перейти в наступление против немецко-фашистских захватчиков».

Приказ командующего фронтом был с энтузиазмом встречен всем личным составом 3-й гвардейской стрелковой дивизии. В частях дивизии царил высокий патриотический подъем. В подразделениях на митингах и собраниях гвардейцы клялись с честью выполнить боевой приказ и громить фашистских захватчиков без всякой пощады.

И вот 17 июля в 3 часа 30 минут тишину над «Миус-фронтом» разорвала мощная артиллерийская канонада. От разрывов тысяч снарядов и мин вздыбилась и застонала земля. Два с половиной часа гулял огненный смерч по позициям оборонявшихся на Миусе немцев. Сотни советских самолетов громили укрепления, узлы сопротивления и резервы в глубине обороны фашистов.

Но вот артиллерия перенесла огонь в глубину, и вперед при поддержке танков ринулась

«царица полей» — доблестная советская пехота.

Тот самый «Миус-фронт», который гитлеровская пропаганда расхваливала на все лады как неприступные ворота в Донбасс, был прорван в первые же часы. Ни глубокие траншеи, ни доты и дзоты не спасли гитлеровцев от стремительного натиска танков и пехоты, губительного огня советской артиллерии. Понеся огромные потери, фашисты в панике стали отходить, оставляя убитых и раненых, бросая боевую технику. Возрожденная Гитлером 6-я армия вновь, как и под Сталинградом, терпела сокрушительное поражение.

Командир немецкого батальона, взятый разведчиками в плен, рассказывал: «Ваша артиллерия стреляла метко, и начало наступления советских войск было неожиданным. Я потерял 90 процентов состава батальона убитыми и ранеными. Снаряды рвались, люди сходили с ума и тут же гибли, пораженные осколками снарядов».

Воодушевленные первыми победами, советские войска рвались вперед. Однако бои по прорыву «Миус-фронта» изобиловали многими драматическими моментами. Пытаясь во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск, гитлеровское командование в район прорыва перебросило с белгородского направления эсэсовские дивизии «Мертвая голова» и «Райх», 3-ю танковую, 16-ю моторизованную, а также части 17-й, 111-й, 336-й пехотных дивизий, оборонявшихся на реке Миус южнее. Всю эту армаду с воздуха поддерживали сотни фашистских самолетов.

Днем 19 июля из района Первомайска части 3-й гвардейской дивизии, наступавшие в районе Степановки, были контратакованы 60-ю немецкими танками, за которыми наступало до полка пехоты. Но гвардейцы, закаленные в предыдущих боях под Сталинградом и Ростовом, не дрогнули. Фашисты были встречены дружным уничтожающим огнем из всех видов оружия. Ни один фашистский танк не прошел сквозь оборонительные порядки гвардейцев. Контратака немцев захлебнулась.

Едва рассеялся дым и осела пыль от множества разрывов, как фашисты начали новую контратаку. На этот раз они решили обойти Степановку с северо-запада. Имея на направлении главного удара превосходство в танках и живой силе, немцам удалось вклиниться в оборону дивизии. Завязалось тяжелое сражение. Гвардейцы стояли насмерть.

Командир дивизии генерал К.А. Цаликов, находившийся на наблюдательном пункте, расположенном на гребне высоты недалеко от Степановки, видел, как тяжело приходится солдатам 5-го и 13-го полков. К этому времени Маргелов В.Ф. был назначен его заместителем (с 11 апреля 1943 года, а 15 апреля получил воинское звание «полковник»), и в этих боях генерал часто давал ему самые различные поручения.

— Василий Филиппович, — обратился к нему генерал Цаликов, — тяжеленько приходится твоему 13-му гвардейскому. Хоть и бьют врага по-сталинградски, но, боюсь, до вечера не продержатся.

— Товарищ генерал! — обратился Маргелов к командиру дивизии. — Разрешите отправиться в расположение 13-го полка!

— Разрешаю! Особое внимание обратите на танкоопасные направления, — напутствовал генерал.

Солнце припекало уже вовсю. Степь, там и тут в подпалинах огня, дышала зноем. Замкомдива сразу же направился к западной окраине Степановки. Именно с этого направления ожидалась массированная атака фашистских танков. Здесь одну из позиций занимала рота противотанковых ружей гвардии старшего лейтенанта В.Ф.Ежкова. Гвардейцы только что отразили очередную атаку немцев и теперь отдыхали.

— Здорово, орлы! — приветствовал Батя бронебойщиков.

— Здравия желаем, товарищ гвардии полковник! — дружно ответили бойцы.

— Атаку танков отразили по-сталинградски! Вон их сколько горит по степи! — похвалил полковник Маргелов бойцов. — Но расслабляться нельзя. По разведданным в атаку на ваш рубеж пойдут танки дивизии СС «Мертвая голова». Поэтому бить их надо не в бровь, а в глаз… Не уверен, что попадешь, — лучше не стреляй. А подпустишь поближе — тогда и подожжешь наверняка.

— Так и будем бить, товарищ гвардии полковник! — ответил за всех гвардии старший лейтенант Ежков.

— Помним вашу бронебойную науку еще с самой речки Мышковой. Звание советских гвардейцев не посрамим!

— Ну, если под Сталинградом против «Зимней грозы» выстояли, то я за ваш рубеж спокоен!

И необходимо отметить, что слово свое бронебойщики сдержали.

Контратака фашистских танков не заставила себя ждать. Как бы предваряя появление бронированных чудовищ, закрутили свою адскую карусель фашистские самолеты, высыпав на позиции гвардейцев 13-го полка сотни бомб. Разрывы авиабомб сменил грохот рвущихся вражеских снарядов и мин. Но вот отчетливо послышался завывающий рев моторов.

«Танки!» — пронеслось по окопам бронебойщиков.

Медленно, но грозно надвигалась вражеская бронированная лавина. То один из танков, то другой на мгновение останавливались, и тогда из орудия вылетала яркая вспышка выстрела. Затаив дыхание, крепко сжимая противотанковые ружья, следили бронебойщики за каждым движением фашистских танков.

Когда головной танк подошел на расстояние прямого выстрела, командир роты старший лейтенант Валентин Ежков плавно нажал на спуск. Головной танк как бы нарвался на могучий невидимый кулак и тут же вспыхнул. Окрыленные успехом командира, бронебойщики открыли из ПТР меткий уничтожающий огонь. То тут, то там вспыхивали и замирали фашистские танки. Вражеская пехота, лишаясь бронированного прикрытия, металась между горящими танками и попадала под губительный огонь советских пулеметчиков и автоматчиков.

Свыше трех часов вели бронебойщики смертельный поединок с фашистскими танками и не дрогнули. Двенадцать вражеских машин пылало перед рубежом, который обороняли гвардейцы. Фашистские танки не выдержали и стали отходить на исходные рубежи, злобно огрызаясь из пушек.

Увидев, что враг откатывается назад, гвардейцы-бронебойщики дружно грянули «Ура!». И в этот момент снаряд с пятившегося танка разорвался прямо на бруствере окопа гвардии старшего лейтенанта Валентина Ежкова…

Так не стало храброго командира, который мужал на глазах Василия Филипповича. Не раз старший лейтенант Ежков выходил победителем из смертельных поединков с фашистскими захватчиками, бесстрашно бил фашистские танки.

Прощаясь со своим командиром, гвардейцы на его могиле поклялись бить фашистов до полной победы. Они отразили в этот день еще шесть вражеских атак и уничтожили 22 танка. Такова была месть бойцов за своего командира.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Валентину Федоровичу Ежкову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем названа школа в селе Степановка.

Три дня подряд шли жестокие, кровопролитные бои на «Миус-фронте». В упорных сражениях гвардейцы 2-й армии перемалывали отборные фашистские дивизии. По напряжению и ожесточенности их можно было сравнить лишь с крупнейшими битвами Великой Отечественной войны.

Жаль, что в истории Великой Отечественной войны боям на «Миус-фронте», также как и боям на рубеже реки Мышкова уделяется немного места. И тут снова слово за военными историками…

До самого августа на «Миус-фронте» продолжались изнуряющие кровопролитные бои, изобилующие тяжелыми, порой трагическими, ситуациями.

Добившись ощутимого перевеса в силах за счет введения в сражение крупных танковых резервов, фашисты на отдельных участках потеснили наши части и стали продвигаться в восточном и северо-восточном направлениях.

Чрезвычайно сложная обстановка создалась на участке 3-й гвардейской стрелковой

дивизии генерал-майора К.А. Цаликова и соседней 33-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Н.И. Селиверстова.

Сотни самолетов, десятки танков, огромное количество артиллерийских орудий и минометов непрерывно буквально засыпали позиции этих дивизий смертоносным металлом. Командиры сражающихся бок о бок дивизий принимали все меры, чтобы удержать занимаемые рубежи, парировать фланговые охватывающие удары немцев.

В одном из кровопролитных боев геройски погиб командир 33-й гвардейской дивизии Н.И. Селиверстов, вышли из строя многие офицеры штаба соединения и полков.

Воспользовавшись моментом, не считаясь с потерями, гитлеровцам удалось, обойдя фланг дивизии, окружить некоторые наши части. Отстаивая свои позиции, гвардейцы и в окружении дрались геройски.

Оборону одной из сражающихся в окружении частей 3-й гвардейской дивизии пришлось возглавить заместителю командира дивизии полковнику В.Ф. Маргелову. Гвардейцы в течение суток не только удерживали занимаемый рубеж, но и наносили противнику чувствительные потери, приковывали к себе значительные силы фашистов. Получив приказ командования на выход из окружения, гвардейцы ударом с тыла прорвали кольцо вражеских войск и организованно вышли к своим.

Военный совет Южного фронта дал высокую оценку действиям гвардейцев. В боевом распоряжении от 31 июля отмечалось:

«Части 3-й гвардейской дивизии в течение суток отважно и храбро дрались в окружении, сковав своими действиями большие силы противника, чем облегчили действия армии».

В первых числах августа драматизм боев на «Миус-фронте» достиг своего апогея. Противник стянул сюда целую лавину танков, огромное количество мотопехоты, тысячи артиллерийских орудий и минометов. Группы по 50, а то и по 100 самолетов постоянно висели над полем боя и беспрерывно бомбили наши истекающие кровью части. Ценой огромных усилий и потерь гитлеровцам удалось потеснить некоторые наши полки и стабилизировать свой фронт на Миусе.

После июльских жестоких боев наши гвардейские части, производя перегруппировку, готовились к новому штурму «Миус-фронта».

Решением Ставки Верховного Главнокомандования к штурму немецкого «Миус-фронта» на этот раз дополнительно привлекались 2-я гвардейская артиллерийская дивизии резерва Главнокомандования, несколько истребительных противотанковых и минометных полков. С воздуха гвардейцев должен был поддерживать 7-й авиационный корпус.

Проанализировав ход сражений по прорыву «Миус-фронта», Ставка Верховного Главнокомандования пришла к выводу, что успешный прорыв обороны на рубеже Миуса с последующим освобождением Донбасса возможен только в результате концентрических ударов двух фронтов — Юго-Западного и Южного, то есть таких ударов, которые принесли победу советским войскам под Сталинградом.

Надо отметить, что к тому времени, когда войска двух фронтов готовились к решительному штурму, обстановка на советско-германском фронте резко изменилась. После разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге стратегическая инициатива перешла к Красной Армии.

Войска, которым второй раз предстояло прорывать немецкие укрепления «Миус-фронта», имели теперь значительное превосходство в живой силе, артиллерии, минометах, пулеметах. В частях, изготовившихся к штурму, царил высокий наступательный дух. В подразделениях, на огневых позициях артиллерийских и минометных батарей политработники и агитаторы зажигали солдатские сердца живым словом партии.

Армейская газета писала в эти дни:

«Ныне пробил час решительной битвы. Перед нами порабощенная гитлеровцами

Советская Украина, перед нами угольный Донбасс — наша всесоюзная кочегарка. Дело нашей гвардейской части вышибить немецких захватчиков из Донбасса, освободить Украину. Этого требует от нас Родина.

Вперед, воины! Вперед, гвардейцы! За родную Украину! За свободный угольный Донбасс!

Не задерживайся в атаке. Как следует нажал — враг побежал, а тебе это только и надо: тут и кроши его, гада!»

По замыслу командующего 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Г.Ф. Захарова, сменившего на этом посту генерала Я.Г. Крейзера, 3-я гвардейская стрелковая дивизия должна была действовать в авангарде 13-го стрелкового корпуса, шедшего на прорыв «Миус-фронта» в первом эшелоне армии.

В ночь на 17 августа части дивизии вышли на реку Миус и заняли исходное положение. С волнением ждали гвардейцы наступления утра «Миусской битвы».

И вот 18 августа в 6 часов утра полторы тысячи орудий и минометов открыли ураганный огонь по переднему краю обороны фашистов. Все потонуло в грохоте залпов артподготовки, которая длилась больше часа. К оглушительным разрывам снарядов и мин, в которых буквально потонул передний край обороны противника, добавились завывающие залпы гвардейских минометов — «катюш». Вслед за ними небо над Миусом наполнилось грозным рокотом десятков штурмовиков 7-го авиационного корпуса. И едва только артиллерия и авиация перенесли мощь своих ударов в глубину обороны фашистов, как в бой ринулись пехотинцы и танки.

Гвардейцы 3-й стрелковой дивизии в едином порыве стремительно переправились через реку Миус и завязали бои за первую линию обороны. Оказывая упорное сопротивление, фашисты цеплялись за каждый дот, дзот, траншею или блиндаж. Но гвардейцы шаг за шагом, удар за ударом пробивали первую линию обороны. Наконец фашисты не выдержали и, понеся большие потери, откатились. В журнале боевых действий 6-й немецкой армии, державшей оборону на Миусе, майор доктор Франк записал: «В первый день наступления 614-й гренадерский полк 294-й пехотной дивизии был полностью уничтожен». Вот как сами фашисты оценивали мощь ударов 3-й гвардейской стрелковой дивизии и соседних соединений!

Однако дальнейшее продвижение гвардейских подразделений вдруг замедлилось под воздействием сильного артиллерийского огня. Проанализировав причины задержки наступления, полковник Маргелов В.Ф. пришел к выводу, что артиллеристы не полностью подавили вражеские батареи. А раз так, то немцы наверняка пойдут в контратаку.

И он не ошибся. Через некоторое время показались черные коробки фашистских танков. За ними, с автоматами наперевес, бежала пехота. Пришлось срочно организовывать отражение контратаки противника, и только после этого гвардейцы продвинулись вперед.

Тяжело, очень тяжело пришлось гвардейцам в первый день боя. Те два километра, на которые удалось вклиниться бойцам 3-й гвардейской дивизии, стоили им огромных усилий, немалой крови.

Особую храбрость и героизм проявили в первый день штурма командир взвода пешей разведки 9-го полка 3-й гвардейской дивизии коммунист младший лейтенант М.И. Рогачев и его бойцы. Действуя в авангарде наступающих подразделений, его гвардейцы первыми ворвались в немецкие траншеи, смело вступили в рукопашную схватку, уничтожили вражеский дзот с расчетом, а восемь фашистов взяли в плен.

Выполняя задание командования по разведке тылов противника в районе горы Саур-могила, коммунист Рогачев и его гвардейцы совершили дерзкий трехдневный рейд, в ходе которого разгромили штаб немецкого батальона, захватили боевые документы и карты, а также двух «языков». В один из ночных разведывательных поисков пошел с ними и заместитель командира дивизии полковник Маргелов. Перейдя линию фронта, разведчики успешно проникли в тылы немцев, но на подходе к интересовавшему их рубежу обороны были неожиданно обнаружены и обстреляны из минометов. Одна из немецких мин

разорвалась рядом с заместителем комдива и он был ранен осколками в правую ногу. Но, несмотря на ранение, он продолжал руководить боем.

Отстреливаясь от наседавших немцев, разведчики снова прорвались через линию фронта и вышли к своим.

Далее рассказывает сам гвардии полковник В.Ф. Маргелов: «Мне пришлось сразу же направиться в медсанбат. Рану врач обработал, но осколок не вынул. Видимо, недоглядел. А тут спешка с утренним докладом по обстановке… Короче говоря, прошло несколько дней, и я понял, что с ногой творится что-то неладное. Она начала синеть.

На этот раз моей раной занялась военврач 3 ранга Анна Александровна Куракина. Разрез на ноге пришлось делать длинный и глубокий, так как иного выхода у хирурга не было. Только в результате операции под местной анестезией Анна Александровна извлекла из моей ноги крупный осколок.

А ведь бои были как раз в самом разгаре, и залеживаться в медсанбате мне было никак нельзя. Едва закончилась операция, как меня вызвали к комдиву. А там один бой, другой, третий — так в этих бесконечных боях моя рана и зарубцевалась. Да и рука хирурга Анны Александровны Куракиной, видать, была легкая. Так что в госпитале залежаться не пришлось».

А что касается младшего лейтенанта Рогачева, то его взвод отличился в бою за поселок Успенский. Действуя неожиданно и дерзко, гвардейцы под покровом темноты ворвались на его улицы, забросали дома с фашистами гранатами, посеяли панику и захватили в плен до взвода немецких солдат во главе с командиром батальона. Такой бесстрашный разведчик был полковнику Маргелову по душе!

Учитывая его мужество, героизм и находчивость в ходе рейдов, замкомдива лично ходатайствовал перед командиром дивизии о присвоении старшему лейтенанту Рогачеву высокого звания Героя Советского Союза. И вот скоро подразделения и части 3-й гвардейской дивизии облетела радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии старшему лейтенанту Михаилу Иосифовичу Рогачеву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Прорвав первую полосу обороны, наши войска готовились к штурму второй, так как только прорыв второй полосы обороны «Миус-фронта» выводил наши войска на оперативный простор.

Это понимало и командование пополненной 6-й немецкой армии, державшей оборону на Миусе, готовившееся во что бы то ни стало выполнить приказ Гитлера: не допустить прорыва советских войск в Донбасс.

Воссозданная Гитлером 6-я полевая армия «Мстителей» дралась с упорством обреченных. Ее командующий генерал Холлидт делал все, чтобы не повторить судьбы своего предшественника генерал-фельдмаршала Паулюса, плененного в Сталинграде. Он снимал части с менее активных участков, сосредотачивал их на флангах, бросал в контратаки. В бой с наступающими советскими войсками были введены все резервы, но даже и это не помогало фашистам.

В результате третьего мощного штурма «Миус-фронта» гвардейцы 2-й армии прорвали вторую полосу обороны противника и наконец-то вышли на оперативный простор.

Пленный одного из полков 336-й пехотной дивизии показывал: «Моральный дух наших солдат стал очень низким. Чтобы никто не мог перебежать к русским, командир полка приказал поставить и замаскировать впереди оборудованного рубежа противотанковые мины, а сзади дежурили доверенные пулеметчики, готовые открыть огонь по отступающим». Но и эти меры не помогли фашистам. Под ударами советской пехоты, танков и авиации противник стал откатываться на запад, но при этом яростно контратакуя.

Все чаще и чаще гитлеровцы вводили в бой свои новейшие «тигры» и «фердинанды». Но и эти бронированные чудовища не спасали их. 3-я гвардейская стрелковая дивизия, пядь за пядью очищая донецкую землю от фашистов, вместе с другими частями и соединениями неотвратимо продвигалась на запад.

После упорных наступательных боев 30 августа 1943 года наши части освободили Таганрог, разгромив крупную группировку врага. Эта замечательная победа, как и успешные действия других частей Южного и Юго-Западного фронтов, оказали большое влияние на весь дальнейший ход наступательных боев на юге страны и поставили под угрозу полного разгрома немецкие части в Донбассе.

Отступая под натиском советских войск, фашисты с педантичностью варваров выполняли преступные директивы своих главарей. О том, что такое в их понятии была тактика «выжженной земли», красноречиво свидетельствует указание Гиммлера руководителю войск СС и полиции на Украине: «Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не осталось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы ни остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально выжженную и разрушенную страну».

Воины-гвардейцы, с боями освобождая населенные пункты и поселки шахтерского Донбасса, повсюду находили следы неслыханных злодеяний фашистов.

В одной из шахт поселка Красный Луч советские воины обнаружили 1800 трупов женщин, детей, стариков, которых фашисты-изверги расстреляли незадолго до освобождения.

Поэтому воины свято выполняли наказ донецких шахтеров: «С великой сердечной просьбой обращаемся мы к вам, дорогие воины: гоните немца безостановочно, бейте его, проклятого, скорее освобождайте нашу исстрадавшуюся горняцкую землю. Давайте вместе — обушком и винтовкой, отбойным молотком и пулеметом, врубовой машиной и танком — бить изверга-фашиста, опустошившего, ограбившего богатую землю родного Донбасса!»

И гвардейцы были верны этому шахтерскому наказу. В упорных боях преследуя отходившего противника, войска вышли на подступы к городу Сталино (Донецк) и после ожесточенных боев 8 сентября 1943 года овладели столицей шахтерского Донбасса.

О блестящих победах в Донбассе в тот же день узнала вся страна. По радио передавался приказ Верховного Главнокомандующего: «Войска Южного и Юго-Западного фронтов в результате умелого маневра и стремительного наступления одержали крупную победу в Донецком бассейне над немецкими захватчиками. Сломив сопротивление врага, наши войска в течение шести дней с боями овладели рядом городов и областным центром Донбасса — городом Сталино.

Таким образом, войска Южного и Юго-Западного фронтов отбили у немцев и вернули Родине Донецкий бассейн — важнейший угольный и промышленный район страны».

В честь доблестных войск-освободителей Донбасса столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Донбасс от немецких захватчиков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

Все советские люди, воины армии и флота праздновали освобождение Донбасса, а фашисты метались в бессильной злобе и не могли ничего поделать со всесокрушающим наступлением советских войск.

Чтобы воодушевить свои войска, 27 августа Гитлер прилетел в Винницу в штаб группы армий «Юг». Но его присутствие в этом осином гнезде ничего уже не могло изменить: 6-я армия «Мстителей» генерала Холлидта, вновь потерпев сокрушительное поражение, безостановочно отступала. 1-я танковая армия генерала Макензена, потеряв большую часть своих танков в боях с гвардейцами 2-й армии, была просто небоеспособна и пятилась на запад вслед за 6-й. Не порадовал Гитлера и сам командующий группы армий «Юг», битый-перебитый фельдмаршал фон Манштейн, заявивший: «Наши потери составили 133000 человек, а получили мы в качестве пополнения только 33000 человек». Гитлер заверил, что в ближайшее время на юг будет направлено 12 дивизий из групп армий «Центр» и «Север». Однако нарастающие удары советских войск на западном направлении и на стыке групп

армий «Юг» и «Центр» перечеркнули эти планы. Командующий группой армий «Центр» Клюге заявил, что ни одной дивизии, ни одного солдата передать в группу армий «Юг» не может. Гитлеру ничего иного не оставалось, как дать разнос своим генералам и потребовать от них любой ценой отстаивать последние рубежи. После этого истерического призыва он убрался восвояси.

А наступление советских войск развивалось все более стремительно. Преследуя отходящего противника, ведя бои с его арьергардами, они за два дня — 8 и 9 — сентября продвинулись на 50–60 километров, освободив 36 населенных пунктов. Едва саперы успевали оборудовать командные пункты, а связисты протянуть «нити» связи, как поступала команда передислоцироваться на новое место.

10 сентября гвардейцы 3-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 5-й и 6-й гвардейскими мехбригадами и 14-м истребительным противотанковым артиллерийским полком РГК, сломив ожесточенное сопротивление противника, освободили город и крупный железнодорожный узел Волноваха. Особое мужество и героизм проявили бойцы и командиры 9-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал майор В.М. Дацко.

Полковник В.Ф. Маргелов высоко ценил этого храброго и решительного командира. Во время одного из боев за Волноваху он был оглушен, и его полк было приказано возглавить заместителю командира дивизии В.Ф. Маргелову. Едва-едва оправившись от контузии, гвардии майор Дацко вновь повел полк в атаку и ворвался в город.

Армейская газета «В атаку!» подробно рассказала о героях боев за Волноваху, о тех мужественных бойцах, которые своим бесстрашием и героизмом приближали изгнание фашистов с советской земли.

Передовой отряд, которым командовал гвардии лейтенант Голубев, внезапной атакой ворвался в город и занял район железнодорожной станции. Благодаря стремительным и отважным действиям воинов отряда были захвачены в целости и сохранности здание станции, вражеские эшелоны на путях.

Фашисты оградили подступы к Волновахе плотными минными полями. Более 1000 мин разминировали под огнем противника на подступах к городу саперы старшего лейтенанта Д. Козлова и проложили пехотинцам безопасные пути к цели.

Учитывая важность взятия города Волновахи, 3-я гв. стр. дивизия получила почетное наименование «Волновахская». В боевой характеристике на заместителя командира дивизии по строевой части гвардии полковника В.Ф.Маргелова отмечается: «Командир железной сила воли, требователен к себе и подчиненным. Решительный. Организаторскими способностями обладает достаточными. В боевой обстановке вынослив, несмотря на 4 ранения. В период формирования дивизии беспрерывно находился в частях дивизии, занимался созданием боевых подразделений и руководил ходом боевой подготовки, добиваясь отличной боевой выучки от личного состава частей дивизии. в боях на реке Миус систематически находился в частях дивизии, непосредственно в боевых частях пехоты, осуществлял личный контроль и проверку исполнения всех приказов и приказаний командования. В трудную минуту боя помогал командирам частей в руководстве боем.

17.09.43 г. при выбытии из строя командира 9-го гвардейского стрелкового полка принял на себя командование полком. Смелым маневром полк под командованием тов. Маргелова успешно овладел крупным железнодорожным узлом Приазовья, станцией и городов Волноваха, при этом нанеся противнику большие потери в живой силе и технике. За личную отвагу и успешное выполнение боевых задач тов. Маргелов награжден правительственной наградой орденом «Красное Знамя» и вторично представлен.»

Ордена, однако, он не получил…

В результате упорных наступательных боев советские войска вышли на рубеж рек Молочная и Чингул, однако с ходу форсировать их нашим гвардейцам не удалось. Гитлеровцы засели в хорошо подготовленных в инженерном отношении оборонительных позициях «Вотан». Это была сильно укрепленная полоса обороны протяженностью 150

километров и глубиной до 40 километров. И чтобы прорвать ее, нужна была серьезная подготовка.

С выходом советских войск на реку Молочная завершилась операция наших войск по полному освобождению Донбасса от гитлеровских захватчиков. Победа в Донбассе, разгром крупной немецкой группировки на южном крыле советско-германского фронта имели исключительно важное политическое, экономическое и стратегическое значение. Врагу был нанесен огромный ущерб в живой силе и боевой технике. Эта победа оказала большое влияние на успешное наступление наших войск на Левобережной Украине и Северном Кавказе. Стремительное наступление в Донбассе содействовало наступлению войск на белгородско-харьковском направлении. Выйдя на реку Молочная, советские войска создали серьезную угрозу обороне немцев в низовьях Днепра и на подступах к Крыму, где 2-я гвардейская армия запирала всю крымскую группировку противника.

Готовясь к прорыву вражеских укреплений на реке Молочная, советское командование прежде всего проанализировало опыт боев наших войск за Донбасс.

В донбасских боях исключительно ярко проявились высокий моральных дух наших советских солдат, их возросшее боевое мастерство, их мужество и героизм. На всех этапах битвы гвардейцы смело и решительно вступали с борьбу с врагом, стойко отбивали контратаки и стремительно преследовали противника. Если раньше наши части в основном атаковали противника в лоб, то теперь старались совершать глубокие охваты и обходы, сочетая их с мощными фронтальными ударами. Прошедшие бои наглядно показали, что немцы стали чувствительны к фланговым ударам, к обходам и охватам. Боясь окружения, они сразу же в панике сворачивали оборону и откатывались. И самое главное, что в Донбассе, как и на Курской дуге, был похоронен миф о том, что лето — пора немецкого наступления…

Разгромив немецко-фашистские войска на реке Миус и в Донбассе, войска 2-й гвардейской армии в ходе преследования противника 22 сентября 1943 года вышли на реку Молочная. С ходу оборону немцев гвардейцам прорвать не удалось — противник готовил здесь оборону в течение восьми месяцев, оборонительные рубежи были заняты свежими немецкими частями, переброшенными из Крыма. Отходившие из Донбасса и выбитые с рубежей на Миусе остатки разбитых частей 6-й немецкой армии оседали на хорошо подготовленных в инженерном отношении позициях.

Обороне рубежа на реке Молочная гитлеровцы придавали огромное значение, так как он составлял продолжение общей линии обороны гитлеровцев на Правобережной Украине и запирал подступы к Крыму и нижнему течению Днепра. Являясь продолжением так называемого «Восточного вала», проходившего по Днепру, оборонительный рубеж на реке Молочная прикрывал с востока мелитопольско-каховский плацдарм, через который осуществлялась единственная сухопутная связь крымской группировки противника с остальными силами немецких армий на юге.

Основу немецкой обороны на реке Молочная составляла главная полоса, до предела насыщенная всевозможными огневыми средствами, фортификационными сооружениями и минными полями. Немецкое командование учло опыт боев на «Миус-фронте» и самое большое внимание уделило созданию на рубеже Молочной мощной противотанковой обороны. Перед передним краем обороны и в ее глубине противник отрыл глубокие противотанковые рвы, а овраги и балки, которыми изрезана прилегающая к реке местность, немцы превратили в противотанковые препятствия. Сплошной противотанковый ров, переходивший местами в эскарпы, проходил на всем протяжении оборонительного рубежа. За противотанковым рвом шла система фортификационных сооружений полевого типа, которые представляли собой окопы полного профиля для стрелков, открытые пулеметные площадки, огневые позиции для минометов, противотанковых ружей и блиндажи для отдыха расчетов.

В результате всех этих мер противник добился на Молочной более высокой насыщенности своих оборонительных линий живой силой и огневыми средствами, чем на

«Миус-фронте». Наиболее прочную оборону противник создал на правом фланге. Взламывать ее предстояло войскам 13-го гвардейского стрелкового корпуса.

В конце сентября 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед войсками Южного фронта задачу прорвать оборону противника на рубеже реки Молочная, освободить Северную Таврию и, наступая на общем направлении на Каховку и Херсон, выйти к низовьям Днепра.

В боях по прорыву оборонительных рубежей на реке Молочная 3-й гвардейской стрелковой дивизии предстояло сражаться в составе 1-го гвардейского стрелкового корпуса, который состоял из 3-й и 151-й гвардейских стрелковых дивизий с приданной артиллерией, 510-го отдельного танкового батальона и 63-го инженерно-саперного батальона.

И вот наступило утро 26 сентября. Едва только туман рассеялся, как заговорили сотни артиллерийских орудий. После часовой артиллерийской подготовки, в ходе которой саперные подразделения проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях противника, войска начали штурм. Преодолев противотанковый ров и первые траншеи, 3-я гвардейская дивизия упорно продвигалась вперед. Противник предпринял несколько контратак, но гвардейцы отразили их с большим уроном для немцев. Выйдя на восточную окраину населенного пункта Пришиб, который являлся одним из узловых опорных пунктов фашистской обороны на данном участке, гвардейцы завязали упорный бой. Однако ожесточенное сопротивление гитлеровцев, а также слабая артиллерийская и полное отсутствие авиационной поддержки не позволили дивизии выполнить ближайшую задачу.

Подведя итоги боев за день, командование 3-й стрелковой гвардейской дивизии пришло к выводу, что причинами неудачи наступления были не только отсутствие авиационной поддержки, но и слабое тактическое взаимодействие наступающих подразделений с артиллерией.

Утром 27 сентября после короткой артиллерийской подготовки наши войска вновь ринулись в наступление. Противник встретил сильным и организованным огнем. Танки и штурмовые орудия, выйдя из укрытий, стали обстреливать наступающих. Открыли огонь не подавленные в период артподготовки пулеметные точки, артиллерийские и минометные батареи. Авиация группами по 25–30 самолетов наносили удары по боевым порядкам стрелковых подразделений. Кроме того, противник при поддержке артиллерийского и минометного огня, мощных ударов авиации неоднократно переходил в контратаки.

Несмотря на героические усилия советских гвардейцев, на второй день штурма оборонительных рубежей на Молочной они вклинились в оборонительную полосу лишь на 2–6 километров. Не лучше были успехи и у соседей. Однако войска продолжали сражаться, чтобы любой ценой выполнять поставленную задачу.

Стремясь восстановить положение, противник бросил в контратаку большие силы пехоты и танков, которые поддерживали штурмовые орудия и авиация. Завязались кровопролитные бои, зачастую переходящие в рукопашные схватки. Советскому командованию, которое внимательно следило за боями, развернувшимися на рубеже Молочной, стало ясно, что в сложившейся обстановке войска, наступавшие на направлении главного удара фронта, необходимо усилить 4-м гвардейским механизированным корпусом. 3-й гвардейской стрелковой дивизии, как и другим частям 1-го гвардейского стрелкового корпуса, была поставлена задача во взаимодействии с частями 4-го мехкорпуса и 13-го гвардейского корпуса разгромить противника западнее Альт-Нассау и овладеть населенными пунктами Ровное, Трудолюбимовкой, в дальнейшем продвигаться на Карлсруэ.

30 сентября гвардейцы вновь перешли в наступление. Пехотинцы, взаимодействуя с танками 4-го гвардейского механизированного корпуса, выбили противника с позиций на западном берегу реки Молочная и двинулись дальше на Трудолюбимовку. И вновь враг огромными силами контратаковал 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию и сражавшуюся бок о бок с ней 151-ю гвардейскую стрелковую дивизию. И вновь завязались упорные кровопролитные бои. Гвардейцы мужественно отражали яростные атаки врага. Наших пехотинцев поддерживали артиллерия и танки.

Ожесточенные бои разгорелись и в воздухе, где истребители 8-й воздушной армии, действуя с максимальным напряжением, в упорных воздушных боях стремились не пропустить бомбардировщики противника. «Работая» на низких высотах, советские штурмовики Ил-2 наносили меткие удары по фашистским танкам и пехоте.

Упорные, кровопролитные бои за каждый метр родной земли продолжались до темноты, но и на этот раз гвардейцам не удалось пробить оборону противника на всю ее глубину.

Было ясно, что необходимо перейти к временной обороне, доукомплектовать поредевшие части, дать отдых бойцам.

Командующий 2-й гвардейской армией генерал Г.Ф. Захаров отдал войскам приказ: «Войскам армии перейти к обороне на занимаемом рубеже с целью организованно встретить наступление противника, устроить ему артиллерийскую «мясорубку», перемолоть его боевую технику и главные силы».

В первые дни октября обе стороны активных боевых действий не вели. Войска укомплектовывались личным составом, пополнялись боеприпасами, горючим и продовольствием. В эти дни особое внимание уделялось разведке. Разведчикам, которые буквально каждую ночь ходили в тыл противника, удалось установить наличие его сильных опорных пунктов, вскрыть систему огня, разведать противотанковые рвы и минные поля. Разведданные показали, что оборона противника глубоко эшелонирована, с хорошо организованной системой огня. Даже на Миусе противник не имел таких сильных оборонительных рубежей, как здесь, на Молочной. Передний край и позиции в глубине обороны проходили по выгодным рубежам и участкам местности. Все населенные пункты гитлеровцы приспособили к длительной обороне, на всех танкоопасных направлениях отрыли противотанковые рвы.

Захваченные «языки» рассказывали, что для поднятия боевого духа всему личному составу гитлеровских войск, оборонявшихся на Молочной, выплачивалось повышенное денежное содержание, а в Берлине даже отчеканили специальную медаль «За оборону мелитопольских позиций». Однако, не рассчитывая на эти стимулирующие меры, гитлеровское командование делало все, чтобы ни один солдат не смог покинуть своих позиций. С этой целью ходы сообщения были отрыты с таким расчетом, что, отходя с передовой в тыл, никто не мог миновать командных пунктов, где дежурили автоматчики.

8 октября, накануне решительного наступления советских войск, в штаб 2-й гвардейской армии прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Проверив укомплектованность частей и соединений армии личным составом, вооружением, техникой, продовольствием, горючим, боеприпасами, Маршал доложил Верховному Главнокомандующему, что войска армии готовы выполнить поставленную перед ними задачу.

Наступление советских войск 9 октября 1943 года планировалось на утро, однако из-за ненастной погоды и тумана войска смогли начать атаку лишь в 13 часов после 45-минутной артподготовки.

И вновь, несмотря на все усилия гвардейцев, продвижение вперед было незначительным. Не помогла и попытка атаковать ночью.

А между тем данные разведки показывали, что противник стянул на направление главного удара наших войск почти все свои резервы, в том числе и войска, оборонявшиеся южнее Мелитополя. Вот почему 28-я армия генерала В.Ф. Герасименко, действовавшая на вспомогательном направлении южнее Мелитополя, вклинилась в боевые порядки немцев на фронте шириной 13 километров, форсировала реку Молочная и вышла к южным окраинам Мелитополя.

Оценив обстановку, командующий Южным фронтом генерал Ф.И. Толбухин решил перенести главные усилия фронта в полосу действий 28-й армии. Сюда в самом срочном порядке перегруппировали 51-ю армию генерала Я.Г. Крейзера, а также 19-й танковый и 4-й

гвардейский кавалерийские корпуса.

Это решение командующего Южным фронтом полностью оправдало себя. 14 октября, сломив сопротивление противника, 51-я армия завязала бои в центре Мелитополя.

14 октября пришли вести об освобождении города Запорожье войсками Юго-Западного фронта, которым командовал генерал армии Р.Я. Малиновский.

Успех наших войск в районе Запорожья и южнее Мелитополя оказали влияние на весь последующий ход событий на юге. Боясь окружения своей группировки, гитлеровское командование начало постепенно отводить свои войска с оборонительных рубежей на Молочной. Но основная группировка противника продолжала прочно удерживать рубежи и оказывать упорное сопротивление. Несмотря на это, гвардейцы 22 октября перешли в наступление и, благодаря героическим усилиям, прорвали второй оборонительный рубеж врага на западном берегу реки Молочной.

Успех сопутствовал и другим частям и соединениям Южного фронта. И противник не выдержал. Прикрываясь арьергардами, немцы начали общий отход на запад к никопольской и каховской переправам.

Перед 3-й гвардейской дивизией командование поставило задачу преследовать отходящего неприятеля. Гвардейцы развернули стремительное преследование по двум маршрутам. В арьергарде колонн двигались вместе с пехотой танки и саперные подразделения. Такое построение позволяло частям дивизии проходить до 30 километров в день.

Стремительно преследуя противника, передовой отряд 3-й гвардейской стрелковой дивизии 31 октября 1943 года на плечах противника ворвался в легендарную Каховку и вместе с другими частями завязал бой за этот овеянный легендами город.

Гитлеровцы дрались за город и переправу через Днепр с упорством маньяков. Их командование понимало, что с потерей этих «ворот», через которые гитлеровские войска отходили на правый берег Днепра, резко усугубит и без того плачевное состояние фашистских войск.

Советские гвардейцы шли на штурм Каховки с беспримерным мужеством и отвагой. Несмотря на ожесточенное сопротивление гитлеровцев, их неоднократные контратаки, к утру 2 ноября гвардейцы 3-й стрелковой гвардейской дивизии вместе с передовыми отрядами 49-й, 87-й стрелковых гвардейских дивизий и 2-го механизированного корпуса штурмом заняли Каховку. Снова этот город стал советским!

С подходом советских войск к Днепру сопротивление немецких войск становилось все более и более упорным. Фашистские арьергарды стремились прикрыть переправы через Днепр, по которым непрерывным потоком переправлялись на западный берег немецкие части.

В это время 49-я гвардейская стрелковая дивизия, совершив обходной марш через Чаплинку, Бирилево, Большие Копани, 3 ноября вышла в соприкосновение с обороной противника западнее Раденского и хутора Подстепное и с ходу повела разведку боем в направлении города Цюрипинска. В ходе его было установлено, что перед дивизией в районе Цюрипинск-Казачьи Лагеря противник подготовил сильно укрепленный предмостный плацдарм глубиной до 10 километров, связанный с городом Херсоном железнодорожным мостом. Такие же данные добыли и разведчики 49-й гвардейской дивизии. На полевых картах месторасположение моста отсутствовало, а визуально он не наблюдался, что затрудняло разрушение моста артиллерийским огнем. А вывести его из строя значило сильно ослабить оборону противника.

В конце ноября генерал Чанчибадзе приказал саперам взорвать мост. Организация взрыва моста, находящегося в полосе наступления 144-го гвардейского полка, была поручена полковому инженеру гвардии старшему лейтенанту Жукову К.Д. Для подрыва моста были подобраны саперы-добровольцы из 57 ОГСБ рядовые Зуев, Четвериков, Петухов и Ужахов. Взяв по 8 килограмм толовых шашек, детонирующий шнур с детонаторами и 4-х суточный

сухой паек, саперы отправились на задание. У озера Лысое ночью 3 декабря они перешли линию фронта и по зарослям камыша заболоченной поймой Днепра прошли около 4 километров тылами немцев. Не доходя до моста, отважные саперы замаскировались в камышах и в течение трех суток вели наблюдение за его охраной, уточняли пути подхода к нему, отрабатывали план взрыва моста. На четвертую ночь 7 декабря саперы подобрались к опорам моста, заложили на две деревянные опоры взрывчатку и подожгли детонирующие шнуры. Быстро укрывшись в камышах, они сначала услышали взрывы зарядов, а затем увидели, как обрушились три пролета моста. Участники подрыва благополучно вышли в расположение наших войск. За свой героический подвиг они были награждены командиром 13-го гвардейского корпуса орденами Отечественной войны 1-й степени.

Бои по разгрому фашистских войск в Северной Таврии по времени совпали с подготовкой советского народа к празднованию 26-й годовщины Великого Октября. Вся партийно-политическая работа в эти дни среди личного состава дивизии проводилась под лозунгами: «Полностью освободим Северную Таврию к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции!», «Выполним приказ Родины — вызволим советских людей из-под фашистской оккупации!» Окрыленные этими лозунгами и октябрьскими призывами Центрального Комитета Коммунистической партии к советскому народу и армии, гвардейцы рвались вперед. Наращивая силу ударов, гвардейцы освободили приднепровские поселки Николаевка, Владимировка, Казачьи Лагеря и другие.

В ноябре 1943 года 2-й гвардейской армии, разгромив фашистские полчища на подступах к Днепру и в Левобережной Украине, вышли к Днепру. Однако из-за больших потерь в личном составе, недостатка хорошо обученного пополнения, постоянного отставания корпусной и армейской артиллерии, а также армейских тылов, форсировать с ходу Днепр частям и соединениям армии не удалось.

В этой сложной обстановке командующий 4-м Украинским фронтом генерал Ф.И. Толбухин отдал приказ 2-й гвардейской армии перейти к обороне на фронте Екатериновка, Каховка, Британы, Казачьи Лагеря, Алешкин, Збурьевка и далее по побережью Черного моря и подготовке к освобождению Правобережной Украины. Задача перед гвардейцами стояла весьма серьезная, так как они не должны были ни в коем случае допустить форсирования Днепра противником и высадки его десантов в тыл нашим войскам и на берег моря. Для усиления войск приказом командующего фронтом армии передавался 1-й гвардейский и 116-й укрепленные районы. Полным ходом развернулось строительство оборонительных рубежей.

К выходом к Днепру обеспеченность советских войск материальными средствами, особенно боеприпасами, значительно снизилась. Из-за осенней распутицы и бездорожья машины с боеприпасами либо завязали в глубокой грязи, либо стояли без горючего. Сильно отстали и артиллерийские части, тылы растянулись на десятки километров.

Советские воины рыли окопы и траншеи, сооружали дзоты и блиндажи, готовились дать фашистам достойный отпор.

А угроза со стороны фашистов оставалась реальной. Особенно беспокоил советское командование Херсонский укрепленный плацдарм на левом берегу Днепра в районе озера Вчерашнее. Нашему командованию стало известно, что Гитлер приказал своим воякам удерживать этот плацдарм любой ценой. Более того, 13 ноября фашисты высадили десант на Кинбургской косе и, закрепившись на ней, пытались контролировать воды Днепровского и Бугского лиманов, ведущих в Николаев и Херсон.

Со 2 по 4 декабря развернулись сильные бои в низовьях Днепра по ликвидации Херсонского плацдарма и укреплений фашистов на Кинбургской косе силами 13-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-го гвардейского механизированного корпуса.

Гвардейцам 3-й стрелковой дивизии в боях за ликвидацию Херсонского плацдарма пришлось сражаться против противника в плавнях сухопутья, рукавов и проток Днепра. А стоял уже декабрь, и советским солдатам, с боями продвигавшимся по заболоченной местности, приходилось то и дело принимать холодные, в полном смысле этого слова,

ванны. Но гвардейцы в этих тяжелых боях прорывали одну за другой линии фашистской обороны, прижимали противника к реке и уничтожали.

Большую помощь в этих боях оказывала «матушке пехоте» артиллерия. На одном из совещаний командующий 2-й гвардейской армией генерал Г.Ф. Захаров сказал командующему артиллерией генералу Стрельбицкому: «Устройте мне здесь настоящий артиллерийский обмолот противника!».

И артиллеристы свою задачу выполнили блестяще. Демонстрируя высокое огневое мастерство, они на отдельных участках создавали такую высокую плотность огня, что буквально сметали с лица советской земли целые фашистские части, засевшие в обороне.

Здесь, в этих боях, отлично проявили себя воины самых различных родов войск и специальностей. Так, например, химики полковника А.Т. Бабаяна умело провели задымление вражеских позиций. Под прикрытием дымовой завесы наши части ринулись вперед и сбросили остатки частей 4-й горнострелковой дивизии фашистов в ледяные воды Днепра.

20 декабря нашими войсками были одержана еще одна блестящая победа: сильно укрепленный Херсонский плацдарм прекратил свое существование.

Гвардейцы блестяще завершили год упорных боев за освобождение советской земли. Начав героические бои у стен Сталинграда, они высоко пронесли свои победные знамена сквозь пламя сражений на реке Мышкова и «Миус-фронте», в Донбассе и на Молочной. За год боев гвардейцы 2-й армии освободили 2500 населенных пунктов и вызволили из фашистской неволи сотни тысяч советских людей. Пройдя от Волги до Днепра две тысячи огненных километров, гвардейцы-богатыри очистили от врага 125 тысяч квадратных километров родной земли.

Теперь, после ликвидации Херсонского плацдарма и херсонских предмостных укреплений противника, создались предпосылки к форсированию Днепра и освобождению Херсона.

Далее рассказывает сам Василий Филиппович Маргелов.

«В войсках 3-й гвардейской стрелковой дивизии полным ходом развернулась подготовка к форсированию Днепра. Я целыми днями находился в частях, организовывая подручные средства для переправы, обучая воинов действиям в ходе форсирования широкой водной преграды, каковой являлся Днепр.

И вдруг меня вызвали в штаб армии. То, что я услышал от командующего, оказалось для меня большой неожиданностью. 2-я гвардейская армия получила боевой приказ Верховного Главнокомандующего ударом из Кула прорвать оборону противника на Перекопском перешейке, главными силами овладеть городом Армянск и к исходу первого дня операции выйти на рубеж южнее Суворово, Караджанай; к исходу второго дня — на рубеж южнее Заливная, озеро Янгул; в последующем развивать наступление во взаимодействии с соседней 51-й армией, наступавшей с плацдарма на Сиваше, уничтожить перекопскую группировку противника в районе города Ишунь и к исходу четвертого дня выйти на рубеж реки Чатырлак.

Советское Верховное Командование придавало большое значение Крымской операции, и поэтому координирование действий сухопутных и военно-морских сил в ходе ее осуществляли Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и К.Е. Ворошилов. В авангарде наступающих на Крым войск шел 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала П.Г. Чанчибадзе. И, откровенно говоря, я считал, что меня, заместителя командира 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в 13-й гвардейский стрелковый корпус, вызвали для постановки боевой задачи по прорыву обороны на Перекопском перешейке и боям в Крыму. Однако я услышал совсем другое: приказом командующего фронтом я назначался командиром 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Признаться, я несколько растерялся, услышав приказ о столь высоком для меня, тридцатипятилетнего полковника, назначении. Всего какой-то год назад был подполковником — командиром полка под Сталинградом… От командующего фронтом, видимо, не укрылось то, что творилось в те мгновения в моей душе. И он, как бы поддерживая меня, крепко пожал руку и сказал:

— Командование фронтом, как и командование армией считает, что вы, товарищ Маргелов, будете достойным командиром 49-й гвардейской и под вашим командованием она одержит еще не одну победу! Готовьтесь к форсированию Днепра и взятию Херсона!

— Служу Советскому Союзу! — только и смог от волнения произнести я».

Чуть больше двух месяцев выпало полковнику Маргелову исполнять должность ИД командира 3-й стрелковой гвардейской дивизии, а теперь новый поворот в его боевой биографии — ИД командира 49-й… В мае 1944 года приставка «ИД» к его должности была убрана.

Глава 6
«Песня славит Сокола…»

Боевая история 107-й мсд — 49-й гвардейской сд. Гвардейские 3-я и 49-я в совместных боях от Сталинграда до Днепра. Вперед, на Херсон!

В боях от Сталинграда до Днепра гвардейцы 3-й стрелковой дивизии постоянно ощущали надежное боевое соседство воинов 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Многое, очень многое на войне зависит от соседа справа или слева. И когда это соседство надежно, когда знаешь, что сосед справа или слева не подведет, не отступит, оголив твой фланг, тогда и воюется как-то увереннее. А 49-я гвардейская стрелковая дивизия по праву считалась одной из лучших, закаленных дивизий 2-й гвардейской армии.

Дивизия сформировалась в марте 1932 года на Дальнем Востоке. Приказом Наркома обороны ей было присвоено наименование 3-я колхозная, и входила она в состав 6-го Особого колхозного корпуса Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА). Дислоцировалась дивизия в районе города Благовещенска, и она состояла из трех стрелковых полков, батальона связи, кавалерийского эскадрона и спецподразделений. В 1933 году в состав дивизии вошел 3-й Томический колхозный артиллерийский полк. в штаты дивизии ввели автотракторные батальоны с техникой: автомашины, трактора, комбайны и сельхозинвентарь. Каждый полк получил земельные участки. Срок службы в колхозных частях был три года.

Вновь сформированная дивизия в те дни имела перед собой, в первую очередь, мирные цели — выполнение производственных сельскохозяйственных задач.

Дивизия занималась 8 часов плановыми производственными сельскохозяйственными работами, боевой и политической подготовкой — 2 часа в сутки. Она создавала продовольственно-фуражные базы, строительные материалы. Освоила выращивание овощных культур — помидоров, капусты, картофеля, арбузов. Занималась садоводством, пчеловодством, вывела культуры зерновых и культивировала их в применении к условиям климата Дальнего Востока. Дивизия сдавала государству сотни тысяч пудов хлеба, овощей, фруктов, только один полк сдал государству в 1933 году 30 тысяч пудов хлеба, 25 тысяч пудов капусты, помидор и других овощей. Артиллерийский полк сдал 14 тысяч пудов хлеба. Дивизия полностью обеспечивала себя продовольствием и фуражом и имела достаточные запасы. За успешное выполнение заданий по созданию продовольственно-фуражной базы, хорошую учебу и за успешное выполнение других правительственных заданий по укреплению вооруженных сил на Дальнем Востоке многие командиры и красноармейцы были награждены правительственными наградами.

В начале Великой Отечественной войны, 28 июня 1941 года, дивизия, погрузившись в эшелон, отправилась на фронт. 13 июля 1941 года сосредоточилась в районе Валдая (Ленинградский фронт), где получила наименование 107-й танковой, доукомплектовалась танками «КВ» и Т-34, после чего выступила на фронт по маршруту Валдай-Вышний Волочек-Старица-Ржев. 18 июля в направлении города Белый ликвидировала вражеский авиадесант в районе Щучье.

23 июля 1941 года в 16.00 в районе сел Крапивня, Батурино (граница Московской и Смоленской областей) части дивизии с ходу вступили в бой с 20-й немецкой панцерной дивизией.

Полки развернулись в боевой порядок и, взяв инициативу в свои руки, пошли в наступление. Это было их первое боевое крещение. Ожесточенные бои продолжались в течение восьми дней. Против 49-й дивизии действовали: 20-я немецкая панцерная дивизия, 106-я пехотная дивизия, учебная мотоциклетная бригада, отдельный мотострелковый полк. Немцев поддерживало несколько бомбардировочных эскадрилий. День и ночь над частями дивизии висели в воздухе 50–60 самолетов противника, подвергая ее боевые порядки интенсивной бомбардировке. Однако, несмотря на превосходство в живой силе и технике противника, части дивизии выбили противника из крупного населенного пункта Крапивня и вышли к реке Вотря. Жалкие остатки 20-й панцерной дивизии под прикрытием дымовой завесы и пикирующих самолетов отошли в юго-западном направлении.

Полк, которым командовал полковник П.Г. Чанчибадзе, действовавший на главном направлении участка, уничтожил 28 танков, 22 орудия разного калибра, 34 миномета, 45 автомашин, 42 станковых пулемета и до двух тысяч солдат и офицеров противника.

За храбрость, мужество и героизм, проявленные в этих боях, в полку было награждено орденами и медалями 38 человек.

Артиллерийский полк в районе Крапивни в дни ожесточенных боев, когда враг подбирался к Москве, огнем артиллерии уничтожил 46 танков, 30 автомашин, 150 огневых точек и до полка пехоты противника.

Дивизия в составе 30-й армии участвовала в великом сражении за Москву, отстаивая родную землю.

С 16 ноября 1941 года дивизия занимала оборону протяжением 50 километров в районе Московского моря. В тяжелых боях дивизия изматывала противника, направляющегося на Москву через Клин-Дмитров.

День 5 декабря 1941 года ознаменовался переходом советских войск в решительное наступление под Москвой.6 декабря 1941 года вместе с частями Западного фронта дивизия от обороны перешла в наступление.

В боях за оборону Москвы дивизия вписала славную страницу в свою историю.

Москва была и осталась твердыней, мозгом и сердцем советского народа.

12 января 1942 года в газете «Правда» было опубликовано сообщение Народного комиссариата обороны о преобразовании дивизии из 107-й танковой во 2-ю гвардейскую мотострелковую дивизию с вручением Гвардейского знамени за проявленные в боях за Отечество с немецкими захватчиками отвагу, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава. До октября 1942 года дивизия входила в состав 30-й армии, а с октября она преобразуется в 49-ю гвардейскую стрелковую дивизию и с этого времени входит в состав 13-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии.

В боях на подступах к Москве дивизией командовал отважный комдив генерал-майор П.Г. Чанчибадзе, а когда он был назначен командиром 13-го гвардейского стрелкового корпуса, командиром дивизии стал генерал-майор Подшивайлов. В ходе боев под Сталинградом, на реке Мышкова, под Котельниковским, при прорыве «Миус-фронта», освобождении Донбасса и на реке Молочной Василию Филипповичу Маргелову не раз приходилось встречаться с генералом Д.П. Подшивайловым, так как его 3-я гвардейская стрелковая дивизия во всех этих боях была соседом 49-й гвардейской и успешно взаимодействовала с ней.

Тогда же В.Ф. Маргелов узнал удивительную биографию Дениса Протасовича. Его, коренного сибиряка, мобилизовали в царскую армию в самом начале империалистической войны. В ходе боев он не раз проявлял смелость и отвагу, был награжден полным «Георгиевским бантом» и стал унтер-офицером. Солдаты-фронтовики уважали своего командира и единодушно избрали его в полковой комитет. В Октябрьскую революцию

Денис Подшивайлов безоговорочно становится под ее знамена. После демобилизации он возвращается с фронта домой — в родную Сибирь, где становится активным участником борьбы за Советскую власть. Однако позднее обстоятельства сложились так, что его насильно мобилизуют в армию адмирала Колчака. Но пробыл Денис Подшивайлов там недолго — вместе с солдатами перебил офицеров полка и перешел на сторону Красной Армии.

В рядах Красной Армии Денис Протасович Подшивайлов прошел славный путь сквозь грозные годы Гражданской войны, сформировался как инициативный, требовательный и мужественный командир. Отечественную войну встретил на Западном фронте 22 июня 1941 года, командуя полком. В первых жестоких боях с фашистскими войсками он проявил себя как отважный и опытный командир, способный увлечь советских воинов на подвиг во имя Отчизны, и через некоторое время был назначен командиром дивизии.

Во всем блеске военный талант генерала Подшивайлова проявился в тяжелейших боях с танковыми частями манштейновской «Зимней грозы» на участке реки Мышкова, где, сражаясь бок о бок с гвардейцами 3-й стрелковой дивизии, бойцы 49-й гвардейской не пропустили фашистов к Сталинграду.

Особенно запомнились отцу бои за Васильевку и Капкинский, где плечом к плечу подразделения обеих дивизий демонстрировали не раз свою доблесть в боях с фашистами.

Собственно, в тех тяжелых боях под Сталинградом и зародилась та боевая дружба, которая впоследствии помогла гвардейцам дивизий успешно громить фашистов в районе Котельниковского и на реке Маныч, под Батайском и Ростовом, при прорыве «Миус-фронта» и освобождении Донбасса, в боях на Молочной и при разгроме немцев на подступах к Днепру, на Левобережной Украине.

И вот теперь командование оказало полковнику Маргелову В.Ф. большую честь, как он и сам считал, назначив его командиром этой прославленной дивизии. Командир 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант П.Г. Чанчибадзе, представляя нового командира дивизии, сказал о нем много хороших слов как о боевом, грамотном и мужественном командире. В конце своего выступления он, потирая подбородок, добавил, обращаясь к командиру дивизии:

— Маргелов, я же говорил тебе, что будешь командиром дивизии!

И оба они, мысленно вспомнив свое «соревнование по боксу», заулыбались и обнялись.

В начале марта дивизия находилась в обороне и занимала по фронту огромный участок почти что в 70 километров. Знакомясь с личным составом дивизии, новый командир дивизии отметил, что хотя гвардейцы и «сидели» в обороне довольно продолжительное время, однако настроение у них было наступательное. Все понимали: раз вышли к Днепру, значит, оборона — дело временное, впереди их ждет наступление.

Форсирование водного рубежа — всегда задача не из легких. А тут перед гвардейцами простирался широкий и величавый Днепр. Противоположный берег его, изобилующий высотами и кручами, фашисты сильно укрепили. Переправиться через широченный Днепр, а затем еще и прорвать сильно укрепленную оборонительную полосу немцев — эта задача по плечу только закаленным в боях воинам. А дивизия в этот период была укомплектована в основном пополнением из бывших оккупированных районов, ранее в армии не служившем. Поэтому первое, на что комдив В.Ф. Маргелов обратил внимание при подготовке личного состава дивизии к форсированию Днепра — это научить солдат преодолевать водные преграды, умению прорывать оборону противника.

Занятия по боевой подготовке командир дивизии приказал проводить в условиях, максимально приближенных к реальным. Днем и ночью бойцы учились в днепровских плавнях, как вязать плоты, как грузить на них технику, как вести огонь с лодок и других плавучих средств. По его приказу широко практиковалась подготовка к форсированию Днепра и последующим действиям на макетах местности. Комдив добивался, чтобы буквально каждый боец знал свою задачу при форсировании и в бою.

Немцы, предвидя вероятность форсирования нашими войсками Днепра, взорвали, сожгли или вывезли все, что могло быть использовано для переправы. Поэтому для подготовки переправочных средств в ход пошло все, что было под рукой. Плоты вязались из бревен, досок, порожних снарядных ящиков, а иногда и просто из вязанок камыша, которого в днепровских плавнях было хоть отбавляй.

Особую смекалку проявил полковой инженер 144-го гвардейского полка гвардии капитан-инженер Константин Жуков, ранее отличившийся при подрыве железнодорожного моста у Херсона. Ему предстояло переправлять полковые артиллерийские орудия, а пушка — это не пулемет, ее на камышовом плотике не переправишь. И тогда капитан Жуков предложил делать плоты под орудия из бочек из-под горючего. Плоты получились на славу! Во время форсирования они не тонули, даже когда их дырявили осколки и пули.

Также по приказу командира дивизии В.Ф. Маргелова каждым полком было проведено тренировочное форсирование озера в районе села Костогрызово, которое по своей ширине не уступало Днепру. Да и местность в этих местах, изобилующая высотами и оврагами, была во многом сходна с местностью на правом берегу Днепра, где немцы создали мощную полосу обороны.

Большую партийно-политическую работу в период подготовки к форсированию Днепра и освобождению Херсона провели партийные и политические органы дивизии во главе с недавно прибывшим в соединение гвардии полковником Миролевичем.

Партийно-политическая работа в дивизии проходила в соответствии с поставленными перед гвардейцами задачами. Благодаря усилиям политработников во всех стрелковых ротах были созданы полнокровные партийные организации. Пополнение рядов партийных организаций шло главным образом за счет приема в ряды ВКП(б) отличившихся в бою солдат, сержантов, офицеров. За это время было принято в члены ВКП(б) 157 человек.

Одной из лучших партийных организаций дивизии была партийная организация 147-го гвардейского стрелкового полка. Ее возглавлял смелый и отважный офицер — политработник гвардии майор Рыжков. Он вел постоянную работу с парторгами рот и батальонов за увеличение рядов партийцев в подразделениях, прилагал большие усилия для улучшения партийно-политической работы перед наступлением. И его энергичная деятельность дала впоследствии положительные результаты. Отец вспоминал, что в ходе боев за Херсон коммунист Рыжков не раз личным примером увлекал бойцов на подвиги.

Большую пропагандистскую работу проводила в войсках дивизии газета 49-й гвардейской стрелковой дивизии «Гвардеец». Она постоянно помещала на своих страницах корреспонденции, репортажи и очерки о лучших бойцах, их боевых подвигах.

В начале марта 1944 года комдивом был получен боевой приказ командующего армией на форсирование Днепра и взятие Херсона. Однако командование фронта и Ставки, учитывая, что фронт наступления дивизии слишком велик, указало: «…форсировать по мере возможности». Вспоминая те дни, отец рассуждал: «Но что значит «…по мере возможности.» Мне было известно, что ранней весной 1944 года Красная Армия на всех главных стратегических направлениях разворачивала крупномасштабные наступательные операции. В том числе и наш 3-й Украинский фронт. И если командование приказывало наступать, хотя и «…по мере возможности», то я, как командир дивизии понимал, что надо сделать все невозможное — форсировать Днепр — на то мы и гвардейцы!»

Командир дивизии вместе с начальником штаба дивизии гвардии полковником Валерием Федоровичем Шубиным, командирами полков — гвардии полковником Андреем Григорьевичем Лубенченко, гвардии полковником Михаилом Егоровичем Прокоповичем, гвардии подполковником Тюриным Андреем Ивановичем, командиром артполка гвардии подполковником П.К. Федорковым — самым тщательным образом изучали обстановку, не раз ездили на рекогносцировку. В эти дни активизировали свою деятельность разведчики. Однако им долго никак не удавалось взять «языка». Два раза разведчики пытались пробраться через Днепр, но фашисты, засевшие в прибрежных кручах, беспрерывно освещая

в ночное время хрупкий приднепровский лед ракетами, срывали все попытки наших разведчиков добыть «языка». Время шло, а одна разведгруппа за другой возвращались домой с задания промокшие с ног до головы, так и не сумев добыть столь необходимые сведения.

Тогда комдив приказал очередную группу возглавить гвардии сержанту Ноговицину. Разведывательную задачу ему и его группе полковник В.Ф. Маргелов ставил лично. Разъяснил, что от успеха группы будет зависеть и успех дивизии.

Уяснив задачу, Ноговицин без лишних слов коротко ответил:

— Задание принято, «язык» будет доставлен!

— Не слишком ли вы самоуверенны, товарищ сержант? — усомнился начальник политического отдела полковник Миролевич.

И действительно, глядя на этого невысокого, хрупкого бойца с обветренным лицом и воспаленными от бессонных ночей глазами, вряд ли можно было подумать, что за его плечами десятки дерзких и успешных разведывательных поисков.

— Хлопец он хоть и не видный, зато сердце у него — львиное! — заступился командир дивизии за гвардейца.

И не напрасно. Свое слово разведчики сдержали благодаря отваге и находчивости командира группы сержанта Ноговицина.

Скрытно подобравшись к переднему краю противника, Ноговицин и его бойцы целых четыре часа вели наблюдение за оборонительными позициями фашистов. Детальное изучение противоположного берега показало, что оборона противника состоит из отдельных огневых точек, связанных между собой ходами сообщения. Когда ночь опустилась на землю, сержант Ноговицин приказал своим бойцам по-пластунски преодолеть набухший прогибающийся лед Днепра и первым пополз к противоположному берегу.

Переправа группы прошла настолько скрытно, что немцы даже не шелохнулись. В прибрежном откосе разведчики отыскали ложок, по нему поднялись в гору и вышли к дороге. Здесь разведчики обнаружили фашистский пост. Сориентировавшись на местности, сержант Ноговицин решает осуществить дерзкий план.

На наших разведчиках были одеты трофейные плащ-палатки, и сержант-гвардеец решил воспользоваться этим. Он построил своих бойцов в колонну и повел их прямо по дороге к немецкому посту. Фашисты никак не могли предположить, что на их участке могут появиться советские разведчики, и подпустили бойцов сержанта Ноговицина вплотную. А этого гвардейцам только и надо было.

Появление наших разведчиков возле самого немецкого поста было настолько неожиданным, что фашисты не успели даже открыть огонь. Меткими выстрелами гвардейцы четырех из них уложили наповал, а унтер-офицера захватили в плен. Умело обеспечив отход и прикрытие группы, сержант Ноговицин без потерь переправился через Днепр и доставил долгожданного «языка» в штаб дивизии.

Из показаний пленного стало известно, что немецкое командование потребовало от херсонской группировки войск защищать свои позиции до последнего солдата. Немецкие части и подразделения, занимающие оборонительные позиции по днепровским берегам севернее и южнее Херсона, а также в самом Херсоне, находятся в состоянии повышенной боевой готовности. В особенности сильные укрепления немцы создали в самом городе, использовав для них все постройки, а также жилые дома, из которых они силой выселили всех людей, не считаясь с тем, что под пронизывающим мартовским ветром и дождем оказались тысячи женщин, детей, стариков. Бойцы дивизии, да и сам комдив, не раз слышали доносившиеся из-за Днепра лающие голоса немецких солдат, выстрелы и стоны мирных советских людей. Это фашисты, осуществляя тактику «выжженной земли», изгоняли их из-под родного крова, создавая «мертвое пространство» вокруг своих оборонительных рубежей.

Гвардейцы рвались в бой, а командир дивизии полковник Маргелов упорно искал ту самую «возможность», которая обеспечила бы дивизии успех в ходе форсирования Днепра и штурма Херсона.

8 марта комдив побывал в своем левофланговом 147-м гвардейском стрелковом полку, которым командовал М.Е. Прокопович. Левофланговые подразделения полка соседствовали с подразделениями 295-й стрелковой дивизии, части и подразделения которой занимали позицию прямо напротив Херсона и готовились штурмовать его в лоб.

Немцы, судя по всему, понимали это и, создав мощную оборону, готовились здесь к упорному сопротивлению. Проведя рекогносцировку и оценив обстановку, комдив 49-й пришел к выводу, что на левом фланге его гвардейская дивизия, учитывая плотность и мощь фашистской обороны, вряд ли будет иметь успех. Да и чувствовалось, что немцы именно здесь ждали главного удара советских войск и готовились ко всем неожиданностям.

Изучая обстановку перед наступлением, полковник В.Ф. Маргелов побывал и в подразделениях своего центрального 144-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал гвардии полковник А.Г. Лубенченко. Здесь подготовка к форсированию была в полном разгаре. Люди рвались в бой, но средств форсирования было подготовлено еще мало. Побывав на занятиях по боевой подготовке, командир дивизии пришел к выводу, что солдат этого полка необходимо упорно готовить к грядущим боевым испытаниям.

А между тем вышестоящие штабы торопили командира 49-й гвардейской дивизии с форсированием Днепра. А он, не раз изучая обстановку по карте, сам приходит к выводу, что командование торопит его не зря — успешное форсирование войсками его дивизии Днепра и удар по левому флангу фашистской группировки, прикрывавшей Херсон, с последующим охватом Херсона справа, могло создать для немецких войск угрозу окружения. Чего-чего, а «котла» фашисты боялись после Сталинграда как огня! Да и командование, торопя комдива, не скрывало, что от успеха 49-й гвардейской стрелковой дивизии во многом зависит успех всей херсонской операции.

«9 марта 1944 года, — вспоминал генерал армии В.Ф. Маргелов через 40 с лишним лет, — я дал приказ своему правофланговому 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина совершить ночной марш и сосредоточиться по левому берегу Днепра южнее города Берислава. Проведя этот маневр, командир полка доложил мне по телефону, что полк сосредоточился и готов к выполнению дальнейших приказаний.

Я срочно выехал в полк. Ночь была адская. Дождь хлестал как из ведра. Беспрерывными порывами налетал сильный ветер. Великая река только что освободилась от льда, и ее тяжелые воды плескались где-то рядом в кромешной темноте.

«А не попытаться ли форсировать Днепр прямо сейчас? — неожиданно подумал я. — Ночь, хоть глаза выколи. Немцы сейчас, наверное, попрятались по блиндажам. Не любят они такой погоды. А пока очухаются, так не то что полк, а дивизию можно будет переправить… Да и бойцы, узнав, что их комдив уже на правом берегу, с утроенной энергией совершат бросок через Днепр…»

Не думал, не гадал я тогда, что боевая обстановка внесет совсем иные коррективы в мой план, и мне придется с 67-ю бойцами почти трое суток удерживать плацдарм, и в живых нас останется только 14 человек…».

После этого отец закурил новую папиросу из лежащей на столе пачки «Беломорканала» и на какое-то время замолчал, как бы заново переживая выпавшие на их долю испытания. Затем он медленно, охрипшим от волнения голосом продолжил свои воспоминания.

— Кто у вас лучше всех подготовлен к переправе? — спросил у подполковника Тюрина.

— Третий батальон гвардии капитана Валуева, — ответил комполка.

— Пошли, — сказал я.

Через некоторое время мы были в расположении батальона.

— Пулеметную роту в мое распоряжение! — приказал я комбату. — Будем форсировать…

— Товарищ комдив! — запротестовал было гвардии подполковник Тюрин. — Зачем же так рисковать! Ведь неизвестно, что там, на том берегу…

— Переправимся, узнаем! А ты оставайся здесь в готовности к форсированию и жди моей команды! — ответил я командиру полка.

— Пулеметная рота к выполнению задачи готова! — доложил прибывший командир пулеметной роты гвардии старший лейтенант Семен Гуменюк.

Приказав старшему лейтенанту Гуменюку готовить бойцов и матчасть к переправе через Днепр, я еще раз уточнил ранние и поставил новые задачи частям и подразделениям по форсированию реки и боевым действиям на том берегу.

Соблюдая все меры предосторожности, отчаливаем от берега. Днепр встретил наши тяжелогруженые лодки и плоты крутой волной. По-прежнему хлестали порывы ветра вперемежку с колючим дождем.

Едва достигли середины Днепра, как над нашими головами, словно люстры, вспыхнули ослепительные огни немецких осветительных ракет. И тут же черная днепровская вода закипела от разрывов мин и снарядов. В бой вступили наши пулеметчики.

Одна из мин взорвалась где-то справа, и в сполохах разрывов я увидел, как перевернулся один из плотов. С него в ледяную воду посыпались люди. Однако гвардейцы не растерялись, а, уцепившись за бревна полуразрушенного плота и удерживая на нем «максим», продолжали плыть к берегу. Как я потом узнал, в ледяной купели оказались гвардейцы пулеметного взвода гвардии младшего лейтенанта Георгия Ноги. Но и в этой ситуации, как-то пристроившись у пулемета, сам командир продолжал бить по вражескому берегу короткими очередями.

Хочу сказать, что этому отважному офицеру в дальнейшем фронтовая судьба ниспослала не только это испытание. Несколько позднее, в боях за Николаев, гвардии младший лейтенант Георгий Нога был ранен в живот. Ранение было настолько тяжелым, что хирурги не стали делать операцию, полагая, что она все равно не поможет. Однако офицер каким-то чудом, без всякого хирургического вмешательства, поправился и снова встал в строй, не комиссовался, хотя и имел такую возможность.

Разве это не пример героической стойкости советского гвардейца! Гвардии младший лейтенант Георгий Нога был представлен мной к награждению орденом Боевого Красного Знамени.

Но вот, наконец-то, наша лодка ткнулась носом в прибрежный песок. Десант есть десант, и действовать тут надо сноровисто и быстро. В едином порыве гвардейцы ринулись на берег и, выбив фашистов из прибрежных оборонительных линий, устремились вперед.

Вскоре, используя складки местности, мы успешно продвинулись еще дальше и оседлали дорогу Берислав-Херсон. Удар наш был настолько силен и неожидан, что фашисты решили, что Днепр форсировала, по крайней мере, целая дивизия. И они начали панический отход к Херсону. Однако к утру опомнились, и обстановка резко изменилась. Едва забрезжил рассвет, как показались густые цепи немецких автоматчиков. Подпустив фашистов поближе, пулеметчики старшего лейтенанта Гуменюка открыли кинжальный огонь. Не многим немцам удалось уйти живыми. Не повезло и тем транспортерам, которые двигались по шоссе Берислав — Херсон. Надеждам фашистов прорваться к Херсону был положен конец.

Видимо, обеспокоенное положением на своем левом фланге обороны, немецкое командование решило во что бы то ни стало ликвидировать захваченный плацдарм. Одновременно фашистское руководство предприняло все меры, чтобы на захваченный нами Бериславский плацдарм не переправился ни один советский солдат.

В воздухе нудно завыли моторы десятков фашистских самолетов, которые наносили удары по переправляющимся войскам и по нашему плацдарму. Беспрерывно била фашистская артиллерия, в том числе и шестиствольные минометы. Эта огневая завеса и приостановила форсирование Днепра подразделениями как 149-го полка, так и другими частями и подразделениями дивизии.

Прошел один день сражения за Бериславский плацдарм, пошел второй, а подкрепления, которого мы ждали с таким нетерпением, все не было. Все меньше и меньше оставалось в живых героических защитников плацдарма. Кончались боеприпасы. А немцы продолжали

наседать. В этой обстановке мне ничего не оставалось, как прибегнуть к крайней мере — вызвать на себя по рации огонь артиллерии своего артиллерийского полка.

Чтобы не потерять управление частями дивизий, я все время поддерживал связь по радио с начальником штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковником Шубиным. Понимая всю сложность создавшегося положения, он делал все возможное, чтобы не только подразделения 149-го полка как можно быстрее переправились через Днепр на захваченный нами Бериславский плацдарм, но и другие части дивизии могли оказать нам посильную помощь.

Надо отметить, что начальник штаба дивизии гвардии полковник Шубин был закаленный в боях, храбрый и решительный офицер. Ему довелось так же, как и мне, участвовать в боях с белофиннами. Он отличился при прорыве линии Маннергейма, при форсировании Выборгского залива. В августе 1941 года в должности начальника связи 41-й легкой танковой бригады В.Ф. Шубин совершил поход в Иран. В том же месяце прямо из Тегерана его бригада была переброшена под Новороссийск. Особенно отличился В.Ф. Шубин в ходе Феодосийского десанта. Здесь, в боях за Феодосию, он был сначала назначен начальником оперативного отделения 236-й мотострелковой дивизии.

Инициативным, вдумчивым офицером зарекомендовал он себя и в боях по освобождению Ростова. После освобождения Ростова, когда 271-я стрелковая дивизия гнала фашистов на запад, Валерий Федорович был тяжело ранен. Ему давали негодность к службе в армии, но он остался в строю. Перед началом боев по прорыву «Миус-фронта» подполковник Шубин был назначен начальником штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии. И вот теперь, в боях за Херсон, проявились лучшие качества этого боевого офицера. Благодаря его находчивости 3-й батальон 149-го гвардейского стрелкового полка 11 марта 1944 года успешно форсирует Днепр и высаживается на Бериславский плацдарм. К этому времени из 67 защитников Бериславского плацдарма осталось только 14 человек. Поэтому можно понять нашу огромную радость, когда в перепаханные фашистскими снарядами и минами окопы, в которых мы отбивались до последнего, влились бойцы гвардии капитана Валуева. Однако фашисты продолжали яростные атаки, стремясь во что бы то ни стало сбросить защитников Бериславского плацдарма в Днепр. Но чаша боевого успеха постепенно клонилась в нашу сторону. Несмотря на сильнейший артиллерийский и минометный огонь, 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина удалось прорваться через кипящий от разрывов Днепр и высадиться на плацдарм. Теперь мы навязывали фашистам свою инициативу. В ходе упорных боев по расширению плацдарма полку А.И. Тюрина удалось выйти в район Пареводар, Новая Тягинка. По моему приказу полк продолжил развивать наступление вдоль берега Днепра на Херсон».

Бывший комсорг 1-го батальона 149-го сп гвардии сержант И.Г.Степаненков вспоминал командира дивизии «стройным, высоким и… строгим командиром. Он лично наблюдал за полем боя, а при необходимости сам шел в боевых порядках наступающей пехоты. Так было и районе Кучегуара, гда песчаные курганы на берегу Днепра, в беспорядке разбросаны на местности. Особенности курганов в том, что они скрывают перспективу обзора за ними и кажется, что за ними ничего нет. И так по всему берегу. Фашистское командование использовало эти курганы для создания глубоко эшелонированной обороны, превратив каждый из них в укрепленную огневую точку. И, как мне представляется комдив полковник В.Ф.Маргелов умело нащупал, а затем и использовал слабость немецких солдат — их боязнь вести огонь в ночных условиях по причине легкого обнаружения (демаскировки) их позиций, а также умение наших младших офицеров использовать штурмовые отряды при штурме обособленных огневых точек. Основные достоинства штурмовых отрядов в ночном бою — маневренность, быстрота действий во время боя, возможность охвата боевыми действиями большой территории. Это и в дальнейшем широко использовал командир дивизии».

Штурмовой отряд — это стрелковый взвод, усиленный различными огневыми

средствами в зависимости от решаемых задач: станковым пулеметом, 45-ти мм пушкой и противотанковым ружьем.

«И вот такими мелкими группами бойцы 1-го батальона прорвали оборону немцев и вышли на берег Днепра в районе Казачьих Лагерей. С позиции сержанта мне трудно оценить действия моих боевых товарищей и командиров, но боевую задачу в ночном бою на этом участке фронта наша дивизия, сплоченная и вдохновленная отважным комдивом Маргеорвым, выполнила, за что ей позже было присвоено почетное наименование «Херсонская. Василий Филиппович Маргелов был душой и вдохновителем всех наших боевых операций, а для бойцов и командиров дивизии — строгим, но чутким человеком».

Очень не любил генерал армии В.Ф. Маргелов вспоминать один короткий, но весьма драматический и показательный для того сурового времени эпизод. Когда он вернулся на левый берег Днепра, чтобы организовать на месте дальнейшее наступление частей своей дивизии на Херсон, командир корпуса Чанчибадзе грубо обругал комдива.

— Ты бросил дивизию, — кричал он, — я тебя расстреляю! Под трибунал отдам!

С трудом сдерживаясь (сказывалось нечеловеческое напряжение трехдневных бессонных смертельных боев), комдив Маргелов сказал, грозно сверкнув глазами:

— Один полк уже воюет на том берегу, второй заканчивает переправу. Мы с бойцами выстояли и обеспечили успех соединению. Разрешите продолжать наступление? А список героев я представлю вам на утверждение после взятия Херсона…

Командир корпуса, видя направленные на него неодобрительные взгляды рядом стоящих офицеров, как-то сразу сжался, а потом выпрямился, извинился перед комдивом и приказал:

— Теперь Ваша дивизия будет на основном направлении наступления на Берислав и Херсон, 295-я гвардейская дивизия, замешкавшаяся в ходе форсирования Днепра, продолжает наступление на вспомогательном направлении. Я не сомневаюсь, товарищ Маргелов, что вы успешно справитесь с поставленной задачей!

В ходе наступления ожесточенные бои развернулись за село Никольское, которое обороняло свыше двух батальонов противника. Используя хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, немцы ураганным огнем из пулеметов и минометов пресекали все попытки наших бойцов хотя подойти к окраинам села. В этих боях опять отличился 3-й батальон гвардии капитана Валуева. Используя наступившую темноту, отважный командир все-таки прорвался к окраине Никольского и зацепился за одиноко стоящий домик. Быстро превратив его в опорный пункт, гвардии капитан Валуев решает с помощью обходных маневров рот выбить немцев из села. Под прикрытием темноты 3-я гвардейская стрелковая рота под командованием гвардии лейтенанта Карыгина обходит село справа, а 9-я гвардейская стрелковая рота под командованием гвардии старшего лейтенанта Алонна обходит село слева. Совершив обходные маневры и выйдя на заданный рубеж, обе роты обрушили на фашистов внезапные удары. Ураганный огонь гвардейцев косил фашистов десятками. В рядах противника началась паника, и, бросая оружие, боевую технику, немцы в ужасе разбежались. Вскоре все село Никольское было очищено от противника. Этот бой гвардейцы капитана Валуева провели без потерь. Фашисты же потеряли 75 солдат и офицеров убитыми и пленными, были захвачены большие трофеи. Вот что значат грамотные и инициативные действия на поле боя!

Развивая наступление в ночь с 12 на 13 марта, 149-й гвардейский стрелковый полк гвардии подполковника Тюрина вышел к реке Ингулец в районе села Дарьевка и завязал бой за переправы. И здесь опять отличились бойцы 3-го гвардейского батальона капитана Валуева. Действуя решительно и инициативно, гвардейцы, не дожидаясь приказа о переправе, форсировали реку Ингулец на подручных средствах и устремились дальше. Наступая вдоль течения Днепра, полк освободил 16 населенных пунктов, уничтожил и пленил около 300 солдат и офицеров противника, захватил многочисленные трофеи.

Надо отметить, что все эти бои характеризовались полным отсутствием артиллерийской поддержки, так как артиллерия не успела переправиться. По сути дела пехоту поддерживали только пулеметы, а единственным тяжелым оружием были противотанковые ружья.

Но наступательный порыв гвардейцев был настолько велик, что даже при наличии только легкого пехотного оружия части дивизии безостановочно гнали фашистов, имевших на вооружении артиллерию, самоходные пушки и одно— и шестиствольные минометы. И гнали по бездорожью, по весенней непролазной грязи, через плавни и водные преграды. В этих боях личный состав 149-го гвардейского стрелкового полка проявил образец исключительного мужества, героизма, сметливости и инициативы.

Боевые успехи 149-го гвардейского стрелкового полка Тюрина создали предпосылку к успешному развитию наступления всеми частями и подразделениями дивизии.

В ночь на 13 марта 1944 года успешно форсирует Днепр 144-й гвардейский стрелковый полк гвардии полковника Лубенченко. Едва высадившись на правый берег Днепра, гвардейцы с ходу ринулись в атаку, обходом справа перерезали дорогу Снегиревка — Херсон. Удар воинов 144-го гвардейского был настолько стремителен, что немцы обратились в паническое бегство, покидая свои оборонительные позиции, и к концу дня полковник Лубенченко доложил командиру дивизии, что его гвардейцы перерезали дорогу Херсон-Николаев. Это уже был серьезный успех.

В этот же день начал форсирование Днепра 100-й артиллерийский полк полковника Федоркова. Форсирование проходило по четко организованному плану. В то время как первые орудия были загружены на плоты, собранные из рыбацких лодок, и начали переправу, расположившиеся на левом берегу Днепра артиллерийские подразделения прикрытия мощными и точными ударами сокрушали огневые точки противника и его артиллерийские и минометные позиции.

Форсирование шло полным ходом, когда бойцы вдруг увидели, что со стороны Херсона, рассекая стремнину Днепра, прямо к ним идет пароход. Комдив дал команду не стрелять, так как на его мачте виднелся белый флаг. Когда пароход пристал к берегу, выяснилось, что это херсонские рыбаки и моряки угнали его прямо из-под носа у немцев. Пароход оказался как нельзя кстати. На нем была переправлена на правый берег почти вся тяжелая техника дивизии, а херсонские моряки и рыбаки влились в ряды 49-й гвардейской дивизии.

В боях на подступах к Херсону и за сам город мужество и отвагу проявили многие бойцы дивизии. И как всегда, в авангарде наступавших шли коммунисты.

Под сильным пулеметным огнем залегла одна из рот. Но вот поднимается коммунист Криницкий и с возгласом «За Родину!» бросается вперед, увлекая за собой всю роту. Стремительным броском рота ворвалась в село, в короткой схватке уничтожила и пленила 30 фашистов, а остальных обратила в бегство.

В одном из боев на подступах к Херсону отличился гвардии красноармеец Уроженко. Он первым ворвался во вражеский блиндаж и уничтожил в рукопашной схватке трех фашистов, а остальных обратил в бегство. В «Боевом листке» после этого боя он написал:

«Я молодой гвардеец. Велика честь быть гвардейцем. Бывалые воины помогли мне овладеть оружием. Этим оружием я истребляю фашистскую нечисть. До войны я жил и работал в городе Херсоне. Жизнь текла хорошо, красив был наш город. Кулаки мои сжимаются от ярости, сердце горит злобой, когда подумаешь, что нашу родную херсонскую землю еще топчут грязные сапоги немцев. Где бы я ни дрался с врагом — буду разить его насмерть. Я дерусь за Родину, за родной Херсон!».

Утром 13 марта 1944 года 49-я гвардейская стрелковая дивизия начала решительный бой за освобождение Херсона. Наступая на Херсон, ее гвардейцы дрались бок о бок с 295-й стрелковой дивизией, которая уже с 11 марта пыталась штурмовать Херсон в лоб. Однако, несмотря на героические усилия солдат, 295-я дивизия успеха не имела. И только обходной

маневр 49-й гвардейской дивизии, перерезавшей фашистскую группировку, прикрывавшую Херсон, и создавшей предпосылку окружения немецких войск в районе города, сломил волю оборонявшихся германских войск.

Несмотря на ожесточенное сопротивление фашистов, гвардейский 147-й стрелковый полк 49-й гвардейской стрелковой дивизии первым ворвался в город. Бой велся за каждую улицу, каждый дом. Начальник штаба дивизии полковник Шубин, несмотря на бессонные ночи последних боевых суток, умело обеспечивал четкое управление частями на поле боя.

Бойцы дивизии дрались по-гвардейски! В одном из боев рядовой Цветков первым ворвался в траншею противника и в рукопашном бою уничтожил трех фашистов.

В ходе наступления путь гвардейцам преградил каменный дом, оборудованный немцами под дот. Из его бойниц фашистские пулеметы и автоматы извергали тучи смертоносного свинца. Наступление замедлилось. Но вот поднимается боец Чугай и с кличем: «За Родину — вперед!» устремляется в атаку. Его порыв воодушевляет бойцов. Гремит гвардейское «Ура!». Красноармейцы поднимаются вслед за ним в атаку.

Высокую боевую выучку в ходе боев за Херсон продемонстрировали саперы гвардии лейтенанта Буренкова. На подступах к Херсону и в самом городе фашисты установили сплошные минные поля, заминировали подходы ко многим зданиям, а также и сами здания. И вот тут-то саперам пришлось потрудиться, как говорится, в поте лица. Сотни мин обезвредили гвардейцы-саперы гвардии лейтенанта Буренкова и расчистили наступавшим подразделениям путь вперед. За мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии лейтенант Буренков был награжден орденом Красного Знамени.

Во время штурма города отличился командир взвода противотанковых ружей лейтенант Оганесов. Немцы неожиданно предприняли контратаку силой до роты, которую поддерживали несколько бронетранспортеров. Путь бронированным машинам преградили истребители танков гвардии лейтенанта Оганесова. От метких выстрелов гвардейцев загорается несколько машин, а автоматчики шквальным огнем уничтожают пехоту противника. Один из бронетранспортеров подбил сам командир взвода гвардии лейтенант Оганесов.

И опять на самых трудных участках наступления впереди были коммунисты. Большим уважением среди бойцов дивизии пользовался парторг 144-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант Савицкий. Этот немолодой 42-летний солдат отличался не только незаурядной храбростью и отвагой в бою. Он также был прекрасным агитатором, но, прежде всего, учил бойцов на личном примере. Большую работу проделал парторг Савицкий перед форсированием Днепра. Особое внимание он уделил роли коммунистов в успешном выполнении предстоящей боевой задачи. И слова этого коммуниста не расходились с делом.

Он одним из первых вместе со своим подразделением переправился через Днепр. В ходе наступления был в первых рядах атакующих гвардейцев. За храбрость и мужество он снискал себе почет и уважение среди бойцов. А когда надо было, то он проявлял себя и как незаурядный организатор.

В ходе быстрого наступления частей 49-й гвардейской стрелковой дивизии постоянно отставали тылы. И тут парторг Савицкий проявил инициативу. В освобожденных селах он собирал жителей на сходку, проводил с ними беседу, после чего простые советские люди с воодушевлением помогали своим освободителям, чем могли, в особенности — продуктами питания. Они готовили пищу для бойцов, а парторг Савицкий заботился, чтобы она была доставлена гвардейцам в их подразделения. В ходе боев за Херсон коммунист Савицкий был, как и всегда, в первых шеренгах атакующих гвардейцев. Его голова, убеленная ранними сединами, мелькала то в одном подразделении, то в другом.

Вспоминая те дни, генерал армии Маргелов В.Ф. сказал: «На мой взгляд, благодаря таким людям, а их было немало, мы победили. Шаг за шагом продвигались вперед гвардейцы моей 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Благодаря их мужеству, решительности, массовому героизму Херсон был освобожден в самые короткие сроки.»

И вот уже отгремели последние залпы гвардейцев, штурмовавших Херсон. Город

полностью очищен от немецких оккупантов. Во всех частях и подразделениях дивизии начались торжественные митинги, посвященные освобождению города. Разгоряченные боем стоят в строю красноармейцы и офицеры. Отличившийся в боях за Херсон гвардии майор Грачев зачитывает:

ПРИКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
Генералу армии МАЛИНОВСКОМУ

Войска 3-го УКРАИНСКОГО фронта, форсировав реку ДНЕПР в нижнем течении, заняли город БЕРИСЛАВ и, развивая наступление, сегодня, 13 марта, в результате уличных боев, овладели городом ХЕРСОН — крупным узлом железнодорожных и водных коммуникаций и важным опорным пунктом обороны немцев у устья реки ДНЕПР.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта ГРЕЧКИНА, генерал-майора РУБАНЮКА, полковника МАРГЕЛОВА, полковника ДОРОФЕЕВА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии НЕДЕЛИНА, генерал-майора артиллерии ОСМАЛКОВСКОГО; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск СВИРИДОВА; летчики генерал-лейтенанта авиации СУДЕЦ и понтонеры генерал-лейтенанта инженерных войск КОТЛЯРОВА, полковника СЕРГЕЕВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение городов ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ, представить к присвоению наименования «ХЕРСОНСКИХ» и «БЕРИСЛАВСКИХ» и награждению орденами.

Сегодня, 13 марта, в 22 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта, овладевшим городами ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ, — двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия ОБ’ЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение городов ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин.
13 марта 1944 года.

Этой высокой чести была удостоена и 49-я гвардейская стрелковая дивизия. Она получила почетное наименование «Херсонская».

Многие офицер44 гв. сп) — ветеран части, участник боев на реке Миус, в бою на той же Степовой улице поджег из ПТР две вражеские машины и истребил 10 гитлеровцев.

Бои на улицах Одессы были характерны своей стремительностью, неожиданными изменениями обстановки. Немцы, потеряв укрепленные позиции, метались по улицам, сотни их автомашин образовали на улицах непроходимые пробки.

Гвардии сержанты Макарьян и Орехов, пробираясь вперед, забегали в дома и из окон бросали гранаты в идущие колонны немецких автомашин, били по ним из автоматов. Все это сеяло в рядах врагов панику.

Отлично выполнил поставленную задачу 144 гвардейский стрелковый полк под командованием гвардии полковника А.Г. Лубенченко. Умело действовали командир 3-го стрелкового батальона 149-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитан Солодилов, командир 1-й роты гвардии младший лейтенант Степаненко.

Неоценимую услугу оказали нашим частям сами жители города. Они показывали, где засел враг, сами брали в руки оружие и уничтожали гитлеровцев.

В боях за Одессу части дивизии захватили большие трофеи — 600 автомашин, 100 вагонов с различными грузами, 8 паровозов, 100 мотоциклов, 6 складов с различным военным имуществом, 15 авиационных двигателей. Саперы дивизии разминировали в городе ряд объектов, в том числе и всемирно известный Оперный театр.

Дивизионные разведчики захватили в порту готовые к отплытию корабли противника с различным имуществом, в том числе с немецкими легковыми автомобилями. Одна «иномарка» была подарена ими командиру дивизии, на ней он постоянно и ездил до конца войны.

К 15 часам 10 апреля 1944 года соединениями 2-го Украинского фронта Одесса была освобождена.

Верховным Главнокомандующим Генералиссимусом Советского Союза товарищем Сталиным в Приказе от 10 апреля 1944 года личному составу дивизии за отличные боевые действия в боях против немецко-фашистских захватчиков в освобождении города Одессы объявлена благодарность и дивизия награждена орденом Суворова 2-й степени. Такой же орден получил и командир дивизии — гвардии полковник В.Ф. Маргелов.

Освобождение Города-героя Одессы — одна из блистательных побед героической Красной Армии.

В Боевой характеристике на командира 49-й гв. дивизии полковника В.Ф.Маргелова, подписанной командиром 37-го стрелкового корпуса (куда была передана 49-я дивизия с 30.3.44 г.) генерал-майором С.Гороховым, указывается, что характеризуемый комдив «Достоин присвоения военного звания «ГЕНЕРАЛ-МАЙОР». Также там сообщается следующее:

«Дивизия под командованием тов. Маргелова за весь период наступательных боев показала себя сколоченной боевой единицей, способной выполнять любую поставленную задачу.

В боях за города Николаев и Одессу, в результате повседневных наступательных боев, дивизия под командованием Героя Советского Союза гвардии полковника МАРГЕЛОВА нанесли чувствительный урон в живой в силе и технике противника, уничтожено: солдат и офицеров противника — 592, взято в плен -43, пулеметов — 36, орудий разного калибра — 14, минометов — 14, автомашин — 15, повозок — 50. Захвачено — орудий разного калибра — 7, винтовок — 237, автоматов — 54, пулеметов — 23, автомашин — 981, тягачей — 24, тракторов — 31, паровозов — 6, железнодорожных вагонов — 843, складов разных — 9 и другого военного имущества.»

31 июля 1944 года командир 10 гв. стр. корпуса генерал-майор Рубанюк подписал наградной лист на награждение полковника Маргелова В.Ф. орденом Красной Звезды — «за выслугу лет в Красной Армии 16 лет 9 мес.» Многие полагают, что ордена за выслугу давались автоматически: за десять лет службы — медаль «За боевые заслуги», за 15 лет — орден «Красная Звезда», за 20 лет — орден «Красного Знамени», за 25 — орден Ленина. Но, как видно из этого наградного листа, получение такого рода наград еще нужно было заслужить. Перед ноябрьскими праздниками комдив свою «Красную Звезду» получил.

Приведенные в этой и последующих главах материалы по Ясско-Кишиневской операции и последующему освободительному походу в Европу также являются личными воспоминаниями генерала армии Маргелова Василия Филипповича, дополненными энциклопедическими материалами из «Истории второй мировой войны» и воспоминаниями ветеранов его дивизии

.

«Сорок лет назад в августовские дни 1944 года начиналась Ясско-Кишиневская операция 2-го и 3-го Украинских фронтов. В те памятные дни я командовал 49-й гвардейской Херсонской стрелковой дивизией, которая входила в состав 3-го Украинского фронта

генерала армии Ф.И. Толбухина.

Надо отметить, что о планируемой большой наступательной операции я знал не больше, чем положено было знать в те дни командиру дивизии. 49-я гвардейская после жарких боев по освобождению Николаева и Одессы с боем захватила и удерживала рубеж на левом берегу Днестра возле молдавских городов Григориополь-Дубоссары. Во второй половине апреля 1944 года дивизия одним 144-м гвардейским стрелковым полком форсировала Днестр в районе деревни Чобручи, но начавшийся весенний паводок затопил пойму Днестра, что сделало невозможным переправу остальных полков и артиллерии дивизии. По моему приказу полк оставил свой плацдарм у села Талмаз на правом берегу Днестра и возвратился на исходные позиции. Легко сейчас говорить «форсировали… возвратились…», но чего это стоило инженерной службе полка — недаром полковой инженер К.Д. Жуков за обеспечение переправы полка при форсирования Днестра на подручных средствах был представлен мною к ордену Красной Звезды.

В течение мая дивизия вела бои по ликвидации немецкого плацдарма в Дароцко-Дубоссарской излучине Днестра, а после ликвидации плацдарма здесь же заняла оборону. Получив в мае-июле пополнение и обучив его, дивизия стала готовиться к форсированию Днестра и освобождению территории Молдавии».

Бывший командир 3-го стрелкового батальона 147-го полка в возрасте 22 лет и в звании гвардии капитана В.В.Анфиногенов (Владимир Васильевич закончил военную службу военкомом Одессы, полковником) вспоминал, что в ходе плановой боевой и политической учебы у Днестра комдив Маргелов строго требовал, чтобы в частях и подразделениях дивизии все было направлено на подготовку солдат, сержантов и офицеров к предстоящим боям.

На базе батальона Анфиногенова был создан так называемый отряд преследования. Батальон получил необходимое количество машин, был усилен саперами, радистами, батареей противотанковых орудий. Все было приспособлено к ведению огня прямо с машин: не только ручные и станковые пулеметы, но даже 82-х мм минометы были закреплены на автомашинах и могли вести огонь на ходу. Подобные батальоны были созданы и в других дивизиях, входящих в состав 5-й ударной армии Берзарина.

Отряд преследования проходил особо тщательную подготовку. Здесь надо было учесть все: сложность управления боем, наивысшую подготовку личного состава, инициативу и находчивость командиров всех степеней, способность вести бой в значительном отрыве от своих частей, возможность ведения боя в окружении и многое другое.

Вскоре стало известно, что генерал Берзарин проводит учение «Наступление усиленного стрелкового батальона на заранее подготовленную оборону противника с боевой стрельбой». От всех дивизий, входящих в состав армии, выделялось по одному стрелковому батальону, были назначены конкретные сроки проведения учения с каждым батальоном. От 49-й гвардейской дивизии был выделен батальон В.Анфиногенова. сроки были очень сжатые. До проведения учения оставалось 10–12 дней.

Генерал Маргелов лично, вместе со своими помощниками — заместителем по тылу Криворотько и начальником политотдела дивизии Миролевичем занялся подготовкой батальона к выполнению этой задачи. Мелочей не было. Экипировка батальона и подгонка обмундирования, каски — обязательно (хотя в бою их, как правило, не носили), проверка оружия и занятия, занятия, занятия. Вначале — по подразделениям (по-взводно, по-ротно), отдельно с офицерами, а затем в составе всего батальона сначала без стрельбы, а на двух заключительных занятиях — с боевой стрельбой. Особое внимание придавалось организации взаимодействия, управлению подразделениями батальона, сигналам, ведению огня из всех видов оружия.

На приданную. Артиллерийскую батарею и минометную роту батальонр полагалось выделить по одному боекомплекту снарядов и мин, но, как выяснилось на учениях, Маргелов на свою ответственность выдал по два боекомплекта.

Наконец настал день учений. Ночью батальон совершил 10-ти километровый марш к месту их проведения. Была получена боевая задача н наступление, комбат с офицерами батальона и приданными подразделениями провел рекогносцировку и отдал боевой приказ на наступление. Все это неоднократно отрабатывалось и прошло довольно-таки гладко.

По сигналу начала наступления началась обработка переднего края всеми видами огня, в ходе которой батальон вышел на рубеж атаки. В небо взвились ракеты — сигнал переноса огня на вторую позицию и к атаке «противника». Подразделения дружно пошли в атаку, но в чем дело? Почему артиллерия и минометчики не переносят огня в глубину обороны? Комбат повторил по телефону приказание о переносе огня, но снаряды и мины продолжали рваться на первой позиции. Вот среди разрывов замелькали фигурки передовых солдат. Капитан Анфиногенов в ужасе схватился за голову — что будет? И тут огонь был перенесен. Комбат облегченно вздохнул. А подразделения батальона с криком «Ура!» овладели первой позицией и с хода атаковали вторую.

Что же произошло? Почему по команде комбата не был перенесен огонь в глубину обороны «противника»? Как потом выяснилось, на огневой позиции минометчиков был генерал Маргелов и запрещал до самого критического момента перенос огня. Командир минроты капитан Титов, естественно, выполнил его приказ. Так на деле Василий Филиппович показал, что значит идти в наступлении под прикрытием своего огня, за огневым валом. Он своих подчиненных командиров постоянно учил и требовал как можно ближе держаться к разрывам своих снарядов, объясняя, что это спасет много человеческих жизней. Из наступавших никто не пострадал, эффект атаки был замечательный.

Далее по ходу учения батальон был контратакован танками и пехотой. Главное в этой атаке заключалось в обкатке танками солдат, находившихся в окопах и траншеях, выработке танкоустойчивости, способности воинов безбоязненно пропускать танки через свои оборонительные позиции, уничтожать их гранатами и из ПТР, отсекая огнем пехоту от танков. И эта задача также была решена успешно, ни один солдат не дрогнул, все вели себя мужественно и умело «уничтожали» танки и живую силу «противника».

На разборе учений, который проводил командарм Берзарин, была дана высокая оценка боевой выучке личного состава батальона, его офицеров. Особенно высокую оценку получила минометная рота батальона.

За успешное выполнение поставленных задач на учении Берзарин наградил 12 человек сержантов, солдат и офицеров боевыми медалями, а командир минометной роты капитан Титов был награжден орденом Красной Звезды. В последующих боях в ходе Ясско-Кишиневской операции и по освобождению Румынии маргеловцы применили на практике то, чему их упорно учили во время передышки старшие командиры и сурово требовал боевой комдив Маргелов.

«Именно в это время мне пришлось некоторое время проваляться в госпитале с переломом ноги — неудачная поездка на мотоцикле. В дивизии было немало трофейных немецких мотоциклов, на которых бойцы гоняли, не соблюдая никаких мер предосторожности. В госпитале я обнаружил, что являюсь далеко не единственной жертвой езды на мотоцикле. Пришлось издать приказ по дивизии, запрещающий езду на «железных конях» без сдачи соответствующего зачета. А так разгоряченные быстрой ездой и острыми ощущениями гвардейцы не всегда обращали внимание на такую «мелочь», то для подкрепления своего приказа я лично расстрелял несколько двухколесных машин. Количество «ЧП» в дивизии резко пошло на убыль.

После обучения я, еще опираясь на костыли, устроил смотр дивизии. Должен отметить, что в строю пополнение мало чем отличалось от ветеранов — прекрасная выправка, хорошая физическая подготовка, на лицах бойцов видна решимость к схватке с врагом и воля к победе».

Части и подразделения проходили с песнями. Любил командир дивизии строевую песню! Внимательно вслушивался он в слова дивизионной песни, вспоминая ставшие уже

такими далекими бои под Сталинградом и совсем недавнюю битву за Днепр. И все было в этой гордой песне: и уверенность в победе, и гордость за свое уважаемое солдатское место в боевом строю, и чувство Родины, которая ждет их домой, живыми и сильными:

Мы от Волги-матушки дошли
До Днепровской выжженной земли.
Страх дошел до Рейна
Как мы их вояк Манштейна,
Мы у Волги разнесли!
Эх, Знамя, плывет над нами,
Гвардейский наш священный стяг.
На битву с нами,
Страны сынами,
Великий Сталин идет в рядах!
Мы от Волги-матушки дошли
До Днепровской выжженной земли.
И глядят девчата
Как идут солдаты,
Красной Гвардии полки!
Эх, Знамя, плывет над нами,
Гвардейский наш священный стяг.
На битву с нами,
Страны сынами,
Великий Сталин идет в рядах!

Маленький гвардии рядовой Геннадий Маргелов тоже с чувством пел гвардейскую песню. С этой песней он становился почти таким же сильным и бравым гвардейцем, как и солдаты, с которыми плечом к плечу он шел в одном строю… Песню он эту запомнил на всю жизнь, и почти через шестьдесят лет спел ее своим братьям, приехавших к нему в подмосковный санаторий «Архангельское» поздравить «старшого» с семидесятилетием.

«Несмотря на временное затишье, все мы понимали, что скоро опять наступление… Но когда, в каком направлении — я мог только догадываться.

Впрочем, если не о замысле, то о деталях будущей Ясско-Кишиневской операции «только догадывались» и в более высоких звеньях: как в корпусном, так и в армейском. Ведь лето сорок четвертого было по-своему одним из самых напряженных периодов войны: решающие сражения разгорелись в Белоруссии и на Львовском направлении. Туда перебрасывала Ставка с южных фронтов специальные части и целые армии, в том числе и танковые. Лишь к июлю окончательно определились силы, с которыми 2-й и 3-й Украинские фронты могли начать Ясско-Кишиневскую операцию, которая в историю всех войн и народов вошла под именем «Ясско-Кишиневские «Канны».

Почему же именно «Канны»? Как известно, битва в Юго-Восточной Италии недалеко от селения Канны произошла в 216 году до нашей эры под предводительством величайшего полководца древности Ганнибала, в ходе которой он наголову разгромил превосходящие силы римского полководца Т.Варрона. Она вошла в историю всех времен и народов как классический образец сражения на окружение и полный разгром превосходящих сил противника. Я не хочу на этих страницах проводить подробный анализ этого сражения, но с полной ответственностью заявляю, что Ясско-Кишиневская битва была проведена советскими полководцами Р.Я. Малиновским и Ф.И.Толбухиным не менее блестяще.

Тайное со временем становится явным. То, что на войне не знали порой и командиры, сейчас знает курсант любого военного училища. В том числе и замыслы операций.

К августу 1944 года на балканском направлении сложились относительно

благоприятные условия для проведения советскими войсками стратегической наступательной операции. Пытаясь восстановить оборону в Белоруссии и западных областях Украины, немецко-фашистское командование перебросило 12 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованную, из группы армий «Южная Украина» на центральный участок советско-германского фронта, чем ослабило свой южный фланг. Под влиянием побед Красной Армии в странах Юго-Восточной Европы усилилась антифашистская борьба, возглавляемая коммунистическими и рабочими партиями. Ширилось движение Сопротивления и в Румынии, где резко обострилась внутриполитическая обстановка. Вместе с тем гитлеровское руководство стремилось любой ценой удержать Румынию в фашистской коалиции как основного поставщика нефти, важного источника продовольствия и людских ресурсов, наконец, государства, заслонившего пути на Балканы. Поэтому здесь оставалась сильная группировка немецко-фашистских и румынских войск, включавшая 47 дивизий (в том числе 3 танковые и моторизованную) и 5 бригад. Их поддерживала часть сил 4-го воздушного флота и румынский авиационный корпус.

Противник удерживал так называемый Ясско-Кишиневский выступ, прикрывающий путь в глубь Румынии и отсюда — на Балканы. Левый фланг вражеской обороны упирался в труднопроходимые Карпаты, правый — в Черное море. Противник ожидал удара на Кишинев, но план операции был иным: прорвать оборону северо-западнее Ясс и южнее Бендер, окружить и ликвидировать главные силы группы армий «Южная Украина», а затем быстро развивать наступление в глубь Румынии.

Особенность готовящейся операции состояла в том, что советским войскам предстояло действовать на территории государства, которое было союзником фашистской Германии. Военные советы, политорганы и партийные организации учитывали это. Они добивались того, чтобы все солдаты и офицеры осознали особенности новой обстановки, высоко несли честь и достоинство советского воина-освободителя. Вся партийно-политическая работа была направлена на обеспечение высокого наступательного порыва войск и успешное выполнение поставленных перед ними задач.

49-й гвардейская в эти дни занимала рубежи на правом фланге 3-го Украинского фронта и была подчинена 5-й ударной армии генерала Н.Э.Берзарина — того самого, который стал первым советским комендантом Берлина. Я слышал, как бойцы называли его между собой «солдатским» генералом. По опыту знаю, что такое неофициальное звание потруднее бывает заслужить, чем некоторые официальные. Командующий дневал и ночевал в частях, вникал во все детали нашей подготовки к наступлению. А подготовка была непростой: пополняли боезапас, доставали бензин, дизельное топливо, плавсредства. Ведь впереди были не только три линии вражеской обороны и систем инженерных заграждений глубиной до 80 километров, но и десять больших и малых рек и речек, поймы которых (по-румынски — «балты») были залиты водой. И все это пехотинцам предстояло преодолеть и прорваться к Кишиневу, а дальше пройти с боями по дорогам Румынии.

Вечером 19 августа в полосе обоих фронтов была произведена разведка боем. Она позволила установить, что противник занимает оборону в прежней группировке. Наступление советских войск в Ясско-Кишиневской операции началось 20 августа после артиллерийской, а на 3-м Украинском фронте — и авиационной подготовки.

Соединения 27-й армии и 2-го Украинского фронта в течение трех часов прорвали главную полосу обороны, а к середине дня, форсировав реку Бахлуй, — и вторую. Успех был обеспечен эффективным огневым поражением противника, стремительными действиями первого эшелона, танков НПП и передовых отрядов стрелковых дивизий, захвативших переправы через Бахлуй, надежным обеспечением флангов ударной группировки, а также самоотверженными действиями советских воинов.

Так, в бою за вторую траншею первой позиции героический подвиг совершил командир отделения 4-й роты 21-го стрелкового полка 180-й стрелковой дивизии сержант А.Е. Шевченко. В критическую минуту он закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота и

ценой своей жизни помог своим товарищам успешно выполнить боевую задачу. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

После преодоления второй полосы вражеской обороны в прорыв была введена 6-я танковая армия. В 14 часов в сражение вступил ее 5-й гвардейский танковый корпус, а спустя час — 5-й механизированный. Появление этой армии для гитлеровцев оказалось полной неожиданностью. Танкисты сумели быстро выйти к третьей полосе обороны противника, проходившей по хребту Маре. Успешно развивалось и наступление 3-го Украинского фронта. К исходу дня 37-я, 46-я и 57-я армии завершили прорыв главной полосы вражеской обороны и, продвинувшись на глубину 12 километров, местами вклинились во вторую оборонительную полосу.

За первый день операции войска фронтов продвинулись на глубину от 10 до 16 км. Противник потерял девять дивизий.

21 августа, преодолевая упорное сопротивление врага, соединения 27-й армии, во взаимодействии с 6-й танковой армией и авиацией, вели борьбу за третью полосу на хребте Маре. Войска 52-й армии, используя успех введенного в этот день в сражение 18-го танкового корпуса, разгромили противника и к полудню освободили город Яссы.

К этому времени 3-я гвардейская армия во взаимодействии с 23-м танковым корпусом овладела городом Тыргу-Фрумос. В итоге двухдневных боев войска 2-го Украинского фронта прорвали три полосы обороны противника на глубину до 40 км, расширив прорыв до 65 км по фронту. Сложились благоприятные условия для стремительного преследования противника и окружения 6-й немецко-фашистской армии.

Войска 3-го Украинского фронта, отразив контрудары пехоты и танков противника, за два дня боев продвинулись на глубину до 30 км, расширив прорыв по фронту до 95 км. Авиация 5-й и 17-й воздушных армий, поддерживая наземные войска, произвела более 6350 самолето-вылетов.

Для ускорения полного разгрома противника Ставка ВГК вечером 21 августа приказала фронтам как можно быстрее замкнуть кольцо окружения в районе Хуши и ликвидировать вражескую группировку. Это должно было открыть дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии.

К исходу 23 августа 6-я танковая армия 2-го Украинского фронта вышла в район Бырлада. 13-й танковый корпус завязал бои за Хуши. В этот же день 4-й гвардейский и 7-й механизированный корпуса 3-го Украинского фронта вышли к переправам на реке Прут и заняли оборону, развернувшись фронтом на северо-восток. На следующий день соединения 52-й армии и 18-го танкового корпуса освободили Хуши, вышли к Пруту, где и соединились с войсками 3-го Украинского фронта. В окружении оказались 18 из 25 немецких дивизий.

Одновременно развивалось наступление на внешнем фронте окружения. К исходу 24 августа советские войска находились на расстоянии 85—100 км от окруженных войск. В это же время на левом крыле 3-го Украинского фронта соединения 46-й армии во взаимодействии с частью сил 4-го гвардейского механизированного корпуса и десантом, форсировавшим Днестровский лиман, при поддержке авиации и кораблей Дунайской военной флотилии окружили 3-ю румынскую армию, которая вскоре капитулировала.

К исходу 27 августа окруженная восточнее Прута группировка противника перестала существовать. Одновременно войска обоих фронтов развивали наступление на бухарестском и измаильском направлениях. 26 августа была полностью освобождена Молдавская ССР, 27 августа прорван фокшанский укрепленный район. К 29 августа войска 3-го Украинского фронта освободили города Тулча, Галац, Брэила, Констанца, Сулина.

Свой героический вклад в разгром фашистов в Ясско-Кишиневской битве внесла и 49-я гвардейская Херсонская стрелковая дивизия. 16 августа, находясь в резерве 3-го Украинского фронта, дивизия получила приказ двигаться вслед за успешно наступающими частями. За восемь дней длительных, изнурительных маршей дивизия прошла более 400 километров, не вступая в непосредственное соприкосновение с противником. Дорога

гористая, десятки спусков и подъемов. Жара, неимоверная пыль. 20 августа дивизия вошла в состав 10-го гвардейского стрелкового корпуса и вместе с корпусом с 23 по 27 августа дивизия стояла в заслоне западнее Кишинева против находящейся в Ясско-Кишиневском котле 420-тысячной немецко-румынской фашистской армии, способствуя ее разгрому и пленению, уничтожая разрозненные части и подразделения окруженной группировки противника, не давая им вырваться из окружения. В упорных ожесточенных боях наносили гвардейцы мощные удары по отчаянно сопротивлявшемуся противнику. Но те жаркие бои лета сорок четвертого года, те бои под Шерпенами, Хуши, Бакэу — едва ли не самые памятные за всю мою полувековую службу. Обстановка была такая, что порою не сразу понимали, кто кого окружил: мы — немцев? Они — нас? Пришлось все дивизионные тылы держать на передовой. Даже медсанбат я посадил в один из полков — боялся, что фашисты вырежут… Не раз приходилось и лично мне со штабом отбивать нападения таких групп немцев. Бок о бок с нами отражали нападения противника и наши медработники, в том числе и моя гвардии капитан медицинской службы Анна Александровна — Анка, метко стреляя из личного пистолета, поразила несколько вражеских солдат.

Оглядываясь назад, скажу, что свою 49-ю из августа сорок четвертого и сегодня целиком бы взял в десант — такая была дивизия…

В эти дни нашими войсками был освобожден Кишинев. Но, хотя дивизия непосредственно в Кишинев не входила, она активно способствовала успешному проведению Кишиневской операции и закрепляла победу.

Пришлось здесь опять повоевать с 6-й, воссозданной Гитлером вместо погибшей на Волге и названной в рейхе армией «Мстителей». Сражались «мстители» упорно, зло, но судьбы своих предшественников не избежали. Приведу ставшее мне известным после войны свидетельство самих же немецких генералов. Они в те дни отмечали в журнале боевых действий группы армий «Южная Украина»: «Окруженные корпуса и дивизии 6-й армии окончательно должны рассматриваться как потерянные… это представляет собой самую большую катастрофу, какую когда-либо переживала группа армий».

После освобождения Кишинева наши войска рядом ударов расчленили группировку противника и зажали его в кольцо между Лопушна-Котовское-Минжир. Затем и эта основная часть была разделена пополам и уничтожена полностью.

В те дни на перекрестках дорог Котовского района можно было видеть указатели с надписями: «В плен — сюда». По дороге в Кишинев двигались огромные колонны немцев, которых конвоировали один-два советских солдата или группа крестьян из окрестных сел. К 3 сентября окруженная группировка была полностью ликвидирована.

Но вот отгремели ураганные смерчи боев. Ясско-Кишиневские «Канны» завершились полной победой советских войск.

В ходе боев с 20 августа по 3 сентября советские войска уничтожили 22 немецкие дивизии, в том числе 19 дивизий, оказавшихся в окружении; разгромили почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте, 8 бригад штурмовых орудий, 11 артиллерийских полков, 14 отдельных артиллерийских дивизионов и свыше 35 специальных частей. Общие потери противника: убитыми 210 тысяч, пленными 208 600 солдат и офицеров. Взято в плен: 2 командира корпуса, 12 командиров дивизий и 13 генералов. Противник потерял: самолетов — 351, танков и самоходных орудий — 9586, орудий разного калибра — 5576, минометов — 3261, пулеметов — 19 105, автомашин — 46 640.

Враг понес настолько большой урон, что для восстановления сплошного фронта ему потребовалось около месяца. Продвинувшись на глубину 320–350 километров, советские войска вышли в центральные районы Румынии и приблизились к границам Болгарии.

23 августа 1944 года в Румынии была свергнута монархо-фашистская диктатура И. Антонеску, в Бухаресте началось вооруженное восстание. Вскоре румынские войска повернули штыки против фашистской Германии.

Честно говоря, еще задолго до Ясско-Кишиневской операции я не замечал у румын особого боевого рвения. Допрашивая пленных, чувствовал их нелюбовь к своим германским

союзникам, нежелание воевать за чуждые Румынии, румынскому народу интересы. В сорок четвертом году эти настроения еще больше усилились. Нередко без единого выстрела сдавались в плен целые румынские части, добровольцы принимали участие в боях против гитлеровцев. В те времена в состав 2-го Украинского фронта вошла 1-я румынская пехотная добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску. А позже, в Венгрии, я уже воевал вместе с механизированной румынской дивизией против общего врага. Но в августе сорок четвертого Румыния только делала свой исторический выбор…

Ясско-Кишиневская операция, последующее наступление советских войск резко изменили последующую военно-политическую обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Были освобождены Молдавская ССР и Измаильская область Украины, выведена из фашистского блока Румыния, которая объявила войну Германии. Но победа далась нелегко. Только на румынской земле пролили кровь свыше 286 тысяч советских воинов, из них 69 тысяч человек погибло. Помнит ли их румынский народ? Помнит ли он торжественную встречу освободителей в Бухаресте? Тогда газета «Ромыния либерэ» писала: «Тысячи флагов, море цветов… Солдат… обнимают, целуют, благодарят. Многие забрались на советские танки».

Под Кишиневом отец воевал вместе с сыном… Генералу Маргелову стало известно, что его сын Геннадий с бабушкой Агафьей Степановной, спасаясь от захватчиков, вынуждены были эвакуироваться из Белоруссии. Дед Филипп Иванович, отправив их в Тамбов, вернулся в родные места в партизанский отряд. Во время одного из заходов в деревню, его выдал предатель, и Филиппа Ивановича как партизана и отца красного командира в 1944 году казнили лютой смертью фашисты. Совсем тяжело стало жить Агафье Степановне с внуком… И отправилась она в далекий город Пермь (тогда — город Молотов) к своей дочери Марии, которая эвакуировалась туда со своим мужем, работником оборонного предприятия. Тяжело жилось семье.

Приехавший в Пермь адъютант Василия Филипповича забрал Геннадия с собой на фронт. Отец определил подростка, приказав строго-настрого на передовую не лезть, гвардии рядовым в учебный батальон 144-го полка, приказав предварительно подлечить (простудился в пути) в медсанбате, где о нем по-матерински заботилась Анна Александровна. Но сын был весь в отца, и вскоре командиру дивизии доложили, что его сын с бойцами ходил в разведку. За эту разведку сын начштаба дивизии Шубина В.Ф. (подросток был года на три старше и тоже — сын полка) получил боевую медаль, а Геннадия отец посадил на сутки на гауптвахту, а потом приказал отправить в суворовское училище. Анна Александровна подготовила его по учебной программе за пропущенный класс и отвезла парня в Тамбов, где тот блестяще сдал экзамены и поступил в СВУ. Позже он стал офицером-десантником, потом — генералом, но всегда оставался человеком чести и ни в чем не подвел своего отца.

А для 49-й гвардейской Херсонской стрелковой дивизии гвардии генерал-майора Маргелова эти бои стали первыми на долгом и трудном пути освобождения Европы — впереди были Болгария, Югославия, Венгрия, Чехословакия, Австрия…

Глава 8
Освобождение Восточной Европы

Румыния — Болгария — Румыния. Бой за Шопотул-Нову и Кэрбунари. Бал в Бела-Церкве. Бои в Югославии. Взятие Будапешта. Прорыв линии «Маргарита». Словакия. Бои за Петржалку.

27 августа 49-я гвардейская дивизия получила приказ выступить в направлении реки Прут. Совершив 100-километровый марш из района села Толмаз, гвардейцы 30 августа

вышли к реке Прут в районе Кагула. В 15.00, переправившись на понтонных средствах через реку, перешли советско-румынскую границу.

И бойцы увидели первые разрушенные румынские деревни. Наконец земля загорелась под ногами у тех, кто терзал Украину, кто жег и разрушал Одессу, Севастополь, Сталинград, помпезно увековечивая свои «великие победы» даже на почтовых марках того периода. Портрет короля Михая в то время гордо красовался на почтовой марке, посвященной «борьбе с большевизмом»… Румынские солдаты и офицеры выходили из камышевых зарослей и пачками сдавались в плен.

В течение всего сентября дивизия совершала марш, не соприкасаясь с противником. Прошли через Галац, Брэилу и дальше на юг. Шестого сентября в районе Хыршова переправилась через реку Дунай и по правому берегу продолжала марш к болгарской границе. В ночь на 7 сентября у деревни Стына Кадыней дивизия вступила на территорию Болгарии для изгнания хозяйничавших там немцев. Болгарский народ и армия, питая исторически дружеские чувства к русскому народу, сердечно встретили Красную Армию с выражением благодарности за ее освободительную миссию. В тот же день дивизия овладела Селистрой. После короткого отдыха в районе Селистры части дивизии 15 сентября погрузились на болгарские транспортные суда и баржи и поплыли вверх по Дунаю. 16 сентября в румынском городе Корабия, выгрузившись на берег, на второй день дивизия выступает на север к Южным Карпатам, называемым здесь Трансильванскими Альпами. Соприкосновения с противником не имели. Фронт уходил все дальше и дальше.

20 сентября 1944 года, совершив 150-километровый марш, 49-я дивизия вошла в город Крайово. Здесь она получила двухдневный отдых, и в то же время приняла пополнение. Почти все прибывшие побывали в плену. Большинство новых бойцов настроены по-боевому: чувствовалось огромное стремление скорее вступить в бой и отомстить немецко-фашистским захватчикам за все их злодеяния.

Проделав 120-километровый марш из Крайова, 24 сентября дивизия внезапным ударом овладела городом Турну-Северин. Далее ее путь пролегал через горы. Западнее Турну-Северина в отрогах Южных Карпат засела эсэсовская дивизия. Вот как вспоминает об этом бое командир пулеметной роты 2-го батальона 149-го гвардейского полка гвардии старший лейтенант Ефременко Любим Николаевич.

«В то время наша дивизия входила в 10-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии, которая стояла на стыке 2-го и 3-го Украинских фронтов. Командовал дивизией наш легендарный комдив Маргелов Василий Филиппович, бывший моряк — значит, самый надежный командир. Наверное, поэтому направляли нашу дивизию на самые трудные и ответственные участки фронта.

Расстояние от Крайова до перевала, где засели эсэсовцы, дивизия прошла менее, чем за сутки. Недалеко отсюда проходила дорога на Югославию к городам Бела-Црква и Панчево. С нашей стороны к обрывистому перевалу подобраться было очень трудно, так как здесь проходила дорога, по которой все время двигались немецкие танки и самоходная артиллерия. По обеим сторонам дороги располагались пулеметные гнезда, автоматчики в окопах и зенитная артиллерия, причем с одной стороны над дорогой нависала высокая горная круча. Мы простояли двое суток, ожидая удара югославских партизан по перевалу с обратной стороны, чтобы атаковать фрицев вместе. Но югославов все не было.

Тогда вызывает меня на свой командный пункт комдив Маргелов и приказывает отправиться в тыл к немцам в обход через лес, чтобы ударить по врагу с тыла. Но начальник штаба дивизии полковник Шубин Валерий Федорович запротестовал: «Василий Филиппович, посылай кого-нибудь постарше, а Любима Ефременко не отдам!» Хотя шел мне тогда 22-й год, но я считал себя бывалым воином. Василий Филиппович выругался и назначил старшим командира моего батальона гвардии майора Зеленева, а меня его замом. С нами направили трех пулеметчиков, трех минометчиков, пятерых автоматчиков, с собой взяли полный комплект патронов и мин. Все боеприпасы погрузили на лошадь. Дали нам проводника из местных и мы двинулись в обход по лесу в тыл к немцам.

Фрицы нас заметили и обстреляли, пришлось взять немного левее. Началась сильная гроза с дождем. Когда мы дошли до домика лесника, то обнаружили, что пропал проводник и отстал мой командир пулеметного расчета — гвардии старший сержант Василий Грабенко. Комбат Зеленев приказал мне найти его. Перед уходом я предложил комбату уйти из домика лесника в лес, на противоположный берег реки, так как исчезновение проводника внушало мне опасение.

Итак, я отправился искать своего сержанта. По пояс в воде я переправился через ручей, который после дождя стал глубоким и быстрым, и пошел обратным путем по тропинке. Метров через двести, в пещере, я нашел своего Грабенко. Он сильно натер ногу. Минут двадцать мы приводили его ногу в порядок, как вдруг послышался топот ног и немецкая речь. Это шел дозор противника. Перед пещерой немцы остановились и, на всякий случай, прострочили внутрь из автомата. Мы с сержантом прижались к стене у входа в пещеру. Как только прошел последний солдат немецкого отделения автоматчиков, старший сержант Грабенко бросил им вслед противотанковую гранату. Взрыв гранаты смешался с раскатами грома. Послышались крики, стрельба, стоны раненых — потом все стихло. Немцы быстро собрали оружие убитых, забрали раненых и другой тропой позади укрывшей нас пещеры убрались восвояси, оставив четверых убитых автоматчиков.

Позже стало ясно, что благодаря решительным действиям Грабенко немцы не дошли до месторасположения комбата, что спасло жизнь нашим товарищам.

Мы продвигались сначала ползком, боясь, что нас обнаружат, потом осмелели и пошли в полный рост к домику лесника. Дождь и гроза не переставали. Вдруг в свете молнии мы увидели перебегающих людей. Дождавшись промежутка между молниями, мы перебежали к большим деревьям и залегли. Прислушавшись, разобрали славянскую речь:

— Братцы, они идут от Сталинграда, не надо их будить, давайте сами проведем операцию.

— Вася, — сказал я, — да это они никак о комбате с нашими бойцами говорят.

Внезапно сзади и по бокам выросли три парня с направленными на нас дулами автоматов. Забрали нас и повели к своему командиру. Командир спросил нас, из какой мы дивизии, а когда узнал, то сначала обнял нас, а потом отругал за самодеятельность со взрывом бронетранспортера.

— Вы чуть не сорвали нашу операцию, хорошо, если немцы действительно подумали, что это случайная мина!

Это оказался отряд югославских партизан, которых так долго ожидала наша дивизия. Здесь, в отряде, я встретил своего земляка Ивана Николаевича Гладкого, 1918 года рождения. Он ушел на фронт в 1941 году, попал в плен, бежал и теперь воевал в югославском партизанском отряде.

Я сообщил командиру партизан пароль: зеленая ракета — прибыли на место, красная — начало штурма. Мы стали проситься пойти с партизанами на выполнение задания, но он нам отказал, сказав, что возле домика лесника он выставил часовых и пулемет для охраны комбата со взводом, где и предложил нам тоже немного поспать. Еще он сообщил, что партизаны казнили нашего проводника, который пытался перебежать к немцам. Попрощавшись с нами, он пообещал, что еще встретимся, и побежал догонять свой отряд. Забегая вперед, скажу, что с этой операции не вернулся мой друг Иван Гладкий — пал смертью храбрых.

Мы отправились к домику лесника. Дождь и гроза наконец-то прекратились. Мой Грабенко с окровавленной ногой, привязанной обмоткой к ботинку, шел рядом со мной. Когда мы подходили к домику лесника, сзади нас уже была слышна артиллерийская канонада и шум боя — штурм начался. На высотке при входе в лес стоял пулемет МГ-34, а вокруг домика по высоткам стояли часовые югославских партизан. Начинался рассвет. Я вошел в дом и увидел, что все спят. Ко мне подскочил проснувшийся комбат Зеленев, но я опередил его вопросы, мрачно пошутив, что проводник — предатель, а мы окружены противником. Сам, мокрый и усталый, сел прямо на пол и моментально уснул. Комбат начал

меня трясти, но улыбающийся Грабенко его успокоил: «Это югославские партизаны, командир сообщил им пароль, и уже начался нашей дивизией совместный бой с немцами».

Меньше чем через час нас всех подняли. Впереди шел комбат, а я, сонный и грязный, — замыкающим. Как только вышли из леса, то сразу увидели возле дороги уничтоженные минометы и противотанковые пушки противника.

Мы пошли догонять свой полк, а потом я — свою роту. Оглянувшись вокруг, я только теперь заметил, какие красивые Карпаты, как сверкает в лучах солнца лес после дождя и как красив поселок на южном склоне, со стороны Югославии».

После этого боя дивизия в исключительно тяжелых условиях начала четырехдневный горный переход через Трансильванские Альпы. Особенно тяжелым был марш с 27 на 28 сентября. Всю ночь беспрерывно лил дождь. Прибывшие на пополнение бойцы не имели обуви и шинелей, но бывалые командиры вышли из положения — из старых автокамер были пошиты «постолы», не имевшим шинелей выдавали трофейные одеяла.

Большую помощь офицерам в воспитании личного состава оказывали бывалые воины-агитаторы — такие боевые эпизоды, как рассказал Л.Н. Ефременко, особенно поднимали настроение и боевой дух воинов-гвардейцев дивизии.

О поистине образцовом бое за Шопотул-Нову и Кэрбунари как по замыслу, так и по его проведению, учитывая те короткие минуты, за которые принималось решение командиром дивизии и ставилась им боевая задача командирам частей, рассказывает сам Василий Филиппович Маргелов.

«30 сентября после длительного горного марша части дивизии вступили в бой за деревню Шопотул-Нову. Противник стремился любой ценой удержать деревню за собой. Потеря этого пункта означала для немцев дальнейший отход и предоставление широкого маневра для наших войск. Западнее, в восьми километрах, начиналось плоскогорье. Неоднократные попытки наших частей взять Шопотул-Нову с фронта лобовой атакой успеха не имели.

Сразу после марша, на основе полученных дивизионной разведкой данных и короткого доклада начальника штаба дивизии, оценив сложившуюся обстановку, я принял решение использовать внезапность наступления нашей дивизии для противника, а также выгодное направление атаки некоторых подразделений дивизии. Командиров полков я призвал действовать в тесном взаимодействии с соседними частями и подразделениями, дерзко, инициативно, но на рожон не лезть.

Так, 1-й гвардейский стрелковый батальон 144-го гвардейского стрелкового полка по моему показу вышел на западную окраину Шопотул-Новы и с тыла обрушился ураганным огнем на противника. Дело дошло до рукопашной схватки. Гвардейцы, следуя за своим командиром Чекаловым, беспощадно уничтожали фашистов и захватили Шопотул-Нову.

Немцы отошли, взрывая за собой мосты, минируя дороги и делая завалы. Гвардейцы преследовали их по пятам, не давая сколько-нибудь закрепиться до рубежа Кэрбунари, который представлял собой узел горных дорог.

У немцев в Кэрбунари была очень выгодная позиция. Все подступы к населенному пункту просматривались и были хорошо пристреляны из пулеметных гнезд и замаскированной артиллерией противника. Взять в лоб этот узел было трудно. Это привело бы к большим потерям личного состава. Поэтому я дал приказ обойти село и силами одного батальона атаковать одновременно и с тыла и с фронта.

В дождливую темную ночь тот же первый батальон под командованием гвардии майора Чекалова полез на кручи, пробираясь сквозь густые заросли леса. Пулеметы несли на себе, на руках катили пушки. Одновременно на других направлениях наступления дивизии велись отвлекающие действия специально выделенными усиленными полковыми группами в составе до роты.

Перед выступлением заместитель командира батальона по политической части гвардии капитан Алексеенко рассказал бойцам о знаменитом походе русского полководца Суворова

через Альпы. Я выразил уверенность в том, что мои гвардейцы не посрамят чести русского оружия и не уступят своим славным предкам в силе духа, а уж мужества и отваги им не занимать! Воодушевленные бойцы поклялись умело, не жалея сил и самой жизни, победить врага.

Многие солдаты, одетые в резиновые «постолы», скользили по мокрым камням, падали, вновь поднимались и все-таки шли вперед. В назначенный час батальон вышел в тыл укрепленного пункта и подал условный сигнал. Началась атака одновременно, как было приказано, с двух направлений. Гвардейцы Чекалова, прикрываясь огнем артиллерии и минометов, ведя массированный огонь из пулеметов и автоматов, с криком «Ура!» стремительно продвигались вперед.

Путь дивизии был расчищен. Полки бросились в яростную атаку… Противник пришел в смятение, его оборона рассыпалась на отдельные очаги сопротивления, которые скоро были подавлены. Враг был полностью разбит. Я сам слышал, как сожалели некоторые гвардейцы, особенно из вновь прибывшего пополнения, что не успели принять участие в бою. И действительно, некоторые подразделения, оставленные в полковых резервах, так и не понадобилось вводить в бой.

Кэрбунарская операция была проведена настолько четко и быстро, что ее можно смело принять за образец боевых действий 144-го гвардейского стрелкового полка. В этом бою особенно отличились пулеметчики первого стрелкового батальона гвардии красноармейцы Матвеев, Николаенко, Галаганов, Обуховский, Кравченко, Убелевский, Нагорный. Они метким огнем своих пулеметов сдерживали противника, нанося ему огромный урон. Но и с нашей стороны были жертвы. В этом бою смертью храбрых пал командир 1-й стрелковой роты гвардии старший лейтенант Топчиенко, бесстрашно возглавивший свою роту в ходе наступления.

Все отличившиеся гвардейцы были представлены мною к наградам.

Так в ходе тяжелых боев были взяты населенные пункты Кэрбунари и Шопотул-Нова, гвардейцы не посрамили славных традиций суворовских богатырей!»

В конце сентября 1944 года 49-я гвардейская Херсонская стрелковая дивизия, пройдя с боями предгорья Южных Карпат в юго-западной части Румынии, заняла сильно укрепленные опорные пункты немецко-фашистских войск: Мехадия, Бозовичи, Кэрбунари, Рекешдия, прикрывавшие подходы Красной армии к югославской границе. Овладев этими населенными пунктами на территории Румынии, дивизия с ходу на плечах противника с боями пересекала границу Югославии.

Первого октября части дивизии спустились с гор на равнину и, преследуя противника, вошли в город Бела-Церква. Это уже была территория Югославии. Город освободили югославские партизаны, они же его и охраняли.

Командир роты 144-го гвардейского полка гвардии старший лейтенант Любим Николаевич Ефременко вспоминает:

«При подходе к городу наш духовой оркестр заиграл марш «Прощание славянки». Гвардейцы подтянулись, стройно зашагали в ногу. А день выдался на славу — солнечный и теплый. Все население города высыпало на улицы и со слезами радости на глазах хлебом и солью встречало по славянскому обычаю своих братьев-освободителей. Горожане дарили нашим воинам цветы, угощали фруктами, вином, закусками. Эту встречу невозможно забыть! Если кто-то найдет фотографии тех времен — посмотрите, с какой радостью и нежностью встречал нашу армию югославский народ. Идешь по городу, а к тебе бегут с поцелуями, цветами, выпивкой, закуской. Со слезами просят зайти в дом, чтобы в доме остался хотя бы дух воина-освободителя».

В этом городе гвардии старшему лейтенанту Ефременко Любиму выпало интересное приключение, из тех, что вполне могли бы стать сюжетом комедийного фильма или веселого водевиля. Сам Любим был молод и красив, любил и умел петь песни, особенно народные украинские, обладал большим чувством юмора и был очень общителен, честен и справедлив.

При этом никогда не прятался за спины своих бойцов, находясь всегда впереди За это его любили не только бойцы и офицеры его возраста, но и старшие начальники, которые старались уберечь молодого боевого командира от опасных заданий. Любил его и командир дивизии — боевой генерал Маргелов.

Так вот, прибыв в город Бела-Церква, все части наших дивизий выстроились по полкам, на площади появились генералы, командующие фронтами Ф.И. Толбухин и Р.Я. Малиновский. С югославской стороны ждали Тито, но он в это время был в Москве. Зато был начальник Генерального штаба Югославской армии, были командующие партизанскими корпусами и дивизиями. После короткого митинга, на котором выступили командующий 2-м Украинским фронтом и начальник Генерального штаба, всех развели по домам, строго приказав по квартирам и по улицам не ходить, сдать оружие командирам отделений и быть внимательными с местным населением.

Добравшись до дома, который подобрал старшина, старший лейтенант Ефременко, сняв с себя грязные сапоги, галифе и гимнастерку, умылся и бухнулся в постель — сказалось страшное напряжение последних бессонных дней. Старшину, который пошел топить баню, попросил не будить его и дать поспать хотя бы два-три часа. Но не суждено ему было отоспаться. Только Любим заснул, прибегает ординарец и по приказу командира полка начинает его будить. Не добудившись, он доложил командиру полка, что командир роты пришел из тыла врага и спит как убитый. Чуть позже прибежал старшина, растолкал своего ротного и сообщил, что его ждет на телефоне командир полка — «Батя» Лубенченко. Едва натянув галифе, босиком и без гимнастерки помчался ротный к телефону, доложился по всей форме: «Командир пулеметной роты гвардии старший лейтенант Ефременко на проводе!» А Андрей Григорьевич Лубенченко ему передает приказ: «К 17.00 явиться в поселок на южном склоне Карпат со стороны Югославии на бал».

Услышав этот немыслимый в военное время приказ, старший лейтенант стал умолять послать кого-нибудь другого, кто уже успел отдохнуть, но командир полка ответил, что уже просил комдива заменить его, ибо многие мечтают попасть на этот бал, но тот ни в какую — только Ефременко. Вдруг Батя его спросил: «Ты встречался в тылу с югославскими партизанами?» — и, услышав положительный ответ, добавил: «Немедленно одевайся, сейчас придет машина и доставит тебя в штаб дивизии». Не успел Любим одеться, как пришла машина, и он во всем грязном прибыл в штаб. Первым, кого он встретил, был начальник штаба дивизии полковник Шубин Валерий Федорович, который пожал ротному руку, поблагодарил за операцию и сказал, что комдив требует, чтобы на балу был именно Ефременко.

Начальник штаба позвонил на склад и приказал выдать старшему лейтенанту новое обмундирование и сапоги из НЗ. Любим быстро поехал на склад, переоделся, побрил пушок над губой и вернулся в штаб дивизии, где ему дополнительно выдали пачку папирос «Казбек» и носовой платок. Перед отъездом на бал командир дивизии генерал Маргелов к 18.00 собрал молодых офицеров и провел инструктаж, как себя вести на балу, приказав, в том числе, не целовать руки женщинам.

Целая вереница машин двинулась в город. В последнем «Виллисе» ехал наш невольник. Подъехали к зданию с колоннами, въехали наверх на площадку — у дверей стоят часовые и лакей с пикой, на верху которой пучок разноцветных лент. В здание вела широкая лестница, которая справа и слева на уровне второго этажа заканчивалась широкими площадками, заполненными дамами и девушками. На первом этаже под площадками — раздевалки, где сдают головные уборы и личное ор 29 октября части дивизии вели наступательный бой, в ходе которого прорвали оборону противника, и с боями продвинулись на 13 километров. Особенно отличился в этих боях 149-й гвардейский стрелковый полк. Командир полка гвардии подполковник Тюрин получил донесение разведки о том, что в лесу находится штаб 23-й венгерской пехотной дивизии. Командир полка приказал окружить лес и захватить штаб противника. В ходе короткого боя штаб 23-й пехотной дивизии был захвачен, в плен было взято 300 человек во главе с полковником. Мадьяры бросили на

выручку штаба крупные силы и окружили полк. Личный состав полка стойко сражался, отбивая контратаки, и охранял пленных до подхода подкрепления.

В ходе боев сдался в плен нашим бойцам командир взвода 54-го пехотного полка 23-й пехотной дивизии венгерский младший лейтенант А.Д. Баран, который привел в расположение нашей дивизии 33 солдата, по пути к нему присоединились еще 23 венгерских солдата.

Гвардейцы-артиллеристы капитана Бондаря дважды отбивали контратаки пехоты и танков противника. До последнего снаряда дрались артиллеристы у своих орудий. Когда вышли все боеприпасы, гвардейцы взяли в руки гранаты, карабины и автоматы, продолжая бить немцев и мадьяр.

Смертью храбрых у своего орудия пал наводчик 144-го гвардейского стрелкового полка гвардии рядовой А.А. Сорокин. 27 октября он в бою у станции Галамбош из орудия подбил танк и уничтожил до 20 солдат противника, а когда кончились снаряды, гвардеец, уже будучи тяжело раненным и оставшись один, гранатами и в рукопашной схватке отражал атаки немцев и не сдал орудие в руки врага. Указом Президиума Верховного Совета СССР наводчику Сорокину Андрею Алексеевичу присвоено звание Героя Советского Союза. Героя похоронили в венгерской деревушке Ясен Тласло. Его имя навечно занесено в списки части.

Противник отходил на Будапешт, прикрываясь мелкими группами. 144-й гвардейский полк, продолжая преследовать противника, вышел на рубеж населенного пункта Илле, где встретился с крупными силами пехоты и танков неприятеля.

Обстановка сложилась следующая: 2-й механизированный корпус, выполняя поставленную задачу, вышел вперед и одной бригадой овладел Илле. Но противник, имея численное превосходство в танках и живой силе, окружил бригаду. На выручку поспешил 144-й полк.

Полковые артиллеристы капитана Монахова и капитана Бондаря открыли по противнику огонь прямой наводкой. Также меткой стрельбой с открытых позиций отличились артиллеристы 100-го гвардейского гаубично-артиллерийского полка капитана Осипенко. Противник, не ожидавший этого удара, под прикрытием своих танков отходит. Прикрываясь огнем своей артиллерии, стрелковые батальоны Чекалова и Пышки врываются в Илле. Кольцо окружения было разорвано.

4 и 5 ноября дивизия подошла к опорным пунктам немцев Ечер и Маглод, на которых была построена сильная оборона немцев, прикрывающая пригороды Будапешта.

5 ноября противник при поддержке 13 танков пошел в контратаку. Находившийся на острие атаки противника взвод гвардии старшего лейтенанта Шифрина мужественно встретил врага уничтожающим огнем. Сразу был подбит один танк, остальные танки повернули назад. Орудийные расчеты в упор расстреливали оставшуюся без танков, залегшую пехоту противника. Когда все же часть вражеской пехоты подобралась вплотную к орудиям, старший лейтенант Шифрин поднял бойцов, в рукопашном бою гвардейцы-артиллеристы уничтожили вражескую пехоту.

Весь ноябрь продолжались бои на подступах к Будапешту. В тыл противника засылались венгерские солдаты, взятые нами в плен, и это давало хорошие результаты — солдаты возвращались с новыми пленными.

Но противник был еще очень силен. Подбрасывая все новые резервы, он беспрерывно контратакует, поддерживая контратаки танками, самоходками, артиллерийским и минометным огнем. Однако наши бойцы, прошедшие тяжелую науку побеждать в суровых предшествующих боях, показывают исключительную стойкость, мужество и высокую воинскую выучку.

В октябре 1944 года начался Девятый удар войск Красной Армии в Венгрии между Тиссой и Дунаем, имевший своей целью вывести Венгрию из войны и повернуть ее против Германии.

В результате решительного наступления войск 2-го Украинского фронта частям

немецко-венгерской армии был нанесен тяжелый удар, враги откатились к Будапешту.

В начале декабря 1944 года части 46-й армии форсировали реку Дунай ниже Будапешта и создали реальную угрозу полного окружения войск противника. Немцам удалось задержать продвижение наших частей на правом берегу Дуная, закрепившись на заранее подготовленном рубеже — линии «Маргарита».

В этой обстановке 49-я гвардейская Херсонская стрелковая дивизия в составе 10-го гвардейского стрелкового корпуса получает ответственную задачу — прорвать оборону противника на рубеже линии «Маргарита», в дальнейшем завершить полное окружение противника в Будапеште, принять участие в полном его разгроме.

Оборона линии «Маргарита» проходила по рубежу от реки Дунай южнее Будапешта, на озере Веленце и далее на озере Балатон. Выгодный естественный рубеж при использовании полотна железной дороги по переднему краю, был заранее подготовлен и эшелонирован в глубину на 3–4 линии траншей полного профиля, вдоль линии был прорыт противотанковый ров глубиной 3–5 метров.

В ночь с 15 на 16 декабря, сдав полосу обороны на рубеже Маглод-Илле частям 317-й стрелковой дивизии, 49-я гвардейская стрелковая дивизия в два ночных перехода проделала 80-километровый марш, переправилась через реку Дунай и в ночь с 17 на 18 декабря приняла участок обороны от 180-й стрелковой дивизии на рубеже Мерей-Каполнаш-Ниек.

147-й гвардейский стрелковый полк не смог взять хутор Мерей. Тогда командир дивизии поставил эту задачу перед 144-м гвардейским полком. Командир полка полковник Лубенченко для выполнения этого задания выбрал лучший 1-й стрелковый батальон под командованием гвардии майора Чекалова. И не ошибся — бойцы батальона решительным и внезапным ударом овладели хутором.

Для выполнения приказа по прорыву линии «Маргарита» командир дивизии гвардии генерал-майор Маргелов В.Ф. построил все три стрелковых полка в линию. Артиллерийский полк получил приказ готовиться к артиллерийской подготовке прорыва. К утру 20 декабря части заняли исходное положение для наступления, и в 10.35 после мощной артподготовки пехота вышла на рубеж атаки. В 11.35 началась атака, а в 12.00 дивизия уже овладела железнодорожной станцией Каполнаш-Ниек и северной окраиной города Петтенд.

Не останавливаясь на достигнутых рубежах, отбивая контратаки крупных сил противника, дивизия продвигалась вперед и овладела населенными пунктами Ловаш-Бериш, Вертешача, Вереп и продолжала преследование противника, отходившего на север и северо-запад. Форсировав ряд оросительных каналов, дивизия заняла рубеж Табайдалчу.

Противник, стремясь восстановить положение, бросает в контратаки группы танков. На участок 144-го гвардейского стрелкового полка устремились 50 средних и тяжелых танков. Основной удар принял на себя 2-й стрелковый батальон. Танки прошли по боевым порядкам пехоты, но гвардейцы не оставили своих позиций, ни один боец не отошел с занимаемого им места. Смело приняли на себя атаку артиллеристы батарей Швангерадзе, Монахова, Бондаря. Завязался неравный бой. Другие полки также вели напряженные бои на своих направлениях.

На помощь нашим гвардейцам командарм 46-й армии посылает танки. Благодаря совместными усилиями танкистов и пехотинцев контратака была отбита. Полк в неравной борьбе с бронированной немецкой ордой отстоял свой рубеж, не сдал своих позиций, не отошел.

Высоко оценило эту заслугу 144-го гвардейского полка перед Родиной Советское правительство — полк был удостоен ордена Красного Знамени.

К исходу дня 144-й полк во взаимодействии с 149-м полком овладел городом Бичке. Линия «Маргарита» была прорвана. В прорыв ворвались танки 18-го танкового корпуса.

Дивизия продолжала наступление, ведя бои с разрозненными, в беспорядке отступающими группами противника. В ходе этого наступления были взяты населенные пункты и города Жамбек, Будане, Пилишверешвар, Надфковани, Помаз и Будеколаз. Таким образом, было завершено полное окружение будапештской группировки противника. При

прорыве линии «Маргарита» гвардейцы дивизии показали высокое боевое мастерство.

За эти бои генерал-майор Маргелов В.Ф. был представлен командиром 10 гв. стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенантом Рубанюком к ордену Ленина. Вот как эти бои представлены в Наградном листе от 30 декабря 1944 года:

«Гвардии генерал-майор Герой Советского Союза МАРГЕЛОВ… проявил себя волевым, тактически грамотным, инициативным, способным управлять боем соединения. На всем протяжении боевых операций… умело сочетал взаимодействие родов войск, обдуманно и правильно оценивал обстановку и силы противника, в результате чего выполнение боевых задач 49 гвардейской дивизией решалось успешно. 18 декабря 1944 года части дивизии с марша заняли исходное положение и 20.12.1944 года перешли в решительное наступление на заранее подготовленную глубоко эшелонированную оборонительную линию «МАРГАРИТА», оснащенную до предела техникой и огневыми средствами. Умелым управлением дивизией в бою, сочетанием огневых средств с решительным действие гвардейцев пехоты, линия обороны противника 20.12.44 года была прорвана 49 гвардейской дивизией. Частями дивизии были заняты КАПОЛНАШ-НИЕК, разъезд Петтенд, Ада, Бальом, Кэнэшэм.

22.12.1944 года противник силами до 10 тяжелых танков перешел в контратаку на боевые порядки дивизии с целью задержать наступление гвардейцев и отрезать тылы от пехоты. Гвардейцы не отступают, был подан голос гвардии генерал-майора МАРГЕЛОВА и 4 тяжелых контратаки танков противника были успешно отбиты, рубеж удержан и продолжалось дальнейшее успешное наступление гвардейцев. К исходу 25 декабря 1944 года 49 гвардейская стрелковая дивизия под командованием гвардии генерал-майора МАРГЕЛОВА прошла с боями более 60 километров и заняла Пилишверевар, этим самым овладела важным узлом коммуникаций и перерезала последний путь — шоссейную дорогу в северо-западном направлении от гор. Будапешт, по которой была единственная возможность противнику оттянуть технику и вооружение.

За проведенную наступательную операцию с 20.12 по 27 декабря 1944 года49 Гвардейской стрелковой Краснознаменной ордена Суворова дивизии под командованием гвардии генерал-майора МАРГЕЛОВА освобождены населенные пункты и города: Каполнаш-Ниек, Петтенд, Бальо, Кэнэшент, Вереб, Ловашберень, Поганьке, Вертешача, Фельдше, Наталии, Фюсма, Табайл, Алчут-Фельлечут, Альшо, Дельще, Бичке, Надьковата, Кирэ, Иэня, Плишсентьивав, Пилишверишвар.

Погибло и уничтожено: танков — 17, самоходных орудий — 7, орудий разных калибров — 18, минометов — 12, пулеметов — 10, транспортеров — 8, автомашин — 58, солдат и офицеров более 2500 человек.

Захвачено трофеев и взято в плен: солдат и офицеров — 1471 чел., снарядов и бомб — 5000, заводское оборудование — 4 железнодорожных эшелона, паровозов — 4, бронемашин — 13, гранат — 2000, пулеметов — 50, автоматов — 42, лошадей — 106, танков — 15, самоходных орудий — 4, вещевых складов — 8, орудий — 34, складов с горючим — 2, автомашин — 87, мотоциклов — 9, складов с боеприпасами — 4, тракторов — 6, складов с продовольствием — 5.

За четкое и умелое управление частями дивизии в бою, успешно совершенный прорыв линии «МАРГАРИТА», в результате чего были введены танковые соединения, расширяющие плацдарм наступающих частей Красной Армии, и дальнейшее успешное выполнение поставленных боевых задач по окружению венгерской столицы гор. Будапешт, проявленное при этом личное мужество и геройство в борьбе против немецко-венгерских войск гвардии генерал-майор Герой Советского Союза МАРГЕЛОВ вполне заслуживает Правительственной награды ордена «ЛЕНИНА».

К сожалению, и этого ордена генерал Маргелов не получил…

Из Боевой характеристики от 20.02.1945 на командира 49-й гв. Херсонской

стрелковой дивизии гвардии генерал-майора Маргелова В.Ф.:

«Действуя в составе корпуса на главном направлении по прорыву немецкой линии «МАРГАРИТА» с 20.12.1944 года дивизия под командованием тов. МАРГЕЛОВА штурмовала глубоко эшелонированную полосу противника. Успешно осуществив прорыв, тов. МАРГЕЛОВ стремительным натиском овладел опорными пунктами немцев в КАПОЛНАШ-НИЕК, ПЕТТЕНД с большими потерями в живой силе и технике для противника.

В январе месяце 1945 года 49 Гвардейская стрелковая дивизия сдержала сильнейшие удары превосходящих сил противника, пытавшихся прорваться в районе гор. ЖАМБЕК к окруженной группировке немцев в город Будапешт.»

В начале января 1945 года немцы стянули крупные танковые силы и бросили их на выручку окруженной будапештской группировки.

В район Комарно срочно перебрасываются эсэсовские танковые дивизии «Мертвая голова» и «Викинг». Противником создается мощный танковый кулак. 2 января сотни немецких танков бросились на узком участке на позиции наших подразделений и прорвали нашу оборону. Немцы начали вколачивать танковый клин в направлении Будапешта и далее распространяться по Дунаю. Им удалось дойти почти до Бичке и занять Эстергом. Но тут путь немцам был наглухо закрыт танкистами, артиллеристами, пехотинцами. В течение двух недель продолжались напряженные, упорные бои. Понеся огромные потери, немцы и венгры поняли, что отсюда им не пробиться к Будапешту.

Михаил Ипатович Белов, боевой офицер, воевавший там же в рядах 46-й армии (ныне генерал-майор в отставке), в своей книге «Армия победных операций» (Москва, Палея-Мишин, 2000) пишет: «В ходе исключительно тяжелых боев особую стойкость показала 49-я гвардейская стрелковая дивизия. Ее командир Герой Советского Союза генерал-майор В.Ф. Маргелов и на сей раз проявил незаурядные командирские качества, личную храбрость и волю к победе. Быстро схватывая обстановку, он предугадывал действия противника, вовремя проводил контрмеры, смело маневрировал силами и средствами с не атакованных участков, умело использовал артиллерию для ведения огня с закрытых огневых позиций и прямой наводкой. На участке, где возникала сложная ситуация, он незамедлительно выдвигался сам. Появление отважного командира в первой линии боевых порядков вселяло командирам и бойцам уверенность в успехе, воодушевляло их на самые решительные действия. Вдохновляла не только высокая и крепкая фигура комдива с маузером в руке, но и следовавший за ее появлением массированный артогонь по противнику, ввод в бой сил, переброшенных с других направлений, резервов.»

Тем временем войска 2-го Украинского фронта полностью очистили восточную часть города — Пешт. Оставалось добить фашистов в западной части — Буде. В это время немцы предприняли еще одну попытку прорваться к своим окруженным войскам. Срочно перебросив танковые дивизии на участках между озером Балатон и городом Секешфехервар, немцы снова бросили против нас две с половиной сотни танков. Им удалось прорваться в глубину нашей обороны и выйти к Дунаю. Враг стремился на этот раз пробраться к Будапешту с юга. Снова завязались упорные бои. Но и здесь путь врагу был прегражден железной стойкостью и мужеством наших войск.

49-я гвардейская Херсонская стрелковая дивизия в это время занимала оборону на участке Сомор — Дярнель.

4 января 147-й и 144-й гвардейские стрелковые полки приняли встречный бой на дороге Самор-Байна. Только 1-й стрелковый батальон майора Чекалова в течение дня отбил четыре контратаки гитлеровцев, нанеся им большие потери. 5 января противник прорвался в стыке между 1-м и 3-м стрелковыми батальонами, в тот же день вражеская артиллерия нанесла по нашим войскам массированный артналет и противник перешел в контратаку. После ожесточенного четырехчасового боя немецкие танки и самоходные орудия прорываются через боевые порядки 1-го стрелкового батальона на северную окраину Сомора. Батальон понес большие потери в живой силе. В бой за Сомор вступил целиком

144-й стрелковый полк и после жестокого двухчасового боя овладел им. Дивизия окончательно закрепила за собой высоты западнее Джамбека.

Противник напрягает отчаянные усилия, до Будапешта остается 20 километров. Любой ценой он стремится соединиться со своей окруженной группировкой. С этой целью он предпринимает несколько атак днем и ночью, но встречает организованный отпор и, неся большие потери в живой силе и технике, вынужден откатываться на исходное положение.

В этих боях исключительно большую роль сыграла артиллерия — 100-й гвардейский гаубично-артиллерийский полк, которым командовал гвардии полковник Алексеев.

13 февраля войска 2-го Украинского фронта при содействии войск 3-го Украинского фронта после полуторамесячной осады и упорных боев в трудных условиях большого города, завершили разгром окруженной группировки противника в Будапеште и, тем самым, полностью овладели столицей Венгрии.

Приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина личному составу дивизии за отличные боевые действия в боях за овладение Будапештом объявлена благодарность.

147-й гвардейский стрелковый полк получил почетное наименование «Будапештский», 144-й гвардейский стрелковый полк награжден орденом Александра Невского.

В течение 14 и 15 февраля дивизия ведет бои с прорвавшейся группировкой противнику из Буды. Кипел жаркий бой. Нескольким немцам удалось проникнуть в бункера, но их оттуда быстро извлекали команды артиллеристов. В бой вступили все тыловые подразделения, ездовые и старшины, снабженцы и мастера боепитания.

Большую работу по организации обороны и ликвидации прорвавшихся немцев проделал штаб 144-го гвардейского стрелкового полка под руководством начальника штаба полка гвардии майора Руденко.

В течение трех суток части дивизии днем и ночью вели ожесточенные бои с остатками немецких войск, вырвавшихся из Буды, и полностью их ликвидировали. Все подступы к населенным пунктам Тек и Жамбек были устланы трупами гитлеровцев.

В Жамбеке после боя офицер 144-го гв. сп Владимир Работин посвятил своему командиру дивизии стихотворение:

Генералу Маргелову посвящаю эти строки

Стихи о Герое

Я — солдат, не поэт, и не мыслю в стихах,
И слов мудрых я тоже не знаю.
На простом языке и в народных словах
О, Герой, я тебя прославляю.
Ты ходил с нами в бой на проклятых врагов
По широкой степи Украины.
Били их мы с тобой у Днепровских валов
И в Дунайской сражались долине.
Нас не гнула беда — ты был с нами всегда,
С нами радость делил и невзгоды
Потому твоя слава, герой, никогда,
Не падет, не сотрут ее годы!
Твое имя в стихи, бронзу, мрамор вольют
Для грядущих веков, поколений
Громовой воздадут твоей славе салют,
Пред тобою преклонится гений.

Так пускай и солдат, и поэты в стихах,
И уж кто мудрость слов тайну знает,
На простом языке и в народных словах
Твое имя, Герой, прославляют!

Владимир Работин
конец февраля 1945 г.
Жамбек

В боях за Будапешт с честью выполнил свой долг перед Родиной бывший учитель из Тамбова гвардии старший сержант Сидельников Владимир Иванович.

Венгерское село Демра. На рассвете наши части атаковали противника и выгнали его за противотанковый ров. Гвардии старший сержант Сидельников действовал в качестве командира минометного расчета и был послан на наблюдательный пункт. Умело корректировал стрельбу, благодаря чему за короткое время все пулеметные точки гитлеровцев были уничтожены. Гвардейцы пошли в атаку, немцы бежали.

Участник боев с первых дней Великой Отечественной войны гвардии старший сержант Сидельников прошел боевой и славный путь. Гвардейский знак на его груди, орден Славы 3-й степени, орден Красной Звезды, медали «За отвагу», за оборону Москвы и Сталинграда говорят о его подвигах.

Примеры беззаветного служения Родине показали работники медицинской службы. Гвардии майор Пилипенко, ведущий хирург медсанбата, ординаторы капитаны Апарин, Егорова, Куракина, врач-терапевт майор Новиков спасали жизнь раненым и возвращали в строй воинов-гвардейцев.

Родина по заслугам оценила героический труд этих работников, наградив их орденами и медалями.

Высокий морально-политический подъем бойцов и офицеров дивизии выражался еще и в том, что в эти дни, к третьей годовщине присвоения дивизии гвардейского звания, с большим энтузиазмом прошел сбор средств в фонд обороны нашей Родины.

Семьсот тысяч рублей собрали бойцы и офицеры на пополнение боевой техники. Командир дивизии и начальник политотдела по этому поводу писали товарищу Сталину:

МОСКВА, КРЕМЛЬ

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза
Иосифу Виссарионовичу Сталину

Бойцы, сержанты и офицеры 49-й гвардейской стрелковой Херсонской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии в честь трехлетия со дня присвоения нашей дивизии гвардейского звания решили собрать средства для пополнения боевой техники. Из своих личных сбережений мы вносим в фонд нашей Родины (700000) семьсот тысяч рублей.

Личный состав дивизии имеет желание приобрести на собранные средства арттягачи «Студебеккер» и «Додж» для транспортирования артиллерии.

Просим Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, удовлетворить нашу просьбу.

На этих машинах мы, гвардейцы, выполним Ваш приказ о выводе из войны последнего сателлита Германии — Венгрии и добьем фашистского зверя в его собственной берлоге.

Желаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, доброго здоровья, долгих лет жизни на благо и счастье великого Советского народа.

Во второй половине февраля и в марте дивизия сбивала противника с занимаемых им рубежей, вела бои местного значения. 22 марта после перегруппировки своих сил части

дивизии, преодолевая сильное огневое сопротивление врага, овладели ЕПЕЛ, БАЙНА и другими населенными пунктами. Продолжая наступление, гвардейцы вышли на ДУНАЙ в районе ЛАБАТЛАН, тем самым закончив 27 марта ликвидацию придунайского плацдарма.

В период с 23 по 29 марта дивизия совершила марш из ЛАБАТЛАН в район ДЬЕРСЕНТИВАН. В течение ночи на 30 марта переправилась на левый берег КИШДУНА и 31 марта овладела десятком населенных пунктов. Наступление продолжалось вдоль правого берега реки КИШ-ДУНА. Ведя бои в междуречье, дивизия вышла на стык границ Венгрии и Австрии в район ПЕТРЖАЛКА.

В течение десяти месяцев немцы укрепляли рубеж юго-восточной границы Австрии. Железобетонные пушечные и пулеметные доты, забетонированные траншеи и до предела насыщенная огневыми средствами оборона. По переднему краю проходила проволока в четыре ряда, были установлены минные поля.

Здесь противник рассчитывал надолго задержать наши части, но стремительное наступление войск 3-го Украинского фронта на столицу Австрии — Вену и наступление войск 2-го Украинского фронта, который вел бои в Чехословакии за столицу Словакии Братиславу на левом берегу реки Дунай против города Петржалка, опрокинули расчеты немцев.

2 апреля 1945 года 144-й гвардейский стрелковый полк вплотную подошел к укрепленному рубежу противника южнее Петржалки и вступил в жестокий бой с врагом. 5 апреля полку придается тяжелый артиллерийский дивизион и самоходный дивизион штурмовых орудий Дунайской речной флотилии. Полк готовился к ночному штурму. Командир полка гвардии полковник Лубенченко приказал под прикрытием ночи подвести самоходки на передний край полка. Пушки прямой наводки окапывались в боевых порядках подразделений полка, а минометы произвели пристрелку участков обороны противника. И вот завязался короткий, но ожесточенный бой в траншеях. Полк овладел двумя линиями траншей, противотанковым рвом и шестью дотами, захватив при этом 300 пленных немцев. На поле боя осталось до 500 трупов немецких солдат и офицеров. Продолжая дальнейшее наступление, полк в 23.30 при поддержке других частей дивизии овладевает городом Петржалка и к 6.00 6 апреля вступает в Вольфсталь. За этот образцовый бой полк награждается орденом Кутузова 2-й степени.

В боях за Петржалку и на подступах к Вене бойцы и офицерский состав дивизии, как и во всех предыдущих боях, проявили исключительное мужество и геройство, бдительность и высокую преданность своей Родине.

Гвардии капитан Жигалкин в момент ожесточенного боя за Петржалку, когда в районе 144-го гвардейского полка немцы вклинились в боевые порядки частями дивизии СС «Мертвая голова» и из строя выбыли командиры 1-й и 2-й рот, принял командование ротами на себя. Группа бойцов, которыми командовал капитан Жигалкин, отбила 18 атак немцев, перешла в наступление, захватила в плен 130 немецких солдат и офицеров. Была захвачена план-карта немецкого командования, где было указано, что в ночь на 8 апреля немцы готовились перейти в наступление силами до двух полков на 144-й полк.

Получив такие данные, эта же группа воинов капитана Жигалкина внезапно атаковала немцев в населенном пункте Петржалка и этим сорвала замысел врага.

Командир дивизии гвардии генерал-майор Маргелов за отличное выполнение боевого задания объявил гвардии капитану Жигалкину благодарность и на поле боя вручил ему орден Красной Звезды. Десятки бойцов были награждены орденами и медалями.

Глава 9
Окружение и взятие Вены

Плечом к плечу с десантниками. Бой за «населенный пункт». Неожиданный маневр приводит к успеху.

7 апреля части 49-й гвардейской стрелковой дивизии на подручных средствах, паромах и лодках форсируют реку Дунай северо-западнее города Гайнбург, и наступают на Зибенбрунн, Шенфельд, Унтер, Ласзее и к 9 апреля достигают Оберзибенбрунн.

В лесу севернее Оберзибенбрунн 144-й гвардейский стрелковый полк освобождает из концлагеря более десяти тысяч советских людей, угнанных фашистами в рабство.

Полк, продолжая наступление, захватывает Хельмахов, перерезая пути отхода немцам из Вены на Гензерндорф.

Немцы, не подозревая о выходе полка на эту дорогу, ночью выходили из Вены. На их пути были поставлены приданные полку самоходки, пулеметы и ПТР. Подпустив на расстояние до 50 метров немецкую колонну, гвардейцы открыли губительный огонь по фашистам. Самоходки в упор расстреливали метавшегося в панике противника, ночную тьму озаряло зарево горящей немецкой техники. Жалкие остатки уцелевших немцев бросились обратно в Вену, чтобы позже найти там свою смерть.

Выполняя поставленную задачу, 144-й полк во взаимодействии с 149-м гвардейским стрелковым полком овладевают Рейховом и к 12 апреля — Гросс-Эбердорфом, перерезав вторую шоссейную дорогу Вена-Брно.

К этому времени части 3-го Украинского фронта форсировали реку Дунай и 15 апреля 1945 года заняли в тылу у немцев город Корнейбург.

Корнейбург немцы подготовили к упорной обороне, имея вокруг него на 15 апреля 1945 года две-три линии траншей с оборудованными позициями группировки противника перед 2-м Украинским фронтом.

Немалая заслуга во внезапном овладении городом принадлежит 114-й гвардейской Венской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии, которую гвардейцы генерала Маргелова В.Ф. уже знали по боям в районе города Секешфехервара и по последующим боям в Венгрии и в Австрии.

В целях завершения окружения венской группировки противника командир 114-й гвардейской дивизии гвардии генерал-майор Иванов В.П. предложил командиру 39-го корпуса генерал-лейтенанту Тихонову М.Ф. форсировать дивизией реку Дунай, внезапно захватить оборонительные сооружения противника на левом берегу и соединиться с войсками 2-го Украинского фронта. Предложенный план был одобрен.

В ночь с 13 на 14 апреля группа захвата из добровольцев-десантников в составе роты под командованием командира разведроты гвардии старшего лейтенанта Алексеева В.Н. переправилась на противоположный берег Дуная. Противник, заметив наступающих бойцов, открыл по ним ураганный огонь. В ходе трехчасового неравного боя в критический момент десантники вынуждены были вызвать на себя огонь артиллерии. Подоспевшее подкрепление дало возможность 353-му полку к 5.00 14 апреля полностью переправиться на левый берег реки и сорвать многочисленные контратаки противника с целью освобождения дороги для выхода своей группировки в город Флоридсдорф. Появление советских десантников в районе Корнейбурга, а затем и в самом городе вызвало панику среди фашистов, которые решили, что они высадились с воздуха.

В Приказе Сталина № 337 от 15 апреля 1945 года сообщалось, что «Войска 2-го Украинского фронта при взаимодействии войск 3-го Украинского фронта 15 апреля 1945 года окружили и разгромили группу немецких войск, пытавшуюся отступать от Вены на север, и овладели при этом городами Корнейбург и Флоридсдорф — мощными опорными пунктами обороны немцев на левом берегу Дуная.». Среди отличившихся названы и войска генералов Маргелова и Иванова, то есть 49-я гвардейская Херсонская стрелковая и 114-я гвардейская Венская воздушно-десантная дивизии, причем для 49-й дивизии это была двенадцатая благодарность Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Менее чем через десять лет Командующий Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Маргелов В.Ф. побывал уже в своих, гвардейских 350-м, 353-м и 357-м

полках в Боровухе и Новополоцке, где, конечно же, вспоминал, как он в те годы уже «присматривался» к дерзким и бесстрашным десантникам, сожалея, что не могли они тогда применяться в полной мере — как воздушные десантники.

Венская группировка войск противника была полностью окружена.

Примеров мужества и боевого мастерства не счесть. Гвардии старший сержант Вялов уничтожил ручными гранатами два немецких танка. Рискуя жизнью, он первым ворвался во вражеский окоп, уничтожил пулемет противника и двух немцев. Ночью в разведке захватил и привел одного немца, добыл ценные сведения о противнике. «Вялов, но не вялый», — шутили потом бойцы.

Батарея гвардии лейтенанта Кунгурова подожгла огнем своих пушек вражеский танк. Орудие другой батареи гвардии сержанта Зайцева подбило бронетранспортер противника. Совместным огнем артиллеристы уничтожили три немецких пушки, ворвавшись в село, захватили 12 орудий, из них 9 исправных.

Комсомолец гвардии сержант Гринберг заменил в бою геройски павшего командира взвода. В этом бою взвод под командованием сержанта истребил 60 немецких захватчиков.

13 апреля наши войска после упорных уличных боев полностью овладели столицей Австрии Веной. Ветераны дивизии вспоминали, что благодаря стремительным боевым действиям, в том числе и 49-й гвардейской стрелковой дивизии, красавица Вена не была разрушена, как это планировали фашистские изверги. Основные разрушения ей были нанесены воздушными бомбардировками авиации союзников.

За успешные действия дивизии по окружению венской группировки и участие во взятии Вены личному составу дивизии Верховным Главнокомандующим товарищем Сталиным объявлена благодарность.

144-му гвардейскому стрелковому полку присвоено почетное наименование «Венский».

Освобождение Вены — событие крупнейшего политического значения. Взятие Вены было предвестником окончательного разгрома гитлеровской Германии.

После взятия Вены дивизия успешно продвигается вперед. Ведет упорные бои за населенные пункты Кенигсбрунн, Цеобендорф, Ландорф, Тосдорф и овладевает этими пунктами.

Преодолевая сопротивление противника, дивизия обороняет занимаемые рубежи, совершенствует их в инженерном отношении. Одновременно проводит занятия по боевой подготовке.

С падением столицы гитлеровской Германии Берлина деморализованные гитлеровские войска, прикрываясь арьергардами, отходят на запад с целью капитуляции союзникам, боясь расплаты за все свои злодеяния перед советским народом. Части дивизии преследуют отходящего противника и двигаются по маршруту Цеобендорф—Оверробах-Штеттендорф-Кремс-Грейн-Прегартен.

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление и рассказать подробнее, что такое «упорные бои за населенные пункты» и «преследование отходящего противника». К счастью, сохранились записки майора запаса Хомченко Василия Яковлевича, жителя города Светлогорска Гомельской области, а тогда командира 5-й гвардейской стрелковой роты 1-го стрелкового батальона 144-го гвардейского стрелкового полка, гвардии старшего лейтенанта. В составе 49-й гвардейской дивизии он прошел боевой путь с января 1944 года, будучи командиром 2-й гвардейской стрелковой роты прославленного 1-го гвардейского стрелкового батальона того же полка гвардии майора Чекалова. Записки пришлось несколько отредактировать и уточнить в соответствии с имеющимися воспоминаниями других ветеранов дивизии.

Итак, Вена была взята, наступление продолжалось. Однако противник,

воспользовавшись благоприятными для него складками местности и расположением населенных пунктов, приостановил наше наступление. По его замыслу — на длительное время. Но, как это часто бывает на войне, группа гвардейцев-богатырей 5-й роты сорвала замыслы сильного и коварного, хорошо вооруженного и многочисленного противника.

5-я рота оказалась в передовых порядках дивизии. Прямо перед ротой в трех-четырех километрах находился один населенный пункт — село, к которому вела дорога, слева находились еще два села, подступы к ним были обильно заминированы немцами. Рота заняла оборону у «своего», ближайшего села у кирпичного завода. Слева от рубежа обороны роты тянулось огромное непроходимое болото. Войска дивизии, имея перед собой сильного противника, заняли оборону и готовились к наступлению.

17 апреля на передовую 5-й роты пришли командир 2-го гвардейского стрелкового батальона гвардии капитан Мачехин Василий Петрович (ныне подполковник запаса)), поставил ему боевую задачу. Необходимо было отобрать из личного состав роты 17–18 самых боевых и закаленных солдат, в эту же группу будут приданы четыре полковых разведчика и два связиста. Общее количество группы — 25 человек, командир группы — гвардии старший лейтенант Хомченко. К 22 часам такая группа была подобрана и комбат лично поставил боевую задачу:

— По данным разведки, все силы противника сосредоточены в восточной и юго-восточной части села. В домах, прилегающих к болоту, противника нет, так как он считает, что через болото пройти невозможно, оно — непроходимое. Наша задача: преодолеть эту преграду, группу провести через болото, для чего каждому взять по две плащ-накидки для прокладывания пути.

Вооружение: один ручной пулемет, автоматы, гранаты, максимальное количество боеприпасов.

Приступить к переправе через болота в 23 часа и любой ценой не позже 3 часов ночи доложить о его преодолении по телефону.

Зацепиться за западную и северо-западную часть села, предварительно произведя его разведку силами разведчиков. Операцию произвести скрытно, не открывая огня. Занять оборону в домах с таким расчетом, чтобы своим огнем не позволить противнику прорваться в расположение группы. Это значит, что солдаты должны быть расположены полукругом на чердаках домов, в оконных проемах. Захватить дома не менее как на двух улицах и удерживать до подхода главных сил. Произвести разведку расположения обороны противника, огневых позиций, расположения артиллерийских, минометных и танковых средств, обо всем докладывать через каждый час.

Во второй половине дня по нашему сигналу открыть огонь из всех видов оружия и своим огнем отвлечь противника, приняв весь его натиск на себя, любой ценой удержать оборону до темноты до подхода главных сил. Другого выхода нет, село мы должны взять. Наступление должно быть возобновлено до полного разгрома врага.

После этого комбат спросил мнение ротного.

— Все ясно, — ответил Хомченко, — задача будет выполнена. Только вместо одного телефонного аппарата прошу дать два, чтобы каждый связист тянул провод отдельно — в случае выхода из строя одного, второй будет работать.

Комбат согласился с этим мнением.

В 23 часа командир роты с группой в 24 человека, знающих поставленную задачу дословно, вышли на задание. Командир батальона проводил их. Начался штурм болота.

Преодолевать болото было очень тяжело: далеко вглубь забираться нельзя — засасывала трясина. Особенно трудно пришлось связистам — катушки с проводом тянули их в жижу болота, под их тяжестью бойцы проваливались, казалось, что не хватит сил. Тогда всем приходилось бороться за жизнь одного, а, порой, одному за всех. В особо тяжелых местах использовали плащ-накидки в качестве подстилки, и даже шинели. С большими усилиями, но без потерь и с проложенной связью болото было преодолено. Группа достигла берега на западной окраине села.

Впереди был виден сад и сельские дома. Расположив в укрытии на берегу болота солдат, командир роты обсудил с разведчиками план дальнейших действий по разведке домов, прилегающих к берегу болота.

Вскоре вернувшиеся разведчики доложили, что прилегающие к болоту дома пустые, немцев не обнаружено — противник оставил эти дома без контроля, жители всех домов спрятались в двух подвалах. Данные нашей разведки, сообщенные комбатом, подтвердились: противник уверен, что через болото никто не пройдет.

Группа скрытно прошла в село, разведчики помогли расположить бойцов по домам в зависимости от условий обзора и возможности внезапного подхода со стороны противника, по одному — два человека. Гвардейцы заняли две улицы, а третья находилась под огнем ручного пулемета.

Связистов разместили в подвале с гражданским населением, жителями села. Расчет ротного оказался правильным — жители надежно укрыли связистов и даже выставили своих часовых.

Проверив еще раз оборону и связь, командир роты в 2.30 доложил командиру батальона о прибытии, занятии обороны в селе и обстановке, которую смогли выявить разведчики в первые минуты своего пребывания в тылу противника.

Получив одобрение действиям группы и дружеское «Держись! Больше внимания уделяй разведке», командир группы Хомченко отправился вместе с разведчиками вглубь села в расположение противника. Вновь получаемые данные о расположении сил и средств противника через каждые полчаса передавались по телефону. А сил и боевых средств у врага было очень много, село было превращено в настоящую крепость. Зато для нас это была хорошая мишень, все координаты скопления огневых средств наши минометчики и артиллерия получили полностью.

Пока командир обсуждал с разведчиками план дальнейших действий, по одной из занятых нашими бойцами улиц несколько раз прошла немецкая самоходка. Один из разведчиков высказал свое соображение, что ее надо припугнуть — «пусть не разгуливает свободно». И когда она в очередной раз проходила по «нашей» улице, тот же разведчик залег в кювет и пустил по ней очередь из ручного пулемета. Что подумали немцы, находящиеся в ней, никто не знал, только самоходка, прибавив газу, обдала разведчика дымом и больше не появлялась. Как мы и предполагали, после нашего выстрела немцы всполошились и выслали свою разведку — до взвода автоматчиков, которые с беспорядочной стрельбой прошли по улицам.

Поскольку группе было приказано до сигнала в бой не вступать, автоматчиков пропустили. Бойцы еще лучше замаскировались, укрепили свои места в засаде, а немцы, убедившись, что никого нет, возвратились обратно, оставив гвардейцев в покое. А им это и требовалось, чтобы в спокойной обстановке наблюдать и получать новые разведданные, а затем передавать их своим войскам — в батальон, полк, дивизию.

Наблюдение за перемещением немцев в селе и за работами по укреплению их позиций наши бойцы вели до 17 часов дня. Поведение противника и его расположение были изучены досконально, разведчики и командир группы все данные занесли на карту. Каждый час, согласно приказанию, Хомченко выходил на связь с батальоном для доклада. Ровно в 17.00 ему было приказано пройти к бойцам и побеседовать с каждым в отдельности, объяснив, что от них ждут стойкости и мужества, борьбы до последнего, так как в 17.30 группа должна открыть огонь по противнику и всю тяжесть схватки принять на себя.

— Мы должны заставить противника всеми силами пойти на нас, отвлечь его от наступательных действий основных сил дивизии, а с наших огневых позиций — батальона, полка, дивизии — нас будут поддерживать минометным огнем, — ставил задачу бойцам ротный, внимательно вглядываясь в лица бойцов, как бы выискивая в них тень сомнения. Но бойцы были готовы стоять насмерть, с честью выполнить поставленную боевую задачу.

Убедившись, что настроение у его ребят хорошее, спокойное и боевое, командир приказал в 17.30 открыть огонь. Он был уверен в каждом солдате. И не ошибся.

Огонь гвардейцев был настолько неожиданным для фашистов, что они в первый час никак не могли понять, что происходит, откуда в их тылу оказались русские и каковы их силы.

Поначалу немцы бросились драпать из села. По сигналу с наших основных позиций был открыт интенсивный минометный огонь по огневым позициям фрицев. Это, конечно же, подбодрило бойцов группы, подняло их настроение и помогло успешно выполнить свою боевую задачу.

Паническое настроение немцев длилось недолго. Видя, что русские не наступают, а только ведут огонь, немцы несколько оправились от страха и полезли на нашу маленькую оборону.

Трудно описать весь дальнейший бой небольшой группы наших бойцов. Это был поистине огненный ад! Несколько человек даже не выдержали и оставили было свои позиции. Но здесь на выручку пришли разведчики — они каждые несколько минут меняли свои позиции, чтобы сбить фашистов с толку, отбивали их атаки, срывая их расчеты раздавить наш десант.

Командир возвратил солдат на свои места обороны, положение наших бойцов упрочилось, укрепилась и уверенность в победе. Командир приказал вести только эффективный прицельный огонь, поставив задачу на максимальное уничтожение противника.

Атаки немцев следовали одна за другой без передышки, фрицы лезли на нашу оборону как черви. Только мужество и имевшийся богатый опыт ведения боев в населенных пунктах, поистине невиданный героизм, проявленный каждым в отдельности и всеми вместе, небольшой горстки, как они сами называли, «маленького гарнизона» позволил им не только выстоять, но и выйти победителями в этом неравном бою.

На протяжении десяти часов бойцы сдерживали натиск невиданной силы немцев, лезущих на нашу оборону. Это были не отдельные, но сплошные атаки немцев. Несколько раз приходилось вызывать наш минометный огонь чуть ли не на себя, давая точные координаты немцев, и тогда гитлеровцы откатывались, и, хоть на недолгое время, но наши гвардейцы получали некоторое облегчение.

К часу ночи следующих суток наши бойцы израсходовали почти полностью свои боеприпасы, не осталось у них и гранат — а как они нужны в ближнем бою! Патроны на исходе, хотя взяли их, как полагали, в достаточном количестве. Выручили разведчики — они в короткие минуты передышки подбирались к убитым немцам и забирали их оружие, пополняли боеприпасы и обеспечили ими наших солдат, так что последние часы боя наши бойцы уничтожали противника его же оружием.

Этими героическими действиями небольшой группы солдат в ходе длительного изнурительного боя нашим войскам были созданы необходимые условия для наступления. Под покровом темноты саперы разминировали подступы к вражеским позициям, и где-то в начале третьего часа ночи в село ворвались подразделения 144-го гвардейского стрелкового полка. Вскоре общими силами немцы были выбиты из села, и полк погнал фашистов на северо-запад, тем самым создав условия для продолжения наступления всей дивизии.

Если подсчитать, какое количество фашистов было уничтожено группой гвардии старшего лейтенанта Хомченко в этом бою, так в это трудно даже поверить. Сотни трупов врагов лежали у их позиций, улицы и дворы сплошь были усеяны убитыми. Даже бывалые солдаты, прошедшие всю войну, говорили:

— Я столько не уничтожил этих гадов за всю войну, сколько за эти сутки!

С гордостью и радостью обсуждали недавние победители события прошедших суток, когда собрались все вместе и увидели, что не потеряли ни одного человека убитым, даже тяжелораненых не было. Недаром рядовой Пих, острый на слово, заявил связистам:

— По-видимому, на каждого из нас будет по 50–60 убитых гадов, да столько же на каждого связиста за их хорошую работу, когда они вызывали минометный огонь на нас.

Да, это были шутки, но правдивые и радостные, так как все остались живы.

Измученные, без сна, грязные от копоти и дыма, изнуренные беспрерывным боем, они выстояли, с честью выполнив проставленную командиром дивизии задачу, верные воинской присяге и гвардейской клятве, — вышли победителями.

Василий Яковлевич Хомченко вспоминает: «Мы приняли всю тяжесть боя на себя, мы отвлекли основные силы немцев и этим самым создали условия основным силам в завершении разгрома врага в преддверии общей победы.

Как жаль, что теперь я не могу назвать имена всех участников этого боя — не сохранился список роты — однако некоторых все же я помню. В числе, прямо скажу, героев боя были: Маслинский Станислав — белорус из Гродненской области, Пих — украинец из Каменецк-Подольской области, Астракулов Турсунбай — узбек, Дредун — из Брянской области, Сазонов — из Ростовской области, Маркелов Анатолий — парторг роты, не знающий страха человек, большой организатор, москвич или из Московской области, до войны, кажется, работал на заводе «Динамо». Жаль, что не сохранились в памяти остальные 14 человек из роты и беспредельно смелые, находчивые четыре разведчика, которые были присланы штабом полка. Важно еще раз сказать, что они были настоящими героями в полном смысле слова».

Дивизия продолжала наступление по Австрии в направлении города Линц. Чувствовалось приближение конца войны, настроение у солдат было приподнятое, враг отступал, почти не оказывая сопротивления.

В районе города Целлендорф гвардейцы 49-й дивизии наткнулись на заранее подготовленную оборону. Завязался жестокий бой. немцам помогала сдерживать наступление прилегавшая к Целлендорфу местность — ровная, как стол, и возвышающийся над равниной старинный замок, расположенный на холме с разбросанными вокруг домами небольшого австрийского городка. Взять город с хода не удалось, его обороняла эсэсовская дивизия «Мертвая голова». На вторые сутки дивизия успеха не также не добилась.

Маргелов взял в бой свой последний резерв — учебный батальон, которым командовал уже известный нам гвардии капитан В.Анфиногенов. Учебной роте старшего лейтенанта Коннова, который погиб в этом бою, удалось зацепиться за окраинные дома. Вскоре к нему подтянулась и рота капитана Андрианова, но дальнейшему продвижению вперед продолжали мешать пулеметные точки, оборудованные в каменных домах. Батальон залег. И тут бойцы батальона стали свидетелями необычного маневра, который совершили по приказу Василия Филипповича артиллеристы истребительно-противотанкового дивизиона, которым командовал подполковник Ищенко. Двенадцать орудий дивизиона, развернувшись в цепь, на предельных скоростях рванулись к Целлендорфу, развернулись в боевых порядках наступавших и открыли огонь прямой наводкой по огневым точкам немцев. Солдаты поднялись в атаку и, воодушевленные такой мощной и неожиданной поддержкой, смели фашистов. Через несколько часов город был полностью очищен от фрицев.

Действия артиллеристов были настолько смелыми и неожиданными, что их потери были минимальными: две подбитых и сгоревших автомашины.

Оказывается генерал-майор В.Ф.Маргелов перед тем как отдать приказ командиру дивизиона на выдвижение в боевые порядки наступающих, в дивизионном тылу несколько раз проиграл эту операцию на схожей местности. Потому действия артиллеристов были четкими, слаженными и заняли всего несколько минут.

Так смекалка, с определенной долей риска, проявленная Маргеловым, дала возможность выиграть и этот бой, один из самых последних боев дивизии.

8 мая 1945, когда в Берлине была подписана капитуляция гитлеровской Германии, года дивизия овладевает городами Зноймо, Голабрунн и Штоккенрау, за что получает тринадцатую благодарность от товарища Сталина. Двенадцать Сталинских Благодарностей получены дивизией под руководством командира дивизии гвардии полковника, а позже — гвардии генерал-майора, Героя Советского Союза Маргелова Василия Филипповича.

Глава 10
Бескровное пленение танкового корпуса СС

Готовы сдаться только дерзкому командиру. Награду «простили». Возвращение на Родину. Близнецы.

9 мая противник капитулировал и, не оказывая сопротивления, отходил в западном направлении.

10 мая в 15.00 в городе Грейн дивизия встретилась с передовыми частями и представителями экспедиционных войск союзников, входящих в состав 11-й танковой дивизии американцев. Встреча с союзниками оставила самые приятные воспоминания, память о которой храбрый генерал и его супруга, Анна Александровна, наша с братом-близнецом Василием матушка, сохранили на всю жизнь. На фотоснимках из семейного альбома, запечатлены некоторые из этих волнующих моментов. На одном из них — командир 11-ой американской танковой дивизии бригадный генерал Деггер от имени своего начальника, командира 12-го корпуса генерал-лейтенанта Лероя С. Эрвина. вручает командованию дивизии, в том числе — отцу, боевые награды США. Генерал Маргелов удостоился Командорской степени ордена «Легион Почета» и медали «Бронзовая Звезда».

Войну дивизия закончила 12 мая 1945 года блестящим бескровным пленением трех отборных немецких дивизий «СС» танкового корпуса СС: «Мертвая голова», «Великая Германия» и «1-я полицейская дивизия СС». Все они участвовали в операциях на Востоке. Когда 11 мая наши солдаты-победители уже поговаривали о скором отъезде на родину, генерал Маргелов получает боевой приказ: на границе Австрии с Чехословакией в районе городов Перг-Прегартен вышеуказанные дивизии СС и остатки других подразделений, в том числе — «власовцы», хотят сдаться в плен американцам, чтобы избежать расплаты за свои злодеяния на территории Советского Союза. Необходимо взять их в плен, в случае сопротивления — уничтожить. За успешное проведение операции ему была обещана вторая Звезда Героя, орден…

Отдав боевой приказ, командир дивизии с несколькими офицерами на «виллисе» поехал прямо в расположение противника. В качестве переводчика он взял неоднократно проверенного в боях начальника связи дивизии гвардии подполковника Котлярского Д.М. Сопровождала его машину батарея из трех 76 мм пушек, которая заметно отстала, а вскоре подъехал начастепени.

Вторая мировая война закончилась. Наиболее жестокая из всех известных доныне войн, она была подготовлена и развязана ненасытной агрессивной наднациональной финансовой олигархией с целью лишить многие страны свободы и независимости. Человечество потеряло более 50 миллионов человеческих жизней, на многие годы назад было отброшено его экономическое и культурное развитие.

Советский Союз находился в авангарде сил антигитлеровской коалиции в течение долгих шести лет, приведя к победе прогрессивные силы всего мира. Красная Армия и советский народ вынесли основную тяжесть войны против смертельного врага. Враги всех мастей получили ощутимый удар по зубам, но сущность их осталась прежней — они стали вынашивать новые планы попрания национальной независимости народов в угоду своим мировым ростовщическим амбициям.

Но советский народ под руководством своего Вождя — Великого Сталина, отметая предлагаемую «помощь» Запада в обмен на территориальные и другие уступки, за пять лет, в основном, восстановил народное хозяйство государства, упрочил его экономическую базу, создал Вооруженные Силы, оснащенные самыми современными по тому времени средствами для обеспечения надежной обороны СССР и его друзей. В послевоенном Советском Союзе реально проводилось дальнейшее укрепление безопасности страны,

которое на долгие десятилетия обеспечило реальную свободу и независимость советских людей и граждан стран социализма. И немудрено: во главе этого сложного процесса стояли военачальники всех степеней, прошедшие суровыми дороги Великой Отечественной войны в Победе. Многие из них стали крупными руководителями строительства Вооруженных Сил СССР, командующими родами и видами войск, крупными военачальниками. Им предстояло с появлением новых средств вооруженной борьбы разрабатывать новые концепции войн будущего, новые стратегию и тактику, учить войска и… учиться самим.

К их числу относится и генерал Маргелов Василий Филиппович. Полководческий талант, государственный подход к порученному делу и неизменное заботливое отношение к солдату навсегда вписали его имя в историю Вооруженных Сил нашей Родины, где он скромно и гордо числится «Десантником номер один», а Воздушно-десантные войска, созданные им, до сих пор любовно называют «Войска Дяди Васи». Но об этом во второй части книге — «Десантник номер один».

Часть II
Десантник номер один

За каждый шаг десантников в ответе,
Вы влюблены душой в свои войска.
И в том, что нету лучше их на свете,
Заслуга ваша очень велика.

Несут десантники,
Как символ, ваше имя,
С Маргеловым им служится смелей…
И вы в одном строю крылатом с ними
Встречаете свой славный юбилей!

из поздравления десантников
к 70-летию командующего, 1978 год

Глава 1
Командир воздушно-десантной дивизии

Выбираю десант! Послевоенные воздушно-десантные… 76-я Черниговская переходит в десант. Первый прыжок генерала В.Ф. Маргелова.

Генерал-майор Маргелов В.Ф. прибыл в Высшую Военную академию имени К.Е.Ворошилова 29 января 1946 года, имея только положительные боевые характеристики, что в первую очередь было отмечено в аттестации по выпуску.

Богатый боевой опыт, несомненно, помогал ему осваивать сложные науки высшего военного искусства. Вдумчиво изучив тактико-технические свойства родов войск, он грамотно мог использовать их возможности в бою современного стрелкового корпуса и в армейских операциях. Глубоко проработал пройденные темы и по курсу тактики высших соединений. Немалую роль сыграли в учебе и его добросовестная подготовка к занятиям, аккуратное выполнение всех заданий. Все это, равно как и владение командирским языком, энергичность и твердость в решениях, помогло ему заметно вырасти в военном отношении.

Хорошо генерал Маргелов усвоил армейские операции как в теории, так и на прикладных занятиях. Одновременно им были показаны хорошие знания теории современного оперативного искусства. При этом продолжал много и упорно работать над расширением своих знаний помимо программных вопросов. На преподавателей он произвел

впечатление своим умением хорошо разбираться в оперативной обстановке, проводить оперативные расчеты и делать правильные выводы, а также обоснованностью принятых решений и решительностью при проведении их в жизнь. Отлично усвоил Василий Филиппович фронтовую наступательную операцию. Преподавателей восхищало то, что штабные документы он отрабатывал не просто отлично — образцово, при отличном владении графикой и не менее хорошим ведении рабочей карты. Даже письма, написанные им в эти годы (да и позже), поражали своей аккуратностью и прекрасным почерком. Экзамены по оперативному искусству и военной истории (то есть, по основным предметам) сданы им на «отлично», а вот на государственных экзаменах получил оценку «хорошо». Как он сам в свое время рассказывал, поспорил при защите дипломной работы со стареньким генералом-профессором, никогда «не нюхавшим пороха», — чья дивизия сильнее — наша или американская? А уж дивизию-то союзников и их моральный дух боевой командир дивизии в 1945 году изучил хорошо! Потому и настаивал генерал Маргелов на том, наша — сильнее. Правда, позже академическая комиссия пришла к выводу, что молодой генерал прав. Старичка-профессора отправили на пенсию, но оценка осталась прежней — мол, не спорь с начальством…

В выпускной аттестации также отмечалось, что «Тов. МАРГЕЛОВ, дисциплинированный, волевой, решительный и в строевом отношении хорошо подготовленный генерал. Обладает усидчивостью и напористостью в работе. Здоров. Политически и морально устойчив. Скромный в быту и хороший товарищ. Принимал активное участие в партийно-политической жизни курса. Неоднократно делал доклады на предприятиях гор. Москвы с хорошей оценкой слушателей».

Вывод: «Достоин занятия должностей командира стр. дивизии или зам. начальника штаба армии», с чем и согласился генерал армии М.В.Захаров, бывший тогда начальником академии. 9 марта 1948 года это решение было передано в отдел кадров академии.

Накануне выпуска из ВВА им. Ворошилова в феврале 1948 года гвардии генерал-майора В.Ф. Маргелова вызвали на прием к Министру Вооруженных Сил Булганину Н.А. Ясно, что речь шла о новом назначении. Предварительно Василий Филиппович в беседе с представителем Главного Управления кадров уже высказал свое пожелание продолжить службу в Вооруженных Силах и не где-нибудь, а именно в Воздушно-десантных войсках — уж очень ему запали в душу боевые гвардейцы-десантники, сражавшиеся бок о бок с его гвардейцами 49-й дивизии в Венгрии и в Австрии в 1944–1945 годах. Слушатели академии на занятиях и во время самостоятельной подготовки часто спорили о формах и способах ведения современных войн и войн ближайшего будущего. Активное участие принимал в этих спорах и генерал Маргелов.

Позвольте небольшое отступление, чтобы напомнить об истории создания и развитии воздушно-десантных войск. Думается, что в наши дни далеко не всем известно, что СССР — родина массовых воздушных десантов. Днем их рождения считается 2 августа 1930 года, когда на учениях Московского военного округа впервые было выброшено подразделение десантников в количестве 12 человек, а также их вооружение. Десантники отлично выполнили поставленную тактическую задачу. В предвоенное время в ходе военных учений применялись воздушные десанты в несколько тысяч человек с вооружением и боевой техникой. Для их десантирования применялись самолеты ТБ—1 (гражданский вариант АНТ-4), ТБ-3 (АНТ-6), Р-5 (П-5). Основным военно-транспортным самолетом был ТБ-3 и его модификация — ТБ-3-4М**—1** 7Ф, в свое время единственный в мире самолет для массового десантирования.

Но ни ТБ—1, ни ТБ-3 не имели единой кабины: десантники-парашютисты располагались в разных местах фюзеляжа, что затрудняло передачу команд и указаний, а для десантирования им приходилось выбираться на фюзеляж или на крылья. Эти недостатки были устранены созданием самолета ЛИ-2 (на базе гражданского самолета ПС-84), уже в

1943 году он широко применялся для выброски воздушных десантников и перевозки тяжелого вооружения десанта.

ЛИ-2 — транспортный самолет, моноплан с двумя двигателями, его десантная нагрузка составляла 2200 килограммов груза или 14 парашютистов, в годы Великой Отечественной Войны его называли «королем воздуха», самолетом-тружеником. К Днепровской операции (сентябрь 1943 г.) десантирование проводилось уже с самолетов Ли-2. В августе 1945 года с этих же самолетов были высажены десанты в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и на Курильских островах.

В 1932 г. конструктором Гроховским был создан грузовой планер Г-31, позднее, в 1941 г. — ГР-29, также использовался планер О.К.Антонова А-7, Ц-25, однако широкого практического применения они не получили.

Восхищенные иностранные военные наблюдатели, присутствовавшие на этих учениях, быстренько перенимали это бесплатное боевое «ноу-хау» для создания своих национальных воздушно-десантных войск. И вторая мировая война уже очень скоро убедительно доказала, что применение массовых воздушных десантов позволяет добиться уверенной победы в крупных стратегических операциях с участием различных родов и видов войск. Ясно стало также и то, что без «крыльев десанта» — военно-транспортной авиации, десантники превращаются в пехоту, хотя и в пехоту особого рода — дерзкую, высокопрофессиональную, обладающую непревзойденными мужеством и стойкостью. Недаром в годы Великой Отечественной войны все воздушно-десантные части и соединения Красной Армии, в каком бы виде они ни применялись для ведения боевых действий, являлись гвардейскими!

В апреле 1946 года Советом Министров СССР и Генеральным штабом были выработаны основные мероприятия по обеспечению развития ВДВ. Воздушно-десантные войска были выведены из состава ВВС и включены в состав войск резерва Верховного Главнокомандующего. Подчинялись они теперь непосредственно министру Вооруженных Сил. Тогда же, в соответствии с постановлением Совета Министров от 3 июня 1946 г. и приказом министра ВС СССР от 10 июня 1946 г., была учреждена должность командующего ВДВ.

В основу организационного строительства Воздушно-десантных войск СССР были положены опыт их применения с начала тридцатых годов и в ходе Великой Отечественной войны, основные возможные задачи, характер и особенности боевых действий крупных и мелких десантов в тылу противника в отрыве от своих основных сил в течение достаточно длительного времени. При этом непременно учитывалось наличие и перспективы развития военно-транспортной авиации — тех самых «крыльев», которые дают десантникам возможность оказаться в считанные часы за тысячи километров от дома. Там, где их не ждут… А дальше как у Анатолия Пшеничного:

Десант внезапен, как кара Божья,
Неотвратимый, как Страшный Суд!

Как известно, после второй мировой войны наступил период острой политической конфронтации между США и их союзников по НАТО с одной стороны, и Советским Союзом, с другой. Эта война, получившая название «холодной», носила явно выраженный концептуальный, мировоззренческий характер. Встретились две Силы: Добра и Зла. Пусть читатель сам решит в меру своего понимания этих вечных реалий, какая из сторон представляла собой Силу Добра, а какая — Силу Зла. СССР выступал за установление мира на земле на основе свободного труда свободных людей, равных перед законом в своих правах при полном уважении национальных и культурных особенностей всех народов. США — на основе навязывания всем народам своего основного ростовщического принципа: возьми в долг и плати проценты, то есть навязывалась концепция образа жизни по «волчьим», или, как у нас еще совсем недавно говорили, по капиталистическим законам.

Отношение заправил США к СССР и России выражено в директиве № 20/1 от 18 августа 1948 года Совета национальной безопасности США, недвусмысленно названной «Наши цели в отношении России». В Советском Союзе в 1985 году была издана книга историка Яковлева Н.Н. (не путать с однофамильцем А.Н.Яковлевым, бывшим членом Политбюро!), «ЦРУ против СССР» (М., Политиздат. 1985), раскрывающая **эти цели** . Нет сомнения, что руководство Союза ССР при И.В. Сталине было осведомлено об основных аспектах этой директивы СНБ США. Для Москвы не было секретом, что иные государства и международные, в государственном отношении не оформленные силы, пытаются осуществить свои цели на территории России, внутри ее общества, вследствие чего имеют место заговоры и действуют их агенты влияния. Недаром же такая политика СССР в период с 1933 по 1948 год, характеризуется в этой директиве словами: «Мы слишком натерпелись за последние 15 лет». Терпеть им оставалось немного. После смерти И.В.Сталина в руководстве страны стали забывать об этой постоянной смертельной для России опасности. В конце концов пренебрежение интересами нашего государства привело к распаду СССР и последующим общенациональным бедствиям.

Но вернемся к приему у военного министра. Со слов отца, одновременно с ним Н.А.Булганин пригласил еще одного генерала, тоже Героя Советского Союза (не будем называть его фамилию). Рассказал генералам о Воздушно-десантных войсках, об их славном боевом прошлом, о том, что партия и правительство приняли решение развивать этот сравнительно молодой род войск.

«Мы верим в них, — подытожил свою речь Николай Александрович, — и считаем необходимым укрепить их боевыми генералами, отличившимися в годы Великой Отечественной войны. Как ваше мнение, товарищи?»

Тот, второй генерал, начал жаловаться на раны, полученные на фронте, сказал, что, мол, врачи-де не рекомендовали ему совершать парашютные прыжки. В общем, отказался от предложения министра.

Генерал Маргелов, имевший множество ранений за три войны, в том числе и тяжелые, да еще в ноги, задал в ответ единственный вопрос:

— Когда можно отправиться в войска?

— Сегодня же, — ответил Н.А.Булганин и крепко пожал ему руку.

Приказ о назначении генерал-майора В.Ф.Маргелова был подписан Министром Вооруженных Сил 30 апреля 1948 года.

По поводу другого «кандидата в ВДВ» министр приказал своему помощнику доложить, может ли сей генерал вообще продолжать службу в Вооруженных Силах. Смог. Уважая его геройское звание, нашли генералу «теплое» местечко в столице…

Управление ВДВ находилось в то время недалеко от Военно-воздушной академии имени Н.Е.Жуковского, на другой стороне Ленинградского шоссе, напротив Петровского дворца, где нынче находится центральный спортивный комплекс армии.

Помещение, в котором размещалось Управление ВДВ выглядело неважно. Деревянное, барачного типа здание не имело надлежащего вида, центральное отопление не работало. В холодные зимние дни помещение обогревалось дровами и углем с помощью чугунных печек. В коридорах было дымно и холодно. Все это напоминало суровую фронтовую обстановку периода недавно закончившейся войны. Правда, в коридоре, где находились кабинеты руководящего состава, было более уютно. Полы накрыли ковровыми дорожками, на окнах добротные шторы и занавеси. Вскоре Управление ВДВ разместилось недалеко от станции метро «Сокольники», на улице Матросская Тишина.

На следующий день генерал-майор Маргелов уже был на приеме у командующего Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта А.Ф.Казанкина, прославленного

десантного генерала времен Великой Отечественной войны. К своему радостному удивлению тут же он встретил своего хорошего знакомого еще с фронтовых лет генерал-майора Денисенко Михаила Ивановича, получившего звание Героя Советского Союза почти на три месяца раньше и тоже за форсирование Днепра.

Александр Федорович встретил их очень радушно, как лучших десантников, вернувшихся в свои родные войска после некоторого отсутствия. Он рассказал им о перспективах развития войск, предварительно расспросив генералов о службе, о том, как они представляют себя в качестве будущих командиров воздушно-десантных дивизий.

Генералы М.И.Денисенко и В.Ф.Маргелов после беседы с командующим, окрыленные пьянящим чувством предоставленного им права на почти что безграничную инициативу в своей новой будущей деятельности, поклялись друг другу сделать все, что в их силах, не жалея времени и здоровья, для развития уже полюбившихся им войск. В этот радостный для них день вступления в должность командиров воздушно-десантных дивизий они обменялись расписками-клятвами в том, что каждый из них совершит по шесть парашютных прыжков, по какому случаю они должны обязательно обменяться телеграммами. Свидетелем этого был оперативный дежурный по Штабу ВДВ — гвардии майор Чернецов Василий Иванович, десантник, ветеран Великий Отечественной войны. Он, теперь полковник в отставке, старший научный сотрудник Центрального музея Великой Отечественной войны, и поведал эту быль после осмотра домашнего Кабинета-музея 18 декабря 1993 года. Жаль, что не пришлось сбыться этой клятве. На очередном, третьем прыжке с парашютом 7 апреля 1949 года трагически погиб храбрый генерал Денисенко… Очень переживал Василий Филиппович потерю друга, но еще с большим вниманием лично сам он стал относиться к предпрыжковой тренировке и к совершению парашютных прыжков, добиваясь такого же отношения к воздушно-десантной подготовке личного состава дивизии, а впоследствии — корпуса и всех войск.

Вот как описывает прибытие генерала Маргелова в Штаб ВДВ его старый друг генерал-лейтенант Лисов Иван Иванович, длительное время бывший заместителем командующего Воздушно-десантными войсками по воздушно-десантной подготовке, мастер парашютного спорта СССР в своей, вышедшей в 1997 году, книге «Секунды, равные жизни» в главе «Десантник номер один». К великому сожалению — последней, ибо в творческих планах Ивана Ивановича было написание большой книги о своем друге Василии Филипповиче Маргелове. «Василий Филиппович Маргелов достоин отдельной объемной книги! Однако мне это сделать не по силам, да не совсем, может быть, корректно подчиненному писать о своем начальнике, хотя сейчас, в финале жизни, мы стали в одинаковом ветеранском положении.», — так написал И.И.Лисов в мемуарах «Секунды, равные жизни». Вот фрагмент из его воспоминаний:

«После окончания Белорусской военной школы в Минске мы с Василием Филипповичем Маргеловым, моим грозным старшиной, разъехались в разные стороны, но в границах нашего военного округа. Через друзей-однокашников мы, конечно, знали друг о друге не очень много, а когда я стал «полузасекреченным» парашютистом-десантником, мы потеряли всякую связь.

Закончилась Великая Отечественная. Я работал в штабе командующего Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта А.Ф. Казанкина, и вот неожиданная встреча спустя много лет. Был сентябрь 1948 года. Обычно в эти осенние дни в части и штабы прибывает молодое офицерское пополнение из военных училищ и академий. В приемной командующего толпились незнакомые мне офицеры в ожидании встречи. Каждый, естественно, волновался — ведь решалась судьба: кем быть и где нести нелегкую офицерскую службу. Я заглянул сюда в надежде встретить кого-нибудь из выпускников-знакомых и чуть не вскрикнул от удивления: в затемненном углу сидел Василий Маргелов. Я его сразу узнал, хотя прошло много лет. Вид у него был далеко не

бодрый.

Я подошел к нему со стороны, глянул на генеральские погоны и Геройскую Звезду и, чуть оробев, подумал — как ему представиться. И решил:

— Товарищ старшина! Помощник командира второго пулеметного взвода Иван Лисов — он же начальник оперативного отдела штаба Воздушно-десантных войск! Здравия желаю!

Он удивленно поднял голову, узнал меня сразу, обхватил за плечи, и мы крепко при всех расцеловались!

— Ваня, дорогой ты мой, наконец встретились! Давно ты здесь? Что делаешь?

— Да нет, Вася, всего год. А ты к нам на работу? Выйдем в коридор, там свободнее.

Когда мы оказались один на один, он спросил:

— Что это у вас за войска: летчики не летчики, пехота не пехота? Может, пока не поздно, сослаться на слабость здоровья и рвануть к своим сухопутчикам? Этот номер у меня вполне пройдет, ведь много ранений имею, да и жена Анка — капитан медицинской службы, такую болезнь придумает, что ни к небу, ни к воде меня близко не допустят, — улыбаясь, разглядывал меня Маргелов.

Я пригласил его в свою рабочую комнату поговорить «про жизнь десантную».

— Напрасно, дорогой мой Маргелыч, расстраиваешься, я ведь хорошо тебя знаю по нашей курсантской жизни, как сильного, волевого человека, инициативного, да еще с партизанским характером. Наши войска для тебя или ты для них — находка! Поверь мне и не сомневайся.

— Однако, Ваня, у вас тут все «сигают» с неба. А для меня легче три раза в атаку сходить, чем с парашютом прыгнуть. Не по мне ваш «цирк».

— Ну зачем так говоришь — никто из нас ни парашютистом, ни десантником не рождался, а вот побороли страх, не только привыкли, но и полюбили свое дело. Да и я всегда рядом буду — независимо, чем тебе командовать придется — не подведу! Соглашайся, Василий Филиппович! А если невмоготу будет, капитан медицинской службы тебя всегда сможет из-под купола парашюта вывести и в пехоту списать.

— Не слышал ли ты, Иван Иванович, куда и что мне могут предложить? — спросил Маргелов. — Надоело по углам да землянкам скитаться, ведь семья прочную базу требует.

— Не знаю, что конкретно тебе предложат, но сейчас для генерала твоего ранга есть должность командира дивизии и заместителя начальника штаба войск.

— Ты за кого меня принимаешь? — ощетинился он. — Я строевой офицер! Мне штаб противопоказан. Я был в свое время начальником штаба дивизии и понял: штабная служба не мое призвание, писать не люблю! Всю войну прошел вместе с людьми, а тут воюй с бумагами. Не пойдет!

— Пожалуй, ты прав. Штабная работа тебя не увлечет, хотя в твоем академическом дипломе армейская профессия определена как командно-штабная.

Тут к нам подошел адъютант и передал, что Маргелова ждет командующий для беседы. Маргелов встал, расправил гимнастерку, опустил гармошкой еще ниже блестящие голенища сапог и направился к двери вслед за офицером.

У меня была бумага на подпись командующему, и я вошел вместе с Маргеловым в «грозный» кабинет. Василий представился, его личное дело лежало на столе командующего. Он пригласил его сесть, быстро пробежал глазами по моей бумаге, подписал ее и передал ее мне. Уходя, сказал:

— Вася, когда командующий тебя отпустит, зайди ко мне.

— Что это за обращение к генералу, полковник Лисов? Он, что, родственник ваш, сват, брат? — недовольным голосом спросил А. Ф. Казанкин.

— Прошу прощения, товарищ командующий. Он мне больше, чем родственник, он мой друг и наставник — старшина курсантской роты, а я его подчиненный — помощник командира взвода, почти три года были вместе и три пятилетки не встречались!

— Надо же, где встретились! Успели вы рассказать вашему другу о наших войсках, завербовали в десантники? — спросил Казанкин.

— Не совсем, товарищ командующий. Но генерал Маргелов очень нужный нам командир, он просто по своему характеру десантник! Думаю, он от нас не откажется, быстро войдет в строй наших войск и не подведет нас, если доверите ему гвардейскую дивизию.

— Вы свободны, полковник! Мы побеседуем одни с Василием Филипповичем! — ведь я не летчик, а он не парашютист, оба пехотинцы, можно сказать однополчане — договоримся!

Я дождался возвращения Маргелова после беседы с Казанкиным. Вошел он ко мне с просветленным лицом и с ходу доложил:

— Можешь поздравить — уговорил старик и назначил командиром 76-й гвардейской Черниговской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии. Командующий сказал, что это одна из прославленных дивизий не только в корпусе, но и в войсках. В годы войны полсотни ее воинов удостоились звания Героя Советского Союза! Таких знаменитых дивизий мне не приходилось встречать.

— Ну, молодец, что согласился, рад за тебя — впереди широкая дорога, возможно, и в Казанкинском кабинете засядешь! Может, отметим это дело по-фронтовому, за твое назначение и рождение нового генерала-десантника?

— Ты маленько загнул, в этот кабинет я никогда не приду — душа не лежит. Загадывать не будем, служба есть служба. К сожалению, Ваня, я тороплюсь домой обрадовать своих, и сегодня же я уезжаю в Псков — командующий уже послал адъютанта за билетами. Отметим мое назначение, когда ты приедешь мою дивизию «инспектировать», договорились?

Таким было начало нашей совместной службы с моим бывшим «старшиной» в послевоенные годы. Никто из нас не мог тогда даже подумать, что до конца нашей армейской службы будем вместе. И на служебной лестнице также разместимся, как это было в далекие курсантские годы: он — командующий, а я — его заместитель!»

Очевидно, Иван Иванович догадывался, а, может быть, знал, что не просто так, не по воле случая генерал Маргелов оказался в Штабе ВДВ, и при этом разговоре просто подыгрывал своему старому другу. А уж на служебной лестнице они «разместились» не по божьей или чьей-то милости, а по воле Командующего Маргелова, ценившего по службе, в первую очередь, деловые качества офицеров и генералов. А профессиональные качества своего друга И.И.Лисова генерал Маргелов ценил очень высоко, больше того — он его уважал.

После окончания Великой Отечественной и второй мировой войн политическая обстановка во второй половине 40-х годов развивалась на фоне «холодной войны» между еще недавними союзниками.

Значительно менялся и взгляд на характер будущей войны. Многим военным стратегам будущая война представлялась в форме воздушно-десантной войны с широким применением средств массового поражения. Один из наиболее активных приверженцев такой войны бывший командир 82-й воздушно-десантной дивизии США генерал Д.Гейвин в книге «Воздушно-десантная война» (Воениздат, Москва, 1957) писал, что воздушная мощь является решающим элементом современной войны. «Больше шансов на победу будет иметь страна, располагающая лучше обученными и лучше вооруженными воздушно-десантными войсками.» (стр.157). Американцы, перейдя от теории к практике, увеличили в 1948 году свои ВДВ до 150 тысяч человек.

Советское правительство в качестве ответных мер к концу 1948 года к имевшимся десяти воздушно-десантным дивизиям (вдд), трем бригадам и специальным частям, входившим в 5 корпусов (плюс 5 авиатранспортных дивизий — атд) дополнительно развернуло пять вдд и две атд. Все воздушно-десантные войска были объединены в Воздушно-десантную армию (ВДА). 37-й ВДК и 1-я атд были переданы в непосредственное подчинение Главнокомандующего войсками Дальнего Востока.

Что из себя представляла дивизия перед приходом нового ее командира — генерала Маргелова В.Ф.? Чем она жила и как она переходила в воздушный десант?

В конце 1945 — начале 1946 годов гвардейская Черниговская Краснознаменная стрелковая дивизия передислоцировалась из Германии на территорию Советского Союза. С переходом на штаты мирного времени были осуществлены значительные изменения в организационной структуре соединения. Проводя организационную перестройку, осуществляя восстановление и строительство казарменного и жилого фонда, дивизия поддерживала высокую боеготовность.

Преобразование дивизии в воздушно-десантную произошло летом 1946 года. Овладение парашютно-десантной подготовкой началось с учебных сборов офицерского состава, проходивших в августе того же года. На сборах читались лекции об истории развития парашютизма, советских воздушно-десантных войск и задачах, решаемых ими в ходе боевых действий. Офицеры изучали парашютно-десантную технику, проходили наземную подготовку.

В конце учебных сборов для командного состава были проведены показательные парашютные прыжки с аэростата. Прыжки совершили начальники парашютно-десантной службы батальонов.

Так приступали к овладению парашютно-десантной подготовкой все категории личного состава дивизии. Зимой начались парашютные прыжки. Каждый солдат, сержант и офицер совершили по три прыжка с принудительным раскрытием парашюта. Для начинающих десантников это было пока спортом, и многие быстро увлеклись им.

Парашютные прыжки продолжались. Регулярно шли занятия по парашютно-десантной подготовке с офицерским составом. Стояла задача овладеть новой спецификой обучения и воспитания солдат каждым командиром.

Год от года росло мастерство парашютистов-десантников. Если раньше главной задачей ставилось обучение парашютным прыжкам, а действия «на поле боя» отрабатывались без десантирования, то с 1948 года начались ротные тактические учения с практическим десантированием.

В этот сложный и ответственный период реорганизации и преобразования дивизии, овладения личным составом парашютно-десантной подготовкой командовать дивизией в апреле 1948 года был назначен Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Маргелов Василий Филиппович, опытный командир, прошедший большой служебный путь и три войны: по освобождению Западной Белоруссии, финскую и Великую Отечественную — от звонка до звонка.

На опыте войны В.Ф. Маргелов убедился, что успех на поле боя сопутствовал тем подразделениям и частям, во главе которых стояли энергичные, инициативные и волевые командиры, не боявшиеся взять на себя ответственность за решение задач, возникавших в ходе боя.

Вот почему в новых, специфических условиях преобразования дивизии из стрелковой в воздушно-десантную он отчетливо сознавал, что в личном примере командира содержится успех обучения и воспитания подчиненных воинов.

Вступив в командование воздушно-десантной дивизией, генерал Маргелов В.Ф. всесторонне ознакомился с личным составом частей и подразделений, всесторонне изучил воздушно-десантную подготовку командиров и штабов и лично подготовился к совершению первых, ознакомительных прыжков.

В один из памятных майских дней гвардейский Черноморский воздушно-десантный полк проводил очередные плановые занятия по совершению парашютных прыжков с аэростата в дневное время с переходом на ночь.

Закончил совершать прыжки 1-й батальон, и на старт в готовности к совершению

прыжков выходил 2-й батальон, дело было к вечеру, но еще светло, и тут по рядам прошел слух: «Новый командир дивизии приехал!». И, действительно, через некоторое время к строю батальона подошел генерал в сопровождении командира полка полковника Аглицкого М.П., начальника парашютно-десантной службы полковника Зигаева А.И. и других офицеров.

Командир батальона майор Смирнов подал батальону команду «смирно!» и доложил генерал-майору Маргелову В.Ф. о готовности батальона к совершению парашютных прыжков. Командир дивизии, приняв рапорт от комбата, поздоровался с ним и с личным составом, на что батальон дружно ответил: «Здравия желаем, товарищ генерал!».

Затем командир дивизии с сопровождающими его офицерами подошел к правому флангу строя батальона, где находились офицеры управления батальона, и стал знакомиться с каждым в отдельности. Вот он подошел к старшине Михалеву Н.С., который четко представился: «Секретарь комсомольского бюро 2-го парашютно-десантного батальона гвардии старшина Михалев!». Комдив пожал ему руку и спросил:

— А почему не имеете офицерского звания?

Николай Михалев ответил, что в августе 1948 года собирается поступать в Ярославское, дважды Краснознаменное военно-политическое училище имени В.И. Ленина. А полковник Зигаев Александр Иванович добавил к разговору:

— Василий Филиппович, Коля Михалев — один из лучших комсомольских вожаков и отличный парашютист и спортсмен!

Александр Иванович как начальник парашютно-десантной службы (ПДС) проверил готовность старшины к совершению парашютных прыжков и разрешил ему совершить сегодня прыжок в одной команде с комдивом.

Командир дивизии заключил:

— Молодец, похвально! — и добавил: — Первый прыжок с парашютом — это большое и ответственное событие в жизни каждого человека. Совершить прыжок с летательного аппарата — это значит проявить смелость, мужество, волю. Как человеку, прошедшему три войны, этого мне ни у кого не занимать. Но, так как я добровольно вызвался быть десантником, то понимаю всю серьезность своего отношения к первому прыжку. Первый прыжок — это рождение парашютиста-десантника. И я готов сделать первый шаг в небо!

— Может быть, как отличный парашютист, составишь мне компанию вместе с Александром Ивановичем? Нет возражений?

Николай, немного волнуясь, ответил: — Товарищ генерал, посчитаю за большую честь совершить с Вами парашютный прыжок!

— Ну, вот и отлично! — сказал Василий Филиппович.

Даже более, чем через 50 лет, свою первую встречу с Василием Филипповичем Николай Сергеевич помнил до мельчайших подробностей.

С первого взгляда он показался комсомольцу-парашютисту, вроде как бы суровым, строгим, и тут же — располагающим к себе, доверительным, притягательным. Его сильной стороной было умение расположить, приблизить человека в беседе с ним, а затем уже — довериться и опереться на него.

Это подтверждалось его доверием к молодому десантнику, когда генерал предложил совершить совместный парашютный прыжок. Он тут же обратился к Зигаеву и сказал: — Ну, что, забирай с собой своего отличного парашютиста и пойдем готовить меня к первому парашютному прыжку, чтобы потом и из меня сделать надежного парашютиста-десантника.

После такого неожиданного решения комдива Николай изрядно заволновался. Заметив это, Александр Иванович сразу же его успокоил:

— Мужайся, Коля, и дорожи доверием!

Его теплые отеческие слова сразу успокоили комсомольского вожака, и он весело зашагал вслед за командирами.

И вот тут хотелось бы особо сказать об Александре Ивановиче Зигаеве. Это был глубокоуважаемый в войсках человек, высоко квалифицированный специалист,

заслуженный мастер своего дела. Его уважала армейская молодежь, и он ответно, трепетно любил комсомол, видел в нем надежного друга и помощника, и все это, вместе взятое, давало хорошие плоды в работе по обучению и воспитанию воинов-десантников.

Теперь наступил ответственный момент — Александр Иванович распорядился о подготовке «команды» к прыжку: вначале надели и подогнали парашют на Василия Филипповича, что было тщательно исполнено, а затем поочередно надели и подогнали парашюты Александру Ивановичу и Николаю. Начальник ПДС проверил правильность подгонки парашютов, определил очередность отделения от летательного аппарата в порядке весовой категории и повел парашютистов к аэростату. В аэростате они поочередно заняли свои места в корзине, Михалев устроился на откидном стульчике (который солдаты чаще всего называли «хлеборезкой»), так как по весу он был самым легким и должен был покидать корзину последним, а первым прыгал А.И. Зигаев, за ним перворазник — генерал В.Ф. Маргелов.

Аэростат быстро набрал положенную высоту — 400 метров, и аэронавт-инструктор стал отдавать команды: «Приготовиться!», «Пошел!» Все выполнили команды, благополучно отделились от аэростата и каждый завис в воздухе под раскрытым куполом своего парашюта. Все постепенно приземлялись: первым — Зигаев, вторым Маргелов, и вот Николай, приземляясь последним, увидел на площадке приземления небольшую группу скопившихся людей, к которой подъехала санитарная машина, и как санитары укладывали человека на носилках в санитарную машину. Он понял, что-то случилось во время приземления. Быстро освободился от парашютной системы и, оставив парашют несобранным, быстро побежал к группе людей. Но не успел добежать, как машина тронулась с места и уехала с площадки приземления в город. Когда он подбежал к месту, то сразу увидел, что на площадке приземления нет ни Василия Филипповича, ни Александра Ивановича. Испуганный Николай спросил: «Что случилось?» Ему ответили: «Комдив неудачно приземлился, видимо, перелом ноги, его срочно увезли в медсанбат. Вместе с ним уехал и А.И. Зигаев.» Это сообщение просто ошарашило старшину и расстроило до глубины души. Первый прыжок генерала и такая неудача! Тяжело переживая случившееся, он пошел собирать парашют, на котором совершил свой очередной — 26-й прыжок.

Хранится в домашнем Кабинете-музее живописный портрет, изображающий командира 76-й воздушно-десантной дивизии гвардии генерал-майора Маргелова Василия Филипповича перед совершением первого прыжка с парашютом… Армейский художник В. Конюченко с фотографии (ни разу в жизни не согласился Батя, к великому сожалению родных и друзей, позировать художникам, то отшучиваясь, а то и посылая всех подальше) написал сильного, волевого командира, в защитного цвета комбинезоне без знаков различия, готового к совершению прыжка. Кроме основного и запасного парашютов взял комдив свой боевой «маузер», пару гранат. Где-то в кармане комбинезона привязан десантный нож-финка. А ведь тогда ему уже было 39 с половиной лет и около десятка ранений, в том числе — в ноги!

Еще на Волховском фронте он лично уничтожал немецких парашютистов-диверсантов, которые вели огонь из автоматического оружия с воздуха, из-под куполов парашютов. Этот опыт не пропал даром — он учил десантников во время снижения обстреливать площадку приземления из автоматов, да к тому же метать вниз гранаты. «Прыжок — не самоцель, а средство вступления в бой! А бой начинается уже в воздухе…», — учил он своих гвардейцев. Через много лет, в 1995-м году, в песне полковника запаса Виктора Верстакова, посвященной памяти генерала армии Маргелова В.Ф., у которого он бывал дома в конце 70-х годов, прозвучали и такие слова:

Прыжок — не самоцель, мы знаем,
А средство для вступленья в бой!
а также:

— Воюй, десантник, головой, —
Учил нас генерал Маргелов.

…Яркое солнце заливает пространство, покрытое зеленой травой с полосой неброских среднерусских полевых цветов на переднем плане. В голубом небе уже собираются кучевые облака, сложный процесс их образования создает разные по силе и по направлению потоки воздуха. Метеослужба сообщает средний ветер по высотам, но, разогнавшийся на высоте малоопытный парашютист на неуправляемом тогда серийном десантном парашюте, при подходе к земле не всегда может погасить горизонтальную составляющую скорости снижения, и тогда может произойти беда… Может быть, что-то похожее и произошло с комдивом на первом прыжке…

Но на картине с изображением комдива с надетыми парашютами и решительным выражением лица — у земли пока еще тихий и ласковый ветерок слегка прохаживается волнами по травам и цветам, и парашютисты знают — надо торопиться, под облаками ветер уже набирает силу, скоро его порывы будут заметно ощущаться и у земли.

Через много лет, уже будучи Командующим ВДВ, на слова корреспондента «Красной Звезды», что, мол, о таких людях, как он, говорят, что они родились десантниками, генерал Маргелов ответил:

— Какое там родился! До сорока лет я смутно представлял, что такое парашют, мне и во сне прыжки не снились. Получилось это само по себе, а точнее, как положено в армии, по приказу. В 1948 году после окончания академии Генерального штаба меня вызвали в кадры и говорят: во время войны вы командовали морской пехотой, а сейчас на первом рубеже воздушные десантники, так что нужно возглавить десантную дивизию. Я человек военный, если нужно, готов хоть к черту в зубы. Вот так и пришлось, уже будучи генералом, совершить первый в жизни прыжок с парашютом. Впечатление, скажу вам, ни с чем не сравнимое. Над тобой открывается купол, ты паришь в воздухе как птица, — ей-богу, петь хочется. Я и запел. И тут же решил прыгнуть еще раз. Но на одних восторгах далеко не уедешь. Заспешил, за землей не следил, в итоге пришлось недели две ходить с перевязанной ногой. Получил урок. Парашютное дело — не только романтика, но и огромный труд и безукоризненная дисциплина. Этому я всегда учил своих подчиненных.

В парашютной книжке учета совершенных прыжков генерала В.Ф. Маргелова, также хранящейся в Кабинете-музее, указано, что первый прыжок совершен им 3 июня 1949 года, (что не соответствует действительности, но так уж иногда заполняются задним числом парашютные книжки офицерами воздушно-десантной службы, которые не особо утруждают себя сверкой с соответствующими приказами по части) с высоты 400 метров, с аэростата (а это уже сходится с воспоминаниями очевидцев)…

Два сына-близнеца, по 2,5 года от роду, которые, конечно же, ничего еще не понимали, с матушкой Анной Александровной на следующий день подарили отцу с загипсованной ногой, на костылях, по букетику тех самых полевых цветов, что изображены на картине, с площадки приземления. Специально для поздравления парашютиста-перворазника, сестра Анны Александровны — Вера Александровна — пошила мальчишкам военную форму с пилотками, а мать научила их, как правильно поздравить (в соответствии с воинским Уставом) отца с первым прыжком. У них на кителях красовались памятные знаки, посвященные 800-летию Москвы, привезенные накануне отцом из столицы. Снимок «военизированных» близнецов наряду с другими фотографиями постоянно находился на столе отца в его кабинете. И по сей день он украшает Кабинет-музей В.Ф.Маргелова, занимая то же самое место, как и при жизни генерала.

Потом были еще прыжки с парашютом, много прыжков…, пока 64-х летнему Командующему Воздушно-десантными войсками генералу армии В.Ф. Маргелову Министр

обороны Маршал Советского Союза А.А. Гречко лично, под роспись, не запретил совершать парашютные прыжки, кстати, после очередного повреждения ноги при приземлении. Но символ человека, поборовшего врожденное чувство страха перед высотой и совершившего прыжок с парашютом, — знак парашютиста-десантника — Василий Филиппович не снимал со своего генеральского кителя никогда, всегда носил его с гордостью.

Вспоминает генерал Павленко П.Ф: «Трудное это было время: везде были следы недавно закончившейся войны, особенно в обустройстве войск и жилье офицерского состава; особенно материально-техническая база боевой подготовки фактически была на нуле. К тому же прежний комдив крайне мало занимался делом и отличался нерешительностью, пассивностью.

Учеба в дивизии шла кое-как, организованность и дисциплина оставляли желать лучшего, некоторые командиры частей и офицеры штаба дивизии увлекались личными делами, даже завели коров и свиней. Дивизия была одной из отстающих в ВДВ».

Но вот дивизию принимает гвардии генерал-майор Маргелов Василий Филиппович. Приказ о его назначении и.д. командира 76-й вдд был подписан 30 апреля 1948 года. В начале мая — он уже в дивизии, приказом от 19 мая 1948 года генерал Маргелов В.Ф. утвержден в должности командира дивизии.

> «Все мы буквально в считанные дни почувствовали, что в дивизию пришел настоящий командир. Хорошо помню, что в первых числах мая 1948 года, будучи на методических сборах начальников разведки корпусов и дивизий ВДВ в Москве, я встретил прибывшего в командировку заместителя начальника политотдела дивизии по фамилии Лев. Он рассказал, что прибывший новый комдив «гоняет» всех и никому не дает покоя, непрерывно живет в частях и налаживает боевую подготовку. Не один раз он уже спрашивал, скоро ли возвратится начальник разведки дивизии. Так что ты, мол, держись. Многим из штаба дивизии он уже сделал серьезные внушения из-за того, что эта дивизия плетется в хвосте и ею недовольно командование ВДВ и корпуса».

Вскоре состоялась встреча комдива с начальником разведки дивизии. Войдя в кабинет, Павел Федосеевич представился командиру дивизии и доложил о прибытии со сборов. Василий Филиппович был в десантном комбинезоне — только что он совершил первый прыжок с парашютом (это было через пять дней прибытия в дивизию!) повредил при приземлении раненную еще на фронте ногу, которая белела свежей гипсовой повязкой.

Опершись на крышку стола, поднялся навстречу и предложил сесть. Беседа шла недолго, начальнику разведки дивизии понравился какой-то дружественный, доверительный характер разговора, как будто он знал начальника разведки давно. Да и что тут странного — он сам был дивизионным разведчиком в польскую кампанию и разведчиков он считал первыми бойцами. Это отношение к разведчикам сохранилось у него на весь период службы в ВДВ. И тут же командир дивизии объявил свое решение, которое для начальника разведки явилось неожиданным. Дело в том, что начальник штаба дивизии полковник Попов и начальник оперативного отделения подполковник Жаренов учились заочно в Академии имени Фрунзе и на днях уезжали на три месяца на экзаменационную сессию. И комдив тут же отдал распоряжение — начальнику разведки вступить во временное исполнение обязанностей, как он любил говорить, начштадива — начальника штаба дивизии.

Далее также использованы воспоминания генерала Павленко П.Ф., к сожалению, напечатанные столь мизерным тиражом, что являются недоступными широкому кругу читателей, которые, думается, с интересом ознакомились бы с ними.

Изучив состояние дел в войсках, комдив собрал совещание командиров частей и начальников служб дивизии и изложил им свои нелестные выводы: «Многие из вас и ваших

офицеров обросли мхом, живут по принципу «моя хата с краю», не болеют за дивизию. А некоторые от безделья страдают «японской болезнью» — «хоцу ецця». Тут Маргелов наглядно и жестом руки продемонстрировал суть «японской болезни», вызвав дружный смех присутствующих, что сняло напряжение и создало более свободную атмосферу.

Затем он поставил конкретные задачи всем частям по организации учебы, безукоснительному выполнению распорядка дня и развертыванию работ по созданию учебно-материальной базы. Каждый командир обязан был в конце дня обязательно лично докладывать, что им сделано по выполнению приказа.

Жизнь дивизии вскоре забила ключом.

Работали офицеры дивизии, не считаясь со временем. Новый комдив был настоящим «задающим генератором». Везде он успевал в течение дня побывать лично и увидеть, что и как делается, как командиры частей выполняют его указания и руководят учебой. Еще до рассвета — на аэродроме, где готовятся десантники к прыжкам, затем — на площадке приземления, на стрельбище, тактических учебных полях.

Не прошло и месяца, как все солдаты, не говоря уж об офицерах, хорошо знали в лицо своего командира дивизии и говорили о нем с гордостью. А Василий Филиппович запоминал тех солдат, сверхсрочников (позже прапорщиков) и офицеров, с которыми ему приходилось беседовать лично или по их выдающимся делам, и потом, через много лет, обращался он к ним по имени-отчеству, вызывая их чувство благодарности и стимулируя желание сделать еще больше во славу любимых войск.

Параллельно с организацией систематических занятий и учений шла большая работа по оборудованию стрельбищ, парашютных и спортивных городков, стрелковых тиров и других спортивных объектов. Переоборудовались казармы, шел ремонт домов для офицеров и их семей. Все офицеры управления дивизии, да и командиры частей, с каждой неделей все более убеждались в том, что их командир умеет не только воевать, но и строить, хозяйствовать в лучшем смысле этого слова.

Молодые ребята, вчерашние призывники, попавшие в дивизию, просто «балдели» от счастья, имея возможность проявить все свои заветные желания, которые они тысячи раз проигрывали в своих детских играх тех лет, играя в солдат-освободителей, в военных разведчиков, в казаков-разбойников, в общем, во все игры, навеянные послевоенным временем, прекрасным временем возвышения национального самосознания и реальной возможностью стать всенародным героем, приносящим мир и счастье всем людям, живущим на земле! Как жаль, что в наше время (конца 80-х и 90-х годов) юное поколение заставляют брать пример с героев американских «мультиков» и антихудожественных фильмов. А тогда героика военной службы, подогреваемая заслуженными боевыми военачальниками, полностью захватывала молодых солдат, заставляя в кратчайшие сроки овладевать сложным искусством защиты Родины. Их успехи в боевой и политической подготовке освещались в ротных, батальонных, полковых и дивизионных газетах; на родину отправлялись благодарственные письма родственникам и в трудовые коллективы, откуда призывались воины.

И молодые солдаты гордились вниманием к их достижениям, старались достичь еще больших успехов в боевой подготовке. А уж молодой десантник с парашютным знаком, прибывший в отпуск, вызывал всеобщее восхищение и зависть не только сверстников, но и тех, кто уже прошел суровыми дорогами войны. Не говоря уж о девчатах… Как шутливо говорил Командующий, любой десантник должен быть таким, чтобы молодые женщины, любуясь им, если не отдавались ему, то хотя бы думали об этом. Внутренне все понимали, что это парни особого склада — надежные, сильной воли, физически и морально подготовленные, готовые к любым превратностям судьбы. Поэтому-то было к ним особое отношение, особое доверие в жизни, особая любовь…

Именно благодаря этому (к сожалению, несколько позже) появился прекрасный патриотический фильм о десантниках «Максим Перепелица», который с большим удовольствием смотрел уже Командующий Воздушно-десантными войсками генерал В.Ф.

Маргелов.

С каждым днем росла у его подчиненных не только дисциплина и организованность во всех делах, но и глубокое, искреннее уважение к нему как к начальнику.

Командир корпуса генерал Грибов И.В. внимательно присматривался к новому комдиву. В одной из бесед он сказал Маргелову, что в соседней дивизии в городе Остров генерал Тавартkиладзе внедряет кое-что новое в обучение войск, создал неплохую материально-техническую базу, и там есть чему поучиться.

Намек был сразу понят. Через несколько дней, в конце мая, руководство дивизии и командиры полков во главе с Василием Филипповичем отправились в Остров, где в течение дня гостеприимные хозяева показывали соседям (разумеется, с подчеркнутым достоинством, как ученикам) военный городок, стрельбище, парашютные городки и другие учебные объекты, а в заключение свое мастерство продемонстрировали спортсмены-парашютисты.

На обеде, устроенном с грузинским гостеприимством, Василий Филиппович искренне поблагодарил братскую дивизию и ее командира за науку и пригласил командование с ответным визитом к концу лета.

Сразу же по возвращении домой каждый из участников поездки кратко докладывал комдиву о том, что он видел хорошего для внедрения у себя. Подводя итог, Василий Филиппович сказал, что теревов сколько было, глухарей! В реке Великой, протекающей через Псков, в изобилии водился снеток, так хорошо в вяленом виде подходившим к пиву, другие породы рыб, а какие там были крупные раки… Неоднократно и супруга его принимала участие в охоте и рыбалке. И жизнь, вроде, наладилась — получили хорошую квартиру. Не сразу, правда, сначала пришлось пожить на втором этаже дивизионного клуба… Но временами их воспоминания прерывались думами о будущем… Что-то их ждет впереди?

Глава 2
Командир 37-го ВДК

Особый корпус ВДВ. Первый прыжок офицера Кукушкина. Без юмора в ВДВ нельзя! «ЧП» устраняются по разному. Высокое назначение. Любить природу — быть человеком.

С конца 1948 года 37-й гвардейский воздушно-десантный Свирский Краснознаменный корпус стал особым корпусом в Воздушно-десантных войсках. Кроме трех воздушно-десантных дивизий (13, 98 и 99 вдд) в него входила 1-я военно-транспортная авиационная дивизия трехполкового состава с комплектом планеров Як—14, с большим количеством летного состава и пилотов-планеристов. 37-й гв. воздушно-десантный корпус и 1-я атд в 1948 году с прибытием в Приамурье, решением Главкома были оперативно подчинены Командующему 1-ой Отдельной Краснознаменной армии (1 ОКА), штаб и войска которой размещались на территории Амурской области.

1-ой ОКА командовал тогда известный военачальник, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Лелюшенко Д.С.

Решение о переподчинении было не лучшим. Большинство из руководства этой армии о десантных войсках и их специфике имели представление не больше, чем о царстве Божьем. И, тем не менее, вмешивались в дела корпуса, часто мешая делу.

Нормальным взаимоотношениям с десантниками не способствовал и командарм, человек властный и даже деспотичный. Решения, касающиеся корпуса, принимались иногда на эмоциях, непродуманно. Служебные совещания руководящего состава из деловых встреч командарм превращал в издевательские экзамены по знанию уставов и технических характеристик бронетанковой техники. Так что подчиненность эта доставляла комкору немало головной боли. В этих условиях Василию Филипповичу приходилось проявлять немалое искусство дипломата, чтобы как-то ослабить пресс армейского руководства на

войска корпуса и защитить офицеров от напрасных наказаний.

Вначале штаб корпуса располагался в г. Манзовка Приморского края, затем был переведен в г. Куйбышевка-Восточная (ныне — г. Белогорск).

Всю эту армаду частей, семей офицеров, боевой техники, парашютно-десантного имущества надо было разместить, укрыть, обогреть.

Корпус обустраивался на новом месте очень трудно, по существу он был, по существу, посажен на пустое место. Строительство шло постоянно. К примеру, зимой и летом 1952 года только в Куйбышевском гарнизоне строилось более двух десятков казарм, столовых и жилых домов. Такое же положение было в городах Свободном и Шимановске, там обустраивалась 99-я гв. вдд.

Большинство строек выполнялось силами частей корпуса в условиях жутких амурских морозов при постоянной нехватке строительных материалов. Вместе с тем в течение двух лет обустройство частей корпуса в основном было завершено. Это явилось заслугой не только самоотверженной работы офицеров и личного состава частей, но и командования корпуса, в первую очередь, комкора Маргелова В.Ф. Его энергия, напористость, исключительная тактичность при общении с местными властями и, наконец, личное обаяние были решающими в ряде сложных ситуаций. Во имя дела он не щадил ни себя, ни подчиненных.

Зимой 1952 года корпус навестил Главком войск Дальнего Востока Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский. Родион Яковлевич внимательно осмотрел все стройки и в целом остался доволен ходом обустройства и деятельностью комкора Маргелова.

Маршал побывал и в гостях на квартире у комкора в Куйбышевке-Восточной. Заехал он вместе с супругой и младшей дочерью Наташей, сверстницей близнецов. Родион Яковлевич только что вернулся из командировки в Москву и привез в подарок невиданное ранее мальчишками лакомство — большой шоколадно-вафельный торт, которого с избытком хватило всем присутствовавшим во время чаепития.

Во время встречи сыновья комкора успешно выполнили «боевую задачу», поставленную родителями, продекламировав для маршала фамильное стихотворение «Песня славит Сокола». Родион Яковлевич остался доволен «высокой военной выучкой» шестилетних «гвардейцев».

Время пролетело быстро — у всех нашлись общие темы для дружеских разговоров. Расставаясь, гости и хозяева выражали искренне удовлетворение от теплой встречи.

Корпус не только строил, но и усиленно занимался боевой подготовкой: стрелял, прыгал с парашютом, проводил тактические учения, осваивал десантную технику. Десантной выучке уделялось особое место, т. к. в те времена только она отличала десантников от обыкновенной пехоты.

Ветеран Воздушно-десантных войск полковник Кукушкин Алексей Васильевич попал в десантники случайно. В ноябре 1952 года, окончив Академию им. Фрунзе, его распределили (как ему сообщили) в штаб Воронежского военного округа (в те времена такой был). Но, вопреки его ожиданиям, приказом Министра ВС СССР маршала Василевского А.М., он был определен на Дальний Восток, в штаб 37-го гв. ВДК.

На Дальний Восток он ехал с нежеланием и глубокой обидой в душе. Товарищи, которых отбирали в ВДВ, еще осенью прошли медкомиссию на годность к прыжкам, а его, «брошенного как кур во щи» в десантники, лишили даже этой формальности.

Одному из авторов, в бытность его младшим офицером, выпала честь некоторое время служить в Управлении ВДВ вместе с начальником разведки войск полковником Кукушкиным А.В. Он являл собой пример настоящего советского офицера-профессионала высшего класса, доброжелательного, без тени высокомерия и превосходства всегда готового придти на помощь младшим по званию и опыту, как с равными поговорить с ними о

служебных и житейских делах. Таким он остался и поныне…

Его воспоминания, пронизанные глубоким уважением и любовью к Командующему, показывают генерала Маргелова В.Ф. в разные моменты его службы правдиво, без оттенка лести и чинопочитания. Благодаря любезному разрешению Кукушкина А.В. отрывки из его воспоминаний в настоящей книге раскроют многие стороны становления Воздушно-десантных войск, роли Командующего и его подчиненных в этом многосложном процессе, эпизоды из жизни десантников.

В этом плане большой интерес представляет описание А. В. Кукушкиным своего первого прыжка.

Погода зимой в Амурской области необычайная. Жестокие морозы, доходящие нередко до минус 50 градусов, студеная тишина, по-летнему яркое солнце и полное безветрие.

Десантники успешно пользовались таким погодным феноменом, как отсутствие ветра при ясной погоде, и большую часть прыжков и учений с десантированием проводили зимой. Прыгать запрещалось лишь тогда, когда температура воздуха была ниже 30 градусов мороза.

«Вместе с войсками учился и штаб корпуса — к десантной подготовке подключили и нас, новичков. Формальная медкомиссия в медсанбате, две тренировочные укладки парашюта ПД-47, и вот мы уже на предпрыжковой подготовке, точнее, на только что построенном парашютном тренажере — «костоломе Проничева». Опытные десантники наотрез отказались прыгать с него и со смехом предложили опробовать тренажер на новичках.

Первым поднимаюсь на скрипучее, на высоченных столбах нелепое сооружение. На самой верхотуре напяливаю на себя подвесную систему, соединенную через свободные концы с двумя тросами. Складываю руки на запасном парашюте и по команде инструктора Ильина С.П. прыгаю вниз. Метра через 3–3,5 свободного падения меня тряхнуло так, что слетела шапка и валенки. Я как дурак, босой и с голой головой, болтался на тросах в метрах трех-четырех над землей. Внизу, забыв о морозе, хохотали офицеры. Напялив кое-как брошенные мне валенки, старательно выполнил команды Ильина «Развороты по ветру», а затем по команде «Земля!» снова кирпичом полетел вниз и шлепнулся на кучу насыпанных опилок.

Товарищи со смехом и шутками поздравили меня с «первым» прыжком, но мне тогда было не до шуток.

Вторым прыгал другой новичок. Его эксперимент был более печален. Разбитый нос и ушибленное колено вынудили прекратить «тренажерный» эксперимент в нашей предпрыжковой тренировке.

Наверное, каждый десантник помнит день своего первого прыжка. Помню и я — 2 марта 1952 года.

Где-то часов в десять мы, офицеры корпуса, прибыли на площадку приземления Украинка. Прыжки шли уже во всю. Работали два аэростата, третий — запасной, огромным перезрелым огурцом стоял в загородке высоченного забора. Комкор Маргелов был уже на площадке и распекал командира корпусного батальона связи. Этот «отец» солдат половину батальона вывел на прыжки в сапогах. Досталось от комкора и кое-кому из корпусных начальников за бесконтрольность и наплевательское отношение к здоровью и заботе о солдатах.

Разобравшись с начальниками, Василий Филиппович подошел к связистам, весело поздоровался с ними и шутливо спросил:

— Чего это, товарищи десантники, скрючились как стариковский хрен? Радуйтесь — на прыжки пришли. А что в сапогах, то домой бежать будет легче!

Потом добавил какую-то байку о десантнике и, рассмешив солдат, пожелал им мягкого приземления. А командиру батальона громко приказал:

— Всех в сапогах пропустить на прыжок вне очереди, — чем еще больше подбодрил замерзающих связистов.

Обычная предстартовая суета с парашютами, проверка готовности, и мы уже на старте.

Первым на прыжок пошел комкор. В гондолу с ним сел начальник ПДС подполковник Паньков Г.П. — он всегда лично выпускал командира корпуса.

Впервые я видел, как поднимается аэростат и с замирающим сердцем ждал, когда генерал отделится от гондолы. Наверное, за прыжком комкора следили сотни глаз. Наконец-то аэростат остановился, развернулся по ветру, еще мгновение, и вот черная точка отделилась от него. Еще миг, и над человеком вспыхнул зонтик парашюта. Вздох облегчения. Невольная гордость за генерала всколыхнула, наверное, не только меня, но и многих подопечных комкора за генерала, уже в летах, избитого на войне, обремененного массой забот и огромной ответственностью. Возникла подленькая мысль, а нужно ли командиру корпуса лезть вперед и рисковать здоровьем и даже жизнью? И тут же возник ответ — надо! Вот так и только так должен поступать настоящий командир! «Делай как я!», — было правилом в жизни нашего комкора.

Василий Филиппович прыгал регулярно, иногда даже с риском. От прыжков никого не освобождал. Саботажников и трусишек вывозил на прыжки лично и, как правило, в выходной день. В Управлении корпуса не прыгал лишь один человек — начальник тыла корпуса полковник Жуков, человек пожилой и больной.

Где-то в 1954 году увлеченность комкора прыжками каким-то образом дошла до маршала Малиновского, и тот распорядился впредь генералу Маргелову прыжки с парашютом совершать только по его личному разрешению.

Генерал Маргелов В.Ф. обладал необыкновенным чувством юмора: он не терял его ни перед лицом опасности, ни перед вышестоящими начальниками, не стеснялся «похохмить» в общении с подчиненными, в том числе с солдатами. Таким же он был и в семье, а также в свободное от работы время, на отдыхе. Люди, понимающие юмор, не только не обижались на него, но любили Василия Филипповича за это, так как он тем самым легко выходил на доверительное общение, как бы ломая невидимые грани званий, возрастов, авторитетов.

Это чувство неистребимого юмора подмечено А.В. Кукушкиным с первой встречи с командиром 37-го ВДК.

Их знакомство состоялось несколько необычно, если не сказать забавно. До сих пор полковник Кукушкин не без улыбки вспоминает тот январский вечер 1952 года… Но все по порядку.

Прибыв в г. Куйбышевка-Восточная и выйдя из вагона, он окунулся в свинцово-туманную изморозь, перемешанную с едким дымом и паром от множества паровозов. Жестокий мороз под 40 градусов буквально сковывал все вокруг. Узнав у встречных офицеров, где располагается штаб корпуса, через четверть часа уже был на месте. Представился начальникам. Затем прошел в оперативный отдел, где предстояло работать. Офицеры отдела приняли его доброжелательно, с интересом, не в пример начальникам. Спросили, где остановился, есть ли деньги? Ознакомили с делами штаба, с юмором рассказывали о нелегкой десантной жизни. Дали весьма нелестную характеристику непосредственным начальникам и, вместе с тем, с юмором и теплотой отзывались о своем комкоре.

Непринужденная обстановка и шутки как-то сразу сблизили вновь прибывшего с коллективом офицеров — заслуженных, опытных десантников, многие из которых были значительно старше его по возрасту и опыту штабной работы. Все это несколько успокоило и развеяло тревожные и мрачные мысли Алексея Васильевича.

Однако надо было еще представляться командиру корпуса. Когда он появится в Управлении и будет ли вообще — никто не знал. Надо было ждать.

Генерал Маргелов В.Ф. появился в штабе часов в 20, а то и позже. Адъютант передал, что комкор готов принять офицера.

Зашел. Кабинет полуосвещен, горит настольная лампа и одна лампочка под потолком. В довольно просторном кабинете два канцелярских стола, поставленных Т-образно, десятка полтора простых стульев вдоль стен. В углу металлический сейф с двумя шлакоблочными

кирпичами наверху, по-видимому, строительными образцами. Портрет Сталина в рамке. Скромное убранство кабинета говорило о том, что хозяин его не очень-то долго засиживался здесь и был равнодушен к излишним украшательствам.

Посреди кабинета стоял генерал в гимнастерке со звездой Героя, синих шароварах с лампасами и в унтах.

Ладная атлетическая фигура, подпоясанная генеральским ремнем без портупеи, подчеркивали стройность и щеголеватую выправку комкора.

Приятное, если не сказать красивое лицо славянского типа несколько портил шрам на щеке.

Твердо сжатые губы и характерные складки подчеркивали решительный характер и волю.

В душе молодой офицер признался себе, что комкор ему понравился.

Он четко доложил, что прибыл для прохождения службы в штаб корпуса.

— Ты, академик, по честному скажи мне — с желанием прибыл к нам или нет? — хриплым голосом спросил комкор.

— По правде, товарищ генерал, без всякого желания!

— Григорий Павлович, — обратился он к подполковнику в авиационной форме, сидевшему у приставного стола (позднее Кукушкин узнал, что это был начальник ПДС корпуса Паньков Григорий Павлович), — ты посмотри на него! Еще и гвоздя не забил, а то же — не хочу у вас работать! Присылают к нам всяких мудаков будто у нас не десантный корпус, а румынский бардак!

Он нервно ходил по кабинету, торопливо затягивался папиросой и продолжал громко ругаться, не выбирая выражений.

Обозленный таким поворотом разговора, к тому же с утра голодный, «гость» резко прервал его, сказав:

— Товарищ генерал! Чего Вы ругаетесь? Вы спросили меня, я вам честно ответил. Но я Вам докладываю, что раз прибыл в корпус, значит и работать буду добросовестно.

— Спасибо! Уважил…, — насмешливо проговорил комкор и тут же задал ему в лоб другой, не менее провокационный вопрос.

— Скажи по-честному, водку пьешь?

— Пью, товарищ генерал!

— Ну, вот, такую мать! Всех пьяниц к нам в корпус присылают. У нас своих выпивох, как цыган на ярмарке!

— Товарищ генерал! Выпиваю не часто, лишь по случаю и умеренно, — пытался оправдаться Алексей Васильевич.

— Пить не надо вообще и даже умеренно.

И, слегка улыбнувшись в сторону Панькова, добавил:

— Ну, разве что в праздники, да и то революционные… А прыгать будешь?

— Раз приехал в воздушно-десантный корпус, значит и прыгать буду, — ответил офицер.

— Это уже лучше, — выдохнув струю дыма, сказал генерал.

— Теперь слушай, что надо знать десантнику, чтобы освоить прыжок с парашютом. Во-первых, научиться укладывать его. Хорошо уложишь — на 50 процентов жив! Во-вторых, правильно отделиться от самолета. Рот раскроешь — весь завтрак через задницу вылетит. Если отделишься коровой, обязательно что-нибудь да запутается, а если все сделаешь правильно, на 50 процентов жив будешь. И еще, во-первых, надо научиться правильно приземляться — тогда без костылей ходить будешь!

Комкор ходил по кабинету и, рубя рукой воздух, продолжал:

— Я вот по честному тебе, академик, скажу. Сам по два раза обе ноги ломал. Но, вот теперь освоил и ничего… хожу.

«Хохмит генерал», — подумал Кукушкин. И, будто угадав его мысль, Маргелов продолжил:

— Григорий Павлович! Скажи, разве не так?

Паньков молча улыбался, слушая этот генеральский инструктаж.

— Ну, теперь тебе все ясно? — улыбаясь спросил комкор.

— Так точно, товарищ генерал! Закажу брезентовые штаны пошире, чтобы из них все выдуло ветром, если, не дай Бог, при прыжке рот раскрою! — неуклюже сострил будущий парашютист.

— Ну, мудачок, хорошо, что понял кое-что, — улыбнувшись, принял комкор нелепую шутку, и уже серьезно заметил:

— Там у вас в отделе хорошие офицеры, присматривайся к ним, перенимай все лучшее и полезное.

Кукушкин сказал, что с офицерами уже познакомился и коллектив ему понравился.

— Ну, хорошо, давай приступай!

Когда рассказывал офицерам отдела, какой «прием» устроил ему комкор Маргелов, те едва не лопнули от хохота. Смеялся и он; при этом странным было то, что не было обиды за ругательства, которые комкор, вроде бы мимоходом, посылал в его адрес.

Уже позже Григорий Павлович Паньков, вспоминая этот эпизод, рассказал, что когда Кукушкин вышел из кабинета, Маргелов сказал, что из этого академика получится неплохой десантник.

Так с благословения Василия Филипповича в тот памятный вечер началась десантная служба Алексея Васильевича Кукушкина продолжительностью в тридцать четыре года.

Еще одним наглядным уроком для молодого офицера Кукушкина. явилось то, что он однажды увидел в одном из полков 13-й гвардейской дивизии. Тогда для воспитания боевого духа в войсках широко применялась самобытная наглядная агитация, в том числе в виде наскоро намалеванных плакатов, прославляющих боевую храбрость и решительность десантников.

Работая в этом полку, он увидел намалеванную полковым «баталистом» во всю стену казармы «картину» — на ней изображался эпизод боя, в котором десантники со зверскими лицами кромсают ножами и расстреливают в упор противника. Горы трупов, лужи крови.

— Не стыдно ли вам любоваться таким «шедевром»? — спросил он начальника штаба.

— Что вы говорите! Это сделано по заказу комкора в целях воспитания боевого духа солдат. Такие плакаты скоро будут во всех частях!

Позднее он понял прозорливость комкора. Солдатам нравилась такая «живопись», особенно, если изображенные рожи чем-то напоминали знакомых сослуживцев. Так что дело тут не в эстетике, а в воспитании у десантников таких качеств, какие нужны на войне.

Много легенд ходит о том, как командир 37-го воздушно-десантного корпуса генерал Маргелов предотвратил большую беду, обезоружив вооруженного автоматом солдата, готового стрелять в любого и каждого. Некоторые считают, что он проявил при этом «безумную храбрость». Но гораздо больше людей, знавших его не понаслышке, уверены в том, что иначе генерал Маргелов поступить не мог: то, что он как хороший психолог правильно оценил душевное состояние солдата — это одно, но не самое главное. Именно его отеческая любовь к своим «сынкам-солдатам» заставила отринуть смертельную для себя опасность ради спасения жизни и чести временно потерявшего душевное равновесие десантника, а также его сослуживцев.

В наибольшей степени совпадает с рассказом отца воспоминание об этом случае живого свидетеля «ЧП», бывшего тогда начальником отдела кадров воздушно-десантного корпуса гвардии подполковника Таминдарова Хуснутдина Шайхутдиновича. Таминдаров Х. Ш. родился в 1913 году в Башкирии, татарин, прослужил в Советской Армии с 1935 по 1961 год, в 1945 году освобождал от японских милитаристов территорию Китая, в 1950 г. после учебы на академических курсах в Москве был назначен начальником отдела кадров 37-го ВДК на Дальний Восток, после расформирования которого в 1956 году проходил службу до

1961 года в должности начальника отдела кадров 106-й воздушно-десантной дивизии в Туле. Не пришлась офицеру по душе после двадцати лет таежной дальневосточной жизни служба в Москве, даже в армейском аппарате, куда его было забирал только что назначенный Командующим Воздушно-десантными войсками генерал Маргелов В.Ф., к тому же не захотел он с тремя малыми детьми ждать год-два собственной квартиры. Вернулся в Тулу. После увольнения из армии обменял он свою трехкомнатную квартиру в Туле на равноценную в Башкирии, где проработал более тридцати лет начальником отдела бытового устройства Министерства социального обеспечения Башкирии.

Сразу после прочтения книги «Генерал армии Маргелов В.Ф.» («Полиграфресурсы», Москва, 1998) десантник-маргеловец, написал небольшие воспоминания о своем командире. По тексту добавлены и воспоминания других свидетелей изложенного ниже «ЧП».

«…У Вашего отца была солдатская душа. В своей книге Вы описываете отдельные события служебной и боевой обстановки, когда Маргелов, не дорожа своей жизнью, старался сохранить жизни десятков, сотен и тысяч воинов, и в то же время — победить врага. Но и в мирное время бывали моменты, когда приходилось действовать решительно, не считаясь со своей жизнью. Так, например, в 1953 году в 98-й воздушно-десантной дивизии произошло «ЧП». Солдат Сидоров (настоящую фамилию не помню), обиделся на своего командира роты, который обещал за хорошую службу предоставить ему отпуск, но не дал его. Назначенный часовым и находясь на посту, вооруженный автоматом, он напился и высказал намерение убить командира роты».

Командир роты, испугавшись, убежал. Подоспевший командир батальона приказал солдату положить автомат на землю и подойти к нему. Сидоров по-прежнему никого к себе не подпускал, а в ответ только и повторял: «Не подходите, я — часовой на посту, а не то — убью!» Волнение и шум нарастали. Подошел командир полка подполковник Власов, но солдат не подчинился и ему. Весь личный состав полка собрался и ждет, чем это кончится. Подъехал командир дивизии полковник Мороз — Сидоров не подпустил также и его, раздраженно выкрикивая свою угрозу убить любого при попытке подойти к нему. Командир дивизии, боевой ветеран Великой Отечественной войны, отступил от солдата и позвонил командиру корпуса генералу Маргелову, доложил о происшествии и попросил разрешения «во избежание ненужных жертв» применить по солдату оружие «на поражение». Комкор приказал не стрелять: «Ждать меня, выезжаю сам на место происшествия!» После чего позвонил подполковнику Таминдарову: «Таминдаров, зайди ко мне, выезжаем в 299-й парашютно-десантный полк — там «ЧП»!»

Приехав на место, генерал Маргелов увидел, что пьяный часовой спрятался и не подпускает к себе никого, повторяя угрозы застрелить любого, кто к нему приблизится. Солдаты его полка залегли кольцом вокруг поста, готовые открыть огонь. После доклада о происшествии командир корпуса приказал всем оставаться на местах, а сам направился… прямо к Сидорову. Комкора упрашивали не подходить к солдату, мол, лучше его застрелить — ведь убьет же!

Таминдаров Х.Ш. вспоминает, что у Маргелова был бельгийский пистолет, и он медленно приближался к солдату, заложив руки за спину. Но это не соответствует тому, что рассказывал отец. Если при нем и был пистолет, то только не в руках.

Приблизившись к солдату метров на двадцать, генерал Маргелов спросил: «Знаете ли Вы меня?» Солдат ответил утвердительно: «Да, знаю, Вы командир корпуса ВДВ.» Комкор отметил, что это очень приятно, и спокойным голосом сказал: «Положи автомат и подойди ко мне.» Однако солдат срывающимся голосом попросил не подходить, а то застрелит. «Я на посту и могу убить!» — почти простонал он. Позже генерал Маргелов сказал своим начальнику отдела кадров и начальнику политотдела Аксененко: «Когда солдат сказал, что знает меня, я почувствовал — психика его не нарушена.»

А в тот момент генерал Маргелов, уловив некую тень замешательства в голосе солдата, сделал еще несколько шагов к нему и громко и властно заявил:

— Слушай, солдат! Даю тебе честное генеральское слово, если отдашь мне автомат,

судить тебя не буду!

— Товарищ генерал! Не подходите, застрелю!

— Ах ты, мудак паршивый, стреляй, гад, в своего генерала! Меня фашисты расстреливали четыре раза и не убили! А ты, засранец, хочешь убить! Да тебя твои сослуживцы тогда растерзают! Положи автомат и подходи ко мне! Я тебя не дам в обиду!

Распахнув шинель, решительно двинулся к солдату.

Солдат явно растерялся. Такого оборота дела не ждал, и, видимо, трезвея, крикнул:

— А Вы, действительно, не накажете меня?

— Даю генеральское слово, что судить не буду!

После таких слов солдат медленно вышел из сарая, молча положил автомат у своих ног и остался стоять, даже не шевелясь.

Генерал быстрым шагом подошел к нему, обнял его, затем усадил его на лежащее рядом бревно, угостил папиросой.

— Ты, действительно, боевой солдат, — заявил он, — иди и садись в мою машину, поедем в штаб корпуса.

Комкор попрощался с командиром дивизии, а командиру полка, уезжая, едко заметил:

— Из тебя, подполковник, командир полка, что из собачьего дерьма пуля! (Вскоре комкор послал командира полка на курсы повышения квалификации в г. Рыбинск. В ВДВ его больше не видели…)

После чего сел в машину и приказал водителю трогать. Сотни солдат, сержантов и офицеров остались стоять на месте, пораженные поступком командира корпуса, не веря, что все так счастливо закончилось.

Прибыв в штаб корпуса, пригласили начальника политотдела корпуса полковника Аксененко и рассказали ему, как происходили события. Начальник отдела кадров подполковник Таминдаров рекомендовал отправить солдата для дальнейшего прохождения службы в другую часть, в саперный батальон. В.Ф. Маргелов согласился, приказав вызвать командира батальона и сообщить ему суть дела. Подполковник Таминдаров в точности и без промедления выполнил приказ комкора.

Так бы все и закончилось, да начальник контрразведки дивизии, где произошло «ЧП», шифротелеграммой сообщил Командующему Дальневосточным военным округом Маршалу Советского Союза Малиновскому Р.Я. в Хабаровск о происшествии с солдатом в г. Куйбышевка-Восточная.

На другой день командир корпуса В.Ф. Маргелов вызвал Таминдарова Х.Ш. и зачитал шифровку Командующего округом, в которой приказывалось солдата арестовать и судить судом военного трибунала, а генералу Маргелову объявлялось замечание за то, что он в мирное время пошел разоружать солдата, проявившего неподчинение командиру. Другие очевидцы утверждают, что в личном деле генерала записано взыскание «за безрассудную храбрость».

В одном интервью, отвечая на вопрос, правда ли это, генерал Маргелов заметил: «От Родиона Яковлевича Малиновского была мне хорошая взбучка, чтобы не подставлял грудь под непутевую пулю.»

Подполковник Таминдаров в душе был твердо уверен в том, что комкора Маргелова в момент опасной встречи с солдатом спасла только твердость духа. Однако приказ маршала нужно было выполнять. Вызвали комбата вместе с солдатом и объявили приказ. Командир корпуса поднялся, подошел к солдату, обнял его и заявил: «Я тоже солдат и подчиняюсь приказу маршала. Вас будут судить, но я буду настаивать, чтобы Вас не посадили в тюрьму, а направили в дисциплинарный батальон.» Впоследствии, по решению суда солдат отслужил шесть месяцев в дисбате, после чего был демобилизован из армии.

Командир корпуса уезжал в отпуск. Был теплый осенний вечер, и он, переодевшись в поезде по тогдашней моде в пижаму, вышел до отхода поезда прогуляться по перрону. Покуривая папиросу, он неторопливо прохаживался вдоль вагона. Вдруг к нему робко

подошел солдат в форме, но без погон.

— Товарищ генерал, разрешите обратиться? — спросил он, — я тот самый Сидоров, которого Вы спасли от тюрьмы, а, может быть, от глупой смерти.

— Сынок, — обрадовался генерал, — вот уж не думал, что еще когда увижу тебя. Куда направляешься? Есть ли у тебя деньги на дорогу?

Солдат рассказал, что едет домой, собирается продолжать учебу, работать, тем более, что в дисбате получил несколько строительных профессий. От денег стал отказываться, но Василий Филиппович понял, что они ему были бы совсем не лишними. Порывшись в карманах пижамы, он отдал солдату все, что было. Выкурив вместе по папиросе, генерал напоследок, не говоря лишних слов, обнял его и подтолкнул в сторону уже тронувшегося с соседнего пути поезда. Солдат прыгнул на подножку вагона и оставался стоять на ней, пока отец мог его видеть…

Подполковник Теминдаров Х.Ш. пишет: «Этот случай я описал потому, что генерал армии Маргелов В.Ф. и в годы войны и в мирное время в экстремальных обстоятельствах отстаивал интересы своих подразделений, частей, соединений и армии. В случае с солдатом Сидоровым Маргелов В.Ф. не думал о своей жизни, а спасал жизни многих солдат, в том числе и Сидорова.»

После окончания училища 12 лейтенантов (в том числе и Лушников А.П.) получили назначение для дальнейшего прохождения службы на Дальний Восток, в распоряжение Командующего Ставкой войск Дальнего Востока маршала Малиновского Р.Я.

Из них три выпускника прибыли в штаб Ставки в город Хабаровск. Ждут приема. Вдруг в приемную заходит генерал-майор, увидел их и спросил: «Куда, десантники, получили назначение?» Отвечают: «Еще не знаем, ждем приема». Генерал-майор говорит: «Я знаю, куда вас назначат», и пошел к Командующему. Почему он обратился к ним, назвав десантниками, было ясно. В то время десантники на левом рукаве носили знак различия — парашют с крыльями на нашивке в виде ромба, который звали между собой «курицей». Адъютант генерал-майора капитан Шапченов потихоньку сказал им, что это новый командир корпуса генерал-майор Маргелов В.Ф. Молодые офицеры, конечно, вспомнили этого генерала, когда он инспектировал их на первом курсе училища, вспомнили и его мизинец на правой руке.

Вскоре им вручили предложения по дальнейшему прохождению службы в 37-м гвардейском воздушно-десантном корпусе, расквартированном в городе Куйбышевка-Восточная Амурской области. Корпус год назад был передислоцирован из Приморского края и расквартирован (кроме одной дивизии, которая была расквартирована в городе Свободный) очень компактно в небольшом районном городе, в котором военных стало больше, чем местного населения.

По выходным или праздничным дням командир корпуса регулярно посещал военные городки, причем, как правило, с раннего утра. Ездил он на служебной автомашине марки «Победа» кофейного цвета.

Военный городок дивизии был расположен рядом с железной дорогой. Недалеко от забора, ограждающего военный городок, находился железнодорожный переезд, который, как правило, всегда был закрыт. Комкор никогда не ждал, когда откроется переезд оставлял машину и проходил мимо шлагбаума пешком. Зимой носил фуражку, несмотря на суровые морозы, летом ходил в гимнастерке с закатанными манжетами, всегда с палочкой или с прутиком в руках. Руки, как правило, держал за спиной. Очень любил беседовать с солдатами, особенно когда по городку следовала рота на занятия или в столовую. Он обязательно останавливал солдат и интересовался, как дела у десантников? Воспитывал у десантников уверенность и стойкость. Неоднократно приходилось слышать от него во время беседы с солдатами: «Окажешься внизу, все равно не сдавайся, а говори: наша берет». Такое непринужденное общение командира корпуса с личным составом вызывало уважение и гордость за службу в ВДВ. Такого командира корпуса знали все солдаты.

В своих выступлениях был всегда краток и выразителен. Многие его высказывания в виде афоризмов бытовали в среде офицеров, да и до сих пор бытуют, особенно среди тех, кто был близок с ним по службе.

Приведу одно из его высказываний, особо понравившееся слушавшей его аудитории. В то время поступило требование: каждый офицер должен иметь среднее образование. С этой целью при Доме офицеров была организована вечерняя средняя школа для обучения офицеров. Лушникову тоже пришлось пойти туда учиться. Там молодой лейтенант присутствовал на встрече с командиром корпуса (он же — начальник гарнизона) по случаю начала учебного года. Запомнилась лейтенанту немногословная, но очень доходчивая фраза: «Раньше надо было отнимать и делить! Сейчас нам отнимать не у кого и делить нечего. Надо учиться складывать и умножать!»

Аналогичных высказываний можно привести множество..

Вспоминается еще один эпизод, подтверждающий то, что командир корпуса всегда был в солдатских массах и жил их мыслями и настроениями.

Событие это случилось в конце 1952 года. Молодые солдаты совершали плановые прыжки с парашютом из самолета Ли-2. Выпускающих назначали приказом по части, как правило, из числа инструкторов парашютного спорта. А так как их было недостаточно, то приходилось и строевым офицерам-инструкторам, совершать по 15–16 подъемов в роли выпускающего. «Так вот, — вспоминает Лушников А.П., -вошел я в указанный мне самолет, принял 13 десантников. Проверил у них крепление карабинов на тросах в самолете, произвел осмотр ранцев основного и запасного парашютов.

Самолет взлетел, совершил разворот и вышел на боевой курс. По опыту я знал, что скоро последует сигнал «Приготовиться!», и встал у двери в готовности выпускать десантников. В это время открывается дверь кабины самолета и в дверном проеме появляется командир корпуса в фуражке и шинели. Я выпустил десантников, затащил во внутрь самолета вытяжные веревки — десантники прыгали с принудительным раскрытием, отцепил карабины и представился генералу Маргелову: «Выпускающий — лейтенант Лушников!»

Командир корпуса поинтересовался моим парашютным стажем, как часто мне приходилось выпускать парашютистов, сколько у меня прыжков. В конце он спросил, какое училище я закончил. Я ответил: «Алма-Атинское воздушно-десантное». — Хорошо, — удовлетворенно сказал комкор. Вскоре самолет приземлился и генерал из него вышел. — Надо же, — подумал я, — до всего генералу есть дело, на все хватает времени.»

К концу первого года офицерской службы Лушникова А.П. перевели из 116-го пдп в учебный батальон 13-й гвардейской вдд на должность командира учебного взвода.

Примерно в это же время после окончания военного училища в учебный батальон прибыли для дальнейшего прохождения воинской службы такие же как и он молодые лейтенанты: выпускник Рязанского училища Маргелов Г.В., сын командира корпуса, и выпускник Благовещенского училища Первухин Г.В., сын начальника особого отдела корпуса. «Это были трудолюбивые, добросовестные и порядочные офицеры, — отмечает А.П.Лушников, — причем, никаких помыслов о привилегированном положении с их стороны не было. Все тяготы и лишения службы нам приходилось переносить вместе, особенно в суровых условиях зимы».

Кроме кропотливой каждодневной боевой подготовки подразделения учебного батальона привлекались к несению караульной и гарнизонной патрульной службы, как правило, в выходные и праздничные дни.

В один из таких дней, а это было 7 ноября 1953 года, наша учебная рота в 17.00 заступила в наряд по несению патрульной службы по гарнизону на сутки (с перерывом для отдыха с 2.00 до 8.00 следующего дня).

Рано утром патрулей срочно вызвали в батальон, чтобы немедленно послать их на железнодорожную станцию и обеспечить там надлежащий порядок. Из комендатуры станции

ночью сообщили, что демобилизованные солдаты— «штрафники» разгромили киоски и буфеты на станции Свободный. Патрулям было приказано прибыть на станцию и не допустить подобных безобразий.

Патрулей посадили в бортовую автомашину ГАЗ-51, и они сразу же поехали на станцию. По прибытию им выпало наблюдать следующую картину: на перроне перед вагоном поезда стоят в шеренге 12 пьяных солдат, а перед ними в фуражке и в расстегнутой шинели с «маузером» в руке ходит и приводит их в порядок командир корпуса — генерал-майор Маргелов В.Ф.

Десантники сразу оцепили перрон и вагон с «дембелями». Командир корпуса остановился перед одним из солдат, у которого пилотка была надета наоборот — звездочкой назад, и спрашивает: где звездочка? Солдат, нагло улыбаясь, берет пилотку, переворачивает ее звездочкой к генералу и отвечает: «Вот она, товарищ генерал.» Генерал Маргелов повторил еще раз свой вопрос — ответ был тот же. Тогда командир корпуса объявляет солдату 15 суток ареста и приказывает патрулю забрать солдата в комендатуру. До прибытия патрулей 15 суток было объявлено еще одному разгильдяю — за попытку оказать физическое сопротивление генералу. Его тоже забрали в комендатуру.

Оказалось, что генерал-майор В.Ф. Маргелов сразу же после того, как ему сообщили о безобразном поведении солдат на станции Свободный, пошел пешком через железнодорожные пути на станцию Куйбышевка-Восточная (штаб корпуса и его квартира находились по другую сторону от станции).

Вскоре подошел поезд. Генерал подошел к вагону, из которого начали выходить отдельные солдаты. Комкор зашел в вагон и потребовал всем выйти и построиться на перроне. На его требование отдельные солдаты реагировали возбужденно, а один из них, находящийся на второй полке, бросился на генерала. Последний, угрожая «маузером», силой усмирил солдата, объявив ему 15 суток ареста. Наиболее активных нарушителей порядка в количестве 12 человек генералу удалось вывести из вагона и построить на перроне.

Таким образом был обеспечен порядок на станции Куйбышевка-Восточная. Главную роль при этом сыграл командир корпуса генерал В.Ф. Маргелов.

После отправления поезда комендант гарнизона майор Рекало обратился к генералу с вопросом: «Товарищ генерал, вы рискованно пошли в вагон один, не дождавшись патрулей.» На что комкор ответил: «А за что же мне Героя дали?»

В послевоенные годы офицерам жилось трудно. Большинство ютилось на частных квартирах, некоторые умудрялись держать кур и даже коров.

«Скромно жил и комкор Маргелов В.Ф., — вспоминает А.В. Кукушкин. — Он занимал половину одноэтажного барачного типа строения напротив штаба корпуса. Оно отличалось от других тем, что было обнесено двухэтажным дощатым забором. Жена его, Анна Александровна, симпатичная женщина, работала врачом в гарнизонной поликлинике, слыла хорошим специалистом, поэтому попасть к ней на прием считалось престижным».

Большим событием в этот период стала неожиданная смерть Генерального секретаря ЦК КПСС, одного из руководителей Советского государства, видного теоретика и пропагандиста марксизма-ленинизма, Генералиссимуса Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина. Сообщение о том, что 5 марта 1953 года скончался И.В. Сталин, потрясло всю страну, весь советский народ. В городах и селах, в армии и на флоте, во всех уголках нашей страны стихийно проходили траурные митинги и собрания. Люди плакали, как бы потеряв родного и близкого им человека. С именем Сталина связана вся история нашего социалистического государства, грандиозные победы советского народа в Великой Отечественной войне с фашистской Германией и империалистической Японией.

После завершения войны коммунистическая партия и советское правительство во главе со Сталиным провели огромную работу по мобилизации советского народа на борьбу за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, укрепление мира и

безопасности народов всех стран. Вместе с тем, учитывая сохранившуюся опасность войны наша партия и правительство принимали меры по дальнейшему повышению обороноспособности страны, техническому перевооружению Советской Армии и Флота, что особенно ярко проявилось в деле развития Воздушно-десантных войск.

Впоследствии, после смерти Сталина, партия, руководимая «верным ленинцем-сталинцем» Никитой Хрущевым злобно и предвзято оценила его многолетнюю патриотическую деятельность, направленную на укрепление политической и экономической независимости Советского Союза. Им, «верным последователям», было что скрывать от народа. Свои злодеяния они попытались свалить на И.В.Сталина. отсюда и «исторические решения» XX съезда КПСС (1956 г.), «осудившие культ личности Сталина, как явление чуждое духу марксизма-ленинизма, природе социалистического общественного строя». Все это вызывало у генерала Маргелова чувства глубокого раздражения и негодования.

Смерть Сталина вызвала в стране всенародную траурную демонстрацию. В день похорон по всей стране было приостановлено движение и трудовая вахта на предприятиях, учреждениях и учебных заведениях. Масса людей всеми видами транспорта устремились в Москву. Начальнику политотдела 105-й воздушно-десантной дивизии полковнику Золотову С.М., как он вспоминает, «посчастливилось быть на похоронах Сталина в составе делегации от Костромской области. Трудно охарактеризовать все, что пришлось увидеть и почувствовать в это скорбное время. Казалось, что нет большего всенародного человеческого горя. Десятки и сотни невинных людей стали жертвами морального и физического давления в эти трудные дни. Трудящееся страны и советские воины поклялись тогда преумножить свои усилия в борьбе за укрепление экономического и военно-политического могущества нашей Родины».

Воздушно— десантные войска, скорбя вместе со всем народом о кончине Сталина, ответили небывалым патриотическим подъемом, приняв повышенные обязательства успешно закончить зимний период обучения, полностью и без тяжелых травм выполнить план парашютных прыжков, организованно провести тактические учения с боевой стрельбой.

Лето 1953 года было особенно тревожным. США все больше втягивались в войну в Корее. Несколько провокационных налетов было совершено американской авиацией даже на объекты в Приморье.

Но особенное беспокойство и тревогу в обществе вызвало необдуманное популистское решение тогдашних правителей во главе с Ворошиловым К.Е. о всеобщей амнистии заключенным.

Многочисленные эшелоны зеков словно бурный поток двинулись на Запад. По пути следования уголовники учиняли погромы и, буквально как ураган, сметали и грабили ларьки и магазины на станциях. Многие из них как тараканы разбегались из эшелонов и оседали в окрестных городах и поселках.

Из Хабаровска пришел приказ: к каждому эшелону, прибывающему на станцию, высылать вооруженную роту десантников, чтобы предотвратить грабежи и погромы.

Участились разбои и убийства, и в нашем гарнизоне комкор своим приказом разрешил офицерам носить личное оружие. Многие тогда жили в напряжении и постоянной тревоге, опасаясь за жизнь близких.

Как-то летом, будучи дежурным, я был свидетелем любопытного разговора генерала Маргелова В.Ф. с начальником штаба генералом Савчуком В.И.

— Знаешь, Валерий Иванович, сегодня едва с ума не сошел. Рано утром слышу — кто-то ходит в соседней комнате. Мысль — бродяги залезли! Схватил «маузер» и думаю, как только откроют дверь в нашу комнату, сразу же влеплю в лоб пулю. И тут открывается дверь, и к нам вбегает один из моих близняшек! Пистолет буквально выпал из рук… Ты понимаешь, что могло бы случиться?! До сих пор не могу очухаться!

Осенью этого же года, вопреки желанию, меня определили работать в десантном отделе штаба Дальневосточного округа. Комкор долго не отпускал, собирался говорить с Командующим, но, в конце концов был вынужден откомандировать меня в Хабаровск.

Встречи с генералом Маргеловым стали редкие и то по случаям, когда он приезжал в Хабаровск или мы — в корпус.

Десантный корпус считался одним из лучших соединений в войсках округа, а его командир — комкор Маргелов В.Ф. — авторитетнейшим и, пожалуй, самым известным генералом. Утверждение это — не искусственная дань Василию Филипповичу. Работая в Управлении командующего ДВО, мы знали состояние всех войск округа и цену их командирам.

Полагаю, что время командования 37-м гв. ВДК и служба на Дальнем Востоке были не худшим периодом в жизни Василия Филипповича Маргелова на пути его становления крупным военачальником в Советской Армии.»

Бывали и поучительные и забавные случаи, которые в 37-м ВДК сразу обрастали «подробностями» и становились поистине легендами. О них также поведал Алексей Васильевич Кукушкин.

«Обучение корпуса шло полным ходом. Отступление от программы, более того, срыв ее, карались беспощадно.

Комкор в полной мере требовал отдачи и от штаба. Этому обязывала и обстановка. В Корее шла война, широко применялся напалм и даже смертоносные бактерии. Личному составу корпуса была проведена вакцинация от чумы и холеры.

Василий Филиппович постоянно был в войсках, мы, офицеры штаба, постоянно сопровождали его на всех учениях и проверках. Это была хорошая школа для нас, операторов. Мы уже знали, что результаты обобщенной работы комкор может потребовать в любой момент, и к этому тщательно готовились. Он всегда требовал конкретных ответов, с примерами, фамилиями и выводами.

Как-то весной 1952 года по тревоге был поднят 116-й гв. воздушно-десантный полк. За ночь полк совершил 20-ти километровый марш-бросок и утром возвратился к месту дислокации. Я, как направленец этой дивизии, прошел с полком весь маршрут и, вроде бы, хорошо знал промахи и успехи в его действиях.

На совещании офицеров Управления корпуса Василий Филиппович приказал мне сообщить о действиях полка. Я по порядку доложил обо всем. И вдруг комкор задает мне вопрос:

— Сколько в полку было отставших на марше и сколько человек с потертостью ног?

Я ответил, что отставших было человек 30–40, потертостей много, а сколько точно — не знаю.

— Вот так — «приблизительно» — работают наши офицеры! — с возмущением заметил комкор и сам назвал точные цифры.

Я готов был провалиться от стыда и позора. Урок на будущее получился хороший.

Авторитет комкора Маргелова В.Ф. был незыблем, требовательность была всегда по существу, без мелочей и пустяковых придирок. Командиры дивизий и частей это знали. И если кто-либо допускал промах, то знал, наказание будет неизбежным, но справедливым, без унижений и оскорблений.

В корпусе, да и не только в нем, о генерале Маргелове В.Ф. ходило немало забавных рассказов, солдатских баек, порою на грани легенд. Что-то из них в действительности имело место, а кое-что было казарменным фольклором, вымыслом.

В частности, помнится рассказ, как генерал Маргелов В.Ф. где-то застукал выпивающих солдат. Оставалось выпить еще полбутылки и, надо же, внезапно нагрянул к ним не кто-нибудь, а сам комкор!

— За что пьете, десантники? — спросил генерал.

— Да, товарищ генерал, вот у Кольки день рождения, так что простите нас…, —

заикаясь от страха промямлил один из них.

— Ну, что же! Вам уже хватит, а я, если не возражаете, за здоровье Кольки не прочь выпить!

И тут же вылил в кружку оставшуюся водку и одним духом осушил ее.

— А сейчас, марш все в казарму! — скомандовал комкор.

Десантник Колька, если жив, наверняка и сейчас помнит, как комкор Маргелов выпил кружку водки за его десантное здоровье.

Другому случаю свидетелями было несколько офицеров штаба корпуса. Дело было так. Маргелов В.Ф. ехал из Никольского гарнизона и по дороге встретил солдата. Выяснилось, что он возвращался из самоволки. Разбираться с ним не было времени, да и уже темнело. Узнав фамилию самовольщика и номер части, комкор спросил:

— Штаб корпуса знаешь где находится?

— Знаю, товарищ генерал!

— Так вот, если через полчаса не будешь там, чтобы разобраться с тобой до конца, сгною на гауптвахте! Понял?

— Так точно, товарищ генерал!

А от Никольского гарнизона до штаба было не менее 5–6 километров, так что солдат явно не смог прибыть туда вовремя.

Отдав приказ, комкор сел в «виллис» и поехал.

Офицеры рассказывали, что вслед за прибывшим в штаб Маргеловым появился солдат, который доложил, что его срочно вызывает комкор.

Появившись в кабинете, солдат доложил оторопевшему от неожиданности Василию Филипповичу, что прибыл по его приказу. Придя в себя, Маргелов спросил:

— Как же ты, стервец, успел так быстро добраться сюда?

Солдат, улыбаясь, признался, что он, когда комкор садился в машину, прицепился на запасное колесо «виллиса» и вместе с ним доехал до штаба.

Василий Филиппович искренне смеялся, восхищаясь десантной находчивостью самовольщика, и приказал дежурному отпустить с миром этого пройдоху.»

В августе 1953 года генерал-майор Маргелов В.Ф. был вызван в Москву. Решался вопрос о его назначении Комендантом Москвы вместо генерал-лейтенанта Силинова. Высокая комиссия тщательно изучила его биографию, послужной список, характеристики, выданные в разное время. Вызвали для беседы генерала Маргелова.

— Товарищ Маргелов, есть предложение назначить Вас Комендантом Москвы. Как вы на это смотрите?

— Спасибо большое за доверие. Единственное, чего я боюсь, так это чтобы международного скандала не вышло.

— Как это!?

— Да, понимаете, ведь придется и с иностранцами встречаться, какие-то вопросы с ними решать. А я, знаете ли, человек крутой, если что не по мне, так все открытым текстом и выскажу. Да еще в соответствующих выражениях.

— Каких это еще «соответствующих выражениях»?

— Которые, как правило, называют непечатными!

Комкора попросили подождать за дверью, а озадаченная комиссия, впервые, по-видимому, столкнувшаяся с таким феноменом (Надо же! Отказаться от такой «теплой» должности, на виду у самого высокого начальства!) Наконец комиссия пришла к единому мнению — такой человек на это место не подходит: всех перепугает. Комкор, узнав об этом решении, вздохнул с облегчением: «Сам я того не хотел. Не хочу быть милиционером.»

На Дальний Восток он вернулся с новенькими погонами генерал-лейтенанта (Постановление СМ СССР от 3.8.53, приказ МО от 4.8.53). Но до возвращения в корпус ему пришлось вместе с другими маршалами и генералами караулить до решения Специального

судебного Присутствия Верховного Суда СССР Лаврентия Берию и его сподвижников. Причем, по рассказу отца, Берию лично расстрелял генерал Якубовский И.И., будущий Маршал Советского Союза.

Однако решение о дальнейшей судьбе генерала Маргелова «в верхах» было все-таки принято. Маршал Советского Союза Р.Я.Малиновский и командующий Воздушно-десантными войсками генерал-полковник А.В.Горбатов, когда у Министра обороны зашел разговор о кандидатуре командующего ВДВ, не сговариваясь, предложили на эту должность комкора Маргелова Василия Филипповича.

В самом конце весны 1954 года — 31 мая комкор Маргелов В.Ф. приказом Министра обороны был назначен Командующим Воздушно-десантными войсками. Провожали его в Москву тепло, всем корпусом. Искренне жалели, что он уходит и, в то же время, гордились, что наш комкор, а не кто-то другой назначен на эту высокую должность.

«Много лет спустя я полностью осознал, — пишет полковник Кукушкин, — как повезло нашим войскам, что во главе их, теперь уже в далеком 1954 году, был поставлен именно Маргелов В.Ф., самый молодой и не самый опытный из комкоров ВДВ. Надо отдать должное и прежнему командующему ВДВ — генерал-полковнику Горбатову А.В., его уму, прозорливости, да и смелости рекомендовать на такую высокую и ответственную должность генерала Маргелова В.Ф.»

Домой отец неоднократно привозил с охоты маленьких диких животных, отбившихся от матери. Даже в московской квартире у него в разное время жили маленький, еще полосатый, кабанчик, а потом — медвежонок. Близнецам доверяли прогуливаться с ним у дома на Смоленской набережной. На всякий случай одевали на Мишку ошейник, хотя он себя вел очень миролюбиво и охотно играл с восхищенной детворой. Пока он был совсем маленьким его кормили с пальца манной кашей. Обсасывая палец, он смешно сопел и вся семья любовалась этим. Но звери росли, держать их дома становилось небезопасно и их отдавали в зоопарк или как Мишку — в десантную роту. Когда через много лет повзрослевшие близнецы приехали в это подразделение, то увидели здоровенного медведя, который послушно ходил за солдатами, и виртуозно преодолевал вместе с ними полосу препятствий. Солдаты его очень любили, охотно делились нехитрой своей кашей и баловали сладостями. К сожалению встретился на его пути «уставший» офицер-политработник, на которого Мишка позволил себе зарычать. Во избежание большого скандала пришлось срочно устраивать медведя в зоопарк.

Глава 3
Первые шаги командующего воздушно-десантными войсками

Оснащение ВДВ новыми образцами техники и вооружения. Развитие теории применения войск в условиях ядерной войны. Маршал Жуков Г.К. у десантников. Кадры решают все! Командующий и политорганы. Дела семейные.

В своей книге генерал Павленко П.Ф. вспоминает, как в войсках восприняли новое высокое назначение генерала Маргелова В.Ф. «Итак, после ряда предыдущих командующих ВДВ, среди которых были и незаурядные генералы, но не прошедшие такой десантной школы, пришел молодой еще, в расцвете сил, энергичный и смелый до дерзости человек, настоящий Герой Советского Союза, имеющий солидный опыт войны и жизни, любимец всех десантников, Василий Филиппович Маргелов. И хотя он перед назначением на эту должность служил на Дальнем Востоке, во всех наших частях о нем уже ходили легенды.

Воистину Воздушно-десантные войска обрели в его лице своего надежного руководителя на многие годы. И не будет преувеличением сказать, что в их становлении и развитии от слабо вооруженных парашютно-десантных частей к современному высокомобильному роду войск решающая роль навсегда останется за Василием

Филипповичем Маргеловым.»

Вступая в должность Командующего, Василий Филиппович получил войска боевые, высоко подготовленные, но состоящие, в основном, из пехоты с легким вооружением и военно-транспортной авиации (она была тогда составной частью ВДВ), оснащенной устаревшими самолетами Ли-2, Ил—14, Ту-2 и Ту-4 с весьма ограниченными десантными возможностями. Ил—12 (чисто пассажирский) и Ил—14 (имевший две боковые двери, транспортеры для десантирования грузов в правую и левую двери, прекрасное радиотехническое оборудование) буксировали планеры Як—14 с находящейся внутри них боевой техникой… В таком состоянии ВДВ не были способны решать крупные задачи в современных операциях. А ведь Ли-2 еще совсем недавно в годы Великой Отечественной войны считался «королем воздуха», самолетом-тружеником!

В 1949 году на вооружение войск была принята авиадесантная самоходная артиллерийская установка АСУ-76, разработанная конструкторским бюро, руководимым Н.А.Астровым. ее корпус из сварной листовой стали толщиной до 13 мм позволял защищать экипаж от пуль и осколков. В открытой рубке сверху была размещена 76-мм пушка Д-56Т с боекомплектом в 30 выстрелов. АСУ могла вести огонь как прямой наводкой, так и с закрытых позиций благодаря прицелу ОПТ-2. На ее левом борту крепился ручной пулемет РП-46. Испытывался и плавающий вариант самоходки. Но от ее серийного производства пришлось отказаться, так как авиация не могла десантировать такие машины.

К 1951 году там же была создана более легкая, тоже гусеничная и с открытым верхом, АСУ-57 с меньшим весом за счет применения алюминиевых сплавов и уменьшения толщины брони (до 6 мм). Ее экипаж состоял из 4-х человек. Острые на язык десантники с большим юмором окрестили ее «голожопым «Фердинандом», но очень любили ее за маневренность и «умение» прыгать через довольно широкие рвы. В 1954 году появилась модифицированная плавающая АСУ-57П с улучшенной пушкой Ч-51М, но она не была принята на вооружение — достаточно было выпускающихся серийно АСУ-57, к тому же началась разработка уже новой, более мощной, техники. В это же время появилась достаточно мощная самоходная установка СУ-85, на которой была установлена 80-мм пушка Д-70, спаренная с пулеметом СГМТ. Лобовой лист корпуса толщиной 45 мм оберегал экипаж даже от бронебойных снарядов малого и среднего калибров. Как и вся послевоенная бронетанковая техника, самоходка была оснащена приборами ночного видения, радиостанцией, на корме крепились дымовые шашки БДШ-5. Су-85 дважды модернизировали, в результате чего боевое отделение прикрыли крышей, установили вентиляционную установку, а позже ее вооружение дополнили зенитным пулеметом ДШК. Но весила она более 15 тонн, десантирование ее посадочным способом стало возможным только с появлением самолета Ан-22. На вооружении ВДВ АСУ-57 и СУ-85 находились практически до появления боевой машины десантной — БМД-1. В середине 50-х годов в войска поступила противотанковая управляемая ракета (ПТУР, неправильно называемая снарядом — ПТУРС), что значительно усилило боевые возможности десантников по борьбе с танками. В это же время на вооружение десантников стали поступать ручные и станковые гранатометы и безоткатные орудия Б—10. Основным их достоинством была простота конструкции, небольшая масса и высокая бронепробиваемость (до 40 мм). Увеличивалось количество зенитных средств: в воздушно-десантном корпусе во время Великой Отечественной войны было 18 зенитных пулеметов, а к 1960 году только в воздушно-десантной дивизии было 36 зенитных установок ЗУ-23 (спаренная зенитная установка), которые находятся на вооружении и поныне.

В 1946-59 гг. улучшилось оснащение войск автомобильной техникой и современными (для того времени) средствами связи. Самым массовым оружием личного состава оставалось стрелковое вооружение, развитие которого осуществлялось параллельно с совершенствованием вооружения Сухопутных войск, основные изменения которого были произведены в конце 40-х годов. Для десантников создавались модификации стрелкового

оружия, позволяющие его десантирование на парашютисте — меньший вес, складывающийся приклад.

Все эти нововведения увеличивали мощность залпа стрелкового оружия и артиллерии воздушно-десантной дивизии с массы залпа в 1953 году в 1040 кг до 4000 кг в 1960 году, то есть произошло его увеличение почти в четыре раза. Кроме того повысилась эффективность и увеличилась глубина поражения боевых порядков противника с 8 до 15 километров.

На повестке дня стояли вопросы создания новой боевой техники ВДВ и ее последующей модернизации, парашютно-десантной техники, а также замены существующей авиации на новые самолеты Ан-8 и Ан—12. К концу 50-х годов они были приняты на вооружение и поступили в войска. Обладая грузоподъемностью до 10–12 тонн и значительной дальностью полета, эти самолеты давали возможность десантирования больших масс личного состава со штатной боевой техникой и вооружением. Всем комплексом этих сложных вопросов пришлось вплотную заниматься новому командующему ВДВ. Генерал Маргелов сразу установил тесные контакты с научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро, конструкторами, учеными, неоднократно выезжал на предприятия, в КБ и НИИ, приглашал конструкторов и ученых в войска. Творцы новой техники видели глубокую заинтересованность Командующего, постоянно ощущали его практическую помощь и моральную поддержку при создании и проведении испытаний новых образцов техники.

Так после аварии самолета Ан—10, который лежал после неудачной посадки в Тушино на Ходынском поле, Генеральный конструктор О.К.Антонов, и без того расстроенный, услышал нелестную характеристику своему детищу от А.Н.Туполева: «это не самолет, корова!», и только поддержка Командующего ВДВ Маргелова, его умение найти нужные слова утешения помогли талантливому авиаконструктору вернуться к дальнейшей работе по созданию самолетов семейства «Ан». Так, все-таки, появился Ан—10, затем — Ан—10А, а позже — прекрасный самолет Ан—12, созданный по техническому заданию Командующего Маргелова, и другие его модификации, которые, наряду с самолетом Ан-2 уже «прослужили» десятки лет в ВДВ и кое-где продолжают эксплуатироваться до сих пор. Самолеты Ан-2 в ВДВ используются с 1949 года. Неприхотливый биплан предназначен для персонального обучения парашютистов-десантников, перевозки грузов, ведения радиационно-химической разведки, для совершения спортивных прыжков. При загрузке до 1500 кг самолет берет 10 человек на дальности 600 км при скорости до 220 км/ч. Ан-2 пользуется заслуженной славой у десантников, которые ласково прозвали его рабочей лошадью ВДВ.

В последнее время на оснащение воздушно-десантных войск все в большей степени поступают вертолеты. В России уже в 1909 году по линии военного ведомства разрабатывались аппараты, использующие вертикальную тягу винтов для создания подъемной силы. В начале 1940 года начались летные испытания вертолета конструктора Братухина, которые прекратились в связи с начавшейся войной. Но уже с первой половины 50-х годов вертолеты используются как транспортно-десантные средства.

Практически все вертолеты КБ Миля М.Л. использовались и используются в ВДВ и для спортивных прыжков, начиная от Ми—1 и Ми-4 до Ми-6, Ми-8, Ми-26 и Ми-24. В 50-х годах был разработан вертолет ЯК-24 — «летающий вагон» — вертолет с продольным расположением двух несущих винтов, но широкого практического применения он не получил. Образец этого вертолета можно увидеть в Музее ВВС в Монино. Нашел применение для совершения парашютных прыжков КА-50 конструкции Камова Н.И.

Много времени и сил Командующий Маргелов уделял развитию воздушно-десантной техники. «Технике не прикажешь, — часто повторял он ставя задачи своим подчиненным по этим важным вопросам, — поэтому добивайтесь создания в КБ, промышленности, в ходе

испытаний надежных парашютов, безотказной работы тяжелой воздушно-десантной техники». Сам он всячески способствовал созданию на существующих предприятиях военно-промышленного комплекса (ВПК) площадей для серийного производства средств десантирования, тяжелых парашютных платформ, парашютных систем и тар для десантирования грузов до 500 кг, грузовых и людских парашютов, парашютных приборов.

Для их созданиям и производства большой вклад внесли А.И.Привалов, М.А.Савицкий, Н.А.Лобанов, А.С.Палатников, П.Р.Шевчук, Н.Ф.Широков, Ф.Д.Ткачев, И.Л.Глушков, братья Доронины — Владимир Дмитриевич, Николай Дмитриевич и Анатолий Дмитриевич.

В конце 50-х годов на вооружении войск появились парашютные платформы ПП—127, предназначенные для десантирования парашютным способом грузов, массой до 4,6 тыс. кг. На таких платформах можно было десантировать все виды артиллерии, автотранспорт, радиостанции, инженерную технику и многое другое. Им на смену пришли платформы ПП—128, позволяющие десантировать технику и грузы весом до 6,7 тыс. кг. Одновременно были созданы парашютно-реактивные средства десантирования, со скоростью приземления груза близкой к нулю (за счет создаваемой двигателем реактивной тяги). Системы позволяли отказаться от большого количества куполов большой площади, что значительно удешевляло десантирование.

Если конструкторы охотно шли навстречу просьбам Командующего, то в «верхних эшелонах власти», в том числе в Министерстве обороны, всего нужно было добиваться, объясняя необходимость оснащения ВДВ самыми современными образцами техники и вооружения. Командующий всегда и везде доказывал, что десантник, выполняя свои опасные боевые задачи в отрыве от основных войск, рискует своей головой. Так, если ему и придется отдать свою жизнь, то она должна очень дорого достаться врагу. Но все же главным он считал выполнение боевой задачи в интересах основных сил и возвращение с победой домой.

Не менее важным делом Командующего, его Штаба и Управления ВДВ являлась постоянная проработка вопросов развития теории боевого применения войск, которая к тому времени, используя опыт применения воздушных десантов в прошедшей войне, значительно опережала организационную структуру войск и возможности военно-транспортной авиации.

Отставание ВДВ в техническом оснащении и структурных преобразованиях особенно заметным стало к концу 50-х годов, когда Сухопутные войска перешли к массовой моторизации, а в Вооруженных Силах появилось принципиально новое оружие — ракетно-ядерное. Появление ядерного оружия вызвало революцию в военном деле положило начало новому этапу развития применения ВДВ. Роль ВДВ в новых условиях объективно повышалась, так как только десантники могли эффективно и быстро использовать результаты ядерных ударов ракетных войск и авиации для завершения разгрома противника. Перед войсками встали принципиально новые задачи, связанные как с использованием результатов нанесения ударов ядерным оружием, так и с привлечением их для борьбы со средствами атомного нападения противника.

Проведенные в середине 50-х годов командно-штабные и войсковые учения в условиях применения средств массового поражения показали, что воздушно-десантная дивизия способна в этих условиях решать оперативно-тактические задачи, и с 1956 года за ней закрепилось место основного оперативно-тактического соединения.

На одном из таких учений начальнику политотдела 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковнику Золотову С.М. пришлось впервые близко увидеть выдающегося военачальника — Маршала Советского Союза Г.К.Жукова. В 1955 году, будучи Министром обороны СССР, он проводил большие учения войск четырех военных округов: Киевского, Белорусского, Прикарпатского и Одесского.

В ходе учений маршал проверил 31-ю воздушно-десантную дивизию. Командующему ВДВ подарили целый альбом, посвященный пребыванию Георгия Константиновича у

десантников. Одна из этих фотографий напечатана во всех художественных альбомах о маршале: Г.К.Жуков спустился в окоп и внимательно наблюдает, как трое десантников готовятся к выполнению боевой стрельбы из автоматов. Правее окопа стоит Маршал Советского Союза И.С.Конев, слева (за маршалом Жуковым) — Командующий ВДВ генерал-лейтенант В.Ф.Маргелов. Стоит уверенно — знает, гвардейцы не подведут. Рядом — генералы и офицеры, проверяющие и проверяемые, кто с интересом, а кто — напряженно, всматриваются в сторону цели. Этот снимок крупного формата у генерала Маргелова всегда находился на видном месте, показывая уважение генерала к маршалу, Оно осталось и в 1957 году, когда министр обороны, попав в хрущевскую опалу, вернулся из поездки в Албанию «товарищем Жуковым», и все последующее время. У всех людей случались ошибки, но недаром же Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин назвал Г.К.Жукова «Маршалом Победы». Эта фотография и сейчас занимает почетное место в Кабинете-музее В.Ф.Маргелова.

Итоги проверки подводились в столице Украины, городе Киеве. Командиров соединений, начальников штабов и начальников политорганов пригласили на разбор итогов этой проверки.

«Мне хорошо запомнилась обстановка в зале заседания, — вспоминает Золотов. — На сцене по обоим сторонам большого помещения были вывешены хорошо оформленные топографические карты с оперативной обстановкой, а также различного рода схемы и диаграммы. Министр обороны свободно и убедительно излагал свои мысли и выводы. Чувствовалось, что докладывает опытный, всесторонне подготовленный и волевой военачальник. Когда маршал стал объявлять оценки частям, соединениям и объединениям, получившим неудовлетворительные оценки, он громче обычного, твердо заявлял: «Командира такого-то соединения или части снять с занимаемой должности и назначить с понижением». У всех сидящих в зале по телу пробегали мурашки. Министр требовал от всех командующих и командиров соединений снимать с должностей подчиненных, которые к концу учебного года не добились положительных оценок. Такой требовательный подход к делу обязывал всех командиров и начальников резко повысить требовательность, уровень и качество повседневной работы, создать необходимые условия для улучшения боевой подготовки и повышения боевой готовности войск».

Естественно, много усилий Командующий Маргелов В.Ф. уделял решению кадровых вопросов. Всем известно, что кадры решают все. Это аксиома. Однако в этом важном вопросе всегда присутствует субъективный фактор. Любой новый начальник, включая президента страны, с самого начала стремится создать команду своих единомышленников. И здесь нет ничего плохого. Просто новый командир должен и хочет с самого начала опереться на людей, которых он знает. Достаточно вспомнить войну, когда командующим фронтами, при переводе на другой фронт, разрешали взять с собой лиц, с которыми они уже сработались, особенно начальников штабов. Поэтому не было ничего удивительного в желании Маргелова В.Ф. заменить прежних командиров корпусов, а их было пять. В написанных им выводах в аттестациях на этих людей они все были признаны несоответствующими занимаемой должности по причине отсутствия необходимой оперативной подготовки. Все они выросли в ходе войны и академию Генштаба, в отличие от Маргелова В.Ф., не оканчивали.

Но главной причиной кадровой перетряски с приходом на ВДВ нового Командующего было его стремление к замене командиров соединений и полков на молодых и энергичных, совершающих парашютные прыжки, как и весь личный состав. Да и сам Василий Филиппович был еще сравнительно молодым, ему шел 46-й год. Решению вопроса с комкорами помогла компания расформирования корпусов в армии, и он сам отпал, а уж обновление командного состава в дивизионном и полковом звене не представляло особого труда, но требовалось время для изучения прежних командиров.

Генерал Борисов М.И., наблюдая в годы службы в ВДВ последующую кадровую политику Командующего Маргелова, часто удивлялся тем или иным назначениям, которые, казалось, не укладываются в определенные требования к военным кадрам. А причина такого положения, по его мнению, состояла в особенностях характера и мышления Командующего. Главный принцип, которым он руководствовался при назначении командиров соединений и полков, заключался в том, что командир должен иметь твердый кулак, способный навести порядок и крепко держать в узде подчиненных командиров. Он отрицательно относился к так называемым командирам-интеллигентам, которые несмотря на хорошую оперативную подготовку, высокое общее развитие и хорошие человеческие качества не могли сделать дивизию по настоящему боеспособной, — тогда все их прекрасные качества не принимались во внимание.

Но часто такой подход не всегда себя оправдывал и приходилось потом менять решение.

К примеру, полковник Борисов М.И. на протяжении пяти лет считался лучшим начальником штаба дивизии. Встал вопрос о его дальнейшем использовании (тогда ему было меньше сорока лет) на должности комдива, то Командующий произнес одно слово против этой кандидатуры: «Борисов — интеллигент!» Летом 1962 года Василий Филиппович прилетел в дивизию на Кавказ и он напрямую спросил Борисова о причине его длительного сидения на штабе. Оказывается, у начштаба нашлись «доброжелатели», которые сказали Командующему о его якобы нежелании служить в ВДВ и попытках уйти в Сухопутные войска и что, мол, поэтому перестал прыгать! Не долго думая, полковник Борисов в тот же день совершил два прыжка и доложил Командующему. Тот выматерился и предложил пойти на Рязанское воздушно-десантное училище, на что Михаил Иванович согласился. Но это назначение не состоялось по независящим от него причинам, и Командующий предложил временно стать начальником разведки ВДВ (Борисов М.И. окончил по недоразумению, как он сам рассказывал, разведфакультет академии им. М.Фрунзе в 1949 году). Однако эта временность затянулась, но, как подытожил Михаил Иванович, «главное, я получил возможность работать рядом с таким незаурядным военачальником и узнать его поближе».

Целью одной из первых командировок генерала Маргелова в войска в качестве Командующего ВДВ было знакомство с 39-м гвардейским Венским воздушно-десантным корпусом. Когда он прибыл в Кривой Рог (на Украину), сопровождал его в летние лагеря 100-й и 107-й гвардейских воздушно-десантных дивизий тогдашний начальник оперативного отдела штаба корпуса полковник Борисов. Хорошо подготовленный офицер, ветеран Великой Отечественной войны, мог ответить на все интересующие нового Командующего вопросы.

Всю дорогу до лагерей генерал Маргелов хаял корпус, но полковник Борисов смело возражал ему, доказывая обратное, что корпус на инспекторской проверке получил хорошую оценку, что как он может так утверждать, первый раз приехав в корпус. Потом, позднее начопер сообразил, что Командующий, подначивая с серьезным видом подчиненного, получал таким образом от него информацию о полке или дивизии. Но не все решались, зная крутой характер Бати, возражать на его обидные обвинения в свой адрес. Во-вторых, Маргелов таким манером изучал предварительно командира, его умение логически излагать свои доводы, его эрудицию в военных вопросах и многое другое.

Для подчиненного такой «обидный» разговор с Командующим имел свою положительную сторону, заставляя еще раз проанализировать состояние своей дивизии (полка) и понять требования начальника по основным вопросам подготовки войск. «Надо честно сказать, — вспоминал Борисов, — что после проведенных учений любого масштаба от Василия Филипповича не дождешься похвалы. Это был его стиль: не захваливать, а критикой всех и вся заставить командиров и штабы еще больше удвоить энергию и не расслабляться».

В летнем периоде обучения 1957 года 31-я гв. вдд приступила к освоению парашютных прыжков с новых, более скоростных типов самолетов (Ту-4, Ан—10 и Ан—12). На учебных сборах командно-политического состава ВДВ полковнику Золотову С.М. впервые пришлось принять участие в испытаниях этого нелегкого массового десантирования на площадке приземления в районе города Кривой Рог. Зрелищно тогда выглядел десант парашютистов, выброшенный на высоте 1200 метров от земли. Однако не все обошлось благополучно. Некоторые товарищи неудачно приземлились на твердый, каменистый грунт, получили тяжелые травмы и увечья. «Я долго не мог забыть этого неприятного «ЧП», вспоминал Семен Митрофанович.

Об отношении Командующего ВДВ генерала Маргелова к политработникам хотелось бы привести воспоминания генерал-лейтенанта Золотова С.М… Точнее, к тем политработникам, которые полностью выполняли программу боевой подготовки войск, и могли показать пример подчиненным, а при необходимости и заменить выбывшего из строя командира. Кстати, у десантников это было и есть.

«Последним моим мероприятием в 31-й гв. вдд было проведение семинара политработников ротного звена на стрельбище 381-го пдп. Работники политотдела и штаба дивизии: подполковник Мокшин, майор Хорушунов и капитан Полищук совместно с командиром полка — полковником П.Сбитневым и его заместителем по политчасти подполковником Остапенко подготовили содержательную однодневную программу по выполнению огневых задач в ходе летнего периода обучения с учетом программы боевой подготовки и курса стрельб.

На огневом рубеже было все необходимое для изучения и практического выполнения огневых задач из различного вида стрелкового оружия. Каждый политработник роты (батареи) имел возможность лично ознакомиться с необходимым оружием, огневыми задачами и отстрелять положенные упражнения. Это был настоящий урок — показ, как подготовиться к стрельбе и как надо стрелять.

Командующий ВДВ генерал Маргелов В.Ф., неожиданно оказавшийся на учебном поле, с восхищением любовался этим практическим уроком боевого мастерства. В беседе с политработниками он заявил: «…Только личный пример офицера-командира и политработника может по настоящему обеспечить высокое качество проводимых занятий в поле и на учебном центре». Он надолго запомнил этот семинар и нередко вспоминал об этом при встрече с офицерским составом».

В октябре 1957 года С.М.Золотов был назначен на должность заместителя начальника политотдела 13-й армии (ПрикВО). Однако долго работать ему там не пришлось. В конце октября 1959 года он был назначен инспектором ГлавПУ СА в отдел по руководству работой политорганов Воздушно-десантных войск, который был заново создан после упразднения политуправления ВДВ.

Возвращение полковника Золотова в Москву было для него вдвойне приятным. Во-первых, после восьмилетнего пребывания в войсках он имел желание получить опыт и практику работы в центральном аппарате. Во-вторых, всей семьей вновь оказался на родине своих детей в Москве, где жили старики — мать и отец жены.

По просьбе первого заместителя начальника Главного политуправления генерал-полковника Ефимова П.И., Командующий ВДВ — генерал Маргелов В.Ф. выделил из своего фонда для семьи Золотова С.М. отдельную двухкомнатную квартиру в районе станции метро «Преображенская», совсем недалеко от Управления ВДВ.

К сожалению, не всегда Командующий ВДВ мог решить вопросы быстрого обеспечения квартирами своих офицеров и генералов. Эта проблема была и остается в наши дни особенно острой, тем более в современных условиях значительного сокращения войск.

Сам Командующий по прибытию в Москву некоторое время жил с семьей в гостинице при Центральном Доме Советской Армии (ЦДСА, ныне — Культурный Центр Российской Армии). С Дальнего Востока в Москву летели трое суток самолетом Ил—12. Вещи были

отправлены железной дорогой под наблюдением сестры жены Командующего Веры Александровны Куракиной, практически постоянно жившей в семье Маргеловых еще с Кишинева. Прекрасная, благородная женщина, работавшая в блокадном Ленинграде и награжденная медалью «За оборону Ленинграда», так и не завела свою семью. Беззаветно любившая близнецов, она порой заменяла им мать, растила и выхаживала их во время болезни. Она же в отсутствие родителей тайком окрестила ребят в Православную веру. Будучи сама строгой в воспитании детей, она всегда защищала их, когда наказание за детские шалости становилось неотвратимым. Приехав в Москву, она сначала жила в г. Долгопрудном, а позже переехала в Калининград (ныне г. Королев), где продолжала работать до конца своих дней, отказавшись от положенной пенсии. Тем не менее, когда требовалась ее помощь, она приезжала к своим Маргеловым, где ее воспринимали как постоянного члена семьи. Василий Филиппович относился к Вере Александровне всегда с большим уважением и благодарностью, называя ее дома по-семейному Верой.

Однако несмотря на ее бдительную охрану, часть вещей при перевозке была похищена. Особенно семья сожалела о пропавших книгах из домашней библиотеки — хорошие книги в те времена не так-то просто было приобрести. Так что к моменту получения московской квартиры в «сталинской» новостройке — в доме № 5/13 на Смоленской набережной, пришлось приобретать многие вещи первой необходимости. После ремонта в дом была завезена казенная мебель, которая в течение нескольких лет постепенно заменялась на собственную.

Война не прошла даром для супруги генерала Анны Александровны, к тому же волнения и неурядицы, связанные с переездом, подорвали ее здоровье. У нее развилась в острой форме «базедова болезнь». Сначала она вынуждена была отказаться от любимой лечебной работы по специальности врача-отоларинголога, а затем после тяжелой и не совсем удачной операции уже просто физически не могла работать в клинике войсковой части, хотя сделала несколько попыток продолжить работу. В августе 1956 года она окончательно уволилась. В служебной характеристике от 14.8.1956 записано: «В объеме занимаемой должности достаточно подготовлена. Имеет хорошие теоретические знания и практические навыки по лор-специальности. Систематически работает над повышением своих специальных знаний, следит за периодической литературой. Оперативной техникой владеет в среднем объеме. Пользуется заслуженным авторитетом среди больных. Отзывчивый, заботливый врач.» Таким же авторитетом среди больных и их уважением врач Маргелова пользовалась все годы ее работы — на фронте, в Кишиневе, в Пскове, на Дальнем Востоке. В домашнем Кабинете музее хранится маленькая книжечка псковского поэта Николая Щербакова о Герое Советского Союза подпольщице из города Острова «Слово о Клаве Назаровой» (Псков—1948). Книжечка была подарена «благодарным пациентом с наилучшими пожеланиями» — автором поэмы.

Больше она уже не могла петь — у нее до болезни был прекрасный задушевный голос, а песен она знала множество. На Дальнем Востоке она была душой любой компании, к тому же она еще и аккомпанировала себе на пианино, знала много стихов и великолепно декламировала их.

Позже, работая на общественных началах по линии районного отделения Красного Креста, в 1962 году, в разгар Карибского кризиса, Анна Александровна получила неожиданно повестку из горвоенкомата: явиться на призывной пункт «для прохождения дальнейшей службы по специальности в Республике Куба». Генерал Маргелов долго смеялся, а потом позвонил горвоенкому, которому объяснил что к чему. Тот устроил взбучку своим незадачливым бюрократам, после чего лично извинился перед супругой генерала за ошибку.

Василий Филиппович очень переживал за жену из-за ее болезни. В день операции близнецы единственный раз в жизни увидели его скупые мужские слезы, когда он, обняв восьмилетних несмышленышей, спросил их, а скорее — себя: «Что же мы будем делать без мамы, если она умрет?» Вера Александровна безуспешно пыталась сдержать слезы, стараясь как-то отвлечься работой по дому. К сожалению, через десяток лет и ей пришлось пройти через аналогичную операцию.

Немного поправившись, Анна Александровна свои заботу и внимание полностью отдавала любимым мужу и детям, создавая так необходимый домашний уют.

В 1958 году в Москву приехал сын генерала Виталий. Окончив среднюю школу с золотой медалью, он решил поступать на юридический факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Во время сдачи вступительных экзаменов в МГУ он жил в семье отца. Успешно поступив на выбранный им факультет, он променял уютную генеральскую квартиру на студенческое общежитие на Стромынке, чтобы в кругу своих сокурсников глубже овладевать знаниями. Но и после этого он часто бывал в семье, особенно по выходным дням.

Близнецы сразу полюбили отзывчивого и доброжелательного брата, который рассказывал им много нового и интересного, пел с ними песни и читал им стихи. В то время творчество Сергея Есенина только начинало доходить до широких читательских масс, и Виталий первым показал красоту стихов великого русского поэта своим младшим братьям. Вместе ходили в кино, в театр, на международные выставки. Даже свою, пусть небольшую, подборку советских почтовых марок подарил Виталий братьям, начинающим филателистам. Находясь в доме на Смоленской, Виталий вместе с ними с удовольствием ходил в магазин за продуктами, в праздники ему «доверялось» разделывать к столу селедку — равных ему в этом не было.

Выдержав огромный конкурс, Виталий поступил на юрфак МГУ. Будучи студентом, руководил студенческим оперативным отрядом. Тогда в стране создавались бригады содействия милиции — на этой зачастую опасной работе Виталий показал свои самоотверженность, пренебрежение к опасности, смелость и смекалку. О нем даже написали в одной из центральных газет. Перед распределением ему предложили работу в органах. Во время прогулок с отцом от Смоленской набережной до Лужников Виталий много разговаривал с отцом, советуясь с ним о выборе жизненного пути. В результате Виталий Васильевич дал свое согласие пойти работать в КГБ. Потом были еще годы учебы, длительные и краткосрочные командировки, с напряжением всех физических и моральных сил, руководящая работа. В 2000 году заместитель Председателя Службы внешней разведки Виталий Васильевич Маргелов, Почетный чекист СССР, кавалер ордена «За военные заслуги», стал генерал-лейтенантом, а в феврале 2001 года получил звание «генерал-полковник».

Через год — в 1959 году старший сын генерала Маргелова — офицер-десантник Геннадий Васильевич, поступал в Академию имени М.В.Фрунзе. Они быстро сошлись с Виталием и в годы учебы часто проводили время вместе. После академии — служба в различных должностях в Воздушно-десантных войсках, где он совершил более трехсот прыжков с парашютом от Берлина до Сахалина, Академия Генерального штаба, командование мотострелковой дивизией. Затем — заместитель командующего армией в Бурятии, начальник Военного института физкультуры в Ленинграде, старший преподаватель Академии Генерального штаба в Москве. Сейчас генерал-майор в отставке Геннадий Васильевич Маргелов, кавалер орденов Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени, живет с семьей в Санкт-Петербурге, где 25 сентября 2001 года отметил свое 70-летие. Московские братья сердечно поздравили его с этой датой в санатории «Архангельское», куда он вскоре приехал с женой на лечение.

Позже на Смоленскую набережную стал заезжать и сын Анатолий. Закончив среднюю школу с серебряной медалью, он поступил в институт в городе Таганроге. По окончании института работал научным сотрудником в оборонном научно-исследовательском институте, где защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Доктор технических наук, профессор Маргелов Анатолий Васильевич и в настоящее время продолжает трудиться в том же НИИ, одновременно занимаясь преподавательской деятельностью.

Со всеми старшими братьями у близнецов сложились по настоящему братские, дружеские отношения. Старшие охотно передавали младшим свой жизненный опыт, свои знания, в том числе в области искусства и литературы, включая ходившие в списках народные фольклорные произведения. Помнится, как Анатолий в 1970 году подсказал Александру, как построить билогарифмический график зависимости между частотой слова и номером слова, а тот помог Василию создать такой график для его дипломной работы по материалам текстов речей тогдашнего алжирского президента Хуари Бумедьена. Василий с отличием защитил дипломную работу и успешно закончил Институт восточных языков при МГУ, поразив экзаменационную комиссию своими глубокими исследованиями и прекрасным знанием арабского языка. Ему даже предлагали сразу же поступить в аспирантуру родного института. Но он выбрал иной путь — около восьми лет прослужил офицером в системе ГРУ ГШ, проработав в общей сложности шесть лет в арабских странах (Алжир, Египет, Йемен, Сирия, Ирак), сейчас майор запаса Василий Васильевич Маргелов работает первым заместителем директора Дирекции международных связей Российской государственной радиовещательной компании «Голос России»» (РГРК «Голос России»).

Александр в том же 1970 году закончил Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе и остался работать инженером в Центральном конструкторском бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ) в подмосковном Калининграде (ныне г. Королев), где он готовил и защищал дипломную работу. Через год с небольшим добровольно вступил в ряды Вооруженных Сил — в ВДВ. Имеет 145 прыжков с парашютом, в том числе три — внутри и совместно с боевой машиной десантной БМД-1. Сейчас Герой России, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды, полковник запаса Александр Васильевич Маргелов, работает на Федеральном государственном универсальном предприятии «Росборонэкспорт».

Учебные дела сыновей всегда интересовали Василия Филипповича. Несмотря на свою невероятную занятость, он находил время поинтересоваться их успехами, радовался удачам, сопереживал ошибкам детей, благословлял при отъездах на длительную практику, на лагерные сборы или в летние трудовые лагеря, на целину. Сыновья высоко ценили его доверие к их самостоятельной учебной работе, стараясь изо всех сил не подводить отца. А в конце обучения вместе радостно отмечали получение дипломов и соответствующих нагрудных знаков…

Потом сыновья женились, разъехались. Генерал Маргелов с Анной Александровной переехали в квартиру на Сивцевом Вражке, куда часто приезжали дети со своими детьми. У Геннадия — два сына, у Анатолия — дочь и сын, у Виталия — четверо сыновей, у Александра и Василия — по сыну. Большинство внуков прошли военную службу, кое-кто из них стал офицером запаса. В настоящее время только внук генерала Михаил (сын Геннадия Васильевича) продолжает службу в звании капитан-лейтенанта (а начинал со срочной службы в ВДВ) в песках Западной Сахары в качестве наблюдателя ООН. До этого служил в «горячих точках» в Анголе и Сараево. Внуки Василий (сын Василия Васильевича) и Владимир (сын Виталия Васильевича) — отслужили срочную службу — один в ВДВ, другой в Пограничных войсках.

Старший из внуков (сын Виталия Васильевича) Михаил Витальевич — сенатор, возглавляет комитет по международным делам в верхней палате Федерального собрания. В

Совете Федерации он представляет администрацию Псковской области, где дислоцирована 76-я гвардейская Черниговская воздушно-десантная дивизия, где ее командиром начинал службу в ВДВ генерал Маргелов. В кабинете Михаила Витальевича висит потрет деда, чей авторитет подвигает внука на служение Отечеству, на защиту его национальных интересов.

Только дважды собирались все сыновья вместе. Первый раз на служебной даче у отца в дачном поселке МО СССР Внуково, в доме № 16 по улице Пушкина, которой он пользовался с 1961 года до кончины в 1990 году. Сколько там было сделано его и их руками! В один из чудесных летних дней «слетелись» они вместе — вот радости было видеть отцу сыновей здоровыми и веселыми! Фотоснимок с его «великолепной пятеркой» с тех пор хранился (и хранится сейчас) под стеклом на столе в его кабинете дома. Другой раз общая встреча произошла по печальному случаю — на похоронах Бати… Сейчас братья планируют встретиться хотя бы еще раз вместе. Но не так это теперь просто: у кого — болезни, у кого — важные служебные дела, да и материальная сторона, к сожалению, играет сегодня немаловажную роль. Но, главное, есть такое желание А, значит, встрече быть!

Глава 4
Венгрия, 1956-й

Обострение мировой политической обстановки и ее истоки. Операцию «Вихрь» начать по сигналу «Гром». Боевые действия десантников. Кинотеатр «Корвин». Новые проблемы десантников.

В конце лета 1956 года заметно обострилась обстановка в мире. В Социалистическом Содружестве нарушились единство и сплоченность. В Венгрии и Польше активизировались националистические, антисоциалистические силы и контрреволюционные элементы.

Сионизм, поддерживаемый международным империализмом, развязал в 1956 году войну против египетского народа, известную как англо-франко-израильская агрессия. В целях отвлечения Советского Союза от оказания помощи арабам в их справедливой борьбе за независимость, сионистами был спровоцирован так называемый «венгерский мятеж», направленный на свержение дружественного СССР режима в Венгрии. Однако агрессоры просчитались. Советский Союз, следуя курсом сталинской внешней политики, пришел на помощь правительству Венгерской Народной Республики. Как и чуть более десяти лет назад, Советская Армия избавила венгерский народ от местных фашистских недобитков и уголовных элементов, которые на деньги наднационального финансового правительства были готовы пролить реки крови трудового народа своей страны и вернуть Венгрию в лоно «западной демократии». Одновременно Советский Союз выступил с предупреждением тройственной агрессии против арабского народа, заявив о своей готовности оказать, если потребуется, и вооруженную помощь народу Египта. Из США пришло известие о том, что американцы не одобряют действия своих союзников на Ближнем Востоке. Тем самым исключалась опасность возникновения новой мировой войны и развязывались руки союзникам по Варшавскому Договору для принятия решительных мер.

1956 год, конец сентября. Время было напряженное. В войсках повысилось внимание к вопросам боевой готовности и морально-политической подготовки личного состава. Заканчивался учебный год в системе боевой и политической подготовки.

Начальник штаба 31-й воздушно-десантной дивизии полковник Синеокий И.И. в то время находился в очередном отпуске. Командир дивизии генерал Раков С.С. убыл на новое место службы в СКВО. На его место прибыл с Дальнего Востока после расформирования 37-го воздушно-десантного корпуса последний командир корпуса генерал-майор Рябов П.М. Командовал дивизией в это время фактически первый заместитель комдива полковник Жаренов Н.Г. Парашютно-десантный полк и артиллеристы, дислоцировавшиеся в Александрии (Киевский военный округ), находились на сельскохозяйственных работах в

центральных областях Украины. Во второй половине октября в один из воскресных дней жена полковника Золотова сообщила ему, что танковая дивизия, которая дислоцировалась в Новгород-Волынске, марширует в направлении к городу Львову. Семен Митрофанович спросил жену: «Откуда тебе известно? Наверно, сработало женское радио». Она обиделась и предложила позвонить коменданту города. Через несколько минут и ему стало известно, что соседнее соединение в полном составе вышло на марш.

Командира дивизии генерала Рябова П.М. в это время на месте не было. Он находился в одном из колхозов Новгород-Волынского района. Из Москвы сообщили — срочно по «ВЧ» позвонить Командующему ВДВ генералу Маргелову.

Заместитель начальника штаба дивизии полковник Черенков вместе с начальником политотдела дивизии полковником Золотовым выехали в город Житомир для того, чтобы поговорить по «ВЧ» с Москвой. Через два часа лично от генерала Маргелова получили команду — привести части и подразделения вдд Новгород-Волынского гарнизона в полную боеготовность. Личный состав утром следующего дня сосредоточить на Львовском аэродроме, а боевую технику, вооружение и необходимый транспорт — на аэродроме города Хмельницкий.

Вскоре офицеры вернулись в Новгород-Волынский. Генерал Рябов оказался на месте. Распределив офицеров штаба и политотдела по частям и подразделениям, комдив с заместителями отправились на Львовский аэродром. На аэродромах всех переодели в полевую форму и выдали сухой паек. Примерно за два часа до посадки в самолеты личному составу стало известно, что десантники летят в Венгрию, приземляться будут посадочным способом, без парашютов. Солдаты, сержанты и офицеры получили краткую информацию о событиях в этой стране и предстоящих задачах частей дивизии. 1 ноября дивизия в составе двух гвардейских полков — 114-го и 381-го и частей обеспечения была посадочным способом десантирована на аэродром города Веспрем, где в дальнейшем и выполняла боевую задачу.

Одновременно с Львовского аэродрома в Венгрию вылетели спецрейсом руководители ЦК КПСС и Советского правительства: А. Микоян, М. Суслов, председатель КГБ И. Серов, Маршал Советского Союза И. Конев и другие.

Перед вылетом с Львовского аэродрома Рябов и Золотов получили от Командующего ВДВ подробную информацию об обстановке в Венгрии и необходимые указания. Начальнику политотдела персонально генерал Маргелов сказал: «Семен, ты опытный политработник, имей в виду, что вы летите в дружественную нам страну. Это обязаны знать и понимать все наши десантники».

Еще 19 октября по приказу Командующего Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта В.Ф.Маргелова в полную боевую готовность был приведен 108-й гв. парашютно-десантный полк 7-й гв. вдд и сосредоточен у аэродромов близ городов Каунас и Вильнюс. 20 октября на указанные аэродромы прибыли 54 самолета Ли-2 и 45 самолетов Ил—12 для переброски десанта в Венгрию. На аэродромы подразделения полка были отправлены по железной дороге. 3 ноября полк посадочным способом десантировался на аэродроме Текель, захватил и вывел из строя шесть зенитных батарей, после чего перешел к обороне аэродрома.

80-й гв. пдп той же дивизии, выгрузившись 1 ноября на станции Берегово, совершил марш протяженностью около 400 километров и сосредоточился на окраинах Будапешта; где полк участвовал в боевых действиях по освобождению города от мятежников совместно с 108-м полком.

Десантники садились в Венгрии на двух аэродромах: Текельском — под Будапештом и Веспремском — недалеко от озера Балатон. А перепуганная радиостанция «Свободная Европа» выдала очередную порцию лжи: о вылете в Венгрию «черной» дивизии генерала Рябова, которая направлялась якобы в Египет для отражении тройственной агрессии, но в

последний момент, уже будучи в воздухе, была перенацелена на Венгрию.

В последние дни октября части и подразделения 31-й и 7-й воздушно-десантных дивизий были сосредоточены, в основном, в назначенных гарнизонах Венгрии. 381-й пдп 31-й вдд был дислоцирован в районе Будапешта, а 114-й пдп и другие части дивизии — в районе города Веспрем. Командовал советскими войсками в ВНР в то время Маршал Советского Союза Конев И.С. Части, входившие в будапештский гарнизон, были подчинены командиру Особого корпуса генералу Лащенко П.Н., которому были поставлены задачи по разгрому контрреволюции и наведению порядка в Будапеште. В других городах и районах аналогичные задачи возлагались на армии, которыми командовали генералы А. Бабаджанян и Х. Мансуров. Условное наименование операции по восстановлению порядка в дружественной стране — «Вихрь».

В октябре — ноябре 1956 года в Венгрии произошло вооруженное выступление антисоциалистических сил. Организаторы выступлений использовали грубые ошибки и извращения, допущенные Венгерской партией трудящихся, а именно: просчеты в области экономической политики, серьезные нарушения законности. В вооруженную борьбу была вовлечена некоторая часть молодежи и других слоев населения.

В этой сложной обстановке группой деятелей Венгерской партии трудящихся в первых числах ноября 1956 г было сформировано Революционное рабоче-крестьянское правительство, создан временный ЦК Венгерской социалистической рабочей партии. Новое правительство обратилось к СССР с просьбой оказать практическую помощь венгерскому народу в защите свободы и независимости, в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, поднявшей мятеж в стране. Воинские части Советской Армии, временно дислоцированные на территории ВНР на основе Варшавского Договора, а так же дополнительные контингенты советских войск, приняли участие в подавлении вооруженного антиправительственного выступления.

Маршал Конев в своем приказе отметил, что политическое руководство стран Варшавского Договора приняло решение об оказании военной помощи Венгрии. Разгром сил контрреволюции возлагался на советские войска. Готовность к действиям — к исходу 3 ноября. Начало операции — по сигналу «Гром».

По приказу Командующего ВДВ штабом 31-й дивизии был разработан план действий десантных частей и подразделений, созданы передовые отряды для разоружения венгерских частей и средств управления войсками, а также для захвата важных военных и государственных объектов и учреждений. До начала боевых действий десантникам удалось установить тесные контакты с преданными Советскому Союзу военнослужащими венгерской армии, с партийными и государственными работниками на местах, а также с дружественными товарищами из органов государственной безопасности.

Перед началом операции «Вихрь» до всего личного состава частей дивизии был доведен приказ Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами. В нем говорилось: «Товарищи солдаты и сержанты, офицеры и генералы! В конце октября в братской нам Венгрии силы реакции и контрреволюции подняли мятеж с целью уничтожения народно-демократического строя, ликвидации революционных завоеваний трудящихся и восстановления в ней старого помещичье-капиталистического порядка. События показали, что активное участие в этой авантюре активных хортистов ведет к возрождению в Венгрии фашизма и создает прямую угрозу нашему Отечеству и всему социалистическому лагерю. Нельзя забывать, что в минувшей войне хортистская Венгрия выступала против нашей Родины вместе с гитлеровской Германией.

В соответствии с просьбой правительства Венгерской Народной Республики, на основе заключенного между странами социалистического лагеря Варшавского Договора, обязывающего нас принимать согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности с тем, чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ, территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии…» советские войска приступили к выполнению союзнических обязательств.

3 ноября в 15.30 3-я парашютно-десантная рота, входившая в состав 108-го гвардейского воздушно-десантного полка 7-й вдд, сосредоточилась в районе аэродрома Текель, что в 17 километрах южнее Будапешта. Командовал 3-ей пдр гв. капитан Харламов Николай Иванович, участник Великой Отечественной войны с 1942 года. В 1947 году он окончил Военно-парашютное училище, впоследствии полковник Харламов Н.И. работал преподавателем в Военной академии тыла и транспорта в Ленинграде. Умер в 1982 году.

4 ноября в два часа ночи третья рота получила задачу: действуя в составе 1-го батальона на бронетранспортерах и танках, совершить марш — Текель-Будапешт, разоружить и обезвредить личный состав саперного батальона Венгерской армии, дислоцировавшегося на улице Юллия, перешедшего на сторону контрреволюции. Попытка разоружить противника без применения огня успеха не имела.

Контрреволюционеры оказали упорное сопротивление. Завязался кровопролитный бой, продолжавшийся более суток. Несмотря на яростное сопротивление венгерского батальона и тяжелое положение 3-й роты, сложившееся из-за потерь в личном составе и отсутствия боеприпасов, связи со своими, наличия раненых и невыгодной тактической обстановки, десантники 3-й роты под командованием своего командира не дрогнули. Они не приняли предложения контрреволюционеров сдаться в плен, но стойко, самоотверженно, не щадя сил, крови и самой жизни, выстояли до конца. Удерживая занятые объекты, рота создала благоприятную обстановку для других подразделений батальона, которые также оказались в исключительно трудном положении.

6 ноября в 21.00 в канун годовщины Великой Октябрьской социалистической революции гвардии капитан Харламов Н.И. получил приказ командовать штурмовым отрядом сводных рот по захвату и ликвидации штаба контрреволюции, находившегося в кинотеатре «Корвин» в Будапеште. В соответствии с приказом задача должна была быть выполнена к 6.00 7 ноября. Здание штаба представляло собой сильно укрепленный опорный пункт, оборонявшийся двумя батареями 85-ти мм орудий, танками, зенитно-пулеметными установками и гарнизоном из 359 человек, имевшим миллионные запасы боеприпасов.

Для выполнения этой ответственной задачи в короткие сроки штурмовой отряд был усилен танковым батальоном при огневой поддержке танкового полка 33-й механизированной дивизии нашей армии.

Десантники капитана Харламова встретили яростное сопротивление со стороны контрреволюционеров. Как первая, так и вторая атаки штаба противника успеха не имели.

Используя различного рода проходы в зданиях, проделанные огнем из танковых орудий и ручных гранатометов, группа управления вместе с гвардии капитаном Харламовым Н.И. первой ворвалась в вестибюль кинотеатра «Корвин» и завязала бой внутри здания, обеспечивая своими активными действиями атаку подразделений, действовавшими на других участках.

Несмотря на жестокое и отчаянное сопротивление контрреволюционеров, обусловленное их безвыходным положением, подразделение штурмового отряда в составе 3-й пдр и личного состава, оставшегося от 1-й и 2-й парашютно-десантных и двух мотострелковых рот, при поддержке танкового батальона дивизии в 4.00 7 ноября, в основном, захватили здание кинотеатра «Корвин» и приступили к очистке его служебных помещений и зданий, примыкавших к нему, от отчаянно сопротивлявшихся венгерских фашистов. Гвардейцы-десантники капитана Харламова Н.И., выполняя интернациональный долг, проявили исключительное мужество и героизм.

Только из роты капитана Харламова награждены орденом Красного Знамени — 1 человек, орденом Александра Невского — 1 человек, орденом Красной Звезды — 1 человек, орденом Славы III степени и медалью «За отвагу» — 31 человек.

Из письма ветерана-десантника Рябова В.А., (г. Екатеринбург): «Венгерский мятеж 1956 г. Группа разведчиков 108-го полка под командованием капитана Харламова взяла

живым главного мятежника Имре Надя, которого охраняли венгерские эсэсовцы. Харламов получил звание Героя Советского Союза, его разведчики — высшие ордена. Потери были минимальными. План захвата был разработан генералом Маргеловым».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 года гвардии капитану Харламову Николаю Ивановичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Командующий ВДВ генерал-лейтенант В.Ф.Маргелов вручил награду Герою в своем кабинете на Матросской Тишине. Тогдашним руководителям страны, вероятно, было боязно всенародно поблагодарить тех, кто не жалел своей крови и самой жизни при исполнения воинского долга.

А вот из представления на звание Героя Советского Союза другого десантника — гвардии старшего лейтенанта Зинукова Михаила Семеновича, командира парашютно-десантной роты 114-го гв. пдп 31-й гв. вдд.

«Тов. Зинуков М.С. в бою 4 ноября 1956 года проявил личное геройство. Ворвавшись в здание студенческого общежития, огнем обеспечивал успешное продвижение батальона. Отрезанный от батальона, находясь в группе солдат из 7 человек, мужественно в течение часа отбивал попытки мятежников овладеть частью здания, обороняемой его группой, уничтожив при этом 20 мятежников. Четыре раза был ранен, но не покинул поле боя до тех пор, пока не прибыло подкрепление. От потери крови тов. Зинуков умер.»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 года за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи венгерскому народу в защите завоеваний социализма гвардии старшему лейтенанту Зинукову Михаилу Семеновичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). (Из фондов Музея Воздушно-десантных войск).

Также посмертно присвоено звание Героя Советского Союза гвардейцам-десантникам командиру взвода старшему лейтенанту Петру Григорьевичу Волокитину и заместителю командира роты капитану Николаю Васильевичу Муравлеву.

Тогда ни у кого не было сомнений, ради чего советские воины жертвовали своими жизнями — они стояли на пути «нового порядка», который пытался (и постоянно пытается!) навязать всем народам международный наднациональный финансовый капитал. Тогда, в 1956-м, это не прошло. Венгерский народ не удалось запрячь в ярмо мировым ростовщикам. Героям были благодарны…

Но победила «демократия» в нашей стране и в Восточной Европе. Все стали давиться за теми ростовщическими кредитами сами, начисто забыв, что за них нужно расплачиваться по грабительским процентам. И вчерашние герои превратились в мишень для поругания… Оказывается, основа такого отношения к мужественным защитникам подлинных ценностей народов — их политической и экономической независимости — закладывалась уже тогда, что видно из последних строк нижеприведенного стихотворения:

Штурм кинотеатра «Корвин»
6–7 ноября 1956 г.

Герою Советского Союза
Николаю Ивановичу Харламову

7 ноября в Москве парад.
Эффектны войск могучие колонны,
А в Будапеште — настоящий ад!
Здесь истекают кровью батальоны…
В кинотеатр шел штурмовой отряд.

«Кино» — про верность долгу и Отчизне,
«Билет» — гранаты, пуля, штык, снаряд,
«Цена билета» — кровь и много жизней.
Штурм продолжался целых семь часов!
Разрывы и неистовый свист пуль,
«Ура!» — и стон охрипших голосов…
Пал первым обгоревший вестибюль.
В кровавом зареве рассветный час.
Дома — руины, взорванные танки,
А в декабре — «невидимый» Указ,
В газетах — тишина про те атаки.
Кинотеатр «Корвин» — он весь в дыму,
Измотаны остатки наших рот.
Обидно слушать — было ни к чему
Сражаться насмерть в тот далекий год.

Игорь Рассихин, 1994 г.

Автор этого стихотворения родился 21 июня 1967 года. В 1986–1987 гг. проходил службу в Тихоокеанской мотострелковой дивизии (ДВО), старшина запаса. Работал в органах внутренних дел, бывал в командировках по «горячим точкам». Ныне корреспондент Гостелерадиокомпании «Байкал» в Улан-Удэ. Автор стихов о Великой Отечественной войне, воинах-интернационалистах. Спасибо Игорю Рассихину за память!

«Невидимый» Указ — это Указ Правительства СССР от 18 декабря 1956 года о награждении участников подавления контрреволюционного мятежа в Венгрии. В открытой печати опубликован не был. Зато другой Указ от того же числа — о награждении Л.И.Брежнева к его 50-тилетию орденом Ленина — можно было прочитать во всех центральных газетах.

4 ноября в 6 часов утра по сигналу «Гром», сформированные для захвата объектов отряды и подразделения и другие силы дивизии в колонах, по своим маршрутам, одновременно с различных направлений, преодолевая сопротивление противника, устремились к намеченным целям и приступили к активным действиям по наведению порядка и восстановлению органов власти в Будапеште и на местах.

Город Веспрем — центр католической епархии. Его реакционная направленность нам была известна. В этом городе нашим войскам оказывалось большое сопротивление, здесь десантники понесли значительные потери.

Много десантников погибло и в Будапеште, где были сосредоточены основные силы контрреволюции. Подразделения 381-й пдп 31-й гв. вдд, усиленные танками, вели бои на подступах к университетскому городку. Другие его отряды получили задачу овладеть казармами «Петефи». По указанию маршала И. Конева для быстрейшего разгрома вооруженных отрядов в состав Особого корпуса дополнительно были переданы 108-й пдп 7-й гв. вдд и 381-й пдп 31-й гв. вдд. Воздушно-десантными частями и подразделениями были разоружены венгерские зенитные батареи, взятые под контроль аэродромы советских авиационных частей в Веспреме и Текеле.

Большое возмущение у наших солдат и офицеров вызывали случаи жестоких расправ над венгерскими коммунистами и ранеными советскими военнослужащими. Участники тех событий помнят случай, когда в населенном пункте Варполота, выпущенные из тюрем уголовники захватили в заложники двух наших офицеров и одного сверхсрочника, а затем зверски издевались над ними. Это вызвало всеобщее возмущение и ответную реакцию воинов-десантников. Они нашли виновников, а затем без следствия и суда расстреляли их.

Наши танки практически не могли передвигаться по улицам городов. «Венгерские фрицы», как называли мятежников наши десантники, заставляли женщин и детей сидеть у окон домов, а сами, маскируясь между ними, высматривали нашу боевую технику и советских солдат через прицелы пулеметов и гранатометов, гранаты лежали рядом. В такой ситуации наши десантники проявили чудеса храбрости и военной смекалки, вытуривая «эсэсовцев» из домов в рукопашную, чтобы не погиб ни один ребенок ни одна женщина. А против наших солдат воевали, по воспоминаниям В.А.Рябова «недобитые немецкие, австрийские, венгерские и румынские эсэсовцы и фашисты, а также различных мастей уголовники. Оружия у них было навалом во времен второй мировой войны. Своих партийных работников и всех сограждан, дружественно относившихся к русским, путчисты подвешивали за ноги на деревьях и распарывали им животы. Мы это сами видели, и это было запечетлено на фотоснимках в газетах того времени. Что-то нынешние средства массовой информации не вспоминают об этом! Западная граница Венгрии была открыта полностью и там хозяйничали натовские спецслужбы. Отец родной — Маргелов— воспитывал десантника не только как воина-защитника, но и как всесторонне развитого человека в политическом, идеологическом и экономическом планах. Судите сами, когда я демобилизовался, то в политике понимал больше, чем студент горного института. В те годы мы знали всю подноготную НАТО, и понимали, что натовцы признают только силу, а если чуть расслабишься и дашь им это почувствовать, то они сожрут кого угодно. А в те годы главной ударной силой НАТО в Европе была Западная Германия с ее 500 тысячной армией. ВДВ генерала Маргелова были для них, что кость в горле — они нас люто ненавидели, но в то же время уважали и боялись».

Надо отметить, что к началу операции «Вихрь» личный состав советских войск был настроен решительно. А когда стало известно, что оказание Советским Союзом военной помощи Венгрии поддержано всеми социалистическими странами, в том числе, Китаем и Югославией, это еще больше способствовало выполнению нашего интернационального долга.

С каждым днем ноября боевые действия стали вестись в более благоприятных условиях, чем в конце октября. Будапешт и некоторые другие города находились на военном положении. Наши войска контролировали ситуацию на городских улицах. Зарубежная пропаганда, главным образом радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», настойчиво призывала продолжать вооруженную борьбу как можно дольше. Но сопротивление, по сути, уже завершалось.

9 ноября 1956 г. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Жуков Г.К. сообщал: «… В течение 8 ноября наши войска наводили порядок в Будапеште, прочесывали леса в отдельных районах страны, вылавливали и разоружали разрозненные мелкие группы мятежников. В Будапеште и на местах созданы районные военные комендатуры…».

В ходе боевых действий в Венгрии советские войска понесли значительные потери. По подсчетам они составляли 2260 человек. Безвозвратные потери насчитывали 720 человек, из них было убито и умерло от ран 669 человек, пропал без вести — 51 человек.

Части 7-й и 31-й гв. воздушно-десантных дивизий потеряли 85 человек убитыми, 265 — ранеными и 12 — без вести пропавшими. Было подбито и повреждено немало боевой техники и вооружения. Много жертв было среди венгерского населения. Только в Будапеште погибло около двух тысяч человек и свыше 12 тысяч — ранено. Более 200 тысяч человек покинули Венгрию.

Все это свидетельствует о том, что случившееся явилось трагедией как для венгерского, так и для советского народов. Вооруженная борьба в Будапеште и других городах Венгрии носила ожесточенный характер.

Неприятным уроком для командования и политотдела 31-й гв. вдд явились случаи недостойного поведения отдельных военнослужащих 114-го пдп и отдельного медсанбата,

допустивших бесчинства и мародерство (правда, генералы придумали малопонятный термин «барахольство», поскольку подавление венгерского восстания войной не считалось) на территории дружественной нам страны, за что были строго наказаны в служебном и партийном порядке начальник тыла дивизии полковник Квашин, командир парашютно-десантного полка полковник Канищев и командир медсанбата.

В целом же десантники выполнили свой долг достойно, показав высокую боевую выучку и храбрость в боевой обстановке впервые после войны. Всему личному составу частей и соединений Воздушно-десантных войск за образцовое выполнение боевого задания в Венгрии Командующим Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенантом В.Ф.Маргеловым была объявлена благодарность. За боевые отличия 1710 десантников награждены орденами и медалями, в том числе командир 31-й гв. вдд генерал-майор П.М.Рябов и начальник штаба дивизии полковник И.И.Синеокий.

Иван Иванович Синеокий был оставлен старшим в месте постоянной дислокации дивизии. однако по каким-то делам вылетел в Венгрию, где ему пришлось участвовать в боевых действиях. После того как советские десантники покинули Венгрию, полковник Синеокий сначала «удостоился» выговора от Командующего Маргелова «за самовольное оставление дивизии», а чуть позже привинтил к кителю орден Красной Звезды «за умелое руководство частями и проявленную при этом личную храбрость в ходе боевых действий».

Выполнив интернациональный долг, воины-десантники возвратились на Родину в пункты дислокации. Погибшие десантники были захоронены в венгерской земле.

Части 31-й гв. вдд в конце декабря вернулись на Родину, но дислоцировались они уже не на территории г. Новгород-Волынский, а в городах Черновцы и Коломыя, где имелись оборудованные аэродромы и посадочные площадки, так необходимые для воздушно-десантных войск. Части и подразделения приступили к боевой учебе и обустройству личного состава на новом месте. Положение с жильем офицерских семей оставалось тяжелым. Командующий ВДВ генерал В.Ф.Маргелов и командование Прикарпатского военного округа принимали меры к разрешению этой нелегкой проблемы.

В связи с венгерскими событиями полковник Золотов вспомнил вторую свою встречу с Министром обороны СССР маршалом Жуковым. «Это было в начале 1957 года. Командира дивизии генерала Рябова и меня неожиданно, без предварительного предупреждения вызвали в Москву. Командующий ВДВ генерал Маргелов сообщил нам, что завтра состоится коллегия Министерства обороны. Надо быть готовыми доложить о действиях личного состава дивизии в Венгрии. Одновременно он предупредил нас, что необходимо подробно доложить о мерах, принятых к лицам, допустившим бесчинства и «барахольство». Все это, безусловно, настораживало нас, вызывало определенную тревогу и беспокойство. Мы знали, что министр обороны — человек строгий и требовательный. За допущенные нарушения он крепко взыскивал с подчиненных.

В день проведения заседания коллегии Минобороны нас пригласили на обсуждение вопроса «Об итогах венгерских событий». Докладчики и выступавшие подробно и всесторонне осветили ход событий и действия советских войск в Венгрии. О боевых делах воинов-десантников коротко доложил Маргелов В.Ф. Нам с комдивом слово не предоставляли. Однако в конце заседания Командующий ВДВ пригласил нас к министру обороны. Маршал Жуков находился в отдельном кабинете, сидел в кресле. Поздоровавшись с нами, он в строгом тоне потребовал от нас доложить ему, «…что делается в частях дивизии на новом месте дислокации и как решается вопрос с жильем для офицерского состава». Мы коротко рассказали ему о положении войск и деликатно попросили министра оказать нам помощь в обеспечении жилой площадью офицерских семей. Других просьб мы не высказали. Обещали своими силами решить вопросы, связанные с созданием учебно-боевой базы и укрытием вооружения и транспорта. Настроение его улучшилось, однако чувствовалась некоторая усталость. Министр обороны поблагодарил нас за активное участие в выполнении

боевых задач в Венгрии. Просил передать соболезнования родным и близким воинов-десантников, погибших в ходе венгерских событий. Одновременно пообещал оказать помощь в обустройстве частей дивизии на новом месте дислокации. Уходя из Министерства обороны мы с комдивом еще долго вспоминали эту встречу с Маршалом Советского Союза Г.К.Жуковым, его внимательное, но и требовательное отношение к людям».

Маршал Г.К.Жуков лично поблагодарил Командующего ВДВ за успешно выполненную боевую задачу с минимальными потерями в личном составе, но никакой награды за эту операцию генерал В.Ф.Маргелов. так и не получил, поскольку, как указывалось выше, оказание интернациональной помощи венгерскому народу официально войной не считалось.

Глава 5
Заместитель командующего ВДВ

Проверка 104-й вдд. Дружеский стол вышел боком. Анонимка. Маршал Чуйков и генерал Тутаринов. Генерал Маргелов на отдыхе.

В конце 1958 года в частях и подразделениях Закавказского военного округа Главной инспекцией Министерства обороны проводилась плановая инспекторская проверка. Группу проверяющих, состоявшую из генералов и офицеров штаба и Управления ВДВ, возглавлял Командующий ВДВ генерал-лейтенант Маргелов В.Ф. Главное политическое управление с целью оказания помощи в проверке состояния воинской дисциплины, партийно-политической работы, политических занятий и марксистско-ленинской подготовки привлекло и офицеров политуправления округа.

Проверке были подвергнуты все части и подразделения 104-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, дислоцировавшейся в то время на территории Азербайджана в городе Кировабад и других гарнизонах Закавказья. Командовал ею боевой танкист генерал-майор Потапов Ю.М., а начальником политотдела дивизии был полковник М.Абдурахимов. В состав проверочной комиссии входили: первый заместитель командующего ВДВ генерал-майор М.Танкаев, зам. командующего по тылу генерал-майор М.Аглицкий, начальник парашютно-десантной службы ВДВ генерал-майор А.Зигаев, начальник инженерной службы генерал И.Кочерга, заместитель начальника штаба ВДВ полковник Самсонов и другие ответственные работники.

Проверка длилась более десяти дней. В ходе напряженной работы в поле, на учебных центрах, полигонах, танкодромах, автодромах и аэродромах командование дивизии, офицерский состав, сержанты, солдаты проявили максимум стараний, чтобы успешно сдать государственный экзамен. Выдержав все испытания походно-боевой службы, они без единого происшествия провели батальонное тактическое учение с выброской парашютного десанта. Нелегкий героический труд воинов-десантников, их энтузиазм, трудолюбие, находчивость были достойно вознаграждены — Командующий ВДВ генерал Маргелов В.Ф. без всякой натяжки с удовольствием поставил дивизии высокую оценку «хорошо».

После завершения инспекторской проверки руководство дивизии организовало воскресный обед, естественно, с разрешения Командующего ВДВ, на который были приглашены все командиры частей, их заместители и начальники штабов. На обед прибыли руководители местных советских и партийных органов, а также представители подшефных предприятий и организаций и, конечно, виновники торжества — все командиры частей, их заместители и начальники штабов.

Традиционный русский стол был обогащен и украшен национальными

азербайджанскими блюдами. Вместе с воинами-десантниками гости радовались и гордились успехами в боевой и политической подготовке их подшефных частей и подразделений. Обед прошел организованно, вылился в большой, радостный праздник представителей армии и народа.

Среди проверяющих был и инспектор Главпура полковник С.М.Золотов (ныне генерал-лейтенант в отставке), который в ходе командировки имел возможность ближе и лучше узнать Командующего ВДВ генерала Маргелова (которого он знал раньше, проходя службу в ВДВ). Как вспоминает Семен Митрофанович, Герой Советского Союза генерал Маргелов В.Ф. проявил себя на посту Командующего как опытный, энергичный и требовательный военачальник. Он обладал высокими деловыми качествами и пользовался заслуженным авторитетом среди личного состава вверенных ему войск. Его неугомонный характер и неограниченная инициатива позволяли ему активно влиять на широкие массы подчиненных. Он вносил в среду воинов-десантников особый героический, «маргеловский» дух и традиции: смелость, находчивость, дерзость и личную инициативу. Требуя от десантников всесторонней подготовки, знаний и умения пользоваться всеми видами оружия и боевой техники, он не щадил себя самого и был для них образцом для подражания.

Его кажущиеся простота, грубость и, как считали некоторые, даже — «вульгарность», не только не оскорбляли подчиненных, а, наоборот, импонировала им, воодушевляла и вдохновляла их на подвиги и героические дела. Маргелов был (и остался после ухода из ВДВ) любимцем в войсках. Его в неслужебное время звали «отцом — Батей». Работать под началом такого Командующего было легко, интересно и содержательно.

Все эти качества в достаточной мере характеризовали Маргелова В.Ф. как в высшей степени сильную и волевую личность. Как известно, у сильных людей всегда бывает много врагов и завистников. Не был исключением и Командующий Маргелов — после успешной проверки дивизии и последовавшего за ней торжественного обеда в ЦК КПСС поступила фальшивая и злая анонимка, в которой нечистоплотные, завистливые людишки, как вспоминал Золотов, преследовавшие свои корыстные интересы, расписали тот дружеский обед как «коллективное пьянство», организованное Командующим ВДВ. В ЦК партии этому сигналу была дана острая партийная оценка. Инспектору Главпура полковнику Золотову пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить заведующего административным отделом ЦК КПСС Н.И.Савинкина в том, что это была ложь и стопроцентная клевета, направленная на подрыв авторитета генерала Маргелова В.Ф. — заслуженного и уважаемого человека.

Аналогичные кляузы и анонимки имели место и в последующей практической деятельности Командующего ВДВ. Несмотря на высокий деловой авторитет этого замечательного, инициативного военачальника, защитить и отстоять его в то время не удалось. К тому же кое-кому из высших чиновников не понравилось, когда на одном из праздничных приемов, куда не могли не пригласить «отставного» маршала Жукова Г.К., генерал-лейтенант Маргелов, вытянувшись по стойке «смирно», поздравил его с праздником. К Маргелову В.Ф с уважением относились многие крупные военачальники, прославившиеся боевыми заслугами на полях сражений, в частности, маршал Жуков Г.К. Будучи министром обороны, он неоднократно наблюдал за действиями десантников на учениях и выражал удовлетворение их высокой выучкой, восхищался смелостью и отвагой. Те, кто знал Жукова близко, подчеркивают его сдержанность на похвалу в адрес старших начальников. И уж если он говорил, что доволен действиями вверенных им войск, это воспринималось как высокая оценка и их командира, а тем более командующего.

Генерал Маргелов гордился уважением к себе таких военачальников, а потому не менял своего отношения к заслуженным людям в угоду временщикам и высокопоставленным подхалимам, хотя многих бесило его независимое поведение.

Некоторые полагают, что временное снятие генерала Маргелова с должности командующего произошло из-за чрезвычайного происшествия в его родной Псковской дивизии.

В артполку дивизии была разоблачена группа насильников над местными женщинами. И, как раньше практиковалось, первыми о происшествии в армии узнавало высшее политическое руководство страны, а уж потом оно начинало пенять Министру обороны и за происшествия и за то, что он не знает о них. Другая практика, вытекающая из первой, заключалась в повальном и огульном наказании командиров всех степеней, которым не удалось распознать намерений солдат-насильников. Всех поснимали, а некоторых уволили, начиная с младших командиров и включая Командующего ВДВ, у которого в подчинении сотня тысяч десантников с разными характерами. Поди угадай!

Сняли командира полка полковника Тюнина, комдива генерал-майора Евдана и… Командующего ВДВ за компанию, чтобы всем не повадно было.

И вот состоялось решение об освобождении генерала Маргелова В.Ф. от должности Командующего ВДВ. Соответствующий приказ Министра обороны был подписан 14 марта 1959 года. Генерал-лейтенант Маргелов был назначен с понижением — первым заместителем командующего Воздушно-десантными войсками. Новым командующим ВДВ стал генерал-полковник Тутаринов Иван Васильевич, бывший командующий войсками Уральского военного округа, не десантник ни по службе, ни по своему характеру. Он отличался от прежнего Командующего, как небо и земля. Как оказалось впоследствии, это было не лучшее решение для Воздушно-десантных войск…

Не всякий человек может выдержать и спокойно воспринимать понижение в должности, да еще, до обидного, не заслуженного. Василий Филиппович этот удар судьбы воспринял стойко, ничем не выдав свое состояние и отношение к происшедшему с ним. Он никому не жаловался в разговоре об этом и нигде не распространялся на эту тему. Надо сказать, недоброжелатели или кого в свое время обидел Василий Филиппович, злорадствовали, но большинство верило, что Василий Филиппович возродится вновь. После вступления в новую должность, генерал Маргелов не пал духом, не стал предаваться унынию, а с чувством собственного достоинства приступил к исполнению своих обязанностей. Поменяв свой прежний кабинет на находящийся напротив кабинет заместителя, он на следующий день представился своему новому начальнику. Даже самый внимательный человек не смог бы прочитать на лице Василия Филипповича следов переживаний или сомнений. Его жизнь и работа во славу войск продолжалась…

Начался новый этап в его службе. Судьба как будто решила исправить допущенную ранее ошибку, когда Маргелов В.Ф., минуя звено зама, сразу взлетел на должность командующего. Его отношения с новым командующим были ровные, без доли фамильярности, что, мол, и я был таким. Если на сборах Тутаринов спрашивал, где Василий Филиппович, то последний, узнав, что его ищет командующий, буквально бегом направлялся к нему и по уставному рапортовал о прибытии. Тутаринов однажды даже сделал Маргелову замечание в очень вежливой форме: «Зачем Вы, Василий Филиппович, так слишком со мной официально?» На что тот четко отвечал: «Я солдат, товарищ командующий!»

Со своими бывшими подчиненными, он вел себя свободно, с удовольствием играл в шахматы, преферанс и не чурался веселых компаний. Даже со стороны, по его поведению, трудно было заметить его истинное состояние. Не было видно, что он тяготился своим новым положением или был удрученным. Он поставил цель, выдержать этот удар судьбы, пусть даже несправедливый и вернуть свое положение в армейской иерархии.

Один эпизод из периода, когда ВДВ командовал генерал Тутаринов, приводится по воспоминаниям Золотова С.М.

В ВДВ состоялись сборы руководящего состава на базе Тульского

воздушно-десантного корпуса и 106-й вдд. Проведены четырехдневные занятия командиров соединений, военно-учебных заведений, их заместителей и начальников служб. Всего присутствовало более 250 человек. Штабом ВДВ была разработана интересная и содержательная программа командно-штабного учения с практическим десантированием войск. Основная тяжесть нагрузки в подготовке и проведении этого мероприятия легла на плечи первого заместителя командующего Маргелова В.Ф. и начальника штаба генерала Павленко П.Ф. Большую помощь им оказали командование корпуса и 106 вдд.

На сборах были показаны новые образцы воздушно-десантной техники и вооружения, способы и методы их применения и использования в условиях современных боевых действий, образцы мужественных действий воинов-десантников в условиях сложной боевой обстановки с применением штатного оружия и при использовании подручных средств. Участники сборов были не только свидетелями интересных и содержательных занятий, но и сами лично выполнили боевые задачи на стрельбище, полигоне, танкодроме и аэродроме. Многие из них совершили одиночные испытательные прыжки и участвовали в практическом десантировании при проведении КШУ. Сборы руководящего состава ВДВ прошли организованно и поучительно. Такого плана мероприятия в Воздушно-десантных войсках проводились постоянно.

В бытность службы офицера Мелькова Г.Т. (он и поведал небольшой, но говорящий о многом из того периода жизни генерала Маргелова эпизод) в Фергане в 105-й вдд одна из рот тренировалась к совершению группового прыжка с большой высоты. Об этом десантировании на уровне мирового рекорда даже листовка была выпущена. Генерал Маргелов тогда был заместителем командующего. Естественно, ответственность за уникальный прыжок он взял на себя.

Прибыв в роту, напутствовал десантников в своем духе:

— Пускай десантники сделают дело красиво, чтобы десантники гремели!

— Так и будем делать, товарищ генерал! — заверил командир роты.

Маргелов «рубанул» солдатским жаргоном — рота захохотала: «Сделаем!»

Василием Филипповичем была организована тщательная подготовка к прыжку, который, естественно, увенчался полным успехом.

В апреле 1960 года комиссия Главнокомандущего Сухопутными войсками, возглавлявшаяся Маршалом Советского Союза Чуйковым Василием Ивановичем, прославленным командующим 62-й Армией, осуществляла инспектирование войск Белорусского военного округа, в том числе трех воздушно-десантных дивизий. О Чуйкове В.И. в ту пору ходило много «легенд», и потому кого-то пугало его отношение к людям, а кого-то предстоящая встреча с заслуженным полководцем, напротив, радовала.

Надо сказать, что Командующий ВДВ Маргелов В.Ф. перед вышестоящими начальниками страха никогда не испытывал. Честным и бескорыстным командирским трудом он добивался выдающихся результатов, которыми мог гордиться. Он верил в войска, в своих подчиненных, а потому принимал проверяющих любого ранга с чувством собственного достоинства. Что касается его отношения к маршалу Чуйкову, то генерал Маргелов уважал маршала как выдающегося военачальника еще со времен Сталинградской битвы, высоко ценил его требовательность и прямоту. Даже характером они были схожи, да и в поведении у них было много общего. Отмечая вдохновенную изобретательность генерала Маргелова при употреблении непечатных выражений, его подчиненные, однако, единодушно сходились во мнении, что маршалу Чуйкову он все-таки уступает. Маршал Чуйков также уважительно относился к Василию Филипповичу, всегда считался с его мнением.

Командир 103-й гв. вдд полковник Шкруднев Д.С. доложил командующему ВДВ генерал-полковнику Тутаринову И.В. о том, что ему следует прибыть на аэродром для

встречи Главкома СВ. Как вспоминал инспектор отдела Главпура по руководству политорганами ВДВ Золотов С.М., перед ним стоял неузнаваемый командующий ВДВ. Его лицо заметно побледнело, руки дрожали… Золотов спросил: «Что с вами, товарищ генерал?» А тот, заикаясь, сказал: «Вы знаете Чуйкова?… Это же невыносимый человек. Ему невозможно докладывать…»

Золотов постарался успокоить его как мог и предложил вместе с ним выехать на аэродром. Это предложение было с благодарностью принято.

Командиру дивизии рекомендовали остаться на месте в готовности встретить Главкома. Начальнику тыла было предложено подготовить обед и ужин, а так же гостиницу для всей команды. В военном городке на пути к штабу начальник ПДС организованно проводил комплексную укладку парашютов.

К прилету самолета все были готовы к встрече Главкома Сухопутных войск. Первым рейсом приземлился самолет с его заместителем по боевой подготовке и другие генералы и офицеры Сухопутных войск. Вторым рейсом приземлился Главнокомандующий Сухопутными войсками В.И. Чуйков.

Вначале к его самолету подошел секретарь обкома партии Осадчук, горячо поздравивший Главкома с его с прибытием на белорусскую землю и предложивший посетить областной комитет партии. Однако «ретивый» маршал отверг любезное предложение хозяина города. Предварительно спросив командующего ВДВ о готовности к проверке и, получив положительный ответ, он и сопровождавшие его генералы сразу же направились в десантный гарнизон.

Даже не зайдя в штаб дивизии или полка, где для него (по указанию его же подчиненных) были подготовлены подробный доклад и все необходимые справки, Чуйков поднял по тревоге парашютно-десантную роту и приказал доложить все расписания занятий за последние месяцы. Услышав, что в них отсутствовали полевые тактические занятия, он сделал вывод, что его приказ о необходимости улучшения полевой выучки десантников не выполнен. На этом проверка боевой и политической подготовки в полку закончилась. Попытка комдива Шкруднева и командира полка Осадчего убедить Главкома, что программа боевой подготовки была в основном выполнена, не увенчались успехом. Хотя его заместителю генералу Колпакчи было документально доложено, что приказ Главкома СВ о полевой выучке личного состава в основном выполнен. Настроение Чуйкова было испорчено, он отказался от обеда, ночевать в дивизии также не остался. Командующий ВДВ при этом даже и не пытался доказать правоту своих подчиненных, опасаясь гнева маршала. Генерал Маргелов такого не допустил бы ни при каких обстоятельствах.

Тем не менее во время разбора итогов проверки войск Белорусского военного округа, на котором присутствовали руководители компартии и правительства Белоруссии, маршал Чуйков всесторонне охарактеризовал состояние боевой и политической подготовки в войсках округа. Тон и содержание его выступления носили спокойный, умеренный характер. Все объединения и соединения получили положительные оценки, в том числе и все дивизии ВДВ.

Два года пролетели быстро. И здесь снова вмешалась судьба, но не злодейка. Она, видимо, решила, что выпавшее испытание Василий Филиппович выдержал с честью и решила вмешаться.

В Группе советских войск в Германии Министр обороны Р.Малиновский проводил разбор крупных учений и там поделился с участниками учений одним фактом из служебной деятельности больших начальников. Ему доложили, что снятый с командующего армией один генерал и назначенный там же заместителем, вместо честного поведения и исполнения своих служебных обязанностей, устраивает обструкцию новому командующему, ничего не делает и не помогает ему. А вот есть такой генерал Маргелов В.Ф, тоже оказавшийся в таком же униженном положении, наоборот, показал себя дисциплинированным и трудолюбивым. О

нем от нового командующего не поступало никаких замечаний и претензий, даже наоборот.

Вскоре был освобожден от должности командующего Воздушно-десантными войсками генерал-полковник Тутаринов Иван Васильевич. На эту должность вновь вернулся генерал Маргелов Василий Филиппович — приказ министра обороны датирован 22 июля 1961 года. Таким образом, генерал Маргелов пробыл в должности заместителя командующего ВДВ 2 года, 4 месяца и 7 дней.

По воспоминаниям Золотова С.М., кратковременное пребывание генерала Тутаринова И.В. в ВДВ не оставило заметного следа в этом боевом, специфическом роде войск. Он не вписался в динамику и характер воина-парашютиста, не проявил необходимых качеств, присущих отважным десантникам. Учитывая его возраст и характер, было трудно завоевать авторитет и любовь у подчиненных ему войск. Ему пришлось много раз быть свидетелем проводимых им учений и занятий, и Семен Митрофанович чувствовал как трудно и нелегко принимал он решения на десантирование даже небольшого подразделения. Думается, что правильно и своевременно освободили его от должности командующего ВДВ.

Много позже генерал-лейтенант С.М.Золотов в разговоре с Министром обороны СССР Маршалом Советского Союза А.А.Гречко спросил, не слишком ли поспешили в свое время с решением понизить в должности генерала Маргелова. Андрей Антонович, немного помолчав, сказал, что это, несомненно, было ошибкой военного руководства.

Как гласит народная мудрость, нет худа без добра. Все близкие и знакомые, особенно семья, также переживали временную отставку Василия Филипповича с должности Командующего ВДВ. Тем не менее, у отца появилось больше свободного времени, которое он мог посвятить жене и детям к их огромной радости. По вечерам всей семьей стали ходить в театры, особенно отец любил оперетту и балет, старался не пропускать ничего нового.

Однажды он с женой ходили на балет «Снегурочка» в театр Станиславского и Немировича-Данченко, куда весь свой класс, в котором учились близнецы, привела классная руководительница Н.Б.Крыжановская, преподававшая русский язык и литературу. (Ее муж, Василий Николаевич, еще во время войны вносил свой весомый вклад в укрепление оборонной мощи Родины. Будучи рационализатором и изобретателем, многое сделал своими руками, чтобы наши парашюты стали самыми надежными в мире). В театре их места были рядом, и им было о чем поговорить в антракте.

В выходные дни отец забирал всю семью на лыжные прогулки, устраивая своим хлопцам проверки на выносливость — не менее десяти километров при любом состоянии снега — и чтобы не отставать! Конечно, он не доводил детей до изнеможения, якобы отставая и ожидая, пока его догонят хлопцы, успевал выкурить одну, а то и две папиросы «Беломорканал» (единственный и любимый им сорт табака еще с предвоенных лет).

Летом всей семьей выезжали в Тесницкие военные лагеря под Тулу, где его «гвардейцы», в том числе Виталий, бывший близнецам эталоном во всем, познавали почем фунт лиха десантной службы. Пребывание в лагерях на всю жизнь запомнилось сыновьям, тем более, что в то время там проходил службу комбатом старший брат Геннадий, который катал их на «советском джипе» — «газике». Он даже пытался учить их приемам боевого самбо, будучи в то время чемпионом дивизии. К примеру, этот худощавый, невысокого роста майор ставил вокруг себя шестерых здоровяков и предлагал: «Нападайте, хлопцы!» Те, конечно, стеснялись «напасть» на сына большого начальника. Геннадий повторял свой приказ требовательным тоном и гвардейцы, мешая друг другу, толпой набрасывались на своего комбата. Это-то ему и было нужно! Он моментально находил самого сильного среди нападавших, тут же выводил его из строя, а потом уже расправлялся с остальными.

Там же в Тесницких лагерях во дворе были установлены спортивные снаряды: турник, брусья, а также высокие качели — взлетая на них «в поднебесье» так, что дух захватывало,

можно было далеко видеть окружающий участок лес. На спортивных снарядах генерал занимался сам и приучал к ним своих сыновей, в обязанность которых также входило накрывать их на ночь и перед дождем. Часто ходили всей семьей в лес за грибами, которых в то время было достаточно много. Примерно в двух километрах от домика находилось довольно большое озеро с лодочной станцией, где по выходным дням можно было покататься на лодке. В будни десантники отрабатывали на озере преодоление водной преграды на плавающей боевой технике, устанавливали понтонные мосты. Близнецы, да и другие мальчишки, сыновья рядом живущих офицеров, наблюдали за этим с большим интересом, подспудно проникаясь глубоким уважением к нелегкому повседневному ратному подвигу отцовских гвардейцев-десантников.

Глава 6
Вас ждут новые задачи, товарищ командующий!

Генерал Павленко П.Ф. — Десантник номер 2. Учения «ДНЕПР». Генерал армии. История создания десантного берета. Домодедово—1967. «В парашют — верю!». Прыжок на Памир. «ДВИНА» и другие учения.

30 декабря 2001 года десантники прощались с генерал-лейтенантом Павленко Павлом Федосеевичем. Где, как не на похоронах, особенно в разговорах между собой, дается самая правильная оценка человеку?

Так вот, мнение, высказанное многими ветеранами, служившими с Павлом Федосеевичем в течение нескольких десятков лет, было единым. Все сошлись на том, что он был исключительно подготовленным в военном отношении и абсолютно порядочным человеком. Также как и у Командующего ВДВ Маргелова самым страшным ругательством у него было «иваны, не помнящие родства!». Будучи почти 20 лет начальником штаба ВДВ генерал Павленко П.Ф., на всех уровнях поднимал роль и престиж войск. Именно при нем отечественный род войск — Воздушно-десантные войска — стали писаться с большой буквы.

Он прекрасно понимал, на что способны Воздушно-десантные войска при правильном руководстве ими, какие задачи они могут решать в условиях современной войны. Хотя генерал Павленко не имел никаких научных степеней, присутствовавшие ветераны назвали его никак не меньше, чем Академик Воздушно-десантных войск. Больше того, учитывая его заслуги в создании современных ВДВ, единодушно посчитали генерала Павленко П.Ф. Десантником номер 2 — вторым после Командующего Маргелова В.Ф.

Вечная ему память и благодарность десантников!

Генерал-майор Борисов М.И., длительное время возглавлявший разведку и практически создавший разведотдел в ВДВ, в течение многих лет работал в Управлении ВДВ при Маргелове и Павленко. Потому его мнение о Павле Федосеевиче имеет реальную основу.

Он с полным основанием считает. что последнего начальника штаба Василий Филиппович буквально выпестовал. Павел Федосеевич начал служить под эгидой Маргелова В.Ф. еще в 76-й гв. ВДД, в Пскове. После окончания Академии Генштаба Павленко П.Ф. стал познавать азы штабной работы в оперативном штабе, каким являлся штаб ВДВ, вначале в оперативном отделе, возглавляя его, затем заместителем начальника штаба и, наконец, начальником штаба. Имея природные способности, будучи прекрасно подготовленным и обладая необходимой усидчивостью и требовательностью к офицерам штаба, Павленко стал правой рукой Командующего. Это был поистине интеллигент, не курил, не пил, не играл в карты. Зато он был, наверно, единственным генералом в ВДВ, освоившим кинокамеру, а позже и видеокамеру. Он практически не употреблял бранных слов, но, когда было нужно, умел быть и жестким. В Управлении ВДВ, как легенду, передавали случай, когда Павел Федосеевич, распекая в своем кабинете авиационную группу, хлестко бросил: «Вы не авиагруппа, а авиажоппа!» Офицеры-летчики едва дождались окончания «экзекуции» и, едва

покинув кабинет начальника штаба, чуть не покатились со смеху, не сколько из-за новизны выражения, как от того, **кто** это сказал.

Василий Филиппович был уверен в генерале Павленко, как в самом себе. Он знал, что какое бы задание ему не поручил, оно будет выполнено точно и в срок. Недюжинный ум, умение ладить со всеми сотрудниками штаба и командирами в войсках, безмерные трудолюбие и порядочность снискали уважение и доверие к нему у Командующего и у всех командиров и офицеров ВДВ. На него можно было опереться и положиться. Он был самым преданным единомышленником Командующего в течение всего времени.

В.Ф. Маргелов, как Командующий, ценил труд штаба. В подтверждение этого сошлюсь на его отношение к документам, представляемым на утверждение или подпись. Обычно я, как начальник штаба, предварительно докладывал ему содержание основных документов, после чего он внимательно читал сам. За многолетнюю практику не было случая, чтобы он отнесся к документу свысока, пренебрежительно или, как поступали некоторые командующие, порвал или отбросил его. У него было какое-то благоговейное отношение к исполненному плану, графику, приказу или даже телеграмме. И если он с чем-то не соглашался, делал на полях заметку простым карандашом, просил аккуратно подправить и не переделывать заново, особенно это относилось к документам, исполненным чертежницами, кропотливый труд которых он по праву высоко ценил.

Штабу представлял большую самостоятельность, одобрял и поощрял инициативу. Но требовал, чтобы все было тщательно проработано, рассчитано повремени и, главное, жизненно и реально для выполнения войсками.

В шутку как-то сказал, что командир — это шея и жопа, а начальник штаба — голова и сердце. Шея вертится куда скажет голова, а по жопе всегда бьют первого командира. Голова — чтобы думать, рассчитывать и не допускать промахов и тем паче глупостей, а сердце — это значит забота, сочувствие и внимательность. Там, где командир может быть сгоряча несколько «перегнул палку», начальник штаба должен смягчить положение, что-то уточнить в деталях, разъяснить, но выдержать «курс» и провести в жизнь принятое решение.

Приняв решение, не мелочился в указаниях, ограничиваясь обычно сроками оформления. Все остальное являлось заботой начальника штаба и начальников служб. Разумеется, он полагался на их опыт и подготовку.

При таком методе работы мы чувствовали себя раскрепощению и самостоятельно решали многие вопросы по своей службе, строго придерживаясь лишь «генеральной линии» или замысла принятого решения. В штабе и Управлении в целом в течение многих лет ощущалась хорошая сработанность, дружный коллектив. Никто из заместителей командующего и начальников служб не пытался обособиться, все вопросы в рабочем порядке согласовывались с начальником штаба и оперативным отделом.

Василий Филиппович строго спрашивал за своевременность исполнения распоряжений как в штабе, так к в войсках.

На учениях и занятиях в докладах офицеров не любил длинных теоретических рассуждении, требовал конкретности и ясных предложений с кратким расчетом к обоснованием. Тут же переходил к практическому анализу — реально ли это для выполнения войсками?

Огромный жизненный и военный опыт (он был активным участником пяти войн!) позволял ему критически оценивать предложения штаба, начальников родов войск и служб, решения командиров соединений и частей, ставить их на реальную почву.

«Более десяти лет я работал с ним только в должности начальника штаба войск, а до этого еще столько же в должностях начальника оперативного отдела и заместителя начальника штаба. Думаю, что поэтому имею основания высказать некоторые суждения.

Прежде всего скажу, что работу штаба он высоко ценил, как труд кропотливый, требующий терпения, внимания, усидчивости исполнителей — от рядового офицера до

начальника штаба. Считал, и думаю совершенно резонно, что в штабе должны работать высоко грамотные, инициативные и исполнительные офицеры. Прежде чем дать свое согласие на назначение в штаб ВДВ подобранного кадровиками кандидата (и уже согласованного с начальником соответствующего отдела и начальником штаба), он стремился лично убедиться на занятии или учении в его деловых качествах, умении сделать выводы из обстановки, четко и кратко доложить предложения командиру.

От начальников служб и отделов требовал внимательно относиться к новичкам, взятым в штаб из войск или после окончания академий, постоянно учить их как вести себя в войсках: честно и правдиво оценивать положение дел, не проявлять кичливости и высокомерия к офицерам штабов дивизий и полков, уметь находить и подмечать полезные начинания офицеров и солдат подразделений. На это последнее качество обращал особое внимание. И это касалось всех офицеров штаба. Заслушивая доклады о результатах работы групп в дивизиях, постоянно и пытливо спрашивал каждого: что нового и полезного он увидел в частях, в работе того или иного командира штаба. Все то, что заслуживало внимания, немедленно доводилось другим частям и штаб обязан был следить за внедрением его в жизнь войск. Это же касалось и отрицательных моментов, например, в подготовке к парашютным прыжкам, где недоработка или дефект могли привести к катастрофе,

Теоретизирующих докладчиков вежливо останавливал и говорил: «Знаешь, я в теории не силен, ты разъясни мне просто, по-солдатски, как это сделать практически». В этом выражении был глубокий смысл. Ведь в военном деле очень важно правильно разобраться в обстановке, оценить свои возможности прежде, чем будешь отдавать приказ подчиненным.

А обстановка каждый раз бывает конкретная, не похожая на теорию. В том и искусство командира, что он способен (или не способен) правильно оценить ее. У нас порой даже в высоких инстанциях преуспевали и вышли в большие чины сугубые теоретики, не способные, однако, практически командовать ни на войне, ни в мирное время. Я никогда не слышал от Василия Филипповича «классических» формулировок замыслов решений, как это преподается в академиях. Зато много раз я слышал его приказы и распоряжения как на учениях, так и в повседневной жизни — четкие, ясные и краткие, при которых подчиненный может проявить инициативу в способах выполнения задачи, он не скован в своих действиях. А замысел решения Командующий уже «отложил» в своем уме, он виден из постановки задачи подчиненным частям.

В ходе учений, когда штаб докладывал Командующему расчет времени на подготовку к операции, важнейшим элементом он считал заботу о том, чтобы дивизии и полки имели достаточное время на подготовку к десантированию. Ведь нередко встречаются случаи, когда старшие инстанции «съедают» львиную долю времени, поздно доводят задачи до войск и они не успевают подготовиться. Грош цена всем умным замыслам начальников, если командиры взводов и рот не имели времени на уяснение своих задач и доведение задачи и порядка действий до всех солдат.

Посоветовавшись в штабе, мы предложили Командующему иную, чем в академиях, методику расчета времени, а именно — начинать с готовности войск к выполнению задачи и идти «назад», оставляя для командиров и штабов самый минимум на принятие решений и постановку задач. Командующий внимательно разобрался и одобрил. С тех пор такой метод расчета времени практикуется во всех частях и вполне себя оправдывает.

Хочу также отметить, что Василий Филиппович никогда не осуждал свой штаб перед Генштабом и другими старшими инстанциями. Наоборот, он всегда мог защитить нас, хотя в работе штаба и начальников служб было и немало погрешностей».

Воспоминания генерала Павленко о Командующем ВДВ генерале армии Маргелове В.Ф. представляются значительными и объективными, а потому с полным основанием приводятся в различных главах настоящей книги.

ВДВ — специфический род войск, занимающий в наших Вооруженных Силах особое

место. В отличие от командующих войсками военных округов и армий, Командующий ВДВ обладает значительной «автономией». Ему и его штабу практически мало что можно использовать в своих частях из опыта Сухопутных войск. Имеются в виду основные вопросы боеспособности и боевой готовности в оперативном масштабе, такие как подготовка к десантированию, десантирование и способы действий в тылу противника. Все это разрабатывалось Командующим и Штабом ВДВ и проверялось на учениях, а затем воплощалось в инструкциях, наставлениях и уставах, разумеется, после одобрения Главнокомандующим Сухопутными войсками (когда ВДВ ему подчинялись), Генеральным Штабом и другими органами Министерства обороны. Основываясь на многолетнем опыте, можно сказать, что при всем уважении к этим инстанциям, они, как правило, ничего существенного десантникам подсказать не могли, соглашались с мнением Командующего и штаба по специальным вопросам. В этом отношении Командующий ВДВ выступал и выполнял функции Главнокомандующего видом Вооруженных Сил, важнейшей из которых являлось оснащение войск современным вооружением и техникой, которые можно было бы десантировать в тыл противника. С другой стороны, ему непосредственно подчинены корпуса, дивизии, и ими надо повседневно руководить, как командарму. А с 1956-57 годов корпусные управления были упразднены.

Часто офицеры штаба шутили, с одной стороны у нас солдаты, с другой — Генштаб. Отсюда ясно, что командующему ВДВ и его штабу приходится совмещать функции от Главкома до командарма, а это не так просто при большой территориальной разбросанности войск и всегда ограниченных по количеству офицеров штатах Управления.

С начала 60-х годов наступило время, когда войска возвращались к практике проведения крупных общевойсковых учений и маневров, существовавшей до Великой Отечественной войны. Вызвано это было тем, что началось полное перевооружение ВДВ, превращающее войска в мощное средство ведения современного боя. Командующий Маргелов энергично способствовал тому, чтобы такого рода учения являлись основным содержанием боевой подготовки войск.

Павел Федосеевич Павленко вспоминал, как часто ему приходилось видеть генерала Маргелова «в сложной, острой и неясной обстановке, когда надо было действовать быстро и решительно. Никогда ни на его лице, ни в действиях и решениях не было ни тени растерянности, нерешительности. Я всегда в душе восхищался его умением безошибочно решать сложные вопросы в экстремальной ситуации. В этом ему помогали природная, как говорят, от Бога одаренность и решительность характера истинно суворовского типа военачальника. Он всегда брал на себя всю ответственность перед старшими начальниками за содеянное в войсках или за глупость, допущенную кем-то из подчиненных командиров, объясняя свою вину тем, что плохо научил.

Выполнение поставленной начальником задачи точно в срок было святым правилом. Никогда он никого не просил об отсрочке выполнения приказа. Другое дело, когда Министр обороны или Генштаб предварительно советовались о сроках подготовки того или иного мероприятия, здесь он проявлял взвешенность и здравый расчет времени и возможностей войск.»

Где еще в мирное время проявляется талант командиров и их штабов, степень их компетентности и волевые качества, как не учениях? И чем крупнее учения, тем ярче высвечиваются эти качества — хорошие или плохие.

С 24 сентября по 3 октября на территории Украинской ССР проводились крупные общевойсковые учения «Днепр».

Указанные маневры такого масштаба проводились после войны впервые. На учение были привлечены войска трех военных округов, 76-я (командир дивизии генерал-майор

Ометов В.И.) и 103-я (командир дивизии полковник Кобзарь И.В.) гвардейские воздушно-десантные дивизия и вся военно-транспортная авиация, не говоря об воздушных армиях и прочих соединениях других видов и родов войск. Войска заняли исходные районы, а десантные дивизии исходные районы для десантирования.

В ходе подготовки воздушно-десантной дивизии к учениям генерал Маргелов, будучи в полках, обращался к офицерам: «Не посрамите меня, зрителей на сей раз будет столько… Да еще каких!»

Уже позже, из газет участники учений узнали, что с трибун на десантирование десантной дивизии взирало все Политбюро в полном составе во главе с Брежневым, члены ЦК КПСС, министры обороны стран Варшавского Договора, дипломаты и военные атташе. Украина, на территории которой проводились учения, по масштабу напоминавшие развернутую фронтовую операцию, выставила внушительную делегацию.

Командующий с оперативной группой штаба находился в поле в 140 км от Чернигова, где размещался штаб руководства во главе с Министром обороны маршалом Гречко А.А. и начальником Генштаба маршалом Захаровым М.В.

Перед началом маневров Министр обороны на один из дней, на восемь утра назначил последнее совещание, в штаб руководства вызывались все командующие и начальники родов войск Министерства обороны, в том числе и Командующий ВДВ. Поскольку все командующие войсками округов и ВДВ находились далеко от Чернигова, то они должны были прибыть по воздуху.

Полковник Борисов М.И. возглавлял оперативную группу ВДВ при штабе руководства и потому все команды начальника этого штаба, маршала Захарова, касающиеся ВДВ, проходили через него, и он каждый раз должен был расписываться о том, что ознакомлен с очередным распоряжением или командой.

И на этот раз он расписался о времени проведения министром совещания и передал об этом на КП ВДВ в исходный район, где находился Маргелов В.Ф., который должен был прилететь на вертолете. Затем, поздно вечером принесли новое распоряжение маршала Захарова о запрете вылета командующих войсками округов и ВДВ утром на совещание из-за ожидаемого сильного тумана на всей территории маневров. Борисов снова расписался в получении данной команды.

Утром, действительно, выглянув в окно, нельзя даже было различить другие здания во дворе училища и то, что во дворе. Все было окрест окутано белесой мглой, но сквозь нее чувствовалось солнечное освещение. Ровно в шесть утра полковника Борисова по радио вызвал генерал Павленко из исходного района и просил подтверждения на вылет, так как у них сильный туман. Полет по расчетам занимал около часа. Михаил Иванович был в замешательстве, что делать, а вдруг туман быстро рассеется? Но у него совершенно выпал из головы категорический запрет начальника штаба руководства на вылет. Оценив обстановку и предполагая, что осенние туманы быстро рассеиваются с восходом солнца, он решил взять всю ответственность на себя и подтвердил разрешение на вылет. Да, Борисов забыл, что накануне он уведомил Павленко П.Ф. о полученном запрете, но в штабе ВДВ помнили об этом, поэтому он и запросил утром подтверждение на вылет.

Примерно через час еще раз связались по телефону со своим полевым лагерем и оказалось, что несмотря на запрет полетов всех летательных аппаратов, Командующий в 7 часов вылетает на Чернигов. Подлетное время — около 40 минут, и Борисов немедля выехал на аэродром. Там уже шел напряженный разговор руководителя полетов с генералом Тараном П.А., ответственным за перелеты по плану штаба руководства. Узнав, что вертолет с Маргеловым уже вылетел, Таран высказал десантникам свое негодование и грозил строго наказать, вплоть до разжалования командира вертолета.

А туман, как на грех, не рассеивался, он стоял стеной и проникал даже в кабину машины. Через несколько минут на аэродроме услышали рокот вертолета, а взлетная полоса

и весь аэродром были по-прежнему окутаны туманом, хотя где то вверху лился поток солнечного мягкого света. Не было даже видно самолетных стоянок, что делать? Полковник Борисов не на шутку перетрусил, нарушив приказ самого министра. Случись самое невероятное с Командующим, он пропал и закончится его так хорошо начавшаяся военная карьера. После окончания в 1967 году Военной академии Генштаба у него впереди маячило продвижение по службе. Но больше всего его тревожила судьба Командующего, который по вине Борисова может пострадать. А как можно было просто поступить: точно и беспрекословно выполнить полученный приказ старшего начальника, передав лишь два слова: «нет разрешения!»

Михаил Иванович, как всегда в трудную минуту своей жизни, мысленно обратился к Богу: «Господи! Спаси и помилуй!» Смеяться не надо. Хотя все мы при советской власти считались официально безбожниками, а иначе бы выгнали из армии, но его мама была глубоко и искренне верующей, и ей удалось заронить в душу будущего офицера зерно веры, которое постоянно тлело внутри него. Видимо, Господь услышал мольбу, и произошло самое настоящее чудо: Когда вертолет где то вверху угадывался прямо над аэродромом, в тумане буквально на считанные минуты открылось небольшое окно и вертолет в него быстро приземлился. Не успел Василий Филиппович выйти из него, туман, как по мановению волшебной палочки, закрыл спасительное для вертолета и для Борисова окно, и снова аэродром окутался плотной стеной тумана. Разве это не знамение судьбы и того, что ожидало Василия Филипповича вскоре!

Все радостно и облегченно вздохнули, и генерал Таран, хотя и сердился, был искренне рад благополучному исходу этого необычного перелета, о котором уже знал Министр обороны, Главком ВВС и весь штаб руководства. Оказывается, Василий Филиппович посчитал запрет полетов перестраховкой летчиков и надеялся, что туман должен скоро рассеяться. А главное — на совещание вызывал Министр обороны, и он не мог допустить даже мысли о том, чтобы по любой причине не прибыть или опоздать.

Встречающие подошли к вертолету и кратко доложили Командующему обстановку, в том числе и о том переполохе, который царил на аэродроме. Доложили также о том, что генерал Таран Павел Андреевич обвиняет командира вертолета в преступном нарушении всех регламентов и инструкций о полетах, намерен принять к нему самые строгие меры. Вскоре к ним подошел и генерал Таран.

Василий Филиппович, как всегда, был подчеркнуто вежлив с генштабистами, а Павла Андреевича Тарана, дважды Героя Советского Союза, он давно знал и питал к нему искренние чувства уважения.

— Уважаемый Павел Андреевич, приношу Вам и всему летному начальству самые искренние извинения за причиненное беспокойство, — сказал Маргелов. — Поймите и мое положение: я не мог не прибыть, не выполнить приказ. А командир вертолета очень толковый офицер, он заслуживает всяческой похвалы. И вылетел он лишь после того, как я подписал ему письменное распоряжение. Прошу Вас ни в коем случае не наказывать и не осуждать его действия, он поступил как на войне. Если надо, я обращусь с этой просьбой к маршалу Вершинину (тогда — Главком ВВС).

Обменявшись еще несколькими любезностями и поблагодарив за обеспечение перелета, десантники поспешили в Чернигов.

Поскольку до совещания еще оставалось около двух часов, Командующему было предложено позавтракать и потом уже заняться делами.

Всю обратную дорогу Командующий возбужденно рассказывал о полете через мглу тумана, окутавшего в то сентябрьское утро Черниговщину. Туман проник в кабину вертолета и Командующий даже пытался его разогнать его руками как табачный дым, все было напрасно. Полет показался долгим и напряженным, мелькала мысль, зачем согласился лететь. В общем, устроил Борисов испытание своему Командующему и тот выдержал его,

еще раз показав свои незаурядные моральные качества и способность идти на риск, если требует обстановка.

Весь свой рассказ Василий Филиппович пересыпал солеными словечками, а полковник Борисов был безмерно рад, что все обошлось, слава Богу, благополучно.

До окончания завтрака пришел офицер и доложил Маргелову, что его срочно вызывает министр в Дом офицеров. Быстро рассчитавшись с официанткой, Командующий с подчиненными почти бегом направились к Дому офицеров, находившемуся в двухстах метрах от столовой.

Маршалы Гречко А.А. и Захаров М.В. стояли у входа в здание в полевой форме, в готовности отправиться на машинах на реку Днепр, где проходила условная линия фронта между «северными» и «южными».

После очевидцы рассказали следующее. Гречко и начальник ГШ маршал Захаров получили извещение, что к ним подлетает генерал Маргелов.

Маршал Захаров, возмутившись за нарушение запрета на полеты, произнес: «Товарищ министр! Маргелова за самовольство нужно посадить на гауптвахту!»

Но Андрей Антонович Гречко оценил это по-другому.

— Маргелов здесь ни причем. Виноваты мы, вовремя не отменив совещание. А что касается Маргелова, то известно, что этого человека ничем не испугаешь. Он ползком приползет, но приказ выполнит вовремя!

Генерал-полковник В.Ф. Маргелов, как всегда, подошел четким строевым шагом и доложил о прибытии на совещание.

— Придется Вас наказать, Василий Филиппович. Вы наделали большого переполоха в штабе руководства, поставили на ноги все руководство ВВС во главе с Маршалом Вершининым. Почему не выполнили приказ, ведь был дан запрет на полеты? — спросил Гречко. По его лицу и еле заметной улыбке Захарова Маргелов понял, что за строгими по форме словами Министра в его душе совсем иные настроения.

И здесь Василий Филиппович не растерялся как десантник, нашелся, удивив министра и его свиту, громко отчеканив:

— Товарищ Министр, как же мог я, старый служака, ослушаться Вашего распоряжения? Какой я был бы десантник, если бы испугался тумана? — вопросом на вопрос ответил Василий Филиппович. — Я солдат и обязан выполнить приказ. Если мой министр прикажет мне прибыть в любое место, независимо от сложности условий, то я приползу туда даже на карачках в точно установленное время! А распоряжение о запрете полетов в наш десантный лагерь дошло поздно, когда мы были уже в воздухе.

Все отметили, что такой неожиданный ответ понравился министру, который после своеобразного «верноподданнического» заявления Маргелова, впоследствии резко изменил свое отношение к нему. Он увидел в нем надежного генерала, способного выполнить любой приказ министра. С тех пор отношения между ними были отличные, и Маргелов всегда находил в лице министра поддержку в решении проблем, стоящих перед Воздушно-десантными войсками, а этого он и добивался.

Полковник Борисов же все это время стоял ни жив, ни мертв, ожидая, что Командующий скажет о получении официального разрешения из оперативной группы ВДВ на вылет и он был бы прав, но все обошлось.

Гречко и Захаров тепло поздоровались с Маргеловым и с его сопровождавшими, которые привезли с собой карты и другие документы, подготовленные для доклада Министру, план высадки и действий десантов на маневрах, хотя уже не надеялись, что их удастся доложить сейчас. Раз уж начальство оделось по-полевому и настроилось выезжать, придется ждать до вечера.

Министр, как бы читая мысли офицеров, посмотрел на них и спросил, с чем они пришли.

— Представить Вам на утверждение наши планы после их уточнения на местности, — доложил Василий Филиппович.

Десантников пригласили в зал, где Гречко и Захаров внимательно заслушали доклад Маргелова. Министр утвердил планы, сделав замечание лишь по району высадки десантно-штурмового полка на вертолетах, который применялся как опытный. Но эта поправка десантников не обескуражила, так как Гречко указал район высадки, который они сразу предлагали, но генерал армии Пеньковский, тогда заместитель МО по боевой подготовке, предложил при подготовке учения другой район. Из Дома офицеров все вышли с чувством удовлетворения и были очень довольны, что так быстро удалось утвердить планы.

После утверждения документов десантники с облегчением вздохнули. Тот, кому приходилось неоднократно держать такой «экзамен» перед высоким начальством, думается, хорошо понимает их удовлетворение за проделанную работу, хотя, разумеется, главное было впереди.

Вскоре и туман рассеялся, установилась хорошая погода, и все возвратились в свой полевой лагерь.

Вместе с Маргеловым прилетело несколько офицеров из состава «полевого штаба» ВДВ, в числе которых был полковник Булатников В.А., заместитель начальника оперативного отдела ВДВ. В пути Булатников, рассказал, как они утром готовились к полету в Чернигов.

Поднялись рано, часов в 5, и дежурный докладывал, что везде туман, Чернигов, видимо, принимать не будет. Но Маргелов приказал всей группе готовиться, вылет назначил на 6.30-7.00, надеясь, что погода улучшится. И дал распоряжение летчикам — готовить машину к вылету на 6.30.

Но увы, и к 6.30 никаких признаков улучшения видимости не было. Вновь подошел оперативный дежурный и доложил, что штаб руководства подтверждает запрет на полеты и вылет не разрешает. Командующий ничего ему не ответил, лишь приказал следить за погодой, запрашивать Чернигов через каждые 15 минут.

Время приближалось к 7 утра, всю группу охватило беспокойство. Маргелов приказал Булатникову построить группу и объявил, что в 7 часов будем вылетать.

Вызвал командира корабля и объявил ему приказ о вылете. Старший лейтенант Герасимов ответил, что в такой туман он не полетит, не имеет права рисковать жизнью Командующего и его офицеров, не говоря уже об экипаже. Доложил он это четко, твердо, без всяких колебаний.

— Ты, голубчик, пойми: меня вызывает Министр обороны, — пытался уговорить летчика Маргелов, отведя его в сторону. Но тот стоял на своем. А ожидавшие неподалеку офицеры штаба с повышенным вниманием прислушивались к разговору. Все они чувствовали возраставшее напряжение.

Маргелов молча прошелся несколько шагов взад-вперед. Летчик стоял неподвижно, не сводя глаз с Командующего.

— Не думал, — сказал Маргелов, вновь остановившись перед Герасимовым, — что среди летчиков есть трусливые люди. Командующему ВДВ могли бы найти и более смелый экипаж.

— Я не трус, товарищ Командующий, — с искренней обидой в голосе громко, чтобы слышали все, ответил летчик. — Я готов на риск, но дайте мне письменный приказ.

— Пожалуйста, — примирительно и с готовностью ответил Маргелов. Ему совершенно не хотелось обижать этих молодых ребят и хороших летчиков.

Он тут же подозвал Булатникова и через пять минут приказ был готов. Подписав его, Маргелов вручил бумагу летчику.

Герасимов внимательно прочитал, попросил Булатникова проставить не только дату, но и часы. Сложил документ, вложил его в карман и доложил Маргелову:

— Теперь летим, товарищ Командующий.

При посадке в вертолет Маргелов назначил наблюдателей вправо, влево и вперед. Главная цель наблюдения — следить за туманом и возможными прояснениями. Но в ходе всего сорокаминутного полета прояснений, увы, так и не появилось.

После краткого пребывания Василия Филипповича в Чернигове, где ему был забронирован номер, Михаил Иванович пытался уговорить его отдохнуть и помыться, но ни в какую: полечу, говорит, к своим десантникам в исходный район, подальше от начальства. Он чувствовал себя свободно среди своих соратников и рядовых солдат, а главное, там можно немного расслабиться. Он напомнил Борисову одну главнейшую заповедь подчиненного: если не хочешь неприятностей, то держись подальше от начальства! «И он был прав», — подумал Михаил Иванович.

Начался первый день маневров. С утра, на первой смотровой точке, всех гостей ждал сюрприз. Министр подъехал и остановился вдалеке от трибуны, вышел из машины и медленно направился в ее сторону. И вдруг все увидели что то необычное в форме одежды министра: поверх его кителя была одета портупея с кобурой сбоку. Все засуетились, заволновались, ни у кого ремней не было. Первым сообразил Василий Филиппович, который скомандовал находившемуся рядом с ним полковнику Борисову снять свой ремень и быстренько, пока министр подходил, надел его и, таким образом, снова оказался сообразительней всех. Министр это отметил и одобрил. Он своим примером показал генералам, что на учениях командиры всех степеней должны быть в полевой форме с положенным снаряжением. С тех пор офицеры и генералы на занятия одевают ремни, хотя наши кителя не приспособлены к их ношению, как в других армиях.

Другой курьезный случай произошел на тех же учениях.

Началась выброска первого оперативного десанта — Витебской воздушно-десантной дивизии.

На наблюдательных вышках находились не только наши военачальники, но и руководители армий стран Варшавского Договора, многочисленные гости.

Генерал Павленко находился в дикторской будке, установленной сверху над правой вышкой, а Василий Филиппович с командующим ВТА маршалом авиации Скрипко Н.С. стояли рядом с Министром и гостями на левой вышке и давали ему по ходу дела пояснения.

Ведя репортаж, Павел Федосеевич вдруг заметил на левой трибуне (вышке) какое-то необычное волнение: многие начали быстро, бегом спускаться по лестнице вниз и отбегать в сторону. Через несколько секунд на вышке остались только Гречко, Маргелов и Скрипко. На вышке, где находился Павленко, произошло почти то же, но не было видно, все ли сбежали вниз. И тут он увидел, что сброшенная с самолета установка АСУ-57 летит с нераскрытыми куполами и каждому кажется, что она упадет именно ему на голову. Все замерли, наблюдая за ней. И когда она шлепнулась впереди вышек примерно в ста метрах, все облегченно вздохнули. Началось обратное восхождение на вышки, и лица у многих отражали какой-то внутренний стыд, когда они увидели, что Министр обороны, генерал Маргелов и маршал Скрипко остались на месте и отпускают шутки в адрес «храбрецов».

Надо сказать, что этот случай постоянно был предметом шуток в ходе выброски всех последующих десантов, но уже никто, пожалуй, не стал бы убегать с вышки, да и причин к тому не было, техника работала исправно.

Авторы неоднократно слышали различные варианты повествований и легенд об этих случаях от разных людей, но рассказы Павла Федосеевича Павленко и Михаила Ивановича Борисова наиболее близки к тому, как когда-то, посмеиваясь, излагал события сам Командующий. Текст вариантов зависел от степени испуга их участников, кое-кто говорил об этом даже с негодованием и злостью.

После учений Командующий подошел к разбившейся самоходке — она лежала,

уткнувшись в землю стволом, более напоминавшим обычный столовый штопор. Прикинув на глаз расстояние до трибун, он похолодел. Самоходка, в парашютной системе которой произошел сбой, каким-то чудом не угодила в трибуну.

После учений, перед началом смотра, проводившимся на аэродроме КБ Антонова, Командующий объехал строй воздушно-десантных дивизий и остановился возле полка, откуда была наделавшая страха самоходка.

— Колесов, — обратился Василий Филиппович к стоящему рядом командиру соседнего полка, — где тот аспид, который самоходку в Политбюро швырнул?

Командир полка крикнул:

— Красницкого ко мне!

Нетвердым шагом подошел взводный и с явной дрожью в голосе отрапортовал.

— Тысячи платформ, ну, словно пушинки, приземлились. А твоя возьми да и чуть не угоди в меня. Да ладно бы в меня. Со мной рядышком сам Генсек и Министр обороны стояли.

Командующий говорил с присущим ему артистизмом и рядом стоящие офицеры наблюдали, как лицо бедного Красницкого покрылось испариной — учения для него были реальным шансом получит следующую должность. И тут, как на грех, такая оплошность. И вдруг Василий Филиппович перешел с разгромного тона на отеческий:

— Да не дрожи ты, как листок осиновый. Вины за тобой нет! Разобрались. Двигатель тормозной подкачал.

Тут генерал Маргелов заметил измятую и прожженную парадную форму взводного. Ему уже доложили, что форма «прыгала» как раз в той злополучной самоходке.

— Форму жаль? Примак, — приказал он командиру полка, где служил Красницкий, — старшему лейтенанту потерю формы компенсируй. Не в трусах же ему, сверкая яйцами, к девкам ходить.

Раздался взрыв смеха. Красницкий облегченно вздохнул и встал в строй. Об этом скоро узнала вся дивизия — и наслушался же взводный после этого в свой адрес шуток. Однако, ставя себя на место Красницкого, каждый мысленно сказал Командующему спасибо. Командир полка Примак Николай Тимофеевич, выполняя приказ Командующего, испорченную форму старшему лейтенанту компенсировал.

Десантники выдержали этот сложный экзамен с честью. Экзамен это был и для Командующего войсками генерал-полковника В.Ф.Маргелова. Также нелегкие боевые задачи довелось решать мотострелкам и танкистам, саперам и артиллеристам, летчикам и ракетчикам. Но, как писала газета «Правда» 29 сентября 1967 года в статье «Наступление с неба», «самые большие трудности на учениях «Днепр» выпали на долю десантникам».

В ходе учения «восточные» выбросили в тылу «противника» несколько воздушных десантов. Самым крупным, в составе усиленного соединения, был десант, выброшенный на рассвете 28 сентября для захвата важного района в глубоком тылу «противника».

Истребители на сверхзвуковых скоростях проносились в небе на маршрутах полета воздушного десанта, «уничтожая» самолеты «западных», пытавшихся атаковать части военно-транспортной авиации. За ними шли истребители-бомбардировщики, подавлявшие средства ПВО «противника».

Вот над площадками приземления появились тяжелые военно-транспортные самолеты. Передовые отряды, покинувшие их, еще находясь в воздухе, открыли меткий автоматный огонь по наземным целям, расчищая себе место приземления. Тут появились новые группы тяжелых самолетов.

Под огромными куполами грузовых парашютов на землю спускались почти вертикально, с большой скоростью, бронетранспортеры, самоходки, контейнеры с боеприпасами и техникой. Когда до земли оставалось несколько метров, над техникой вспыхнули яркие молнии и раздались мощные взрывы — это сработали тормозные реактивные двигатели. Вслед за ними на пункт управления крупной группировки

«западных» и на ее позиции обрушились основные силы парашютного десанта. Тысячи белоснежных куполов укрыли землю.

Десантники быстро усаживались в свою боевую технику, принимали боевые порядки и устремлялись выполнять боевые задачи. Бой воздушного десанта в глубине вражеской обороны — сложный бой — над десантом всегда висит угроза попасть в окружение. Вот почему действия их отличаются стремительностью, наступательным порывом и дерзостью — так учил генерал Маргелов. Воздушный десант боевую задачу выполнил отлично.

Газета «Известия» в те дни (от 28 сентября) писала: «Нужно сказать, что десантники — воины беспредельного мужества и отваги. Они никогда не теряются, всегда находят выход. Десантники в совершенстве владеют различным современным оружием, владеют им с артистическим мастерством, каждый боец «крылатой пехоты» умеет вести бой один против ста.

За дни, проведенные на учении, нам пришлось видеть много умелых действий не только отдельных солдат и офицеров, но и целых подразделений, соединений и штабов. Мы стали свидетелями искусства использования боевой техники в самых сложных условиях боя. Но, пожалуй, самое сильное впечатление осталось от Воздушно-десантных войск, которые возглавляет генерал-полковник В.Маргелов… Их воины показали высокую выучку и такую смелость, инициативу, что про них можно с ответственностью сказать… они достойно продолжают и умножают боевую славу отцов и старших братьев — десантников Великой Отечественной войны. Эстафета мужества и доблести в надежных руках».

Аккордом учений «Днепр» явилась высадка воздушного десанта в тыл «западных» на вертолетах. Десантники выполняли трудную задачу по захвату и удержанию до подхода наступающих войск плацдарм на правом берегу Днепра, занимаемым «противником». В ходе вертолетного десанта впервые применялись десантно-штурмовые подразделения, созданные специально для проверки их возможностей в ходе учений. Низкая облачность на площадке приземления создавала большие трудности для вертолетчиков. Но, с другой стороны, обеспечила внезапность высадки. Подразделения быстро подготовили самоходные орудия, также доставленные вертолетами, и изготовились к атаке. Им предстояло провести боевые стрельбы по «противнику», обозначенному мишенями, рассеянными на большом поле и хорошо замаскированными. Цели показывали, что «противник» располагает самыми современными средствами ведения борьбы. Однако десантники выполнили поставленную боевую задачу отлично, проявив мастерство и отличное владение своим оружием — 98 процентов всех мишеней было поражено их метким огнем.

Хочется привести небольшой отрывок из книги писателя Понизовского В.М. «Солдатское поле» (Изд-во ДОСААФ, Москва, 1970). Владимира Мироновича, крупного мужчину с черной бородой, в обтягивающем фигуру комбинезоне, Командующий часто приглашал в войска, где он скрупулезно изучал жизнь воинов как в повседневной их жизни, так и в ходе учений различных степеней. Судя по дате выхода книги, он описывает учения «Днепр», а насколько достоверно отображенное там событие, пусть скажут свое слово участники учений. Правда, упоминаемых автором голубых беретов в 1967 году у десантников еще не было…

«Мне довелось присутствовать на учениях, где действовал большой вертолетный десант ВДВ. Как назло в то утро метеорологическая обстановка оказалась особенно сложной для вертолетов — низкий, обложной туман. Василий Филиппович Маргелов повел винтокрылое подразделение сам. Сорок минут вертолеты пробирались в сплошном «молоке». И только у самого поля боя вынырнули на просматриваемую местность под косой дождь, под низкие облака.

Началась высадка десанта. Высший класс для экипажа — высадить солдат с подвесных лестниц, удержать машину в двух-трех метрах над землей. А для самих солдат? С оружием, под бушующим от винта ветром, в кромешной пыли, поднятой не одной, а десятком машин?

Коснулись подошвы земли — и в цепи, в атаку!

Тысячи десантников перешли в наступление. Следом за Ми-4 волна Ми-6. С этих вертолетов-вагонов выгружается техника. И тоже с трапов — в бой!

«Противнику» не выдержать такой натиск. Корректировщики докладывают: поражено девяносто восемь процентов всех целей, бой идет с полной выкладкой, с последней отдачей сил.

Маргелов успел уже подняться на наблюдательный пункт. Он в полном боевом облачении, с полевой сумкой, с пистолетом на поясе. Командующий ВДВ доволен:

— Уверен: и в настоящем бою число трусов среди них было б равно нулю. Уверен: с каждым из них я смог бы пойти в тыл врага!

— Василий Филиппович, самое время спросить у вас: что такое — подвиг?

— Подвиг — это сознательная готовность к самопожертвованию во имя благородного дела. С полной убежденностью скажу: к подвигу человек должен готовиться. И психологически, и физически.

Генерал показал на долину, на цепи десантников:

— Нужен не только порыв смелых душ, но и железная закалка тел, отличное знание боевое техники и солдатские навыки. Вот тот комплекс, который необходим, чтобы, проявив отвагу, добиться максимального успеха!..

Он снова посмотрел в даль поля, куда уходили отважные парни в голубых беретах. Маргелов был доволен ими.»

Генерал Павленко был глубоко убежден в том, что маневры «Днепр» были важным фактором в установлении хороших взаимоотношений между В.Ф. Маргеловым и Маршалом Советского Союза А.А. Гречко, недавно назначенным на пост Министра обороны. Будучи еще первым заместителем у маршала Малиновского Р.Я., он непосредственно занимался Воздушно-десантными войсками и, конечно, изучал и руководящий состав, внимательно присматривался и к Командующему. А теперь ему представилась полная возможность на деле увидеть и войска, и Командующего.

В ходе учений в силу и неожиданных обстоятельств, Василий Филиппович доказал министру, маршалу Гречко свою преданность и готовность выполнить любую его задачу. Ветераны ВДВ полагают, что до учения «Днепр» отношение министра к Маргелову, мягко сказано, было не очень благожелательным, по каким причинам, трудно сказать наверняка, и последний это принимал к очень близко к сердцу, переживал.

А.А. Гречко уважал смелых и решительных военачальников, не боявшихся идти на риск для достижения цели. С этого времени он просто полюбил Василия Филипповича за его личную храбрость, здравый смысл и решительность, умение организовать дело. Василий Филиппович понимал это и, прямо скажем, потом неоднократно использовал в интересах развития и технического оснащения войск, повышения их боеспособности.

Но он никогда не использовал доброго к нему отношения Министра в личных целях и, как говорят, не переходил за рамки военной субординации.

После учений генерал Павленко, вспоминая многие примеры личной смелости Командующего и его высочайшей исполнительности, добавил: «Последняя, кстати, была и всегда будет основой поддержания порядка в армии, ее боеспособности и боеготовности». И доказательством являются два вышеприведенных случая, рассказанных Павлом Федосеевичем и Михаилом Ивановичем.

На этом учении в ходе десантирования Командующий ВДВ, как было уже сказано, находился на наблюдательном пункте вместе с Министром обороны. Андрей Антонович остался очень доволен возросшими боевыми возможностями десантников, их постоянным поиском нового. Именно тогда он предложил Василию Филипповичу стать своим заместителем — Главкомом Сухопутных войск. «Товарищ Министр! Разрешите мне довести

начатые задумки по развитию Воздушно-десантных войск до конца. Думаю, в общем, закончить к 50-летию войск в 1980 году. А за доверие большое Вам спасибо!», — ответил Командующий.

Гречко был поражен, но виду не подал. Пожав руку генералу Маргелову, он пообещал ему всяческую поддержку. На место Главкома СВ был назначен генерал Павловский И.Г., старый друг Василия Филипповича.

Да, таких Командующих в ВДВ больше не было, хочется надеяться — пока. А, может быть, время уже не то?

Вскоре после маневров «Днепр» все войска с большим удовлетворением восприняли весть о присвоении Командующему Маргелову Василию Филипповичу высокого воинского звания «генерал армии», о чем вышло Постановление Совета Министров СССР № 978 от 25.10 1967. Кстати сказать, Василию Филипповичу еще раньше Министр обороны маршал Малиновский Р.Я. предлагал… на выбор: звание «генерал армии» или охотничье ружье. Генерал Маргелов, принимая игру, отвечал: «Конечно, ружье!»

Сказать, что Командующий Маргелов не изменился, став генералом армии, будет неверно. Любое очередное звание в армии повышает себя в своих глазах и в глазах подчиненных. Он стал солиднее, уверенней в общении с высшим военным руководством страны, хотя за глаза его даже заместители министра называли «наш Чапаев», имея ввиду его энергию, смелость и решительность. А за Воздушно-десантными войсками закрепилась кличка «бандитские», тоже означавшую высокую оценку десантникам. К этому можно добавить стремление Маргелова в чем-то выделить их внешне, чтобы не походили они на пехотинцев.

Министр обороны маршал Гречко, проводя разбор с участниками маневров, отметил в лучшую сторону ВДВ и их Командующего Маргелова В.Ф. Только ему одному министр объявил благодарность.

А по приезде в Москву произошло следующее чудо. Примерно через пару недель в кабинете Командующего раздался звонок (полковник Борисов М.И. в это время оказался в кабинете и все потом рассказал) и кто-то поинтересовался у него, как идут дела. Василий Филиппович ответил, что стараемся, на что последовала реплика: надо не стараться, а работать! Затем, неожиданно Командующего поздравляют с присвоением звания генерал армии, желают здоровья и успехов в работе и вешают трубку.

Василий Филиппович положил трубку и растерянно смотрел на Михаила Ивановича, который слышал весь разговор. Надо было видеть выражение лица Маргелова в то время. Затем он произнес, что, вероятно, кто-то его разыграл. Борисов в ответ сказал, что голос похож на генсека. Маргелов никак не мог поверить в услышанное, так как за все время существования ВДВ таких больших званий командующему не присваивали, даже в военных округах это было редкостью.

Но долго ему размышлять на эту тему не дал следующий звонок. Теперь уже звонил Гречко, который сказал, что он присоединяется к поздравлениям генсека. Теперь-то уже сомнений не было, и Василий Филиппович, со свойственной ему энергией, немедленно вызвал своего адъютанта и послал в Центральную пошивочную мастерскую военторга за погонами генерала армии. Через пару часов он восседал уже в качественно новом состоянии, а приемная гудела от желающих поздравить своего Командующего и выразить свою радость.

Можно верить или нет, но Борисов до сих пор считает, что основную роль во всем этом сыграла его собственная недисциплинированность, связанная с нарушением запрета на вылет в туман. Но кто знает подоплеку происшедшего с Маргеловым В.Ф. на маневрах в сентябре 1967 года в Чернигове, а «провинившийся» был рад за него, наверно, больше всех и первым поздравил Василия Филипповича, еще раз убедившись в существовании Высшей Силы, именуемой Богом, который всю жизнь покровительствовал своему рабу Божьему, Василию. Осталось только неизвестным, верил этот раб в своего Спасителя, Иисуса Христа?

Скорее всего — да, но глубоко в душе, без всякой внешней показухи. А вообще, изучая жизнь Маргелова В.Ф., можно с полной уверенностью сказать, что он, как говорят в народе, родился в рубашке и судьба ему благоволила.

Василий Филиппович, как принято в армии, по традиции «обмыл» свое высокое звание, собрав в ресторане «Прага» начальников отделов и служб штаба ВДВ, своих заместителей и помощников. Наиболее ретивые подняли даже тост за будущего маршала Маргелова В.Ф., которому это не понравилось. И, вообще, он к восхвалению своей личности и к подаркам, которые он получал (кстати, не так уж и много, как некоторые считают) в дни его юбилеев, относился резко отрицательно. Всегда говорил, даже дома, принимая подарки от самых близких родственников, что это ни к чему, напрасно, мол, деньги тратили.

Несколько раньше гвардейцы-десантники продемонстрировали свое высокое мастерство на спортивных торжествах 9 июля 1967 года в День Воздушного Флота СССР на подмосковном аэродроме Домодедово. Праздник был посвящен пятидесятилетию Советского государства.

Командующий ВДВ понимал, что это своеобразная репетиция к предстоящим большим войсковым учениям. Поэтому он отнесся с большим вниманием к подготовке выступлений десантников на авиационном празднике. Он вникал во все, казалось бы мелочи предстоящего мероприятия, вплоть до формы десантников и войсковых спортсменов-парашютистов. По его приказу все десантники получили парадные малиновые береты — первые береты в Вооруженных Силах СССР.

Как отмечали его современники, Василий Филиппович умел распознавать важность и извлечь пользу для дела из казалось бы незначительных факторов, на которые мы часто и не обратили бы внимания. Так было и при создании новой формы десантников.

В довоенные годы личный состав частей ВДВ носил летную форму одежды, голубые фуражки и петлицы. Потом, уже во время войны, десантникам ввели общевойсковую форму.

Командующему стало известно, что солдаты и сержанты, получая краткосрочные отпуска, выйдя за ворога части, снимают красные погоны и одевают голубые, заранее ими припасенные на этот случай. Другой бы начальник-формалист пришел в негодование: нарушается приказ, проявляется недисциплинированность. Командующий Маргелов, однако, подошел к этому вопросу с иных позиций: живучи десантные традиции, солдату нравится голубое, ибо оно связано с небом, отличает его от обычной пехоты, поднимает его гордость за службу в ВДВ. И он в беседах с командирами частей советовал не препятствовать этому, как бы не замечать этих проявлений молодости. Сам же серьезно задумался над тем, чтобы официально ввести для десантников летную форму, но сделать еще что-то, что отличало бы сразу десантника даже от летчика.

Генерал Лисов Иван Иванович, ветеран войск, внес предложение изменить головной убор, ввести голубой берет. Инициатива нашла у Маргелова горячее одобрение, так как первые опыты показали, что солдатам берет был по душе.

Сам Василий Филиппович всегда носил тельняшку вместо нательной рубашки. Это у него повелось с тех пор, как в начале войны в 1941 году ему пришлось командовать полком балтийских моряков, действовавших на суше, и такая традиция соблюдалась им до конца дней.

Он пришел к выводу, что десантнику тельняшка тоже подойдет не только по удобству, но и как символ смелости, отваги. И, разумеется, будет отличать его от других солдат.

Так вскоре и возникла идея войти в ходатайство перед Министром обороны об изменении формы одежды для солдат и офицеров ВДВ.

Надо сказать, что этот фактор сыграл весьма положительную роль не только в повышении авторитета войск среди молодежи, но и в укреплении дисциплины и боевой учебы в войсках.

Это сейчас можно видеть целую палитру разноцветных беретов в разных родах войск и спецподразделений, а тогда Командующему пришлось долго обивать пороги военных ведомств, пока, наконец, министр обороны не согласился ввести десантникам береты… 30 июня 1967 года Командующий ВДВ генерал-полковник В.Ф.Маргелов рассмотрел в ресторане «Прага» рисунки, выполненные художником А.Б.Жуком, новой униформы для десантников, в том числе и два берета. При повседневном ношении предполагалось ношение берета защитного цвета с красной звездой. Однако этот берет так и остался на бумаге. На рисунке десантника в малиновом берете В.Ф.Маргелов поставил резолюцию: «Оставить для парадов в Москве». С правой стороны берета располагался голубой треугольный флажок с эмблемой ВДВ, а спереди — звезда в венке из колосьев. У офицеров на берете носилась кокарда с эмблемой образца 1955 года и летная эмблема (звезда с крыльями).

В таких же беретах и в новой форме парашютно-десантные подразделения впервые прошли по Красной площади на военном параде 7 ноября 1967 года. Несколько позже (в 1968 году) малиновые береты заменили на голубые. 26 июля 1969 года приказом МО СССР № 191 были введены очередные правила ношения военной формы одежды. В них впервые «официально» появился берет голубого цвета (до этого приказов о введении беретов для ВДВ не было). Спереди на беретах для солдат и сержантов прикреплялась звезда в венке, а для офицеров — кокарда ВВС. Красный флажок с эмблемой ВДВ на рисунке отсутствовал, но несмотря на это, носился на левой стороне военнослужащими гвардейских частей, а на парадах в Москве перемещался на правую сторону. Идея ношения флажков принадлежала также Командующему ВДВ. В отличие от флажков голубого цвета на малиновых беретах, размеры которых были указаны в технических условиях на изготовление, красные флажки в каждой части изготавливались самостоятельно и не имели единого образца. 4 марта 1989 года в новых правилах ношения одежды было закреплено ношение флажка на беретах всеми военнослужащими Воздушно-десантных войск, десантно-штурмовых частей и частей специального назначения. Правда, морским пехотинцам черный берет был введен приказом МО СССР еще 5 ноября 1963 года, но впервые они прошли в полевой форме по Красной площади на ноябрьском параде в 1968 году.

Для спортсменов-парашютистов по требованию Командующего ВДВ был введен нагрудный матерчатый знак в виде синего ромба с вышитой эмблемой ВДВ желтого цвета. Ромб имел малиновую окантовку.

Но главное, на что обращал самое пристальное внимание генерал Маргелов, это была боевая выучка и слаженность подразделений ВДВ, как в реальных боевых условиях. Руководство подготовкой к параду было возложено на генерала Лисова И.И., который постоянно докладывал ему о ходе подготовки. Командующий лично неоднократно бывал на тренировках десантников, а на генеральную репетицию привез и своих близнецов-студентов, которые были поражены масштабностью и красочностью действия. Все здесь было: и массовый парашютный десант на разноцветных куполах, выброшенный из целой армады военно-транспортных самолетов Ан—12, и вертолеты Ми-4 и Ми-6, доставившие десантникам самоходные артиллерийские установки, и, наконец, могучие «Антеи», из которых «выползли» для поддержки десанта по три самоходные ракетные установки… А затем грянул, хоть недолгий и учебный, но бой, наглядно показавший всем присутствовавшим, какими огромными возможностями располагают наши Воздушно-десантные войска. Еще большое впечатление произвели воины-десантники в день праздника.

Участники и зрители того грандиозного праздника наверняка помнят такую картину: с западной стороны аэродрома появилась громада тяжелых воздушных кораблей. Шли они в плотном боевом строю. Вскоре небо над аэродромом расцветилось яркими куполами. А самолеты все шли и шли. Одни десантники покидали самолеты, другие, приземлившись, устремлялись на выполнение боевой задачи. Свыше тысячи человек с оружием в руках за рекордно короткий срок опустились тогда на землю. Это было захватывающее и

незабываемое зрелище.

Генерал-майор-инженер Доронин Владимир Дмитриевич, Лауреат Государственной премии СССР (1946, 1950), заслуженный изобретатель СССР, изобретатель парашютной техники, длительное время руководил Научно-техническим комитетом ВДВ. Ветеран-десантник как-то рассказал своим подчиненным — сотрудникам НТК на примере одного небольшого эпизода, непосредственным участником которого был он сам, о бережном отношении Командующего ВДВ генерала Маргелова В.Ф. к новой технике. В ходе рассказа заслуженный генерал учил молодых офицеров руководствоваться в их инженерной практике принципами генерала Маргелова, который в сложных случаях, тщательно все взвесив, принимал на себя всю ответственность, имея в виду высшую цель — повышение боеготовности Воздушно-десантных войск.

В те годы десантники подошли к введению в практику войск применения массовых парашютных десантов со скоростных самолетов. Это стало возможно благодаря тому, что на вооружение армии поступила новая техника. И еще потому, что в то время появился новый парашют Д—1–8, обладающий высокой надежностью.

В одном документе, подписанном Командующим ВДВ генерал-полковником В.Ф. Маргеловым 10 мая 1967 года, говорится:

> *«Десантный парашют Д—1–8 имеет принципиально новую последовательную схему введения его в действие, что позволило ВДВ и ВТА нормально вести боевую подготовку личного состава по совершению прыжков со всех типов современных самолетов на скоростях полета до 400 км/ч по прибору и постоянно находиться в боевой готовности десантирования. Это убедительно было продемонстрировано на воздушном параде в 1961 году в Москве и на многих учениях стран Варшавского Договора и дважды получало высокую оценку Маршала Советского Союза тов. Малиновского Р.Я. в его выступлениях на XXII и XXIII съездах КПСС. В настоящее время на парашютах Д—1–8 совершено боле трех миллионов прыжков, и они показали высокую надежность в действии».*

А между тем этот парашют мог бы и не увидеть свет, не прими в его судьбе участия Командующий Воздушно-десантными войсками В.Ф. Маргелов. Он проявил дальновидность, решительность, взял на себя ответственность, когда новое изделие чуть не «похоронили» вместе с разбившимся парашютистом.

На первой стадии войсковых испытаний, когда на новом парашюте было совершено всего лишь 150 прыжков, один из десантников, поспешив покинуть самолет, допустил ошибку, которая стоила ему жизни. Часть купола основного парашюта попала ему под ноги в изгибе колен, обхватила снизу. Парашютист, видимо, в состоянии шока, падая вниз спиной, не принял никаких мер, чтобы освободиться от купола.

Внимание всех было приковано к черной точке, стремительно приближающейся к земле. Когда, наконец, над человеком взметнулся купол запасного парашюта, было уже поздно, чтобы остановить стремительное падение. Десантнику не хватило каких-нибудь десяти-пятнадцати метров высоты.

Мнение о причине гибели парашютиста разделились. Одни говорили, что, видимо, потерял парень сознание. Другие же настаивали, что парашют, мол, до полной кондиции не доведен и нуждается в доработке, а войсковые испытания следует немедленно прекратить. Председатель комиссии по войсковым испытаниям нового парашюта немедленно отправил Командующему ВДВ телеграмму, в которой изложил предварительное заключение о причине гибели десантника и запросил, что делать дальше.

Проще всего было испытание парашюта на какое-то время прекратить. Но решение должно быть разумным, глубоко и всесторонне обоснованным. Также и здесь — однозначный ответ не дашь. Продолжать испытания? А вдруг парашют действительно с изъяном, который раньше не проявлялся, а теперь дал знать о себе… Прекратить испытания?

Но тогда на неопределенное время войска окажутся без парашюта, который соответствует скоростям новых, поступивших на вооружение ВДВ военно-транспортных самолетов, нарушится ритм боевой учебы, пострадает боеготовность войск. А этого допустить никак нельзя.

Командующий пригласил к себе специалистов, спросил:

— О происшествии знаете?

— Знаем, — ответили офицеры.

— С парашютом Д—1–8 прыгали?

— Прыгали.

— Ваше мнение о нем…

Офицеры-специалисты подтвердили, что Д—1–8 как раз то, что требуется сейчас войскам. Они были убеждены, что парашютист допустил какую-то серьезную ошибку, приведшую к беде.

— Хорошо, спасибо, — заключил Командующий, слегка хлопнув широкой ладонью по крышке стола. — Вы свободны.

Уже утром следующего дня председатель комиссии получил от Командующего войсками распоряжение продолжать испытания.

После длительного изучения возможности десантироваться на высокогорные площадки Командующий отдал приказ провести практические десантирования такого рода. Для дальнейшей проработки этого сложного вопроса нужен был эксперимент. Среди многих добровольцев были отобраны самые опытные и хорошо подготовленные парашютисты как из ВДВ, так и из добровольных обществ. Предварительно парашютисты прошли специальную альпинистскую подготовку, совершили по 25 тренировочных прыжков в горах со специально изготовленными парашютами..

И вот 27 июля 1968 года 36 спортсменов совершили прыжок на Памир на плато на высоте 6,1 тыс. метров. Десантирование прошло успешно. Бесценный опыт вошел в методики применения десантов при захватов горных перевалов и боевых действий в горах.

Одновременно вторая группа наиболее опытных спортсменов-парашютистов совершила прыжок на пик Ленина на высоту 7134 метра(!). Несмотря на успешную тренировку, на тщательно продуманный и основательно подготовленный прыжок, случилась беда: внезапно возникший невероятной силы горный ветер унес с собой жизни четырех спортсменов.

Газета «Комсомольская правда» 12 октября 1968 года писала: «…Комплексная экспедиция альпинистов и парашютистов совершила штурм Памира с подножий и с воздуха, посвященный 50-летию Ленинского комсомола. По своей сложности эту экспедицию можно сравнить разве что с антарктической. Впервые был выброшен отряд из 46 парашютистов на пик Ленина».

Все участники этих прыжков и некоторые альпинисты были награждены медалью «За отвагу». Жаль, что доставшийся дорогой ценой опыт не был использован в 1979 году, поистине: что имеем — не храним, потерявши — плачем…

Не менее яркое впечатление, чем «Днепр», оставило и крупное общевойсковое учение «Двина», проводившееся в марте 1970 года на заснеженных полях Белоруссии. Оно было приурочено к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина.

От ВДВ в нем принимала 76-я Черниговская дивизия, которой командовал полковник В.Н.Костылев. Тогда всего за 22 минуты 280 самолетов Ан—12 и 4 самолета Ан-22 за один вылет десантировали 8 тысяч десантников и 152 единицы боевой техники! Вместе с выгрузкой боевой техники на захваченном аэродроме десантирование заняло 28 минут.

Десантники ощутили всю сложность и все многообразие современного общевойскового боя, важность взаимодействия всех родов и видов войск с учетом новейших средств вооружения для ведения боевых действий.

Белорусская земля тепло встречала воинов-десантников, участвовавших в учениях, жители деревень и сел, по которым проходили колонны войск, угощали солдат, дарили им памятные подарки.

На смотре войск в Минске по окончании учений выступил Л.И.Брежнев. Но особое удовольствие Командующий ВДВ получил от общения с руководителем Белоруссии П.М.Машеровым. Первый секретарь ЦК КП Белоруссии, член ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР Петр Миронович Машеров и Командующий ВДВ генерал Маргелов В.Ф. давно глубоко уважали друг друга. И немудрено — оба Герои Советского Союза со времен войны, патриоты своей великой Родины, отдававшие все свои силы и опыт для укрепления ее могущества и процветания, постоянно заботившиеся о нуждах людей. П.М.Машеров часто бывал у десантников, дислоцировавшихся на территории Белоруссии, всячески помогал им. Поэтому для Василия Филипповича большой радостью были встречи с Петром Мироновичем в ходе учений. Ощущение плеча друга десантников придавало генералу Маргелову еще больше уверенности и силы, помогало легче переносить тяготы нелегкой службы. В 1980 году, узнав о трагической кончине Машерова, он глубоко переживал эту тяжелую утрату большого государственного человека и дорогого друга.

Все участники учений «Двина» от рядового до генерала были награждены юбилейной медалью «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина».

Через год на крупных войсковых учениях «Юг», состоявшихся с 9 по 19июня 1971 года на полуострове Крым, проявили себя десантники 98-й гвардейской Свирской дивизии, которой командовал генерал-майор Самойленко Т.К.

В июле того же 1971 года Тульская 106-я дивизия в ходе больших учений десантировалась за несколько тысяч километров от мест ее дислокации в Азербайджане в районе Герани. Дивизия летела к месту десантирования с посадкой на аэродроме подскока в Мелитополе. Это была впечатляющая картина: армада военно-транспортных самолетов с десантниками и боевой техникой ночью приземлилась на аэродроме истребительной авиации, откуда после дозаправки самолетов и позднего ужина также четко взлетела в направлении Герани.

Накануне учений Командующий послал своего сына Александра, новоиспеченного лейтенанта, в Тульскую дивизию в качестве тренировки совершить несколько прыжков из самолета Ан-2 и обязательно, хотя бы один прыжок — из Ан—12. К сожалению погода не позволила прыгнуть из Ан—12 — нижняя кромка облаков редко поднималась выше 600 метров от земли, часто шли дожди, но с Ан-2 за три дня Александр совершил шесть прыжков.

Приехавший проверить готовность дивизии к учениям заместитель командующего генерал-лейтенант Курочкин К.Я., прибыв на площадку приземления, первым делом увидел там трех офицеров-десантников, «отдыхающих» на скамейке с загипсованными ногами. Частые дожди и «заминированное» коровьими лепешками поле, куда приземлялись парашютисты, преподносили вот такие неприятные «сюрпризы» даже опытным десантникам. На поле паслось приличное стадо коров, и, случалось, парашютисты приземлялись прямо в его гущу, криком распугивая коров. Бывали и курьезы: так один парашютист прямо сверху «оседлал» зазевавшуюся буренку, а другой, собрав после приземления парашют, поднял голову и увидел, что вокруг него кольцом стоят коровы, а напротив него в угрожающей позе застыл здоровенный бык. Поэтому Константин Яковлевич отозвал в сторону Александра и посоветовал ему ограничиться парой прыжков — во избежании неприятностей. «Прошу извинить, товарищ генерал, — ответил лейтенант Маргелов, — четыре прыжка я уже совершил, осталось еще пара, жаль только вот Ан—12 не летает.» Генерал понял, что его совет не достиг цели, махнул рукой, развернулся и ушел.

Вернувшись в Москву, Александр доложил отцу, что прыжковая программа выполнена за исключением прыжка из Ан—12. Командующий уже знал об этом и, естественно,

переживал, что его сыну придется совершать первый прыжок со скоростного десантного самолета в ходе учений, без предварительной тренировки. «Вот если бы ты прыгнул из Ан—12, тогда бы я взял тебя в Тулу с собой машиной. А так — добирайся со всеми, встретимся на площадке приземления», — вот за такими суровыми словами скрыл отец свое беспокойство.

В Мелитополе после гостеприимного ужина в летной столовой (если бы десантники съели все, что выставили на столы летчики, прыгать с парашютом было бы невозможно — парашют бы не выдержал) опытный офицер-парашютист из Научно-технического комитета ВДВ полковник Соловьев А.В. рассказал своему молодому коллеге, как отделяться с рампы скоростного самолета, как вести себя в воздухе, как приземляться на твердую площадку в Герани. Никто только не знал, что та площадка обильно испещрена норками землероек.

Офицеры НТК ВДВ прыгали среди первых. Несмотря на раннее утро было уже довольно светло и достаточно жарко. Александр отделился от самолета точно в соответствии с полученным ночным уроком «на пальцах». Все шло великолепно… до момента приземления — попал все-таки одной ногой в норку, не удержался на левой ноге и сильно «приложился» коленом о ссохшуюся твердую, чуть ли не каменную, землю. Рядом приземлился полковник Соловьев, прыгавший следом за ним: «Оценка «отлично»! Вот всегда так и прыгай! А теперь иди к трибуне и доложи Командующему о совершении очередного прыжка.» Пока Маргелов-младший шел к трибуне, колено начало «гореть», появилась все усиливающаяся боль. Однако, собрав всю волю в кулак и скрывая хромоту, Александр насколько мог, строевым шагом подошел к трибуне, на которой кроме отца находился командующий военным округом, и четко доложил. Командующий округом спросил, сколько у лейтенанта прыжков. Услышав, что это был всего-то 16-й, стал хвалиться, что у него несколько сотен. «Черт с тобой, разговорчивый какой!» — подумал про себя лейтенант. «Разрешите идти, товарищ Командующий?» — обратился он к отцу. Получив утвердительный ответ, уже не в силах сдерживать хромоту, зашагал к товарищам. Оглядев его распухшее колено, Александра посадили в вертолет и отправили в Кировабад, где находился госпиталь. Там хирург сделав рентгеновский снимок, «обрадовал», что это просто ушиб. Оставив «раненого» отдыхать на койке в военной гостинице, товарищи ушли в город. Через какое-то время они вернулись и, встав по стойке «смирно», торжественно вручили ему клюку с загнутой ручкой, торжественно поздравив при этом с «десантным крещением».

На сей раз, прилетев в Москву, Командующий отвез сына домой на своей машине (тогда еще они жили вместе на Смоленской набережной), там отец за столом его и поздравил. Только вот невеста Александра Лидия, так и не дождалась своего десантника на свой день рождения, но, приехав на Смоленку, все поняла…

С ноября 1973 года практически на всех учениях на парашютно-платформенных средствах (система «Кентавр») десантировались боевые машины десантные — БМД-1 с частью экипажа, а также артиллерийские орудия с расчетами в комплексе совместного десантирования (КСД). Командующий Маргелов всегда приглашал на учения руководителей республиканских ЦК КП и правительств на территории их республик. Товарищи П.М.Машеров, Г.А.Алиев, П.П.Гришкявичюс и другие высокие партийные и советские работники высказывали свое восхищение увиденным — в советские времена все республики помогали своей армии и радовались ее успехам…

Кстати, на сборах Командующего на базе Болградской 98-й гв. вдд в ноябре 1973 года в ходе подготовки к учениям внезапно была объявлена боевая тревога. На Ближнем Востоке разгоралась очередная арабо-израильская война. Советское правительство решало вопрос о военной помощи Египту. Однако, на утро следующего дня стало ясно, что десантников никуда не пошлют, и тревоге был дан отбой.

Некие командиры-десантники нажаловались Командующему, что экипажи десяти боевых машин выбросили все съестные припасы, а освободившиеся места заполнили

боеприпасами. Эти «отцы солдат» просили, чтобы Командующий примерно наказал недисциплинированных воинов.

Командующий приказал построить экипажи боевых машин. Гвардейцы построились и замерли в ожидании разноса.

— Экипажам, выбросившим еду ради лишних боеприпасов, — громким голосом объявил Командующий, — сделать десять шагов вперед!

Семьдесят человек в составе своих экипажей отчеканили по десять шагов и остановились.

— Объявляю всем по завершении учений по десять суток отпуска! Они правильно понимают войну, — продолжал Маргелов, обращаясь ко всем, — что-нибудь поесть можно найти на месте, а вот боеприпасы противник точно не одолжит.

После этого решения Бати-Маргелова «доносчиков» как ветром сдуло…

В феврале 1978 года в Белоруссии состоялись общевойсковые учения «Березина», где от ВДВ участвовал парашютно-десантный полк 103-й дивизии. на сей раз впервые целая десантная часть десантировалась в полном составе с техникой и вооружением из самолета Ил-76.

С первых послевоенных лет советские десантники укрепляли братскую дружбу с воинами армий социалистических стран, развивая и укрепляя дружбу скрепленную совместно пролитой кровью в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Тогда же зародилась традиция совместного проведения учений и маневров армиями социалистических государств — участников Организации Варшавского Договора. На некоторых учениях наши десантники непосредственно не участвовали, но офицеры-инструкторы ВДВ помогали своим братьям по оружию осваивать десантное дело.

Так в сентябре 1963 года на территории Германской Демократической Республики состоялись общевойсковые учения, в которых принимали участие войска ГДР, ПНР, СССР и ЧССР. В октябре 1965 года также в ГДР проводились совместные учения тех же стран под кодовым названием «Октябрьский штурм», где с советских самолетов Ан—12 в полном составе десантировалась Поморская воздушно-десантная дивизия Войска Польского, которой в то время командовал полковник Эдвин Разлубирский. Руководил учениями Главком Группы советских войск в Германии генерал армии П.К.Кошевой. В сентябре 1966 года на территории ЧССР состоялись учения «Влтава», где участвовали войска ВНР, ГДР, СССР и ЧССР. С самолетов Ан—12 на сей раз десантировались чехословацкие десантники. Большую помощь в подготовке этих учений оказывали советские генералы и офицеры ВДВ под руководством Командующего Маргелова, который сам неоднократно бывал на учениях: в ГДР (1963, 1965), в Болгарии (1964, 1967), в Польше (1966).

Руководство армий стран Варшавского Договора и особенно десантники этих стран высоко ценили помощь наших десантников, с большим уважением относились к их Командующему — генералу Маргелову В.Ф. А с Э.Розлубирским, который вскоре после учений в ГДР стал генералом, у Василия Филипповича сложились дружеские отношения. Польский генерал-десантник даже удостоился чести побывать в гостях у Маргелова на Смоленской набережной. В тот памятный вечер у Маргеловых оказались в гостях также фронтовой друг генерала Яков Ефимович Гуревич с женой Сильвой Абрамовной, и все были приятно поражены, когда Сильва и Эдвин прекрасно исполнили партии одноименных героев из оперетты Имре Кальмана «Сильва».

В ходе каждого учения десантники постоянно решали какие-то новые вопросы, отрабатывали то, чего еще нигде не было. Командующий лично нацеливал их на взятие новых рубежей, полагая, что не сделает он это сегодня — завтра может быть поздно.

В конце 1969 года на очередных учебно-методических сборах командного состава ВДВ Командующий ВДВ генерал армии В.Ф. Маргелов выступал с докладом об итогах и задачах

по боевой и политической подготовке на новый учебный год.

Во время перерыва Командующий подозвал командира 317-го пдп А.П.Лушникова к себе, обнял его за плечи и подвел к таблице, на которой крупным планом были указаны сроки проведения, место и с какими войсками будут проведены совместно полковые тактические учения с десантированием, и спросил:

— Понимаешь, что означают эти буквы?

В таблице было написано: 317 пдп — учения с десантированием совместно с ОВС СВД в ГДР.:

— Так точно — Объединенные Вооруженные Силы стран Варшавского Договора, — ответил офицер.

Далее Командующий продолжил: «Это высокая честь — представлять ВДВ на маневрах совместно с армиями стран Варшавского Договора. И эту честь доверяем тебе, как одному их опытнейших командиров полка в надежде, что ты способен справиться с этой задачей успешно. На этих учениях планируем десантирование провести в два потока из самолетов Ан—12 с высоты 400 метров. Понятно?»

Задача не простая, отметил про себя Лушников, но четко ответил: «Так точно!»

Командующий пожал ему руку и пожелал успеха в выполнении ответственной и почетной задачи.

С июня по октябрь 1970 года 317-й полк по плану Командующего ВДВ занимался подготовкой к совершению парашютных прыжков с высоты 400 метров. Каждый офицер, сержант и солдат совершили за это время в среднем по 14–16 прыжков с парашютом. В общей сложности полк совершил около 16 тысяч прыжков. Все это требовало огромного напряжения моральных и физических сил всего личного состава и, особенно, командира полка.

Дело в том, что руководителем прыжков постоянно приходилось быть именно ему. Прыжки совершались на площадку приземления Боровцы под Полоцком — в 100 километрах от Витебска (ближе площадки приземления не было).

В целях обеспечения безопасности прыжков с парашютом Д-5 в два потока необходимо было следить, чтобы парашютисты не отделялись одновременно по двое при покидании самолета Ан—12 с рампы грузолюка. При одновременном отделении от самолета вытяжные парашюты, как правило, захлестывают друг друга. И тогда остается один выход — спуск вдвоем на одном запасном парашюте. А это чревато неприятными последствиями. Во время совершения тренировочных прыжков таких схождений и приземлений на одном запасном парашюте было всего 18, из них 8 случаев закончились травмированием парашютистов (переломы, вывихи, травмы позвоночника). Почему вдвоем на одном запасном парашюте? При захлестывании вытяжных парашютов основные купола не могут раскрыться. В этой обстановке необходимо открывать «запаску» тому из парашютистов, кто находится выше. Нижний парашютист не раскрывает свой запасной парашют из-за возможного попадания купола в раскрытый верхний парашют — тогда оба парашютиста обречены на гибель.

Руководителю прыжков приходилось переживать за каждого парашютиста. Как правило, при отделении от самолета первая половина парашютистов отделяется в шахматном порядке (как при наземной тренировке на парашютном городке). Достаточно одному из парашютистов нарушить отработанный ритм отделения от самолета, как наступает сумбурный порядок отделения, что и приводит к непредсказуемым нежелательным последствиям. Приходилось каждый раз тщательно подводить итоги и делать разбор прыжков каждой группы парашютистов. В конечном итоге, у руководителя прыжков увеличилось количество седых волос на голове, да и нервы порядком поизносились.

Контроль и руководство подготовкой к учениям было возложено на заместителя начальника штаба ВДВ генерал-майора Гуськова Н.Н. и офицеров воздушно-десантной службы Управления ВДВ Мохракова Б.Н. и Белоусова В.В. Благодаря их усилиям, особенно со стороны генерала Гуськова, полк хорошо подготовился к предстоящим испытаниям в

ГДР, и во второй половине октября 1970 года успешно десантировался на площадку приземления Хоэнцианц (под Магдебургом). Руководил прыжками командир 103-й вдд генерал-майор Яценко А.И. Контроль и руководство всеми действиями полка на маневрах со стороны Командующего ВДВ осуществлял генерал-майор Гуськов Н.Н.

Десантирование началось в 9.00 в очень сложных погодных условиях — туман в приземном слое был настолько густой, что в десяти метрах ничего не было видно. Несколько рассеяла этот туман боевая техника на парашютно-реактивных системах, десантированная до начала выброски основных сил полка. Всего было десантировано 20 единиц техники на парашютно-реактивной системе (ПРС).

После выполнения боевой задачи в полк в район учений прибыл на автомобиле в сопровождении двух мотоциклистов заместитель начальника Главного политического управления армии ГДР полковник Билан с группой офицеров. Пришлось по просьбе полковника собрать и построить освободившуюся от учений часть личного состав полка для проведения митинга. На митинге полковник Билан поздравил гвардейцев с успешным выполнением боевой задачи и вручил несколько коробок с памятными нагрудными значками участникам учений «Братство по оружию», а также сувениры, изготовленные из пластмассы в виде миниатюрных образцов вооружения и боевой техники и брошюры по истории и боевой деятельности Армии ГДР в мирные дни. Такие комплекты сувениров были вручены каждому десантнику — участнику совместных учений.

После возвращения полка на место постоянной дислокации Командующий ВДВ лично позвонил Алексею Петровичу Лушникову, поздравил и поблагодарил за успешное выполнение боевой задачи и поддержание авторитета Воздушно-десантных войск. Через несколько дней был отдан приказ Командующего ВДВ, в котором отмечалось, что впервые в истории ВДВ был десантирован полк (1200 человек) с высоты 400 метров в два потока из самолетов Ан—12 в сложных метеоусловиях. В приказной части многие офицеры и сверхсрочнослужащие полка были поощрены Командующим.

Это всего лишь один пример, как десантники решали новые сложнейшие задачи, которые генерировал их Командующий. Но генерал Маргелов верил в своих «орлов», справедливо полагая, что им все задачи по плечу. Кстати, эти свои идеи Командующий предварительно отдавал «на суд» специалистам, потом проводились испытания, после чего только издавались соответствующие приказы.

В.Ф. Маргелов строго требовал от командиров всех степеней уметь, как говорят, показать товар лицом. Если проводишь показное занятие или учение — у тебя должно все быть отшлифовано, ибо на то оно и показное. У наблюдающих должно оставаться хорошее впечатление и стремление сделать так же у себя. Даже такой, казалось бы мелкий вопрос, как пояснение происходящего действия, должно быть впечатляющим, ясным и четким, с хорошей дикцией поясняющего.

Без этих элементов показ может поблекнуть и не дать эффекта; может получиться, как говорил Василий Филиппович украинско-белорусской поговоркой: «Умила готуваты, та невмила подаваты».

«Мне вспоминается, — писал генерал Павленко, — множество занятий по показу техники, показных тактических занятий и учений, в том числе и для руководства Министерства обороны и, как правило, все они были подготовлены и проведены просто блестяще. И это не было «показухой», «очковтирательством», как пытались язвить некоторые горе-военачальники. Это был результат большого труда людей, мудрости и настойчивости Командующего.

В этой связи вспоминается и моя «дикторская» практика. А началась она для меня совсем неожиданно. На учении в Болгарии в 1965 году десантировался один из наших полков, который мне, тогда еще заместителю начальника штаба, командующий поручил готовить и представлять.

Как только началось десантирование, Министр обороны БНР генерал армии Джуров, у

которого я был помощником по десанту, попросил меня взять микрофон и сделать пояснения для присутствующих, или как теперь говорят, прокомментировать ход дела.

Василий Филиппович сидел рядом и, оказывается, очень внимательно слушал и наблюдал за мной. А когда я закончил эту свою миссию, он подошел и тихо, чтобы другие не слышали, сказал: «У тебя здорово получается, теперь на всех больших учениях пояснения будешь давать в таком же духе». С тех пор это стало правилом, хотя иногда и мешало моей основной работе».

Глава 7
«Бархатная осень» 1968-го

Подготовка операции «Дунай». План Командующего ВДВ принят. Доклады генерала Маргелова. Десантники сработали отлично! Думы солдат. Популярность генерала Маргелова.

Прошло вроде бы совсем немного времени после описываемых событий. Но уже в газетных статьях 90-х годов выявляются расхождения в описании хода боевых действий десантников. Тем более странно, что одна статья принадлежит перу в то время адъюнкта Гуманитарной академии МО РФ подполковника А.Кырова («Дунай» вышел из берегов». «Красная Звезда» от 21 августа 1993 года), а другая основывается на воспоминаниях непосредственного участника этой молниеносной войны полковника в отставке, а тогда командира полка 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии подполковника Ш.Х.Минигулова («Полковник Минигулов: «Я арестовал Дубчека», «Общая газета» от 21 августа 1995 года). Полковник Минигулов закончил службу в Воздушно-десантных войсках в должности заместителя командира 7-й гв. вдд. Авторы неоднократно встречались с Шарипом Хабеевичем и лично его знают как умного и скромного человека. За Пражскую операцию он был награжден орденом Красного Знамени. Кстати, в сборнике «ВДВ вчера, сегодня, завтра» (М. — 1996 г.) при описании действий десантников тоже приводятся воспоминания Ш.Х.Минигулова. А уж авторский коллектив ВДВ вряд ли мог допустить неточность при описании хорошо известных десантникам событий. Так что при расхождениях в трактовке одних и тех же событий, авторы предпочли воспоминания офицера-десантника и других участников войны.

В августе 1968 года по заданию Советского правительства десантники выполняли задачи по стабилизации политической обстановки в Чехословакии, когда возникла угроза отхода чехословацкого руководства от коммунистической ориентации и реального выхода страны из Варшавского Договора. Тревожная обстановка назревала еще с весны.

8 апреля 1968 года Командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии В.Ф.Маргелов получил нарочным директиву, подписанную Министром обороны Маршалом Советского Союза А.А.Гречко и начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза М.В.Захаровым.

Документ гласил, что «Советский Союз и другие социалистические страны (Болгария, Венгрия, ГДР, Польша. От ввода своих войск отказалась только Румыния — Прим. авторов), верные интернациональному долгу и Варшавскому Договору, должны ввести свои войска для оказания помощи Чехословацкой народной армии в защите Родины от нависшей над ней опасностью» со стороны Запада. С получением сигнала «Буря» Командующему ВДВ предписывалось привести в полную боевую готовность 7-ю и 103-ю гвардейские воздушно-десантные дивизии, выйти к аэродромам взлета и быть в готовности к высадке в Чехословакии парашютным и посадочным способами.

Командующий и Управление ВДВ в непосредственном контакте с офицерами и

генералами Генерального штаба осуществили планирование применения воздушных десантов в операции, получившей кодовое название «Дунай».

Как вспоминал Командующий ВДВ Маргелов, было разработано три варианта ввода советских войск. После рассмотрения каждого из них Министр обороны остановился на варианте, предложенном десантниками. Накануне несколько дней и ночей Командующий провел в стенах Генерального штаба, пока не был выработан окончательный вариант.

По приказу Маргелова десантники приступили к подготовке ведения боевых действий в условиях города. Им были доставлены карты Праги. За месяц до десантирования парашютно-десантные части, которые затем принимали участие в событиях, были подняты по тревоге и выведены в учебные центры вблизи аэродромов. Началась интенсивная подготовка к ведению боевых действий в условиях города. Командиры и штабы тщательно изучали расположение городских кварталов, улиц, систему коммуникаций. Проведена была предварительная рекогносцировка Праги с помощью сотрудников Советского посольства.

Офицеры полка Минигулова начали подготовку под Калининградом также примерно за месяц до операции. Хотя все офицеры были в штатском, западные спецслужбы что-то пронюхали. И вот уже офицерам зачитывают данные радиоперехвата: радиостанция «Голос Америки» сообщила, что в Прибалтике русские десантники отрабатывают приемы боя в городских условиях, а командует ими черный больной татарин». Это о командире полка, который болел чем-то типа ветрянки, и его лицо было покрыто какими-то «пупырями». У офицеров никаких сомнений в том, что в Чехословакии контрреволюция, не было, а некоторые хорошо знали ее «симптомы» еще по Венгрии (например, тот же Ш. Минигулов, награжденный за участие в боях в Будапеште орденом Александра Невского). Знали они также, что первый секретарь ЦК КПЧ А.Дубчек на стороне контрреволюции.

20 августа 1968 года десантники уже сидели в самолетах. Руководил операцией по вводу войск в Чехословакию генерал армии Павловский И.Г.

Основную задачу по захвату и блокированию аэродромов Рузине и в Брно, а также подготовке их к приему военно-транспортных самолетов выполняли десантники. В операции принимали участие части 7-й гв. вдд (командир дивизии генерал-майор Л.Н.Горелов), которые десантировались в Праге, и 103-й гв. вдд (командир дивизии генерал-майор А.И.Яценко), которые приземлились в Брно, в районе Пришбрам, Блатиа, Табор.

По плану десантники должны были прыгать с парашютами. Но, едва пролетев Польшу, при подлете к цели поступила команда — парашюты снять, будет посадка. 21 августа в 3 часа 37 минут, за несколько минут до десантирования главных сил, на аэродроме были высажены разведывательные подразделения на одиночных самолетах, без огней. Они захватили аэродромы, диспетчерские пункты, прожекторы, оцепили находящиеся там самолеты, блокировали аэродромные гарнизоны. На все это ушло всего 15 минут!

Если бы чехи поставили на взлетно-посадочную полосу какой-нибудь автомобиль или трактор, самолеты приземлиться не смогли бы. Все произошло без единого выстрела. Эти подразделения обеспечили высадку главных сил. Приземляющиеся с интервалом в 1,5 минуты самолеты, едва сойдя с ВПП, высаживали личный состав и боевую технику, которая тут же выстраивалась в колонны и убывала к месту назначения, в полной готовности вступить в бой.

Система ПВО Чехословацкой народной армии не оказала противодействия, освещение посадочных полос аэродрома и лояльное в первые часы отношение персонала аэропорта дали возможность десантникам достичь внезапности действий и захватить важные объекты Праги в течение четырех часов после высадки.

В первую очередь десантниками были захвачены: четыре моста через Влтаву, помещение штаба контрреволюционной организации, здание ЦК КПЧ, издательства, МВД, главпочтамт, телецентр, банки и другие объекты.

Основные усилия десантников были направлены на захват Центрального комитета компартии Чехословакии, правительства страны, Министерства обороны и Генерального штаба. Успешное выполнение запланированных действий позволило парализовать государственное и военное управление страной.

Подполковник Минигулов после «посещения» телецентра, немедленно отправился с разведротой полка на набережную Влтавы в ЦК КПЧ. Начало пятого утра, на улице уже светло, но народ еще спит. Прибыв в ЦК, десантники первым делом обезоружили охрану, отключили центральную телефонную станцию, для страховки обрезав телефонные провода. Узнав от охраны, где находится Дубчек, десантники ринулись на второй этаж. Минигулов, скинув плащ-палатку, вошел в комнату № 79 с офицерами полка: «Александр Степанович, я командир воздушно-десантной части, мы десантировались сегодня, вошли оказать вам помощь в подавлении контрреволюционного мятежа». Дубчек ответил, что в стране никакого контрреволюционного мятежа нет. И в это время — очередь по его окнам. Все пригнулись, и Минигулов спросил, кто же тогда стреляет, если контрреволюции нет? Дубчек предположил, что это русские. «Нет, — возразил командир полка (участник Великой Отечественной войны с 1943 года), — это очередь не из нашего оружия, стреляли из ППШ военного времени». На просьбу обратиться с воззванием к населению, чтобы оно не оказывало сопротивление советским войскам, Дубчек опять повторил, что контрреволюции нет. Тогда Минигулов, оставив охрану, спустился на первый этаж, вызвал по рации командира дивизии и доложил о своих действиях. Комдив приказал доставить Дубчека к нему на аэродром Рузине. Туда же доставили и всё Политбюро КПЧ.

Командующий ВДВ позднее так докладывал Министру обороны А.А.Гречко: «А.Дубчек пытался звонить из своего кабинета по телефону, как он заявил, Л.И.Брежневу, но старший лейтенант Жаданов в сдержанной форме отказал ему и обрезал телефон. В последующем Й.Смрковский, Ф.Кригель вели себя вызывающе, в грубой форме обращались к офицерам охраны: «Почему вы здесь? Почему так долго нет вашего представителя? Требовали связаться с советским послом товарищем Червоненко. После отправки А.Дубчека, Й.Смрковского, Ф.Кригеля, Й.Шпачека на аэродром остальные члены ЦК вели себя лояльно».

Появление десантников для всех членов ЦК КПЧ, Пражского городского и областного обкомов партии было абсолютно неожиданным. По заявлению секретаря ЦК З.Млынаржа, они ожидали прибытия советских войск в 10–11 часов, не ранее. «Поэтому мы не рассчитывали, что вы нас всех застанете вместе».

Генерал армии Маргелов В.Ф. докладывал: «В одном бронетранспортере находились А.Дубчек и Ф.Кригель, напротив их сидели два наших офицера, во втором Й.Смрковский и Й.Шпачек..

При перевозке указанной группы на аэродром Рузине особенно возмущались Ф.Кригель и Й.Смрковский. Они потребовали открыть люки и объяснить, куда их везут. В целом эвакуация членов ЦК КПЧ прошла без происшествий».

Командующий ВДВ, искренне убежденный в правоте и справедливости дела, которое возложили на его подчиненных, сообщал министру обороны: «В десантников бросали камни, плевали, выкрикивали антисоветские лозунги и ругательства, бросались на солдат и делали попытки выхватить оружие, забрасывали контрреволюционными листовками и другой печатной литературой. В этой сложной обстановке десантники-разведчики не растерялись, проявили стойкость и упорство, хладнокровие и выдержку, высокую политическую зрелость и понимание той роли, которая была возложена на них при выполнении ответственной и благородной задачи».

Столь же оперативно и профессионально был осуществлен захват Дома правительства ЧССР. В 6 часов утра началось выдвижение к нему 2-й парашютно-десантной роты 108-го гв. парашютно-десантного полка на реквизированных автобусах и батареи Су-85. Спешившись перед зданием, первый взвод проник внутрь, перекрыл центральный вход и центральные выездные ворота. Два отделения проникли во двор и блокировали выходы с

тыльной стороны. Батарея Су-85 с взводом парашютистов и взводом станковых противотанковых гранатометов СПГ-9 прикрывали подступы к зданию со стороны площади, мостов и тыла. Второй взвод, разбитый на четыре группы, быстро разоружил охрану на этажах, отключил все виды связи. В 6 часов 40 минут заместитель командира 108 гв. пдп подполковник Гордиенко, командир 2 пдр старший лейтенант Торобанов и отделение солдат вошли в зал, где заседало правительство.

Появление здесь десантников, как и в здании ЦК КПЧ, вызвало удивление.

«О.Черник встал, подошел к отдельному столику и заплакал, — сообщал В.Ф.Маргелов Министру обороны, — подполковник Гордиенко предложил всем оставаться на местах и ждать команды. Через 15 минут прибыли сотрудники КГБ и начали проводить отсев сотрудников министерств: одних — в подвал под охрану, других — в машины и на аэродром Рузине, в том числе и О.Черника.»

С семи часов на площади собралось большое число пражан. Они попытались штурмовать Дом правительства, чтобы освободить министров.

Из доклада Командующего ВДВ: «Сообразуясь с обстановкой, личный состав 2-й парашютно-десантной роты при поддержки батареи Су-85 встал плотной стеной с западной стороны дома и не допустил толпу к центральному входу, при этом приходилось применять физическую силу и угрожать применением оружия. К 20 часам толпа была рассеяна. В ночь с 21 на 22 августа рота была обстреляна одиночными выстрелами, при ответном огне выстрелы прекратились и больше не повторились.»

Всем нашим союзникам по Варшавскому Договору разрешалось применять оружие. Особенно, как вспоминают участники событий, этим правом пользовались воины ГДР и Польши. Советским солдатам применять оружие было запрещено. Командующий ВДВ генерал армии Маргелов, единственный из военачальников, взял на себя ответственность и разрешил десантникам, в случае крайней необходимости, отвечать огнем на огонь. Поэтому вновь созданное правительство ЧССР после относительной нормализации обстановки попросило в первую очередь вывести из страны десантников. К исходу дня 12 сентября все подразделения воздушно-десантных дивизий были выведены из Праги и Брно.

Генерал Маргелов перед выводом своих войск побывал в Праге. Его неприятно поразили «манечки», как он их называл, длинноволосые, полностью обнаженные молодые парни, прогуливавшиеся по городу с так же «изысканно» одетыми девицами. Но с большим удовольствием он рассказывал своим сыновьям о том, что ему сообщили из ГРУ о реакции военного руководства США и Великобритании: через час после завершения операции американцы дали действиям наших десантников оценку «отлично», англичане через несколько часов дали такую же оценку. Естественно, это были оценки военных специалистов, а не правительств этих стран. Правительства стран-подстрекателей контрреволюции, направляемые, как и в Венгрии в 1956 году, мировым сионизмом, пребывали в полном унынии. Единственное, что им оставалось, так это обливать грязью воинов стран Варшавского Договора и в первую очередь советских солдат.

Тогда, имея конкретные цели и твердое руководство в высших военных кругах, мы преподали негодяям, стремящимся к мировому господству, хорошие уроки. Складывается мнение, что американцы эти уроки усвоили прекрасно, показав себя добросовестными учениками во Вьетнаме, на Гренаде и в Панаме, в Ираке и в Афганистане. Только ведь цели у них те же — достижение мирового господства. Потому Вооруженные Силы России и в том числе ее Воздушно-десантные войска обязаны сохранять бдительность, боеготовность и боеспособность.

А как простые ребята-десантники, участники событий, относились к своей миссии? Может быть, в какой-то степени на этот вопрос ответит нехитрая песня десантников, участников событий в Чехословакии?

В тумане звезд уходит самолет

Обратно на предписанную базу,
А нас сюда солдатский долг ведет —
Десант на запад брошен по приказу.
А где-то между парашютных строп
Внизу горит огнями Прага,
И медленно садятся на песок
Ребята из Москвы и Волгограда.
И только там ушла с порога ночь —
По улицам шагают наши парни.
И лишь шипенье: «Убирайтесь прочь!»
Неслось из окон буржуазной псарни.
Все хорошо и можно не смотреть,
Что пишут гады на заборе.
Ах, если б можно было бы стереть
Колонной танков всю вот эту свору.
А с чердака по спинам — автомат,
И кровь течет по красному берету,
По мостовой прошел свинцовый град,
И одного парнишки больше нету…
Ну что ж теперь, ребята, больше ждать?
Нож, автомат, гранату — и в атаку!
Но есть еще приказ: «Не убивать,
Мы не фашисты, крови нам не надо…»

Хотя чехословацкая армия вооруженного сопротивления не оказывала, но показательно то, что тщательно спланированная и хорошо подготовленная воздушно-десантная операция была выполнена в самые сжатые сроки при высокой организованности. Личный состав показал пример мужества, стойкости и поистине железной выдержки, не поддаваясь на провокации со стороны отдельных групп местного населения.

Многие десантники за образцовое выполнение воинского долга были награждены орденами и медалями. Командующий ВДВ генерал армии Маргелов В.Ф. 26 декабря 1968 года был удостоен высшей награды СССР — ордена Ленина, правда, это совпало с его 60-летием. А в 1969 году Президентом ЧССР генералом армии Людвигом Свободой он был награжден орденом «Клемента Готвальда».

Так эффективно, решительно, быстро, необычно по замыслу и исполнению была проведена эта воздушно-десантная операция, что она заслуженно легла в копилку опыта применения войск. Еще раз было доказано, сколь мощной силой в лице ВДВ обладает государство. Эта сила надежная, хорошо оснащенная и управляемая, и поэтому необходимо многократно подумать, прежде чем ее где-то применить.

Имя Командующего Воздушно-десантными войсками генерала Маргелова после венгерских и чехословацких событий стало еще более популярным: как среди своих, так и среди врагов и «потенциальных противников». Военные атташе западных стран на всевозможных государственных приемах пытались лично поприветствовать «господина генерала армии», если им это удавалось, то они упрашивали Командующего разрешить им посещение какой-нибудь воздушно-десантной дивизии. В конце концов, Василий Филиппович стал избегать эти приемы, чем вызвал неудовольствие Министра обороны.

Один из сыновей Командующего — Василий, в 1968 году, будучи студентом МГУ, находился на языковой практике Алжире. Запомнилось ему, как за день до начала операции «Дунай» многие посольства СССР за рубежом получили информацию о предстоящих событиях. Посольствам предписывалось провести соответствующую «обработку»

правительств и населения в странах пребывания. Также работавшим там советским специалистам была поставлена задача разъяснять «цели и задачи почетной интернациональной миссии советских войск в ЧССР».

Наши военные специалисты в Алжире, в частности, полагали, что эти действия могут вылиться в мировую войну. Поэтому повсюду была введена повышенная боевая готовность, были отменены все «внештатные» мероприятия, членам семей специалистов было запрещено без крайней необходимости покидать свои квартиры — во избежание возможных провокаций и т. д.

В конце сентября 1968 года в Алжир прибыли новые специалисты, которые с восхищением рассказывали об уже прошедшей операции советских войск в Чехословакии. При этом все они подчеркивали решающую роль «маргеловских орлов». Руководство группы военных специалистов военной базы, куда прибыли работать наши специалисты, специально устроило собрание, на котором все наши офицеры и переводчики были проинформированы о недавних событиях. После окончания собрания кто-то из начальства шепнул выступавшим, что среди слушателей был и сын В.Ф.Маргелова. Тогда они попросили показать им Василия. Познакомившись с ним, они искренне пожимали ему руку и от чистого сердца поздравляли с замечательной победой его отца.

В марте 1969 года языковая практика закончилась и Василий вернулся в Москву. Однако через полгода ему пришлось еще раз побывать в Алжире. — на сей раз в составе представительной делегации по линии Советского комитета ветеранов войны (СКВВ) во главе с Главным маршалом авиации Голованом Александром Евгеньевичем. В составе делегации были также представители ЦК КПСС и ВЦСПС. Для Василия это была серьезная проверка его знаний арабского языка в качестве официального переводчика делегации.

Накануне вылета молодого переводчика представили маршалу. Александр Евгеньевич был искренне рад знакомству и, пожимая руку Василию, сообщил в присутствии председателя СКВВ, что хорошо знает генерала Маргелова и высоко ценит его заслуги перед Родиной. Маршал Голованов с восхищением рассказал, как Командующий ВДВ и его гвардейцы нанесли сокрушительный удар планам империалистов в Венгрии и Чехословакии — до сих пор натовцы изучают эти операции в своих академиях!

На следующий день Василий был принят в квартире Голованова, где ему пришлось более часа рассказывать руководителю делегации об Алжире, о национально-освободительной борьбе алжирского народа против французских колонизаторов, а также о ветеранском движении, которым руководит Министерство по делам ветеранов. Александр Евгеньевич был очень доволен «лекцией».

В течение двух недель работы делегации Голованов часто рассказывал Василию о Великой Отечественной войне, о том, как он вырос из простого летчика до Главного маршала авиации. Рассказал он и о том, что Сталин бережно выращивал подающих надежды офицеров, отдавая предпочтение именно русским, к числу которых относился и хороший знакомый маршала В.Ф.Маргелов, Герой Советского Союза военного времени.

После возвращения в Москву Голованов крепко пожал Василию руку и выразил благодарность за проделанную работу. А через несколько дней. Командующий ВДВ, вернувшись со службы, сообщил сыну Василию о звонке Александра Евгеньевича, который с высокой похвалой отозвался об ответственном отношении «его» переводчика к порученному делу и выразил глубокую признательность Василию Филипповичу за хорошее воспитание сыновей. Сообщив эту весть, отец поздравил сына с успешным завершением командировки и пожелал и впредь «не сходить с дистанции», а только набирать победные очки.

Глава 8
Аналогов в мире нет!

Разработка концепции и роли ВДВ. БМД-1. Темп задает заказчик. Десантирование экипажей внутри БМД. Учебные центры, аэродромы и многое другое.

Как уже упоминалось, военной теорией того времени ядерное оружие стало расцениваться как средство решительного наращивания темпов наступления войск в операциях по 60–80 километров в сутки. Для немедленного использования ядерных ударов и сохранения высоких темпов наступления считалось необходимым широкое применение воздушных десантов. В этих условиях Воздушно-десантные войска требовали решительной реорганизации, они должны были полностью соответствовать военно-стратегическим целям современной войны и отвечать военно-политическим целям государства.

Командующий как никто другой понимал это. Он говорил: «Чтобы выполнять свою роль в современных операциях надо, чтобы наши соединения и части были высокоманевренными, укрытыми броней, обладали достаточной огневой эффективностью, хорошо управляемы, способны десантироваться в любое время суток и быстро переходить к активным боевым действиям после приземления».

— Вот, по большому счету, идеал, к которому мы должны стремиться, — считал он.

Тогда, в начале 60-х, многие не понимали целей Командующего. Более того, считали их утопией. Похожего мнения придерживался и ряд начальников в Генеральном Штабе и Министерстве обороны.

Но не таков был Василий Филиппович Маргелов! Коренная реконструкция войск стала главной целью его деятельности, если не сказать смыслом дальнейшей жизни. Трудностей на этом пути было «выше крыши», как тогда говаривал Командующий.

Большинство руководителей в МО и ГШ не понимали или не хотели понять, что войскам нужна своя специальная, десантируемая по воздуху, тяжелая боевая техника, специальное вооружение, средства управления и боевого обеспечения. И, чтобы сломать сложившиеся стереотипы, пробить косность «в верхах», надо было потратить неимоверные силы, время, иметь талант убеждения.

В этих целях Командующий потребовал разработки концепции места и роли ВДВ в современных стратегических операциях на различных театрах военных действий (ТВД). Однако он не только требовал, но и лично включился в разработку теории применения десантов и, не в пример многим, защитил кандидатскую диссертацию на эту тему. Решением Совета Военной ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова академии им. М.В.Фрунзе Маргелову Василию Филипповичу присуждена ученая степень кандидата военных наук. Диплом кандидата наук за номером 800 выдан 4 декабря 1968 года.

Он бы защитил и докторскую — ему предлагали несколько дополнить представленную работу (ибо она значительно превосходила требования к кандидатской диссертации) и представить ее к защите. Так генерал Маргелов и сделал. Однако тогда в руководстве Минобороны не все с пониманием относились к военным ученым из войск. Они-то и вынудили министра лишить Командующего ВДВ возможности стать доктором военных наук. Маршал Гречко так прямо и попросил:

— Василий Филиппович, давай ты не будешь защищать докторскую.

— А почему? В ней отражены все наши самые передовые разработки по применению войск в современной войне, при том — с учетом их специфики…

— Понимаешь, Маргелыч (таким обращением маршал показывал свое дружеское отношение к собеседнику), ты ж посмотри на название диссертации, ведь она посвящена применению твоих войск в глобальных стратегических операциях! Нас же обвинят в том, что мы — агрессоры!

— Не надо, так не надо, — ответил Маргелов, — мне главное не ученая степень, а чтобы и наши знали, а враги боялись того, на что способны советские десантники.

Эта диссертация хранится на спецфакультете той же престижной Военной академии, где проходила защита, а слушатели могут с нею ознакомиться и самостоятельно оценить

силу и глубину научной мысли генерала армии В.Ф.Маргелова.

Золотым периодом для развития Воздушно-десантных войск было время, когда Вооруженные Силы СССР возглавлял Маршал Советского Союза Гречко Андрей Антонович.

Министр любил Воздушно-десантные войска, высоко ценил Василия Филипповича и поддерживал его в основных вопросах оснащения десантников современной боевой техникой и модернизации войск.

За короткий период (7–8 лет) для войск были разработаны и запущены в производство боевая машина десанта БМД-1, бронетранспортер БТР-Д и семейство специальной боевой техники на их базе.

Были разработаны уникальные средства десантирования для этой техники: многокупольные (платформенные) и парашютно-реактивные (бесплатформенные) системы, аналогов которым не было, да и сейчас нет в других армиях. Эти средства позволили десантировать парашютным способом всю штатную технику дивизии.

Командующий ВДВ и его штаб внимательно следили за всеми новыми разработками по вооружению и технике Сухопутных войск и других видов ВС и родов войск. Наши части в первую очередь оснащались новейшими автоматами и пулеметами Калашникова, ручными гранатометами, переносными зенитными комплексами, средствами связи, инженерной и другой техникой. Повышалась огневая мощь полков и дивизий. Но до середины шестидесятых годов не был решен главный вопрос — повышение их маневренности на поле боя. А изменившийся характер операций с появлением ядерного оружия настоятельно требовал перехода от пеших действии десантников к действиям на боевых машинах.

Создание боевой машины с достаточно эффективным вооружением и способной быть десантированной парашютным способом в тыл противника стало в этот период генеральной линией деятельности Командующего.

К решению этой задачи Командующий Маргелов сумел подключить все инстанции и службы, от которых это зависело в Сухопутных войсках, Генеральном штабе, нескольких министерствах, руководство и конструкторов Волгоградского тракторного завода. Эту идею энергично поддерживал Маршал Гречко А.А., сначала как первый заместитель Министра обороны, а в дальнейшем и будучи на посту Министра.

Проведя ряд личных встреч с конструкторами на заводе и убедившись, что создание такой машины — дело реальное, В.Ф.Маргелов буквально загорелся этой идеей и, что называется, поставил на ноги штаб, Научно-технический комитет, начальников родов войск и служб, потребовал непрерывно держать в поле зрения ход работ и всемерно содействовать решению задачи по скорейшему созданию машины.

На проводимых еженедельных совещаниях в Управлении каждый начальник, получивший от Командующего конкретную задачу, докладывал, что сделано, в чем есть задержки и от кого это зависит, чтобы они были устранены.

Если у начальников служб не хватало «пробивной силы», Командующий лично выезжал в министерства и на завод и добивался положительного решения. Разумеется, его не могли удовлетворить растянувшиеся сроки изготовления первой машины на заводе; надо было проявить железную волю и настойчивость, чтобы преодолеть множество бюрократических преград в министерствах и ведомствах.

Как вспоминал Костенко Юрий Петрович, ответственный сотрудник Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам (ВПК), где он вел с 1967 по 1987 год танковую тематику, в том числе БМД-1, десантники обратились к нему с просьбой помочь создать такую боевую машину, чтобы они могли выполнять свои специфические задачи в тылу противника в отрыве от основных сил и в течение длительного времени. Исходя из опыта Великой Отечественной войны, при таких операциях десант терял

до 80–85 % личного состава. Имея же качественно новые боевые средства десантники смогли бы выполнить боевую задачу с гораздо меньшими потерями, а уж если придется погибнуть, то враги заплатили бы в бою гораздо более высокую цену.

Мимо внимания десантников, конечно, не прошло появление в Сухопутных войсках боевой машины пехоты БМП—1, которая резко повышало боевую мощь и мобильность мотострелковых подразделений. В целях экономии попытались применить БМП—1 и в ВДВ. Уже в то время на вооружении Военно-транспортной авиации находился военно-транспортный самолет Ан—12Б, имевший максимальный взлетный вес 61 т, максимальную грузоподъемность 20 т, допустимый вес сбрасываемого моногруза до 10 тонн, куда входил и вес средств десантирования. БМД-1 могла десантироваться как на парашютно-платформенных средствах (ППС, весом более двух тонн), так и парашютно-реактивной системой (ПРС, весом менее тонны). Боевой вес принятой в 1966 году БМП—1 составлял 12,6 тонны, а потому Ан—12Б мог транспортировать и десантировать только одну БМП—1 и то посадочным способом. Но главное, почему она не подходила для ВДВ, это то, что ее нельзя было десантировать парашютным способом. Только при боевом весе машины до 7,5 тонн (плюс к этому 2 тонны ППС и небольшого резерва до предельного полетного веса в 10 тонн) Ан—12Б мог транспортировать и сбрасывать две такие машины за один рейс, что было крайне важно для десантников.

В 1965 году на КБ Волгоградского тракторного завода (ВгТЗ) началась разработка такой машины. На стадии опытно-конструкторской работы (ОКР) эта машина имела заводской индекс — «объект 915», после принятия на вооружение — боевая машина десанта БМД-1, но в войсковой документации ее еще долго обозначали как «объект 915». Работу начинал главный конструктор КБ ВгТЗ Гавалов Игорь Валентинович, которого вскоре сменил Шабалин Аркадий Васильевич. С обоими создателями БМД-1 у Командующего ВДВ был полный контакт и прекрасные деловые отношения.

Боевое отделение было решено брать точно такое, как в БМП—1. Опытно-конструкторская работа по боевой машине продвигалась довольно быстро. Когда подошло время сборки опытных образцов БМД-1, Гавалов позвонил на Челябинский тракторный завод (ЧТЗ), где в ту пору велось серийное производство БМП—1, и договорился, что завод в течение месяца соберет пару боевых отделений и железной дорогой отправит их к ним в Волгоград. Дело это не быстрое — надо было заказывать заранее железнодорожный транспорт, в том числе «теплушку» с военизированной охраной (ведь груз имел гриф «секретно»), а потом еще недели 1,5–2 ждать, когда железная дорога доставит его из Челябинска в Волгоград. Каково же было удивление Гавалова, когда он через несколько дней узнал, что оба боевых отделения уже на ВгТЗ. Оказалось, что Маргелов следил за ходом ОКР лично. Когда он узнал, что нужные для сборки опытных образцов 2 боевых отделения смогут поступить в Волгоград только через полтора месяца, он приказал своим десантникам взять военно-транспортный самолет, вылететь на нем в Челябинск, там на ЧТЗ прямо из серийного потока взять 2 готовых боевых отделения и этим же самолетом доставить их в Волгоград. Что и было четко исполнено. При таком отношении со стороны заказчика БМД-1 руководство ВгТЗ понимало, что у него нет никакого морального повода допустить хоть малейшее отступление или задержку в работе по БМД-1.

Ю.П.Костенко в своей книге «Некоторые вопросы развития отечественной бронетехники в 1967–1987 годах», (Москва 2000), ссылаясь на приведенный эпизод, так отмечал роль Командующего ВДВ генерала Маргелова: «Позже я имел возможность убедиться, что это была не показная словесная бравада — это был исходный пункт жизненной философии в десантных войсках. За этим стояла легендарная личность Командующего ВДВ Героя Советского Союза генерала армии Маргелова Василия Филипповича».

В создании машины для Воздушно-десантных войск страны приняли участие

коллективы разработчиков и изготовителей как от промышленности, так и от Минобороны СССР. Серийное производство изделия началось с 1968 года. Этому моменту предшествовала большая работа по испытаниям первой боевой машины десанта, в которой участвовал и коллектив Научно-исследовательского испытательного института бронетанковой техники из подмосковной Кубинки, бывший сотрудник которого, полковник Гниленко Валерий Павлович, будучи старшим лейтенантом, принимал непосредственное участие в ходовых испытаниях и показах первого образца боевой машины. В ходе испытаний он выполнял задачи командира машины, механика-водителя и оператора-наводчика. Участвовал в 6-часовом безостановочном пробеге БМД на полигоне в районе г. Чирчик Узбекской ССР. Он и поведал как проходили испытания и показы БМД-1.

Машина с экипажем и десантом, «по-боевому», т. е. с закрытыми люками, полностью заправленная ГСМ, должна была в дневное время на максимально возможных скоростях с учетом местных дорожных условий пробежать 6 часов без остановки. По методике испытаний в экстренных случаях допускались две короткие остановки по одной минуте без глушения двигателя. В ходе пробега экипаж контролировал работу двигателя и агрегатов машины, через определенные промежутки времени велась запись показаний электроприборов. За бортом машины температура воздуха была выше 45 градусов по Цельсию, а термометр в машине показывал 50 градусов выше нуля. Скорость машины на отдельных участках дороги достигала 65 км/час. Жара и большая запыленность воздуха, замкнутое пространство и постоянный шум двигателя дополняли всю «прелесть» микроклимата, в котором работал экипаж машины. Но надо отдать должное и машине и экипажу, они с честью выдержали данный вид испытания и благополучно завершили этот пробег.

Так проверялась надежность работы двигателя, трансмиссии и ходовой части в жарких климатических условиях. Проверялись расходы топлива и масла, скоростные качества машины, запас хода по топливу и прочее. Это один из эпизодов большой программы испытаний. Кроме того, проводились стрельбовые испытания, испытания на плаву, снимались разгонные характеристики, машина испытывалась при низких температурах в морозильной камере, сбрасывалась парашютным способом на специальной платформе с военно-транспортного самолета, проверялись различные эксплуатационные характеристики, показатели надежности и другие параметры машины. Параллельно шли работы по устранению неисправностей и доработке изделия. В результате успешно проведенной работы 14 апреля 1969 года вышло постановление Совмина «О принятии на вооружение Советской Армии гусеничной боевой машины Воздушно-десантных войск». Исполнилось желание генерала армии Маргелова иметь в ВДВ свою авиадесантируемую, плавающую, маневренную, с соответствующим вооружением боевую машин, предназначенную для повышения мобильности, вооруженности и защищенности Воздушно-десантных войск.

Командующий ВДВ придавал большое значение испытаниям БМД, интересовался их результатами, постоянно был в курсе происходящего по программе испытаний, участвовал в показах при проведении стрельб и других видов испытаний.

Одним из достоинств машины является ее изменяющийся клиренс. Благодаря конструктивным особенностям за счет автоматического ослабления натяжения гусениц, корпус БМД может подниматься и опускаться. Такая способность машины была продемонстрирована В.Ф.Маргелову на одном из показов при проведении стрельб. Для сравнения одна из машин, предварительно спрятанная в окопе, внезапно поднялась из него и повела стрельбу по мишеням. Это выглядело достаточно эффектно. Маргелову очень понравилась продемонстрированная техническая возможность машины, которая позволяла экипажу использовать складки местности при ведении боя или выполнении других задач ВДВ.

О том, что генерал Маргелов был не только строгим и требовательным военачальником, но и обладал чувством юмора, говорит следующий случай. Группа из пяти военнослужащих кубинского танкового испытательного полигона, в составе которой был и

старший лейтенант Гниленко В.П., проводила показ БМД для командного состава ВДВ. Кстати, старшим группы был инженер-майор танковых войск Щербаков Л.И., который впоследствии перейдет в ВДВ, дважды будет десантироваться с воздуха в составе экипажа БМД-1 вместе с офицером-десантником из НТК ВДВ Маргеловым А.В., станет генералом. За это беспримерное доселе десантирование с боевой1 техникой оба они — и Маргелов А.В. и Щербаков Л.И. — были удостоены звания Герой России. Но тогда об этом еще никто не знал. Показ был организован на территории одной из войсковых частей ВДВ. Надо сказать, что десантники тепло встретили и разместили танкистов у себя в части.

Начался показ. Генерал армии В.Ф. Маргелов внимательно выслушал доклады танкистов об эксплуатационных характеристиках, устройстве и конструктивных особенностях машины, тщательно осмотрел и облазил всю машину, задал много различных вопросов, касающихся ее возможностей, обмениваясь при этом мнениями с другими командирами о перспективе ее применения. По окончании осмотра машины Маргелов поблагодарил испытателей танкистов за проведенный показ, а потом спокойно, но серьезно произнес: «Товарищи танкисты, а вы знаете, что любой офицер, попавший в расположение войсковой части ВДВ, должен обязательно сделать один прыжок с парашютом?» И ушел, оставив танкистов в растерянности. «Масла в огонь» подлил местный офицер, который, шутки ради, подтвердил сказанное его командиром. Танки и небо, как известно, вещи трудно совместимые. Нельзя было не учитывать и серьезный тон Командующего. Так что настроение у танкистов было испорчено и ситуация заставила держаться их в напряжении до конца командировки. И только перед отъездом из части они пришли в себя, когда поняли что это была шутка Командующего. Так крепла дружба танкистов и десантников. Кстати, майор Щербаков Л.И., еще будучи танкистом, позже все-таки совершил один прыжок с парашютом, сломав при этом ногу. Так и докладывал Командующему ВДВ о результатах испытаний — с загипсованной ногой. Понравился Маргелову смелый танкист и он попроси своего друга маршала бронетанковых войск А.Х.Бабаджаняна отпустить майора в ВДВ.

Велико было чувство уважения к В.Ф.Маргелову как к личности и чувство ответственности каждого участника испытаний БМД. Так, при проведении показных стрельб, противотанковая управляемая ракета «Малютка» сошла с направляющей, стала падать и пошла не в мишень, а в землю у основания мишени. Первая мысль оператора-наводчика была не допустить позора и не подвести машину и Батю, как звали Командующего десантники. Как говориться, «шестым чувством» и усилием воли оператор смог приподнять ракету от поверхности земли почти у самой мишени и поразить ее. Задача была выполнена и настроение оператора и, несомненно, Командующего было отличным.

Когда БМД была еще в эскизном проекте конструкторов, Командующий поставил задачу на разработку средств десантирования парашютным способом, и эта работа шла параллельно.

Первая партия боевых машин десанта была произведена в конце шестидесятых годов. Это было настоящим событием для войск. Все, кто непосредственно занимался ее созданием, по праву гордились этой победой.

Не скрывал своего удовлетворения и Командующий, видя в ней решающее звено в цепи последующих качественных изменений частей и соединений ВДВ.

При создании БМД-1 было решено множество разных по сложности технических вопросов. Так, например, для десантной машины потребовалось создать особо легкий броневой корпус, обеспечивавший противопульную защиту. Эта задача была решена НИИ Стали. Весь корпус был выполнен из броневых алюминиевых сплавов, благодаря чему удалось получить полный боевой вес машины 7,6 тонны. БМД-1 должна была укладываться на грузовую платформу парашютной системы, а после приземления сама (без посторонней помощи) оставлять грузовую платформу на месте приземления. Для этого машина получила переменный клиренс, позволяющий изменять расстояние между днищем и опорной

поверхностью гусениц. Этот вопрос был блестяще решен ВНИИТрансмашем за счет создания гидропневматической подвески (на БМП—1 была сравнительно простая, чисто механическая торсионная подвеска). Имея такую подвеску, БМД-1 заходила своим ходом на платформу парашютной системы, останавливалась, поднимая обе гусеницы в крайнее верхнее положение, и при этом своим днищем БМД-1 ложилась на платформу. В таком положении боевая машина швартовалась к платформе. После приземления боевая машина с помощью системы автоматического отстрела освобождалась от средств десантирования экипажем БМД-1 изнутри, заводился двигатель, гусеницы опускались на землю, экипаж отправлялся выполнять боевую задачу.

Грозное оружие десантники получили в свое распоряжение! Практически впервые у них на вооружении появились бронетанковые силы. Они с нуля создавали у себя десантную бронетанковую службу. Не обремененные в этом вопросе никакими традициями, в отличие от сухопутчиков, десантники решительно и энергично шли вперед. Так БМП—1 была принята на вооружение в 1966 году, а командирский вариант этой машины сухопутчики сподобились разработать и принять на вооружение только в 1973 году (через 7 лет). БМД-1 была принята на вооружение в 1969 году, а командирский вариант у десантников был принят на вооружение в 1971 году (вообще на 2 года раньше, чем в Сухопутных войсках!) В 1969 году, захваченный творческим энтузиазмом десантников, Ю.П.Костенко лично подготовил (конечно, с участием НТК ВДВ) и оформил решение ВПК о проведении опытно-конструкторской работы (ОКР) по созданию на базе БМД-1 семейства машин, в том числе бронетранспортера для транспортировки 12 человек десанта (экипаж БМД-1 семь человек) и несколько вариантов командно-штабных машин (КШМ), в том числе и машины управления артиллерией. 14 мая 1969 года ВПК было принято решение «О создании опытных образцов бронетранспортера и комплекса командно-штабных машин для Воздушно-десантных войск». В 1974 году на ВгТЗ было начато производство БТР-Д, а следом за этим, уже на базе бронетранспортера, пошли в производство и КШМ.

На протяжении семидесятых годов шло оснащение войск боевой машиной. Вначале ею был оснащен один батальон дивизии в Прибалтике, на котором проводилось ее освоение, отрабатывалось парашютное десантирование и тактика действий. Сразу же по распоряжению Командующего началась подготовка механиков-водителей, операторов-наводчиков и командиров машин в учебной дивизии; несколько машин получило Рязанское ВДУ, курсанты приступили к изучению машины с большим интересом.

В дальнейшем, по мере поступления машин, в каждой дивизии ими оснащался один парашютно-десантный полк. В 1978 году перевооружение всех войск на боевые машины в основном было завершено.

Вскоре после поступления первых партий БМД-1 в войска было разработано семейство вооружения на ее базе: артиллерийские самоходные орудия «Нона» и машины управления огнем артиллерии, командно-штабные машины Р—142 и радиостанции дальней связи Р—141, противотанковые комплексы, разведывательная машина. Зенитные части и подразделения оснащались бронетранспортерами, на которых размещались расчеты с переносными комплексами и боезапасом.

В плане интеграции стран-участниц Варшавского Договора Советский Союз передавал своим союзникам лицензии на производство вооружения и военной техники для «братьев по оружию». Так в Румынию было передано производство некоторых бронетранспортеров, в Польшу и Чехословакию — производство танков и так далее. Маргелову предложили передать производство БМД-1 в одну из этих стран. «Пока я жив — этого не будет!» — твердо заявил Командующий. Он прекрасно осознавал, что самые современные виды средств ведения вооруженной борьбы нельзя раздавать направо и налево. Время подтвердило правоту его взглядов: бывшие наши союзники производят наше оружие и боевую технику в нужном им количестве, а также поставляют ее на экспорт, нанося экономическим России серьезный ущерб. Поистине производят и продают что угодно, кроме БМД-1…

Командующий ВДВ Маргелов был государственным человеком, умеющим заглянуть в будущее!

Большая работа в эти годы проводилась Командующим и штабом ВДВ, командованием дивизий и частей по выработке и внедрению новой тактики действий на поле боя полков, батальонов и рот на боевых машинах. Проведен ряд опытных батальонных и полковых учений с десантированием и боевой стрельбой. Изыскивались способы борьбы с танками и мотопехотой вероятного противника, а также способы прикрытие десанта с воздуха.

В результате оснащения войск новой техникой, в основе которой была боевая машина, в корне изменилось их лицо, повысилась огневая мощь и резко возросла маневренность на поле боя. Это были уже другие войска, способные теперь решать в тылу врага оперативные и оперативно-стратегические задачи, вести широкие маневренные боевые действия. Отошла в прошлое тактика жесткой обороны захваченного десантом плацдарма или района в тылу противника, позволявшая ему сравнительно легко вести борьбу на уничтожение десанта.

Но вместе с тем появились и новые сложности, новые проблемы. На протяжении всей истории ВДВ успех их применения во многом зависит от достижения внезапности как в оперативном, так и вдесантированию БМП-3. Маршал согласился. Все присутствующие с замиранием следили за всеми перипетиями десантирования: как машина вывалилась из самолета, как раскрывались парашюты, как она стремительно неслась к земле и как почти у самой земли мощный огненный столб реактивных двигателей заставил ее без повреждений замереть на земле. По окончании фильма в зале раздались аплодисменты.

В ходе начавшегося обсуждения выступил и заместитель министра обороны — начальник ГУК генерал армии Д.С. Сухоруков. Отметив, что машины очень хорошо себя зарекомендовали в ходе испытаний, и похвалив их создателей и участников испытаний, Дмитрий Семенович заявил, что вчерашнего десантирования не было, факт его проведения не достоверен…

В зале среди участников испытаний поднялся гул негодования. Павел Данилович возмущенно сказал министру обороны, что его заместитель вводит всех в заблуждение, о чем он сейчас всенародно скажет. «За такие обидные для участников испытаний слова, мы можем подать в суд за моральное оскорбление», — добавил он.

Был объявлен перерыв. Министр пытался успокоить генерала, мол, не надо так резко, он все-таки заместитель министра, генерал армии. Павел Данилович выслушал увещевания молча, ничего не сказав в ответ. Маршал Соколов решил, что генерал «замнет» эту, мягко выражаясь, «ошибку» генерала Сухорукова, которого хорошо знал как очень интеллигентного и вежливого человека.

После перерыва генерал Гудзь, собрав переполнявшие его чувства в кулак, спокойно доложил о ходе испытаний. «Как руководитель испытаний и на основании своего более чем 40 — летнего опыта танкиста с полной уверенностью докладываю: машина получилась удачной, других таких нет во всем мире. Наши Вооруженные Силы получат отличный подарок, который существенно повысит их боеспособность и позволит решить задачу паритета в вооружении с нашим основным потенциальным противником.» Выждав паузу, пока не умолкли дружные аплодисменты в зале, он добавил: «А генерала армии мы прощаем. Хотя он некоторое время командовал Воздушно-десантными войсками, ему просто не удалось побывать лично на испытаниях.»

В зале наступила зловещая тишина: «Ну, теперь Гудзю несдобровать».

Как бы услышав эти невысказанные слова, Павел Данилович сказал: «Я старый танкист, меня фашисты на фронте пытались убить неоднократно. Но я верил в наше правое дело, верил в Сталина, и остался жив, назло врагам, и сейчас за правое дело я готов стоять до конца».

8 июля 1987 года вышло постановление Правительства СССР «О принятии на вооружение Советской Армии и Военно-Морского Флота боевой машины пехоты БМП-3».

И вот теперь, через много лет генерал Гудзь, вспоминая тот эпизод из его богатой жизни во славу могущества и независимости Родины, добавил: «Не сомневаюсь, что если бы Командующим Воздушно-десантными войсками был тогда генерал армии Маргелов Василий Филиппович, то он, так же как и я, дневал бы и ночевал на полигоне, испытывая новую боевую технику».

БМП-3 на вооружение ВДВ не поступила, вместо нее у десантников появилась боевая машина нового поколения — БМД-3, обладающая всеми достоинствами своих предшественниц: БМД-1 и БМД-2. Но, в случае необходимости, БМП-3 может уверенно применяться в интересах Воздушно-десантных войск. И в этом также большая заслуга Героя Советского Союза генерал-полковника Гудзя Павла Даниловича, профессора Военной академии бронетанковых войск… Также необходимо отметить то, что генерал Гудзь горячо поддерживал стремление Командующего ВДВ Маргелова В.Ф. по созданию воздушно-десантных дивизий на основе бронетехники. По его просьбе Павел Данилович выступил с предложениями по новой организации вдд — существующей и планируемой — на бронеоснове. Им были уточнены требования к военно-транспортным самолетам и образцам бронетанковой техники, которая должна состоять на вооружении в вдд, а это не только боевые машины десанта БМД, но и машины на их базе: управления, разведки, артиллерии и ПВО, техобеспечения и тыла. Прообразом таких частей являлся 108-й бронедесантный полк 7-й вдд, созданный усилиями Командующего ВДВ генерала армии В.Ф. Маргелова и его преданных войскам талантливых учеников.

Низкий поклон генерал-полковнику Гудзю от всех десантников, хорошо понимающих, что на войне лишнего боевого оружия не бывает.

В дальнейшем десантирование БМД-1 с частью экипажа внутри неоднократно повторялось, в том числе и на крупных учениях в присутствии Министра обороны и других руководящих лиц Министерства.

Это была хорошая основа для дальнейшего развития идеи и более полного решения проблемы. Перед конструкторами Командующий выдвинул задачу по разработке приспособлений для десантирования внутри машины всего экипажа. Эта задача была успешно решена позже, Василию Филипповичу уже не довелось видеть конечных результатов. Но пальма первенства по внедрению в практику десантирования войск, этого воистину революционного переворота, бесспорно принадлежит ему.

В 1985 году на базе БМД-1 по требованиям, отработанным еще при Командующем Маргелове была создана БМД-2, принципиально схожая со своим прототипом, но имеющая 30-мм автоматическую пушку. В начале 90-х годов с учетом опыта создания БМД-1 и БМД-2 создана БМД-3, которая в настоящее время стоит на вооружении Российской Армии. Она обладает утолщенной броней, также имеет 30 мм автоматическую пушку, противотанковый ракетный комплекс, быстроходный двигатель. Весит она около 13 тонн. На ней установлены универсальные штатные сидения, позволяющие всему экипажу как десантироваться, так и вступать на них в бой. Средства десантирования для БМД-3 также созданы коллективом «Универсала», вес их составляет 1500 кг, как установлено техническим заданием. К двум пенопластовым лыжам крепится воздушная амортизация совершенно нового типа, которая не позволит машине перевернуться при любом нерасчетном типе приземления. В 1995 году в ходе копрового сброса в машине были размещены все семь членов экипажа боевой машины. На последующих Государственных испытаниях в новом комплексе десантировалось двое членов экипажа. Именно на такой боевой машине 20 августа 1998 года в ходе учений 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й Псковской дивизии, которой в 1948—1950-х годах командовал генерал Маргелов В.Ф., успешно десантировался экипаж в полном составе. В первом в войсковой практике десантировании приняли участие гвардейцы-десантники: старший лейтенант В.Конев, младшие сержанты А.Аблизин и З.Билимихов, ефрейтор

В.Сидоренко, рядовые Д.Горев, Д.Кондратьев, З.Томаев, и как всегда в подобных случаях — добровольцы (кстати, желающих было очень много — и среди офицеров и среди личного состава). Основной и дублирующий составы прошли тщательную медкомиссию, в том числе и на психологическую устойчивость, после чего в течение месяца занимались на специальных тренажерах, тренировались в расшвартовке машины от средств десантирования и так далее. Перед самым десантированием внезапно поднялся сильный ветер, доходивший у земли до десяти метров в секунду. При таком ветре десантировать технику запрещалось, кое-кто даже предложил отменить десантирование. Однако командир дивизии генерал-майор С.Семенюта, его заместитель воздушно-десантной подготовке и другие офицеры-специалисты, исходя из своего опыта и веры в систему и экипаж, смогли убедить командующего ВДВ провести намеченное десантирование. Несмотря на то, что машина приземлялась боком из-за порывистого ветра и началась сильная тряска комплекса, техника и люди внутри нее выдержали, никто не пострадал. Быстро расшвартовав машину, десантники атаковали условного противника.

Десантирование происходило на новой бесплатформенной парашютной системе ПБС-950 разработки того же завода «Универсал» (ныне — московское конструкторско-производственный комплекс «Универсал»). Непосредственно новую систему создавали специалисты 9-го отдела завода (ныне — 2-й отдел) под руководством начальника отдела Петкуса Генриха Владимировича, подписи которого стояли на листах готовности первого и последующих «Кентавров», в подготовке которых принимали участие заводчане. Система была сконструирована таким образом, чтобы перегрузки на БМД-3 при приземлении не превышали 15 единиц. В зависимости от веса груза количество куполов в парашютной системе может доходить до двенадцати, каждый из которых имеет площадь 350 квадратных метров. В комплексе «Кентавр» расчетная перегрузка принималась в 20 единиц, хотя в реальных сбросах она достигала и больших значений. В этом смысле экипажи, десантирующиеся в БМД-3 на ПБС-950 находятся в относительно более комфортных условиях.

Газета «Красная Звезда» поместила на первой странице большую статью (30.10.1998) военного журналиста, ветерана ВДВ полковника Александра Олийника, посвященную этому подвигу десантников. Статья заканчивается словами: «Свой уникальный прыжок десантники-черниговцы посвятили памяти легендарного Командующего ВДВ Героя Советского Союза генерала армии Василия Филипповича Маргелова, 90-летие которого будет отмечаться в декабре».

Молодцы, псковичи-маргеловцы! Отличный подарок! Несомненно, память о Бате явилась одним из элементов боевой готовности.

Командующий Воздушно-десантными войсками генерал-полковник Шпак Георгий Иванович проявил известную смелость в принятии решения на такое десантирование, тем самым доведя до логического конца гениальную задумку Командующего Маргелова десантировать боевые машины с полным экипажем, размещенным внутри их.

Рассказывают, что высшие американские военные, узнав об этом достижении русских, в спешном порядке провели анализ готовности вступить в бой после десантирования дивизий обеих стран. С сожалением они вынуждены были признать, что, если русским потребуется около часа времени для вступления всей дивизии в бой, то американская дивизия достигнет такой готовности только еще через час, так как у них боевая техника и экипажи десантируются по-прежнему порознь.

Поддержание постоянной высокой боевой готовности войск всегда было под неослабным вниманием Командующего и штаба.

Боевая готовность — широкое понятие, включающее такие факторы, как укомплектованность войск личным составом, вооружением и техникой, боезапасом и

другими материальными средствами, выучка личного состава, подготовка командиров и штабов и другие. Но для десантников, в отличие от Сухопутных войск, важнейшим дополнительным разделом является способность частей быстро подготовиться к десантированию.

Вспоминается, с какой настойчивостью добивался В. Ф. Маргелов решения задачи, которую сам же выдвинул: дивизия должна взлететь с аэродромов через сутки после получения задачи. Предполагают, что и сам он мало верил в осуществимость ее в ближайшее время, но как цель на перспективу он внушал ее всем командирам дивизий и требовал искать пути решения. Надо сказать, что к концу 70-х годов один из полков в каждой дивизии при удалении аэродромов взлета не более 80—100 км, уже мог за сутки подготовиться к вылету.

В этой связи нельзя не отметить, что в течение ряда лет своими силами Воздушно-десантные войска по личной инициативе Командующего и под его непосредственным руководством построили вблизи пунктов дислокации войск четыре современных аэродрома, с которых взлетали самолеты Ил-76 и даже «Антеи». Идея строительства этих аэродромов вначале вызывала у многих недоумение: зачем вкладывать средства, если в конце концов они перейдут в ведение ВВС?

Но когда первый аэродром был построен, скептики убедились, насколько это экономит учебное время при проведении прыжков, учений с десантированием и решает проблему быстрого взлета хотя бы усиленного батальона что называется «из дому». К великому сожалению, сегодня большинство этих аэродромов оказались за пределами России. Но разве в те годы мог кто-нибудь предполагать такой распад Великой Державы?..

Не останавливаясь в деталях на других вопросах постоянной высокой боевой готовности, следует лишь напомнить, что во всех частях парашютно-десантная техника в любой момент была готова к применению и содержалась так, чтобы ее можно было быстро вывезти из хранилищ; материальные запасы — загруженными на машинах и платформах. В частях проводились систематические тренировки по приведению их в готовность к выходу на аэродромы, а также отрабатывался весь комплекс работ в районах ожидания у аэродромов взлета; совместно с частями ВТА отрабатывалась погрузка техники и посадка личного состава в самолеты.

Командиры и штабы всех степеней в ходе тренировок отрабатывали способы управления частями на марше к аэродромам, в ходе завершения подготовки к десантированию, при строгом режиме радиомаскировки.

Однако, кроме того, что десантники сами вели это громадное по своим масштабам строительство, им еще приходилось доказывать чинушам из Минобороны его необходимость, отчитываться за заработанные войсками на эти цели деньги. Но, в конечном итоге, завистливые недоброжелатели добивались совершенно неожиданного для них результата, а авторитет Воздушно-десантных войск укреплялся еще в большей степени.

В 1975 году, после окончания Академии Генерального штаба Владимир Степанович Краев был назначен командиром 7-й вдд, в которой до конца 1972 года командовал 108-м бронедесантным полком. Дивизии предстояло на своей базе провести в 1977 году сборы руководящего состава ВДВ, проще — Сборы Командующего ВДВ, с приглашением некоторых ведущих руководителей предприятий военно-промышленного комплекса, видных ученых, генеральных конструкторов и даже министров.

Задачи перед дивизией стояли невиданного масштаба. Это и строительство хозяйственным способом аэродрома для приема современных военно-транспортных самолетов Ил-76, и создание специального учебно-боевого комплекса, включающего более десятка объектов для подготовки десантников, это и строительство защищенных и заглубленных пунктов управления, и перевод дивизии на новую систему боевой подготовки, позволяющую сократить время готовности дивизии к боевому применению в 2–3 раза.

Одновременно дивизия готовилась к крупным войсковым учениям с практическим десантированием на территории Польши — «Щит-76» под руководством Министра обороны СССР. Кроме того, на базе дивизии проводились съемки фильма, ставшего в конце 70-х годов одним из самых популярных в стране — «В зоне особого внимания». Кстати, инструктируя съемочную группу Мосфильма во главе с киносценаристом Евгением Месяцевым, Василий Филиппович, отказавшись от чтения сценария, сказал всего несколько слов: «Сделайте такой фильм, чтобы в Воздушно-десантные войска шли служить лучшие парни страны и чтобы этих парней любили самые красивые девушки». Что и было сделано. После этого фильма конкурс в Воздушно-десантное училище поднялся до 12–22 человек на место, а в войска не было отбоя на призывных пунктах.

Естественно, дивизия жила крайне напряженными учебно-боевыми и повседневными заботами.

Действия дивизии на учениях «Щит-76» были высоко оценены вновь назначенным Министром обороны генералом армии Устиновым Д.Ф. По итогам 1976 года дивизия, несмотря на чрезмерную перегруженность строительными работами, была признана одной из лучших в Воздушно-десантных войсках.

И, вдруг, как гром среди ясного неба, звонок Командующего из Москвы командиру дивизии:

— На тебя поступила анонимка в Комитет партийного контроля на имя Пельше на 12 страницах, где приводятся ложные, на мой взгляд, обвинения: дивизия не боеготовна, превращена в строительную команду, итоговая оценка дивизии за 1976 учебный год поставлена необъективно и что Командующий всем этим делам покровительствует. Что скажешь?

Комдив Краев ответил, что все это абсолютная ложь.

— Правильно считаешь, я позвонил Министру обороны и попросил его направить в дивизию независимую комиссию. Он согласился. Так что через неделю жди гостей.

Неделя для дивизии такой малый срок, что за это время можно только побелить бордюры в пяти военных городках и покрасить заборы, да, может, помыть в бане солдат и выдать им новое обмундирование. Поэтому командир дивизии приказал работ не прекращать и готовится к утвержденному Командующим плану к началу нового учебного года. Комиссия приехала не через неделю, а через пять дней после звонка Командующего. Возглавлял комиссию полковник из Главного управления кадров (ГУК), в ее состав входили офицеры из Генерального штаба и Главного политического управления.

В течение 10 дней члены комиссии тщательно изучали обстановку в дивизии. По окончании работы комиссии ее председатель собрал командный состав дивизии и объявил дословно следующее: «То, что мы увидели в дивизии, нас потрясло. То, что делается в дивизии, достойно не осуждения, а восхищения. Так и будет доложено Министру обороны».

Но Министр обороны не поверил в столь оптимистический доклад и приказал своему заместителю, тогда еще генерал-полковнику, а позже маршалу войск связи Алексееву Н.Н., повторно проверить дивизию через несколько месяцев.

В начале лета 1977 года в дивизию прилетела комиссия из Москвы во главе с Алексеевым Н.Н. В состав комиссии входило 29 генералов и офицеров. Сопровождал комиссию генерал армии Маргелов. При встрече комиссии на Каунасском аэродроме Василий Филиппович сказал Краеву: «Не нервничай, это разумные мужики, политруков здесь нет. Покажи все, что сделано, а, главное, во имя чего».

Комиссия работала трое суток. По окончании ее работы генерал Алексеев Н.Н. сказал руководящему составу дивизии: «Вы совершили подвиг. То, что сделано в дивизии во имя повышения ее боеготовности и качества подготовки десантников заслуживает Государственной премии в области науки и техники. Об этом я доложу Министру обороны и председателю Государственного комитета по Ленинским и Государственным премиям академику Александрову».

Через месяц на созданном руками и головами десантников учебно-боевом комплексе

побывал начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Огарков Н.В. и его заместитель — генерал-полковник Ахромеев С.Ф. А в сентябре 1977 года на его базе были проведены сборы руководящего командного состава ВДВ. В сборах приняли участие: министр авиационной промышленности Силаев И.С., Генеральный конструктор ОКБ им. Ильюшина С.В. Новожилов Г.В., ведущие ученые Военно-промышленного комплекса и руководители предприятий, выпускающих боевую и воздушно-десантную технику для ВДВ.

> ***Из записок генерал-лейтенанта Краева В.С.: «*** *Десять офицеров и генералов Воздушно-десантных войск были выдвинуты на соискание Государственной премии СССР в области науки и техники. Василий Филиппович отказался внести свою кандидатуру в списки соискателей, хотя именно он был генератором идей и организатором их практической реализации».*

Когда в ноябре 1978 года состоялось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присвоении Государственной премии, Василий Филиппович прилетел в дивизию, объехал все полки и отдельные части и лично поблагодарил всех офицеров и солдат за совершенный подвиг.

Через год в дивизию прилетел Министр обороны Маршал Советского Союза Устинов и с ним ряд командующих войсками военных округов, чтобы оценить содеянное десантниками и перенять их передовой опыт в масштабе всех Вооруженных Сил Советского Союза.

> ***Из записок генерал-лейтенанта Краева В.С.: «*** *Так злобная анонимка в Комиссию партийного контроля, благодаря государственной мудрости, гражданскому мужеству и вере в своих десантников Василия Филипповича Маргелова, обернулась Государственной премией и повышением авторитета Воздушно-десантных войск в масштабе Вооруженных Сил СССР»*

БАТЕ. КАЗЛУ-РУДА

Со звоном, громом, точно Зевс,
На Казлу-Руду из небес
Полнеба у земли прикрыл
И сел… десантный лайнер «Ил».

Среди лесов, болот литовских,
Каяцкарайтиса торфов
Плод громких замыслов отцовских
И рук десантных и голов.

Бетон улегся на «подушку»
И леса синего верхушки
Приветствуют аэродром,
Салютом — двигателей гром!

Могучи у десанта крылья,
А места хватит здесь на всех,
За эскадрильей эскадрилья
Садятся четко, без помех.

А там машины боевые
Недолгим маршем, с ПээРэС,
Рыча на сосны строевые

Грузиться лезут через лес.

Боеготовность стала высшей —
Предвидел это гений твой.
Минут нет в нашей жизни лишних,
И будет враг разбит любой!

Тревогу пусть трубят гонцы —
Близки дороги к самолетам:
Есть Казлу-Руда, Боровцы
И есть другие в бой ворота.

Стоит задумчиво отец:
Как быстро все же время мчится!
И дел его больших венец
Незримо на главу ложиться…

Литва, 1978

через много лет…

И вот теперь застыл он в бронзе.
Застыл он в камне, на века…
От дел сегодняшних до давних
Он видит — пропасть велика!

Стихотворение это написано майором Маргеловым А.В., побывавшим вместе с другими офицерами Управления ВДВ полковом учении 108-го бронедесантного полка 7-й гвардейской вдд Его товарищи первыми прослушали поэтическое описание только что увиденного чуда (естественно, без последнего четверостишия). Их оценка была восторженной, понравилось стихотворение и Командующему… Только комдив Владимир Степанович Краев, руководивший этой гигантской работой (и ставший лауреатом Государственной премии СССР в области науки и техники — в том числе и за создание аэродрома 1-го класса в Казлу Руде) недовольно сказал: «Жаль, что в стихотворении не нашлось место конкретным создателям». В качестве запоздалого извинения выше приведен рассказ, основанный на его воспоминаниях.

С 1976 года возможности ВДВ использовались для проведения учебно-войсковых сборов, куда направлялись лица, только что зачисленные в одно из учебных заведений КГБ СССР. О своих впечатлениях об Учебном центре Тульской дивизии поделился своими воспоминаниями генерал-майор Орлов Георгий Александрович, который в силу служебных обязанностей доводилось наведываться в Тульскую дивизию и наблюдать за проведением учебно-войсковых сборов. На него и других сотрудников его ведомства, кто принимал участие в организации и проведении сборов, производило сильное впечатление состояние Учебного центра. А такие центры создавались во всех воздушно-десантных дивизиях.

Необходимость проведения таких сборов была вызвана тем, что в разгар «холодной войны» резко возросли нагрузки, выпадавшие на долю чекистов, которым приходилось вести незримый бой с постоянно наращивавшим мощь и напористость противником на невидимом фронте.

Возрастали не только физические нагрузки, хотя и это отмечалось, сколько рос морально-психологический груз, постоянно давивший на них, что доходило подчас до степени явных перегрузок. В связи с этим встал вопрос о необходимости более

эффективного выявления морально-волевой устойчивости у будущих бойцов невидимого фронта и привитии необходимых качеств, которые могли бы помочь им преодолевать в последующем возможные перегрузки.

Вот тогда-то с помощью Генерального штаба Советской Армии и было решено воспользоваться возможностями Воздушно-десантных войск. С этой целью ежегодно в сентябре проводились учебно-войсковые сборы на базе дивизий ВДВ в Туле, Пскове и Болграде.

Программа сборов, составлявшаяся профессионалами-десантниками, вполне позволяла как раскрывать волевые качества слушателей, так и воспитывать у них в процессе интенсивных занятий основы морально-психологической устойчивости. За короткий срок (чуть меньше месяца) в ходе сборов слушатели быстро освобождались от налета студенческо-чиновничьей вальяжности, обретали офицерскую подтянутость и боевую форму. От утренней зарядки до использования свободного времени в вечерние часы, когда коллективно составлялись боевые листки и проявлялись индивидуальные таланты, у каждого раскрывались отдельные черты характера, личные наклонности и качества коллективизма.

Добротный военный городок со всеми необходимыми атрибутами, обширный плац, стадион, прекрасно оборудованный площадками для проведения различного вида десантной подготовки, прекрасный спортзал, полигон, стрельбище, летное поле для прыжков с парашютом — все было оборудовано со знанием дела и позволяло организовать всестороннюю подготовку воина-десантника.

Особое же впечатление производила, прежде всего на новичка, полоса препятствий. Офицеру за время армейской службы приходится сдавать разного рода нормативы, включая и преодоление полосы препятствий. Но ничего подобного ранее «гости» нигде не встречали. Чтобы преодолеть такую полосу, необходима обстоятельная предварительная подготовка и тренировка, причем с тщательной отработкой отдельных ее элементов. Успешное преодоление такой полосы предполагало высокий уровень профессиональной выучки. И, как утверждали старожилы, десантники такой выучкой обладали.

Особое же впечатление производила, в первую очередь на новичка, полоса препятствий. Мне за время армейской службы на раз приходилось сдавать разного рода нормативы, включая и преодоление полосы препятствий. Но ничего подобного ранее «гости» нигде не встречали. Чтобы преодолеть такую полосу, необходима обстоятельная предварительная подготовка и тренировка, причем с тщательной отработкой отдельных ее элементов. Успешное преодоление такой полосы предполагало высокий уровень профессиональной выучки. И, как утверждали старожилы, десантники такой выучкой обладали.

Наряду с преодолением полосы препятствий сильнейшим психологическим испытанием для воинов была борьба с танками. Суть его сводилась к тому, что солдату необходимо было отрыть на танкоопасном направлении индивидуальный окопчик, замаскироваться и дать танку проехать над ним. Как только пронесется над головой бойца, тот должен был стремительно выскочить из своего укрытия и поразить одетую в броню технику гранатами или бутылками с зажигательной смесью, известную как «коктейль Молотова».

Картина отнюдь не для слабонервных! Тем не менее некоторые смельчаки умудрялись не просто поразить технику, но и благодаря отличной физической подготовке успеть вскочить на броню танка и, закрыв плащ-палаткой смотровые приборы механика-водителя, заставить его остановить танк и сдаться. На подготовительных этапах к этому упражнению проводилась обкатка танками личного состава. В этом случае танк проходил над лежащим на его пути человеком.

Борьба с танками, как и прыжок с парашютом, требовала максимального напряжения морального духа и личной отваги десантника. Случалось, конечно, что иногда у новичка при выполнении этих опасных упражнений не выдерживали нервы, и он просто убегал от

надвигавшегося танка. Никто, однако, не ругал такого солдата, с ним проводилась соответствующая беседа, после которой он непременно находил в себе силы преодолеть страх и успешно пройти такое испытание.

В один из приездов генерала Орлова, когда группы участников сборов, сведенные во взводы, которыми командовали офицеры-десантники, находились на занятиях «в поле», заместитель руководителя сборов, тоже офицер-десантник, предложил генералу и сопровождавшему его офицеру, отвечавшему за сборы, посмотреть как проводились занятия с личным составом разведроты. Это была настоящая, штатная разведрота Тульской дивизии ВДВ.

На долю Георгия Александровича выпало наблюдать, как один из взводов роты отрабатывал некоторые элементы программы в спортзале. Видывал он и раньше различные занятия армейских подразделений, сам, командуя огневым взводом в системе артиллерийских частей, где проходил службу, проводил не одно занятие, но ничего подобного тому, что мне довелось наблюдать в тот раз в спортзале, видеть ему не приходилось.

Пока он находился в спортзале, его не покидало ощущение присутствия на демонстрации приемов, которыми удивляют публику артисты цирка. Какие-то немыслимые прыжки и кульбиты, броски и кувырки совершали простые вчерашние крестьянские и рабочие пареньки. При этом никакого шума и крика, лишь изредка раздавались команды лиц, проводивших занятия.

Заметив восхищение генерала увиденным, майор предложил ознакомиться с комплексом, где проводилась, видимо, отработка приемов на быстроту реакции и психологическую устойчивость бойца штурмовой группы или разведчика. Орлов, конечно же, проявил к этому неподдельный интерес.

Подошли к какому-то сооружению, напоминавшему землянку. Над ровной площадкой возвышался холмик, к подножию которого вниз уходили цементные ступеньки.

Майор открыл дверь, и они оказались в подземном сооружении, которое можно было принять за подвальное помещение массивного здания, либо на какой-то проложенный под землей коллектор.

Сразу за дверью — небольшое помещение, типа прихожей, из которого вели тоннели, изобиловавшие разного рода сюрпризами. Едва они прошли пару-тройку шагов вглубь подземного сооружения, как справа вдруг возникла мощная фигура вооруженного ножом «противника». Если бы рядом не было сопровождающих, трудно было бы поручиться за мое состояние», — вспоминал генерал Орлов.

Майор объяснил, что во время занятий включается автоматизированная система, состоящая из целого ряда продуманных и специально подобранных военными психологами ловушек и сюрпризов. Вот майор с кем-то договорился и… система «заиграла».

Фигура справа замахнулась ножом. Вбегающий в «подземелье» боец обязан был применить прием, обезвредить «противника» и продолжать движение вперед для выполнения боевой задачи.

Обойдя грозного «противника» и сделав еще пару шагов Орлов с товарищем увидели как теперь уже слева из-за выступа стены выскочила фигура второго вооруженного «противника», на появление которого обязан был среагировать боец.

А туннель тем временем наполнился звуками «боя». Раздавались короткие автоматные очереди, одиночные выстрелы, слышались душераздирающие крики и еще бог знает что.

Гости в сопровождении майора начали продвигаться по туннелю. Вот впереди по ходу движения при свете тускло мерцавших лампочек внизу возникла канава, наполненная водой. Через нее был перекинут помост, который ходуном ходил под ногами. Его надо было преодолевать, не мешкая, чтобы не свалиться в воду, с чем они успешно справились. Едва группа перевела дух, как слева из какого-то углубления раздалась автоматная очередь, и

туннель прочертили трассы летящих пуль. Метрах в трех-пяти впереди раздался взрыв гранаты. И так далее.

Словом, слабонервному даже в роли стороннего зрителя в этом подземном тренажере делать нечего, да и просто небезопасно, ибо как минимум подскочит давление, а не то и еще что-нибудь может приключиться.

А что же говорить о десантниках, которые получив «боевую» задачу, обязаны были не задерживаясь проскочить указанный маршрут по туннелю, мгновенно реагируя на многочисленные ловушки и сюрпризы. Успешно это мог сделать только великолепно натренированный, профессионально подготовленный и хорошо снаряженный боец ВДВ.

Орлову и его офицеру, впервые посетившим этот тренажер, впечатлений хватило надолго.

Выйдя из «кромешного ада» подземелья, они ощутили себя как бы в раю. «До чего же хорошо на нашей грешной матушке-земле! Плохо мы еще ценим простые земные прелести и не всегда сознаем, что ко всему, что создано на земле природой и нашими предками, надо бы относиться трепетно и бережно, чтобы не нарушить мир земной», — подумал генерал Орлов.

Рядом с «подземельем» расположен городок, где осуществляется подготовка к прыжкам с парашютом. Это тоже целая система различных ажурных сооружений, освоив которые, казалось бы, каждый, кто прошел подготовку в этом городке, запросто сможет спуститься с небес с парашютом.

Но, к сожалению, были, правда, единичные случаи, когда отдельные участники сборов, нечетко исполнявшие рекомендации опытных инструкторов, из-за травм на земле не доходили до заветных прыжков с небес.

Однажды, где-то на исходе семидесятых годов, в очередной приезд на базу Тульской дивизии генерал Орлов обошел места полевых занятий своих товарищей. По возвращении всех взводов он провел с участниками сборов беседу в клубе военного городка и считал свою миссию законченной. Как правило, в сентябре, когда проходили сборы, погода почему-то держалась всегда прохладная. Неуютно было в поле, не более уютно было и в клубе, где в настывшем помещении температура больше подходила к холодильной камере, чем соответствовала, казалось бы, к расслабленному отдыху и зрительному залу такого гуманного заведения, как солдатский клуб.

Стойко преодолев вместе со всеми неудобства холодного клубного зала, Георгий Александрович получил от сопровождавших его товарищей предложение пообедать в офицерской столовой. Отказываться было бы грешно, и все прошли в столовую.

Надо сказать, что обстановка в офицерской столовой резко отличалась от спартанского уклада, который царил в казармах, да и в клубе тоже. Здесь было гораздо теплее, любовно накрытые столики с какими-то незатейливыми цветочками в вазочках, занавески на окнах и еще что-то неуловимое располагали к отдыху. А когда в ходе приема пищи, говоря по-солдатски, (а пища, надо отдать должное, была приготовлена со вкусом, — это было еще одно из ценных достояний тульского Учебного центра) — градус настроения значительно поднялся, и вся атмосфера располагала, как после удачной охоты или рыбалки, к оживленному разговору.

Генерал выразил свое восхищение продуманностью сооружения жилых и учебных объектов Учебного центра, а также полигонов и летного поля, предназначенного для прыжков с парашютом, и их отличным состоянием. Сопровождавшие офицеры его поддержали, да еще с восторгом рассказали о том феерическом действе, которое развертывается при проведении показательных учений для слушателей военных академий, специально для этого доставляемых из Москвы. Тогда, рассказывали очевидцы, полоса препятствий превращается в море пылающего огня, сопровождаемого грохотом перестрелки и мастерски имитируемых взрывов.

И вот через этот ад стремительно прорываются «голубые стрелы», как поэтично

окрестили десантников киношники. К сожалению, генералу Орлову этого увидеть не удалось и ему приходилось лишь представлять, как это могло выглядеть на той полосе, которую он хорошо осмотрел. Зато с избытком хватало грохота, который доносился с одного из объектов недалеко расположенного испытательного центра тульских оружейников. Там днем и ночью шли испытания новейших образцов скорострельного вооружения. На новичка это производило вначале ошеломляющее впечатление. Но удивительна человеческая натура, способная быстро привыкать ко всему. И, как рассказывали, наши «новобранцы» поначалу с трудом засыпали под грохот испытываемого вооружения, а затем просто не обращали на него внимания, воспринимая пушечно-пулеметную трескотню не более, чем гром и молнию в пору ненастья.

Георгию Александровичу запомнилось, как на его восторженные оценки достоинств учебной базы Тульской дивизии ВДВ представитель десантной элиты, а им был, как указывалось выше, заместитель руководителя сборов, удовлетворенно улыбался. Заканчивая свой рассказ, генерал Орлов передал слова десантника-майора о своем Командующем: Майор не удержался и сам не менее восторженно, чем гости в своих оценках, начал с увлечением тепло отзываться о достоинствах Главкома ВДВ, генерала армии Маргелова Василия Филипповича, который необычайно много сделал, и буквально душу вложил, чтобы превратить Воздушно-десантные войска в Крылатую Гвардию страны. Майор убедительно рассказывал, как все десантники воспринимали своего Командующего не только как прославленного боевого командира, но, по существу, как настоящего отца-создателя Воздушно-десантных войск. Конечно, десантные войска были созданы давно, и сам генерал Маргелов формировался как десантник в этих войсках, когда был назначен командиром одной из дивизий ВДВ. Но он всем сердцем полюбил этот род войск и приложил гигантские усилия, чтобы превратить Воздушно-десантные войска в подлинно элитный род войск Советской Армии.

Именно при Маргелове и именно его стараниями Воздушно-десантные войска обрели ту материально-техническую базу, которая позволяла постоянно совершенствовать боевую выучку и оснастку десантников. И Учебный центр Тульской дивизии, по поводу которого мы неподдельно расточали свое восхищение, по словам майора, создавался по замыслам Главкома ВДВ».

Маргелов, как все понимают, не мог один справиться с такой грандиозной задачей, как создание элитных Воздушно-десантных войск. У него было много помощников, его подчиненных, которые следуя его примеру, работали, не покладая рук, во славу ВДВ. Об одном из таких людей, полковнике Жукове Борисе Григорьевиче, пойдет далее рассказ.

Борис Григорьевич родился в 1925 году, ветеран Великой Отечественной войны, воевал в 13-м гв. стрелковом полку 3-й гв. стрелковой дивизии (однополчанин своего будущего Командующего), был ранен, ветеран Воздушно-десантных войск (в ВДВ с 1956 года), имеет более 300 парашютных прыжков, участник испытаний «Кентавр—1» и «Реактавр—1». В 1960 году он получил звание «Почетный радист СССР», в 1977 году стал «Заслуженным рационализатором РСФСР».

В 50-х годах двадцатого века в Советской Армии начался бум по механизации стрельбищ. Ранее в период стрельб мишени показывались и убирались личным составом, находящимся в специально вырытой для этого траншее по команде с огневого рубежа. Необходимые команды передавались по телефону, результаты стрельб докладывались таким же способом.

Уже в 1950-м году появились устройства, которые с помощью электродвигателя поднимали и опускали мишени. Для этой цели на пульте управления достаточно было нажать копку.

При поражении мишень автоматически опускалась — срабатывал закрепленный на ней датчик, который реагировал на «вздрагивание» мишени в момент попадания в нее.

Воздушно-десантные войска были пионером механизации стрельбищ, а Командующий ВДВ придавал этому большое значение. Посещая войска в новой для себя должности Командующего, генерал-лейтенант В.Ф. Маргелов обязательно знакомился с состоянием стрельбищ. По его приказу в полку Тульской воздушно-десантной дивизии, расположенном в г. Кострома, было создано показное (оно же — опытное) механизированное стрельбище ВДВ. Для управления мишенями к каждой из них прокладывалась проводная линия из телефонного кабеля.

Летом 1956 года капитан Жуков Б.Г., помощник начальника по радиосвязи Псковской дивизии, сконструировал устройство для дистанционного управления по радио мишенными установками. Это обеспечивало следующие преимущества при управлении ими:

— не надо было прокладывать проводные линии для управления мишенями;

— мишенная обстановка могла быстро меняться;

— в период учений с боевой стрельбой руководитель стрельбами мог управлять мишенями, находясь в движении (на автомобиле или в БМД)

В октябре 1956 года капитана Жукова вызвал к себе полковник Корбут И.В., который в то время исполнял обязанности командира дивизии (вместо отсутствующего генерала Евдана А.А.).

— Товарищ Жуков, завтра к нам прилетает Командующий ВДВ. Он обязательно будет проверять, как выполняются его указания по механизации стрельбищ. Ваша задача — продемонстрировать возможности управления мишенями по вашей рационализации. К 10 часам утра все должно быть готово к показу.

— Вас понял, товарищ полковник.

— Можете идти…

На другой день к указанному времени Жуков все подготовил к работе: в ста метрах от рубежа огня он присоединил к мишени (через приставку) радиоприемник Р-254, а на рубеже огня установил маркерный передатчик Р—128 с пультом управления. Проверил. Все работало отлично: мишень управлялась с огневого рубежа, а при поражении — опускалась.

На стрельбище Командующему многое не понравилось. Он приказал послать в Тулу людей для ознакомления с новшествами.

Выслушав приказ, полковник И.В. Корбут ответил: «Слушаюсь!», после чего решил похвалиться своими достижениями:

— Товарищ Командующий! У нас есть мишень, которая «ни отчего» поднимается.

Командующий с удивление посмотрел на полковника и сказал:

— Ты, Ваня, говоришь чепуху. У мужчины его «устройство» и то от мысли поднимается, а у тебя мишень — «ни отчего».

Вот ведь как неудачно сформулировал заместитель командира дивизии суть дистанционного управления по радио — изобретения полковника Жукова, и как остроумно реагировал на это Командующий!

После этого демонстрировалось мишенное устройство, доставленное самолетом Командующего. Эта мишень поднималась и опускалась с помощью… обыкновенной веревки, проложенной от огневого рубежа к мишени. Однако при поражении мишень не опускалась.

На это генерал Маргелов В.Ф. сказал:

— Эту недоработку не трудно устранить, устройство хорошо тем, что его можно сделать в каждой роте.

Лично капитану Жукову Б.Г. Командующий приказал:

— Как можно быстрее представить в штаб ВДВ описание устройства, обеспечивающего управление по радио.

Пожав руку капитану и пожелав ему дальнейших успехов, Командующий уехал.

Через два дня приказ Командующего был выполнен.

Следует заметить, что радиоприемник Р-254 и передатчик Р—128 использовались в Воздушно-десантных войсках для сбора десанта на площадке приземления, и этих

радиосредств в частях было достаточно много.

Другой случай относится к тому периоду, когда Жуков Б.Г. служил в Москве в Управлении Командующего ВДВ. Как-то он сидел за столом и работал с документами. Раздался телефонный звонок Звонил начальник связи ВДВ генерал-майор Яценюк Г.М.: «Зайдите ко мне».

Яценюк сообщил, что его, Жукова, вызывает Командующий.

— Вы не скажете, с чем это связано? — спросил он.

Жуков ответил, что не знает.

— Идите, только по вопросам связи ничего не предлагайте. Прежде посоветуйтесь со мной.

Через пару минут Жуков был в кабинете Командующего.

— Товарищ Командующий, полковник Жуков по вашему приказанию прибыл.

Маргелов поздоровался и сказал:

— Садитесь. Через месяц в Кировабаде будут проходить сборы командного состава ВДВ. На сборы приглашен Алиев, первый секретарь ЦК КП Аз6ербайджана. К нам обязательно прилетит генерал армии Соколов, первый заместитель Министра обороны. На сборах вы должны продемонстрировать такое, чтобы у всех «волосы встали дыбом». Идите, и не позднее чем через час доложите свои предложения.

Выйдя из кабинета командующего, Жуков направился в оперативный отдел уточнить дату начала сборов. В отделе шло занятие по изучению ядерного оружия вероятного противника. Проводивший занятие полковник Мушенков Н.Д. указал ему жестом на свободный стул. Пришлось Жукову прослушать лекцию. Ему врезалось в память, что модернизированная ракета с ядерной боеголовкой «Першинг-2», ближайшее место базирования которой находилось в Западной Германии, имеет дальность полета, которая обеспечивает поражение всех мест дислокации дивизий ВДВ. А Мушенков продолжал: «Например до Кировабада, где дислоцировалась 104-я вдд, ракета долетит за 10–15 минут.

Тут Жукова осенила мысль: путем автоматизации добиться того, чтобы все подразделения дивизии покинули город по сигналу тревоги из Москвы через такой же промежуток времени. Основная проблема состояла в том, чтобы все боевые машины десанта БМД-1 и бронетранспортеры БТР-Д (а их только в одном полку было более ста единиц) необходимо завести и прогреть (особенно это важно в зимнее время) перед тем, как начать движение.

Свои предложения Жуков доложил Командующему, который проблеме сокращения времени сбора по тревоге уделял большое внимание. Маргелов одобрил предложение и сказал:

— Времени осталось немного, а потому такой показ организуем на базе одного из батальонов. Завтра утром представить мне на подпись необходимые распоряжения по данному вопросу. Можете идти.

Уже через 10 минут у себя на рабочем месте Жуков уже начертил блок-схему «автоматизации». Идея заключалась в том, что при получения сигнала о пуске ракет, дежурный по управлению ВДВ нажимает соответствующую кнопку на пульте управления, после чего в частях раздается сигнал «тревоги»: сирена, световые транспоранты и т. д.). по этому же сигналу сразу же заводятся все БМД, бронетранспортеры и даже автомобили. Одновременно открываются ворота боксов, где хранится техника и включаются мощные вентиляторы для отсасывания выхлопных газов. До конца рабочего дня принципиальная схема «приставок» для всей указанной техники была разработана. Был также отработан вариант передачи сигнала тревоги в Кировабад с помощью телеграфного аппарата СТ-35. Идея так захватила Бориса Григорьевича, что он продолжал работу и дома. В час ночи он изготовил саму «приставку».

На другой день полковник Жуков отправился в Тульскую дивизию, где на одной из БМД-1 он проверил работу «приставки».

После его возвращения из Тулы были даны соответствующие указания в Псков и Кировабад по изготовлению по 15 «приставок» в каждой дивизии. С «нарочным» туда были отправлены схемы и необходимые детали.

Через 15 дней после постановки командующим задачи в Кировабад выехали бригады из указанных дивизий для монтажа «приставок». Одновременно с монтажными работами под руководством Б.Г.Жукова были решены и другие сопутствующие важные вопросы, в том числе — практическая реализация прохождения сигнала из Москвы. За пять дней до начала сборов все было выполнено. Проведенные накануне тренировки полностью подтвердили возможность покидания города через 10–15 минут с момента получения сигнала «тревоги».

На второй день сборов в 9.00 перед парком, где находилась бронетехника, выстроились в две шеренги приглашенные. Перед строем отдельно стояли Алиев, Соколов и Маргелов. Командующий ВДВ объявил: «реальное время — 9.00, условное время 3 часа ночи. Батальон условно спит, весь личный состав раздет и находится в койках. С минуты на минуту последует из Москвы сигнал «тревоги». После сигнала менее, чем через 15 минут батальон покинет военный городок.

Алиев высказал сомнение, на что Маргелов предложил им самим в этом убедиться. Вдруг завыли сирены, немедленно открылись двери боксов, внутри боксов послышался шум, раздался грохот. Командующий спокойно давал разъяснения: после сигнала автоматически завелись машины. Через 3–4 минуты появилась колонна бегущих десантников — это были механики-водители. Частично они были полуодеты, многие из них держали в руках гимнастерки и портянки. «Одеться можно и потом», — сказал Маргелов, — «главное, вывести машины из парка».

Помощник дежурного оп полку с красным флажком уже руководил выходом машин. Дежурный по полку, находясь наверху первой БМД, повел колонну из городка. Через 12 минут ни одной машины в боксах не осталось! А Командующий объяснял дальше, что личный состав находится в пути к месту дислокации, в ходе выдвижения десантники занимают места в своих боевых машинах. После этого участники сборов ознакомились с оборудованием в боксах, на одной, специально оставленной боевой машине был показан процесс монтажа «приставки».

Показанное на сборах новшество Борисом Григорьевичем, было внедрено во всех воздушно-десантных частях. Тот же полковник Жуков поверг в прах все сомнения скептиков, создав в ВДВ на база самолета Ан—10 воздушный командный пункт (ВКП), который эксплуатировался много лет, и еще много других изобретений сделано этим талантливым человеком.

Как только Командующий узнал о классах программированного обучения, он сразу же загорелся идеей заполучить такой класс в войска. В мае 1972года такая задача была поставлена научно-техническому комитету, где ее исполнение было поручено лейтенанту А.Маргелову. планировалось новинку установить на базе 360-го полка Витебской дивизии в Боровухе.

Нужного типа класс был найден в Московском институте инженеров транспорта. Руководство института пошло навстречу десантникам, и класс был получен практически задаром. Для его перевозки прибыл из полка старший лейтенант Авдеев, с которым лейтенанту Мапгелову вместе пришлось заниматься в течение трех месяцев установкой класса, а затем его наладкой. Александр Маргелов получил обещание командира полка полковника Гордиенко отпустить работающих с классом солдат «на дембель» досрочно, по мере готовности класса к эксплуатации. Гвардейцы работали не за страх, а за совесть!. Работа была выполнена досрочно. И «Батя» Гордиенко сдержал свое слово — довольные ребята уехали домой раньше своих товарищей, вызывая неподдельную зависть.

Зато на сборах Командующего осенью того же года первыми его испытали заместители командиров дивизий по воздушно-десантной подготовке. Некоторые из них, кто отнесся высокомерно к «ГАИшной штучке» получили, к своему великому удивлению,

неудовлетворительные оценки. Класс был показан министру обороны Гречко, который отозвался о нем весьма одобрительно. Лейтенантам-исполнителям были обещаны часы от министра, но…Гречко очень торопился — много еще чего нового хотел показать ему Командующий. Правда, удалось все-таки А.Маргелову уговорить заместителя Командующего генерала Курочкина наградить часами старшего лейтенанта Авдеева. Позже, говорят, класс был переправлен в Рязанское ВДУ.

Матушка-Россия никогда не испытывала недостатка в отечественных умных головах и умелых руках. И таких «голов» и «рук» в ВДВ было немало не только среди офицеров и генералов, но среди солдат срочной службы и, может быть, в первую очередь — прапорщиков. Это поистине «золотой фонд» войск! У них было с кого брать пример — Командующий Маргелов был первым застрельщиком всего нового в войсках, он всячески поощрял инициативных людей, заботился о них. Видя это, люди отвечали своим самоотверженным трудом.

Всего, что было сделано по задумкам и под руководством Командующего ВДВ генерала армии Маргелова в одной главе не напишешь. Это колоссальная работа достойна отдельной большой книги!

Глава 9
Первые «Кентавр» И «Реактавр», КСД

Замысел Командующего. «Беру ответственность на себя!» «Кентавр—1». А не лучше ли КСД? Путь с небес прокладывали собаки. «Реактавр—1». Использовать опыт!

Как мы уже знаем, Василий Филиппович дал указание специалистам готовить к десантированию боевую машину с двумя членами экипажа внутри нее на парашютно-платформенных средствах. Десантники хорошо понимали, что Командующий шел на определенный риск: не сработай парашютная система и люди могли погибнуть. Но он рисковал разумно, принимая все меры к тому, чтобы раскрытие многокупольной системы прошло нормально.

Многие люди, знавшие о подготовке к эксперименту, тем более готовившие его, понимали, чтах, у военных медиков. Первые копровые сбросы в кресле «Казбек» пришлось опробовать на себе. Все «мелочи» докладывались им своему руководству, а зачастую — напрямую Командующему, имя которого открывало вне очереди самые высокие двери любых начальников (если бы на его месте был кто-либо другой, без сомнения, эффект был бы тот же!) для быстрейшего согласования многочисленных важных документов. А Командующий требовал: быстрее, быстрее! Большую помощь оказывал Александру Маргелову генерал Лисов. При необходимости он выезжал вместе с молодым сотрудником НТК на завод, на проведение копровых сбросов, в общем, куда требовалось. Кстати, в 1972 году Иван Иванович даже написал представление на А.Маргелова к медали «За боевые заслуги», оценив успехи в таком ответственном деле. Но Маргелов-Командующий сказал только одно слово: «Рано!». А позже в Москву был вызван Леонид Зуев, и работа пошла веселее, несмотря на разницу в возрасте его с Александром около 14 лет.

Совместная интенсивная работа всех участников подготовки к эксперименту обеспечила возможность его проведения уже летом 1972 года. Дальше, по всем правилам, комплекс «парашютная система — машина — человек», получивший кодовое обозначение «Кентавр» должен был пройти государственные испытания в ГНИКИ ВВС им Чкалова. «Кентавр» — потому, что механик-водитель БМД при движении машины «по-походному»

высовывается из нее по пояс — отсюда аналогия, кстати, мгновенно понятая Командующим ВДВ и потому им утвержденная.

Однако Институт им. Чкалова на испытания комплекс не принял ввиду отсутствия средств индивидуального спасения испытателей на их «пути с неба — на землю». Пришлось Командующему ВДВ долго объяснять Министру обороны Маршалу Советского Союза Гречко А.А. и Начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Куликову В.Г. необходимость проведения эксперимента в интересах Воздушно-десантных войск. При этом он настаивал на участии в эксперименте непременно офицеров, которые смогут в дальнейшем передавать свой опыт в войсках. Наконец, маршал Гречко согласился.

— Кто будет десантироваться? — спросил он.

Командующий Маргелов сделал шаг вперед и просто сказал:

— Я….

Тут уж Гречко не выдержал и, в соответствующих выражениях, которые позволяло их давнее взаимопонимание и уважение, категорически отказал отцу.

— В таком случае — один из моих сыновей, их у меня пятеро и, кстати, один из них, Александр, служит в Научно-техническом комитете ВДВ и как раз занимается этими вопросами. Вместе с ним будет опытный офицер-десантник, мастер парашютного спорта майор Зуев.

На вопрос министра, кто такой Зуев, Командующий, помолчав, продолжил:

— Другой участник эксперимента — гвардии майор Зуев Леонид Гаврилович — офицер воздушно-десантной службы, мастер парашютного спорта, большой энтузиаст нового способа десантирования, за что его чуть не пришлось наказывать.

— Как это так? За что? — удивились оба маршала.

— Зуев был преподавателем на кафедре воздушно-десантной подготовки в нашем Рязанском училище. И вот, после моего приказа доложить свои предложения по вопросу десантирования воинов внутри боевой техники, мне докладывают, что майор Зуев с группой курсантов-энтузиастов уже «ставит эксперименты» — усаживал на разные виды сидений на парашютную платформу одного курсанта, потом платформу поднимали на руках и по команде одновременно бросали ее на землю. При этом кадровики подают на подпись приказ о его наказании, мол, людей мог искалечить. Тогда я и принял решение: такой отчаянный хлопец будет прыгать в одном экипаже с моим сыном. Сейчас он также занимается подготовкой к эксперименту.

Маршал Куликов поддержал его мнение о необходимости десантирования офицеров, которые в дальнейшем будут готовить штатные экипажи, передавая свой опыт.

— Но почему все-таки сын? — спросил Гречко.

— Много я видел слез матерей, оплакивающих своих погибших мужей и сыновей. А поскольку дело новое и очень рискованное, где все может случиться, я лично несу всю ответственность и отвечаю головой за исход эксперимента. Единственное, что я могу обещать, что ни мать Сашки, ни его жена ничего не будут знать до завершения эксперимента.

Мать Александра Васильевича Анна Александровна, конечно, не зная обо всем готовящемся в деталях, переживала, наверняка догадываясь о степени риска. Жена Александра, Лидия, просто не знала, куда он отправляется, командировок было предостаточно: на 6–8 месяцев каждый год ее муж «пропадал» из дома.

В октябре 1971 года все было готово к проведению эксперимента, все предварительные испытания были завершены. Промышленность и военные медики докладывали, что ими получены положительные результаты по всем аспектам эксперимента — от работы парашютной системы в воздухе и при приземлении машины с экипажем до переносимости ударных перегрузок, действующих на испытателей на всех этапах десантирования. Контрольные технические сбросы с манекенами проводились на копрах с разной высоты,

имитирующей различные варианты приземления. Таким образом, рассматривались случаи отказа одного, двух или большего количества куполов парашютной системы, изменение силы ветра по высотам и у земли, возможности бокового сноса при приземлении, а также по крену и тангажу. Далее испытания проводились в ходе реальных десантирований из различных типов самолетов, в различных географических и климатических условиях. Сначала сбрасывались весовые макеты (мешки с песком), затем манекены. На макетах и манекенах размещались датчики перегрузок, полученные данные тщательно анализировались, на основе анализа вносились соответствующие конструктивные изменения в комплекс.

В совместном Решении, утвержденном руководителями НИИ, командованием ГНИИАКМ, Военно-транспортной авиации и, наконец, Командующим ВДВ (28.10.1971 г.) отмечалось успешное завершение копровых и натурных сбросов БМД-1 с макетами и манекенами и предлагалось провести экспериментальный сброс с людьми.

Группа, состоящая из офицеров НТК ВДВ и бригады специалистов завода «Универсал», не знала, как говорится, ни сна, ни отдыха. Не успев вернуться из одной командировки, скажем из Пскова, через несколько дней отправлялась в Фергану. Руководителем группы испытателей от НТК ВДВ был вначале заместитель председателя Комитета полковник Арабин Михаил Васильевич. Позже, после его назначения начальником Отдела воздушно-десантной подготовки, группой стал руководить его преемник — подполковник Виталий Константинович Парийский, весельчак, жизнелюб и заядлый спортсмен-парашютист. Он частенько шутил: «Только и успеваешь дома жену повидать, да детей пересчитать, и опять в командировку». Руководитель бригады заводчан — Михаил Зарицкий был под стать ему, к тому же он обладал неплохим голосом и слухом, знал множество песен. В группе установились дружеские, доверительные отношения, дисциплина основывалась на взаимном уважении и понимании важности поставленной задачи. Все горели желанием оправдать высокое доверие, оказанное нам Командующим.

Перед началом работы офицеры, если выпадала малейшая возможность, выезжали на парашютные прыжки. Все ребята из НТК были страстно влюблены в небо, а парашютные прыжки давали дополнительный прилив бодрости, одновременно заставляя тщательнее относиться к своей работе, ибо, как известно, «небо ошибок не прощает».

Несколько неприятных минут доставили медики. Руководствуясь самыми лучшими намерениями, они провели полное рентгенографическое обследование наших позвоночников — всех трех отделов позвоночника (шейного, грудного и поясничного) в двух проекциях (фронтальной и боковой), по шесть снимков на человека. В результате ими было предложено старшего лейтенанта Маргелова и еще двух дублеров от участия в эксперименте отстранить. При докладе генералу армии Маргелову проекта приказа на десантирование БМД-1 с экипажем, генерал Лисов с начальником медицинской службы ВДВ Гуревичем Я.Е. были вынуждены доложить об этом предложении врачей Командующему. В ответ они услышали много интересного, но непереводимого на иностранные языки о медиках и о том, что не составит особого труда найти нового председателя комиссии. Суть его ответа сводилась к тому, что он лучше медиков знает, на что способен по состоянию здоровья его сын.

— Прыгать Сашка будет, а если кто с этим не согласен, могут считать себя свободными от участия в эксперименте! — гремел Маргелов-старший.

— Я отец, и лучше врачей знаю, что моему сыну можно, а что нельзя! — добавил он, как отрезал, и подписал приказ.

Кстати некоторые военные врачи — члены медицинской комиссии признавались Александру, что, несмотря на его травму позвоночника, участвовать в эксперименте ему можно, а подписались они в акте для собственной подстраховки. Оригинал акта до сих пор хранится у полковника Маргелова, вызывая самые добрые воспоминания о подписавших его людях — они действительно желали только добра и очень переживали за дело. Жалко, что

многих из них уже нет в живых…

Впоследствии Ю.П.Костенко отметил в своей книге: «Сегодня у меня самого есть взрослые сыновья и я могу представить, что может переживать и чувствовать отец, когда посылает на смертельный опасный эксперимент чужих сыновей и, тем более, когда посылает своего сына. Таким отцом и был Командующий ВДВ».

Кандидатуру сына Александра генерал Маргелов назвал не просто так. Накануне доклада министру обороны, в ходе воскресного домашнего обеда, в присутствии сыновей Василия и Виталия, дождавшись, когда Анна Александровна вышла из комнаты, отец принялся уговаривать Александра принять участие в этом эксперименте. Однако, воспользовавшись паузой в его монологе, сын-десантник мягко прервал его, заявив: «Я уже все продумал, рапорт о включении меня в состав экспериментаторов уже написан». Дальше он раскрыл причины своего решения. Дело в том, что офицеры НТК постоянно привлекались к подготовке техники и личного состава к десантированию, лично контролировали все подготовительные этапы и сами совершали прыжки вместе с солдатами, в том числе вслед за техникой. Совершая в войсках прыжки с парашютом, Александр видел, как важен для гвардейцев-десантников, особенно перворазников или начинающих парашютистов, личный пример опытных парашютистов. А уж в таком новом и важном деле, как десантирование экипажей внутри боевых машин, такой пример должен был убедить все Воздушно-десантные войска в правильности идеи Командующего. И, естественно, если в эксперименте будет участвовать его сын, офицер-десантник, инженер, сам работающий в этой области, то доверие к новому средству десантирования будет наиболее полным. Все это определило решение молодого офицера непременно участвовать в экспериментальных десантированиях внутри и совместно (несколько позже) с боевой техникой.

— Но, если даже отбросить все вышесказанное, я бы написал рапорт только из уважения и любви к тебе и веры в задуманное тобой дело во имя наших Воздушно-десантных войск! — закончил он свою речь.

Отец дал команду наполнить стопки «Маргеловской» (50 % спирта на 50 % гранатового сока) и провозгласил тост за своего десантника и за удачу. Выпив, он крепко обнял Александра и расцеловал. Братья также искренне пожелали удачи.

В середине 1972 года, в связи с задержкой получения разрешения на проведение эксперимента, было принято решение в комплексе «Кентавр» десантировать собак. Три собаки в одной машине были десантированы с успехом! Причем две из них были достаточно крупными (немецкая овчарка, сеттер), их разместили в ложементах, подложив под них подушки и зафиксировав привязной системой. а третью — мальтийскую болонку, принадлежавшую Зуеву, уже в боевой машине Парийский выпустил из рук. Воспользовавшись «свободой», она укусила его в руку и куда-то забилась. Правда, об этом стало известно только после десантирования — раньше времени решили Зуева не расстраивать. Все собаки перенесли десантирование нормально, после приземления весело носились по полю. Больше в «Кентавре» собак не десантировали, но медики были очень довольны первым практическим результатом десантирования в этом комплексе.

Все было готово к проведению экспериментального десантирования, в ноябре все участники эксперимента выехали в Тульскую дивизию. Основной экипаж и дублеры: два курсанта Рязанского воздушно-десантного училища и три опытных спортсмена-парашютиста из Центрального спортивного парашютного клуба ВДВ, готовились к эксперименту по специально разработанной программе, включавшей совершение парашютных прыжков. Нашей подготовкой руководил заместитель командующего по воздушно-десантной службе генерал-лейтенант Лисов Иван Иванович. Приказом Командующего он был назначен председателем комиссии по испытаниям, но,

несмотря на весь груз ответственности, лежавшей на нем, Иван Иванович постоянно являл собой пример высокой выдержки и ровного отношения ко всем участникам подготовки эксперимента. Все это помогало решать самые сложные вопросы в кратчайшие сроки и значительно ускорило подготовку к сбросу.

Но вскоре последовал звонок Командующего: «Всем вернуться, запрет министра обороны». Нашему разочарованию не было предела, ругали ГНИИКИ ВВС за их «трогательную заботу» о нашем здоровье. А Командующий опять отправился к маршалу Гречко А.А. доказывать, что хотя эксперимент несет элемент риска, но риск этот оправдан, т. к. парашютно-платформенная система практически доказала свою высокую надежность в войсках, а, главное, достигается значительно более высокая боеготовность войск.

В канун Нового 1973 года окончательное «добро» Министра обороны на проведение эксперимента было все же-то получено. Гречко, наконец, не выдержал — согласился… на ответственность Командующего ВДВ!

Утром 2 января Командующему домой позвонил Г.И. Северин: «Василий Филиппович, а чего мы ждем? Разрешение имеется, нужно ехать в Тулу готовить эксперимент. И природа за нас — вон сколько снегу намело». Отец согласился и тут же через оперативного дежурного объявил дату проведения эксперимента — 5 января, время выезда — 10.00, завтра.

К обеду 3 января Маргелов с Зуевым, их дублеры и несколько офицеров НТК прибыли на парашютодром Тульской дивизии «Слободка». Их уже ждали офицеры воздушно-десантной службы и… особого отдела дивизии. Наметили план работы, а также меры по соблюдению секретности запланированного эксперимента.

Все испытатели были размещены в одной казарме, в столовую также ходили вместе. Медслужба дивизии обеспечила нас дополнительным питанием — бодрящим напитком из смеси раствора глюкозы и аскорбиновой кислоты. Старшим был избран Зуев, который к этому времени получил очередное звание «подполковник». Александра Маргелова назвали, отчасти в шутку, «играющим тренером». В основном экипаже в составе Леонида и Александра Зуев был назначен командиром экипажа и, одновременно, механиком-водителем, Маргелов-младший должен был выполнять обязанности наводчика-оператора. Командующим была поставлена жесткая задача: после приземления расшвартовать машину и начать движение не более, чем через **2 минуты** , в ходе движения провести машину по намеченному маршруту со стрельбой по мишеням из орудия и спаренного пулемета. Экипаж должен был доказать, что они не только отлично перенесли все этапы десантирования, в том числе ударные перегрузки при приземлении, но и сохранили физические и умственные способности, могут успешно вести боевые действия. На это и были направлены многочасовые ежедневные тренировки.

И вот наступил день «Х» -5 января. Подъем в 6.30. Физзарядка на 20-ти градусном морозе, в одних тельняшках. Завтрак. Все напряжены — ждем окончательного решения комиссии о составе основного экипажа, свое последнее слово должны сказать медики. Замерили давление — у всех в норме, у Зуева — повышенное, по-видимому, переволновался больше других. Смотрит на меня испуганными вопрошающими глазами. Ну, что тут сказать?

— Леня, — спросил Александр, — а. ты «по большому» ходил?

Ответ отрицательный.

— Так что же ты ждешь? Быстро!

Вскоре Зуев доложил с веселым видом:

— Все в порядке! Давление в норме! Работаем вместе!

Заместитель Главного конструктора «Универсала» Петр Романович Шевчук пристально посмотрел Александру в глаза и сказал:

— Странно, но ты абсолютно спокоен.

— Чему же удивляться, — ответил тот, — я просто уверен, что приму участие в эксперименте.

Петр Романович имел в виду, конечно же, не это, но сделал вид, что принял ответ. Александру, честно говоря, было не до философских разговоров, к тому же рядом ждал своей очереди полковник Жуков Б.Г., офицер НТК, ответственный за двухстороннюю радиосвязь. Еще раз прошли инструктаж по радиообмену, обговорили набор команд на все возможные ситуации в воздухе. Участники эксперимента были по указанию Командующего вооружены пистолетами, ножами, каждый имел по две гранаты в нагрудном кармане (над сердцем), что особенно вызывало протесты медиков.

— Все должно быть как в реальном бою. Я сам совершал первый прыжок с парашютом с «маузером» и парой гранат, хотя мне было под сорок лет, — тоном, отметающим всяческие возражения, отвечал Командующий.

Вдруг все пришло в движение… Подъехал Командующий. Спросил членов экипажа о самочувствии, пожелал удачи и выразил сожаление, что не он сейчас займет место в боевой машине.

— До встречи на земле, сынки. Верю в вас! — с этими словами он обнял их и поехал на площадку приземления.

Главный конструктор Привалов А.И. также обнял испытателей и сказал, что уезжает в штаб дивизии, т. к. боится принести несчастье своим присутствием на площадке приземления. Главные конструкторы Северин Г.И. и Лобанов Н.А., генералы, офицеры, прапорщики, дублеры — все желали ребятам удачи. Кто-то из провожающих их перекрестил.

В самолете Ан—12Б члены экипажа заняли места в креслах «Казбек-Д», затянулись привязной системой, проверили показания высотомеров и вариометров, пристроенных на стойках машины перед лицами, проверили радиосвязь. Полковник Арабин, проверил офицеров в креслах, пожал им руки и убыл на площадку приземления.

По замыслу Командующего ВДВ планировалось осуществить киносъемку процесса десантирования, для чего планировался полет второго самолета Ан—12 несколько сзади и в стороне от курса самолета с боевой машиной и десантниками. Но из-за погодных условий этому замыслу не удалось осуществиться. Причиной этому явилась низкая облачность (300–400 метров от уровня земли), а десантирование планировалось с высоты 800 метров. Пришлось ожидать улучшения погоды. Дежурный штурман на площадке приземления через каждые 20–30 минут информировал заместителя командира Тульской дивизии полковника Лушникова А.П. (оставшегося ввиду отсутствия комдива старшим по дивизии) по радио о метеоусловиях, а он докладывал метеообстановку Командующему ВДВ. К сожалению, прогноз погоды не обещал улучшения метеоусловий в ближайшее время.

Время было где-то около 12 часов. После 13 часов метеоусловия начали медленно улучшаться: пелена облачности поднялась до 500 метров от земли, появились разрывы в облаках.

В 13.30 Лушников доложил Командующему данные о метеоусловиях и готовности самолета к вылету. Через несколько минут Командующий со всей свитой прибыли на трибуну на площадке приземления. Погодные условия улучшились незначительно, нижняя кромка облаков была в пределах 600–650 метров, ветер у земли — 5–6 метров в секунду.

Около 14 часов самолет с десантниками на борту вылетел и взял курс для проведения экспериментального десантирования. Второй самолет остался на аэродроме. Необходимость его использования отпала из-за того, что десантирование придется осуществлять в облаках.

А утро выдалось хмурое, нижняя кромка громоздких серых облаков упорно не хотела подниматься до желанной отметки 800 метров. Переключились на СПУ (самолетное

переговорное устройство) — командир корабля капитан Фазлыев Накип уверил экипаж, что имеющиеся сотни метров «для первого раза больше, чем достаточно».

Через 20 минут полета десантники почувствовали холод. Записали на внутренний магнитофон свои впечатления, спели десантную песню, расшвартовались, подвигали ногами и руками, опять затянулись привязной системой. Была объявлена 10-минутную готовность. Летчики сообщили: скорость полета 350 км/час по прибору, облачность — без изменений, но обещанного снежного заряда не отмечается. Вот объявлена 5-минутная готовность, 2-минутная — открылись створки грузолюка и летчики переключили экипаж на внешнюю радиосвязь с землей. Установив радиоконтакт с землей, — услышали, что их ждут. В ответ испытатели пообещали скорой счастливой встречи.

— Проследить, чтобы никто не смел докладывать в Москву о результатах десантирования. — приказал Командующий, — я завтра лично доложу Министру обороны. Полковник Лушников передал это приказание представителям отделов Управления ВДВ, а начальнику связи дивизии поставил задачу ни от кого не принимать просьб использовать радиосредства для связи с Москвой.

Командующий сильно переживал за результаты эксперимента. беспрестанно курил папиросы. В доверительной форме попросил Лушникова:

— Если все будет нормально, дай команду, чтобы накрыли стол в столовой военторга человек на сорок. Расходы я беру на себя.

— Не беспокойтесь, товарищ Командующий. Этим вопросом уже занимаются заместитель командира дивизии по тылу полковник Пыхтеев Н.С. и заведующая столовой.

…И тут вытяжной парашют по команде штурмана вывалился в бездну, расправился, набрался сил и, как бы нехотя, стал потихоньку вытаскивать «Кентавра».

— Леня, поехали!

— Сашок, покатились, сейчас кувыркаться начнем!

Машина плавно перевалилась через обрез грузолюка. Как гигантский маятник с центром качания вокруг вытяжного парашюта, машина-«утюг» сначала завалилась на 135 градусов от горизонтали, затем стала раскачиваться с постепенно уменьшающейся амплитудой колебаний. Но вот раскрылись тормозные, а затем и основные парашюты. Перевернувшись в первый момент вниз головой, офицеры в доли секунды испытали состояние, близкое к невесомости. В этом их убедил, невесть откуда взявшийся в машине хлам, особенно ненужной показалась им в этой ситуации довольно приличных размеров гайка, «всплывшая» прямо между головами. В следующий момент все гулко ухнулось на пол и потом еще некоторое время там перекатывалось, пока машина «изображала» из себя маятник. Все свои ощущения спокойно, как казалось обоим членам экипажа, они передавали на землю. Только вот с земли после выхода машины из самолета они ничего не слышали — пришлось ориентироваться о работе системы по личным ощущениям, да по показаниям приборов — высотомер после раскрытия многокупольной системы равномерно «приближал» нас к земле, а вариометр «застыл» на скорости снижения около 6 метров в секунду.

— «Второй», я — «Первый», — послышался голос командира, — прими позу изготовки, сейчас будет земля!.

— «Первый», я — «Второй», понял — принять позу изготовки.

И тут последовал резкий, перекатывающий удар. Головы в шлемофонах мгновенно «выбили морзянку» из заголовников и все замерло. Навалилась неожиданная тишина, как будто испытатели были одни в мире. Но это продолжалось мгновение — они, не сговариваясь, посмотрели друг на друга и, как бы наперегонки, стали освобождаться от привязных систем.

— «Купол», я «Сокол—1», приземление нормальное, начинаем расшвартовку и подготовку к движению!

С земли увидели, как над площадкой приземления внезапно появился самолет Ан—12. Его силуэт на мгновения появлялся в просветах между облаками. Однако выход боевой машины и раскрытие многокупольной парашютной системы наблюдались хорошо. Все шло нормально, в соответствии со сценарием. А когда машина плавно приземлилась и, после срабатывания автоотцепки, купола отсоединились от машины, из люков машины выскочили члены экипажа и стали отсоединять от машины подвесную систему, быстро работая ножами. Командующий радостно ткнул замкомдива и пропел соответствующий его настроению куплет, легкомысленное содержание которого сводилось к тому, что десантники могут все на свете.

Автоматическую расшвартовку изнутри машины с помощью пиротехнических устройств было решено на первое десантирование не ставить, поэтому, не задерживаясь, они выскочили из машины, как черти из табакерки — так им, по крайней мере, казалось. Освободив машину от парашютной системы и платформы, офицеры быстро заняли свои места внутри — Леонид за рычагами машины, Александр — в башне. Пока механик заводил двигатель, наводчик-оператор выискивал, поворачивая башню, цели для обстрела. Есть! И вот сразу с началом движения бухнуло орудие «Гром» — конечно же это была имитация, и последующая стрельба из пулемета велась холостыми, но в первом эксперименте это было не главное. Главное, что люди на всех этапах десантирования, приземления, движения, проведения стрельб сохраняли полную боеготовность и, доказали всем, что в случае необходимости десантники могут воевать с наибольшим боевым эффектом, поражать противника, не выходя из машины, обеспечивая другим членам экипажа возможность с наименьшими потерями присоединиться к ним для совместного выполнения боевой задачи.

Леонид Зуев лихо на большой скорости подошел к трибуне с руководством испытаний, по пути разнес вдребезги автомобиль начальника штаба дивизии (которого, кстати, предупреждали о такой вероятности), остановился точно напротив Командующего и четко доложил об успешном выполнении боевой задачи. Командующий обнял и расцеловал их поочередно, поблагодарил обоих «ангелов» от лица службы, расцеловал, прослезился, но, быстро вытерев глаза, в дружеском тоне стал расспрашивать их об ощущениях в ходе проведения эксперимента. К нему присоединились и другие участники испытаний.

Вот Командующий, отойдя в сторону, остановился, закурил и произнес, обращаясь к сопровождавшему его Лушникову:

— Отправь всех в столовую, а мы с тобой проедем на ТОГ (танковый огневой городок, который находился в стадии завершения строительства).

В это время у трибуны продолжалось бурное поздравление десантников с успешным десантированием. Заместитель командира дивизии передал указание Командующего полковнику Арабину, а сам поехал с Командующим на ТОГ.

Подъехав к зданию ТОГа, Командующий вышел из машины, закурил, посмотрел на здание и недовольным тоном спросил:

— Почему до сих пор не поставлена столярка?

— Товарищ Командующий, по рекомендации специалистов КЭЧ столярку вставлять нежелательно, пока здание не даст осадку. — спокойным тоном ответил Лушников.

Командующий молча затянулся папиросой и сказал:

— А ведь они правы. Русский мужик умен.

Поднявшись с ним на второй этаж, подошли к пульту управления. Тут Командующий ВДВ произнес:

— Вот это все создается для вас. Вы будете командовать, а мне это уже будет не нужно. Я свое отслужил.

Полковник Лушников начал было возражать ему, но Маргелов прервал его и обратился с просьбой:

— Когда, будучи на пенсии, приеду сюда, пулемет дашь?

— Дам, — ответил Алексей Петрович.

— Мишени вон там поставишь? — спросил генерал Маргелов, указывая на поле.

— Поставлю, — тихо ответил замкомдива.

— Чтобы я мог отвести душу, — далее продолжил старый воин, и сымитировал голосом стрельбу из пулемета: «Тра-та-та-та-та!»

Старый десантник Алексей Петрович Лушников понял, что Командующий получил некоторую разрядку нервного напряжения, связанного с проведенным экспериментом. На этом визит на ТОГ завершился, и они поехали в столовую.

А «космонавты ВДВ» пока попали к медикам — температура тела, артериальное давление — все оказалось, как говорится, в пределах возрастных изменений. Подошел связист Жуков и радостно сообщил, как хорошо их было слышно. Неохота было омрачать такой радостный день, поэтому, сообщив ему о неполадках, испытатели пообещали не наливать ему 100 грамм, а при повторении — серьезно наказать, т. е. оставить и без закуски.

Зашли в столовую — столы накрыты, все стоят в ожидании команды. В считанные минуты, после того как за головной стол прошел Командующий с двумя «космонавтами» ВДВ, гости расселись за столами.

Командующий поздравил всех присутствующих с новейшим достижением в развитии Воздушно-десантных войск: с успешным завершением небывалого эксперимента — десантированием внутри десантной машины двух членов экипажа.

Потом он представил слово Главному конструктору Алексею Ивановичу Привалову. затем — Гаю Ильичу Северину, генералу Рудному Н.М. и другим. В том числе — и мне, как хозяину земли, на территории которой впервые в истории войск было осуществлено это экспериментальное десантирование.

Торжественное мероприятие продолжалось, примерно, в течение около двух часов. Вдруг Командующий встал и стал собираться ехать в Москву. Лушников подошел к нему и сообщил, что для него есть путевка на отстрел лося, и что завтра с утра можно ее использовать. В ответ Командующий сказал, что должен завтра сообщить министру обороны о проведенном эксперименте, а на охоту предложил пригласить гостей.

После первого удачного эксперимента Командующий отдал приказ провести аналогичные экспериментальные десантирования во всех дивизиях ВДВ, в каждый период обучения. Да, не боялся Командующий Маргелов брать на себя ответственность и при этом верил в людей. И как не верить, ведь сам их учил и воспитывал, в первую очередь — личным примером. А чтобы никто не обвинил его в отсутствии отцовских чувств, приведем факт, который стал позже известен от его порученца — Командующий держал в кармане шинели заряженный пистолет…, успев за последние 20 минут до момента приземления выкурить целую пачку папирос.

Вернувшись в Москву вместе с отцом на его квартиру, Александр доложил матушке об успехе, а она, вместо поздравления — заплакала. Успокоившись, она попросила сына больше не повторять подобных подвигов. Он обещал, но… слово свое не сдержал…еще дважды. Жену Александра (ему, кстати, шел 28-й год) его товарищи поздравили сразу из Тулы. Она не сразу поняла, с чем ее поздравляют, но к встрече с мужем уже все пережила сама и держалась внешне спокойно, в душе гордясь им. Вскоре Александр получил досрочно звание «капитан», а Леонид Зуев был назначен на «полковничью» должность, где позже и получил положенное звание. Оба они были представлены к ордену Красного Знамени, через год получили по ордену Красной Звезды. Вместе с первым штатным экипажем, подготовленным капитаном Маргеловым, в составе гвардейцев Савченко А. и Котло В., представленных к боевым медалям. Наверху, вероятно, виднее, да и Командующему ВДВ показали, кто есть

кто…

КЕНТАВРЫ

Саше Маргелову

Под небесами, на просторе, на ветру
Голубоглазыми оравами
Играют мальчики в железную игру,
Играют мальчики в «Кентавры».
От той игры гудит земля,
Расцвеченная ракетами…
И вспоминаешь о конях,
Что в «Тройке» Гоголем воспеты.
И о конях из Первой Конной,
Рядах буденовских бойцов,
И о в сраженьях опаленных
Победах дедов и отцов.
Небесный конь и грозен и красив:
Как ангел он парит под облаками,
А на земле, удила закусив,
Он изрыгает смерть и пламя.
В «Кентаврах» этих удаль наша —
Ведь знак десантный на боках.
Их оседлал Маргелов Саша,
А я с ним пил на брудершафт.
Под небесами, на просторе, на ветру
Голубоглазыми оравами
Играют мальчики в железную игру,
Играют мальчики… в «Кентавры»…

Рязань
июль 1974Леонид Дзюбан
Начальник 5 отдела ВМА, Ленинград

Капитан Маргелов был назначен ответственным за подготовку штатных экипажей. Руководителями испытаний были генерал-лейтенант Лисов И.И., позже — его преемник на посту заместителя Командующего генерал Гуськов Н.Н. и, наконец, председатель НТК ВДВ полковник (позже генерал-майор) Коленко Л.З. К настоящему времени в ВДВ проведены десятки десантирований экипажей в системе «Кентавр», в комплексе совместного десантирования (КСД) и в системе «Реактавр». О последних двух системах, в которых Александру Маргелову тоже посчастливилось десантироваться, будет рассказано ниже.

Все десантирования с людьми прошли успешно. Даже тогда, когда при приземлении «Кентавра-5» в июле 1974 года из-за сильного ветра в приземном слое (порывы до 12–15 м/сек) купола не отцепились от машины. БМД-1 перевернуло вниз башней и потащило, но отважные молодые десантники А.Титов и А.Мерзляков не впали в шоковое состояние, но поддерживали радиосвязь с руководителем десантирования, спокойно сообщали о состоянии машины. Получив команду произвести расшвартовку изнутри, не выходя из машины, они четко выполнили команду. После остановки машины, они самостоятельно выбрались из нее и продолжали выполнение «боевой задачи» в ходе полковых учений. Интересно было сравнить их с гвардейцами, прыгавшими вслед за ними на парашютах — в отличие от «кентавров», чистых и отглаженных, их друзья предстали после приземления в обтрепанной форме, с ссадинами и синяками…

Наряду с этим НТК ВДВ совместно с промышленностью и ГНИИАКМ уже решал очередную задачу, поставленную Командующим Маргеловым по десантированию БМД-1 на парашютно-реактивной системе в комплексе «Реактавр» (реактивный «Кентавр»). Система насколько сложная и поначалу капризная, настолько и перспективная, позволяющая бронедесантным полкам ВДВ добиться фантастической боеготовности!

Вскоре после проведенного удачного эксперимента с комплексом «Кентавр» по десантированию двух членов экипажа внутри БМД-1 на многокупольной системе пришло распоряжение Командующего ВДВ о подготовке к десантированию части экипажа внутри боевой машины на парашютно-реактивной системе (ПРС). Система имела только один купол площадью 540 квадратных метров («Кентавр» десантировался на пяти куполах по 760 квадратных метров), блок из трех двигателей мягкой посадки и два пенопластовых амортизационных бруса под днищем боевой машины. Вся система монтировалась на самой машине в месте ее дислокации, на машине хранилась и на ней же перевозилась на аэродром загрузки БМД-1. В случае «Кентавра» машина «ехала» пришвартованной к платформе со скоростью 5 километров в час, а многокупольная система перевозилась отдельно дополнительным автотранспортом. У самолета МКС монтировалась на машине, а потом все вместе загружалось в самолет с помощью тросов и лебедок (в Ан—12) или тельферами (в Ил-76). Машина с ПРС загружалась во все типы самолетов своим ходом. Преимущества налицо! «Реактавр» снижался со скоростью до 25 метров в секунду, перед приземлением скорость вертикального снижения комплекса «гасилась» до нуля за счет работы тормозных двигателей.

В приказной части указывалось: провести сорок тренировочных десантирований БМД на ПРС с собакой (лайкой) внутри машины на парашютодроме Тульского учебного центра 106-й гв. вдд. В состав комиссии по подготовке и проведению эксперимента был включен и полковник Лушников А.П..

В марте месяце начали проводить тренировочные десантирования на ПРС с собакой внутри БМД-1. Лайку содержали в ОБДО (отдельный батальон десантного обеспечения) со всеми необходимыми удобствами.

Уже после первых десантирований собака после приземления быстро покидала боевую машину через открытый люк и крутила головой, будто что-то стряхивала с нее. Видимо, ощущала ударные перегрузки и сильный звуковой удар слуховыми органами. Потом стремилась отыскать воду и жадно ее лакала (к этому времени появились проталины и лужицы с талой водой). И так продолжалось в течение 15–20 сбросов. Потом неожиданно лайка пропала — сбежала из ОБДО. Всеми принятыми мерами обнаружить ее и вернуть не удалось. Пришлось использовать другую собаку, тоже лайку, благо, что они не могут разговаривать.

Через некоторое время в Тульскую дивизию прибыл начальник штаба ВДВ генерал-лейтенант Павленко П.Ф… Он присутствовал на десантировании БМД-1 на ПРС с лайкой внутри. К великому неудовольствию Лушникова кто-то из членов комиссии без всякого умысла сказал начальнику штаба ВДВ, что первая собака сбежала и десантироваться будет другая лайка. Павленко по приезде в Москву доложил Командующему о результатах десантирования и рассказал о том, что лайка не выдержала испытания и сбежала.

Вскоре в Учебный центр дивизии (он расположен на пути из Москвы в Тулу, не доезжая 20 километров) приехал Командующий ВДВ. При встрече с ним он сразу начал так материть заместителя комдива, как это мог делать только он. А мог это делать мастерски. Пришлось полковнику набраться терпения и выслушать все до конца, пока Командующий не высказал все накипевшее по поводу пропажи лайки.

Лушников А.П. отметил позже, что «нужно отдать должное тому, что за все время совместной службы частенько приходилось выслушивать от Командующего разносы воспитательного характера, но наказывать в дисциплинарном порядке он не был сторонник.

За это никто на него не обижался, так как нравоучения, как правило, были заслуженными и справедливыми».

Капитан Маргелов об экспериментах с собаками узнал только летом 1974 года, когда перед выпускниками Рязанского воздушно-десантного училища проводил показательное десантирование «Кентавра-4», в составе экипажа внутри БМД-1 принимали участие также выпускники училища курсанты Алымов В. и Шепелев Н. Одновременно офицеры НТК ВДВ под руководством полковника Парийского В.К. готовили «Реактавра» с собакой по кличке Буран. Правда, это была не лайка, а, скорее, немецкая овчарка. К тому времени, как говорили, Буран десантировался два раза и даже имел нормальное потомство после экспериментов.

К всеобщей печали, комплекс с Бураном разбился — после выхода из самолета раскрывшийся было купол разорвался пополам и машина с псом полетела камнем вниз. Естественно, двигатели мягкой посадки не сработали и машина разбилась так, что даже башня отлетела далеко в сторону. Был ли смысл несколько раз десантировать собак, тем более без замеров перегрузки и других медицинских параметров? А Бурана похоронили с возможными тогда почестями…

Больших трудов стоило Александру Маргелову убедить председателя экзаменационной комиссии заместителя командующего генерал-лейтенанта Курочкина К.Я. разрешить десантирование «Кентавра-4».

— Вся ответственность ложится на тебя, капитан, — почти со злостью, наконец, дал согласие Курочкин. Председатель НТК и другие друзья-инженеры Александра Маргелова молча опустили головы.

Однако все прошло благополучно: радиосвязь работала в обе стороны, парашюты раскрылись как на картинке, курсанты, приземлившись, быстро расшвартовали свою машину и под аплодисменты товарищей, подъехав прямо к трибуне, четко доложили о выполнении задания. После соответствующих поздравлений командования и вручения им лейтенантских погон, они «попали в руки» сначала медиков из Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова, проводивших в частях ВДВ свои эксперименты, затем их «взяли в оборот» друзья-курсанты. Так им и не пришлось увидеть разбившуюся «БээМДэшку»… Однако «слава» о десантировании боевой машины на ПРС по «солдатскому телеграфу» быстро разнеслась по всем войскам. С этим пришлось столкнуться членам экипажа «Реактавр» майору Маргелову А.В и подполковнику Щербакову Л.И., прибывшим в январе 1976 года в Псковскую дивизию для участия в опасном эксперименте.

Подготовку к этому эксперименту неожиданно прервал Командующий ВДВ. Собрав в своем кабинете офицеров Научно-технического комитета, он обратился к ним с просьбой:

— Вы, инженеры, попробуйте, что такое комплекс совместного десантирования — КСД, детище НИИ автоматических устройств. Мне нужно доподлинно знать, есть ли у него существенные преимущества, в том числе и в плане возможности спасения из него людей в случае отказа куполов. Понятно, что в нем десантируются сразу шесть человек из семи, составляющих экипаж БМД-1: двое в самой машине и четверо в наружной кабинке на одной парашютной платформе. Но сам комплекс достаточно дорогой, и никто не позволит нам, десантникам, иметь несколько однотипных средств десантирования. Добровольцы есть?

Комплекс прошел государственные испытания, в кабине находился один человек — парашютист испытатель 1-го класса Валерий Галайда. В мае 1975 года в КСД с БМД-1 совершили прыжок шесть десантников срочной службы — младший Маргелов готовил и их. Так что опыт использования КСД в войсках уже был. Добровольцев было больше, чем достаточно. Командующий выбрал самых опытных: парашютиста майора Петриченко А.А. и танкиста майора Щербакова Л.И.

— Командиром экипажа у вас будет капитан Маргелов.

— Товарищ Командующий, — с некоторым удивлением обратился Маргелов-младший, — но ведь мы с майором Щербаковым готовимся по программе «Реактавр»…

— Вот и хорошо! Это будет вам дополнительная тренировка. — заключил генерал армии, — А ты будешь передавать свой опыт десантирования в реальной «боевой» обстановке.

Вскоре офицеры НТК с председателем комитета полковником Коленко Л.З. выехали в Рязань, где на базе полка, которым тогда командовал майор Ачалов В.А., должен был состояться в ходе полковых учений эксперимент. Его «гвоздем» был прыжок Александра Петриченко, мастера парашютного спорта мирового класса, инженера-изобретателя и, вообще, отважного человека, из снижающегося комплекса на своем парашюте.

Боевой гвардии старший лейтенант медицинской службы, осмотрев офицеров, отказался дать им «добро» в небо. Пришлось дать ему расписку в том, что всю ответственность берут на себя полковник Коленко и капитан Маргелов. На всякий случай прикрыл себе зад молодой медик. А, может быть, так и должно быть?

26 августа 1975 года стоял прекрасный теплый летний день. Прекрасный пейзаж среднерусского ландшафта дополняли рощи в зрелом уборе зеленых листьев. Небо было голубое с редкими белыми облаками. Всем этим могли целую вечность — пару минут — любоваться десантники, сидящие на специальных мягких креслах в кабинке, расположенной с краю платформы под четырьмя наполненными гигантскими зонтами-куполами. Между Маргелоывм и Петриченко разместились двое гвардейцев-десантников, третий находился внутри машины с Щербаковым. Им, внутри, за броней, было не так интересно. Но поступила команда с земли на выполнение прыжка, командир передал ее Александру Петриченко и тот, махнув приветственно рукой, исчез внизу.

К сожалению, конструкция КСД не позволяла нормального покидания комплекса: внизу на металлических тросах в произвольных направлениях «ходили» балки-лыженыши, необходимые для загрузки комплекса в самолет и выходу из него. По этой причине инженер-испытатель Петриченко дал отрицательный отзыв о дальнейшем использовании КСД для десантирования БМД-1 с экипажем. Однако до перехода всей артиллерии ВДВ на базы БМД-1 и десантного бронетранспортера БТР-Д в КСД десантировались пушки и орудия совместно с расчетами, как раз из четырех человек

При десантировании в КСД присутствовал Палатников Александр Самойлович. Он длительное время был Генеральным директором Кумертаусского вертолетного объединения, серийно производившего (в том числе) платформы для десантирования боевой техники ВДВ. В марте 2001 года он рассказал о том, что чувствовал Командующий в ходе экспериментального десантирования КСД в 1974 году, а также о своих встречах с Василием Филипповичем.

Александр Самойлович вспоминал, что КСД был разработан в НИИАУ по предложению генерала Маргелова. В комплексе должны были десантироваться артиллерийские расчеты (четыре человека) или шесть членов экипажа БМД-1, при этом только четверо из них десантировались на специальных креслах, установленных на платформе, на которой десантировалась боевая техника.

«Я находился в ходе этого десантирования вместе с Командующим на командном пункте.

— Знаешь, Саша, — сказал он мне, — не дай Бог что случится, я жить не смогу. Но солдаты должны верить в надежность и безопасность нашей техники, поэтому я и посылаю на выполнение таких задач своего младшего сына

Все прошло благополучно — командир экипажа КСД капитан Маргелов четко доложил Командующему о выполнении задания. Рядом с ним в строю стояли его товарищи — такие же офицеры Научно-технического комитета ВДВ майоры Леонид Щербаков и Александр

Петриченко, а также три гвардейца-десантника срочной службы. Я почувствовал неподдельную радость Командующего и гордость за сына и других своих «сынков».

Палатников с Маргеловым впервые встретились в конце войны в Румынии. Тогда Саша был командиром полуэскадрона конной разведки 203-й стрелковой дивизии. Однажды его вызвали в штаб дивизии, где он получил задание определить фланги наступающего нового соседа — 49-й стрелковой дивизии.

«Противник «языком» вдавался в наши боевые порядки, четко обозначенного переднего края не было. Потому, выполняя задание, нашим разведчикам пришлось пробиваться через боевые порядки отступающего противника. К счастью противник был деморализован и старался избегать вступать с нами в схватку. Наконец, пройдя передний край, наша группа появилась в расположении командного пункта соседа.

Командный пункт комдива 49-й был расположен на одном из холмов. Уточняя с офицерами его штаба расположение дивизии, я увидел подходившего офицера в плащ-палатке. Это был комдив — генерал Маргелов В.Ф. Как и положено я доложил ему кто я, с какой задачей прибыл. Это была наша первая встреча.

Через много лет по окончании войны, работая директором авиазавода, выпускающего в том числе и платформенные средства для Воздушно-десантных войск (для десантирования всех видов боевой техники и вооружения войск), я встретился с Командующим ВДВ — им оказался Василий Филиппович Маргелов. Я ему напомнил нашу короткую встречу на войне. Он внимательно вгляделся — почти через тридцать лет моя фигура несколько потеряла былую стройность — вспомнил! Мы радостно обнялись.

Почти в каждый свой приезд в Москву по делам производства я заходил в штаб ВДВ, где время от времени встречался с Василием Филипповичем, к тому времени уже генералом армии. Обсуждая задачи завода по обеспечению ВДВ средствами десантирования, мы достаточно хорошо познакомились.

Что отличало Командующего ВДВ, это отношение к промышленности. Он с большим интересом расспрашивал о состоянии завода, перспективе его развития. Будучи кадровым военным он, тем не менее, очень внимательно расспрашивал о ходе производства, освоении новых образцов военной техники, в том числе — и главным образом — о технике, производимой для ВДВ. Занимая столь высокую должность, он был по-товарищески прост в общении. Неоднократно он приглашал меня, наряду с другими руководителями заводов и научно-исследовательских институтов, на полевые учения войск. Там я имел возможность наблюдать, как практически применяется производимая нами техника.

Общеизвестно, каким глубоким уважением пользовался генерал В.Ф.Маргелов в войсках, но не менее глубоким уважением он пользовался в промышленности. На совещаниях, проводимых им по вопросам оснащения войск новыми видами вооружений, детально разбирались возможности и сроки перевооружения вверенных ему Воздушно-десантных войск.

Во главу угла всегда ставилась главная задача: как доступно и по возможности легко его десантниками будет осваиваться новая техника. Он обращал внимание конструкторов и производителей заказываемой техники на, казалось бы, незначительные, с их точки зрения, усложнения. Он требовал от нас такого исполнения, которое бы не приводило к излишним затратам времени, к ненужным задержкам при выполнении боевых задач.

Так, по его настоянию мы упростили процесс швартовки и расшвартовки боевых машин десанта БМД-1, а также артиллерийских систем и другой десантируемой техники. Во всех его требованиях присутствовала забота о солдате, желание облегчить нелегкую службу, быт десантника и его действия на учениях и в бою.

Вот уже много лет, как его нет с нами. Но воспоминания об этом человеке, глубоко эрудированном военном ученым, прекрасном воспитателе и руководителе войск останутся в моей памяти, в моем сердце».

Офицеры НТК получили досрочно очередные воинские звания и по ценному подарку

от командования ВДВ — по «портативному радиоприемнику стоимостью до 50 рублей». Так что пусть им не завидуют штатные испытатели НИИ — не за этот эксперимент сын Командующего и его товарищи получили свои награды. Просто стыдно порой читать, да еще в «Красной Звезде» (от 21.7.1994, «Уходят мои леопарды…») завистливое нытье «забытых героев».

Больше всего специалистов волновала надежность ПРС. Расчетная надежность ее составляла 0,95, но практических сбросов после всех доработок и модернизаций было всего 47. Но и этот результат считался неплохим, учитывая значительные преимущества системы при боевом применении по сравнению с парашютно-платформенными средствами. Правда, желающих участвовать в летном эксперименте, особенно после трагической гибели Бурана, было меньше, чем немного. Двум единственным добровольцам — офицерам НТК ВДВ майору Маргелову и подполковнику Щербакову Командующий Маргелов и доверил этот эксперимент. С согласия Леонида Щербакова командиром экипажа был назначен его друг Александр Маргелов. Леонид, прекрасно знающий боевую машину, был назначен механиком-водителем. Их осознанный выбор был продиктован желанием внести свою лепту в повышение боевой готовности ВДВ, а также их верой в гений Командующего.

По прибытию в 76-ю гвардейскую Черниговскую воздушно-десантную дивизию Александру Маргелову и Леониду Щербакову представили дублеров — гвардейцев-десантников срочной службы. Их осталось трое из шести отобранных — у половины внезапно пошатнулось здоровье. Ребята стояли, стараясь не смотреть на прибывших, слегка дрожа — наверняка, до них дошло известие о бедном Буране. Леонид, однако, их сразу успокоил, сказав, что прыгать в «Реактавре» им не придется.

— Ваша задача — помогать при подготовке ПРС к десантированию, — добавил Александр, — не забывая принимать дополнительное питание и витаминный напиток, ибо глюкоза с аскорбинкой вам очень помогут.

Ребята активно, с душой принимали участие во всех подготовительных работах: при укладке парашютной системы, снаряжении двигателей пороховыми шашками, швартовке ПРС на боевую машину.

Испытатели жили в «домике Командующего» в маленькой комнатушке, обстановку которой составляли две металлические кровати с тумбочками, да вешалка, стоящая при входе слева от входной двери. Две настольные лампы придавали скромной обстановке определенный уют. Выйдя из комнаты, ее обитатели сразу попадали в большой зал, где стоял бильярдный стол. Молодой, но весьма серьезный старший лейтенант медицинской службы утром и вечером приходил замерить у «реактавров» температуру тела и артериальное давление. На второй день Леонид ему в шутку объяснил, что видит задачу медицины в поддержании тонуса с помощью медицинского спирта. Глаза медика за линзами очков затравленно округлились. «Вам нельзя», — только и промолвил он. Больше его не видели.

Тем временем офицеры НТК, бригада завода «Универсал» и специалисты дивизии с участием испытателей закончили подготовку «Реактавра» к десантированию. В комиссии по подготовке эксперимента также принимал участие начальник отдела ГНИИАКМ полковник медицинской службы Миролюбов Георгий Петрович, чей профессионализм позволял брать на себя полную ответственность и отстаивать свое мнение перед оппонентами. Его доброе и внимательное отношение, еще со времен первого Кентавра», внушало испытателям уверенность в благополучном исходе эксперимента с точки зрения переносимости человеческим организмом ударных перегрузок и воздействия неблагоприятных факторов при срабатывании двигателей мягкой посадки (газы, шумы). Все эти факторы предварительно были исследованы авиационно-космическими медиками из ГНИИ — результаты были удовлетворительными, хотя воздействие перегрузок было на пределе переносимости людьми, а в некоторых наиболее неблагоприятных приземления — и машиной.

Накануне проведения эксперимента Командующий до позднего «отводил душу» за игрой в бильярд. Леонид умышленно проиграл ему, за что получил удар кием. Александр, расположившись в койке, заполнял бортовой журнал, а потом перешел на сочинение стихов. Наконец, генерал Маргелов пожелал испытателям спокойной ночи, и все разошлись спать.

Утром Леонид проснулся от того, что на него свалилась вешалка с одеждой — это Командующий пришел будить «реактавров». После завтрака им замерили температуру и давление — все было в норме. Накануне посадки в самолет Командующий пожелал офицерам удачи и по-свойски добавил:

— Вам — что, разобьетесь и все, а мне же отвечать! При этом он ободряюще улыбнулся и обнял «сынов» на прощание.

Заместитель председателя НТК Виталий Парийский поднялся на борт самолета (случайно совпало, что для десантирования прибыл тот же сАн—12Б с тем же экипажем, что при первом экспериментальном «Кентавре»), он проконтролировал посадку своих товарищей в кресла «Казбек-Д», а потом осуществлял связь экипажа с землей через летчиков.

Долго лететь не пришлось, после объявления двухминутной готовности экипаж перешел на прямую связь с землей. И опять совпадение — связь готовил опять полковник Жуков Б.Г., и, как при «Кентавре», она оказалась односторонней. Только на сей раз «реактавры» слышали «землю», а их не слышали… Жуков кратко, но подробно в ходе нескольких секунд снижения доложил экипажу о работе парашютной системы — все нормально! Вытяжной парашют извлек комплекс из самолета — опять «маятник» — моменты снижения на стабилизирующем парашюте — раскрылся основной купол, отложились на предусмотренную длину два телескопических щупа. В момент их касания с землей сработали двигатели мягкой посадки — взрыв, газы, дым! Рядом приземлился прыгнувший вслед за комплексом Парийский.

Для проведения эксперимента специально выбирали площадку приземления, где было побольше снега. Однако приложило комплекс на укатанную ледяную дорогу, так что члены экипажа ощутили солидную ударную перегрузку. В момент удара об землю заработала связь, как раз в это время Щербаков поздравил Александра с благополучной посадкой — с матерком! На трибуне облегченно рассмеялись.

Машина вихрем пронеслась по площадке приземления, вздымая снежную пыль. Экипаж выполнил все задания по вождению и ведению прицельного огня. Подъехав к трибуне, Маргелов-младший доложил Маргелову-старшему о выполнении ответственного задания. После поздравлений экипаж «захватили» врачи. Температура тела у офицеров оказалась повышенной, давление — также. Леонида подташнивало, у него кружилась голова, болела вся костная система, он даже не смог выпить предложенную, наконец-то, серьезным медиком мензурку спирта. Но, в течение часа. жизненные параметры пришли в норму. Леонид Иванович считает, что это десантирование существенно «навредило» его позвоночнику. Через несколько лет ему даже делали операцию на одном позвонке. Александр Васильевич же, зная недостатки всех отделов своего позвоночника (спасибо медицине!), считает, что наиболее серьезные неприятности его здоровью причиняли парашютные прыжки на тяжелый грунт. После выполнения запрета врачей совершать парашютные прыжки и санаторно-курортного лечения, постоянные боли в пояснице прошли. При соблюдении определенного физического режима и выполнении некоторых специальных упражнений можно жить и работать. Правда, еще он полагает, что очень помог биокомфортер из металлизированной ткани типа «Восход». В начале 90-х годов судьба свела его с изобретателем ткани Капитоновым В.И. На второй день применения этого целительного средства «иголки» в пояснице пропали полностью.

Прямо на площадке приземления приглашенные на эксперимент псковские секретари обкома и горкома спросили разрешения у Командующего немедленно позвонить Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу и ходатайствовать о присвоении «реактаврам»

звания Герой Советского Союза. Генерал армии Маргелов отказался от их предложения, намереваясь сначала получить отчет промышленности, а потом уже докладывать министру обороны.

В том же «домике Командующего» участники подготовки эксперимента и гости торжественно отметили выдающуюся победу Командующего, промышленности и военных. Радость успеха заслуженно разделили руководители КБ и НИИ: А.И.Привалов, Г.И.Северин, Н.М.Рудный и их коллективы.

Вечером самолет Командующего доставил его и офицеров в Москву. Генерал Маргелов торопился домой, у его жены был день рождения. Дома их уже ждали гости и «новорожденная». Сын Александр доложил ей о своем подарке — благополучном участии в эксперименте. Мать обняла его и заплакала:

Я же просила тебя больше не участвовать в таких экспериментах!»

— Это последний раз мама, честно, не плачь! — пообещал сын.

Звезды Героев генерал-лейтенант запаса Леонид Иванович Щербаков и полковник запаса Александр Васильевич Маргелов получили только двадцать лет спустя, но не Советского Союза, а уже Российской Федерации. В 1976 году не успели с высоким представлением к очередному партийному съезду, Переписали, но в конце апреля того же года умер министр обороны маршал Гречко. Опять переписали, но скончался министр авиационной промышленности Дементьев. Новый министр обороны маршал Устинов не смог дождаться совместного доклада своих первых заместителей по значению «Реактавра» для войск. Видя такое отношение, Командующий Маргелов запретил при его жизни очередные попытки такого рода, но за последующие достижения А.Маргелова и Л.Щербакова в деле повышения боевой готовности ВДВ представил их к ордену Красного Знамени. Ордена «реактавры» получили в 1977 году.

Шло время, совершенствовались и разрабатывались новые средства десантирования боевой техники Воздушно-десантных войск. Появилась возможность сбрасывать технику с экипажами без тяжелых платформ. но на многокупольных, более надежных, системах. Об этом написано выше. Но при этом нельзя забывать тот опыт, который был накоплен ранее. а то ведь, не дай Бог, и боевую задачу не удастся выполнить, а личный состав может быть безвозвратно потерян. Что может произойти, наглядно показал следующий факт.

20 марта 1997 года в Тульской вдд на базе 51-го пдп в ходе показательных учений было десантировано 1004 парашютиста, 3 боевые машины БМД-3 на многокупольных бесплатформенных системах (ПБС). Еще две БМД-1 десантировались на парашютно-реактивных системах ПРСМ-915, а две БМД-1 десантировались с частью экипажа в комплексах «Кентавр». Внутри машин десантировались 4 человека — 3 офицера и сержант срочной службы (планировались 2 солдата и 2 офицера, но один солдат заболел), среди них — замотех роты. Десантирование двух «Кентавров» проводилось из самолета Ил-76 с высоты 800 метров. Системы сработали нормально, приземление — так же прошло нормально, но… боевые машины после приземления с места не тронулись… Десантники объясняли тем, что машины долго (двое суток) простояли на холоде, загруженные в самолет, поэтому и не запустились.

Поздравив ребят с успешным десантированием, полковник А.Маргелов сказал, что боевую задачу они не выполнили, так что их героизм никому не пригодился. Они даже не догадались открыть стрельбу из орудия или хотя бы из пулеметов, обозначив тем самым огневую поддержку десанта. Командующий ВДВ генерал-полковник Шпак Г.И. поздравил ребят и наградил их именными часами.

Позже стало известно, что после приземления десантники оказались в шоковом состоянии. Это объяснялось отсутствием соответствующей подготовки к десантированию в соответствии с инструкцией, подготовленной участниками первых экспериментов —

десантниками Зуевым Л.Г., Маргеловым А.В. и Щербаковым Л.И. по результатам их совместных десантирований. Не обидно ли? Или риск был напрасный?

Глава 10
Герои не умирают!

Генеральный инспектор — куратор ВДВ. Пенсия по возрасту не положена. Испорченные торжества 2 августа 1980 года. РВДДКУ. Музей истории ВДВ. Память в бронзе и в других делах. Домашний Кабинет-музей. Адмирал, десантник и кремлевский работник вспоминают.

Сразу после 70-летия (по новому стилю — 9 января 1979 года) генерал армии Маргелов Василий Филиппович был назначен генеральным инспектором Генеральной инспекции при министре обороны СССР, курирующим Воздушно-десантные войска. Он по-прежнему выезжал в командировки в свои войска, был председателем Государственной экзаменационной комиссии в Рязанском воздушно-десантном училище. В общем, продолжал жить жизнью войск, всячески способствуя росту их боевой мощи… насколько ему это позволяли высшие «действующие» чины Министерства обороны. В силу своих возможностей (само собой разумеется, значительно меньших, чем ранее) он боролся за сохранение войск в полном составе, каковыми они были в его бытность Командующим.

В книге Н.Иванова «Операцию «Шторм» начать раньше» указано, что «…решение Маргелова пожертвовать ферганской дивизией догнало его преемника через несколько месяцев после вступления в должность». Тот, кто знаком с творчеством этого замечательного военного писателя-патриота, прекрасно понимают, что это не его слова. Они продиктованы кем-то из «многозвездных» военачальников, вынудивших молодого полковника-журналиста написать заведомую ложь (а таких ситуаций у «служивого люда» — масса). Больше того, генеральный инспектор Маргелов накануне приближавшихся афганских событий даже написал письмо в вышестоящие инстанции (кстати, подписанное всеми его честными коллегами, включая руководителя Группы инспекторов Маршала Советского Союза И.Х.Баграмяна), о недопустимости расформирования одной из самых боевых дивизий ВДВ, тем более подготовленной к ведению боевых действий в условиях гор и пустынь. Первый комендант Кабула, ветеран 105-й гвардейской вдд полковник в отставке Двугрошев Ю.И. вспоминал, что это была одна из лучших горных дивизий по боевой подготовке. Климатические условия в Средней Азии и материальная база позволяли личному составу дивизии заниматься круглый год боевой подготовкой. Во всех частях имелись свои хорошие учебные центры, стрельбища и все необходимое для проведения стрельб из любого вида оружия и пусков ракет.

Генерал Маргелов знал, за что боролся, скольких трудов его и других десантников от генералов до рядовых бойцов стоило создать Такую Дивизию! Действительность доказала правоту генерала армии Маргелова, когда физически прекрасно подготовленные для средней полосы воины-десантники 103-й Витебской дивизии на высоте Кабула (1800 метров) в первые месяцы просто задыхались от недостатка кислорода, не могли в темпе пробежать и сотни метров. Преемнику Маргелова остается пенять только на себя, на свое бессилие бороться с решением министра обороны раздать в военные округа подразделения десантников 105-й вдд для создания там бригад спецназа. Это, как в известной сказке, когда свой честно заработанный рубль из огня спасаешь, а ради спасения дармовой сотни и пальцем не пошевельнешь. И только 345-й отдельный полк этой дивизии мог с первых же дней введения в Афганистан воевать с полной отдачей сил. Потому-то именно десантникам этого полка с самого начала доверялись самые ответственные и сложные задачи. До самого вывода из страны полк действовал грамотно, самоотверженно, выполняя самые сложные задачи командования в любых условиях. Недаром же его командиры Кузнецов Ю.В. и Востротин В.А. стали Героями Советского Союза.

Может быть, чувство вины и нежелание признать ее ради поддержания своего никак не складывавшегося авторитета в войсках, и в то же время боязнь показать роль действительного гения ВДВ Командующего Маргелова, явилось причиной позорного эпизода, произошедшего на праздновании 50-летия войск 2 августа 1980 года, даты, когда генерал армии В.Ф.Маргелов хотел сам завершить свой путь Командующего войсками. Один из авторов книги А.В.Маргелов также присутствовал при этом, и его, как и многих ветеранов войск, неприятно поразило то, что в речи тогдашнего командующего ВДВ ничего не было сказано о роли его отца в деле создания современных Воздушно-десантных войск и их традиций, почитаемых до сих пор настоящими десантниками. Об этом после торжественной части ему также с негодованием говорили очень многие не только ветераны войск, но еще и совсем молодые офицеры и солдаты. Но предоставим изложение происшедшего так, как это увидел десантник генерал В.С.Краев.

Владимир Степанович Краев 1 августа 1980 года находился в Москве по случаю назначения на должность командующего армией в Забайкалье. Позвонил в Штаб ВДВ полковнику Савилову Юрию Константиновичу, с которым служил в 60-х годах в Витебске. От него он узнал, что в тот день в ЦДСА в 16.00 состоится торжественное собрание, посвященное 50-летию Воздушно-десантных войск. Савилов попросил его, по возможности, подъехать, обещав приготовить пригласительный билет.

Естественно, десантник Краев не мог проигнорировать такое событие. Подъехав минут за 15, нашел Ю.К.Савилова, прошел в зал. Зал был переполнен, с трудом нашлось свободное место.

В 16.00 члены президиума заняли свои места. В президиуме находились Начальник Генерального Штаба Маршал Советского Союза Огарков Н.В., генерал армии Маргелов В.Ф., новый командующий ВДВ генерал-полковник Сухоруков Д.С., космонавт Филипченко А.В., представитель ЦК КПСС из административного отдела и еще 5–7 человек.

> ***Из записок генерал-лейтенанта Краева В.С.:*** *«Заседание открыл не то начальник политуправления ВДВ генерал Близнюк, не то его заместитель полковник Смирнов. Затем слово для доклада было предоставлено Сухорукову Д.С. В сорокаминутном докладе Дмитрий Семенович только один раз упомянул фамилию Василия Филипповича Маргелова, и то при перечислении фамилий других командующих, которые были до него. Причем не отметил, что из 50-ти лет существования ВДВ, около 25-ти лет ими командовал генерал Маргелов, что именно он их практически возродил после упадка в середине 50-х годов, перевооружил, поднял их престиж и авторитет не только в Советской Армии, но и в мировых военных кругах, сделав их элитой Вооруженных Сил. К сожалению, таких слов зал не услышал. Если бы Сухоруков, назвав фамилию Маргелова В.Ф., добавил хотя бы 2–3 слова, характеризующих вклад Василия Филипповича в становление и развитие ВДВ, я уверен, весь зал стоя устроил бы овацию своему десантному Командующему. Но, видно, этого устроители торжественного вечера больше всего и боялись.*

По окончании доклада торжественная часть вечера была закончена. Имеющим специальные пригласительные билеты предложили пройти на торжественный ужин. После этого объявления маршал Огарков повернулся к Василию Филипповичу и пригласил его пройти вместе со всеми. Генерал армии Маргелов, слегка побледнев, сделал полупоклон и сказал: «Я благодарю Вас, товарищ маршал, но сегодня я не вполне здоров, поэтому ужинайте без меня». После этих слов он спустился со сцены прямо в зал и пошел в сторону выхода. Владимир Степанович Краев подошел к нему, чтобы от души поздравить с золотым юбилеем ВДВ и заодно представиться по случаю назначения на новую должность.

Увидев вновь назначенного командарма, Василий Филиппович искренне обрадовался и спросил: «А ты, соплячок, как здесь оказался? Я слышал, что ты уже в Забайкалье». Краев

объяснил, что к новому месту службы улетает 5 августа, а завтра собирается побывать в Каунасе, в родной «Семерке». Генерал Маргелов отнесся к такому плану с одобрением и сказал: «Лети в родную дивизию, это очень правильно. Я хотел бы пригласить тебя к себе на дачу, но не буду нарушать твоих планов». А дальше он произнес слова, которые потрясли «птенца гнезда Маргелова». Дословно он сказал следующее: «А теперь проводи меня до машины, ведь ты не боишься об меня замараться? Многие почему-то стали сторониться». После этих слов, вспоминает Владимир Степанович, «я чуть не потерял сознание. Почувствовав мое волнение, он полуобнял меня за плечо, и мы стали спускаться по лестнице, направляясь к выходу из ЦДСА».

На улице его окружили ветераны, многие просили автографы, но он отказался их давать, бросив только одну фразу: «Я — не кинозвезда, я — просто десантник». Тогда его стали просить сфотографироваться на память. Василий Филиппович оглядел всех присутствующих и спросил: «Есть ли здесь ветераны 37-го воздушно-десантного корпуса?» Поднялось несколько рук. Тогда он пригласил ветеранов родного корпуса встать с ним в первый ряд, все другие ветераны пристроились в задние ряды. Было сделано несколько снимков. После этого он поблагодарил ветеранов и направился к машине. Кроме Краева провожать Василия Филипповича пошел и генерал-полковник в отставке Мажаев Федор Александрович, тоже бывший десантник, но уже находившийся в запасе.

До чего же народец мелкий — не дали дослужить до назначенной даты, да еще праздник испортили! Бог им судья, унизить Маргелова им так и не удалось, а в глазах всех знавших или слышавших о нем людей Василий Филиппович стал еще выше.

Рязанское Высшее дважды Краснознаменное Воздушно-десантное командное училище! Сколько сил было вложено Командующим ВДВ Маргеловым для того, чтобы сделать училище настоящей кузницей всесторонне подготовленных кадров офицеров-десантников! При нем училище стало высшим, будущие офицеры получали также высшее инженерное образование, дипломы переводчиков иностранного языка. Маргелов часто приезжал в училище, лично вникал во все вопросы учебного процесса и быта курсантов. Многие иностранные государства стремились послать своих десантников получить профессиональное образование в этом элитном военном учебном заведении. Многие его выпускники впоследствии занимали, да и занимают сейчас, высокие военные и государственные посты в своих странах. И будут занимать, если только руководство страны не позволит какому-нибудь дуралею или русофобу его закрыть.

Среди выпускников училища 25 Героев Советского Союза и 28 Героев России (на конец 1998 года). Его выпускники находятся на высоких государственных должностях, это губернаторы генерал-лейтенанты А.И.Лебедь (Красноярский край) и В.А.Шаманов (Ульяновская область), полковник А.И.Лебедь (Председатель Правительства Республики Хакасия), стали видными военачальниками: Н.С.Банных, В.А.Вострotин (заместитель министра МЧС), Н.Ф.Грачев, П.С.Грачев, С.А.Диков, Ю.А.Кузнецов, В.П.Новиков, О.М.Пикаускас, Е.Н.Подколзин, Н.П.Стаханов, Б.В.Тарасов, М.Ф.Терехин, Г.И.Шпак, Шарашенидзе Л.Л. и другие. Среди выпускников-иностранцев — выпускник 1943 года В.Ярузельский, впоследствии министр национальной обороны и руководитель Польши.

А с каким желанием шли молодые люди в Рязанское училище! Ежегодно, когда летом начинались вступительные экзамены, у здания штаба ВДВ в Москве на Матросской Тишине по утрам толпились молодые парни, чтобы лично увидеть Командующего и упросить его разрешить повторно сдавать математику или русский язык, по которым получена двойка, и быть зачисленными в училище. Были и такие, которые, хватаясь за соломинку, добирались до его казенной дачи во Внуково или московской квартиры. Прячась в кустах возле дачи, терпеливо дожидались появления Командующего, видя в этом последний шанс попасть в

избранное ими престижное военное училище страны.

Сыновьям генерала в отсутствие отца не раз приходилось «коротать» время с настойчивыми хлопцами, рассказывая им о тяготах десантной службы. Однако никто их «абитуриентов» не оставил мечту стать настоящим мужчиной и провести лучшую часть жизни «под куполом парашюта». При этом они не искали какой-либо личной выгоды — они просто безгранично верили в создателя современных ВДВ, сделавшего из «ранее замуханых самые боеспособные войска во всей Советской Армии», как сказал тогдашний сосед по лестничной площадке московской квартиры Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян.

В летние месяцы генерал Маргелов, как правило, вернувшись из командировки, сразу ехал в «лагеря» (как он называл дачу), не заезжая в Москву. Тут-то «партизаны» сразу же «выползали из нор», и Командующий внимательно выслушивал их и после короткой беседы безошибочно определял, кого из них пригласить для последующего разговора в Управление ВДВ, а кому — послужить для начала в войсках, чтобы убедиться в правильности выбора жизненного пути.

Генералу Павленко довелось несколько раз видеть эти беседы, и он вспоминал, как Василий Филиппович со свойственной ему строгой простотой упрекал парней в плохой подготовке к экзаменам, но, как правило, давал указания начальнику училища еще раз проэкзаменовать их. В их настойчивости и решительности он видел хорошие качества будущих офицеров-десантников. И, как правило, не ошибался.

Конкурс в училище был большой — не менее 5–6 (а иногда эта цифра доходила до 20–22!) человек на место. Приемная комиссия отбирала самых достойных. Но и среди тех, коим не повезло, было много хороших ребят, которые не могли расстаться со своей давней мечтой — стать офицером-десантником. Часть из них приезжала на следующий год, и их, как «знакомых», обычно принимали решением комиссии, да и готовились они повторно уже лучше.

Но были и такие, которые, получив документы на обратный путь домой, не покидали Селецкий лагерь, где летом размещалось училище.

Они переходили на «партизанский» образ жизни в окрестных лесах, по две-три недели (а то и дольше) ждали своего часа. Дело в том, что после окончания экзаменов молодые курсанты проходили своеобразное дополнительное «испытание на прочность». С ними ежедневно проводились занятия со все возрастающей физической нагрузкой (в разумных пределах, разумеется). И некоторые ее не выдерживали, уезжали. Как правило, тут же появлялись из леса «партизаны» и с чувством радости занимали освободившиеся места. Приходилось только удивляться их осведомленности о том, что сегодня или вчера появились «вакансии».

Некоторые приезжали на прием к Командующему с родителями. «Однажды вызвал меня, — рассказывал Павел Федосеевич, — Василий Филиппович и, выходя из кабинета, на ходу сказал: меня вызывает начальство, а я обещал принять отца с сыном, который поступал в училище, но получил двойку. Поговори с ними, разберись и, если надо, позвони в училище, пусть еще раз его проэкзаменуют.

Через несколько минут ко мне вошли отец и сын Даниловы, отец на костылях, как оказалось, он потерял ногу на войне, будучи десантником, в составе частей 4-го вдк десантировался в 1942 году под Вязьмой. Сын Андрей работал уже более года после окончания десятилетки токарем на одном из московских заводов и решил пойти по стопам отца, стать офицером-десантником.

Побеседовав с ним, я понял, что намерения эти серьезные, а сам Андрей — зрелый и достойный парень. Позвонил начальнику училища и попросил его принять Андрея с месячным испытательным сроком. Отец слышал наш разговор, полностью согласился с этим условием и, поблагодарив, они вышли».

По возвращении Командующего Павленко доложил ему о беседе и указаниях начальнику училища. Маргелов согласился и заметил, что комиссия подошла к этому парню

формально, как он часто говорил, «по-казенному».

Прошло два месяца. Генерал Павленко спросил начальника училища, учится ли Андрей Данилов или отчислен? В ответ генерал услышал, что парень учится и показывает себя с самой лучшей стороны. В душе генерал был рад за этого парня. А училище Данилов окончил успешно и стал достойным офицером-десантником.

Павел Федосеевич отмечал, что внимание к училищу было постоянно в числе первоочередных забот Командующего. Он хорошо понимал и внушал своим помощникам, что качество подготовки офицеров имеет решающее значение. Требовал от начальников родов войск и служб своевременно обеспечивать учебный процесс материально-техническими средствами, подбирать и направлять в училище грамотных офицеров-преподавателей. С началом оснащения частей боевыми машинами первые же экземпляры их направлялись в училище для освоения в первую очередь преподавателями; создавались и оснащались технические классы, классы огневой подготовки, а затем и танкодромы и другие сооружения. Заново переоборудовались комплексы воздушно-десантной подготовки, в которых важное место теперь отводилось обучению подготовке к десантированию БМД и другой техники.

Практически заново создавалась вся учебно-материальная база училища, а в программу обучения вместо иноязыковой была введена инженерная подготовка курсантов.

В.Ф. Маргелов высоко ценил большую кропотливую работу командования училища во главе с Алексеем Васильевичем Чикризовым, начальников кафедр и преподавателей.

В восьмидесятые годы, уже будучи в группе Генеральных инспекторов при министре обороны, Василий Филиппович несколько раз возглавлял экзаменационную комиссию по выпуску молодых офицеров училища. По-отечески внимательно и заботливо подходил он к оценке способностей каждого курсанта, что называется, болел за него и бывал искренне рад, если тот проявлял в ответах и действиях не только знания уставов и наставлений, но и высказывал что-то оригинальное, свое, видя в этом способность к самостоятельному мышлению и находчивость в сложной обстановке, так важные для офицера-десантника.

С 1984 года училище возглавил Герой Советского Союза генерал Слюсарь Альберт Евдокимович, опытный боевой «афганец», отличный организатор и талантливый командир, способности которого Маргелов видел и отмечал еще в бытность Слюсаря командиром полка. Уйдя на пенсию, генерал-лейтенант Слюсарь часто бывает в училище (теперь в институте), ведет большую общественную и ветеранскую работу.

Начальник училища (1995–2001 гг.) генерал В.В.Щербак продолжал культивировать десантные и национальные боевые традиции. Именно при нем на территории училища был воздвигнут памятник генералу армии Маргелову и создан мемориальный комплекс ВДВ, начали проводиться международные чемпионаты по армейскому рукопашному бою имени генерала армии Маргелова. Танкист-десантник, комбат в Афганистане, командир дивизии, выведший свое соединение из Кировабада (Гянджи) в образцовом порядке, да еще пополнивший казну ВДВ за счет азербайджанских властей. За это Василий Филиппович пожал бы ему руку…

Сегодня в училище образцовый внутренний порядок, добротная учебно-материальная база и бытовое обустройство, четко налажен учебный процесс. С высокой ответственностью работает профессорско-преподавательский состав кафедр и командиры подразделений.

13 ноября 1998 года училище достойно встретило свой 80-летний юбилей. Отмечая заслуги генерала армии Маргелова В.Ф. в становлении РВДУ и учитывая многочисленные просьбы личного состава и ветеранов войск, 12 ноября 1996 года распоряжением Президента РФ № 535-рп училищу было присвоено имя выдающегося Десантника, оно стало именоваться — Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф.Маргелова. В ходе праздничных мероприятий в училище Центральным Музеем Вооруженных Сил была организована передвижная выставка, посвященная предстоящему

90-летнему юбилею Василия Филипповича. Выставка состоялась, в основном, благодаря энтузиазму старшего научного сотрудника ЦМВС Пахомовой Елены Ивановны (ныне Заслуженный работник культуры Российской Федерации, ответственный секретарь Музея), тесно работающей с десантниками с 1974 года по настоящее время и лично знавшей Командующего Маргелова. В дальнейшем эта выставка была показана и в других частях ВДВ, там, куда десантники смогли организовать ее доставку, а в юбилейные дни декабря — в самом ЦМВС, где были проведены торжества. На выставке были представлены экспонаты из постоянной экспозиции Музея Вооруженных Сил, куда семьей генерала были переданы его награды, оружие, различные предметы военной формы, много фотографий и документов. Также на выставки экспонировались парадный портрет и другие предметы из собрания домашнего Кабинета-музея генерала Маргелова В.Ф.

Прошло совсем немного времени и в августе 1998 года училища по указу «сверху» превратились в институты и университеты, потеряв при этом свои почетные наименования, а значит, в большинстве случаев, и часть своей истории. С ворот Рязанского института ВДВ также исчезло почетное наименование «имени генерала армии В.Ф.Маргелова». Правда, в книге-альбоме «Воздушно-десантные войска России» вышедшей к 70-летию войск в 2000 году под редакцией командующего ВДВ генерал-полковника Г.И.Шпака, РИ ВДВ именуется «Рязанский дважды Краснознаменный институт Воздушно-десантных войск имени генерала армии Маргелова В.Ф.» Несомненно, кое-где почетные наименования особого уважения к себе не вызывали, скорее наоборот. Но, если подавляющая масса ветеранов войск и молодых десантников хотят, чтобы их родное учебное заведение носило имя их Командующего, значит так должно и быть! Как и в других подобных случаях.

При училище с 28 июля 1972 года успешно работает Музей истории Воздушно-десантных войск, значение которого высоко оценивал В.Ф.Маргелов. Экспонаты музея — от подлинных снимков первого в истории боевого десанта 1930 года до нынешних дней — являются важным средством хранения и пропаганды боевых традиций войск.

За минувшие годы музей посетили несколько миллионов экскурсантов. Музей ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию воинов и допризывной молодежи. Курсанты-десантники принимают здесь военную присягу. Музей ВДВ оказывает большую помощь командирам в улучшении внештатных войсковых музеев, комнат боевой славы и истории частей, в проведении различных ветеранских и военно-патриотических мероприятий.

С большой заботой, кропотливо собирают и бережно хранят экспонаты его сотрудники, в том числе ветераны войск С.И.Таненя, С.Г.Ашихмин, Н.Ф.Киваев, Г.Ф.Горленко, И.Е.Абросимов, В.А.Инюцин. Экспозиции музея размещены в 12 залах площадью более 2000 квадратных метров. Деятельность Командующего Маргелова достойно представлена в экспозиции музея, где в различных залах выставлены его фотографии, отражающие различные моменты его деятельности в войсках. В одном из залов музея размещен большой портрет генерала, в центральной части другого зала за стеклом бережно хранятся экспонаты, связанные с именем Маргелова В.Ф. В этом же зале в представлена экспозиция, посвященная первым десантированиям внутри БМД-1. Здесь можно видеть фотографии, где он поздравляет своих «космонавтов ВДВ»: Зуева Л.Г., Маргелова А.В., Щербакова Л.И… Большая часть экспонатов передана сыновьями генерала; хранится здесь и его личный пистолет, принятый в экспозицию из рук генерал-полковника Подколзина Е.Н. одного из выдвиженцев Командующего Маргелова. В недавнем прошлом Евгений Николаевич длительное время сам был командующим ВДВ, настойчиво проводившим в тяжелые времена распада Советского Союза десантную политику своего Учителя. При нем воздушно-десантные дивизии получили свою символику, воспитание десантников велось на лучших традициях войск, бережно сохранялись имеющиеся и создавались новые десантные святыни.

В конце июля 1993 года на Новодевичьем мемориальном кладбище в Москве был

открыт памятник генералу армии Маргелову Василию Филипповичу. Прекрасный памятник из бронзы создан скульптурами Никифоровыми Валерием Владимировичем и Натальей Викторовной, в основном, на средства десантников, а также семьи Маргеловых.

Его торжественное открытие явилось настоящим праздником Воздушно-десантных войск, в ходе которого с воспоминаниями о Василии Филипповиче выступили командующий ВДВ Подколзин Е.Н. и бывший командующий войсками генерал армии Сухоруков Д.С. От имени семьи всех принимавших участие в том, чтобы памятник появился, сердечно поблагодарил полковник Маргелов А.В. После торжественной части и возложения венков и цветов подразделение воинов-десантников прошло торжественным маршем с отданием воинских почестей, с песней. А потом командующий ВДВ пригласил присутствующих к импровизированному столу рядом с памятником. По завершении торжеств делегация десантников под руководством заместителя командующего генерал-полковника О.М.Пикаускаса (тоже выдвиженца Командующего) по приглашению семьи Маргеловых посетила домашний Кабинет-музей генерала армии Маргелова в квартире, где он жил в течение последних двадцати лет.

Ежегодно у памятника в день рождения генерала (27 декабря), в день его кончины (4 марта), 9 мая и 2 августа собираются десантники и все желающие отдать дань уважения Десантнику № 1. Здесь же захоронен прах его супруги Анны Александровны, ушедший вслед за своим мужем 30 января 1993 года. Проект нового памятника она видела только на фотографии. Буквально через несколько дней после похорон выдающегося военачальника на его могиле заводом «Универсал» был установлен временный памятник, у которого по тем же памятным датам всегда собиралось немало людей.

Приходят к памятнику и те, когда им выпадает возможность побывать в Москве.

Точно такой же памятник, но из искусственного камня, установлен на территории Рязанского ВДУ. Он является центральной фигурой комплекса Памяти, за ним высится стела, увенчанная скульптурой орла с поднятыми кверху крыльями, с номерами дивизий и других воинских образований, входивших в состав ВДВ к началу 1979 года: 7 гв. вдд, 76 гв. вдд, 98 гв. вдд, 103 гв. вдд, 104 гв. вдд, 105 гв. вдд, 106 гв. вдд, 242 УЦ ВДВ (бывшая 44 гв. учебная дивизия ВДВ), воздушно-десантные бригады и специальные части ВДВ. Две стороны комплекса обрамляют плиты, отображающие эпизоды боевой славы войск На одной из них — слова генерала армии В.Ф.Маргелова: «Тот, кто носит, или когда-либо носил голубые погоны с десантными эмблемами, всю жизнь будет с гордостью произносить слова: Я-ДЕСАНТНИК.

К комплексу от самих ворот училища ведет Аллея Героев, где установлены бюсты части Героев — выпускников училища, тоже работы скульптуров Никифоровых. Последние (пока) три из них установлены в честь ныне живущих Героев Советского Союза Вострotина В.А., Грачева П.С. и Солуянова А.П., совершивших боевые подвиги в Афганистане.

Памятник генералу армии Маргелову В.Ф. установлен также на территории 242-го Учебного Центра ВДВ в Омске (ранее, 4 мая 1995 года, там же в поселке Светлом по предложению десантников была открыта улица имени Генерала армии Маргелова). Аналогичный памятник сооружен на территории 106-й вдд в Туле. В месте дислокации 10-го Миротворческого батальона в Косово установлен бюст генерала армии из белого камня.

Великолепный четырехметровый бронзовый памятник В.Ф.Маргелову, родившемуся в Екатеринославе, воздвигнут в Днепропетровске на берегу Днепра 2 августа 2000 года в день 70-летия ВДВ. Памятник изваян скульптором Юрием Щедровым по заказу ветеранов-десантников на средства горожан и спонсоров. Много усилий для его создания приложили Швец Николай Антонович, глава областной государственной администрации, полковник ВДВ запаса, Гречина Николай Станиславович, заместитель председателя горисполкома, ветеран ВДВ, Куличенко Иван Иванович, мэр города, Кривопалов Олег Владимирович, полковник ВДВ запаса, председатель Комитета ветеранов воинской службы областного Совета ветеранов Украины, Касьян Николай Степанович, капитан ВДВ запаса,

заместитель председателя Фонда поддержки ВДВ и многие другие. Открытие памятника, несмотря на будний день, собрало множество народа, среди них выделялись ветераны войны и ВДВ, члены делегации этнических белорусов. Право открыть памятник было предоставлено Швецу Н.А. и сыну генерала — полковнику Маргелову А.В., приглашенному на торжество. Были взволнованные речи, много цветов, девушки вручили сыну выдающегося земляка днепропетровскую землю в красивой шкатулке, парашютисты совершили прыжки на спортивных куполах к подножию памятника и в Днепр. В завершение представители различных родов и видов войск гарнизона прошли торжественным маршем, равняясь на бронзовую фигуру генерала с устремленным в даль взглядом. Торжество вылилось в демонстрацию дружбы братских славянских народов России, Белоруссии и Украины.

Российские полковники А.В.Маргелов и представитель ВДВ России Е.А.Резник, передали в дар Днепропетровскому Государственному историческому музею имени Д.Яворницкого экспонаты, связанные с именем генерала Маргелова, а также подарки от российских десантников. В музее была открыта выставка, посвященная истории ВДВ и своему прославленному земляку.

В 2001 году был подписан Указ Президента Украины Л.Кучмы о шефстве Днепропетровской области над десантниками Украины. Ветераны-десантники Днепропетровска показывают пример своим русским и белорусским братьям в военно-патриотической работе, в отношении к славным традициям войск и ветеранам. Кстати, еще до торжеств там же выпущен проект памятки молодым десантникам, основанной на высказываниях генерала Маргелова В.Ф.

А Россия и Белоруссия отметили 70-летие Воздушно-десантных войск выпуском памятных юбилейных медалей, на лицевой стороне которых отчеканен портрет генерала армии В.Ф.Маргелова. И хотя эти медали не являются государственными наградами обеих стран, каждый десантник считает за большую честь присоединить их к своим боевым, зачастую омытым кровью, орденам и медалям.

Так три братских славянских народа отметили заслуги создателя супервойск СССР, великого сына своих стран, связанных данными свыше кровными узами, продемонстрировав еще раз общность своего менталитета, не зависящего от политических устремлений высших государственных чиновников. И характерно, что общность эта связана с именем человека, никогда не скрывавшего свих родственных корней. Как-то Василий Филиппович обмолвился, что его предки из Белоруссии. «Известное дело — бульбаш», — пренебрежительно бросил один из высоких чинов. «Да, я — бульбаш, и хохол, и русак! Одним словом, потомственный славянин! — парировал Маргелов, чтобы слышали все присутствовавшие, — а бульба, то бишь картошка, она и в Африке картошка!»

Другой большой музей Воздушно-десантных войск «Крылатая гвардия» открыт в городе Екатеринбург 21 мая 1994 года по инициативе ветерана ВДВ, участницы битвы за Днепр, первого директора музея Надежды Михайловны Михайловой-Гагариной. Среди экспозиций, посвященных истории развития парашютизма, ВДВ, их участию в Великой Отечественной войне и других войнах, отдельно выставлены экспонаты, рассказывающие о ратных и боевых подвигах генерала армии В.Ф.Маргелова. Немалую их часть передали в музей братья Александр и Василий Маргеловы. В Кабинете-музее их отца в Москве хранится фотография музея «Крылатая гвардия», подаренная ветераном ВДВ директором музея Сергеем Михайловичем Быковым. Его заместитель Сердюков Анатолий Андреевич, также ветеран ВДВ, посетив Кабинет-музей, передал также и ряд других материалов по уральскому музею десантной славы и записал: «Хочу со всей ответственностью заявить, что наш Свердловский областной музей ВДВ «Крылатая гвардия» будет делать все, чтобы молодое поколение знало о В.Ф.Маргелове, о его выдающейся роли в создании современных ВДВ нашей страны, «Войск Дяди Васи», как любовно называют этот род войск те, кто в них служит».

Также значительное количество материалов (военная форма, портреты, фото и другие

материалы) из Кабинета-музея передано в Центральный музей ВОВ (на Поклонной горе). Посетивший в декабре 1993 года Кабинет-музей старший научный сотрудник музея, ветеран ВДВ, полковник Василий Иванович Чернецов, оставил в Книге памяти не только некоторые свои воспоминания о генерале Маргелове, но и слова благодарности его сыновьям «за создание домашнего музея, достойно увековечившего память об отце, которую он заслужил перед Родиной, великим русским народом и другими братскими народами в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Создание домашнего музея…я расцениваю как выдающийся подвиг его сыновей — это яркий пример для подражания нашей молодежи». От имени руководства ЦМ ВОВ он также поблагодарил братьев «за передачу в дар ЦМ ВОВ ценнейших музейных предметов».

В 1994 году в Приднестровской Молдавской Республике к 50-летию освобождения Тирасполя, отмечая заслуги генерала Маргелова при освобождении Приднестровья в годы Великой Отечественной войны, вышла в двух вариантах секретка (вид почтового отправления), посвященная боевому генералу, ставшему в последующем Командующим ВДВ. Рисунки на секретке редактировал А.И.Лебедь, командовавший в Приднестровье 14-й армией.

Что особенно приятно отметить — молодежь знает фамилию Маргелов, и стремится быть похожей на Десантника № 1. Его имя стало легендарным в войсках, а теперь становится легендарным в народе. Десятки тысяч «дембелей» ежегодно разносят память о нем по всем уголкам нашей Родины. Его помнят в странах бывшего Советского Союза, его знают за границей. С его именем, как под знаменем, объединяются десантники разных стран. Если они верны его жизненным принципам — а это православные принципы: любовь к Отечеству, справедливость и честь, принципы, которые исповедают все человеколюбивы религии мира, то они составляют единое целое. Объединившись, они могут активно бороться за мир во всем мире на указанных принципах. Совершенно естественно стремление молодежи с их чистыми душами следовать этим принципам. Потому то уже несколько лет существует Союз подростковых клубов десантного профиля, уже создано два кадетских корпуса десантного профиля (Ростовский Сергия Радонежского кадетский корпус и Нижегородская Кадетская школа-интернат), первая в России десантная семья (В.П.Макаров воспитал и воспитывает более двадцати ребят), а также Смоленская областная общественная организация «Клуб ветеранов ВДВ» носят имя В.Ф.Маргелова. Президент охранного предприятия имени Маргелова В.Ф. ветеран-десантник Турков А.И. выступил основным спонсором создания телевизионного фильма тоже ветерана-десантника Костина Бориса Акимовича «Десантник номер один».

На бланке Кабинета-музея генерала армии В.Ф.Маргелова его сыновьями подтверждается это высокое почетное наименование «при условии, что все… должны знать, какой вклад внес наш отец в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, как он создал современные для своего времени Воздушно-десантные войска СССР, его биографию и, главное, стремиться быть примером в жизни и такими же людьми чести, каковым был генерал армии Маргелов В.Ф.»

Сыновья генерала, Александр и Василий, создали домашний мемориальный Кабинет-музей В.Ф. Маргелова сразу после печального дня 4 марта 1990 года, когда ушел из жизни отец. К началу 2002 гола Кабинет-музей посетило более тысячи человек. Среди посетителей — ветераны Великой Отечественной, заслуженные полководцы, солдаты и офицеры, лично знавшие генерала, молодые воины и ребята из Союза подростковых клубов десантного профиля — будущие десантники, а также все те, кто слышал о Василии Филипповиче и хотел бы больше узнать об этой легендарной личности, в том числе — гости из-за рубежа. Многие оставили интересные воспоминания о нем, которые вошли в настоящую книгу. Подавляющее большинство посетителей оставили свои отзывы и слова

благодарности в Книге памяти В.Ф.Маргелова. А Книга эта была передана в самом конце 1991 года Георгием Ивановичем Шпаком из Петрозаводска, где он командовал армией. Командующий ВДВ Е.Н.Подколзин предложил Александру Маргелову отправиться туда поездом, чтобы заказать гранит для памятника Десантному Бате. Георгий Иванович на месте выделил «УАЗик» и ответственного офицера, с которым сын генерала армии объездил несколько окрестных каменоломен, но везде получил отказ. К счастью, помог случай. Как раз в это время к начальнику бронетанковой службы приехал заместитель директора комбината из Кондопоги, которому очень нужны были колеса для грузовика. Только таким образом заказ на гранитные плиты был принят. Через некоторое время Александр прибыл в Петрозаводск еще раз, на специально выделенным Подколзиным самолете, откуда и доставил в Москву готовые плиты.

Первую запись в Книге оставила Анна Александровна, выразив благодарность своим сыновьям Александру и Василию за создание и поддержание мемориального Кабинета-музея. Все сыновья Василия Филипповича, их жены и дети оставили свои записи.

Брат Анатолий Васильевич записал: «…Мне хочется также верить, что все, кто сделал запись в этой Книге, не просто оставил формальную запись, а сделает все от него зависящее, чтобы память о бате постоянно не только жила, но и ширилась…». А вот, что написал внук-десятиклассник Андрей, сын Виталия Васильевича: «Святость и та энергия, что теплится во сем, что здесь можно увидеть и почувствовать, потрясает и заставляет задуматься об истории нашей Родины, о годах жестокой и глупой войны, о незамеченных рыцарях войны. Все, что здесь находится, а также рассказ Александра Васильевича Маргелова — это память, которая будет жить в сердцах людей и напоминать всем о настоящем герое, человеке, внесшим значительный вклад в освобождение России (СССР), в спасение огромного числа людей».

Посетители домашнего музея, в подавляющем большинстве, сначала записывают свои впечатления, а потом уже читают, что написано другими. Но всем предлагается прочесть, что записал в 1992 году генерал-лейтенант Л.И.Щербаков, боевой брат полковника А.В.Маргелова по экспериментальным десантированиям:

> «Десантник! Ты обязательно будешь в этом музее-квартире и вместе с человеком-легендой В.Ф.Маргеловым вспомнишь свои ратные дела, к тебе возвратится молодость и удаль, желание сделать многое для могущества и процветания нашей Отчизны.
>
> Ты почувствуешь свою причастность к большим свершениям во имя героических ВДВ под руководством их прославленного Командующего. Нет на земле сильнее чувства, чем чувство десантного братства…
>
> Я благодарен судьбе, что привела меня в Крылатую Гвардию и подружила, связала мужеством с настоящими мужчинами. Полагаю, что по содержанию Кабинет-музей может называться филиалом Музея Вооруженных Сил…».

Командующий ВДВ Георгий Иванович Шпак, года посетив музей 5 августа 1997, вспомнил, что при Бате он дослужился до командира 350-го пдп 103-й вдд. С волнением он записал: «С огромным уважением относился и буду относиться к этому прославленному полководцу. Командуя сегодня Воздушно-десантными войсками, всегда держу в памяти образ Великого и Мудрого десантника — Василия Филипповича Маргелова». 2 августа 2001 года у памятника генерала Маргелова на Ново-Девичьем кладбище он заявил: «Маргелов и ВДВ — неотделимы!»

А супруга командующего Алла Григорьевна Шпак констатировала: «Можно иметь большие музейные территории, но мало экспонатов, к счастью, здесь все наоборот. Вся история наших ВДВ проходит перед желающими прикоснуться к легенде. Надеюсь, доживем до того времени, когда каждый экспонат будет занимать соответствующее ему место, и большее количество молодежи сможет прикоснуться к истории ВДВ. Спасибо семье за то,

что продолжает традиции отца в воспитании молодежи».

Иностранцы, посетившие музей генерала армии В.Ф.Маргелова, порой впервые узнавали, что такое Великая Отечественная война, каких жертв и разрушений она стоила советскому народу, о подвигах наших солдат. Голландка Констанс Вилиемс написала: «Эти герои второй мировой войны были для меня неизвестными людьми до посещения этого музея. Спасибо за рассказ о жизни человека, поставившего на колени нацистов».

В 1995 году в гости к российским ветеранам войны во Вьетнаме приезжала делегация американских ветеранов той же войны. Они представляли международную гуманитарную организацию помощи и программ улучшения жизни людей, работающую под эгидой Коалиции ветеранов вьетнамской войны США. В годы афганской войны и после нее эти ветераны помогали вызволять из плена наших солдат, снабжали советские госпитали медицинским оборудованием и медикаментами. Такого рода встреча с нашими ветеранами проводилась уже не первый раз и проходила в дружеском русле. Им удалось также побывать 2 августа на празднике ВДВ, где праздничные мероприятия произвели на них неизгладимое впечатление. После показательной части американцев пригласили в палатки на фуршет, естественно, с русской водкой. 8 августа двое из них, ветераны-десантники (правда, в боевых действиях не принимавшие участия) посетили Кабинет-музей. Им имя Командующего Маргелова было хорошо известно, поэтому слушали они рассказ о Бате с большим вниманием. После рассказа председатель указанной международной организации сержант запаса сэр Эдвард Артис записал следующее: «Я написал здесь несколько слов для тех, кто тянул лямку солдата воздушно-десантных войск. Маршал был и является отцом всех воздушно-десантных войск. Мы имели честь ознакомиться с этим». Его спутник, капитан запаса Эдвин С.Ходжес отметил: «То что я ознакомился с безупречно и правдиво представленным жизненным путем Маршала, я обязан преданностью сыновей отцу этому прекрасному человеку. Многое можно узнать об историческом пути этого Человека, в первую очередь, о нем, как выдающемся руководителе».

Дочь ветерана ВДВ генерал-полковника Рудакова А.П. Людмила Алексеевна сделала следующий вывод: «…как необходим музей для будущих поколений. Я тоже дочь десантника…бывшего начальника ВДУ (1953–1954 гг.), начальника штаба ВДВ. У меня появилось чувство тревоги, что я не успею многое узнать, пока жив мой отец, что нужно отбросить всю житейскую суету и как можно больше общаться с отцом и создавать музей при жизни».

Множество посетителей домашнего Кабинета-музея оставили прекрасные записи после экскурсии и рассказа о жизни, боевых делах и колоссальной работе по созданию Воздушно-десантных войск Василия Филипповича Маргелова. Если воспроизвести хотя бы половину их — получится увесистый том. На квартире генерала Маргелова при его жизни побывали все его преемники на высоком посту командующего ВДВ, его заместители и многие из сподвижников. Жалко, что не все из них смогли после его кончины найти время посетить музей В.Ф.Маргелова и оставить свои записи в Книге памяти. Как отмечали многие люди в музее живет дух Командующего, ощущается его незримое присутствие. Посещение музея укрепляет духовно людей чести, поддерживает их в добрых начинаниях, помогает легче переносить жизненные неурядицы.

Духовник Ростовского Сергия Радонежского Кадетского корпуса десантного профиля имени генерала армии В.Ф.Маргелова игумен Сильвестр, посетив Кабинет-музей и побеседовав с сыном генерала Александром Васильевичем, записал, что он: «…в очередной раз благодарен Богу, что Он никогда и нигде не оставлял Россию без своих избранников, одним из которых и был генерал армии В.Ф.Маргелов. Это действительно великий сын великой Отчизны — России».

А скольким песням, стихам, произведениям в прозе, различным патриотическим начинаниям дало исходный импульс посещение музея! Фактически идеи памятников великому славянскому воину в Москве и Днепропетровске зарождались здесь. В произведениях писателей, поэтов, исполнителей песен (как правило, на свои стихи)

зазвучали строки о русском солдате, о Воздушно-десантных войсках, о генерале Маргелове. В их числе: В.Г.Верстаков, Н.Ф.Шахмагонов, В.А.Ольшанский, В.Н.Коновалов, Б.А.Понтус (Драгун), Д.К.Полторацкий, В.И.Андреев (Волгарь), А.Г.Пшеничный, Б.А.Костин, В.Г.Гостинщиков, Н.Ю.Сахаров и многие другие.

Особенной популярностью последнее время пользуется песня на стихи и в исполнении Дмитрия Полторацкого «Голубые береты». Им создано множество прекрасных песен, посвященных армии и флоту, все они отличаются глубоким содержанием, знанием темы и оптимизмом. Может быть, поэтому его выступления перед военной аудиторией и среди молодежи пользуются таким успехом. Песня «Голубые береты» постоянно звучит в эфире популярных российских радиостанций, а также — на весь мир — в передачах о генерале Маргелове и его войсках на волнах Радиокомпании «Голос России» на всех языках планеты. Эта песня записана практически на всех аудиокассетах автора, она стала дорогим подарком для всех, кому пришлось проверить свое мужество под куполом парашюта, воевать в десанте. Нередко братьям Маргеловым звонили люди, услышавшие песню в первый раз, и, случалось, со слезами на глазах рассказывали о своих встречах с великим и в то же время таким простым человеком.

Голубые береты

Купол неба великой России, а под ним золотые поля,
Нам погоны дала голубые не напрасно родная земля.
Не напрасно зимою и летом, в ясный полдень и сумрак ночной,
Берегут голубые береты синеокой России покой.

Припев: Голубые береты, голубые береты —
Словно небо упало на погоны солдат.
Голубые береты, голубые береты —
Наше русское небо выше всяких наград!

Помним славные годы десанта — это годы Великой войны.
Помним рейды в тылу оккупантов и салюты победной Весны,
Помним знойное небо Афгана и щетину чеченских высот,
Помним госпиталь, стоны и раны — в двадцать лет поседевший висок.

Над Россией невзгоды как тучи ясный день закрывают порой.
Но мы держим десантный могучий Генерала Маргелова строй!
Но нам дорого небо России и ее золотые поля.
Нам погоны дала голубые не напрасно родная земля

Припев: Голубые береты, голубые береты —
Словно небо упало на погоны солдат.
Голубые береты, голубые береты —
Наше русское небо выше всяких наград!

В музее снимались кадры для фильма ветерана ВДВ Б.А.Костина «Десантник № 1», который был показан дважды 2 августа 2000 года жителям Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Фильм создан и распространяется на видеокассетах благодаря финансовой поддержке Охранного предприятия имени генерала армии В.Ф.Маргелова А.И.Туркина и директора Института экономической безопасности С.В.Дронова.

Экспонаты маргеловского музея выставляются на мероприятиях, посвященных памяти В.Ф.Маргелова, в 2001 году они экспонировались на ВВЦ в павильоне «Культура» на выставке «Семейные династии», где посетителей встречал стенд, посвященный семейной династии Маргеловых. В настоящее время получено разрешение московской мэрии на установку мемориальной доски на доме в переулке Сивцев Вражек, где генерал Маргелов прожил последние двадцать лет. Скульпторы Никифоровы уже изготовили оригинальный макет, задержка за деньгами, обещанными спонсорами.

Много раз Василия Филипповича просили написать мемуары, однако он отнекивался, говоря, что их может написать каждый. Только буквально за несколько дней перед смертью он признался, что не позволил бы никому вносить в свои мемуары правки, в том виде, как он это себе представлял, они могли бы навредить близким ему людям, его соратникам. Это еще раз подчеркивает его качества как человека Чести, ибо, как человек высокого воинского звания, он знал много такого, что считал не в праве разглашать, даже посмертно. Генерал Маргелов никогда бы не позволил себе, пользуясь служебным положением, хранить дома секретные материалы, чтобы потом их использовать для своей книги, как это позволил себе генерал армии Майоров в книге о чехословацких событиях 1968 года, к тому же попытавшийся выставить генерала армии Маргелова и некоторых других военачальников в неприглядном свете. Позорно свои досужие вымыслы выдавать за действительность, поэтому авторы в настоящей книге ссылаются или приводят воспоминания реальных свидетелей, причем очень многих. Заметим, что довольно большое количество материалов, которыми располагают авторы, в книгу не вошло.

Заслуженный сотрудник ГРУ ГШ контр-адмирал (ныне в отставке) Николай Диомидович Румянцев, личного знавший генерала армии Маргелова, любезно поделился с авторами книги своими воспоминаниями о встречах с Командующим ВДВ.

> «Помню первую встречу с ним на его даче во Внуково. Еду туда и волнуюсь: жалую в гости все-таки к генералу армии, Командующему таким престижным родом войск, герою Советского Союза. Наверняка, тщеславный мужик. Что я перед ним — какой-то адмиралишко на пенсии. Однако я глубоко ошибся, хотя такое со мной случалось не часто. Прошло совсем немного времени, как Василий Филиппович начисто развеял мои опасения, и я уже не чувствовал себя «не в своей тарелке». Он быстро расположил к себе рассказами о захватывающих эпизодах фронтовых лет и послевоенного бытия ВДВ. При этом бросалось в глаза отсутствие у него стремления главенствовать в разговоре — он умел говорить и умел слушать».

Следует отметить, что Н.Д.Румянцев на протяжении многих лет проработал в различных странах мира, занимая весьма ответственные посты, а в годы Великой Отечественной войны сопровождал морские конвои в Турцию. Имеет немало правительственных наград, в том числе и за участие в войнах. Несомненно потому и разговор у них сразу завязался общий — любил генерал Маргелов боевых людей, а тем более — моряков. Николай Диомидович столько перевидал на своем веку людей, что трудно сосчитать. Так что его с полной ответственностью можно считать знатоком душ человеческих…

Рассказывая о том приеме на даче, Румянцев не мог забыть, «как кудесничал генерал армии над приготовлением на костре ухи, со знанием дела добавляя в нее различные специи, а затем любовно разливал ее всем по тарелкам. Было видно, что создание ухи являлось для него торжественным церемониалом, подобно чайной церемонии у японцев. Впервые в жизни я испробовал тогда за столом его традиционный «напиток ВДВ» собственного приготовления. Тот гранатовый нектар вполне соответствовал силе и духу тех, кто представлял собой цвет Воздушно-десантных войск.

Я, к сожалению, — сетует адмирал, — не служил под началом Василия Филипповича, но когда речь заходит о нынешних ВДВ, а такое сейчас не редкость (причем часто говорят с нескрываемой иронией), передо мной всегда встает незабвенный образ генерала Маргелова, сотворившего современные Войска. Командующий Маргелов отдал много сил для совершенствования и обеспечения высочайшей их боеспособности и боевой готовности; они были его подлинным детищем. Генерал Маргелов гордился ими как и гордился своими десантниками весь народ. И воистину было чем гордиться. Я уверен, что командуй сейчас генерал армии Маргелов своими войсками, они были бы на порядок выше, несмотря на все нынешние невзгоды, обрушившиеся на наши Вооруженные Силы. **У Маргелова было много славы, но отсутствовало тщеславие.** У нынешних — одно тщеславие, особняки и дорогие лимузины. Может быть, во многом поэтому, и ВДВ уже не те, что были при генерале армии В.Ф.Маргелове».

Говоря о человеческих качествах Десантника № 1, Н.Д.Румянцев отмечает: «В семье, в кругу друзей и знакомых генерал армии являл собой образ внимательного, душевного и обаятельного человека. Две недели, проведенные в компании супругов Маргеловых в Кисловодске, остались для меня незабываемыми. Меня весьма удивило, что Василий Филиппович и Анна Александровна разместились не в привилегированном корпусе, где обычно располагались высокопоставленные военачальники (в среде отдыхавших называли тот своеобразный корпус «VIP» не иначе как «золотая конюшня для старых лошадей»), а в обыкновенном здании для «простых смертных», именовавшийся в шутку «еще не все потеряно». Скромный генерал в скромном корпусе, чего явно не хватает нынешним».

Уже упомянутый в книге участник венгерских событий 1956 года ветеран-десантник В.А.Рябов вспоминал, как в 1974 году во время его поездки из Москвы в Киев он разговорился с соседом по купе, оказавшимся тоже ветераном ВДВ. Разговор, естественно, зашел о незабываемых моментах службы в Войсках Дяди Васи и Десантнике № 1 Попутчик ему и говорит: «В 60-е оды, когда Хрущева не бывало на месте, спецслужбы Запада не волновались, где он — политика идет в пределах дозволенного. Министра обороны Малиновского нет ни в министерстве, ни на даче и т. д. — те же спецслужбы «не вздрагивали», вроде, так и должно быть. А вот если Командующего ВДВ Маргелова нет в Москве, — тут рассказчик многозначительно поднял вверх палец, — вот тут-то они начинали «вздрагивать», где находится генерал Маргелов, проявляя при этом ярко выраженное беспокойство. Особенно такое беспокойство возросло с появление в ВДВ самолетов Ан—12 с кислородным оборудованием для совершения полетов на больших высотах, да еще с дополнительными топливными баками. Тогда в НАТО объявлялась повышенная боеготовность, и «вздрагивали» они уже не на шутку. Ведь мобильность ВДВ была неограниченна, тем более быстрыми темпами совершенствовалось коллективное оружие: самоходки, пушки, минометы, а, главное, в воздух можно было поднять не одну дивизию… По мобильности с ВДВ не сравнится никто, десантники были способны, даже в годы моей службы, решать задачи в глобальном масштабе. А все потому, что в ВДВ был такой Командующий как В.Ф.Маргелов. Отец родной, Батя, дядя Вася — у каждого поколения десантников была особенная любовь к легендарному генералу».

— В чем истина разговора даже незнакомых людей, — подытожил свои воспоминания десантник Рябов, — да в том, что невозможно говорить о Воздушно-десантных войсках, не вспоминая генерала Маргелова».

Костенко Ю.П. как танкист объективно отмечает, что именно в годы командования ВДВ Василием Филипповичем Маргеловым произошло перевооружение ВДВ принципиально новым для них видом вооружения — бронетанковой техникой, и все это свершилось под руководством и личном участии В.Ф. Маргелова.

«Любой переходный процесс, происходящий в вооруженных силах, в промышленности, в науке, в искусстве и вообще в жизни общества, требует от человека,

стоящего во главе этого процесса, предельной отдачи личных моральных и физических сил.

Как-то в 1976 году я встретился с Василием Филипповичем Маргеловым в неофициальной обстановке. Невольно я ему сказал:

— Василий Филиппович, у Вас за плечами такая большая и славная боевая жизнь, сейчас многие военачальники пишут свои мемуары, я уверен, если бы Вы написали свои воспоминания, они бы вызвали огромный интерес.

— Ты знаешь, — глянул он мне прямо в глаза, мне уже 68, пора думать об отставке, а я еще хочу и спокойно пожить.

Рука дописывает последние строчки о десантниках, а из головы не идут вопросы. «Будут ли еще когда-нибудь в России такие могучие воздушно-десантные силы?»…«Будет ли у них еще когда-нибудь такой Командующий, каким был генерал армии Маргелов?»

Глава 11
«Птенцы гнезда Маргелова»

Маргелвские принципы ВДВ. Достойные преемники Десантника № 1. Кулишев О.Ф. Беляев В.Н. Краев В.С. Щербаков Л.И. Зуев Л.Г. Последний парад генерала Маргелова.

Ныне наши Воздушно-десантные войска оснащены самой современной боевой техникой, хорошо подготовлены и без преувеличения превосходят ВДВ армий других стран. Заслуга в этом принадлежит не только Командующему и штабу войск, но и молодым, стоящим во главе соединений и частей командирам, всему офицерскому корпусу, прапорщикам, гвардейцам-десантникам.

Генерал П.Ф Павленко от имени ветеранов войск., много лет честно служивших своей Родине и народу, заявил, что сердечно благодарят командование войск, командиров дивизий, бригад, полков и подразделений, весь офицерский состав штабов за их нелегкий, но важный ратный труд по дальнейшему совершенствованию боевой готовности войск, поддержанию славных традиций десантников, заложенных В.Ф. Маргеловым.

В войсках многое уже изменилось за прошедшие годы после него, в большей части изменения эти — не в лучшую сторону. И не вина последующих командующих в том, что наступили ныне такие времена, когда даже ВДВ укомплектовываются личным составом срочной службы с потугами, тогда как несколько лет назад наши части пополнялись только добровольцами. В силу ряда причин служба в армии в последнее время, к великому сожалению, утратила прежнюю популярность. Павел Федосеевич пишет: «Позволю себе назвать это великим государственным грехом и недомыслием недальновидных политиков, по стечению обстоятельств оказавшихся у власти. За этот грех нам, возможно, еще предстоит испытать своего рода историческое наказание, если решительно не будет поправлено дело уже в ближайшем будущем. Служба в армии в России всегда была и должна оставаться почетной и священной обязанностью каждого здорового молодого человека. Это неоднократно подчеркивал В.Ф. Маргелов. Вся его жизнь — яркое тому доказательство личным примером.

В истории Воздушно-десантных войск, да и в Вооруженных Силах России и других стран бывшего Советского Союза его имя останется навсегда.

Он олицетворял целую эпоху в развитии и становлении ВДВ, с его именем связаны их авторитет и популярность не только в нашей стране, но и за рубежом. Даже американские офицеры-десантники считали его главным и первым десантником в международном масштабе и высказывали свое уважение».

Автор этих слов написал «вместе с коллегами по службе я склоняю голову перед вечной памятью учителя и наставника, боевого друга и Командующего — Василия Филипповича Маргелова».

Далее заслуженный ветеран войск, как бы предупреждая возможную критику, пишет: «Некоторые могут усомниться в моей объективности при изложении роли В.Ф. Маргелова в развитии Воздушно-десантных войск и его качеств как военачальника. Прослужил, мол, с ним около трех десятков лет и хвалит. Что я могу ответить? Лишь одно: моя совесть чиста. Сожалею только о том, что я никогда не вел никаких дневниковых записей, и эти мои заметки написаны по памяти.

Я не ставил целью изложить другие стороны жизни Василия Филипповича. Как и у всякого смертного, были у него и свои минусы. Но они ничуть не умаляют его заслуг перед Воздушно-десантными войсками и перед Вооруженными Силами России.

Могут спросить: а разве другие, ему предшествовавшие командующие ВДВ, мало трудились на благо укрепления их мощи и веса в Вооруженных Силах? Ведь после окончания Великой Отечественной войны войсками командовали такие видные военачальники как маршал авиации С. И. Руденко, генерал армии А. В. Горбатов и другие.

Да, они, бесспорно, внесли свой вклад в становление этого молодого рода войск.

Но им не удалось взять правильного стратегического курса в их развитии. И не только потому, что командовали они непродолжительное время.

Как никто из них, В.Ф. Маргелов понял, что в современных операциях успешно действовать в глубоком тылу противника смогут только высокомобильные, способные к широкому маневру десанты. Он категорически отверг установку на удержание захваченного десантом района до подхода наступающих с фронта войск методом жесткой обороны как пагубную, ибо в этом случае десант будет быстро уничтожен.

Личная храбрость и высочайшая исполнительность — характерные черты и неотъемлемые качества В.Ф. Маргелова. Все, кто его знал, не сомневались в том, что звание Героя Советского Союза он получил за личную храбрость на войне, дерзкие и смелые подвиги, а не за героизм своих подчиненных, как бывало у некоторых других начальников. Причём, Василий Филиппович всегда в общении с равными и подчиненными, не говоря уже о начальниках, вел себя очень скромно и никогда не рассказывал **о себе,** о своих заслугах и подвигах, считая все это просто честным выполнением долга».

В штабе ВДВ и службах Управления, в войсках в течение многих лет работало много способных офицеров, из которых впоследствии вышли командиры полков и дивизий, а также ответственные работники Генерального штаба, Главных и Центральных управлений Министерства обороны и штаба ВДВ. Невозможно в рамках этой книги перечислить всех, кто плечом к плечу с Командующим Маргеловым создавал современные Воздушно-десантные войска. Вот лишь некоторые из них — начальники служб и отделов штаба и Управления: М.В.Арабин, В.И.Астанин, М.И.Борисов, В.А.Булатников, А.Д.Белянин, В.В.Белоусов, Г.Я.Герасименко, В.В.Горшенев, А.А.Драгун, В.А.Данильчеико, Н.М.Зимин, А.Г.Зуев, И.В.Кобзарь, Л.З.Коленко, Л.Г.Кузьменко, Ф.Д.Кузьменко, А.В.Кукушкин, Е.И.Ливенцов, В.Р.Марков, Н.Д.Мушенков, М.В.Новиков, Б.М.Островерхов, В.М.Пашовкин, М.Н.Перевалов, П.Я.Поповских, В.В.Рыбкин, В.Ф.Сазыкин, Я.П.Самойленко, А.А.Сигуткин, М.В.Сидоров, В.А.Сорокин, Н.И.Тюнин, В.Ф.Тюрин, А.А.Чиндаров, Л.И.Щербаков, Г.М.Яценюк, А.И.Яценко и многие другие.

В.Ф. Маргелов заботился о выдвижении способных офицеров. Первыми среди них можно назвать генерал-лейтенантов **ПАВЛЕНКО Павла Федосеевича, ЛИСОВА Ивана Ивановича и Кулишева Олега Федоровича** . Их роль в создании современных ВДВ авторы постарались показать в различных главах книги. Не меньше внимания уделялось Командующим и многим другим достойным офицерам.

КУЛИШЕВ Олег Федорович, генерал-полковник в отставке, один из его достойных воспитанников. Его отец с тремя братьями — генералы нашей армии, участники Великой Отечественной войны, орденоносцы. Два генерал-лейтенанта, вице-адмирал и

генерал-майор, славная военная династия Кулишевых, передала «генеральские гены» будущему генерал-полковнику, своему заслуженному продолжателю в ратном труде.

В ВДВ Олег Федорович с 1956 года, после окончания Военной академии им М.В.Фрунзе… На первом приеме Командующий поставил ему в своем кабинете задачу:

— Ты, мудачок, идешь на самый херовый батальон в десантных войсках, если через три месяца не будет лучшим — выгоню.

Кулишев активно принялся за дело. Вскоре о 1-м батальоне 119-го гв. пдп 7-й гв. вдд. (полк располагался в городе Капсукас, в Литве) заговорили во всех войсках, стали ставить в пример, приезжать за опытом. Приехал и Командующий. Комбат увидел из окна своего кабинета на третьем этаже как Василий Филиппович, стоя внизу, показывает порученцу в сторону командирского окна. Подниматься, однако. не стал — порученец в своем докладе показал работу Кулишева с лучшей стороны. Позже Олег Федорович три года служил в качестве заместителя командира того же полка. Служил отлично, доверие Командующего к нему росло. Командующий даже посылал его в Рязанское десантное училище научить офицеров-преподавателей строевой подготовке. Кулишев, несмотря на неприветливый прием рязанцев, задачу выполнил с блеском. Затем Олег Федорович был переведен в Рязань, где командовал 137-м гв. полком 106-й гв. вдд. Способного офицера направляют в Академию ГШ.

В последующем, приобретая опыт крупного руководителя, Олег Федорович назначался и начальником РВДДКУ (1968–1970 гг.), командиром 7-й гв. вдд (1970–1973 гг.). несколько раз он получал от Василия Филипповича персональные сложные задачи, которые выполнял, не оглядываясь ни на кого.

— Слушай, мудачок, — доверительно обращаясь к нему ставил глобальную, в масштабах ВДВ, задачу Командующий, — поедешь в Рязань, начальником училища. Необходимо поднять престиж училища, добиться максимального конкурса, создать настоящую учебную базу.

Было это сразу после окончания Кулишевым ВА ГШ. Прошло некоторое время и, вот, приезжают к нему маршалы Гречко, Захаров, Якубовский, генерал армии Епишев и другие военачальники, вместе с ними — Маргелов. Высоким гостям была показана новая материально-техническая база и технические возможности училища, десантирование на объект за колючей проволокой. Гречко, рассматривая план-схему показа, спросил начальника училища:

— Что такое точка 3?

— Площадка осмотра оружия, товарищ министр.

— А точка 7?

— Обед на аэродроме, построенном десантниками в Учебном центре в Сельцах.

Тогда Гречко, известный в Вооруженных Силах как большой педант, обратился к Командующему:

— Василий Филиппович, что мы дурака валяем, там — обед, а мы — здесь?

Такого никто и никогда от него не слышал.

Прибыли на аэродром, прошли в бункер. Столы были накрыты буквой «Т». Гречко уселся рядом с маршалом артиллерии Кулешовым, который, как было известно, любил поесть. Тут Гречко обратился к нему с предложением, показывающим насколько вольно и хорошо чувствовал себя министр в войсках Маргелова:

— Ты мне подливай, а я тебе буду накладывать поесть, чтобы не выделяться за столом.

После обеда вышли из бункера — и тут прямо с воздуха к министру, едва приземлившись, подбегают девушки-парашютистки с цветами. Гречко, человек эмоциональный, чуть сразу их всех не перецеловал. Потом обратился к своему порученцу:

— У нас часы остались?

— Целая коробка, — отвечает тот.

Тогда министр обороны вручил все девчатам по часам. Попрощался с Олегом Федоровичем и тут же с полосы аэродрома улетел на своем самолете Ан-24.

Вторую глобальную задачу генералу Кулишеву Командующий ВДВ поставил как командиру 7-й гв. вдд:

— Покажи образец боеготовности дивизии, совершенно новые методы подхода к вопросу боевой готовности воздушно-десантной дивизии. Сможешь — отпущу в Сухопутные войска, так как вижу, что тебе в ВДВ тесновато.

По завершении выполнения поставленной задачи, на базе дивизии были проведены масштабные показательные занятия, которых присутствовали члены ЦК КПСС и военного руководства страны. Олег Федорович блестяще справился и с этой сложнейшей задачей. Было показано действительно много нового: это и совмещенные со стоянками боевой техники склады воздушно-десантной техники (парашютно-платформенные средства десантирования), платформы с мест хранения подавались с помощью тельферов и, наконец, боевые машины БМД-1 заводились от кнопки у дежурного по части — через 14 минут все машины полка выходили из боксов. Эффект был потрясающий!

После этого грандиозного мероприятия случилось так, что Командующий ВДВ, О.Ф.Кулишев и его заместитель по тылу полковник Красный Л.М. с женами вместе проводили отпуск в санатории в Кисловодске. Там Василий Филиппович, скрепя сердцем, окончательно дал согласие на переход Олега Федоровича в «сухопутчики».

Далее генерал Кулишев командовал 28-м армейским корпусом в Чехословакии, 6-й Краснознаменной Отдельной армией в Заполярье, где смело отстаивал необходимость увеличения количества сухопутных сил для усиления Северного флота. Затем был назначен командующим Северной группой войск и одновременно — Уполномоченным советского правительства по делам пребывания советских войск на территории Польши. В октябре 1976 года на территории Польской Народной Республики проводились плановые учения армий стран — участниц Варшавского Договора: СССР, ПНР, ЧССР и ГДР, где советские десантники были представлены одним из полков. На учениях впервые присутствовал министр обороны маршал Устинов. Высокую оценку получили тогда десантники, десантировавшись на незнакомую местность, они нанесли дерзкий удар по ошеломленному противнику, а затем совершили рейд по тылам «врага», нанося ощутимые удары по его различным объектам. Генерал-полковник Кулишев наградил тогда ценными подарками 22 десантника.

После этих учений на заседании Политбюро ЦК КПСС Олег Федорович был назначен командующим Северо-Кавказского военного округа, где он прослужил пять с половиной лет. За эти годы самым почетным гостем у него был Василий Филиппович Маргелов. Будучи в округе генерал Маргелов всегда интересовался всеми новшествами, невольно заставляя своего питомца всегда «держать порох сухим». «К сожалению, этого нельзя сказать о тогдашнем Главкоме Сухопутных войск генерале армии И.Г.Павловском», — вспоминал О.Ф.Кулишев. Как-то Олег Федорович очень разозлил Павловского, отдав своим летчикам команду: «Вертолет Главкома не сажать, пока не встречу Василия Филипповича». Вскоре после этого случая генерал-полковник Кулишев был назначен Первым заместителем Главного инспектора Министерства обороны. По роду обязанностей нового места службы ему приходилось часто выезжать с инспекторскими проверками во все виды и рода войск, инспектировать высшие военные учебные заведения, оборонные конструкторские бюро. «Вот теперь бы я мог справиться с должностью командующего ВДВ», — подумалось ему как-то с высоты накопленного опыта.

Не очень-то хорошие отношения складывались у него с шефом — Главным инспектором генералом армии Говоровым, сменившим на этом посту маршала Москаленко. О.Ф.Кулишев считал, Главный инспектор не достаточно внимания уделяет войскам. Поэтому, как только 21 октября 1988 года Олегу Федоровичу исполнилось 60 лет, он подал рапорт об увольнении его в запас по достижению предельного возраста в соответствии с кадровой политикой парии. На рапорте он сделал приписку: «Если мои знания и опыт потребуются для защиты Родины в любой точке земного шара — готов всегда».

Но опытный военачальник «маргеловской закваски», не прекращавший дружеских контактов с уже бывшим Командующим Маргеловым, оказался не востребованным. Генерал Кулишев не пал духом, полностью отдался ветеранскому движению, помогая людям на должности 1-го заместителя председателя Комитета ветеранов ВС СССР.

Но вот тяжелая болезнь ограничила его передвижения масштабами квартиры да госпитальной койки, и после нескольких лет борьбы с недугом 4 марта 2002 года (в день смерти Василия Филипповича!) его сердце перестало биться. Но дух его не был сломлен, светлой памяти своему Учителю — генералу Маргелову — он не изменил до конца своих дней!

Семейные традиции передаются через двух его дочерей и их мужей внукам и правнукам генерала, хотя фамилии их уже другие.

Энергично поддержал Командующий Маргелов кандидатуру **БЕЛЯЕВА Валерия Николаевича** для работы в Генеральном штабе, где тот проявил себя с самой лучшей стороны. Будучи несколько лет на ответственной работе в Анголе, получил хорошую практику в организации и проведении боевых операций, проявил личное мужество. Впоследствии был назначен начальником штаба ВДВ. И на этом ответственном посту генерал-полковника Беляева отличали незаурядные организаторские качества и четкость. В начале мая 1995 года, генерал-полковник Беляев, человек чести, пригласил в 242-й Учебный Центр в Омск сыновей генерала Маргелова и их товарищей на открытие улицы имени Десантника № 1. Старается он и сейчас, уже будучи в запасе, по-прежнему присутствовать на всех мероприятиях, связанных с именем своего Командующего. Этот человек с полным основанием завершает свои выступления словами «Честь имею!»

Постоянно приходят к памятнику своего Командующего генерал-полковник **ЧИНДАРОВ Александр Алексеевич** и генерал-лейтенант **СОРОКИН Виктор Андреевич** , оба приложили много сил, чтобы погасить межнациональные конфликты на Кавказе в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия, Герои Абхазии, генерал-полковник **ФИЛАТОВ Геннадий Васильевич,** генерал-майор **ХАРЕБИН Сергей Павлович,** а также бывший офицер по поручениям Командующего, позже начфиз ВДВ, полковник **САФОНОВ Владимир Георгиевич,** ветеран ВДВ полковник **ПОПЦОВ Вячеслав Иванович,** участник двух войн (Чехословакия и Афганистан) и многие другие.

АЧАЛОВ Владислав Алексеевич, танкист, после окончания ВА БТВ продолжил службу в Воздушно-десантных войсках. Став командующим войсками, свято соблюдал традиции десанта, никогда не забывал Командующего Маргелова. Навещал он его и будучи на посту заместителя министра обороны. В 1990 году в День ВДВ 2 августа, в Тушино, командующий ВДВ Ачалов в своем выступлении сказал много теплых, по сыновьи добрых слов о недавно почившем Командующем Маргелове, кстати, впервые публично рассказав о десантировании экипажей внутри боевых машин как одной из гениальных находок Василия Филипповича. Уйдя из Вооруженных Сил после августа 1991 года, он по-прежнему с гордостью называет себя маргеловцем.

Александр Иванович ЛЕБЕДЬ и Владимир Анатольевич ШАМАНОВ, боевые генералы-десантники, участники нескольких войн, находясь на высоких постах губернаторов, гордятся своей причастностью к славной истории Воздушно-десантных войск и Вооруженных Сил, где ими вписаны страницы честного исполнения воинского долга, осененного именем Командующего Маргелова. Следование маргеловским традициям и его понятиям чести — залог достижения ими еще больших побед во славу Родины.

Внимательно и кропотливо подходил Командующий к подбору офицеров на командные должности, в первую очередь, командиров дивизий и полков.

Здесь он смотрел на каждого кандидата с дальней перспективой. Выдвигая молодого

офицера (обычно после окончания академии) на должность командира полка, он постоянно следил за ним, за его работой, отношением к делу, развитием самостоятельности и других необходимых командирских качеств. При выездах в войска много внимания уделял личной работе с вновь назначенными командирами полков и дивизий, обучению их и воспитанию в ходе занятий и учений. Прибывшие из академий капитаны Калинин Н.В., Ачалов В.А., Подколзин Е.Н. прошли в войсках службу от командиров подразделений до командиров дивизий, успешно работали на высоких должностях в Сухопутных войсках и затем командовали Воздушно-десантными войсками. На больших должностях работал и целый ряд других генералов и офицеров, заботливо выращенных В.Ф.Маргеловым. Среди них: И.И.Громов, Н.Н.Гуськов, С.М.Золотов, П.Г.Калинин, В.Н.Костылев, И.А.Кочерга, О.Ф.Кулишев, К.Я.Курочкин, О.М.Пикаускас, А.П.Рудаков, М.И.Сорокин, Д.С.Сухоруков, М.Т.Танкаев, П.В.Чаплыгин и другие.

Генералы армии **СОРОКИН Михаил Иванович** и **СУХОРУКОВ Дмитрий Семенович** много лет отдали службе в ВДВ в должностях от командиров подразделений до заместителей командующего, оба были выдвинуты Маргеловым на ответственные посты в Сухопутных войсках, а завершили службу в должностях заместителей Министра обороны страны. Д.С.Сухоруков в начале 1979 года сменил В.Ф.Маргелова на посту командующего ВДВ. В дальнейшем, в 1987-90 годах, войсками командовали генералы **КАЛИНИН Николай Васильевич** и **АЧАЛОВ Владислав Алексеевич** . также выдвиженцы Маргелова. Генерал-полковник Калинин Н.В., будучи на посту командующего Московским военным округом, не прекращал дружеских контактов с Василием Филипповичем, гордился его вниманием..

В начале 1991 года командующим ВДВ был назначен прошедший боевую школу в Афганистане, замеченный Командующим еще во время службы в Рязанском училище, генерал **ГРАЧЕВ Павел Сергеевич** , вскоре выдвинутый на пост министра обороны России, который, проходя службу в ВДВ, не посрамил своего Командующего, за боевые подвиги был удостоен звания Героя Советского Союза. Будучи министром обороны России, он с удовлетворение подписал представление на звание Герой России «реактаврам» А.Маргелову и Л.Щербакову.

Его сменил на посту главного десантника генерал-полковник **Евгений Николаевич ПОДКОЛЗИН** . Начав свою армейскую службу, как и Грачев П.С., курсантом Рязанского ВДУ, он остался в строю десантников. Природная одаренность и высокая грамотность, многолетняя служба под началом Маргелова позволили ему в непростых условиях успешно поддерживать высокую боеготовность войск, хранить и приумножать их лучшие традиции.

Сегодня в сложнейших условиях борьбы за сохранение ВДВ как рода войск пост командующего занимает **генерал-полковник ШПАК Георгий Иванович** . Те самые антигосударственные и антирусские силы, о которых уже говорилось, стремятся подорвать естественную основу каждого независимого государства — лишить его армии и флота, по крайней мере, всячески ослабить вооруженные силы страны. А их передовые отряды — воздушных десантников и морскую пехоту — ликвидировать в первую очередь. А потому так важна любая поддержка ВДВ и их командующего на любом уровне, пока войска реально не займут своего места в системе Вооруженных Сил России как передового средства Верховного Главнокомандования. Десантники никогда не подводили, не подведут они и впредь!

Авторы книги желают Георгию Ивановичу выстоять, не сдать позиций, завоеванных и длительное время удерживаемых Командующим Маргеловым!

«Только активные, дерзкие, маневренные боевые действия десанта в тылу врага могут обеспечить успех — в этом, коротко говоря, состоит смысл концепции, которую выдвинул и неукоснительно проводил в жизнь при подготовке войск В.Ф.Маргелов», — подчеркивает генерал Павленко П.Ф.

Преемники Командующего, которые настойчиво и твердо продолжали совершенствовать способы применения десантов, всячески, на всех уровнях боролись за сохранение войск и их последующие развитие, с полным основанием могут называться маргеловцами. Эту высшую оценку их деятельности могут дать только ветераны войск, служившие или служащие под началом своих командующих. Причем наиболее объективная оценка может быть дана в дивизионном, полковом звене и ниже, вплоть до прапорщиков и рядовых срочной службы — самых неподкупных судей. Они знают все досконально, солдатский «телеграф» разносит славу или… бесславие по всем войскам. Рано или поздно все тайное становится явным, и процесс этот невозможно остановить никакими силами. И если кто никогда не задумывался о кармическом наказании за действия, несовместимые с законом и православной моралью, то пусть оглянутся вокруг — примеров масса. А уж бесславие в народе таким негодяям обеспечено, какой бы высокий пост они не занимали.

Авторы, к сожалению, не имеют возможности рассказать в своей книге о всех достойных ветеранах Воздушно-десантных войск, «птенцах гнезда Маргелова». Кое о ком из них уже рассказывалось в разных главах книги. Поэтому далее пойдет речь о тех ветеранах, которые написали авторам сами или за них это сделали их боевые друзья. В своем повествовании нам хочется посмотреть, откуда выковываются такие богатыри десанта, каковы их корни? Ясно одно: такая масса людей не откликнулась бы на призыв написать воспоминания о Бате Маргелове, если бы в их сердцах не был зажжен огонь гордости за ВДВ и солдатской Чести именно этим человеком, Десантником № 1 — Солдатом, Генералом армии Василием Филипповичем Маргеловым! Такие десантники бережно хранят боевые традиции войск, десантную память, гордятся своей принадлежностью с «сынам Маргелова». Храни их Бог!

Как написал в одной из своих многочисленных статей о Воздушно-десантных войсках ветеран ВДВ и МВД, член Союза писателей В.Гостинщиков, «Десантник № 1 — Герой Советского Союза генерал армии Василий Филиппович Маргелов, возглавляя ВДВ с 1954 года, открыл важность этих войск для обороны Отечества. Становление и развитие современных супервойск шло под его непосредственным руководством. Конечным результатом его четвертьвекового труда, помимо эволюции военного дела, стало стратегическое значение ВДВ, формирование военной элиты. «Батя» Маргелов создал непревзойденные в мире войска быстрого реагирования. В.Маргелов стал символом своего времени, памятью поколений. **А в ВДВ память — элемент боеготовности, часть нравственного кодекса десантника».**

Хотелось бы рассказать о судьбах нескольких самоотверженных десантников, своим повседневным ратным трудом добившихся признания своих не менее честных собратьев-десантников. Среди них нет ангелов, но «где ж ты святого найдешь одного, чтобы пошел в десант!». Может быть, кто-то имеет о них свое, отличное от авторов, мнение. Но главным в их жизни являлось то, ради чего они пришли в десант: любовь к войскам, вера в Командующего Маргелова и желание сделать любимые войска самыми боевыми, способные решить любые задачи во славу Родины.

КРАЕВ Владимир Степанович, в ВДВ прошел путь от командира взвода до командира дивизии, закончивший военную службу первым заместителем начальника Главного штаба войск Западного направления, (г. Легница, Польша). После позора ГКЧП в августе 1991 года ушел в запас..

Родился он 26 ноября 1937 года в Ленинграде в семье слушателя Военно-политической академии им. Толмачева (политрук времен Гражданской войны) — впоследствии — им. Ленина с 1938 — при переводе ее в Москву.

По окончании ВПА отец был назначен комиссаром кавалерийской. дивизии на Дальний Восток. В конце 1938 г. после Хасанских событий командующий Особой КДВА Блюхер В.К. был арестован и объявлен «врагом народа». Во всех соединениях и частях проходили

митинги по обличению его как врага народа. Отец Владимира Степановича, как коренной дальневосточник, который был воспитан на героических традициях героев Гражданской войны, не мог поверить в справедливость обвинения и отказался открывать митинг в своей дивизии, за что был арестован. Осужден «тройкой» и отправлен на Колыму, где как «враг народа» просидел 17 лет. Был освобожден в марте 1955 г.

Володя закончил в 1955 году среднюю школу с серебряной медалью в городе Спасск-Дальний, там же он по совету отца подал заявление в Благовещенское военное училище. Сначала его не приняли как сына «врага народа», но уже в марте 1955 года после реабилитации отца (которому вернули партбилет и восстановили в воинском звании — подполковник), заявление юноши было принято. Училище лейтенант Краев закончил с золотой медалью. Начальником училища был гвардии генерал-майор Бондаренко Афанасий Сидорович, бывший заместитель командира 37-го вдк, что, несомненно, повлияло на выбор дальнейшей судьбы молодого лейтенанта. С 1958 года командир взвода 300-го гв пдп, в 1959 году назначается командиром взвода полковой школы, а в конце 1959 — переведен в Дальневосточное общекомандное училище (ДВОКУ). В 1962 году поступил в Военную академию им. М.В.Фрунзе (ВАФ), с 1-го курса — Ленинский стипендиат, в 1965 году закончил ее с золотой медалью. Установил в 1964 г. рекорд ВАФ в беге на 100 м, который не побит до сих пор (1999).

А потом опять любимые Воздушно-десантные войска: 1965 — комбат-3 226-го учебного пдп 44-й учебной вдд, с декабря 1966-го — первый заместитель командира 226-го учебного пдп,1967, июнь —1-й заместитель командира 317-го пдп 103 вдд, участник учений «Днепр».

В 1968 году он уже командир 226-го учебного пдп — первый в ВС СССР капитан на такой должности, уже «вдогонку» ему присвоили досрочно звание майора. С 1970 года Владимир Степанович командует прославленным 108-го гв пдп (с 1972 года — бронедесантный полк). А в 1972 году— 1-й заместитель командира 76-й вдд. Затем два года учебы в Военной академии Генерального штаба и с 1975 года (по 1978) — командир 7-й гв. вдд. Про Казлу-Руду читатель уже знает. Комдив Краев в 1978 году становится лауреатом Госпремии СССР в области науки и техники — за создание спец. комплекса для подготовки ВДВ (20 отд. объектов, в том числе — аэродром 1-го класса, комплекс психологической подготовки десантников и т. д.). На этом закончилась его служба в ВДВ — Командующий Маргелов выдвинул своего генерала «расти дальше».

В 1978-80 гг. — 1-й зам — член Военного совета 1-й гв. армии Киевского Военного округа, с 1980 по 1985 годы он — командующий — Председатель Военного совета 36-й Отдельной армии в Забайкалье, затем — 1-й зам. начальника Управления боевой подготовки Главного командования войск Южного направления, г. Баку, там же он в 1987 году назначается 1-м заместителем начальника Главного штаба войск Южного направления. С февраля по апрель 1988 года генерал Краев — Военный комендант г. Сумгаит (1-й в истории СССР военный комендант в мирное время — с полномочиями единоначального административного управления). В 1988-91 гг. — 1-й заместитель начальника Главного штаба войск Западного направления, г. Легница. В 1990 году избирается делегатом XXVIII съезда КПСС.

В августе 1991 года ушел в запас, бодрость духа не потерял: найдя себя на новом поприще, стал фермером-генералом в Смоленской области. О нем был показан 40-минугный телефильм «Генерал-фермер», после чего им было получено более 500 писем со всех регионов России. На все письма им были даны обстоятельные ответы с советами, рекомендациями, семенами и приглашениями офицерам запаса получить землю, кредиты и организовать свое крестьянское дело. Люди откликнулись. Было организовано более 200 ферм-хозяйств офицерами запаса в Велижском районе Смоленской области, где Краев был избран главой администрации. С июня 1992 года почти год был начальником Департамента агропромышленного комплекса (министр сельского хозяйства) Смоленской области. Но не все сложилось, как хотелось, и с июня 1993-го по октябрь 98-го Владимир Степанович опять

фермер — личным трудом обеспечивал картофелем и овощами атомный подводный крейсер «Смоленск» и военно-морской госпиталь Северного Флота.

С ноября 1998 года генерал Краев преподает историю военного искусства в Военном университете войсковой ПВО МО РФ в Смоленске. Постоянно проживает в селе Гусино, Краснинского района Смоленской области. Его жена Лилия Павловна — врач, у них дочь, двое сыновей-офицеров и три внука (пока).

Владимир Степанович охотно откликнулся на призыв написать воспоминания о Командующем Маргелове. К уже написанному хочется добавить еще несколько его жизненных зарисовок.

5 июля 1965 года двенадцать выпускников Академии им. Фрунзе были приглашены на Матросскую Тишину (улица, которая завоевала широкую известность, особенно в последнее время, из-за находящейся там тюрьмы) в кабинет Командующего ВДВ генерал-полковника В.Ф. Маргелова для назначения на должности в войска. Краеву Владимиру Степановичу, 27-семилетнему офицеру, впервые пришлось увидеть, как он вспоминал более чем через 35 лет, «живую легенду».

Василий Филиппович сидел за своим служебным столом в рубашке без галстука, с засученными по локоть рукавами, верхние пуговицы ворота были расстегнуты, открывая на груди морскую тельняшку. Рядом за приставленным столом сидел начальник отдела кадров ВДВ полковник Григорьев И.И., перед которым лежала стопка личных дел офицеров-выпускников.

Напротив стола Командующего стояли два ряда стульев, где было предложено разместиться офицерам. Краев оказался в первом ряду.

Чувствовали себя выпускники от чрезмерного волнения и легкого зноя крайне скованно, по их спинам струился пот. Командующий, понимая их состояние, разрешил офицерам курить. По тем временам это было неслыханной вольностью и, естественно, никто из офицеров не последовал его разрешению. Удивившись Василий Филиппович спросил:

— Может у вас папирос нет?

Офицеры промолчали. Истолковав их молчание по своему, Командующий обратился к начальнику отдела кадров:

— Григорьев, дай им папирос.

Тот вскочил и смущенно ответил:

— Товарищ Командующий, ведь я же не курю

Посмотрев на него лукавым взглядом, Василий Филиппович произнес потрясшую офицеров фразу:

— У хорошего подхалима в кармане всегда есть бутылка водки и пачка гондонов, а у тебя даже папирос нет! Дай им мой «Беломор», и пододвинул к нему лежавшую на столе початую пачку папирос «Беломорканал».

От такого начала беседы скованность приглашенных мгновенно улетучилась, и с каждым из них начался откровенный диалог о предстоящем назначении.

Первым, к кому обратился Командующий, был майор Соколов А.А., старшина академического полукурса, единственный из присутствавших выпускников, поступивший в академию с должности командира батальона. Василий Филиппович знал его еще по службе на Дальнем Востоке.

— Соколов, — обратился к нему Командующий, — ты у меня спланирован начальником штаба полка. Согласен?

— Не согласен, — ответил Алексей, — я никогда не был штабной крысой, мое место — поле, полигон, боевая подготовка. Прошу назначить заместителем командира полка.

Василий Филиппович, выслушав его с некоторым удивлением, произнес:

— Ну и дурак же ты, Соколов. Ты знаешь что такое умный начальник штаба? В начале 1944 года я командовал стрелковой дивизией под Херсоном. После успешного форсирования Днепра, я, естественно, отметил со своими боевыми товарищами это событие. Пока трое

суток я с десантом — разведчиками полка — находился на вражеском берегу, обеспечивая переправу первого полка, руководство боевыми действиями дивизии мне пришлось осуществлять по радиосредствам через своего начальника штаба. Дивизия с ходу овладела Херсоном, а вскоре я получил Героя. Вот что такое умный начальник штаба. Ты понял, Соколов? Кстати, в 1943 году был я и начальником штаба дивизии.

— Вот поэтому и не хочу, товарищ Командующий, — ответил майор.

— Ну и напрасно, — рассмеялся Командующий, — но насильно назначать не буду. Пойдешь заместителем командира полка в Псков, в мою родную дивизию.

Через полтора года после этого разговора в кабинете Командующего Алексей Анатольевич Соколов был назначен командиром 108-го гвардейского парашютно-десантного полка.

Через пару выпускников дошла очередь и до Краева. Взяв в руки личное дело офицера, с которым, как позже в ходе разговора тот убедился, Василий Филиппович предварительно был знаком, Командующий обратился к нему:

— Ну, а ты, соплячок, почему отказался от должности командира танкового батальона в Германии (была в советские времена такая Группа Советских войск в Германии— ГСВГ, служба в ней считалась весьма престижной), или тебе сразу полк подавай?

Офицер несколько смутился, но твердо ответил, что желает служить только в Воздушно-десантных войсках.

— Похвально, — отметил Командующий, — но поскольку до академии ты служил в училище, пойдешь командиром курсантского батальона в наше Рязанское училище, это будет похлеще твоего общевойскового.

Однако Краев ответил, что опыт работы с курсантами он уже приобрел, а вот опыта работы в войсках у него нет, а потому попросил назначения заместителем командира парашютно-десантного батальона в любую из дивизий.

— Мало просишь, — сказал Командующий, — но коль так ставишь вопрос, пойдешь командиром батальона в учебный полк, в Череху, есть там у меня солдатская десантная академия.

В.С. Краев с благодарностью согласился. Это был первый случай в войсках, когда на подполковничью должность был назначен 27-летний капитан. Генерал-лейтенант Краев Владимир Степанович вспоминает, что отеческое обращение к нему словом «соплячок» Василий Филиппович сохранил и спустя десять лет, когда Краев уже командовал дивизией в генеральском звании, и в душе он гордился таким к нему обращением.

Спустя почти полтора года, в ноябре 1966 года, состоялась вторая встреча командира учебного батальона капитана Краева с Командующим Маргеловым В.Ф. Случилась она при весьма необычных обстоятельствах. По окончании учебного года в войсках, на базе 76-й вдд в Пскове под руководством Командующего проходили сборы руководящего состава ВДВ.

К этому времени в учебном полку Псковской дивизии состоялся очередной выпуск курсантов. Батальон капитана Краева занял в полку первое место. Учебным полком командовал тогда Андрей Иванович Шулинин, участник Великой Отечественной войны, дослужившийся от рядового солдата до полковника без военной академии. Все его заместители и командиры батальонов были в звании подполковника, а Краев В.С. оставался капитанам и являлся единственным в полку офицером с высшим военным образованием. Первый заместитель командира полка был назначен на вышестоящую должность с повышением, но его должность пока оставалась в полку вакантной. В полку знали, что на эту должность командир полка представил командира первого батальона подполковника Гладкова Н.В., его кандидатуру поддержал и командир дивизии генерал-майор Халилов С.Х.

В последний день проведения сборов в Псков к Командующему были вызваны офицеры Шулинин. и Гладков. Был субботний день, капитан Краев находился дома, когда после обеда к нему прибежал посыльный и передал, что его срочно вызывают в штаб полка. Через 15 минут он уже был в кабинете начальника штаба, который передал ему приказание прибыть к 16 часам в Псков в штаб авиационной эскадрильи, где Командующий подводил

итоги сборов перед руководящим составом войск.

До назначенного времени прибытия оставалось 30 минут, а расстояние до места составляло не менее 20 километров. Комбат попросил машину, но начальник штаба в резкой форме отказал: «Доберетесь на попутной, не маленький!» В результате к месту подведения итогов капитан опоздал на целый час. Подходя к залу, он встретил своего командира полка, который сказал, что его вызвали по ошибке, и он может возвращаться в Череху. Но тут из зала вышел полковник Григорьев и, увидев Краева, потребовал никуда не уезжать без его разрешения. Тот остался ждать. В зал стали по одному приглашать офицеров, кандидатов на новые назначения на вышестоящие должности. Вот с сияющей улыбкой вышел вышеупомянутый подполковник Соколов. Увидев Краева, он сказал: «Можешь поздравить — иду на 108-й полк!» Владимир Степанович его искренне поздравил с высоким назначением. Пригласили командира учебного полка полковника Шулинин, а минут через 15 пригласили и капитана Краева.

За столом вместе с Командующим сидели его первый заместитель генерал-лейтенант Сорокин М.И., справа от него, слева — начальник штаба ВДВ генерал-майор Громов И.И… Также в зале находились начальник отдела кадров ВДВ Григорьев, командиры 44-й и 76-й дивизий генерал-майоры Халилов С.Х. и Ометов В.И., а также Шулинин.

Выслушав доклад капитана о прибытии, Командующий ошарашил его фразой: «Так ты, что же, соплячок, подводишь меня? Батальон развалил, с командиром полка ведешь себя вызывающе, за что заслушивался на парткоме полка. Тебя надо снимать с должности… Ну-ка, объясни, в чем дело?»

Взяв себя в руки после столь обескураживающего начала, комбат сказал:

— Товарищ Командующий, Вас кто-то ввел в заблуждение. Батальон, которым я командую, по итогам года занял первое место в полку, что зафиксировано в акте выпускной экзаменационной комиссии, назначенной Вашим приказом, под председательством офицера штаба ВДВ полковника Родионова. Мои отношения с командиром полка носят сугубо служебный характер и никогда не переходят границы субординации и военного этикета, а что касается вызова меня на заседание парткома полка, то я уже больше года как избран членом этого парткома, в моем присутствии меня никто и никогда не разбирал, а делать это заочно запрещено партийным Уставом.

Выслушав его очень внимательно, Василий Филиппович обратился к командиру учебного полка:

— Что вы скажете по этому поводу, товарищ Шулинин?

Слегка побледнев, поднялся командир полка, где служил В.С.Краев.

— Действительно, — сказал Андрей Иванович, — батальон Краева занял первое место в полку. Летом батальон сдал экзамены на «отлично», а сейчас — только на «хорошо». Следовательно, результаты снизились. Потом он слишком молод и горяч, на критику реагирует болезненно. А что касается парткома, то замполит только планирует пригласить его на партком.

Когда Шулинин замолчал, Командующий обратился к присутствующим:

— Ну, так что будем делать с этим строптивым капитаном?

Подал реплику генерал-лейтенант Сорокин М.И.:

— Есть предложение назначить капитана Краева первым заместителем к полковнику Шулинину. Я Краева знаю как достойного офицера с 1958 года. Он начинал офицерскую службу у меня в дивизии на Дальнем Востоке».

— Возражения есть? — спросил Командующий. Все промолчали.

— Так и порешим, — подвел итог Василий Филиппович, — вот Вам, товарищ Шулинин, первый заместитель. Любить можете, не любить, но своим доверием — жалуйте.

Через полтора года, в апреле 1968 года, Владимир Степанович был назначен командиром учебного полка вместо Андрея Ивановича Шулинина, назначенного с повышением в 98-ю гвардейскую вдд.

Из записок генерал-лейтенанта Краева В.С.: *«Василий Филиппович Маргелов, пожалуй, первым в Советских Вооруженных Силах стал без колебания доверять ответственные должности в войсках молодым офицерам, преодолевая кадровую рутину, борясь с протекционизмом и беря на себя ответственность за принимаемые смелые и даже рискованные кадровые решения».*

В августе 1968 года полк, которым командовал В.С. Краев, посетил тогдашний начальник Главного политического управления генерал армии Епишев АА. Ознакомившись с полком, он выразил глубокое удовлетворение новыми формами морально-психологической подготовки, которые новаторскими методами внедрял Василий Филиппович в учебную практику войск. Это и стрельба по «живым» танкам из противотанковых средств, и обкатка танками гвардейцев, и преодоление огневой полосы под реальным пулеметным огнем, это и прыжки с парашютом с предельно малых высот, в том числе, на воду, и форсирование водных преград на подручных средствах. Да и много других учебно-боевых новинок было продемонстрировано «главному комиссару» Вооруженных Сил СССР, как называл его Командующий Маргелов.

Прощаясь на Псковском аэродроме, генерал армии Епишев поинтересовался, сколько лет командиру полка.

— Идет 31-й год», — ответил Владимир Степанович.

— Молодец Маргелов, — воскликнул «главный комиссар», — не боится выдвигать молодых».

Через два месяца, накануне празднования 50-летнего юбилея ВЛКСМ, Епишев вспомнил о понравившемся ему командире полка Краеве. Владимира Степановича вызвали в Москву в качестве одного из кандидатов, которому должны были поручить огласить приветствие Вооруженных Сил на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ в Кремлевском дворце съездов 25 октября в присутствии Генерального секретаря ЦК КПСС и членов Политбюро. После почти десятидневной тщательной проверки кандидатуры Краева, ему было поручено это чрезвычайно важное по тем временам дело.

На вечернем заседании торжественного пленума, за несколько минут до выхода на сцену КДС делегации Вооруженных Сил, к Краеву подошли двое представительных мужчин в штатском и предупредили его о том, что после окончания оглашения текста приветствия, он должен вручить текст не товарищу Брежневу, а председательствующему на этом заседании секретарю ЦК ВЛКСМ Камшалову А.И., так как Вооруженные Силы приветствуют не партию, а комсомол в связи с его 50-летним юбилеем. Владимир Степанович признал этот совет логичным и убедительным.

Когда приветствие было оглашено и весь зал стоя стал аплодировать военной делегации, Краев, повернувшись в сторону стола президиума, увидел, что первый ряд президиума еще сидит. Когда он уже сделал два шага к столу, первым стал подниматься Брежнев, а за ним и другие члены Политбюро. Когда же командир полка вплотную подошел к столу президиума, Генеральный секретарь начал протягивать руки, чтобы принять текст приветствия, Камшалов в это время стоя аплодировал. После секундного замешательства Краев протянул папку с приветствием мимо рук Брежнева в руки Камшалову. На лице Брежнева промелькнуло явное недоумение, легендарные брови его взлетели на лоб, но в это время ракетчики вручили ему макет позолоченной ракеты, десантники вручили Косыгину скульптурную композицию ВДВ, моряки вручили Подгорному макет атомной подводной лодки «Комсомолец» (к тому времени еще не затонувшей), а сухопутчики вручили Суслову макет танка. В зале еще в течение 3–5 минут не смолкала овация, но этот эпизод с вручением папки мимо рук Брежнева не остался незамеченным.

Вскоре в ходе заседания был объявлен перерыв. Через несколько минут Краева разыскал один из офицеров, комсомольских работников, и передал, что в фойе его ждет генерал армии Маргелов.

Краев, подойдя к нему, прочитал на его лицо не просто гнев, а настоящее бешенство. Командующий спросил:

— Ты почему поставил в неловкое положение Генсека, ведь теле трансляция идет и по «Евровидению» и по «Интервидению»?

Владимир Степанович ответил, что так предусмотрено процедурой, об этом он был строго предупрежден перед выходом на сцену.

— Наплевать на это «НКВД», надо было ориентироваться по ситуации. Ведь ты же — десантник, где твоя находчивость?

Комполка попытался объяснить, что он военный человек, а не дипломат, и для него дисциплина важнее чьих-то эмоций. Не дослушав его Василий Филиппович сказал:

— Да, пожалуй, ты и прав, мало ли что взбредет в голову этим вождям.

На этом инцидент был исчерпан, но очередное звание «подполковник» В.С. Краев получил через полтора года — только в феврале 1970-го, откомандовав развернутым полком в майорском звании почти два года.

> ***Из записок генерал-лейтенанта Краева В.С.:*** *«Позже, осмысливая происшедшее на том комсомольском юбилее, я понял, Василий Филиппович всегда был отцом для солдата, но не всегда слепо служил царям».*

Герой России ЩЕРБАКОВ Леонид Иванович в ВДВ начал службу старшим инженером Научно-технического комитета, закончил — Начальником Бронетанковой службы войск. Затем после окончания Военной академии Генерального штаба (ВА ГШ), он служил на ответственных должностях в ВС МО СССР, был уволен в запас в мае 1992 года с должности генерал-инспектора техники и вооружения Главной инспекции Министерства обороны в звании генерал-лейтенанта.

Родился Леонид Иванович 12 декабря 1936 года в Славяногорске Донецкой области в семье военнослужащего. Его отец, капитан пограничник, встретил Великую Отечественную войну на границе с Польшей, погиб в апреле 1943 года. Леонид рос без отца, рано повзрослев, помогал дома, а закончив среднюю школу, поступил в Киевское танково-техническое училище. Училище он закончил по первому разряду, был занесен на Доску почета учебного заведения. После выпуска служил заместителем командира танковой роты по технической части в 14-й танковой дивизии на Северном Кавказе в Ростовской области. Затем был назначен заместителем командира разведывательного батальона по технической части, откуда в 1963 году был направлен Военную академию бронетанковых войск.

По окончании академии в 1968 году, влюбленный в технику офицер был направлен в НИИ Танковых войск в подмосковную Кубинку, где, будучи инженером-испытателем, испытывал боевую машину десантную БМД-1 во всех климатических зонах — от пустынь Средней Азии до Шпицбергена, от Забайкалья до Украины. Испытания завершались в ВДВ на базе 44-й учебной дивизии, где были запланированы десантирования боевых машин. Там Леонид Иванович принял к исполнению указание Командующего совершить парашютный прыжок. Хотя над ним «шефствовал» опытный спортсмен-парашютист В.С.Краев, Щербакову не повезло — сломал ногу. Так с загипсованной ногой, разукрашенной автографами десантников, он предстал перед Командующим.

— Ну что, допрыгался? — суровый и испытывающий взгляд.

— Допрыгался, — а что можно ответить иное? вспоминал Леонид Иванович ту памятную встречу.

— Забираю в десант. Такие мне нужны, — принял решение Маргелов. Василий Филипповичу понравился бесстрашный танкист, к тому же в совершенстве знающий БМД-1. Маргелов обратился к своему другу маршалу бронетанковых войск А.Х.Бабаджаняну, в подчинении которого находился институт в Кубинке:

— Амазасп Хачатурович, отдай мне Щербакова, а я тебе литовских девок пришлю.

Маршал, такой же юморист, как Командующий, нехотя согласился — кому охота отдавать грамотного офицера — «но только на указанных условиях».

С января 1973 года Леонид Иванович — старший инженер НТК ВДВ по

автобронетанковой технике. С первых же дней в ВДВ он активно включился в выполнение требований Командующего по модернизации и перевооружение БМД-1. Его труд без сна и отдыха по установке на боевые машины нового противотанкового управляемого комплекса «Конкурс» вместо имеющейся «Малютки», когда он личным примером заставлял представителей промышленности работать в ударном темпе, был отмечен Василием Филипповичем. Он убедился, что не ошибся в майоре-танкисте. Когда встал вопрос об экспериментальном десантировании в системе «Реактавр», Леонид Иванович, не задумываясь вызвался добровольцем. Вместе с сыном Командующего Александром они сначала десантировались в КСД, а 23 января 1976 года пробил их «звездный час» — под гром сработавшей реактивной системы с максимальными ударными перегрузками при приземлении, которые им «подарила» укатанная ледяная дорога, ударились, как говорят десантники, об землю. Что было дальше, описано в предыдущих главах. А подполковник Щербаков в 1977 году был назначен Начальником БТС ВДВ, где продолжал с еще большей отдачей заниматься вопросами оснащения войск бронетанковой техникой и переводом на ее базу всего вооружения и спецсредств десантников.

Дальше вспоминает Л.И.Щербаков. «Прошло время, мой однокашник по Академии БТВ Александр Галкин (ушел из жизни в начале 2002 года в звании генерал-полковник), первый из «технарей», по рекомендации маршала Устинова поступивший в академию Генштаба, подсказал мне, чтобы я тоже писал рапорт в академию. Написал два рапорта — на отпуск и на учебу. Доложил Маргелову. Он прочитал, помолчал и дал команду выполнить десять раз подъем переворотом. В кабинете на спорткомплексе самого Маргелова я выполнил только восемь и получил отсрочку отпуска. Начмед Я.Гуревич посокрушался и пообещал продлить срок путевки. А мне пришлось «качаться». Через неделю снова с рапортами у Командующего. Десятку выполнил, получил отпуск, а на рапорте на учебу в академию Генштаба Маргелов изобразил «мужское достоинство» и расписался. Это означало отказ. Только позже с должности начальника бронетанковой службы ВДВ Маргелов благословил меня в академию». Может быть, Леонид Иванович не знал, но тогда в ВА ГШ брали слушателей не старше 42-х лет, естественно, с соответствующей должности. Так что Командующему при всем его авторитете потребовалось время, чтобы получить положительное решение.

После академии ГШ Щербаков был назначен заместителем командующего Северо-Кавказского ВО по вооружению. В декабре 1981 года он получил свое первое генеральское звание, а в октябре 1983-го — он уже заместитель Главкома ГСВГ по вооружению. Но тут случился неприятный эпизод, к которому Леонид Иванович никакого отношения не имел: в наш танк на железнодорожном переезде врезался немецкий поезд. Руководители Группы войск понесли наказание, а генерала Щербакова в марте 1988 года отправили в его СКВО на ту же должность, которую он там занимал раньше. Все-таки, будучи в Москве, он доказал министру обороны Маршалу Советского Союза Язову свою непричастность к инциденту. Министр согласился с его доводами, но полгода еще пришлось генералу походить с «неполным служебным несоответствием». Зато по окончании срока наказания Леониду Ивановичу было сразу присвоено звание генерал-лейтенант с поздравлением от министра обороны. В День Победы в 2001 году они встретились на торжествах по случаю праздника. Вспоминая минувшие дела, маршал вдруг сказал:

— Если бы это произошло сейчас, наградил бы тебя высшим орденом.

— Это почему? — удивился Щербаков.

— Так эти немцы требуют 30 миллиардов долларов за, якобы, нанесенный нашими войсками ущерб их экологии!

В конце 1989 года Леонид Иванович был назначен генерал-инспектором техники и вооружения в Главную инспекцию Минобороны. Но после злосчастной неудачи ГКЧП Главная инспекция была распущена как поддержавшая «заговор силовиков». Кстати, по ошибке — в поддержку ГКЧП выступила Генеральная инспекция при министре обороны. В мае генерал-лейтенант Щербаков был уволен в запас. Не сдержал своего обещания помочь

ему новый министр обороны, свой «брат-десантник» П.С.Грачев.

Сейчас Леонид Иванович трудится на ответственном посту в НИИ Стали в должности заместителя генерального директора, помогая нашей оборонной промышленности выжить и сохранить свои передовые технологии в сегодняшние тяжелые времена. Его внук Николай закончил Московское Суворовское военное училище, теперь учится в Академии МВД. В общем, пошел по стопам деда…

Свое отношение к Командующему ВДВ В.Ф.Маргелову генерал Щербаков душевно, по сыновьи выразил в своей записи в Книге памяти, приведенной ранее. В своих статьях в газетах и журналах Леонид Иванович всегда с теплым чувством добрыми словами вспоминает своего Командующего. Чтобы все так помнили доброе к ним отношение!

ЗУЕВ Леонид Гаврилович в ВДВ начал службу капитаном, начальником парашютно-десантной службы в одной из воздушно-десантных частей. Закончил службу в должности заместителя командира 106-й гв. вдд в звании полковника.

Родился Леонид Гаврилович 17 февраля 1932 года на юге России в Ставропольском крае. С детства познал он физический труд, закаливший его и приучивший к ответственности. В 1947 году, закончив семь классов, пошел работать слесарем на Свистухинскую ГЭС. Будучи призванным в армию, решил связать свою судьбу с воинской службой. Поступил в училище МВД в Орджоникидзе (ныне Владикавказ). В 1953 году в звании лейтенанта был направлен в Управление МВД Фрунзенской области, откуда позже был направлен в строительные войска.

В 1961 году на Всеармейском совещании комсомольских работников капитан Леонид Зуев познакомился с Командующим ВДВ генерал-лейтенантом В.Ф.Маргеловым. Капитан рассказал о своей увлеченности парашютным спортом, о своей спортивной парашютной команде. Герой Советского Союза генерал Маргелов оценил крепко скроенного спортсмена-энтузиаста и, конечно же, удовлетворил его просьбу служить в ВДВ. Должность начальника ПДС части, с которой он начал службу в десанте, как никакая другая способствовала дальнейшим занятиям парашютным спортом. Здесь Леонид задумал рискованный эксперимент, который мог закончиться трагически. С 1968 года спортсмены-парашютисты стали демонстрировать буксировку на тросе за самолетом, во время которой они показывали различные акробатические фигуры. Первым здесь был известный спортсмен В.Жариков. «В Учебном центре под Рязанью собрались офицеры дружественных армий стран Варшавского Договора и спортсмены-парашютисты Вооруженных Сил, — вспоминал Леонид Гаврилович. — Я задумал провести следующий маневр. Предупредил летчиков, чтобы они на малой высоте увеличили скорость, снял запасной парашют и на высоте всего в 100 метров, когда самолет шел над парашютодромом, отцепился от буксира и раскрыл парашют. Правда, оказалось, что высота была всего-то 70 метров, и купол парашюта едва успел наполниться перед самой землей. Все прошло благополучно. А мои кумиры Командующий ВДВ Маргелов и его заместитель генерал Лисов, присутствовавшие на показе среди других военачальников, после приземления поздравили меня с уникальным экспериментом, а заместитель министра обороны С.Л.Соколов вручил мне позолоченные часы».

В 1963 году Леониду Зуеву было присвоено звание мастера спорта СССР по парашютному спорту, в это время он уже возглавлял команду спортсменов-парашютистов 44-й учебной вдд. В одном только 1965 году он совершил 210 прыжков с парашютом! И это с учетом исполнения его основных служебных обязанностей. Пользуясь близостью к городу Каунасу, Леонид Гаврилович поступил в Каунасский политехнический институт. По окончании института ему выписали диплом с учетом «местного колорита» на фамилию Зуевус, над чем друзья весело подтрунировали. Позже Зуева назначили преподавателем кафедры воздушно-десантной подготовки в Рязанское Воздушно-десантное училище. Здесь он продолжал свою рационализаторскую работу по конструированию тренажеров для предпрыжковой тренировки и выполнению парашютных прыжков, зажигая своими идеями

курсантов.

О его смелых экспериментах по подготовке личного состава для десантирования внутри боевой машины и личном участии в первом экспериментальном десантировании в системе «Кентавр» рассказано в предыдущих главах. Памятью об этом уникальном эксперименте являются орден Красной Звезды и золотые часы с краткой надписью «За мужество». Звание полковник в последующем он также получил за «Кентавра».

В том же 1973 году ему выпало тяжкое испытание — во время работы на тренажере (а служил он в то время в артиллерийском полку Псковской дивизии) упал Леонид Гаврилович с высоты шести метров, да еще «нашел» при падении виском металлический штырь, торчащий из земли. Ему сделана операция на черепе, состояние его было очень тяжелым. Медики сокрушенно качали головами: не выживет. Однако навестивший его в госпитале капитан Маргелов нашел своего «дядю-побратима» в прекрасном состоянии духа — Леонид не думал сдаваться. Об этом было доложено Маргелову-старшему, который и сам вскоре навестил несгибаемого парашютиста-десантника. Вопреки приговору врачей Зуев выздоровел, пролежав два месяца в госпитале, и вернулся в строй. Несмотря на письменный приказ, запрещающий ему совершать парашютные прыжки, Леонид всякими правдами и неправдами сразу совершил два пробных прыжка. А потом, до завершения службы в ВДВ, еще 200 прыжков!

Но беда не приходит одна. Его старший сын Юрий, курсант родного Рязанского училища ВДВ, приехав весной 1978 года в Тулу в отпуск к родителям, трагически погиб при совершении парашютного прыжка.

Все это тяжело сказалось на состоянии здоровья полковника Л.Г.Зуева. Вскоре он ушел в отставку, отдав Вооруженным Силам 28 лет жизни. Но и, уйдя в отставку, Леонид Гаврилович еще 19 лет продолжал работать: сначала готовя парашютистов в областном ДОСААФе, а потом военруком в школе, где удостоился почетной награды — знака «Отличник просвещения РСФСР».

Радостной и трогательной была встреча членов экипажа первого «Кентавра» полковников Зуева и Маргелова в день 70-летия Леонида Гавриловича. Несмотря на все невзгоды и болезни седой ветеран уверенно возглавлял праздничный стол, вокруг которого собрались такие же ветераны-десантники и их близкие. Младший сын юбиляра Сергей, сам уже капитан запаса МВД, с женой Тамарой и двумя их сыновьями помогали отцу и деду. Старший из внуков, десятиклассник Алексей, мечтает пойти по стопам деда и дяди Юры — стать десантником. Младший Илья — еще дошкольник, но уже имеет желание стать пожарным. Жаль уже пять лет, как нет с ними красавицы-супруги Леонида Аллы Петровны, безропотно делившей с мужем все неурядицы, связанные с воинской службой, выхаживавшей своего десантника после тяжелой травмы…

За столом Леонид Гаврилович первое слово произнес за своего любимого Командующего генерала армии Василия Филипповича Маргелова, память о котором свято сохраняется им и его потомками.

А теперь сыновья В.Ф.Маргелова Александр и Василий расскажут нашим читателям о малоизвестном и трогательном событии в жизни их отца — последнем десантном параде, который устроили для своего Бати по собственной инициативе его «десантные сынки» 2 августа 1986 года.

Последнее время боевой генерал, согласившись на уговоры врачей, периодически лечился в госпитале им. Бурденко. Раны, полученные им в ходе пяти войн и военных компаний, давали о себе знать все больше и больше. На сей раз ему требовалось срочное оперативное вмешательство.

По достижении 70-летнего возраста генерал армии Маргелов В.Ф. продолжил службу в Генеральной инспекции при министре обороны СССР, продолжая отдавать все свои знания и энергию любимым войскам, которыми он командовал почти четверть века. Возглавляя

Воздушно-десантные войска, Командующий всячески избегал лечебные заведения и никогда не жаловался на здоровье. Для него всегда было пыткой отдыхать на курорте, которую, к большому неудовольствию супруги, он едва мог выдержать более двух недель. Остальную часть отпуска он, как правило, проводил в какой-либо из вверенных ему дивизий, совмещая работу с охотой или рыбалкой. Выбор объекта для продолжения отдыха бывал спонтанным, и нерадивые командиры боялись отпускного сезона Командующего больше плановых проверок.

Перестав быть Командующим, генерал армии очень переживал, что не успел дослужить в своих войсках каких-то полгода до 50-летнего юбилея ВДВ, которые при нем превратились в самые отборные, овеянные романтикой постоянного подвига, неустрашимые войска. Он по праву гордился ими и готов был перейти в Генеральную инспекцию, приняв последний парад «продуваемых всеми ветрами войск» в год их юбилея. Однако жизнь распорядилась по-иному…

С очень большой неохотой дал согласие на хирургическую операцию боевой ветеран — во время войны он получил ранение в горло, и вот теперь эта рана дала о себе знать. После этой операции Василий Филиппович не мог более разговаривать в полный голос. А что такое разговаривать только шепотом для командира-героя, который привык командовать громким голосом «В атаку!» на поле боя, а в мирное время любившего и хорошую песню спеть и стихотворение продекламировать? Короче, грустно стало генералу.

Но родные, ветераны и друзья практически ни одного дня не давали ему почувствовать одиночество. Особенно это проявлялось в дни праздников и различных памятных событий. От командования войск до отслуживших срочную службу десантников — все считали своим долгом навестить своего командира и Командующего (так по старой памяти и в знак высокого уважения называли его соратники по духу и по совместной службе). Они подробно рассказывали о боевых буднях войск, хотели услышать его мнение, просили дать совет по тому или иному вопросу. Молодые десантники, некоторые из которых находились на излечении в том же госпитале после ран, полученных ими в Афганистане, старались скрасить нелегкие для Бати дни своими рассказами о боевых действиях, делились с ним своими радостями и новостями. Даже будучи не у дел, генерал Маргелов всегда считал себя в строю. Он глубоко внимал рассказам всех без исключения своих гостей и всячески старался помочь тем, кто нуждался в его помощи.

Наиболее ярко проявили молодые десантники внимание и любовь к своему кумиру и Бате в день 56-й годовщины славных Воздушно-десантных войск. В этот памятный день 2 августа в палате убеленного сединами ветерана собрались сыновья с женами, его супруга, Анна Александровна, его боевая спутница, которая в годы войны, будучи хирургом в дивизионном медсанбате, дважды врачевала его раны и возвращала в строй здоровым. Жены сыновей под ее руководством сноровисто подготовили праздничный стол, почетное место на котором занимали малосольные огурцы, вареная рассыпчатая картошка с селедкой и квас — любимая еда Василия Филипповича, любовно приготовленная дома его супругой. Пока шли приготовления, отец принимал многочисленные поздравления от приезжавших «на пару минут» офицеров-десантников и ветеранов, которые, видя, что Командующий в этот день не остался один, спешили откланяться — ведь это был и их праздник, и их также ожидало застолье в кругу родных и близких.

В 14.00 последовала команда «К столу!» За долгие годы командования войсками у отца выработалась четкая привычка, когда дома — обедать именно в это время. Из-за частых командировок он редко бывал дома, но уж тогда обеденное время строго соблюдалось, будь то дома или на даче.

Только все «по-походному» устроились за неприспособленным к таким мероприятиям столом, как послышался робкий стук в дверь. Сидевший ближе всех к выходу порученец отца чертыхнулся, но получив, разрешение от Командующего, отворил ее. Взору присутствующих предстала пара хлопцев лет 25-ти, у которых под гражданскими пиджаками виднелись голубые тельняшки, а на головах красовались лихо заломленные на затылках

такого же цвета береты. Каждый из них крепко держал в руках по паре спелых арбузов. На их кожуре было аккуратно вырезано «ВДВ» и дата «02.08.1986». Отец приглашающе кивнул им, и ребята, сделав по два шага вперед, сложили возле стола свои подарки и четко представились, назвав свои имена, номера десантных частей и мест, где они проходили службу. После этого они от всей души поздравили своего десантного Батю и всех присутствовавших с Днем ВДВ. Было видно, как приятно их внимание отцу. Он пригласил «десантных сынков» опрокинуть по чарке за десант, но молодые ветераны вежливо и с достоинством отказались. Переглянувшись друг с другом, они, встав по стойке «смирно», попросили у генерала обратиться с просьбой. Отец слегка нахмурился — какие могут быть просьбы в такой день? — но согласие дал.

— Товарищ Командующий! — произнес старший из них, — просим дать указание охране госпиталя пропустить наших товарищей, которые также хотят поздравить Вас лично с праздником, но их не пропускают.

— И что, много там ваших товарищей собралось? — спросил отец.

— Да человек двести…, — ответил другой хлопец.

Василий Филиппович задумчиво посмотрел на порученца и на сына Александра. Александр понял его взгляд как команду и, решительно застегивая пуговицы своего парадного полковничьего мундира, на котором красовались начищенные к празднику боевые ордена и медали, спросил шутливо:

— Что же вы за десантники, если не можете охрану снять? Ладно, показывайте, где ваши друзья. Уверен, что с охраной мы поладим.

Пока шел этот разговор, двор наполнился каким-то непонятным шумом. Казалось, что за окном госпитальной палаты собралась большая группа людей. Отец подошел к окну и взору его представилась следующая картина — не менее двух сотен парней, одетых в гражданскую одежду нараспашку, строились буквой «П» во дворе перед окном его палаты. На каждом был тельник и берет. У большинства из пришедших на пиджаках и даже на тельняшках ярко сверкали на августовском солнце боевые награды. За их спинами громоздилась гора арбузов.

Кто-то из них заметил в окне фигуру Командующего, и тут же последовала команда: «Равняйсь! Смирно!». Впоследствии выяснилось, что молодые, но уже бывалые гвардейцы-десантники скрутили не пропускавшую их в такой день к Десантнику номер 1 охрану и силой прорвались на территорию госпиталя. Пока выполнялась команда, генерал армии Маргелов, опираясь на руку сына-полковника, вышел во двор. За ним поспешили и остальные. Легендарный «десантный маршал» и получивший к тому времени широкую известность во всем военном мире его сын Александр начали «обход войск» символического праздничного парада. Десантники встречали их криками «Ура!», которое перекатывалось от шеренги к шеренге по мере приближения к ним двух Маргеловых, наглядно олицетворявших преемственность героических поколений.

Василий Филиппович часто останавливался, здороваясь за руку с каждым из участников этого парада, и всем задавал один и тот же вопрос: Сынок, а ты за что получил свою награду? Ребята четко докладывали, где и при каких обстоятельствах получили свои боевые знаки воинской доблести. Подавляющее большинство из них были «афганцами». Но были и такие, кто называл Чехословакию или другие «горячие» точки в стране и за границей. Генерал по-отечески их благодарил и призывал не стыдиться своих подвигов, ибо свой долг они выполнили честно.

Закончив торжественный обход своих «десантных сынков», Командующий остановился перед строем и начал шепотом произносить поздравительную речь, которую вслед за ним громким голосом повторял сын Александр. На фоне звенящей тишины его голос воспринимался жадно слушающими гвардейцами как живой, настоящий голос их кумира. Родным и близким, стоявшим поодаль, также казалось, что они слышат голос отца — от волнения голос Александра стал слегка хрипловатым, как и у генерала до операции на горле. Вся эта картина выглядела очень трогательно и волнующе. Укрывшись за деревом от

посторонних глаз, порученец судорожно глотал успокоительные таблетки, вытирая украдкой слезы. Окончил свою речь Командующий призывом к бывшим воинам не допускать в сей славный день никакой «бузы» самим и удерживать других от необдуманных поступков. Ребята дружно обещали оправдать высокое доверие своего Бати и не опозорить чести ВДВ.

После этого отец со своими гостями поднялся на крыльцо палаты. Среди десантников не было ни одного офицера, но это не помешало им четко выполнить перестроение в походную колонну. По команде «Шагом марш» они торжественным строем, чеканя шаг, прошли мимо стилизованной трибуны, держа равнение на Десантника номер один.

Командующий незаметно смахнул скупую мужскую слезу, когда ребята запели его любимую песню «Варяг», а затем прозвучали десантные песни «Мы — сыны Маргелова» и «Тверже шаг, ребята». Находившиеся на излечении больные, в большинстве своем военнослужащие, и члены приехавших навестить их семей, усилили впечатление настоящего парада. Они стояли группами на всем пути следования колонны и приветственными криками выражали свое восхищение десантниками. Персонал госпиталя также высыпал на импровизированную демонстрацию в честь Дня Воздушно-десантных войск (тем более, что почти все арбузы по просьбе Командующего ребята оставили медперсоналу и их пациентам). Не забыли хлопцы и «противника» — при выходе они освободили охрану госпиталя, вручив каждому за причиненное неудобство по самому большому арбузу.

Проводив «сынков», генерал предложил нам вернуться к прерванному застолью. Хотя картошка уже и остыла, он велел наполнить стаканы, разумеется, не водой, а «Маргеловской» — смесью спирта с гранатовым соком. Когда все было готово, он слегка призадумался и сказал:

— Много раз мне приходилось принимать парады и участвовать в них. И во время учебы в военных учебных заведениях, и на площадях освобожденных Красной Армией городов на родине и за границей, и в Параде Победы 24 июня 1945 года на Красной площади, где мне выпала честь командовать сводным полком 2-го Украинского фронта — тогда я был гвардии генерал-майором, командиром 49-ой гвардейской Херсонской, ордена Суворова, Краснознаменной стрелковой дивизии, но сегодняшний парад я запомню на всю оставшуюся жизнь. Это был самый лучший парад, какой мне довелось принимать. Предлагаю выпить за День Воздушно-десантных войск и их славных представителей — надежных защитников Родины и настоящих мужчин, которые пришли сегодня меня поздравить!

Генерал армии Маргелов Василий Филиппович не дожил до 60-летнего юбилея своих любимых войск всего 4 месяца: 4 марта 1990 года он совершил свой последний прыжок — прыжок в бессмертие. Память об этом Человеке навеки осталась в названиях улиц, десантного училища в Рязани, воплощена в монументах и в художественных произведениях. Но главное — она сохранилась в сердцах настоящих маргеловцов — так по сей день с гордостью называют себя те, для кого он был и остается легендарным Десантником номер Один.

Глава 12
Фронтовой роман на полвека

Вскоре после 30 января 1993 года — даты кончины Анны Александровны, нашей матушки, мы, авторы этой книги, нашли связку пожелтевших писем. Еще в 50-е годы прошлого века, найдя эту пачку во время отпуска родителей, уехавших в санаторий, мы, юные филателисты, по неопытности вырвали с конвертов почтовые марки, совершенно не задумываясь о содержании находящихся в них писем. В молодости, вероятно, мало кто задумывается о том, что они сами и их родители смертны, что когда-нибудь останется потомкам о них только память… Да и привитая нам скромность помешала прикоснуться к чужим откровениям, пусть даже и родительским.

А жаль! Просмотрев тогда письма (в основном, отцовские), мы бы намного лучше узнали о прожитой большой жизни родителей, их радостях и заботах, об их отношении друг к другу, которые являют собой истинный пример для подражания в отношениях между любимыми. Из писем мы получили потрясающее подтверждение тому, какое верное и любящее сердце билось под гимнастеркой боевого командира в суровые годы войны, а тем более, после Победы. Как молодые сердца, несмотря на все невзгоды, жаждали любви и маленького мира на двоих, как стремились друг к другу, хотя и не так часты были их встречи, да и порой не знали они — будет ли следующая встреча… Смерть постоянно витала над ними, вырывая из строя их друзей и близких, и, может быть, именно поэтому такой яркой была их любовь, которую смогли они вместе пронести до конца дней своих. О таком крепком тыле, как была матушка для отца, и о такой крепкой опоре, как отец был для матушки, могут мечтать любой мужчина, любая женщина…

Теперь эти заветные письма, которым доверены тайны двух любящих сердец, бережно хранятся в надежном месте в домашнем Кабинете-музее В.Ф.Маргелова. То, чем авторы книги сочли возможным поделиться из писем с читателями, с душевным трепетом приведено в последующих строках. Мы приглашаем наших дорогих читателей прикоснуться через призму тех, часто в несколько строчек, писем к трудной и благородной судьбе случайно встретившихся (или не случайно сведенных Божьим промыслом). Это случилось в самом начале огненного горнила Великой Отечественной, под Ленинградом. Они были настоящими героями нашего Великого Русского народа, закалившими свои чувства в огне, в кровавых боях и самоотверженном труде во имя высшей цели — независимости сильной России!

Из всей переписки сохранилось лишь одно письмо матушки своему будущему мужу (а они поженились на фронте 9 декабря 1943 года, перед Днепровской битвой). Анна Куракина отправила его на Ленинградском фронте 23 февраля 1942 года командиру 218-го стрелкового полка 80-й стрелковой дивизии майору Василию Маргелову. Она поздравляла его с 24-й годовщиной Красной Армии и выражала надежду, что «еще много славных годовщин Красной Армии мы будем отмечать вместе». А ее пожелание «пусть наши любовь и дружба, возникшие в борьбе с фашистами, растут и крепнут и после победы над подлой немчурой» оказалось пророческим — они прошли рука об руку всю свою яркую, полнокровную жизнь.

К сожалению отец по вполне понятным причинам — беспрерывные бои, нахождение на излечении в госпиталях, учебы, командировки — не имел возможности хранить письма своей милой Аночки. Ну, а когда они были вместе, то естественно, писать было не к чему.

Что же касается писем отца своему «котику», то можно смело сказать, что путь становления супругов Маргеловых — это прямо-таки путеводитель и образец для подражания всех влюбленных душ. Те письма можно было бы издать отдельной книгой, изменив имена, и она, без сомнения, имела бы огромный успех, особенно среди молодых читателей. Приводимые отдельные выдержки из них, надеемся, полностью подтвердят наше предположение.

В перерывах между непрекращающимися боями отец очень скучал и «не мог найти себе места» без дорогой его сердцу подруги. Он писал: «Мой котик, моя дарагинюшка, я не знаю жизни без тебя, милая моя». Слово-то какое нашел — «дарагинюшка» — почти что берегинюшка, которая спасала его от ран на поле боя, а более того — своей любовью и заботой! Заканчивал же все свои письма, в основном, фразой: «Целую крепко-крепко, твой Вася». А бывало ей и доставалось в отцовских письмах «по первое число» Комиссар медсанбата, где Анна лечила раненых, как-то пожаловался отцу, что капитан Куракина его не слушает и выбегает в холод на улицу без шинели. Обеспокоенный отец ей написал: «Анка, черт ты такая! Будешь мне чудить. бегать не одевшись и не слушаться комиссара, так тебе дам, сколько влезет! Ты уж будь умницей!»

В апреле 1942 года, будучи на излечении после ранения в госпитале в Колчаново, майор Маргелов постоянно звал свою любимую Аню навестить его — ее медсанбат находился не так далеко. Но военврач Куракина работала день и ночь — слишком много

было раненых, и отец в коротких письмах заранее оправдывал ее отсутствие важными мотивами и извинял свою Аню за не частые письма. Чаще они говорили «через почту» — переговорную станцию. В письмах и телефонных разговорах они признавались, что не могут жить друг без друга. Воюя в разлуке, они утешались мыслью, что «вот улыбнется счастье, представится возможность быть вместе, что скоро настанет время, когда они смогут быть вместе и вместе работать на пользу нашей Родины и в свое удовольствие».

Отец мечтал о том времени, когда он снова «увидит свою желанную Анку», почувствует ее возле себя, увидит «ее милую детскую улыбку, курносый нос и будет целовать без конца».

Отгремела Великая Отечественная… и уже генерал-майор, герой Советского Союза В.Ф.Маргелов становится слушателем Высшей Военной академии имени К.Е.Ворошилова. С января 1946 по февраль 1948 сохранилось более 30 писем, написанных отцом за время учебы в академии своей супруге в город Кишинев, где она работала и воспитывала своих близнецов Сашу и Васю, родившихся в октябре 1945 года. В этом ей помогали сестра Вера и няня — молдаванка Ирина.

Слушателю академии нелегко было после жаркой боевой обстановки привыкать к учебному столу. Жил он в общежитии (в целях экономии), комната на восемь человек в гостинице УДК. Жилище «академиков» отапливалось плохо. С продуктами также было трудно, как и во всей стране, зато клопов было — хоть отбавляй! Все это не могло не сказаться на здоровье слушателей, учитывая большую напряженность учебного процесса. Зная об этом, Анна Александровна посылала мужу с нередкой оказией продуктовые посылочки, отрывая порой от себя и детей лакомые кусочки.

13 мая 1946 года, получив посылку, Василий Филиппович писал: ««Моя милая славная Аночка … Твою посылочку получил, благодарю, конечно. Мои товарищи-генералы, которых ты знаешь, откушав твоих подарков, просили передать тебе большое спасибо».

В другом письме он сообщает, что у них ощущается недостаток в верхних костюмах, особенно в кителях, так как в академии приказано ходить в кителе и в галифе. Также он с гордостью сообщает, что «хоть разорился, но достал своей дороженьке отрезы на два пальто, думаю, что понравится». Позже выяснилось — понравилось!

В отцовских письмах постоянно выражается забота о здоровье Аночки, и он часто просит ее бросить курить (привычка эта появилась во время занятий в институтском морге — научила подруга как перебить неприятный запах формалина) и больше есть, чтобы поправить фигуру. Ни в одном из писем он не забывал попросить поцеловать за него своих «гвардейцев» — сынов (как он всегда писал вместо «сыновей») Сашку и Ваську и пожелать им здоровья. А накануне первого года со дня их рождения (в 1946 году) отец просит маму, чтобы она в случае задержки его телеграммы ко дню рождения близнецов, «выпила за него два раза по 100 грамм и пожелала им от его имени здоровья, и чтобы они были верными сынами нашей Родины. Чтобы они росли на радость своих родителей и под старость стали им опорой». В конце письма отец просил: «Поцелуй их крепко и поговори с ними по душам (!) — по видимому, ты их разговор уже научилась понимать, а когда им исполнится год, сфотографируй их и пришли мне фото».

Что касается праздников, то отец поздравлял Аночку только с Днем 1-го Мая и всегда ей желал, чтобы она была «здоровенькая и расцветала так, как все в мае цветет», а также, чтобы «не выдумывала себе всякие заботы, а больше кушала и поправлялась и чтобы была как огурчик». Много позже близнецы не раз слышали от отца, когда он бывал в особенно хорошем настроении, а они находились рядом, — «хлопцы — молодцы, как соленые огурцы!»

В августе 1947 года отец получил отпуск — впервые за время совместной жизни, который они с женой решили провести в санатории в Кисловодске. Тут у генерала возникла проблема — где взять соответствующий костюм для отдыха? Хотел поехать в гражданском,

но после долгих бесплодных поисков вынужден был ехать в военной форме. Но свою любимую Аночку он настоятельно попросил экипироваться как можно шикарнее, чтобы «выглядеть настоящей генеральшей», — как советовал он ей в одном из своих писем накануне отпуска. По фотографии, где они изображены у «Водопада слез», самодеятельный художник написал картину, которая хранится дома, в Кабинете-музее — отец в генеральской форме, со Звездой Героя, матушка — в костюмчике, как будто собралась в театр. Так теперь на курорты не ездят…

Отпуск пролетел незаметно, и вот слушатель выпускного курса с новыми силами принялся за учебу. Чтобы никто не мешал заниматься, он временно поселился на квартире знакомых супруги — Барсуковых. В то время еще был жив глава семьи — известный математик, по чьим учебникам алгебры училось много поколений студентов, а его супруга Александра Иосифовна, уже став вдовой, до самой своей кончины была желанной гостьей Маргеловых, несколько сезонов в летний период жила у них на даче во Внуково.

22 октября 1947 года в Москве выпал первый снег, а в апреле 1948-го стояли сильные морозы. Все это, как отмечал в своих письмах отец, только способствовало учебе и подготовке к экзаменам, так как начисто отсутствовали отвлекающие факторы…

К началу мая 1948 года генерал Маргелов окончил академию и, получив назначение в Псковскую воздушно-десантную дивизию, уже 8 мая выехал на новое место службы. Туда же вскоре прибыла его дараженькая Аночка с близнецами. Конечно, на первых порах были проблемы с квартирой — ее дали комдиву только в августе. Но все квартирные неурядицы, налаживание жизни на новом месте, по словам отца, были сущими пустяками, ибо Аночка была рядом, чтобы не расставаться теперь всю жизнь, не считая командировок.

В августе 1953 года, будучи командиром воздушно-десантного корпуса, генерал Маргелов был вызван в Москву, откуда прислал последнее письмо своей Аночке (после этого писать письма не было необходимости — они теперь были рядом). Отец скупо сообщал, что ему присвоено воинское звание «генерал-лейтенант», что скоро решится вопрос о его новом назначении и, вероятно, придется жить в Москве.

Даже то немногое, что приведено здесь из писем родителей, в достаточной мере показывает их взаимные, уважительные чувства, проверенные долгими и непредсказуемыми дорогами в годы войны, которые они прошли вместе от Ленинграда до Вены. А в дальнейшем — переездами на новые места службы — из одного конца Союза в другой, пока не обосновались в Москве. Но и в Москве жизнь была достаточно напряженная, «черно-белая, как зебра» — все в ней было: и хорошее и плохое.

Но всё они с честью перенесли благодаря самоотверженной заботе друг о друге, основанной на большой, до смерти, любви!

Глава 13
У солдата есть и время личное…

Не так уж много свободных минут выпадало нашему отцу — генералу армии Василию Филипповичу Маргелову, Командующему Воздушно-десантными войсками Советского Союза, который несмотря на его высокое воинское звание, всегда гордился тем, что был Солдатом прославленной Советской Армии. Он говорил:

— Тяжелая служба солдатская, что и говорить. Но солдат — не машина. Ему нужна иногда и передышка. Даже во время тяжелых боев, пользуясь редкими минутами затишья, мы находили возможность отдохнуть. А уж в наш насыщенный нок дома уже не заводили… Много раньше, сразу после войны, была у отца легавая по кличке Треф, но по причине малолетства братья-близнецы память о нем не сохранили, хотя снимок Трефа хранится в большом альбоме, посвященном Великой Отечественной войне.

Насколько известно, у генерала Маргелова охотничьи ружья были только

отечественного производства, причем в основном Тульского оружейного завода. Все ружья были 12-го калибра. Еще у него был самозарядный охотничий карабин «Медведь» калибра 9 мм известной фирмы «Байкал», снаряженный охотничьим прицелом с переменным увеличением ТО-6П. Инструкция по его применению, написанная рукой отца, хранится вместе с заводской инструкцией на карабин и прицел в нашем домашнем Кабинете-музее. Карабин «Медведь» был передан на хранение в 7-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, куда он частенько приезжал поохотиться, с том числе и будучи в отпуске. Надеемся, что «отцы-командиры» помнят, кому карабин принадлежал, и когда-нибудь он займет свое достойное место в Музее истории Воздушно-десантных войск.

«Тулки» были в разное время вручены ему в качестве ценных подарков министрами обороны страны. С ними отец и выезжал на охоту. После его смерти в 1990 году все его ружья ушли из дома своего хозяина: по ружью получили мои братья — Анатолий и Виталий, одно ружье с всеобщего согласия наследников было подарено порученцу отца — полковнику Филиппову Вениамину Михайловичу, который был с отцом до его последних дней в течение почти 25 лет, которому он доверял, которого уважал и вообще считал близким человеком.

О том, каким охотником был отец, рассказывают легенды. Об его удачливости уже сказано, но основывалась она на всех тех качествах воина-разведчика, о которых сказано выше. Помню, как один из бывалых военных охотников рассказывал, как Командующий, в возрасте за пятьдесят, зимой по снегу, без лыж, один только смог догнать подраненного лося и добить из своего «маузера». А за свои охотничьи успехи в Литве, где стояли две воздушно-десантные дивизии, и где, естественно, он бывал в командировках довольно часто, литовские охотники подарили ему медную чеканку с изображением лося в раме из простых деревянных брусьев. Эта чеканка и другие сувениры — знаки его охотничьих заслуг также хранятся в нашем домашнем Музее.

Не всегда, правда, охота бывала удачной. Помнится, когда отец впервые взял в середине 60-х годов сына Александра (тогда еще студента) на утиную охоту под Рязань, на старицу Оки, всем не очень-то повезло. Тогда же был и старший сын Геннадий, в то время офицер-десантник. К сожалению, приехали охотники на место только на второй день после открытия осенней охоты на водоплавающую. Дичь к тому времени распугали другие многочисленные охотники и, как вынужден был признать Батя вечером у костра, «утки летали выше всех, дальше всех и быстрее всех». Только Геннадий изловчился добыть бекаса, на микроскопически маленькую ощипанную тушку которого нельзя было смотреть без слез, и старую крякву, разгрызть которую можно было только под страхом голодной смерти. Но, главное, — процесс… А как отец учил Александра маскироваться! «Тебя никто не должен видеть и слышать, а ты должен видеть и слышать всех и все, — напутствовал он его, — маскируйся, через 10 минут я проверю». Оглядевшись вокруг, юный охотник заметил в метрах ста несколько стогов сена 3–4 метра высотой. Поскольку ничего более подходящего поблизости не было, он забрался на ближайший из них и там присыпал себя сеном. Вскоре показался Батя. Поискав сына, он остановился как раз под «его» стогом и громко стал окликать, недоуменно оглядываясь по сторонам. Тогда Александр тихонько отозвался. Для отца это оказалось очень неожиданным, он только и промолвил: «Ишь, разведчик, замаскировался, думает, что его никто не видит». После этого, пожелав «ни пуха, ни пера», он ушел. Постепенно смеркалось. Пару раз Александр выстрелил по каким-то быстро проносящимся в воздухе теням… Почти в темноте шел он на зов охотников, уже сидящих у костра. Какое же это было наслаждение отдохнуть у костра в обществе бывалых охотников, к тому же объединенных неудачной охотой. Конечно, сразу возобновились прерванные появлением сына Командующего охотничьи рассказы, где быль обильно переплеталась с выдумкой. Но, главное, все испытывали теплое чувство товарищества, сплачивающее людей, сведенных вместе всепоглощающей страстью к охоте, к прекрасной нашей среднерусской природе.

Сыну Александру посчастливилось быть с отцом на охоте еще трижды и все в Литве.

Было это в 1979–1981 годах. К тому времени он уже сам стал офицером-десантником, совершил около 150 парашютных прыжков, трижды десантировался внутри и совместно с боевой машины десанта БМД-1. Прыжки не пошли на пользу его здоровья, он вынужден был уйти из ВДВ. Все три раза предстояла охота на кабанов, и Александр беспокоился, не подведут ли его мои позвонки. Но все прошло великолепно — охотников поставили на «номера», где они и ожидали зверя.

Притаившись под елочкой, офицер Маргелов наблюдал, как прямо перед ним выскочила рыжая лиса и замерла, вглядываясь в его сторону. Боясь испортить кабанью охоту, он ей тихо, но выразительно предложил убираться подобру-поздорову. Она обиженно покрутила хвостом, как бы говоря, «не хочешь моего хвоста и не надо», и медленно ушла в лес. Вскоре на «злитных номерах» послышались выстрелы. Александр насторожился. Вдруг видит — два кабана — большой и маленький. Первым выстрелом, пулей, сразил он большого, вторым — маленького, килограмм на 30, картечью. Большой кабан оказался свиньей килограмм на 100, и пришлось ее добить из отцовского пистолета, который тот, как предчувствовал, дал именно сыну «добивать подранка».

Два других раза также были для Александра удачными — по два кабана за охоту. Отцу же с кабанами не везло, может, сказывалось, что он много тогда курил, да и возраст у него был уже за 70 лет. Однако же, возвращаясь на базу, все вдруг услышали в перелеске, где шел Батя, выстрел. Этим выстрелом отец сбил невесть откуда выпрыгнувшего на свою беду зайца. Вот вам и возраст!

Можно уверенно сказать, что Василий Филиппович всегда добывал зверя в честном бою. Никогда не охотился с вышки или с вертолета, единоборство было безусловное — побеждала выдержка, смекалка, умение маскироваться, физическая выносливость. Этим качествам настоящего воина, настоящего разведчика учил Батя своих «сынов»-десантников, вкладывая в это свою душу и не жалея ни времени своего, ни здоровья. За то и любят батю в ЕГО ВОЙСКАХ, даже те, кто знает его только по рассказам. А это и есть СОЛДАТСКАЯ СЛАВА!

Глава 15
Легенды и анекдоты о командующем

Командующий Маргелов любил свои войска, любил и лелеял своих десантников во всех званиях, исходя из его, порой суровых, отцовских принципов. Но больше всех любил Маргелов солдата, простого труженика. «Победу кует именно он, солдат, говорил Василий Филиппович, — и чем лучше мы его подготовим, тем с меньшими потерями и с большим уроном для противника победим». Командующий всегда шел к солдатам — в казарму, столовую, на полигон, посещал их в госпиталях, запросто разговаривал с ними вне строя. Он верил в солдата, за их промахи ругал офицеров, которые плохо подготовили подчиненных. И солдаты отвечали преданностью и любовью к своим войскам. О Бате слагали легенды, сочиняли анекдоты, что нисколько не умаляло его авторитета, поелику рассказывалось все это как о самом близком человеке, с почтением и восхищением за его неординарность и, в то же время, простоту в обращении с людьми.

Приезд Командующего в войска всегда был праздником, к этому событию готовились особенно тщательно. Любой десантник, умеющий метко стрелять, водить БМД, смело и грамотно совершать прыжки с парашютом, знающий оружие врага и другие десантные премудрости, в общем, любой настоящий воин знал, что у него появился дополнительный шанс отличиться перед Дядей Васей, а достойная награда из его рук не заставит себя ждать.

Обладая великолепным чувством юмора, генерал Маргелов даже во время серьезного разговора мог ввернуть «соленое» словечко или рассказать анекдот. С удовольствием слушал десантные байки о себе, заразительно смеясь при этом. Правда, если при этом очень перегибали палку, говорил, что это уж слишком. Известно, легенды и анекдоты носят собирательный характер, так что во всех таких народных произведениях всегда есть хоть

капля правды.

Авторы предупреждают: далее приводится лишь небольшая часть того, что существует и рассказывается в войсках и на «гражданке»!

Очередная кляуза.

Как-то (в 70-х годах) Командующий Маргелов В.Ф. летел в очередную командировку в Псков в «родную» Черниговскую воздушно-десантную дивизию. С ним на борту самолета Ан-26 находились офицеры Управления ВДВ. Примерно через час полета на высоте около трех тысяч метров в самолете распахнулась дверь. Волна холодного воздуха ворвалась в салон, мгновенно очистив воздух от дыма папирос.

Каждый, кто слышал о подобных ситуациях, хорошо знает, что они заканчиваются весьма печально. Генералу Маргелову за время службы в десантных войсках не раз приходилось разбираться с подобными «ЧП». Однако он не потерял самообладания, хотя некоторые офицеры находились в состоянии близком к панике.

— Братцы, — обратился к спутникам Маргелов. — если уж и суждено нам погибнуть, то встретим «костлявую» с достоинством, как положено настоящим десантникам. Предлагаю принять по сто «боевых» и спеть мою любимую песню «Варяг».

Офицеры одобрительно загудели, забыв на какое-то время о грозящей им смертельной опасности, а принятые немедленно сто грамм, предложенные Командующим, подняли их боевой дух и придали уверенности в благополучном исходе.

Вышедший через пару минут из кабины пилота штурман с удовлетворением отметил про себя, что паники на борту нет, а песня о легендарном крейсере полностью захватила сопровождавших Командующего офицеров. Штурман проникся важностью момента и, приложив неимоверные усилия, сумел таки сделать невозможное и заблокировал непокорную дверь.

Полет завершился благополучно. Приземлившийся на военном аэродроме самолет встречали офицеры дивизии и машины «скорой помощи». Поздоровавшись с встречающими, Командующий спросил, указывая на санитарные машины, для чего их так много пригнали. Замявшись, комдив доложил, что они здесь для страховки, так как радист Ан-26 сообщил по рации о происшествии в полете. Маргелов похвалил командира дивизии за предусмотрительность и шутливо добавил, что «больных и обмороженных» на борту нет — так он обычно докладывал своему руководству после описанного в книге лыжного пробега Минск — Москва в 1931 году. После этого он подозвал отличившегося штурмана и, сняв со своей руки командирские часы, торжественно вручил их герою дня, а командира экипажа лишь слегка пожурил за случившееся.

Казалось, инцидент был исчерпан, но нашлась одна тварь, которая, вероятно, во время того полета сильно загадила свои новые брюки, после чего сразу же доложила о происшествии в Инстанцию. Через некоторое время Василий Филиппович был вызван в соответствующий отдел ЦК, где куратор ВДВ ознакомил его с очередной кляузой. Маргелов внимательно прочитал ту бумажонку и, не говоря ни слова, взглянул вопрошающе в глаза куратора. История не сохранила его имени, но человеком он оказался весьма достойным.

Уловив чуть насмешливый взгляд Десантника № 1 (слава Богу, это был не 1958 год), цековский куратор молча выдвинул полку письменного стола, за которым работал, и достал более 50-ти пакостных донесений «доброжелателей» без указания имен авторов. Командующий брезгливо просмотрел их и спросил, не пора ли ему после этого подавать в отставку. Куратор, улыбнувшись в ответ, напомнил, что у Командующего ВДВ казенную дачу никто не отбирал.

— При чем здесь дача? — нахмурился Маргелов.

— А при том, что партия знает, что у Вас на даче имеется специально оборудованное местечко для приготовления ухи. Лично я с удовольствием бы принял приглашение на Вашу уху, если на растопку пойдут эти бумажонки.

С этими словами он отдал Маргелову все «подметные» письма, а уже в ближайшую субботу они вместе разжигали костер для ухи, используя те поистине «исторические документы». При этом куратор заявил, что «уже никакая мразь не сможет очернить легендарного полководца, создавшего самые боеготовные войска в стране, которые еще при жизни генерала армии Маргелова В.Ф. стали называться в честь их создателя «Войска Дяди Васи».

Урок по биографии (Краев В.С.)

В декабре 1971 года, когда Краев был уже командиром 108-го бронедесантного полка, взлелеянного детища Командующего. Полк был признан по итогам года отличным и лучшим в ВДВ, командир полка — награжден орденом «Красная Звезда».

Командир полка был предупрежден по телефону командиром дивизии генерал-майором Кулишевым О.Ф. о том, что в полк через час прибудет Командующий, в штатской форме, так как находится в отпуске. Действительно, примерно через час подошла вишневая «Волга» комдива, из которой вышел Командующий. Одет он был в меховой летный комбинезон, меховую шапку, на ногах — меховые унты. Выглядел бодрым и энергичным, хотя шел ему уже седьмой десяток.

После доклада Краева В.С. о том, чем занимается полк, Василий Филиппович сказал, что приехал неофициально, будучи в отпуске, так как давно не был в полку и хочет посмотреть, что же в полку изменилось к лучшему после отстранения от должности предыдущего командира полка.

— А то, понимаешь, мои подхалимы надавали тебе орденов и званий. Хочу убедиться, за дело ли? Пойдем к разведчикам, там у тебя ротой лейтенант литовец командует».

— Лейтенант Освальд Пикаускас», — подсказал командир полка.

— Правильно, — подтвердил Командующий, — я его еще с училища помню, старшиной роты был. Там у меня еще один лейтенант есть, тоже из 108-го полка, Грачев фамилия, заядлый картежник, но десантник неплохой».

— Так это же хорошо, что картежник, — поддержал тему Владимир Степанович, — Вы же не назначите офицера на должность командира полка, если он не умеет играть в преферанс.

Улыбнулся Командующий и пошли в разведроту. Личный состав роты и ее командир были на месте. Поговорив с десантниками и офицерами роты, он при всех спросил у командира полка, а почему ротный до сих пор лейтенант, ведь рота — одна из лучших в ВДВ.

Командир полка ответил, что по итогам года рота добилась отличных результатов, и ее командир представлен к присвоению очередного воинского звания досрочно, к февралю ожидается приказ Министра обороны.

— Хорошо, — сказал Командующий, — вернусь в Москву, проверю, ушло ли представление в ГУК (Главное управление кадров — Прим. авторов).

В расположении разведроты группа направилась в парк боевых машин, затем на комплекс воздушно-десантной подготовки, многоцелевой физкультурно-спортивный комплекс, в солдатскую столовую. Везде шли плановые занятия, в столовой завершалась подготовка к обеду. Вроде все было в порядке, но Командующий все время ворчал: «Развел в полку румынский бардак, за что только тебя хвалят мои подхалимы». Командир полка, естественно, помалкивал, мысленно ставя себя на место проверяющего.

В конце обхода полка Командующий говорит: «Может ты меня на обед пригласишь, или торопишься побыстрее избавиться от моего стариковского брюзжания?»

— В офицерской столовой уже идет обед, и Вас там ждут.

— А официантка у тебя все та же? Кажется, Ирой зовут, не то полячка, не то литовка. Она еще при моем Генке работала, когда он командовал этим полком.

Комполка подтвердил, что действительно официантка Ирина работает в столовой более

пяти лет.

Зашли в обеденный зал, Командующий поговорил с офицерами и прапорщиками, посмотрел на цены в меню, на выбор блюд, поблагодарил заведующего столовой и прошел в отдельную комнату, где был подготовлен для него обед на одну персону. Оглядев стол, он попросил официантку принести еще один прибор для командира полка. Однако официантка сказала, что командир полка не обедает. Генерал Маргелов крайне удивился и попросил командира полка уточнить, так ли это. Командир полка Краев подтвердил, что с вступлением в эту должность в возрасте 30 лет, не обедает. Вначале не хватало времени, а потом просто отвык, но здоровье от этого не только не пошатнулось, стало еще лучше — стал чувствовать себя значительно бодрее, да и в сон после обеда не тянет.

Выслушав его, Василий Филиппович хмыкнул, но все же подтвердил свою просьбу принести для комполка столовый прибор и грамм 300 водки в графине. Пока мыли руки, все было исполнено. Сели за стол. На правах хозяина Владимир Степанович налил 100 грамм водки в стопку Командующему и на донышко плеснул себе. Увидев такую несправедливость, Командующий отнял у него графин, заменил стопки на стаканы и разлил в них водку поровну. На попытку командира полка воспротивиться такому дележу ввиду того, что гость в отпуске и ему можно, а комполка — на службе и ему категорически нельзя, Василий Филиппович отреагировал для собеседника совершенно неожиданно:

— Пей, — сказал он, — а то, если я выпью один, ты же меня после заложишь, а если нас заложит кто-то другой, я сошлюсь на то, что был в отпуске, а ты на службе, поэтому весь спрос с тебя.

После этого вступления он произнес тост: «За первый бронедесантный полк в ВДВ, за здоровье его солдат и офицеров во славу Воздушно-десантных войск!» Владимир Степанович, естественно, также опрокинул свой стакан. Хотя у него был крепкий организм, занимался спортом, имел звание кандидата в мастера спорта по офицерскому многоборью. Позже, уже став генералом, выступал на первенстве Вооруженных Сил за сборную команду ВДВ, и даже в своей возрастной категории стал призером. Но тогда водка ударила ему в голову и, осмелев, он решился задать Командующему вопрос:

— Товарищ Командующий, почему у Вас такое странное ругательство — «румынский бардак»?

Василий Филиппович удивленно посмотрел на него и сказал:

— А ты, что, не знаешь? Все ВДВ знают, а ты не знаешь. Плохо изучаете биографию своего Командующего. Ну, что ж, тогда слушай. В августе 1944 года я командовал дивизией в ходе Ясско-Кишиневской операции. Хотя дивизия не имела задачи участвовать в наступательной операции по прорыву сильно укрепленной обороны группы армий «Южная Украина», но эти десять дней запомнились мне больше всего. Дивизия должна была воспретить отход вражеских войск в свой тыл. Обстановка менялась ежечасно, если не ежеминутно — то мы окружаем, то сами в окружении. Поставленная задача была выполнена, но дивизия была сильно потрепана. Поэтому после выхода на территорию Румынии, была выведена на отдых и доукомплектование. Через три недели полдивизии триппером заболело… и я вместе с ними — самые грязные бардаки в Румынии. Вот такие легенды ходят обо мне в ВДВ, и все гордятся, что я не бросил свою дивизию в беде, а разделил ее беды вместе с подчиненными. А то, что это действительно легенда, можешь убедиться у Анны Александровны, моей жены. Не было у меня необходимости по бардакам шляться, да и некогда было. Пора бы знать, соплячок, биографию своего Командующего, — закончил Василий Филиппович.

Искренне рассмеявшись, он спросил:

— А ты поступил бы так, если бы твой полк оказался в подобной беде?

Комполка нашелся не сразу, и ответ его прозвучал, по его воспоминанию, достаточно глупо:

— Мой полк стоит в достаточно цивилизованной Литве…

Выслушав его ответ, Командующий пристально посмотрел на него и спросил:

— А если Родина пошлет во Вьетнам?

> ***Из записок генерал-лейтенанта Краева В.С.: «*** *На этом он прекратил урок по своей биографии. А я же еще раз убедился, насколько он остроумен, ироничен и прост. Как не хватало в те годы у наших военачальников этих качеств и умения даже грязные сплетни превращать в достоинство и не обижаться на тех злопыхателей, которые выискивали в биографии генерала армии Маргелова соринки, таща в своих биографических обозах не только трофеи и мзду их Групп войск за границей, но и грязное белье.*
>
> *Василий Филиппович был чист не только своим скромным бытом, но и прекрасной женой, Анной Александровной, и своими сыновьями».*

В ВДВ свои законы… (Краев В.С.)

В июне 1978 года Командующий позвонил командиру 7-й воздушно-десантной дивизии генерал-майору Краеву В.С. и сказал, что завтра он прилетает в Каунас с очередной комиссией. «Готовься серьезно, это опаснее, чем комиссия по анонимке полтора года назад». Сказал и положил трубку. Комдив, естественно, не спал всю ночь, терзаясь в догадках, с чего бы вдруг взялась эта очередная комиссия.

Самолет приземлился в первой половине дня. Встречая прибывших у трапа самолета, генерал Краев обратил внимание, что вслед за Командующим из самолета выходит невысокого роста мужчина в гражданском костюме, возрастом лет за 50. Командующий доклад командира дивизии о состоянии дел прервал словами: «Я тебе заместителя редактора газеты «Правда» привез, чтобы написать о «румынском бардаке», который ты здесь развел. Вот ему и докладывай». Владимир Степанович представился этому человеку по всей форме, а тот в ответ протянул руку и сказал только одно слово — Гайдар. Комдив сразу понял, что перед ним капитан 1-го ранга Тимур Аркадьевич Гайдар, работавший в то время редактором «Правды» по военному отделу. (*Прим. авторов для молодого поколения — газета «Правда» являлась ежедневным общеполитическим, весьма авторитетным и, конечно же, контролируемым изданием, печатным органом ЦК КПСС).* Когда комдив и Гайдар обменялись рукопожатиями, Василий Филиппович объявил о своем отъезде в учебную 44-ю дивизию в Гайжюнай, а Гайдар до пятницы остается у Краева. «Сегодня вторник, вот вам четыре дня. Покажи ему все гарнизоны и обязательно сбрось его с парашютом, а то он подводник — нырял только в подводную пучину, а вот в бездну пятого океана не прыгал, хотя собирается писать о десантниках. В пятницу доложить мне в твоем учебном центре. Не теряйте времени», — с этими словами Командующий уехал.

Генерал Краев, зная характер Командующего, не исключал, что тот приготовил какой-либо сюрприз, например, мог в отсутствие комдива поднять штаб дивизии или часть полков по тревоге с целью внезапной проверки боевой готовности.

Поэтому сопровождать Гайдара по отдельно стоящим гарнизонам дивизии он поручил своему заместителю, а сам остался в штабе дивизии. Что же касается требования Командующего бросить Гайдара с парашютом, то этому Краев серьезного значения не придал — решил, что Командующий просто пошутил, чтобы попугать Гайдара. Тем более, что Тимуру Аркадьевичу уже было за пятьдесят, и рисковать в таком возрасте, чтобы прыгать с парашютом, вряд ли кто решится.

Утром в пятницу Гайдар и заместитель комдива вернулись из ознакомительной поездки по частям дивизии. Тимур Аркадьевич был полон впечатлений и не переставая выражал восхищение десантниками. Время приближалось к 16 часам, отлет Командующего в Москву планировался на 17.00.

Генерал Краев с Гайдаром выехали в учебный центр для доклада Командующему. Василия Филипповича они нашли в кабинете начальника учебного центра, кроме него там находился заместитель начальника оперативного отдела штаба ВДВ полковник Булатников.

Войдя в кабинет и поздоровавшись, Тимур Аркадьевич начал рассказывать Командующему о своих впечатлениях. Выслушав его, Василий Филиппович сказал:

— Спасибо, подводник, за комплименты десантникам, я об этих войсках, как ты догадываешься, знаю не из уст журналистов. Ответь мне честно, сколько раз ты прыгнул с парашютом?

Гайдар смутился, генерал Краев насторожился. Тогда Командующий спросил Краева:

— Сколько раз он прыгнул с парашютом?

Пришлось ответить, что ни разу. Василий Филиппович рассвирепел, в гневе повернулся к полковнику Булатникову и приказал вылет самолета перенести на субботу на 12 часов. Затем повернулся к комдиву и сказал:

— В вашем распоряжении 20 часов времени. Уложить два парашюта, провести тщательную предпрыжковую подготовку и завтра с утра совершить с Гайдаром по два прыжка с парашютом. Не теряйте напрасно времени.

Владимир Степанович с Тимуром Аркадьевичем поняли, что шутки кончились. Выйдя из кабинета, генерал Краев спросил Гайдара, занимается ли он физзарядкой. Журналист ответил, что не только физзарядкой занимается, но и регулярно играет в большой теннис — на уровне 2-го взрослого разряда. У комдива отлегло от сердца — значит и сердце и ноги крепкие, а это очень важно для парашютиста. Он сразу же позвонил своему заместителю по воздушно-десантной подготовке полковнику Ляхову В.А. и поставил ему задачу: к 17 часам подготовить парашюты, собрать лучших спортсменов-парашютистов, провести укладку парашютов, и провести наземную предпрыжковую подготовку Гайдара и к исходу дня доложить о готовности к совершению прыжков; прыжки назначить на 8 часов утра.

Когда командир дивизии с Тимуром Аркадьевичем прибыли на парашютно-десантный комплекс, все уже было готово к практической работе. К 23 часам Гайдар был готов к совершению прыжков. Кроме него прыжки должны были совершить комдив, начальник штаба дивизии полковник Филатов Г.В., Ляхов. и три прапорщика — мастера парашютного спорта.

В шесть утра парашютисты выехали на Каунасский аэродром. Утро было ясное, у земли — ветерок до 3 метров в секунду — вполне нормально для новичка. Надели парашюты. Инструкторы провели предстартовый контроль готовности к прыжку, подогнали парашютные системы, заставили попрыгать в парашютах. После этого заняли места в самолете. В 8.00 Ан-2 пошел на взлет. Первый заход самолета был пристрелочным, на втором заходе первым прыгнул комдив, за ним Гайдар, подстраховывал его Филатов, за ним — Ляхов.

Краев прыгал на спортивном парашюте, с задержкой в раскрытии до 5 секунд, чтобы видеть, как Гайдар отделился от самолета, и что его парашют полностью — штатно — раскрылся. Убедившись, что все в порядке, комдив раскрыл свой парашют и, наблюдая за снижением Гайдара, приземлился в 70 метрах от него. Однако Гайдар после приземления оставался лежать на земле… Владимир Степанович быстро освободился от подвесной системы и, с замиранием сердца, бросился к перворазнику, совершившему первый в жизни прыжок. Тимур Аркадьевич полулежал на правом боку и держался за голеностоп левой ноги. «Что-то с ногой», — сказал он. Краев приподнял комбинезон, осмотрел и прощупал ногу — перелома не было, слегка были растянуты голеностопные связки. Подошла санитарная машина, врач внимательно осмотрел ногу, наложил тугую повязку и констатировал, что все в порядке, можно идти на второй прыжок.

Тимур Аркадьевич посмотрел на врача с изумлением, но послушно сел в машину и поехал с Краевым к месту старта. Надев парашюты и ожидая, когда подрулит самолет, Гайдар сказал, что не хотел бы рисковать, и что, по его мнению, достаточно одного прыжка. С трудом убедили Тимура Аркадьевича сесть в самолет для второго прыжка. Когда самолет поднялся в воздух, Гайдар заявил, что ему трудно дышать, и попросил ослабить лямки крепления запасного парашюта. Краев слегка ослабил лямки и пытался разговорами отвлечь Гайдара от ненужных переживаний перед вторым прыжком. За разговорами самолет вышел

на боевой курс, прошла команда «Приготовиться!» В спешке комдив забыл подтянуть лямки крепления «запаски» Гайдара. Прошла команда «Пошел!» Покидали самолет в том же порядке, как и при первом прыжке.

Парашют Гайдара раскрылся без помех, приземлился он на этот раз метрах в 50-ти от Краева. Быстро подбежав к нему, комдив увидел Гайдара, лежащим без движения на спине, глаза его были закрыты, под левым глазом образовалась большая ссадина, изо рта шла кровь. Владимир Степанович осторожно потряс его за плечо. Приоткрыв глаза и слегка разжав зубы, Гайдар пытался что-то сказать, но треть его языка беспомощно повисла на прожилке у подбородка. Врач с подъехавшей санитарной машины осмотрел травму и сказал, что нужна срочная хирургическая помощь по приживлению языка.

Командир дивизии направил полковника Филатова срочно позвонить в медсанбат и вызвать ведущего хирурга Кристального Леонида Семеновича, который во время войны оперировал Василия Филипповича по поводу осколочного ранения кисти правой руки.

Травмированного Гайдара посадили в «УАЗик» комдива и вместе с врачом погнали в медсанбат. К их приезду Кристальный был уже в операционной. Внимательно осмотрев рану, он сказал, что ничего серьезного нет — язык такой орган, который заживает в течение 3–5 дней, — и приступил к пришиванию языка. Через 15 минут операция была закончена. После чего Леонид Семенович помыл руки, взял две мензурки, в каждую из которых налил по 50 грамм спирта, одну подал Гайдару, другую оставил себе. Обращаясь к Тимуру Аркадьевичу, он сказал: «Тимур, по фронтовой традиции, когда пациент без наркоза выдержал операцию и при этом не потерял сознание, ему полагается 100 грамм «фронтовых». Но у нас нет водки, поэтому выпьем по полста спирта за то, чтобы язык был послушным, как и прежде».

Гайдар чокнулся и, с трудом разжав зубы, вылил содержимое мензурки в рот, сжал зубы и закрыл глаза. Примерно через минуту открыл глаза и довольно внятно произнес: «Как мне повезло, ведь я журналист, теперь буду меньше говорить, а больше писать». Все присутствующие в операционной зааплодировали мужеству и остроумию Тимура Аркадьевича. После этого комдив отвез Гайдара к себе домой под контроль «домашнего доктора» — супруги Лилии Павловны, а сам поехал на аэродром провожать Командующего.

По приезду Василия Филипповича Владимир Степанович доложил ему о случившемся. Как ни странно, но Командующий остался доволен происшедшим, выразив это следующими словами: «Хорошо, что он сам испытал, что с пятым океаном шутки плохи. Теперь эти писаки будут больше уважать наши войска, — и, обращаясь к Краеву, добавил — Напишите письмо Главному редактору «Правды» Афанасьеву, что его заместитель совершил журналистский подвиг, в 52 года совершил два парашютных прыжка, испытав на себе всю опасность нашей военной профессии. А Тимуру Аркадьевичу вручите голубой берет, десантную тельняшку и стропорез. Мы принимаем его в строй почетных десантников».

Что такое СЭВ? (генерал-лейтенант Щербаков Л.И.)

На итоговой проверке в Каунасской дивизии в один из полков на политзанятия в группу прапорщиков пришел Маргелов. Все шло нормально, но один из прапорщиков долго сидел над вопросом. Командующий спросил, что за вопрос. Тот слабым голосом ответил, что не знает, что такое СЭВ. Маргелов стал намекать, что это организация, у нее есть свой устав, задачи, взаимоотношения, руководство.

Прапорщик долго молчал, а потом выпалил: «Товарищ Командующий! Я не знаю, что такое СЭВ, но точно знаю, что у нас в полку такой организации нет!» Маргелов поздравил его с ответом, взял зачетную ведомость, поставил «отлично» и расписался.

Рецепт Командующего. (генерал-лейтенант Щербаков Л.И.)

В кабинете Маргелова проходит служебное совещание. Время года было такое, что

многие болели традиционным гриппом. Подполковник Щербаков (автор, тогда начальник бронетанковой службы ВДВ) сидел, подперев лоб и записывал указания Командующего. Василий Филиппович медленно ходил по кабинету в рубашке без галстука, с засученными рукавами, под рубашкой видна тельняшка. Остановился и спрашивает» Щербаков, что ты на меня смотришь, как конь из-под дуги?» Щербаков вскочил и ответил, что у него высокая температура, кажется, заболел. Маргелов отпустил пару крепких слов и отправил прочь из кабинета, чтобы не разносил заразу. У двери остановил и дал на прощание последнее указание: «Вот тебе мой рецепт. Езжай домой, налей стакан водки, положи туда две ложки малины и ложку соли. Разболтай все, «дерни» и — под перину. Ночью проснешься, сменишь бельишко, еще раз «дерни». Завтра в восемь утра на работу».

В восемь в рабочем кабинете Щербакова звонит прямой телефон от Командующего: «Ты выздоровел? Помогло?» Последовал положительный ответ и благодарность за рецепт.

Госэкзамены у курсантов. (Полковник Скрынников Михаил Федорович)

Июль 1967 года. В Учебном центре РВДККУ в Сельцах идут Госэкзамены. В один из дней прибыл Командующий ВДВ, с ним — полковник-десантник из Коломны. Собрал весь выпускной курс на спортгородке и стал проверять физическую подготовку выпускников. Посмотрел он их выступления и говорит: «Вот мы с полковником по сто грамм водки выпьем и по самбо весь ваш курс разгоним!»

Командующий спрашивает: «Какие есть просьбы ко мне?» Курсанты вроде бы как пожаловались ему, что вот через три недели будут офицерами, а из пистолета приходится стрелять очень редко. Командующий обращается к комбату подполковнику Карпову: «Что, тебе патронов жалко?» «Да нет, товарищ Командующий, — заикается комбат, — поправим дело». И поправил — как суббота и воскресенье — у курсантов-выпускников стрельба из ПМ и метание гранат. Намекнули тогда курсанты комбату, что выходные в общем-то предназначены для отдыха и подготовки, и неужели в этом только Командующий может разобраться… Комбат криво улыбнулся, но последующие субботы и воскресенья стали свободными.

Офицер избил солдата. (Подполковник Исмаилов Агамехти Мамед оглы),

В 1972 г. лейтенант Исмаилов был командирован с подразделением в Рязань на тушение крупных лесных пожаров. Разместили роту на территории десантного училища. Как ответственный за подразделение вел бойцов в столовую на прием пищи. В это время мимо проходили два солдата из батальона обеспечения учебного процесса. Тот, что помоложе, отдал офицеру воинское приветствие. Второй, верзила, прослуживший побольше, одернул его: «Ты что делаешь? Нечего лейтенантам козырять!»

Исмаилов остановил роту и подозвал «бывалого» солдата. Верзила подошел к нему вразвалочку: «Ну, чего звал, лейтенант?»

— Не чего звал, а «товарищ лейтенант, рядовой такой-то, прибыл по вашему приказанию.»

— Еще чего, — ухмыльнулся верзила.

Офицер напомнил ему статью Устава внутренней службы о том, что командир должен добиваться восстановления порядка любым путем, вплоть до применения оружия.

— Какого еще оружия,? — удивился тот.

Лейтенант показал ему свои руки: «Вот мое оружие!» Телосложение у него было явно не «суперменское», но, еще будучи курсантом, занимался боксом, защищал честь училища на различных соревнованиях.

— Тогда пиши расписку, — засмеялся верзила.

— Расписка не понадобится, — кратко ответил лейтенант. Тогда ему в голову не пришло, что расписку следовало взять от солдата.

Кулак верзилы описал в воздухе дугу, но офицер ушел нырком в сторону. Второй раз солдат опять промахнулся. Тут его Исмаилов и отправил в нокаут. Под бурные и продолжительные аплодисменты личного состава роты, с любопытством наблюдавшего за исходом поединка, верзила распластался на асфальте. По команде лейтенанта его взяли под руки и унесли в санчасть.

По факту избиения рядового Игнатова офицером Исмаиловым в Рязань прибыла комиссия из политотдела ВДВ во главе с полковником Анисимовым. Решение комиссии складывалось не в пользу офицера. Возможно, полковник из Москвы, сам весьма хрупкого телосложения и небольшого росточка, очень живо представил себя на месте верзилы…

Для принятия окончательного решения лейтенанта представили Командующему Воздушно-десантными войсками генералу армии Маргелову В.Ф. В сопровождении начальника политотдела ВДВ генерал-лейтенанта Близнюка И.И. провинившийся вошел в кабинет Командующего.

— Это ты, черт кривоносый, солдатиков бьешь? — удивился Василий Филиппович, — Ну, садись.

— Спасибо, товарищ Командующий, — ответил молодой офицер, — потом.

— Докладывайте, товарищ лейтенант, что у вас произошло? — более серьезным тоном сказал Маргелов.

Выслушав доклад лейтенанта, Командующий его похвалил: «Молодец, лейтенант, правильно сделал. Я бы его на твоем месте убил.»

— Как — убил? — удивился присутствующий на беседе Близнюк.

— Убивать таких солдат надо! — продолжал Командующий. — Если он в мирное время такое себе позволяет, то на войне и пулю в спину всадить сможет.

Служить офицера оставили, но представление на вышестоящую должность «задвинули».

На прыжках.

Василий Филиппович считал главным в профессии десантника дерзость. Такую, когда человек готов сражаться против десяти врагов. В обыденной жизни он также ценил эти качества. Был у него случай, чуточку смешной. Вот его рассказ.

«Участвовал я, будучи командиром соединения, в прыжках с парашютом. Приземляюсь, гашу купол и вижу, как в пяти шагах от меня приземляется вытяжной парашют. Не сомневаюсь, что это мой, беру его, и в это время на меня буквально налетает солдат, огромный детина, глаза сверкают: «Не трогай, — кричит, — это мой, я за ним следил с воздуха!» И как рванет у меня парашют из рук. Я едва на ногах удержался. Сначала была мысль догнать нахала и наказать за неуважение к старшему. Потом понял: он не узнал меня. Одеты мы все одинаково: шлем, комбинезон… Потом я построил полк, рассказал, как было дело, и объявил этому десантнику благодарность: «Кто умеет драться за свой парашют, тот и оружие из своих рук не выпустит, и за землю свою будет сражаться на совесть».

Действительно, то время на парашютах ПД-47 применялась старая схема раскрытия купола — после отделения парашютиста снижение шло некоторое время на стабилизирующем парашюте, который поддерживал зачехленный купол, вышедший из ранца. Затем чехол отделялся от парашюта и десантник снижался под раскрывшемся куполе отдельно, а чехол — отдельно на стабилизирующем парашюте. Нередко десантники теряли свои чехлы, после приземления старались прихватить тот, что поближе.

Но после этого случая командир корпуса генерал Маргелов приказал выделять команду для сбора чехлов после прыжков.

Нахальный абитуриент. (Майор Буров Валентин Иванович)

Рассказывают, что в 1972 году Командующий ВДВ приехал в Рязанское ВДУ как раз во

время вступительных экзаменов. На территории училища его сразу обступила толпа молодых ребят — обычно он всегда рассказывал им что-нибудь интересное.

Среди абитуриентов встречались смелые до нахальства ребята. Один из таких «смельчаков» поспорил с ребятами, что попросит у Командующего закурить папиросу «Беломор». Никто ему не поверил, но парень рискнул. Подходит и просит: — Василий Филиппович, дайте закурить.

Тот удивленно посмотрел на него, осмотрел толпу напрягшихся ребят и, усмехнувшись, достал из кармана брюк портсигар: «Угощайся!» Абитуриент взял папиросу, закурил, а генерал Маргелов и спрашивает его: «Ну что, е. на мать, может теперь и брюки с лампасами потребуешь?»

Подвези! (Майор Буров Валентин Иванович)

Курсанты Рязанского училища собрались на прыжки в лагере в Сельцах. Один из них задержался — нужно было навести порядок в роте. Ждать его не стали — догонишь! Отставать, конечно же, ему очень не хотелось. Выскочил из казармы и видит, по краю лагеря по дороге катится в сторону аэродрома «уазик». Курсант метров за семьдесят кричит с матерком: «Остановись! Обожди!» Он думал, что это машина начальника училища, а начальник, как он знал, уже был на аэродроме, руководил прыжками, значит «уазик» — пустой. Подбегает к машине, открывает заднюю дверку и, усаживаясь, кричит: «Ты что, не слышишь, е. на мать!»

А на первом сидении — генерал Маргелов, обернулся и спрашивает:

— В чем дело?

У курсанта дар речи пропал… Кое как собрался он с духом:

— Да, вот, на прыжки спешу…

Командующий ему:

— Садись в машину, е. на мать! На каком курсе? — продолжает Маргелов.

— На четвертом…»

— Скорее бы вы заканчивали, да в войска, да в войска, вашу мать! Небось, научились здесь чему-то, а войска ни хрена не умеют! БМД вам дал, а вы никак не можете их освоить!

Распустили курсантов! (Майор Буров Валентин Иванович)

Как-то приехал Командующий в Рязанское училище. Курсанты-выпускники, уже сдавшие все экзамены, переоделись в новенькую лейтенантскую форму — осталось только погоны пришить, собрались в одном месте. Подходят к нему и говорят:

— Василий Филиппович, мы уже без пяти минут офицеры, разрешите нам в столовую ходить вне строя?

— Запиши, — говорит он адъютанту, — разрешаю.

Без пяти минут офицеры просят еще:

— Василий Филиппович, разрешите нам в увольнение ходить без увольнительных записок? Купить кое-что надо к выпуску.

Он адъютанту (прапорщик у него был):

— Запиши, разрешаю.

Еще Командующего о чем-то попросили, он адъютанту приказывает записать — разрешает, мол.

И вот генерал Маргелов выступает на офицерском собрании училища обращается к преподавательскому составу:

— Что вы, б. ди, распустили курсантов?! Ни х… никаких увольнительных! В строй! Да с песней!

Свои воспоминания майор Буров закончил следующими словами: «А, вообще-то, он

ничего, нравился нам, мужикам. От него-то и пошли многие крылатые десантные выражения. Хоть он и говорил иногда матом, но мат-то был особенный такой, подстроенный под десантный лад, для поднятия десантного духа. Он не ругал матом, а именно использовал для поднятия духа. И такой мат был красивый, дай Бог каждому такой иметь!»

Береты (Майор Буров Валентин Иванович)

Известно, что Командующий Маргелов «пробил» десантникам береты и тельняшки. Вначале береты были малиновые, а тельняшки — и не морские и не голубые, какие-то средние были, голубенькими они стали чуть позже.

Начало 70-х годов. Строевой смотр в Рязанском десантном училище… Начальник училища генерал Чикризов «одел» курсантов в комбинезоны, тельняшки и малиновые береты. Строевым шагом проходит одна коробка, за ней — другая. Командующий ВДВ, принимавший смотр, обращается к начальнику училища: «Ты что это мне, еб. на мать, (а микрофон включен, и все слышно) мухоморов показываешь?!»

После этого все малиновые береты были срочно заменены на голубые.

Повезло с экзаменами (Майор Буров Валентин Иванович)

Одному курсанту Рязанского десантного училища трижды повезло сдавать государственные экзамены генералу армии Маргелову. Случилось это в 1985 году, тогда генерал Маргелов курировал ВДВ, будучи генеральным инспектором Генеральной инспекции при Министре обороны.

Первый экзамен был по научному коммунизму. Курсант долго и упорно отвечал на вопросы, после чего раздался характерный хрипловатый голос Маргелова: «Лейтенант, ты не то училище заканчиваешь, тебе замполитом надо быть.»

Следующий экзамен — тактика. Практическую часть сдавали в лагере в Сельцах. После сдачи экзаменов курсанты, расслабившись, отдыхали в тенечке. Вдруг, видят, по полю несется черная «Волга». Преподаватель срочно командует им: «Построиться!» Нашему курсанту выпало выступать второй раз, заново. На сей раз — перед генералом Маргеловым. Через две минуту раздался знакомый голос:

— Лейтенант, тебя ранило!»

Курсант бодро выкрикивает:

— Продолжаю командовать взводом!»

— Дурак! Тебя в голову ранило! — слышит он в ответ.

Подлетает курсант из того же взвода и еще более молодецким голосом поддерживает товарища:

— Принимаю командование взводом на себя!

Маргелов жмет им руки, благодарит и удалятся.

На 3-м экзамене по огневой подготовке «удачливый» курсант отвечает теоретическую часть. Во время его ответа на очередной вопрос, заходит Маргелов. Увидел отвечающего и говорит: «Вы что специально подставляете его, когда я захожу?» Разворачивается, хлопает дверью и уходит.

Так завершилась сдача экзаменов по огневой подготовке 1-го взвода 2-й роты.

Ветеран ВДВ майор Буров В.И., рассказавший про этот и другие случаи, добавил в конце: «Маргелов, он и есть Маргелов. Дай Бог побольше таких генералов!»

Его не остановишь! (майор Мельков Г.Т.**)**

Ветеран войны и ВДВ майор в отставке Мельков Г.Т. рассказал, что слышал о генерале Маргелове во время ядерных испытаний в ходе учений в Тоцких лагерях. В учениях участвовал батальон десантников из 331-го полка. После ядерного взрыва, смотрят, по полю

машина катит. Все кричат: «Стойте! Остановите машину!» А машина едет дальше. Маршал Жуков спрашивает: «Кто там едет? Кто туда поехал? Нельзя туда!» Ему докладывают, что в машине генерал Маргелов. «Ну, с ним разговаривать без толку, его х… кто остановит, пускай едет!» — с этими словами Жуков безнадежно махнул рукой.

«Даже в таких анекдотических случаях Маргелов показывал, что он — генерал, действительно генерал. И, действительно, вояка! К тому же — грамотный, все служебные инстанции прошел.»

Так вспоминают о Василии Филипповиче ветераны-десантники, прошедшие суровыми дорогами войны!

Три случая. (Генерал Орлов Г.А.)

Рассказывая генералу Орлову о Маргелове, десантник-майор вспомнил несколько эпизодов, показывающих, что десантники знали о своем Главкоме много интересных фактов, буквально вошедших в легенду о любимом генерале. Мне врезались в память несколько зарисовок из рассказанного тогда майором, что я и попытаюсь воспроизвести на страницах данного очерка.

Как опытный командир и воспитатель, генерал Маргелов огромное внимание обращал на состояние пищеблоков в войсках, их укомплектованность опытным и квалифицированным персоналом. В любой свой приезд в войска он обязательно проверял состояние солдатских столовых. Однажды, когда Василий Филиппович посетил Учебный центр Тульской дивизии, он зашел в помещение столовой, где его встречал обслуживающий персонал.

— Елки-палки, Маша! — радостно воскликнул прославленный генерал, увидев опытного организатора поварского дела и умелого кулинара, и идя ей навстречу.

— Ты все еще трудишься и продолжаешь кормить моих ребяток?! — вопрошал Командующий, заключая Машу в командирские объятья.

Оказывается эту Машу генерал Маргелов давно знал как хорошего знатока солдатской кухни, и именно он рекомендовал ее, когда под Тулой развертывался пищеблок Учебного центра.

Второй эпизод тоже был связан с приездом Главкома в Тульскую дивизию. Выслушав рапорт встречавшего его комдива, генерал Маргелов по своему обыкновению здоровался с дежурной службой и заметил, как один из прапорщиков старается не попасть ему на глаза.

— Ты что, Петрович, прячешься от меня, ну-ка выходи на свет божий, — сказал генерал.

Прапорщик приблизился как-то боком, стремясь не показывать Главкому правую сторону своего лица.

— Ты чего нос воротишь, Петрович? — заметил Командующий, — смотри прямо.

— Да зуб болит проклятый, товарищ генерал, — ответил прапорщик. — Неудобно же демонстрировать Вам раздувшуюся щеку. Вид не строевой.

— А что же ты к зубодеру не идешь? — спросил генерал.

— Записался в поликлинику, завтра поеду, — ответил Петрович.

Главком бурно прореагировал на этот факт и дал команду принять меры к развертыванию в ближайшие же дни стоматологического кабинета на базе дивизии. Команда Главкома была выполнена в срок.

Весть о таком заботливом отношении Командующего ВДВ к людям по беспроволочному телеграфу разносилась мгновенно по войскам, и авторитет генерала Маргелова рос не по дням, а по часам. Любовь к нему в войсках от мала до велика была неподдельной.

И еще один эпизод врезался мне в память из того, что так восторженно рассказывал нам майор-десантник о бывшем Главкоме ВДВ.

В войсках было широко известно, что Командующий внимательно следил за тем, чтобы постоянно совершенствовалась боевая выучка личного состава, и чтобы не было ни одного командира любого ранга и ни одного солдата, который не прыгал бы с парашютом. Он спокойно относился к периодически проводившимся смотрам в войсках, которые организовывались вышестоящими штабами Минобороны, будучи уверенным в высоком уровне боевой и политической подготовки вверенных ему войск.

И вдруг однажды ему раздался звонок из дивизии, подвергавшейся такой командирской проверке сверху. Взволнованный голос докладывал, что смотр подходит к завершению, все проходит нормально, но под угрозой общая оценка, поскольку один солдат смалодушничал и отказался совершить прыжок с парашютом.

Для Главкома это было необъяснимо. Поэтому он не стал выяснять детали и дал лишь команду задержать проверяющих до его прибытия в дивизию. Генерал немедленно вылетел на место и уже через несколько часов лично разбирался с обстоятельствами назревавшего ЧП. А именно так Василий Филиппович рассматривал отказ кого-либо от прыжка с парашютом.

Главкому показали солдата, отказавшегося прыгать. Он прошел наземную подготовку, имел по всем параметрам приличные показатели, но не смог преодолеть страх высоты. Генерал Маргелов не стал вдаваться в детали, надел парашют и вместе с солдатом пошел к самолету.

Что уж там наверху говорил генерал солдату, знает, наверное, только тот незадачливый воин-десантник, да Всевышний. Важен был результат. Вскоре от самолета, набравшего нужную высоту, отделились две фигуры, над головами которых в положенное время раскрылись купола парашютов. Приземление прошло нормально, и дивизия получила привычную положительную оценку. А Главком отбыл в Москву.

Всего три эпизода, которые мы услышали из уст майора-десантника, но они наглядно раскрывают сущность генерала Маргелова и убедительно показывают, что для него не было мелочей там, где дело касалось вверенных ему войск. Внимательное, чуткое отношение к людям в сочетании с высокой требовательностью к себе и подчиненным, с целеустремленной деловитостью и необычайно развитой ответственностью перед страной и народом по праву снискали Василию Филипповичу любовь и уважение в Воздушно-десантных войсках.

Случаи из жизни офицера Рябова. (Подполковник Рябов Геннадий Васильевич)

О незабываемом Человеке, Отце для солдата-десантника, заботливом командире, честном, способном на благородные поступки — Василии Филипповиче МАРГЕЛОВЕ.

Моя служба в Воздушно-десантных войсках началась с октября 1958 года, когда я окончив МВУС — Муромское военное училище связи (в 1963 г. переведенное в Новочеркасск), прибыл лейтенантом в Отдельный батальон связи 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. А первое знакомство с Василием Филипповичем Маргеловым состоялось в августе 1961 года, когда он прибыл с офицерами штаба ВДВ проверять боеготовность частей и подразделений дивизии. Нас подняли по тревоге, мы вышли в исходные районы и началась проверка.

Батальон связи вызвали на стрельбище. Кто служил в Туле, те отлично должны помнить Тесницкие лагеря, танкодром, стрельбище, полосу препятствий и другие объекты, где в летний период обучения совершенствовалась боевая подготовка десантников.

И вот мне, еще лейтенанту, но уже ожидавшему очередную звездочку, выпала «честь» начать стрельбу личным составом моего взвода радиостанций Р—115. Командир роты майор Дудов и батальона — подполковник Антипов заинструктировали меня и личный состав взвода. Грешным делом подумал, хоть бы ушли скорее и не дергали ни меня, ни солдат. И

тут вижу, направляется к моему взводу генерал в сопровождении группы офицеров. Я подал команду: «Взвод! Смирно!», так как командир роты и батальона стояли спиной к подходившим. Командир батальона доложил о готовности взвода.

И здесь я впервые увидел Василия Филипповича Маргелова, как говорят, живьем. Он поздоровался со взводом, затем подошел ко мне. Я представился, он протянул руку, и когда моя ладонь утонула в его мощной и крепкой ладони, в голове у меня мелькнуло — не дай Бог попасть под его горячую руку. Спросил меня, откуда родом, сколько совершил прыжков, какое училище закончил. Я ответил на все вопросы, и тогда был задан самый каверзный вопрос: «А как будешь стрелять, ведь по твоему взводу будет дана оценка всей роте? Не боишься?» я чуть замялся, но ответил — думаю, твердо, не подведем. «Тогда действуй и не обращай на нас внимания.» И вот после таких слов, честное слово, как-то на душе стало спокойнее. Видимо, это передалось и личному составу. Все стреляли как никогда уверенно, и взвод получил за стрельбу оценку «отлично».

Я построил взвод, доложил Командующему, и он, поблагодарив взвод за отличную стрельбу, объявил всему личному составу благодарность. И, уже обращаясь к командиру роты, спросил:

— А когда он будет обмывать очередную звездочку?

— Все уже готово, — ответил ротный.

— Ну, что, тогда заранее поздравляю, смотри, не подведи.

И опять я ощутил крепкое пожатие его руки.

— Не подведу! — ответил я.

— Здесь все ясно, пошли дальше.

Я подал команду «Смирно!» Василий Филиппович по-отечески махнул рукой и пошел с офицерами к взводу, где сдавали зачеты по выполнению нормативов ПХЗ (противохимическая защита — Прим. ред.).

Эти короткие минуты общения я запомнил навсегда. Простота, человечность, отеческое отношение — многого стоят, и такое не забывается.

Вскоре я получил очередное воинское звание «старший лейтенант», а в октябре 1965 года был переведен для прохождения дальнейшей воинской службы в Москву, на УС (Узел связи) Управления Командующего ВДВ, на должность дежурного по связи.

Будучи дежурным по связи, мне приходилось ежедневно общаться с Командующим, так как из его кабинета был прямой провод к дежурному по связи.

В начале 60-х годов переговоры Командующего с командирами дивизий и частями мы обеспечивали по открытым междугородним телефонным каналам связи, методом заказа разной степени срочности, а также по закрытым телеграфным каналам. Для переговоров по телеграфу Командующий приходил на Узел связи, и телеграфистки обеспечивали ему переговоры с командирами воздушно-десантных дивизий или с другими лицами.

За шесть лет работы в должности дежурного по связи я убедился, как многогранен характер нашего Командующего, как чутко и заботливо он относился к подчиненным. Мог быть суровым и требовательным, даже жестоким, когда дело касалось разгильдяйства и халатности отдельных должностных лиц в исполнении своих обязанностей, и по отечески заботливым к солдату и офицеру. Был со мной такой случай.

Дежурный по связи заступал на дежурство на сутки. А при проведении тренировок по связи или в ходе учений, личный состав Узла связи обеспечивал работу на стационаре и ЗКП (запасной командный пункт — Прим. ред.). нагрузка при этом возрастает в два, а то и в три раза. А я простудился, температура под 39 градусов, но вторые сутки я на казарменном положении, замены нет. Сижу в своей «конуре», комнатушка два на два с половиной метра, лицо — красное, все горит. Обеспечиваю телефонный разговор Командующего с комдивом 105 вдд. Василий Филиппович узнавал нас, дежурных, по голосам, и не успевали мы произнести несколько первых слов, когда он звонил по прямому телефону, в ответ можно было сразу услышать:

— Рябов, здравствуй. Давай мне всех моих…

— С кого начать?

— С самого «теплого» (имелся в виду комдив Ферганской дивизии).

После такого короткого разговора он клал трубку. Все ясно, и я начинал заказывать всех по «междугородке». А тут я хриплю, и Командующий меня не узнал.

— Что, новенький? — спрашивает.

— Нет, это Рябов, чуть приболел, — говорю.

Обеспечил Командующему три первых переговора, сижу. И вдруг входит на Узел связи Маргелов в сопровождении начальника УС подполковника Панкова Геннадия Ивановича. Когда Командующий приходил на Узел связи, он со всеми здоровался с теми, кого встречал.

Я выскочил из своей «конуры», хриплым голосом представился ему. Он протянул мне руку и говорит:

— Так это ты так хрипишь? И рука горячая.

Поворачивается к Панкову и говорит:

— Что держишь на службе больного? Он весь горит. Нет замены — садись сам и работай. А ему дай машину и пусть едет домой лечиться. Понял?

Я пытался что-то проговорить, но он мне дал и рта открыть

— Молчать! Выполнять приказ. Немедленно в машину и домой.

Геннадий Иванович — под козырек: «Есть!»

И тут вдруг выскакивает из аппаратной Игорь Виноградов:

— Здравия желаю, товарищ Командующий!

— Ты в этом, — и показывает на аппаратуру, находящуюся в комнате дежурного по связи, — соображаешь?

— Так точно!

— Вот садись и дежурь. Видишь Рябов какой — напился и ничего не соображает! — а сам улыбается.

Так и отправил **сам** Командующий меня домой лечиться.

Да, за такого Человека в огонь и воду пойдешь, не задумываясь.

А вот другой пример, показывающий Василия Филипповича, его честность, порядочность и умение найти в себе мужество извиниться перед подчиненными, если **он** оказался не прав.

Произошло следующее.

Я получил от НС — начальника связи — генерал-майора Драпуна А.А. приказ — передать срочную информацию на Витебск, в 103-ю дивизию. Оставить рабочее место не могу — вдруг прямой звонок от Командующего. А он страшно не любил, если сразу не поднимешь трубку, когда он звонит. Стою на пороге, дергаюсь. Вижу, идет телефонистка Валя Петрова.

— Валюша, выручай, срочное поручение от Драпуна надо передать, послушай телефон, особенно слушай красный (прямой Командующего). Ясно?

А сам бегом в аппаратную, сажусь за аппарат и, вызвав дежурного по связи в Витебске, передаю приказ НС ВДВ. Закончил передачу и слышу резкий звонок «прямого». Бегом к себе, а Валентина Петрова уже кладет трубку, а глаза у нее круглые. Говорю ей, спасибо, иди, а сам поднимаю трубку «прямого» и докладываю:

— Дежурный по связи Рябов, слушаю Вас, товарищ Командующий.

А в ответ: «Что за б…. у тебя там трубку берет?». Я говорю, что это была Валентина Петрова, а я был в аппаратной. Василий Филиппович чуть задумался и говорит:

— Валя рядом?

Говорю, нет. Она ушла.

— Пойди к ней и извинись за меня!!!

Вот такой у нас был, и пока мы живы, он есть — Василий Филиппович Маргелов.

Не могу не умолчать еще об одном эпизоде моего личного общения с Василием Филипповичем Маргеловым.

Дело было зимой, мороз под двадцать градусов, с ветерком. А я в хромовых сапогах и повседневной шинели руковожу загрузкой в самолет нашей БМД-1КШ (командно-штабная боевая машина десанта — Прим. ред.) в 76 вдд.

Заместитель командира дивизии по тылу после загрузки машины в самолет решил сэкономить место в грузовом отсеке и приказал поверх станции, прямо на рамочные антенны, укладывать своё кухонное хозяйство. Я начал доказывать полковнику, что этого делать нельзя — можно повредить антенны, а результат — командир дивизии не будет обеспечен связью. Дело дошло до повышенных тонов, и мне с экипажем машины пришлось чуть ли не силой препятствовать полковнику творить это безобразие. И, вдруг, слышу голос В.Ф. Маргелова: «Полковник, если не понимаешь, так слушай, что говорит связист. Грузи свои железки на другой борт.» Полковник ретировался из нашего самолета, а Командующий говорит мне:

— Давай, сюда прыгай, совсем замерз.

А рядом с В.Ф. Маргеловым стоит его порученец В.М. Филиппов (он просил, чтобы его звали Евгений, хотя по паспорту он — Вениамин — Прим. ред.) с «дипломатом».

— Давай, накрывай, видишь, связь совсем замерзла, пора согреться.

Филиппов тут же «накрыл» импровизированный стол: на солдатское полотенце выложил банку мясной тушенки, лук, соль, бутылку водки, соленые огурцы, два стакана. Женя Филиппов (а я его знаю с 1958 года, когда он, будучи начальником станции Р—118, в звании старшего сержанта приезжал в 106-ю вдд, и мы с ним испытывали новые средства связи) разлил водку в два стакана. Василий Филиппович взял стакан:

— Ну, что, за успех, и чтоб не замерзнуть.

Чокнулись. Он «махнул», не поморщившись, а я, чуть пригубив, поставил стакан. Он **так** на меня посмотрел и говорит Филиппову:

— Это разве десантник? А ну, не позорь десантные войска. Что из себя «целочку» ломаешь…

Пришлось доказать, что я — десантник. Но потом держался, неизвестно за счет каких сил. Однако все, что положено было сделать, выполнил. И не замерз.

Даже в такой ситуации Василий Филиппович проявил заботу, человеческое отношение к офицеру, мгновенно оценил сложившуюся обстановку и принял правильное решение, поддержав младшего по званию.

В вышеизложенных воспоминаниях об этом уникальном и удивительном Человеке я правдиво и без преувеличений старался показать, под чьим началом мне посчастливилось служить в Воздушно-десантных войсках на протяжении семнадцати лет.

Для чего «губа» десантнику? (Гостинщиков В.Г., ветеран ВДВ, КГБ, член Союза Писателей)

Попал десантник на гарнизонную «губу», а тут Командующий в полк прибыл и приказал показать ему «штрафника». Солдатик доложил о прибытии и, вдруг набравшись храбрости, заявил: «Мне еще батька говорил, какой же солдат, если на «губе» не сидел!» А Командующий ему: «А какой же ты, к хренам, десантник, если не избежал этого!»

Кто круче?

Двое новых русских, один из которых служил ранее в ВДВ, разговорились в ресторане. Выпив от души, они стали спорить, кто из них более другой.

— Я, — хвастается первый, — был глабухом в МММ у самого Мавродия.

— А я, — гордо отвечает второй, — служил в ВДВ в войсках у самого Дяди Васи.

— А что это за войска такие? — спрашивает бывший главбух.

— Ну, блин, ты даешь, коли не знаешь, что так называются Воздушно-десантные войска.

— Подумаешь, смертник хренов, — начинает издеваться подвыпивший экс-главбух.

— Ладно, — говорит десантник (а бывших десантников просто не бывает в природе), — я, может быть и смертник, но живой. А тебе, сучара, следовало бы знать, что одно их толкований ВДВ — Вряд ли Домой Вернешься!

С этими словами ветеран-десантник выхватил покрытый позолотой наган и влепил обидчику пулю прямо в сердце. Вторую же, контрольную, в голову, как учили…

Акулина Ивановна

Офицер-десантник после приема у Командующего прибыл для продолжения службы в одну из приморских арабских стран в качестве советника. Проходит шесть месяцев. Его спрашивают:

— Иван, как же ты обходишься без женщин? Что, мужик, деньги экономишь?

— А я, — отвечает он, — выловил а прибрежных водах симпатичнейшую акулочку. Выбил ей зубы, поместил ее в свою ванну и назвал Акулиной Ивановной. Вам что, рассказывать, как она скрашивает мое одиночество?

— Ну ты, Ваня, даешь! Врешь ты все нам… Давай проверим.

— Пожалуйста, — ответил но, — пошли ко мне.

Пришли, выпили, закусили. А потом и говорят:

— Ну показывай, Иван, свою Акулину Ивановну.

Пошли в ванную, — ответил десантник.

Зашли. В ванне налита вода, а «подруги» нет.

— Где же твоя симпатия? — спрашивают гости.

Иван задумчиво чешет голову и молвит:

— Вот сука, опять пошла налево!

Приложение 1

СТАЛИНСКИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Тов. Гвардии Генерал-майору
Маргелову Василию Филипповичу

За отличные боевые действия в боях против немецко-фашистских захватчиков Верховным Главнокомандующим Генералиссимусом Советского Союза товарищем СТАЛИНЫМ Вам объявлены благодарности:

Приказом Верховного Главнокомандующего от 13 марта 1944 года за участие в освобождении городов БЕРИСЛАВА и ХЕРСОНА.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 28 марта 1944 года за участие в освобождении город НИКОЛАЕВА.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 10 апреля 1944 года за участие в освобождении города ОДЕССА.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 4 ноября 1944 года за участие в овладении городом СОЛЬНОК.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 24 декабря 1944 года за участие в овладении городами СЕКЕШФЕХЕРВАР и БИЧКЕ.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 13 февраля 1945 года за участие в

овладении городом БУДАПЕШТ.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 25 марта 1945 года за участие в овладении городами ЕСТЕРГОМ, НЕСМЕЙ, ФЕЛЬШЕГАЛА и ТАТА.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 3 апреля 1945 года за участие в овладении городами МАДЬЯРОВАР и КРЕМНИЦА.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 5 апреля 1945 года за участие в овладении городами МАЛАЦКИ, БРУК, ПРЕВИДЗЕ и БАНОВЦЕ.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 13 апреля 1945 года за участие в овладении городом ВЕНА.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 15 апреля 1945 года за участие в овладении городами КОРНЕЙБУРГ и ФЛОРИДСДОРФ.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 8 мая 1945 за участие в овладении городами ЯРОМЕРЖИЦЕ, ЗНОЙМО, ГОЛЛАБРУНН и ШТОККЕРАУ.

Командир соединения
гвардии генерал-лейтенант
(РУБАНЮК)

Приложение 2

СПИСОК НАГРАД
генерала армии МАРГЕЛОВА В.Ф.

Ордена СССР

1-4.Орден Ленина —**4** (№ 17023 — 21.03.1944; № 222276 — 03.11.1953; № 400974 — 26.12.1968; № 432414 — 26.12.1978);

5. Октябрьской революции (№ 1726 — 04.05.1972);

6-7. Красного Знамени —**2** (№ 47678 — 03.02.1943; № 310808 — 20.06.1949);

8. Суворова II степ.(№ 1969 — Указ от 1944 г.),

9—10. Великой Отечественной войны I степ. **-2** (№ 34361 — 25.01.1943; № 537841 –11.03.1985);

11. Красной Звезды (№ 1043184 — 03.11.1944);

12. За службу Родине в Вооруженных Силах II степ. (№ 3460 — 14.12.1988);

13. За службу Родине в Вооруженных Силах III степ. (№ 0033 — 30.04.1975).

Медали СССР

1. Золотая Звезда Героя Советского Союза (№ 3414 — 21.03.1944),

2. За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина (11.04.1970),

3. За оборону Ленинграда (22.12.1942),

4. За оборону Одессы (22.12.1942),

5. За оборону Сталинграда (22.12.1942),

6. За Победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг. (09.05.1945), вручена 16.06.1945 командиром 18 гв. стрелкового Станиславско-Будапештского корпуса гв. генерал-лейтенантом Афониным.,

7. 20 лет Победы в ВОВ (07.05.1965),

8. 30 лет Победы в ВОВ (05.05.1975),

9. 40 лет Победы в ВОВ (12.04.1985),

10. За взятие Будапешта (09.06.1945),

11. За взятие Вены (09.06.1945),

12. Ветеран ВС СССР (№ 89–30.04.1980),
13. За укрепление боевого содружества (31.05.1980),
14. 30 лет СА и ВМФ (22.02.1948),
15. 40 лет ВС СССР(20.02.1958),
16. 50 лет ВС СССР (26.12.1967),
17. 60 лет ВС СССР (28.01.1978),
18. 70 лет ВС СССР (19.02.1988),
19. 250 лет Ленинграда (№ 660699 — 4.1958),
20. Нагрудный знак «25 лет Победы в ВОВ» (№ 401 — 24.04.1970),
21. Нагрудный знак «30 лет победы под Москвой» (30.12.1971).

Знаки ВЛКСМ

Почетный знак ЦК ВЛКСМ (№ Б—1102 — 25.12.1978),
Воинская доблесть (12.08.1970),
Почетный знак «100 лет с именем В.И.Ленина» (1970),
50 лет ВЛКСМ (1968),
70 лет ВЛКСМ (1988).
Нагрудный знак «Лауреат Государственной премии СССР» (№ 4315–1975)
«Маршальская Звезда» генерала армии (1974)
Знак «50 лет в КПСС»
Знак «Инструктор-парашютист»
Знак «Ветеран ВДВ»

Иностранные награды

Народная Республика Болгария

1. Орден «Народная Республика Болгария» 2 степ. (№ 1136 — 20.9.1969),
2. Медаль «Георгий Димитров», 90 лет со дня рождения (Указ № 364 — 22.02.1974),
3. Медаль «100 лет освобождения Болгарии от османского ига» (указ № 014927, № 2026–1978),
4. Медаль «Георгий Димитров», 100 лет со дня рождения (Указ № 450 — 1982),
5. Медаль «40 лет Победы над гитлеровским фашизмом» (Указ № 122 — 29.09.1985).

Венгерская Народная Республика

6. Звезда Ордена «Венгерская Народная Республика», 3 степ. (Указ № 5208/1950 — 04.04.1950),
7. Знак Ордена «Венгерская Народная Республика» (Указ № 5208/1950 — 04.04.1950),
8. Медаль «Братство по оружию», Золотая степень (29.9.1985).

Польская Народная Республика

9. Орден «Офицерский Крест» ордена «Возрождение Польши» (Указ № 1418-73-80 — 06.11.1973),
10. Медаль «За Одру, Нису, Балтику» (Указ № 13930 — 07.05.1985),
11. Медаль «Братство по оружию» (Указ № 8309 — 12.10.1988)/

Социалистическая Республика Румыния — **все удостоверения к наградам с факсимильной подписью Президента СРР Н.Чаушеску**

12. Орден «Тудора Владимиреску» 2 степ. (№ 199 — 01.10.1974),
13. Орден «Тудора Владимиреску» 3 степ. (№ 733 — 24.10.1969),
14. Медаль «25 лет освобождения Румынии» (№ 739 — 03.11.1969),
15. Медаль «30 лет освобождения Румынии» (№ 216 — 21.06.1974).

Чехословацкая Социалистическая Республика

16. Орден «Клемента Готвальда» (1969),
17. Медаль «За укрепление дружбы по оружию» 1 степ. (08.1970),
18. Медаль «50 лет Компартии Чехословакии»,
19. Медаль «30 лет освобождения Чехословакии Советской Армией» (1975).

Монгольская Народная Республика

20. Орден «Боевого Красного Знамени» (Указ № 3071, № 142 — 07.06.1971),
21. Медаль «30 лет победы на Халхин-Голе» (Указ № 1176 — 15.08. 1968),
22. Медаль «40 лет победы на Халхин-Голе» (Указ № 361 — 26.11.1979),
23. Медаль «50 лет МНР» (Указ № 262, п/п Ж.Самбу — 16.12.1971),
24. Медаль «60 лет МНР» (п/п Ю.Цеденбалом — 29.12.1982),
25. Медаль «50 лет УАХБ» (местное КГБ),
26. Медаль «50 лет ВС МНР» (Указ № 82, п/п Ж.Самбу — 15.03.1974,
27. Медаль «30 лет победы над Японией» (Указ № 3, п/п Ю.Цеденбалом — 10.08.1975).

Китайская Народная Республика

28. Медаль «Китайско-советская дружба» (От имени Председателя КНР Мао Цзе-дуна — 23.02.1955)

Германская Демократическая Республика

29. Орден «Звезда дружбы народов», в «Серебре» (П/п 1-й секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Госсовета, Председатель Национального совета ГДР Э. Хоннекер — 23.02.1978),
30. Медаль «Артур Бекер», в «Золоте» (23.05.1980).

Республика Куба

31. Медаль «20 лет РВС Кубы» (№ 16670 — 22.02.1978),
32. Медаль «30 лет РВС Кубы» (08.12.1986).

Соединенные Штаты Америки — вручены без документов.

33. Орден «Почетного Легиона», Командорская степень (10.05.1945),
Медаль «Бронзовая Звезда» (10.05.1945).
(Всего **34**)

Приложение 3

В ЭТОМ ПРИЛОЖЕНИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОМЕЩЕНЫ ДИПЛОМЫ ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР И КАНДИДАТА ВОЕННЫХ НАУК

Приложение 5

ВОЛГАРЬ (АНДРЕЕВ) Владимир Иванович
Лауреат премий Союза писателей СССР
Член Союза писателей СССР

НЕБЕСНЫЙ БАТЯ
(Отрывок)

Маргелов —
Это твердо,
Это гордо
По-русски
И по воински звучит,
При звуках его имени
Аккордом
И сердце по особому стучит.

Крутой мужик Василий — от природы,
Чапаев с ним бы встал на пьедестал.
Маргелов —

Парень теркинской породы,
Как Теркин сам
Маргеловцем бы стал!

Честь велика
Маргеловцем считаться,
А значит —
И воистину им быть!
Он в гордом голубых беретов братстве
Стал неспроста
Знамением судьбы.

Примером вечным он для поколений
Тех, у кого характер штурмовой,
Является,
Как парашют крепленьем,
Поддерживая дух наш боевой.

А этот дух для недругов опасен!
Такой и класс у нас, да и заквас,
Что неспроста
«Войсками Дяди Васи»
Зовется десантура и сейчас.

Одних лишь громовержцев-генералов,
Что бьют из поднебесья по врагу,
Такую он плеяду нам оставил,
Что враз любых врагов согнут в дугу!

Георгий Шпак, как и крутой Ачалов,
Павленко, что сквозь шквал прошел свинца,
Калинин, Лисов, Кулишев и Краев…
В крылатой гвардии
Таких немало стало
Отцами-командирами бойцам.

И пусть суровой яростной братвою
Командовать не каждому дано,
Но Бате, было, знать, самой судьбою
Стать нашим крестным батей —
Суждено!

Ведь в каждом хоть частицей, но хранится
Маргеловской души боезапас,
Не смог бы там, где мы прошли, пробиться
НИКТО — таков девиз наш — КРОМЕ НАС!
Вот почему десантные погоны
С особым шиком носят мужики,
И по святому нашему закону
В войсках у Дяди Васи
Все — братки!

Как неспроста и в Батином семействе
Два генерала
И полковник есть,
Майор — «Радист почетный»,
С ними вместе
Хранит профессор родовую честь.

Все пять сынов достойны славы Бати,
И нет числа десантникам-сынкам,
Ради которых на войны распятье
Он бросил свою душу на века.

Не зря же, как «птенцы гнезда Петрова»,
На гордые скрижали навсегда
Занесены единой родословной
И все «орлы Маргелова гнезда»!

Те, что с фашистской нечистью сражались,
И по Афгану кровные братки,
И те, с кем встретясь, кровью умывались
Чеченские не раз боевики.

И в Косово не зря на упрежденье
Сработал наш стремительный десант,
Пока вояка натовский в смущенье,
Дрожа, топтался там, как экскурсант.

И если б не политики-ловчилы,
Что у России виснут на плечах,
Мы ему дали б в зад слегка… вполсилы…
И тот вояка сразу бы зачах.

Ну, с этим ясно…
Но необходимость
Имеется задать такой вопрос —
А так ли уж достойно за решимость
Вознагражден российский командир?

Вон космонавт-собрат,
Коль приземлился
Живой,
И славят все его гурьбой,
А тут —
Ты лишь со звезд едва свалился
Тоже живой,
Так сходу — прямо в бой.

И здесь,
Не обижая звездных братьев,
Но разница, конечно, все же есть…
И драться так,

Уж если разобраться, —
Особая для десантуры честь!

Суворов под команду
Этих смелых
Всех принял бы,
Гагарин взял в полет,
Поэтому, когда звучит
— МАРГЕЛОВ! —
Все воинство десантное
Встает!

Крылатой гвардии
Он Первым был Солдатом,
С самим Святым Георгием в родстве,
И потому,
Став Знаменем десанта,
Своим могучим воинским талантом,
Ввысь путь открыв
Российскому Атланту,
Небесный Батя —
Бог для ВДВ!

Приложение 6

ВОСПОМИНАНИЯ О КОМАНДУЮЩЕМ
ПРЕДИСЛОВИЕ

Воздушно-десантным войскам уже 70 лет, но они и сегодня остаются одним из самых молодых родов войск.

Индустриализация Страны Советов, бурное развитие авиации, начавшаяся моторизация Красной Армии, дали толчок рождению в 30-х годах новых, наиболее мобильных войск, способных по воздуху проникать вглубь территории противника. И обеспечивать наступающим войскам высокие темпы продвижения и решительный характер боевых действий.

Перспективность применения воздушных десантов была высоко оценена как военной наукой, так и руководством Красной Армии. В результате этого, за короткий период из отдельных отрядов и парашютно-десантных частей сформировались новые воздушно-десантные войска. Родиной их является Советский Союз.

За 70 лет ВДВ прошли славный боевой путь. Они отличились не только в годы Великой отечественной войны, но и наше время, находясь на острие главных боевых задач во всех локальных войнах и вооруженных конфликтах.

Воздушно-десантные войска создавались и воспитывались многими поколениями отважных десантников и талантливых офицеров и генералов, беззаветно преданных войскам и десантным традициям. Среди них видное место занимают многие военачальники, руководившие в разное время войсками. Однако из этой славной когорты патриархов — командующих ВДВ особое место и роль принадлежит творцу и создателю современных Воздушно-десантных войск, Герою Советского Союза генералу армии Маргелову Василию Филипповичу.

Ему, незаурядному человеку и выдающемуся военачальнику, посвящаю этот очерк.

А. Кукушкин.

ОН БЫЛ БОЛЬШЕ, ЧЕМ НАЧАЛЬНИК НАД ВСЕМИ ДЕСАНТНИКАМИ

Отличительная черта мудрых людей — не консервироваться во времени, а смело смотреть вперед и видеть то, что многие из сверстников уже не замечают.

О МАРГЕЛОВЕ Василии Филипповиче,
Герое Советского Союза,
любимом Командующем
Воздушно-десантных войск

Разговор пойдет о человеке неординарном, военном до мозга костей, в чем-то противоречивом, но несомненно талантливом и любимом военачальнике — создателе современных ВДВ, командующем от Бога, Василии Филипповиче Маргелове, Герое Советского Союза, генерале армии, лауреате Государственной премии, кандидате военных наук

Он был десантным, солдатским генералом, легендой при жизни. Жизнь за Родину, а честь десантника — никому! — таков был девиз этого человека.

Говорить и писать о Василии Филипповиче Маргелове не просто, так как сфера деятельности его как командующего, ученого и просто человека была необыкновенно объемной и глубокой. Попытаюсь рассказать то, что видел, в чем участвовал, знаю и пережил, работая долгое время под его знаменами.

ЗНАКОМСТВО С ГЕНЕРАЛОМ МАРГЕЛОВЫМ

Мое знакомство с ним состоялось несколько необычно, если не сказать забавно. До сих пор не без улыбки вспоминаю тот январский вечер 1952 года… Но все по порядку.

В ноябре 1951 года, окончив Академию им. Фрунзе, я собрался работать (как мне сообщили кадровики) в штабе Воронежского военного округа (в те времена такой был). Но, вопреки моим ожиданиям, приказом Министра ВС СССР маршала Василевского А.М., меня определили в войска Дальнего Востока, в штаб 37-го гвардейского воздушно-десантного корпуса, которым командовал в то время генерал-майор Маргелов В.Ф.

На Дальний Восток ехал с нежеланием и глубокой обидой в душе. Товарищи, которых отбирали в ВДВ, еще осенью прошли медкомиссию на годность к прыжкам, а я, «брошенный как кур во щи» в десантники, был лишен даже этой формальности.

В начале января прибыл в г. Куйбышевка-Восточная (ныне — г. Белогороск) Амурской области, где размещался тогда 37-й гв. вдк, передислоцированный только что из Приморья.

Выйдя из вагона, я окунулся в свинцово-туманную изморозь, перемешанную с едким дымом и паром от множества паровозов. Жестокий мороз под 40 градусов буквально сковывал все вокруг. Узнав у встречных офицеров, где располагается штаб корпуса, через четверть часа я уже был на месте. Представился начальникам. Затем прошел в оперативный отдел, где предстояло работать. Офицеры отдела приняли меня доброжелательно, с интересом, не в пример начальникам. Спросили, где остановился, есть ли деньги? Ознакомили с делами штаба, с юмором рассказывали о нелегкой десантной жизни. Дали весьма нелестную характеристику непосредственным начальникам и, вместе с тем, с юмором и теплотой отзывались о своем комкоре.

Непринужденная обстановка, шутки как-то сразу сблизили меня с коллективом товарищей, офицеров заслуженных, опытных десантников, значительно старше меня по возрасту и опыту штабной работы. Все это несколько успокоило меня и развеяло тревожные и мрачные мысли.

Однако надо было еще представляться командиру корпуса. Когда он появится в управлении и будет ли вообще — никто не знал. Надо было ждать.

Генерал Маргелов В.Ф. появился в штабе где-то часов в 20, а то и позже. Адъютант передал, что комкор готов принять меня.

Захожу. Кабинет полуосвещен, горит настольная лампа и одна лампочка под потолком. В довольно просторном кабинете два канцелярских стола, поставленных Т-образно, десятка полтора простых стульев по стенкам. В углу металлический сейф с двумя шлакоблочными кирпичами наверху, по-видимому, строительными образцами. Портрет Сталина в рамке. Скромное убранство кабинета говорило о том, что хозяин его не очень-то долго засиживается здесь и был равнодушен к излишним украшательствам.

Посреди кабинета стоял генерал в гимнастерке со звездой Героя, синих шароварах с лампасами и в унтах.

Ладная атлетическая фигура, подпоясанная генеральским ремнем без портупеи, подчеркивали стройность и щеголеватую выправку комкора.

Приятное, если не сказать красивое лицо славянского типа несколько портил шрам на левой щеке.

Твердо сжатые губы и характерные складки подчеркивали решительный характер и волю.

Признаюсь, он мне понравился.

Я четко доложил, что прибыл для прохождения службы в штаб корпуса.

— Ты, академик, по честному скажи мне — с желанием прибыл к нам или нет? — хриплым голосом спросил комкор.

— По правде, товарищ генерал, без всякого желания!

— Григорий Павлович, — обратился он к подполковнику в авиационной форме, сидевшему у приставного стола (позднее я узнал, что это был начальник ПДС корпуса Паньков Григорий Павлович), — ты посмотри на него! Еще и гвоздя не забил, а то же — не хочу у вас работать! Присылают к нам всяких мудаков будто у нас не десантный корпус, а румынский бардак!

Он нервно ходил по кабинету, торопливо затягивался папиросой и продолжал громко ругаться, не выбирая выражений.

Обозленный таким поворотом разговора, к тому же с утра голодный, я резко прервал его, сказав:

— Товарищ генерал! Чего Вы ругаетесь? Вы спросили меня, я вам честно ответил. Но я Вам докладываю, что раз прибыл в корпус, значит и работать буду добросовестно.

— Спасибо! Уважил…, — насмешливо проговорил комкор и тут же задал мне в лоб другой, не менее провокационный вопрос.

— Скажи по честному, водку пьешь?

— Пью, товарищ генерал!

— Ну, вот, такую мать! Всех пьяниц к нам в корпус присылают. У нас своих выпивох, как цыган на ярмарке!

— Товарищ генерал! Выпиваю не часто, лишь по случаю и умеренно, — пытался оправдаться я.

— Пить не надо вообще и даже умеренно.

И, слегка улыбнувшись в сторону Панькова, добавил:

— Ну, разве что в праздники, да и то революционные… А прыгать будешь?

— Раз приехал в воздушно-десантный корпус, значит и прыгать буду, — ответил я.

— Это уже лучше, — выдохнув струю дыма, сказал генерал.

— Теперь слушай, что надо знать десантнику, чтобы освоить прыжок с парашютом. Во-первых, научиться укладывать его. Хорошо уложишь — на 50 процентов жив! Во-вторых, правильно отделиться от самолета. Рот раскроешь — весь завтрак через задницу вылетит. Если отделишься коровой, обязательно что-нибудь да запутается, а если все сделаешь правильно, на 50 процентов жив будешь. И еще, в-третьих, надо научиться

правильно приземляться — тогда без костылей ходить будешь!

Комкор ходил по кабинету и, рубя рукой воздух, продолжал:

— Я вот по честному тебе, академик, скажу. Сам по два раза обе ноги ломал. Но, вот теперь освоил и ничего… хожу.

«Хохмит генерал», — подумал я. И, будто угадав мою мысль, Маргелов продолжил:

— Григорий Павлович! Скажи, разве не так?

Паньков молча улыбался, слушая этот генеральский инструктаж.

— Ну, теперь тебе все ясно? — улыбаясь спросил комкор.

— Так точно, товарищ генерал! Закажу брезентовые штаны пошире, чтобы из них все выдуло ветром, если, не дай Бог, при прыжке рот раскрою! — неуклюже сострил я.

— Ну, мудачек, хорошо что понял кое-что, — улыбнувшись, принял мою нелепую шутку комкор, и уже серьезно заметил:

— Там у вас в отделе хорошие офицеры, присматривайся к ним, перенимай все лучшее и полезное.

Я сказал, что с офицерами уже познакомился и мне понравился коллектив.

— Ну, хорошо, давай приступай!

Когда я рассказывал офицерам отдела, какой «прием» устроил мне комкор Маргелов, те едва не лопнули от хохота. смеялся и я; при этом странным было то, что у меня не было обиды за ругательства, которые комкор, вроде бы мимоходом, посылал в мой адрес.

Уже позже Григорий Павлович Паньков, вспоминая этот эпизод, рассказал, что когда я вышел из кабинета, Маргелов сказал, что из этого академика получится неплохой десантник.

Так с благословения Василия Филипповича в тот памятный вечер началась моя десантная служба продолжительностью в тридцать четыре года.

37-й гв. вдк был особым корпусом в Воздушно-десантных войсках. Кроме трех воздушно-десантных дивизий (13, 98 и 99 вдд) в него входила 1-я военно-транспортная авиационная дивизия трех полкового состава с комплектов планеров Як—14, с большим количеством летного состава и пилотов-планеристов. Всю эту армаду частей, семей офицеров, боевой техники, парашютно-десантного имущества надо было разместить, укрыть, обогреть.

37-Й ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЙ КОРПУС

Корпус обустраивался на новом месте очень трудно, по существу он был посажен на пустое место.

Зимой и летом 1952 года только в Куйбышевском гарнизоне строилось более двух десятков казарм, столовых и жилых домов. Такое же положение было в городах Свободном и Шимановске, там обустраивалась 99 гв. вдд.

Большинство строек выполнялось силами частей корпуса в условиях жутких амурских морозов при постоянной нехватке строительных материалов. Вместе с тем в течение двух лет обустройство частей корпуса в основном было завершено. Это явилось заслугой не только самоотверженной работы офицеров и личного состава частей, но и командования корпуса, в первую очередь, комкора Маргелова В.Ф. Его энергия, напористость, исключительная тактичность при общении с местными властями и, наконец, личное обаяние были решающими в ряде сложных ситуаций. Во имя дела он не щадил ни себя, ни подчиненных.

Зимой 1952 года корпус навестил Главком войск Дальнего Востока Маршал Советского союза Р.Я. Малиновский. Родион Яковлевич внимательно осмотрел все стройки и в целом остался доволен ходом обустройства и деятельностью комкора Маргелова.

Корпус не только строил, но и усиленно занимался боевой подготовкой: стрелял, прыгал с парашютом, проводил тактические учения, осваивал десантную технику. Десантной выучке уделялось особое место, т. к. в те времена только она отличала нас от обыкновенной пехоты.

ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК

Погода зимой в Амурской области необычайная. Жестокие морозы, доходящие нередко до минус 50 градусов, студеная тишина, по-летнему яркое солнце и полное безветрие.

Десантники успешно пользовались таким погодным феноменом и большую часть прыжков и учений с десантированием проводили зимой. Прыгать запрещалось лишь тогда, когда температура воздуха была ниже 30 градусов мороза.

Вместе с войсками учился и штаб корпуса — к десантной подготовке подключили и нас, новичков. Формальная медкомиссия в медсанбате, две тренировочные укладки парашюта ПД-47, и вот мы уже на предпрыжковой подготовке, точнее, на только что построенном тренажере — «костоломе Проничева». Опытные десантники наотрез отказались прыгать с него и со смехом предложили опробовать тренажер на новичках.

Первым поднимаюсь на скрипучее, на высоченных столбах нелепое сооружение. На самой верхотуре напяливаю на себя подвесную систему, соединенную через свободные концы с двумя тросами. Складываю руки на запасном парашюте и по команде инструктора Ильина С.П. прыгаю вниз. Метра через 3–3,5 свободного падения меня тряхнуло так, что слетела шапка и валенки. Я как дурак, босой и гологоловый, болтался на тросах в метрах 3-х — 4-х над землей. Внизу, забыв о морозе, хохотали офицеры. Напялив кое-как брошенные мне валенки, старательно выполнил команды Ильина «Развороты по ветру», а затем по команде «Земля!» снова кирпичом полетел вниз и шлепнулся на кучу насыпанных опилок.

Товарищи со смехом и шутками поздравили меня с «первым» прыжком, но мне тогда было не до шуток.

Вторым прыгал другой новичок. Его эксперимент был более печален. Разбитый нос и ушибленное колено вынудили прекратить «тренажерный» эксперимент в нашей предпрыжковой тренировке.

Наверное, каждый десантник помнит день своего первого прыжка. Помню и я — 2 марта 1952 года.

Где-то часов в десять мы, офицеры корпуса, прибыли на площадку приземления Украинка. Прыжки шли уже во всю. Работали два аэростата, третий — запасной, огромным перезрелым огурцом стоял в загородке высоченного забора. Комкор Маргелов был уже на площадке и распекал командира корпусного батальона связи. Этот «отец» солдат половину батальона вывел на прыжки в сапогах. Досталось от комкора и кое-кому из корпусных начальников за бесконтрольность и наплевательское отношение к здоровью и заботе о солдатах.

Разобравшись с начальниками, Василий Филиппович подошел к связистам, весело поздоровался с ними и шутливо спросил:

— Чего это, товарищи десантники, скрючились как стариковский хрен? Радуйтесь — на прыжки пришли. А что в сапогах, то домой бежать будет легче! Вы же сибиряки и знаете, у нас десять месяцев зима, остальное — лето! Так — что вам к холодам не привыкать. Для настоящего десантника никакой мороз нипочем, даже когда он писает — снег в радиусе метра тает.

Потом добавил какую-то еще байку о десантниках и, рассмешив солдат, пожелал им мягкого приземления. А командиру батальона громко приказал:

— Всех в сапогах пропустить на прыжок вне очереди, — чем еще больше подбодрил замерзающих связистов.

Обычная предстартовая суета с парашютами, проверка готовности и мы уже на старте.

Первым на прыжок пошел комкор. В гондолу с ним сел начальник ПДС подполковник Паньков Г.П. — он всегда лично выпускал командира корпуса.

Впервые я видел, как поднимается аэростат и с замирающим сердцем ждал, когда генерал отделится от гондолы. Наверное, за прыжком комкора следили сотни глаз. Наконец-то аэростат остановился, развернулся по ветру, еще мгновение, и вот черная точка

отделилась от него. Еще миг, и над человеком вспыхнул зонтик парашюта. Вздох облегчения. Невольная гордость всколыхнула, наверное, не только меня, но и многих подопечных комкора — генерала, уже в летах, избитого на войне, обремененного массой забот и огромной ответственностью. Возникла подленькая мысль, а нужно ли командиру корпуса лезть вперед и рисковать здоровьем и даже жизнью? И тут же возник ответ — надо! Вот так и только так должен поступать настоящий командир! Делай как я! — было правилом в жизни нашего комкора.

Василий Филиппович прыгал регулярно, иногда даже с риском. От прыжков никого не освобождал. Саботажников и трусишек вывозил на прыжки лично и, как правило, в выходной день. В Управлении корпуса не прыгал лишь один человек — начальник тыла корпуса полковник Жуков, человек пожилой и больной.

Где-то в 1954 году увлеченность комкора прыжками каким-то образом дошла до маршала Малиновского Р.Я., и тот распорядился впредь генералу Маргелову В.Ф. прыжки с парашютом совершать только по его личному разрешению.

Но я отвлекся. Вслед за комкором прыгнуть с парашютом предстояло нам — перворазникам. Из четырех очередников я оказался самым легким, и мне пришлось размещаться не в гондоле аэростата, а на откинутой доске — «хлеборезке», как ее насмешливо называли десантники.

Переживания перед первым прыжком известны каждому десантнику. Наконец-то аэростат поднялся на заданную высоту в 600 метров, резко дернулся, хлопнул килем и развернулся против ветра. Аэронавт, сверхсрочник, уже в летах, открыл дверку гондолы и приказал всем приготовиться. Пока я сползал с «хлеборезки», товарищи уже покинули гондолу. Она раскачивалась как маятник. Я встал на порожек и приготовился к прыжку. Мельком взглянул вниз, в бездну, и невольно позавидовал товарищам, которые уже раскачивались на раскрытых парашютах. «Ну, с Богом! Пошел!», — дал команду старшина, и я прыгнул вниз. Секунды падения… основательный рывок, и я уже сижу под куполом парашюта. Сразу успокоился и по неопытности посчитал, что уже все в порядке. Землю встретил без страха (будто прыгал с табуретки), и, надо же, устоял на ногах как заправский пэдээсник.

Первым к нам подошел Василий Филиппович и шутливо спросил:

— Что, херки-топорики, кто из вас «мама» кричал?

— Наверное, я, товарищ генерал! — признался майор Рунов К.А.

— Ну, ладно, не грех и маму вспомнить при первом прыжке. Поздравляю вас и награждаю значком десантника!

Этот маленький скромный значок перворазника, полученный от комкора Маргелова В.Ф., храню до сих пор, как большую реликвию.

ЛЕГЕНДЫ О МАРГЕЛОВЕ

Обучение корпуса шло полным ходом. Отступление от программы, более того, срыв ее, карались беспощадно.

Комкор в полной мере требовал отдачи и от штаба. Этому обязывала и обстановка. В Корее шла война, широко применялся напалм и даже смертоносные бактерии. Личному составу корпуса была проведена вакцинация от чумы и холеры.

Василий Филиппович постоянно был в войсках, мы, офицеры штаба, постоянно сопровождали его на всех учениях и проверках. Это была хорошая школа для нас операторов. Мы уже знали, что результаты обобщенной работы комкор может потребовать в любой момент, и к этому тщательно готовились. Он всегда требовал конкретных ответов, с примерами, фамилиями и выводами.

Как-то весной 1952 года по тревоге был поднят 116-й гв. вдп. За ночь полк совершил 20-ти километровый марш-бросок и утром возвратился к месту дислокации. Я, как направленец этой дивизии, прошел с полком весь маршрут и, вроде бы, хорошо знал

промахи и успехи в его действиях.

На совещании офицеров Управления корпуса Василий Филиппович приказал мне сообщить о действиях полка. Я по порядку доложил обо всем. И вдруг комкор задает мне вопрос:

— Сколько в полку было отстающих на марше и сколько человек с потертостью ног?

Я ответил, что отстающих было человек 30–40, потертостей много, а сколько точно — не знаю.

— Вот так — «приблизительно» — работают наши офицеры! — с возмущением заметил комкор и сам назвал точные цифры.

Я готов был провалиться от стыда и позора. Урок на будущее получился хороший.

Авторитет комкора Маргелова В.Ф. был незыблем, требовательность была всегда по существу, без мелочей и пустяковых придирок. Командиры дивизий и частей это знали. И если кто-либо допускал промах, то знал, наказание будет неизбежным, но справедливым, без унижений и оскорбления.

В корпусе, да и не только в нем, о генерале Маргелове В.Ф. ходило немало забавных рассказов, солдатских баек, порою на грани легенд. Что-то из них в действительности имело место, а кое-что было казарменным фольклором, вымыслом.

В частности, помнится рассказ, как генерал Маргелов В.Ф. где-то застукал выпивающих солдат. Оставалось выпить еще полбутылки и, надо же, внезапно нагрянул к ним не кто-нибудь, а сам комкор!

— За что пьете, десантники? — спросил генерал.

— Да, товарищ генерал, вот у Кольки день рождения, так что простите нас…, — заикаясь от страха промямлил один из них.

— Ну, что же! Вам уже хватит, а я, если не возражаете, за здоровье Кольки не прочь выпить!

И тут же вылил в кружку оставшуюся водку и одним духом осушил ее.

— А сейчас, марш все в казарму! — скомандовал комкор.

Десантник Колька, если жив, наверняка и сейчас помнит, как комкор Маргелов выпил кружку водки за его десантное здоровье.

Другому случаю свидетелями было несколько офицеров штаба корпуса. Дело было так. Маргелов В.Ф. ехал из Никольского гарнизона и по дороге встретил солдата. Выяснилось, что он возвращался из самоволки. Разбираться с ним не было времени, да и уже темнело. Узнав фамилию самовольщика и номер части, комкор спросил:

— Штаб корпуса знаешь где находится?

— Знаю, товарищ генерал!

— Так вот, если через полчаса не будешь там, чтобы разобраться с тобой до конца, сгною на гауптвахте! Понял?

— Так точно, товарищ генерал!

А от Никольского гарнизона до штаба было не менее 5–6 километров, так что солдат явно не смог прибыть туда вовремя.

Отдав приказ, комкор сел в «виллис» и поехал.

Офицеры рассказывали, что вслед за прибывшим в штаб Маргеловым появился солдат, который доложил, что его срочно вызывает комкор.

Появившись в кабинете, солдат доложил оторопевшему от неожиданности Василию Филипповичу, что прибыл по его приказу. Придя в себя, Маргелов спросил:

— Как же ты, стервец, успел так быстро добраться сюда?

Солдат, улыбаясь, признался, что он, когда комкор садился в машину, прицепился на запасное колесо «виллиса» и вместе с ним доехал до штаба.

Василий Филиппович искренне смеялся, восхищаясь десантной находчивостью самовольщика, и приказал дежурному отпустить с миром этого пройдоху.

Однако были случаи и серьезнее.

Однажды встревоженный оперативный дежурный доложил комкору, что в 299-м

гвардейском полку 98-й гв. вдд пьяный часовой не подпускает никого к посту и угрожает расстрелять караул и командира полка.

Встревоженный Маргелов тут же поехал в полк, и, увидев растерявшегося командира полка подполковника Власова, пришел в ярость.

Расстегнув шинель. он, невзирая на протесты бывших с ним офицеров, решительно направился к посту.

Идя к часовому, он резко крикнул ему:

— Ты знаешь меня?

— Да, знаю. Вы генерал Маргелов! Не подходите, застрелю Вас!

— Слушай, солдат! Даю тебе честное генеральское слово, если отдашь мне автомат, судить тебя не буду!

— Товарищ генерал! Не подходите, застрелю!

— Ах ты, мудак паршивый, стреляй, гад, в своего генерала! Меня фашисты расстреливали четыре раза и не убили! А ты, засранец, хочешь убить!

Распахнув шинель, решительно двинулся на пост.

Солдат явно растерялся. Такого оборота дела не ждал, и, видимо, трезвея, крикнул:

— А Вы действительно не накажете меня?

— Даю генеральское слово, что судить не буду!

Солдат был разоружен и посажен на гауптвахту.

Уезжая из полка, Маргелов едко заметил командиру полка:

— Из тебя, подполковник, командир полка, что из собачьего дерьма пуля!

Возникает вопрос, стоило ли командиру корпуса так безрассудно рисковать жизнью? Но в поступке этом — весь Василий Филиппович Маргелов.

Случай этот стал известен и Главкому, который в телефонном разговоре объявил комкору выговор.

37-й гвардейский воздушно-десантный корпус с прибытием в Приамурье, решением Главкома был оперативно подчинен Командующему 1-ой Отдельной Краснознаменной армии (1 ОКА), штаб и войска которой размещались на территории Амурской области.

1-ой ОКА командовал тогда известный военачальник, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Лелюшенко Д.С.

Решение о переподчинении было не лучшим. Большинство из руководства этой армии о десантных войсках и их специфике имели представление не больше, чем о царстве Божьем. И, тем не менее, вмешивались в дела корпуса, часто мешая делу.

Взаимоотношениям с десантниками не способствовал и командарм, человек властный и даже деспотичный. Решения, касающиеся корпуса, принимались иногда на эмоциях, непродуманные. Служебные совещания руководящего состава из деловых встреч командарм превращал в издевательские экзамены по знанию уставов и технических характеристик бронетанковой техники. Так что подчиненность эта доставляла комкору не мало головной боли. В этих условиях Василию Филипповичу приходилось проявлять немалое искусство дипломата, чтобы как-то ослабить пресс армейского руководства на войска корпуса и защитить офицеров от напрасных наказаний.

В послевоенные годы офицерам жилось трудно. Большинство ютилось на частных квартирах. некоторые умудрялись держать кур и даже коров.

Скромно жил и комкор Маргелов В.Ф. Он занимал половину одноэтажного барачного типа строения напротив штаба корпуса. Оно отличалось от других тем, что было обнесено двухметровым дощатым забором. Жена его, Анна Александровна, симпатичная блондинка, работала врачом в гарнизонной поликлинике, слыла хорошим специалистом, и считалось престижным попасть к ней на прием.

Лето 1953 года было особенно тревожным. Резко обострилась война в Корее. Несколько провокационных налетов было совершено американской авиацией даже на

объекты в Приморье.

Но особенное беспокойство и тревогу в обществе вызвало необдуманное популистское решение тогдашних правителей во главе с Ворошиловым К.Е. о всеобщей амнистии заключенным.

Многочисленные эшелоны зеков словно бурный поток двинулись на Запад. По пути следования уголовники учиняли погромы и, буквально как ураган, сметали и грабили ларьки и магазины на станциях. Многие из них как тараканы разбегались из эшелонов и оседали в окрестных городах и поселках.

Из Хабаровска пришел приказ: к каждому эшелону, прибывающему на станцию, высылать вооруженную роту десантников, чтобы предотвратить грабежи и погромы.

Участились разбои и убийства, и в нашем гарнизоне комкор своим приказом разрешил офицерам носить личное оружие. Многие тогда жили в напряжении и постоянной тревоге, опасаясь за жизнь близких.

Как-то летом, будучи дежурным, я был свидетелем любопытного разговора комкора с начальником штаба генералом Савчуком В.И.

— Знаешь, Валерий Иванович, сегодня едва с ума не сошел. Рано утром слышу — кто-то ходит в соседней комнате. Мысль — бродяги залезли! Схватил «маузер» и думаю, как только откроют дверь в нашу комнату, сразу же влеплю в лоб пулю. И тут открывается дверь, и к нам вбегает один из моих близняшек! Пистолет буквально выпал из рук… Ты понимаешь, что могло бы случиться?! До сих пор не могу очухаться!

Осенью этого же года, вопреки желанию, меня определили работать в десантном отделе штаба Дальневосточного округа. Комкор долго не отпускал, собирался говорить к командующим, но, в конце концов, был вынужден откомандировать меня в Хабаровск.

Встречи с генералом Маргеловым В.Ф. стали редкие и по случаям, когда он приезжал в Хабаровск или мы в корпус.

Десантный корпус считался одним из лучших соединений в войсках округа, а его командир — комкор Маргелов В.Ф. — авторитетнейшим и, пожалуй, самым известным генералом. Утверждение это — не искусственная дань Василию Филипповичу. Работая в Управлении командующего ДВО, мы знали состояние всех войск округа и цену их командирам.

В начале лета 1954 года комкор Маргелов В.Ф. был назначен Командующим Воздушно-десантными войсками. Провожали его в Москву тепло, всем корпусом. Искренне жалели, что он уходит и, в то же время, гордились, что наш комкор, а не кто-то другой назначен на эту высокую должность.

Полагаю, что время командования 37-м гв. ВДК и служба на Дальнем Востоке, были не худшим периодом в жизни Василия Филипповича Маргелова на пути его становления крупным военачальником в Советской Армии.

Слухи об успехах и неудачах в деятельности Василия Филипповича в новой должности доходили до нас, дальневосточников, с чужих слов и нередко искаженными.

КОМАНДУЮЩИЙ — РЕФОРМАТОР

В январе 1965 года я получил назначение работать в Управление Командующего ВДВ. По прибытию в штаб представился Командующему. Принял он меня доброжелательно. Поинтересовался делами нашей дивизии и, улыбаясь, спросил, сколько лет я «отсидел» на Дальнем Востоке.

— 15 лет, товарищ Командующий!

— Да, многовато, многовато! Но зато теперь — москвич! Где хочешь работать?

— Товарищ Командующий, куда назначите…

— Ну, ладно, иди к Громову Ивану Ивановичу. Он все расскажет и определит твою службу!

Это был и тот и другой Маргелов. Внешне он выглядел моложаво и так же

молодцевато. Но в поведении чувствовался уже не тот бравый рубака комкор, каким знал его по Дальнему Востоку. Сейчас я видел человека государственного, Командующего, обремененного массой дел и забот.

В беседе с Громовым И.И. я пожелал работать в отделе боевой подготовки, чтобы быть ближе к войскам и побыстрее ознакомиться с их состоянием.

Боевая подготовка войск была любимым детищем Командующего и находилась под его постоянным и пристальным вниманием. Так что теперь, в силу служебных обязанностей, приходилось постоянно общаться с Василием Филипповичем, видеть его в работе, знать цели и намерения Командующего, обеспечивать их реализацию и, если угодно, постоянно учиться. А в работе, как я вскоре понял, Командующий был требователен, где-то даже жесток, упрям и настойчив. Во имя заданной цели он не щадил ни себя, ни подчиненных.

Вступая в должность Командующего, Василий Филиппович получил войска боевые, высоко подготовленные, но состоящие, в основном, из пехоты с легким вооружением и военно-транспортной авиации (она была тогда составной частью ВДВ), оснащенной устаревшими самолетами Ли-2 и Ил—12 с весьма ограниченными десантными возможностями. В таком состоянии ВДВ не были способны решать крупные задачи в современных операциях.

Отставание ВДВ в техническом оснащении и структурных преобразованиях особенно стало заметным к концу 50-х годов, когда Сухопутные войска перешли к массовой моторизации, а в Вооруженных Силах появилось принципиально новое ракетно-ядерное оружие.

Военной теорией того времени ядерное оружие стало расцениваться как средство решительного наращивания темпов наступления войск в операциях по 60–80 километров в сутки. Для немедленного использования ядерных ударов и сохранения высоких темпов наступления считалось необходимым широкое применение воздушных десантов. В этих условиях Воздушно-десантные войска требовали решительной реорганизации, они должны были полностью соответствовать военно-стратегическим целям современной войны и отвечать военно-политическим целям государства.

Командующий как никто другой понимал это. Он говорил: «Чтобы выполнять свою роль в современных операциях надо, чтобы наши соединения и части были высокоманевренными, укрытыми броней, обладали достаточной огневой эффективностью, хорошо управляемы, способны десантироваться в любое время суток и быстро переходить к активным боевым действиям после приземления».

— Вот, по большому счету, идеал, к которому мы должны стремиться, — считал он.

Тогда, в начале 60-х, многие не понимали целей Командующего. Более того, считали их утопией. Похожего мнения придерживался и ряд начальников в Генеральном Штабе и Министерстве обороны.

Но не таков был Василий Филиппович Маргелов! Коренная реконструкция войск стала главной целью его деятельности, если не сказать смыслом дальнейшей жизни. Трудностей на этом пути было «выше крыши», как тогда говаривал Командующий.

Многие руководители в МО и ГШ не понимали или не хотели понять, что войскам нужна своя специальная, десантируемая по воздуху, тяжелая боевая техника, специальное вооружение, средства управления и боевого обеспечения. И, чтобы сломать сложившиеся стереотипы, пробить косность «в верхах», надо было потратить неимоверные силы, время, иметь талант убеждения.

В этих целях Командующий потребовал разработки концепции места и роли ВДВ в современных стратегических операциях на различных театрах военных действий (ТВД). Однако он не только требовал, но и лично включился в разработку теории применения десантов и, не в пример многим, защитил кандидатскую диссертацию на эту тему.

Золотым периодом для развития Воздушно-десантных войск было время, когда Вооруженные Силы СССР возглавлял Маршал Советского Союза Гречко Андрей Антонович.

Министр любил Воздушно-десантные войска, высоко ценил Василия Филипповича Маргелова и поддерживал его в основных вопросах оснащения десантников современной боевой техникой и модернизации войск.

За короткий период (7–8 лет) для войск были разработаны и запущены в производство боевая машина десанта БМД-1, бронетранспортер БТР-Д и семейство специальной боевой техники на их базе.

Были разработаны уникальные средства десантирования для этой техники: многокупольные (платформенные) и парашютно-реактивные (бесплатформенные) системы, аналогов которым не было, да и сейчас нет в других армиях. Эти средства позволили десантировать парашютным способом всю штатную технику дивизии.

ДЕСАНТИРОВАТЬСЯ ВНУТРИ БОЕВЫХ МАШИН!

Командующий был всегда на острие сложнейших проблем. Во имя поставленной цели он был готов жертвовать буквально всем.

Идея немедленной готовности экипажей боевых машин к бою после приземления буквально захватила его. В короткие сроки были разработаны для экипажей БМД специальные кресла-ложементы, устанавливаемые внутри машины. Но изготовить «железо» еще не все. Чтобы идея получила признание, надо было испытать, опробовать ее на людях.

Риск колоссальный, промышленность не могла гарантировать 100-процентную надежность средств десантирования.

Если сегодня десантирование экипажей внутри боевых машин стало почти рядовым событием, то тогда все было впервые, не изведанное, связанное с огромным риском для жизни испытателей, возможной компрометацией богатой идеи.

Василий Филиппович со свойственной ему решительностью попросил разрешения маршала Гречко А.А. на практический эксперимент, а в качестве одного из двоих испытателей посадил в БМД своего младшего сына Александра, офицера-десантника, инженера по образованию, специалиста по средствам десантирования.

Принимая это решение, Командующий как в Бога верил в свою идею, в ее несомненный успех! Во имя боеготовности войск, признания жизненности такого способа десантирования, он, как библейский Авраам, жертвовал своим сыном. Только в отличие от прастарца он знал, на что и ради чего идет на такой шаг.

На счастье, испытания прошли успешно, геройский поступок испытателей был оценен по достоинству. Александру выпало участвовать еще в двух экспериментах такого рода. Но самым сложным и опасным был эксперимент по десантированию внутри БМД-1 на парашютно-реактивной системе, системе новой и весьма капризной. За успешную подготовку эксперимента и личное участие в нем в 1976 году командир экипажа — майор Маргелов А.В. и механик-водитель — подполковник Щербаков Л.И. были представлены к званию Героя Советского Союза. К сожалению, только через двадцать лет они получили свои высокие заслуженные награды — в 1996 году им было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Прошло уже много времени, но я до сих пор считаю, что Василий Филиппович, приняв такое решение, совершил лично беспримерный нравственный подвиг, который тогда остался как-то незамеченным.

Вдумайтесь! Какую ответственность он брал на себя перед женой — Анной Александровной, перед семьей сына Александра. Все хорошо, когда хорошо кончается!

Наряду с ВДВ шло бурное техническое развитие и перевооружение на новую технику Военно-транспортной авиации.

С 1964 года ВТА стала переходить на новый самолетный парк. Сначала — на Ан-8 и Ан—12, затем на самолеты третьего поколения — Ил-76, Ан-22 и, наконец, четвертого — Ан—124. Наряду с резким ростом десантной нагрузки, скорости, дальности полета,

габаритов десантной техники и грузов существенно возросли качество транспортно-десантного, навигационного, радиосвязного и пилотажного оборудования новейших самолетов.

Итак, результатом глубокого научно-системного подхода к развитию ВДВ и ВТА явилось то, что к началу 80-х годов по существу родились качественно новые Воздушно-десантные войска, способные решать важные оперативно-тактические задачи в тылу противника в стратегических операциях, а также и важные самостоятельные задачи.

По оснащенности, боевой выучке и моральному духу войска резко выделялись в Вооруженных Силах, по праву стали элитой ВС СССР и резервом Верховного Главного Командования. А ВТА стали способны одним вылетом десантировать воздушно-десантную дивизию на любом театре военных действий.

Таким образом, мечта Василия Филипповича Маргелова воплотилась в быль, в реальность.

Разумеется, в создании качественно новых войск активными помощниками Командующего были начальники штаба ВДВ генералы: Рождественский С.Е., Рудаков А.И., Громов И.И., Павленко П.Ф.; заместители Командующего генералы: Сорокин М.И., Сухоруков Д.С., Чаплыгин П.В., Курочкин К.Я.; Гуськов Н.Н., Лисов И.И., Калинин П.Г., офицеры Научно-технического комитета, Управления Командующего и родов войск.

ВОЙСКАМ ПОВЕЗЛО…

Много лет спустя я полностью осознал, как повезло нашим войскам, что во главе их, теперь уже в далеком 1954 году, был поставлен именно генерал Маргелов В.Ф., самый молодой и не самый опытный из комкоров ВДВ. Надо отдать должное и прежнему командующему ВДВ — генерал-полковнику Горбатову А.В., его уму, прозорливости, да и смелости рекомендовать на такую высокую и ответственную должность именно генерала Маргелова В.Ф.

Командующий хорошо знал боевую подготовку и любил ее, вникал в истоки обучения, всегда требовал нового в методике и учебно-материальной базе. Он часто напоминал нам: «Обучение войск делается в роте (батарее), меньше — в батальоне и полку».

Ротное расписание рассматривал как государственный план, и всякий срыв его требовал считать чрезвычайным происшествием. За успехи в боевой выучке щедро награждал отличившихся офицеров ценными подарками, представлял к внеочередным воинским званиям, повышал в должности. Офицеры знали это и беззаветно трудились. Однако Командующий в равной степени был беспощаден к командирам, провалившим обучение подчиненных.

Чтобы быть ближе к боевой подготовке, он долгие годы состоял членом первичной парторганизации отдела боевой подготовки и внимательно вникал в проблемы обучения войск.

В войсках знали «слабости» Командующего и при посещении частей ему всегда старались показать что-то новое в обучении десантников или нечто оригинальное в учебно-материальной базе.

Василий Филиппович постоянно требовал, чтобы мы, руководители боевой подготовки, командиры дивизий и частей были творцами, инициаторами новых, современных методов обучения. В попытках сослаться на какие-либо трудности, он с присущей ему образностью отвечал: «Знаешь, где бывает просто? Писать в баньке! Штаны снимать не надо!»

Результатом упорного поиска и труда офицеров, разумеется, при активной поддержке Командующего, Воздушно-десантные войска были первооткрывателями многих новых и чрезвычайно полезных современных методов обучения.

Десантники первыми реагировали на опыт локальных войн. Так, учитывая массовое применение танков в современных операциях, первыми разработали методику обучения

борьбы с танками, создали специальные учебные городки по обкатке танками личного состава. ВДВ также первыми разработали методики и создали учебную базу по защите от зажигательных веществ, преодолению участков радиоактивного, химического заражения и пожаров.

В массовом порядке внедрялись элементы для выработки морально-психологической устойчивости, приближающие действия солдат к боевой реальной обстановке.

Постоянно совершенствовалась методика и учебно-материальная база по воздушно-десантной подготовке. На смену примитивным тренажерам-«костоломам» пришли современные электрифицированные тренажеры, приближающие групповой прыжок десантников к реальному — с современных самолетов.

Главной формой боевой сколоченности войск и профессиональной выучки командиров и штабов были тактические учения. В их организацию и проведение Командующий вникал до мелочей, вкладывал душу и, как правило, участвовал сам.

К дивизионным и полковым учениям войск относился как к большому празднику. В ходе учений требовал от десантников всех рангов неординарных решений, основанных на внезапности, маневре и решительности.

Душой тактики десантников Василий Филиппович всегда считал внезапность, дерзость, маневр, натиск и взаимовыручку.

Большим событием для войск были осенние сборы руководящего состава. К этому событию готовились почти год. В подготовке участвовали все: от Командующего до командиров дивизий и частей, на базе которых проходило это событие. Для создания учебных объектов сосредотачивалась львиная доля материальных ресурсов Командующего. Для показа на сборах создавались новые объекты учебной базы. Демонстрировалась передовая методика обучения подразделений и штабов, способы быстрого приведения частей в боевую готовность и многое другое.

Василий Филиппович для участия в сборах нередко приглашал Министра обороны или его заместителей, которые всегда отмечали высокий уровень подготовки и проведения сборов Командующего. Некоторые скептики из офицеров иногда саркастически отмечали «показушный» их характер. Командующий знал это, но обычно говорил: «Мы вам показали образец того, «как надо», к которому должны стремиться все. А там будем смотреть, кто из вас что усвоил и на что способен».

Результатом мудрой политики Командующего к 1980 году каждая дивизия обзавелась прекрасной современной материально-технической базой. Я с сожалением могу лишь отметить, что с распадом Советского союза и Советских Вооруженных Сил десантники потеряли прекрасные учебные центры: в Литве — Казлу-Руда и Гайжунай; в Одесской области — в Болграде; в Азербайджане — в Кировабаде (Гянжа). Все они были созданы волей Василия Филипповича и упорным трудом нескольких поколений десантников.

«ВДВ — войска первой готовности», — подчеркивал не раз Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Гречко А.А. Этим определялось особое место Воздушно-десантных войск в системе Вооруженных Сил СССР. Василий Филиппович, как никто другой, понимал важность и ответственность такой роли, и поэтому забота о постоянном росте боеготовности войск оставалась для него одной из приоритетных областей приложения усилий.

Важнейшей частью боевой готовности наших войск является способность полков и дивизий в считанные часы изготовиться к десантированию и выполнению боевых задач при варианте начала военных действий.

Эта важнейшая задача решалась не просто и не вдруг. На ее выполнение были мобилизованы лучшие умы изобретателей и рационализаторов. Были поставлены конкретные задачи перед НИИ и промышленностью. Проводилась колоссальная работа в войсках по разработке конкретных технологий по швартовке тяжелой техники и материальных запасов, к погрузке их в самолеты и подготовке к десантированию. Переоборудовались хранилища и склады для механизированной подачи средств

десантирования материальных запасов подразделениям, делалось и многое другое.

И надо отметить, что воля Командующего, творчество и труд многих войсковых коллективов дали результаты и позволили им уже к 1980-му году подготавливать полки за несколько часов к выброске в тыл противника. Любой специалист не может не признать, что для Воздушно-десантных войск — это высочайшая степень боеготовности!

Вместе с решением этой проблемы в войсках шла напряженная работа по организации надежного управления. За короткое время была создана сеть защищенных командных пунктов (ЗКП) соединений, частей и Командующего. ВДВ первыми в Вооруженных Силах СССР оборудовали воздушный пункт управления (ВПУ) Командующего на базе самолета Ан—10. Этот самолет эксплуатировался до полного износа и был списан на слом, вероятно, последним среди самолетов этого типа — уже при командующем Сухорукове Д.С.

Однако боевую готовность войск Командующий рассматривал значительно шире. Он стремился к решительному развитию инфраструктуры исходных районов, особенно для десантирования соединений первой готовности. В результате этого силами десантных войск были построены в исходных районах пять современных аэродромов. Маршал Гречко А.А. в этом плане не раз ставил Василия Филипповича в пример руководству ВВС.

Участие в учениях Министра обороны или Генерального штаба всегда побуждало Командующего и штаб к ряду решений, направленных на повышение боевой готовности, к мобильности войск, к уточнению взаимодействия с ВТА, со штабами групп войск, приграничных округов и решению других вопросов.

В этой связи вспоминается учение, проведенное маршалов Гречко А.А. на Дальнем Востоке — в стратегической операции войск планировалось применение нескольких крупных воздушных десантов.

Решения Командующих фронтов Гречко заслушивал в штабе руководства, развернутом в гарнизоне Князе-Волконское под Хабаровском. От ВДВ к заслушиванию готовились Командующий и я — начальник разведки; Маргелов с предложением на применении десантов в операции, я — по оценке сил, средств и вероятных действий противника.

В нервном ожидании вызова к Министру обороны прошло значительное время.

Вдруг появился маршал Гречко и объявил:

— На сегодня всё! Маргелыч, тебя заслушивать не буду. Знаю, десантники всегда в готовности! — и, улыбаясь, добавил: — Мы знаем, каждый твой гвардеец стоит десятка противника!

— Товарищ Министр, целого взвода! — возразил Василий Филиппович.

— Может и взвода! Но вот что, Маргелыч! Продумайте, как в сжатые сроки перебросить твое войско на этот театр!

Задача было крайне сложной. На ее решение подключили всех: ГШ, ВВС, Тыл Вооруженных Сил, командующих войсками СибВО, ЗабВО и ДВО.

Однако напор Командующего и продуманная работа штаба, тыла ВДВ и командования ВТА дали свои результаты.

В течение двух лет на этих ТВД были созданы нужные запасы материальных средств, боеприпасов по номенклатуре ВДВ, средств десантирования; определены аэродромные узлы для промежуточной посадки самолетов ВТА на маршрутах их полета, дополнительные запасы ГСМ, средств дозаправки и многие другие вопросы.

Уже при новом Министре обороны маршале Устинове Д.Ф. и новом командующем ВДВ генерале Сухорукове Д.С. зимой 1980 года на очередном стратегическом учении Тульская дивизия со всей штатной техникой и запасами в условиях жестоких сибирских морозов за 1,5 суток была переброшена в назначенный район Дальнего Востока.

Постоянная титаническая борьба Командующего, Штаба ВДВ и войск за рост боеготовности не раз подтверждалась блестящими тактическими результатами. Достаточно сослаться на Венгерские события 1956 года, десантирование в течение одной ночи двух дивизий в Чехословакию в 1968 году и, наконец, беспримерная афганская операция 1979 года по высадке 103 гв. вдд в Кабул. Правда, как утверждал тогда генерал армии Маргелов

В.Ф., отставленный от своих войск в январе 1979 года, он бы одной своей Ферганской дивизией за сутки обеспечил бы взятие Кабула и выполнение последующих боевых задач, заняв горные перевалы, ведущие в Пакистан. Но эту дивизию, великолепно подготовленную к ведению боевых действий именно в условиях Афганистана, новое недальновидное руководство ВС СССР за три месяца до указанных событий сократило, несмотря на обоснованные протесты бывшего Командующего генерала Маргелова.

Было известно, что Василий Филиппович оценивал высшим баллом проведение Кабульской операции. Однако, в целом, он не одобрял ввод войск в Афганистан, предвидя серьезные осложнения для государства в политическом и экономическом плане. Но что было очевидным для старого солдата, да и многих других военных и политиков, не было понятным для дряхлого политбюро, принявшего решение на вторжение.

Нам, многим участникам этой операции, уже тогда было очевидным, что мы втягиваемся в непонятную политическую авантюру под названием «интернациональная помощь».

Было ясно, что нас с нашей атеистической идеологией никто не ждет в забытой Богом сугубо исламской средневековой стране. Помочь освободиться от деспотичного режима, чтобы на смену пришел другой, но только под иной вывеской — зачем? Строить социализм…? Это в стране, где нет рабочего класса, нет ни метра железных дорог, где ислам является основным законом в жизни людей? Смешно! Наши офицеры еще до Афганистана насмотрелись такого социализма в Юго-Восточной Азии и, особенно, в Африке!

Все это наводило на мысль, что вторгаясь в Афганистан, мы совершаем грубейшую ошибку, создаем для страны «свой Вьетнам», навешиваем на нее тяжелейшие экономические гири, загоняем страну в политическую изоляцию. Результаты этой авантюры известны.

Прошло уже больше 20 лет. По этому поводу написано немало как хороших, так и плохих конъюнктурных книг, поставлено множество телевизионных передач. Но мне до сих пор непонятно, как могли не видеть тогда всех опасностей такие «зубры» от политики, как Громыко А.А. и Андропов Ю.В., участвуя в этой авантюре.

Василий Филиппович, будучи уже тяжело больным, внимательно следил за событиями Афганской войны. Искренне радовался победам, доблести и геройству десантников, горько переживал потери. Старый солдат до последних дней своей жизни сердцем и душой был среди сынов своих — любимых десантников.

И ТВОРЦЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

Главным звеном в любом деле являются офицеры — они и творцы и исполнители. У Командующего было особое отношение к ним. На служебных совещаниях и в личных беседах он постоянно подчеркивал, что командир — это не столько должность, сколько обязанность и величайшая ответственность за порученное дело, за подчиненных. «Настоящий командир, — говорил Василий Филиппович, — силен уважением подчиненных и умением в любой ситуации найти верное решение и добиться его выполнения, будь то бой или рядовое учение».

Маргелов зло высмеивал тех начальников, которые боялись ответственности и прятались за спины заместителей или политработников. При этом ехидно напоминал известную присказку: «Если хорошо, то я сам, а что плохо, то виноват зам!». Иногда роль и место командира рисовал в несколько вульгарной, но в более образной и точной форме: «Командир, что задница, иногда поглаживают, а чаще всего бьют, больно бьют! Это надо понимать!»

Беспощадно высмеивал всех безынициативных командиров и начальников, ожидавших решения Командующего по вопросам, которые должны решать сами. Однажды, возмущенный бездействием одного начальника, с присущей ему образностью едко заметил: «Вырос ты с колокольню, до жопы не доплюнешь, а как дитя малое ждешь, что за тебя кто-то решать будет!»

Командующий оберегал командиров, особенно звена полк — дивизия. От нас, офицеров Управления, требовал учить и помогать им, а не собирать на них одни недостатки и кляузы. Он никогда не наказывал командиров за случайные промахи, но, однако, не давал спуску за лень и разгильдяйство, особенно, в вопросах дисциплины, боевой выучки и боеготовности. Здесь он был непреклонен, а иногда и беспощаден.

Подбирая командира полка на освободившееся место, Командующий созывал совещание, на которое приглашал не только своих заместителей и кадровика, но и начальников основных отделов, служб и всех офицеров боевой подготовки, которые лучше знали достоинства выдвигаемого кандидата. Нередко их мнение было решающим.

Помимо ума и деловых качеств, предпочтение отдавалось офицерам подтянутым, с хорошей строевой выправкой, красивым и молодцеватым. «Неопрятный, внутренне несобранный, некрасивый офицер не может рассчитывать на уважение подчиненных», — считал Командующий. В беседах с молодыми офицерами он иногда шутил: «Офицер-десантник должен быть таким, чтобы молодые женщины, любуясь им, если не отдавались, так думали об этом».

Командующий не терпел, если офицер излишне заботился о личной выгоде. Считал, что бытовой материализм — смертельный враг любого начальника, он развратит офицера, толкнет на низменные поступки, опустошит морально. Строительство личных дач за счет части, квартирные махинации, воровство общественного имущества пресекалось им беспощадно.

Офицерскую честь Василий Филиппович считал важнейшим качеством, поскольку она тесно связана с исполнением воинского долга. Мы, близко знавшие его, никогда не слышали от Командующего громких слов «Честь имею!» в адрес своей персоны. Просто он имел ее и всю жизнь бережно поддерживал, ценил это качество и у офицеров, строго взыскивал с тех, кто ронял и утрачивал ее.

Его школа воспитания командиров была на удивление эффективной. На должности командиров полков и дивизий всегда был целый ряд достойнейших офицеров. Уважая свои кадры, он никогда не брал претендентов со стороны «из варягов». Не случайно после Василия Филипповича высокую должность командующего занимали и занимают его воспитанники-десантники, бывшие когда-то лейтенантами, командирами полков и дивизий.

Маргелов В.Ф. не случайно слыл солдатским генералом. Он любил десантников искренне, по-своему, по-отцовски. И они платили ему тем же бескорыстно, преданно, почитали его не как начальника, а скорее как духовного отца. Ведь не случайно в недрах войск родилась прекрасная песня «Десантники — Маргелова сыны!».

ПАМЯТНОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Прошло уже много лет, но перед глазами стоит ярчайший эпизод уважения и любви бывших подчиненных к своему Командующему, свидетелем которого посчастливилось мне быть.

Было это 2 августа в «День десантника» где-то в 86-м или 87-м году. Василий Филиппович находился в госпитале им. Бурденко. Я с утра был на территории госпиталя (там лечилась моя дочь). Зашел в отделение «лор» к Командующему, он готовился к очередной процедуре. Поздравив его с праздником, я ушел навестить свою дочь.

День был по настоящему праздничный — яркое солнце, тепло. Больные и их родственники ходили по аллеям госпитального парка или отдыхали на скамеечках Где-то ближе к полудню внимание всех привлекла группа молодых людей — человек 200, которая толпой ввалилась на территорию госпиталя. Было очевидно, что это бывшие десантники, одетые кто во что, но зато все в тельняшках и голубых беретах. Командовал ими кто-то из бывших сержантов или младших офицеров. Он построил их и четким парадным шагом подвел к крыльцу «лор» отделения. Кто-то из родных или медперсонала доложил Василию Филипповичу о прибытии десантников. Он вышел на крыльцо и четко отдал честь замершим

в строю бывшим солдатам. Десантники весело и дружно поздоровались со своим Командующим и так же четко поздравили его с «Днем десантника».

Не ожидавший этого, Командующий был немного растерян и смущен тем, что не может, как когда-то, громким голосом приветствовать гвардейцев и поздравить их со знаменательным днем. Ему было неловко за беспомощность, тяжелую болезнь, выбившую его из обычно активной колеи жизни. Скупая слеза повисла под глазом старого солдата. Быстро смахнув ее, Командующий через своего сына-офицера поздравил молодых ветеранов войск, а затем прошел вдоль строя и каждому из них пожал руку, спрашивая, где они заслужили боевые награды. Награды, в основном, были за Афганистан.

Поздравив Командующего, строй четко отошел к краю бетонной дорожки, а затем по команде — с песней «Десантники — Маргелова сыны!» лихо прошел мимо Василия Филипповича. Больные, их родственники и медперсонал аплодисментами поздравили Командующего и лихо маршировавших десантников.

Растроганный вниманием и оказанной честью, немного растерянный Василий Филиппович стоял на крыльце, слезы благодарности выступили на глазах мужественного человека. Он видел, что не забыт еще, что его любят и помнят не только близкие друзья и товарищи, но и десантники, с которыми он так долго разделял радости и неудачи тяжелой десантной службы.

Вряд ли знаменитый госпиталь помнит в своей вековой истории еще подобное проявление любви и уважения бывших подчиненных к тяжело больному, бывшему, но до сих пор любимому Командующему!

ОН ПОНИМАЛ СЛУЖБУ

Командующий, как мог защищал солдат, даже если они были не во всем правы.

Однажды в тире артполка Тульской дивизии по вине солдата были ранены три милиционера взрывом имитационного заряда, заложенного в пустой термос.

Солдат, который обслуживал этот объект, не понимая возможных последствий, «заминировал» вход, чтобы попугать любопытных сослуживцев в случае проникновения их в тир.

Военный прокурор был намерен возбудить судебное дело, требовалось решение командира. О происшествии доложили Командующему, который был в то время в Тульской дивизии.

Василий Филиппович, вникнув в суть происшествия, порекомендовал не возбуждать уголовное дело. Во-первых, что подрыв милиционеров не был предумышленным, а, скорее, случайным. Во-вторых, все остались живы, и, в-третьих, было жаль из-за мальчишеского поступка калечить тюрьмой жизнь солдата.

Таких дел и случаев было не мало. Однако нельзя думать, что Командующий был благодетелем и попустительствовал разгильдяям и преступникам вовсе нет. Он был тверд и беспощаден к тем, кто преднамеренно и злостно нарушал дисциплину и закон.

Бывая в войсках, Василий Филиппович всегда был в окружении солдат. Общение с личным составом частей зачастую не было официальным, но и ни в коей мере не носило форму обычного балагурства. Непринужденный разговор, как правило, носил форму вопросов и ответов, что с одной стороны, что с другой. Хотя, что говорить, разговор прерывался веселой байкой или анекдотом, но все было к месту, направлено на порядок.

Командующий был большим мастером такого общения. Солдаты внимательно слушали его, весело реагировали на шутки и крепкое словцо, которые он мастерски вставлял в разговоре, и, несомненно, десантники верили во все сказанное.

Если Василий Филиппович был требователен к офицерам, то никогда не опускался до окрика на солдата или до его наказания, считая это правом непосредственных начальников. Более того, были случаи, когда снимал суровые наказания, наложенные сгоряча, без разбирательства. С провинившимися он находил такую форму общения, которая не унижала

достоинства подчиненного, но в то же время показывала неправоту и общественную опасность его проступка.

Вспоминается один эпизод, имевший место на тактическом учении. Командующий ехал со стороны «красных» к «синим» заслушать решения командиров и посмотреть на дальнейшие действия сторон.

Дорога шла через лес. На опушке леса в кустарнике заметил группу десантников. Пригретые утренним солнцем, они, охватив автоматы, крепко спали, не реагируя на шум автомобиля.

— Наверняка охранение. Спят, стервецы, — проворчал Командующий, — Пойди разбуди мудаков и позови ко мне старшего.

Старшим оказался сержант. Действительно это было охранение от передового батальона.

— Спим, командир?! — спросил Командующий.

— Виноваты, товарищ генерал! — промычал сержант, трясясь от испуга и неожиданной встречи с самим Командующим.

— Давай сюда свое мудовое войско!

С осоловевшими от сна и страха лицами отделение построилось в шеренгу.

— Доброе утро, товарищи десантники! Как спалось?! — насмешливо спросил Маргелов. — Кино «Чапаев» все видели?

— Так точно!

— Скажи, сержант, почему погиб Чапаев?

— Караул заснул, товарищ генерал!

— Караул заснул…, — передразнил его Командующий.

— Вы не десантники, а старые мухоморы! Не поспав сутки, раскисли, как бабы после бани! Вам известно, что пока солдат спит, враг не дремлет? Так что же, и дальше будем спать, чтобы врага измотать? Так что ли?

— Никак нет, товарищ Командующий! — ответил сержант, отошедший от испуга.

— Ну, сержант, смотри! Если плохо оборудуете позицию и слабо замаскируетесь, и если вас снова увижу с дороги на обратном пути, всех отправлю в стройбат! Спите там и не позорьте десантное войско! Ясно?!

— Так точно, товарищ Командующий! — в один голос ответили повеселевшие солдаты.

Командующий был вправе всех наказать за явное разгильдяйство. Но он поступил более мудро. Я думаю и сержанту и солдатам эта встреча была наукой и осталась в памяти на всю жизнь.

Те, кто служил при нем, независимо — солдат или офицер, до сих пор с гордостью называют себя маргеловцами. Известность и слава Командующего ВДВ не была локальной. Его знали и уважали во всех Вооруженных Силах, и не случайно аббревиатура ВДВ иногда шутливо — уважительно переводится как «Войска Дяди Васи».

«Десантники — особая категория воинов, — говорил Командующий. — Только они способны отдаваться во власть воздушной стихии, оставаться один на один с парашютом, уметь драться «в пасти врага» — его тылу и побеждать. Все это делает их людьми особыми, с крепкой волей и сильным моральным духом».

ВОСПИТАНИЕ ДЕСАНТНОГО ДУХА

Воспитанием морального духа десантников Командующий занимался непрерывно, и требовал этого от командиров и политработников. Он формулировал четкий образ десантников: «Десантник — это мужество, доблесть, боевая дерзость, несгибаемый характер и постоянная воля к победе».

Для формирования этих качеств и гордости использовалось все: прыжки с парашютом, постоянная физическая закалка, воспитательная работа, специальные тренировочные

городки и снаряды, наглядная агитация и, наконец, форма одежды! Среди них, разумеется, первое место отводилось прыжкам с парашютом. Человек, хоть раз совершивший прыжок, знает, какую волю и характер нужно показать, и, совершивший это, по-новому, с большим уважением относится к себе как к человеку.

Немалую роль в воспитании чести и десантной гордости Командующий отводил десантной форме одежды. Известно, что до конца 50-х годов десантники носили общевойсковую форму, чем принижались их роль и место, как войск особых. Командующий, как никто понимал это, и прилагал все усилия к тому, чтобы войска имели свою форму и внешнее отличие. Однако проблема разработки ее решалась тяжело, с многими объективными и субъективными препятствиями, со ссылками, якобы, на необходимость унификации формы, на дополнительные расходы и др. Лед стронулся лишь при Министре обороны Малиновском Р.Я. При нем ввели летную форму для офицеров, голубые погоны для солдат и особые десантные эмблемы. Войска с восторгом восприняли это новшество.

Окончательная форма определилась лишь при Маршале Советского Союза Гречко А.А. С тех пор голубые тельняшки и береты стали символом десантника, его гордостью. Причем тельняшки добился лично Командующий Маргелов, памятуя о славных делах «братишек» — моряков-лыжников, которыми он командовал в 1941-м. Только полоски стали голубыми — под цвет неба.

Для воспитания боевого духа в войсках широко применялась самобытная наглядная агитация, в том числе в виде наскоро намалеванных плакатов, прославляющих боевую храбрость и решительность десантников.

Вновь возвращаюсь к началу своей службы в ВДВ. Однажды, работая в одном из полков 13-й гвардейской дивизии, увидел намалеванную полковым «баталистом» во всю стену казармы «картину» — на ней изображался эпизод боя, в котором десантники со зверскими лицами кромсают ножами и расстреливают в упор противника. Горы трупов, лужи крови.

— Не стыдно ли вам любоваться таким «шедевром»? — спросил я начальника штаба.

— Что вы говорите! Это сделано по заказу комкора в целях воспитания боевого духа солдат. Такие плакаты скоро будут во всех частях!

Позднее я понял прозорливость комкора. Солдатам нравилась такая «живопись», особенно, если изображенные рожи чем-то напоминали знакомых сослуживцев. Так что дело тут не в эстетике, а в воспитании у десантников таких качеств, какие нужны на войне.

Короче, на морально-боевую закалку работали спорт, любые полевые занятия и, особенно, тактические учения. В любом деле Командующий не допускал послаблений и постоянно напоминал, что только трудности закаляют десантников, заставляют их думать и находить оптимальный выход из самых сложных ситуаций.

Принципы воспитания десантников в настоящих воинов, наработанные Маргеловым В.Ф., живы и поныне. Более того, они совершенствуются и развиваются последующими поколениями командиров применительно к новым условиям жизни и задач.

Девиз — «Никто, кроме нас!» остается не только словом, он живет и здравствует. Сегодня, пожалуй, нет более универсального солдата, чем воин-десантник. Если потребует Родина, он вновь пройдет огонь и воду, но боевую задачу выполнит. Залогом этого — сила воли, высокая мораль, отменная физическая закалка, воинское мастерство и особое десантное братство.

О РАЗВЕДКЕ

Десантная элита

Вместе с техническим и структурным совершенствованием войск развивались силы и средства боевого обеспечения их.

Задачи эти успешнее решались в частях связи, что-то делалось по совершенствованию и росту боевых возможностей средств ПВО, инженерно-саперных частей и подразделений

химзащиты.

На фоне этом совершенно забытой оказалось разведка.

В период хрущевских «реформ» по сокращению вооруженных сил штатные органы разведки в десантных войсках оказались вырубленными под корень.

Рассказывали, что тогда один из заместителей МО всерьез или в шутку заметил, что «десантникам ни к чему штатная разведка, поскольку каждый десантник должен быть разведчиком». Правомерно было спросить его, а почему только разведчиком, а не сапером, связистом или артиллеристом?

Однако, получив от высшего руководства такое «послание», ретивые чиновники из ГШ и Сухопутных войск вычеркнули разведку напрочь из состава ВДВ.

К началу 60 годов разведка в войсках была обозначена лишь двумя офицерами в штабе ВДВ и тремя в штабах дивизий. Разумеется такие «силы» не были способны не только кого-то обучать разведке, но даже не успевали изучать и систематизировать развединформацию, поступающую из ГРУ ГШ МО СССР и разведотделов военных округов.

Был ли виноват в этом Василий Филиппович? Наверное нет……

Войсками в то время командовал случайный человек, пришедший из кавалерии, совершенно не знавший десантных войск, чуждый их интересам и традициям. При нем войска потеряли многое, в том числе и льготы, заработанные большим трудом и многими жертвами. Для него, очевидно, было важнее удержаться в «седле» Командующего, чем отстаивать интересы войск в тот смутный период «реформаторства».

Однако очевидным было то, что войсками, предназначенным действовать на острее стратегических операций, нужна сильная и активная не только войсковая, но и специальная разведка, способная решать многое, в т. ч. и диверсионные задачи.

Возрождение разведки решалось очень трудно. Причин тому было несколько, в т. ч. старые предрассудки и не желание многими большими начальниками понимать необходимость ее создания., мешало отсутствие в войсках необходимой численности для формирования новых частей и подразделений и др.

К началу 70-х годов удалось создать лишь штатные разведроты в дивизиях с весьма ограниченными боевыми возможностями. Одним словом развитие разведки явно отставало от войск и не соответствовало растущим требованиям.

Командующий, занятый решением главной задачи — общей реконструкцией войск, проблемы разведки очевидно отдавал на откуп руководству штаба и лично начальнику разведки.

Вместе с тем, он ревностно следил за состоянием дел и недовольный ходом развития ее, не пониманием начальниками возросшей роли разведки беспощадно освобождал их от должности, в целом-то, офицеров грамотных и достойных. Полагаю, вина их состояла лишь в том, что они не смогли сформулировать и выстроить достаточно четкую роль и место разведки в современных воздушно-десантных операциях, составить конкретную программу ее развития, убедить командующего в реальности и запустить ее в жизнь.

Поручая руководство разведкой мне, командующий без обиняков заявил:

— Делай что надо, но так, чтобы разведка заняла достойное место, а части и подразделения ее были лучшими в войсках. Помогать буду. Но много от меня не проси, будь сам пробивнее и инициативнее чем твои предшественники.

И в заключение беседы добавил:

— Если будешь работать слабо — прогоню как и твоих предшественников!

Понимая за какое непростое дело берусь и чем рискую, я поблагодарил Василия Филипповича за доверие и попросил дать мне полгода на то, чтобы разобраться с делами и четко определиться в работе.

— Хоть и много времени просишь, но добро, давай принимайся!

О беседе с Командующим доложил непосредственному начальнику— начальнику штаба войск генералу Павленко Павлу Федосеевичу, лично прошедшему большой путь в разведке и хорошо знавшему ее проблемы. Он подбодрил меня и посоветовал с чего

начинать.

Состояние дел в разведке мне было знакомо. Работая в боевой подготовке, я хорошо знал подразделения разведки, уровень выучки и проблемы их. Был знаком с офицерами разведки в войсках и знал их способности.

Принимая должность, понимал что круг моих обязанностей не может замыкаться только подготовкой штатной разведки и обобщением, прямо скажем, скромной информации об иностранных армиях, поступающей из ГРУ. Я не должен был повторять ошибки предшественников.

Предстояло определить и четко очертить круг тех задач, которые обязан решать начальник разведотдела штаба войск.

А дела эти, как я понимал заключались в следующем.

Во-первых, в организации систематического сбора конкретной документированной информации о районах возможного применения воздушных десантов; о важнейших объектах и группировках войск на главнейших операционных направлениях на ТВД, тщательное их изучение.

Во-вторых, в постоянном развитии штатных органов разведки войск, количественном и качественном росте их боевых возможностей.

И, в — третьих, в технической оснащенности ее.

Выработке этих требований во многом помогло участие Командующего и штаба ВДВ почти во всех крупных учениях, проводимых тогда Министром обороны и ГШ, а также командующими групп войск, военных округов и флотов.

Однако задачи становления разведки решались непросто. Командующий понимал наши трудности и постоянно помогал. Его решением была увеличена почти в два раза численность разведотдела, что дало возможность расширить и конкретизировать по нужным направлениям работу офицеров. Помог генштаб, который отдельной директивой определил порядок информационного обеспечения ВДВ. Теперь по заявкам штаба информационные службы и разведорганы ГРУ стали собирать и систематически выдавать нужную нам информацию. К середине 70-х годов мы уже были в состоянии выдать боевым частям десанта необходимый конкретный материал о местности, важнейших объектах, силах и средствах по их охране и обороне и в целом по всей инфраструктуре важнейших районов на главных ТВД.

Болезненнее решался вопрос о создании разведорганов центрального подчинения, а также о формировании новых частей и подразделений разведки в войсках.

Опыт многих учений подтверждал наши опасения о том, что мы в ряде случаев можем остаться без свежих разведданных, нужных для применения десанта. Дело в том, что при планировании разведки во фронте, да и в ГРУ, многие задачи в интересах десантов предполагалось решать как попутные в ходе выполнения основных, что фактически освобождало добывающие органы от ответственности за своевременное и полное их выполнение. Было очевидным и то, что оперативная разведка фронта, да и ГРУ не всегда способны выполнить в срок такие специфические задачи в интересах десанта, как во время выдать метеоданные по предполагаемому району десантирования, данные о состоянии объектов захвата, противодесантных резервов и другие сведения.

В памяти старших поколений еще были свежие неудачи воздушного десанта на Днепре в 1943 году, причиною которых явились устаревшие данные о противнике.

Все это подтверждало о необходимости наличия у Командующего ВДВ штатных органов специальной разведки, способных для добычи нужных сведений в интересах десантов.

Слабой оставалась и войсковая разведка. В дивизиях и полках все еще предполагалось основные задачи разведки решать силами нештатных подразделений, на вооружении которых были лишь войсковые бинокли.

Командующий вникал в наши дела, строго спрашивал за промахи и промедления, а главное с его помощью нам все же удалось сформировать и хорошо обустроить роту

специальной разведки — росток будущего спецназа ВДВ, создать штатные разведроты в полках; в значительной мере усилить возможности дивизионных разведрот, а в батальонах связи — создать взвода радиоперехвата. По приказу Командующего на каждом курсе десантного училища один взвод курсантов стал обучаться по специальной программе разведчиков для укомплектования войск офицерами разведки, а в учебной дивизии была создана учебная рота, которая готовила младших командиров и младших специалистов разведки.

Для комплектования разведподразделений отбирались лучшие, физически развитые, с навыками знания иностранных языков, волевые и смекалистые десантники. Для подготовки разведчиков была разработана стройная система обучения и создана прекрасная по тем временам классная и полевая учебно-материальная база, позволявшая готовить разведорганы к разведывательно-боевым действиям в самых экстремальных условиях.

Зимой и летом все разведподразделения на 1–1,5 месяца выводились в подвижные лагеря, в ходе которых на различной местности и во всевозможных условиях совершенствовали разведывательную выучку, осваивали способы совершения диверсий и повышали физическую выносливость. За период лагерного сбора все подразделения проходили пешком, зимою на лыжах, не менее 500 километров. Каждый разведчик ежегодно совершал в 1,5 раза больше прыжков с парашютом, чем обычный десантник. Они первыми освоили десантирование внутри боевых машин. Но пожалуй особое внимание уделялось физической подготовке, в частности освоению специальных приемов единоборства. Со временем в подразделениях воспиталось не мало, прямо скажем, мастеров — виртуозов этого дела. Справедливости ради следует заметить, что разведчики-десантники явились родоначальниками спецприемов, которые сейчас осваиваются и пропагандируются разными там ОМОНами и СОБРами, ВИТЯЗЯМИ и др. Однако их показные выступления, транслируемые по телевизионным каналам, скажу не хвалясь, кажутся тенью по сравнению с теми, что могли делать разведчики ВДВ при Василии Филипповиче Маргелове.

Служба в разведке была тяжелой, но на моей памяти никто и никогда не тяготился ей. Все слабые духом и телом отпадали в первые месяцы начального обучения.

В штабе ВДВ сложился крепкий коллектив грамотных, активных и преданных своему делу офицеров разведки. Небольшой по составу, но дружный разведотдел руководил боевой подготовкой подразделений войсковой и специальной разведки. Собирал и систематизировал нужную для боевого применения войск информацию. Иногда для уточнения и изучения возможных зон и объектов офицеры лично выезжали в спецкомандировки. Они же сопровождали разработки в НИИ и промышленное производство технических средств разведки. Разработали и издали военные разговорники на основных европейских и восточных языках. Находили время писать и издавать учебные пособия для офицеров. Первыми в Вооруженных Силах испытали в интересах ведения разведки мотодельтапланы и снегоходы. Разведотдел постоянно поддерживал тесную связь и взаимодействие с ГРУ ГШ МО СССР, разведкой видов ВС, групп войск, приграничных округов и флотов, а также с рядом НИИ МО.

Скупой на похвалу, Василий Филиппович не раз высказывал свое удовлетворение работой разведотдела.

Надо признать работа наша облегчалась тем, что куратором нашим был начальник штаба войск Павленко Павел Федосеевич. Когда-то кадровый разведчик, знавший разведку не понаслышке.

Итак, к концу 70-х годов нам удалось создать хотя еще недостаточные по количеству, но хорошо подготовленные органы специальной и войсковой разведки.

На следующем этапе предполагалось поднять возможности специальной и войсковой разведки и оснастить их техническими средствами. С согласия Василия Филипповича намечалось в 80-м году развернуть батальон «Спецназ» центрального подчинения, сформировать разведбаты в дивизиях и штатные взводы в парашютно-десантных батальонах. Эти преобразования предполагалось осуществить за счет перевода на скадрованный штат

одного из ПДБ в каждой дивизии. По распоряжению Командующего уже были разработаны примерные штаты этих частей. Но, увы! С уходом из войск В.Ф. Маргелова эти начинания были приостановлены.

Решить их удалось значительно позднее моими приемниками.

Однако сложнее всего выполняла программа разработки и промышленного производства технических средств. Если работы по НИОКР решались в намеченные сроки, то промышленное производство нередко затягивалось или вообще срывалось. Заводам было невыгодно брать наши заказы, поскольку серия изделий была сравнительно небольшой. Поэтому мы нередко получали отказы, несмотря даже на строгие распоряжения Военно-промышленной комиссии при Совмине СССР. Особенно сложные отношения складывались с Министерством средств связи по разработке и производству малогабаритных электронных приборов разведки, а так же по созданию десантируемого приемного пункта для сбора данных с пилотируемых и беспилотных средств воздушной разведки фронта.

Часть этих средств приходилось делать в мастерских и на предприятиях некоторых НИИ, используя личные связи и авторитет Командующего.

Тем не менее, к 80-му году в интересах разведки ВДВ удалось разработать беспилотный десантируемый самолет-разведчик «Пчела», боевую разведывательную машину «Реостат» (совместно с артиллеристами), а так же серию мелких изделий.

Василий Филиппович одинаково относился к любому роду войск. Стрелки, артиллеристы, саперы и связисты — все для него были десантники, всех их любил по-отечески.

Но пожалуй, была и у него слабость. Слабостью этой было особое отношение к разведчикам. Этих ребят он любил за десантную удаль, молодцеватость, высокую выучку, за мужество и боевую доблесть. Может быть эти лихие парни напоминали ему молодость, боевые приключения и подвиги когда сам служил в разведке. Интересно было наблюдать за Василием Филипповичем на строевых смотрах, которые всегда завершались проходом разведчиков. Когда колонна красавцев-парней гренадерского роста, с безупречной выправкой и безукоризненным равнением четко печатала шаг, проходя мимо трибуны, он буквально преображался. Молодым задором сверкали глаза, мгновенно застывал в стойке «смирно», брал под «козырек», с восхищением любовался строем и чувствовалось, что мысленно он сам шел в рядах бравых десантников.

Работая в войсках, Командующий любил встречаться с разведчиками. Они всегда показывали ему что-то новое в выучке, бытовом устройстве или учебно-материальный базе.

Он не раз заявлял, что посещая разведчиков, отдыхает, получая глубокое удовлетворение от встреч.

Как-то находясь в Псковской дивизии, где накануне имело место ЧП, расстроенный происшествием Командующий прибыл на показное занятие разведчиков. В числе приглашенных гостей оказался старый приятель Василия Филипповича известный руководитель города.

Поздоровавшись с Командующим, он спросил:

— Как дела Ваши, Василий Филиппович?

— Коля! Какие дела?.. Дела наши как в том скверном анекдоте: «Толстеем, а портки с жопы падают!» И под смех присутствующих добавил: «Вот только у разведчиков и отдыхаю!»

Командующий знал почти всех командиров разведрот.

За хорошую работу часто поощрял их ценными подарками, повышал в звании и должности. Для офицеров служба в разведке была прекрасной школой повышения знаний, опыта и хорошим «трамплином» в продвижении по службе. Не случайно из бывших разведчиков выросло немало известных военачальников. Даже сейчас ряд заместителей командующего и почти половина командиров дивизий и полков — выходцы из разведки.

Со временем разведчики по праву стали признанной элитой воздушно-десантных войск, непременными участниками всех показов, в т. ч. иностранным делегациям, уровня

боевой выучки, морально-психологической и физической закалки десантников. Они всегда были на острие боевых операций в Афганских событиях. Да и сейчас в локальных конфликтах выполняют самые сложные боевые задачи.

Оглядываясь на былое, с благодарностью вспоминаю командующего, его мудрые советы, помощь, наконец терпение к нам разведчикам, и нисколько не обижаюсь на жесткую требовательность и суровые упреки (иногда и напрасные) в адрес руководства разведкой.

Разумеется, многое из намеченных планов завершить так и не удалось. Но что и получилось — является заслугой не только офицеров разведки, но и Командующего — главного генератора идей, почитаемого шефа десантной разведки Василия Филипповича Маргелова.

Прошло уже больше двух десятков лет, как ушел из войск Командующий Маргелов. Но и сегодня, разведчики, даже родившиеся уже после тех событий, считают себя его наследниками и называют себя маргеловцами.

ПОЛИТРАБОТНИКИ ЕЩЕ НЕ ПАРТИЯ

Командующий был убежденный коммунист. Партийно-политическую работу в войсках и ее значимость не только понимал, но и всячески поддерживал. Особенно высоко ценил роль и место низовых политработников и парторганизаций, непосредственно работающих с личным составом подразделений и частей.

Активно поощрял выдвижение тех офицеров-политработников, которые честно делали свое дело и были активными помощниками командиров. Нередко с теплотой вспоминал о «комиссарах», вместе с которыми ему пришлось воевать в годы войны. Однако командующий терпеть не мог тех, кто, прикрываясь партбилетом, пытался подмять командира, слабо выполняя свои прямые обязанности. В силу своих возможностей он резко ставил на место таких «революционеров», одновременно требовал и от командиров находить общий язык со своими замполитами. Помню разговор его с одним из комдивов, у которого не сложились деловые отношения с его начальником политотдела — человеком амбициозным, большим сутягой.

Командующий поучал комдива: «Перестань ты своим хреном дразнить дворовую Жучку! Найди способ сотрудничества. В чем-то уступи ему, и в то же время не давай спуску, если он по большому счету где-то сделает промах. Сразу же покажи, кто командир в дивизии!»

В последние годы ему самому не очень-то везло с замполитами. Приходили люди совсем не адекватные Командующему. Он не видел в них настоящих помощников ни в поддержании порядка, ни в управлении войсками. У него было достаточно оснований для предъявления претензий к их работе по укреплению дисциплины в войсках и правопорядка.

— Занимаются больше статистикой. Умеют лишь «отнимать и делить» как махновцы, а не занимаются вплотную воспитанием и дисциплиной, — замечал он. Знал и то, что в глаза ему льстят, а за спиной собирают грязный компромат. Оценивая работу своих замполитов, с присущим ему юмором иногда отпускал в их адрес любимое свое сравнение: «Ходят за мной, как лиса за быком, которая ждет, когда тот яйца потеряет».

Иногда В.Ф. Маргелова пытались обвинить в честолюбии. Дескать, за популяризацией войск просматривается явное прославление своей персоны. Смею утверждать, что это совсем не так! Хотя в здоровом честолюбии пороков никаких нет. Он никогда не «лез на глаза начальству», скорее наоборот, избегал этого, прятался где-то позади. Даже на торжественных собраниях, партактивах, избранный в президиум, садился где-то сбоку или позади. Нередко дремал, тяготясь занудностью докладов и речей. Ни разу не претендовал на депутатство в Верховных Советах, избегал членства в различных политических комитетах и комиссиях. «Мое дело — войска готовить, а не заседать», — замечал он. Не терпел чрезмерное чинопочитание. Оно сердило и раздражало его. После защиты диссертации, принимая поздравления, заметил: «Не делайте из меня ученого, мне это совсем не нужно!

Работу написал для того, чтобы поднять авторитет роли и места десантов в современных операциях.»

Еще случай, свидетелем которого я был на партконференции в одной дивизии. В докладе начальника политотдела было «пропето» немало дифирамбов лично в адрес Командующего.

В перерыве он с раздражением заметил начполитотдела:

— Что Вы там выпячиваете персону командующего? Я Вам что — император какой-то? Или член ЦК? Мне стыдно было слушать все это! В конце концов, это дивизионная партконференция, а не мой юбилей!

— Товарищ Командующий! У нас много гражданских гостей, мы обязаны были подчеркнуть авторитет и Ваши заслуги в наших делах! — пытался оправдаться полковник.

— О своем авторитете позабочусь сам, а почестей мне и так хватает! Делом занимайтесь, а не пустым славословием! — так отчитывал он ретивого чинопочитателя.

ЗА СЛАВОЙ НЕ ГНАЛСЯ

Иногда славословие своей персоны воспринимал с юмором как неуклюжую шутку.

Вспоминаю забавный случай. Неожиданно вызывает Командующий. Захожу, в кабинете стоит начальник медслужбы ВДВ полковник Гуревич Яков Ефимович, близкий фронтовой товарищ Василия Филипповича. Докладываю о прибытии.

— Алеша, прочти эту бумагу, в ней Яшкины «иерусалимцы» что-то просят у нас.

Беру со стола листок, читаю. Письмо из Военно-медицинской академии. Вижу адрес: Москва, Главнокомандующему Воздушно-десантными войсками СССР, Герою Советского Союза генералу армии Маргелову В.Ф. Я невольно рассмеялся.

— Чего ржешь?

— Товарищ Командующий! Медики не все Ваши титулы перечислили. Не указали, что Вы — лауреат Государственной премии СССР и кандидат военных наук

— Яков! Ты слышишь? — и весело рассмеялся. — Чего они просят?

— Я ответил, что просят разведчиков для научного эксперимента по нашей десантной тематике. — Разрешите выделить, товарищ Командующий?

— Добро, подготовьте распоряжение. А ты, Яков, передай своим пупорезам, чтобы впредь не ошибались, иначе — хрен получат, а не людей! — и вновь рассмеялся.

Человек он был простой и никогда не подчеркивал свою значимость. Любил хлесткие сравнения и образные выражения, да и сам был большим мастером остроумных экспромтов. Снисходительно относился даже к тем шуткам, где присутствовало имя Командующего.

Запомнился один забавный эпизод, рассказанный самим виновником этого случая.

В Управлении командующего в 60-е годы работали полковники Терещенко В.Н. и Реута С.Д., последний мастерски копировал голос и речь Командующего. Они вместе воевали, были друзьями и частенько разыгрывали друг друга.

Однажды, будучи оперативным дежурным, как рассказывал Володя Терещенко — зазвонил телефон.

— Сняв трубку, я услышал четкий голос Командующего, который начал распекать меня за плохое дежурство, даже пообещал наказать.

Расстроенный, непонятно за что учиненным разносом, я повесил трубку.

Вдруг повторный звонок. Снимаю трубку телефона и слышу веселый смех Сергея Реуты, который спрашивает — сухие ли у меня штаны после такого «вливания»?

Я понял, что это он разыграл меня и испортил мне настроение. Очевидно Сергей был «под мухой» и, зная его полагал, что на этом розыгрыше он не остановится.

Через некоторое время вновь зазвонил телефон. Беру трубку — и снова голос Командующего, который потребовал записать указания на завтра… приняв это за новый розыгрыш и разозлившись на Реуту, я послал его «по матушке» и добавил, чтобы больше не

мешал мне работать.

Через некоторое время звонит начальник штаба и строго спрашивает:

— Что происходит у нас в штабе? Почему оперативный дежурный матом покрыл Командующего, и как все это надо понимать?

Поняв, в какой просак я попал, я попытался объяснить, как это произошло, и окончательно расстроенный с тревогой ожидал утренней развязки этого нелепого случая.

Утром, с прибытием Командующего, я доложил ему о состоянии дел в войсках, извинился за вчерашний поступок и опросил разрешения выслушать меня.

— Зайдите вместе с Реутой!

После того, как мы доложили о прибытии, Командующий, не глядя на нас, сказал:

— Шуты вы гороховые в звании полковников. Вместо дела занимаетесь ребячеством. И, обращаясь к Реуте, сказал:

— Ну, хохмач, покажи, как ты копируешь Командующего?!

— Да я, товарищ Командующий…. — замялся Сергей.

— Не крути жопой как проститутка, а говори, что я от тебя требую!

Делать было нечего, и Сергей выдал два наиболее расхожих экспромта из «репертуара» Василия Филипповича.

Выслушав, Маргелов слегка улыбнулся, и, выдохнув порцию табачного дыма, объявил нас мудаками и выгнал из кабинета. На этом все и закончилось.

Василий Филиппович не только с пониманием воспринимал остроумный анекдот, но кое-что из услышанного включал в свой богатейший набор образных экспромтов.

Однажды во время подведения итогов боевой подготовки войск, ранним утром я шел в клуб части, чтобы подготовить его к работе: развесить схемы, таблицы, озвучить зал. С докладом выступал Командующий. В помощниках нужды не было, так как всю работу выполнял начальник клуба с группой солдат. Требовалось лишь проверить их работу.

По пути встречаю Василия Филипповича уже свежевыбритом, в приподнятом настроении. Он прогуливался возле гостиницы.

— Чего так рано поднялся? — спросил он.

— Товарищ Командующий! Мои помощники свято чтут солдатскую заповедь: «Начальник работает — не мешай ему! Спит — помогай ему!»

Василий Филиппович весело рассмеялся, а мне заметил:

— Ну мудачок! Если не умеешь организовать подчиненных, то делай все сам! А заповедь хорошая, надо запомнить.

Командующий любил преферанс, играл мастерски, азартно, проигрывал крайне редко. Думаю, что игра была для него своеобразным отдыхом, разрядкой, отнюдь не погоней за выигрышем, который всегда был пустяшным.

Постоянными партнерами его были офицеры нашего Управления: Гуревич Я.Е., Григорьев И.И., Мохраков Б.Н., иногда Коленко Л.З. Все игроки превосходные. Поскольку они часто сопровождали Командующего, к ним прилипло насмешливое звание «Дети лейтенанта Шмидта». Интересно было наблюдать за игрой, она всегда сопровождалась массой карточных прибауток, остроумных шуток.

Когда при нем не было привычных партнеров, он что-нибудь читал. Зная, что я всегда имею при себе книжки, однажды попросил что-нибудь у меня почитать. Я предложил ему томик Достоевского, который лежал у меня в сумке.

— Такая литература сегодня не для меня. Дай что-нибудь попроще — из приключений или детективов. С тех пор, отправляясь в командировку с Командующим, всегда запасался одной-двумя свежими книжками из военных приключений или затейливых историй.

Иногда говорят — любил подхалимов! Но, скажите, кто не любит их? К достоинству Маргелова надо отнести то, что подхалимов он быстро распознавал и решительно избавлялся

от них.

Смею утверждать, человек он был бескорыстный. Будучи уже не у дел, за многих просил, а для себя ничего не требовал, хотя имел на то право. Даже не приватизировал дачу (как это сделали многие военачальники), в которой прожил почти 30 лет и лично вложил много труда и средств в ее обустройство. Уйдя со службы, не приобрел даже личного автомобиля.

Василий Филиппович обладал завидным характером. Сколько бы судьба не ломала его, он мужественно переносил передряги жизни, свято верил в свою звезду.

О храбрости, самообладании и мужестве Маргелова В.Ф. на фронте ходили легенды. Отвага его граничила с безумством — так отзывались о нем фронтовые друзья.

По существу таким он оставался на всю жизнь. Приведу всего лишь два примера из учения «Днепр», которым руководил тогда Маршал Советского Союза Гречко А.А.

А дело было так. На смотровой вышке у площадки приземления, на которую десантировался 357 пдп, выбрасывалась полковая батарея АСУ-57. Все шло нормально, но вдруг на одной самоходке не сработала парашютная система, и многотонная масса устремилась вниз прямо на смотровую вышку. Толпа генералов и офицеров, окружавшая министра, в панике скатилась вниз. И только маршал Гречко А.А. и генерал Маргелов В.Ф., сохраняя выдержку, наблюдали как самоходка вместе с платформой со свистом и грохотом врезалась в землю в нескольких десятках метров от трибуны.

И еще. На завершающем этапе этого учения министр вызвал в Слуцк всех помощников по руководству учением. Однако утором назначенного дня район учения оказался во власти сплошной облачности и густого тумана. Был объявлен запрет на полеты авиации. Однако сбор не отменялся. Возник вопрос, как быть? До Слуцка было более 150 километров, успеть к назначенному времени можно было только с помощью вертолета. Но лететь «на ощупь» — тоже безумие. Как быть? Василий Филиппович с присущей ему решительностью объявляет нам:

— Летим вертолетом!

Командир экипажа вертолета, ссылаясь на строгий запрет полетов, категорически отказывается вылетать. Но обвиненный в трусости, потребовал письменного приказа на перелет. Получив бумажку — приказ, будто это спасало его от суда на случай гибели, поднял машину с пассажирами в воздух и в кромешном тумане повел ее к Слуцку.

После очевидцы рассказали следующее. Гречко и начальник ГШ маршал Захаров, находясь на Слуцком аэродроме, получили извещение, что к ним подлетает генерал Маргелов. Маршал Захаров, возмутившись, предложил министру наказать Василия Филипповича за нарушение запрета на полеты. Но Андрей Антонович Гречко оценил это по другому.

— Маргелов здесь ни причем. Виноваты мы, не отменив совещание. А что касается Маргелова, то известно, что этого человека ничем не испугаешь. Он ползком приползет, но приказ выполнит во время!

Отставка от дел в январе 1979 года для Василия Филипповича очевидно была неожиданной. В декабре 1978-го отметили его 70-летие. Ждали, что заслуги перед Вооруженными Силами и государством будут оценены по достоинству. Полагали, что он получит вторую Звезду Героя. Однако юбилей прошел более, чем скромно. Лимит на Звезду Героя, по-видимому, оказался исчерпанным или приберегался для очередного партийного бонзы, не нюхавшего пороха.

Тем не менее юбиляр был полон сил и энергии. На второй день своего юбилея он собрал в комнату отдыха некоторых заместителей, начальников отделов и председателя научно-технического комитета (НТК).

Это было не юбилейное застолье, а, скорее, служебное совещание или совет единомышленников. Угощая нас, Командующий делился своими идеями и планами дальнейшей работы по развитию войск.

К этому времени уже имелись некоторые успехи в развитии идеи десантирования войск на воду. Толчком к этому большому начинанию, смею утверждать, послужили мои доклады Командующему о резком дефиците площадок приземления для крупных десантов в странах НАТО. Анализ местности по снимкам из космоса показывал, что за последние 4–5 лет свыше 30 % ранее перспективных площадок для выброски десантов были застроены промышленными или хозяйственными объектами и утратили свою значимость. Командующий оценил эту разведывательную информацию и сделал соответствующий вывод.

Слухов о скором уходе его на отдых и возможном преемнике не было как в Штабе ВДВ, так и в центральных управлениях Министерства обороны. Мы полагали, что и дальше будем работать под патронажем Василия Филипповича.

Сообщение об отставке застало Командующего во время проведения сбора руководящего состава войск. Оно проходило под Москвой в гарнизоне Медвежьи Озера. Мы, участники сбора, были ошеломлены внезапным появлением на сборе заместителя министра обороны маршала Соколова С.Л. Он объявил, что генерал армии Маргелов В.Ф. уходит в состав Генеральной инспекции при министре обороны, вместо него назначается новый командующий, которого он и представил нам.

Вся эта процедура показалась нам странной, какой-то поспешной и весьма некорректной по отношению к Маргелову. Не берусь судить, знал ли о ней заранее Василий Филиппович или нет, но известие об отставке он воспринял с достоинством, стоически. Поблагодарил участников сбора за совместную службу, пожелал удачи и, наскоро попрощавшись, покинул выпестованные им любимые войска.

Закончилась целая эпоха в жизни войск…

Уходя в группу инспекторов, он попросил, чтобы мы, разведчики, почаще информировали его по части иностранных армий, проводимых в НАТО учениях и, особенно, по специальным операциям зарубежных десантников и спецназа.

Почти через каждые 10–15 дней я специально приезжал в 3-й дом МО, докладывал ему по существу дел, иногда оставлял нужную ему литературу. По операциям израильского спецназа в Уганде (аэродром Энтеббе) и египтян на Крите по его просьбе подготовили специальную информацию со схемами. По этим материалам Василий Филиппович сделал интересный доклад перед своими товарищами — генеральными инспекторами.

В первый год нового бытия, он регулярно, как когда-то в Штабе ВДВ, к 9-ти часам приезжал в 3-й дом и поднимался в свой кабинет. Офицеры из Штаба Сухопутных войск при встречах отмечали аккуратность, как они говорили, вашего Командующего. Однако невостребованность, отсутствие живого, созидательного труда сделали свое дело. Пропал интерес не только к иностранным армиям, но и к своим Вооруженным Силам.

Невольно думается, как мы бываем расточительны в использовании талантов, людей с огромным жизненным опытом и знаниями.

Последний раз в живом, чрезвычайно полезном и интересном для него деле, видел Маргелова В.Ф. в Сельцах (Учебный центр Рязанского воздушно-десантного училища) в сентябре 1984 года, когда он председательствовал на выпускных экзаменах курсантов училища.

Прибыл я тогда в Учебный центр с ливийской военной делегацией для показа учебной базы, а также боевой и воздушно-десантной техники.

Посоветовавшись с начальником училища, посчитал необходимым доложить о прибытии Маргелову В.Ф. Жил он в гостевом доме на берегу реки Оки и чувствовал себя неважно, болели ноги, донимал обострившийся радикулит. Однако встретил меня приветливо, угостил превосходным чаем, даже предложил коньячку, от которого я дипломатично уклонился. Доложил ему, кого привез в составе делегации, и какую роль эти люди играют в ливийской армии, что их интересует и что им собираемся показать. Он внимательно выслушал меня. В свою очередь рассказал, как идут экзамены. Похвалил

выучку курсантов и сказал, что из подавляющего числа выпускников выйдут превосходные офицеры. Думаю, это была лучшая аттестация для будущих офицеров.

В заключение беседы спросил, собираюсь ли я ночевать здесь? Я сказал, что к вечеру мы должны вернуться в Рязань

— Ладно, Алеша! Работай по своему плану, — и с этими словами отпустил меня.

Общаясь с курсантами и офицерами, он вновь был при любимом деле, чувствовал себя нужным и способным поделиться огромным опытом с молодыми офицерами.

Рассказывали, что курсанты считали за счастье сдавать экзамен не кому-нибудь, а легендарному Маргелову. Вопросы он задавал не стандартные, а рассчитанные на сообразительность, смекалку и находчивость. Например:

— Вчера выпал обильный мокрый снег. К вечеру основательно подморозило. Сейчас ночь, сильный ветер. Ты ведешь разведку. Впереди опушка хвойного леса, где располагается противник. При сильных порывах ветра с опушки иногда доносятся какие-то взрывы. Оцени обстановку и сделай вывод, что происходит у противника?

Разумеется, не вдруг сообразишь, что это рвутся противопехотные мины, расставленные на переднем крае противника от ударов комьев смерзшегося снега, падающих с ветвей деревьев при сильных порывах ветра. Но, если отвечающий смекнул и ответил правильно, то отличная оценка обеспечена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жаль, что Василий Филиппович не оставил мемуаров или хотя бы воспоминаний. Ему было что рассказать, чем поделиться с читателем и новым поколением.

Однажды «расчувствовавшись», он признался, что мыслит написать воспоминания о войне, послевоенных событиях и озаглавить их «Правда и только правда».

— Напишу, — говорил он, — Анна Александровна отпечатает. Размножу с десяток экземпляров, раздам сыновьям и близким друзьям. Пусть читают и знают все — какой была война без прикрас, что пришлось видеть и пережить!

Однажды я набрался смелости спросить его, пишет ли чего-нибудь из воспоминаний? Предложил пригласить кого-нибудь из известных журналистов в помощь. Помолчав немного, Василий Филиппович сказал:

— Недавно приезжали из Ленинграда какие-то щелкоперы. Предлагали совместную работу. Но я отказался. Напишут какую-нибудь глупость, что после не отмоешься.

Жаль, что задумка его так и не состоялась. Наверняка это было бы неординарное повествование о войне, послевоенных передрягах и жизни.

Рассказывать о Василии Филипповиче Маргелове можно долго и много. Человек он был нестандартный, часто не вписывался в принятые рамки поведения крупного военачальника. Однако неадекватность и кажущиеся странности в его поступках, поведении были его выигрышным билетом, резкой противоположностью запрограммированных, строго уставных, шибко правильных и совсем не интересных начальников.

При высокой требовательности он всегда оставался простым и доступным. При случае не отказывался выпить рюмку-другую водки или коньяка с подчиненными офицерами, сыграть в преферанс или бильярд.

Отличительная черта мудрых людей не консервироваться во времени, а смело смотреть вперед и видеть то, что многие из современников уже не замечают. Именно это качество помогало Маргелову В.Ф. видеть новое, перспективное в развитии войск, их боевого применения. Свою службу и работу Василий Филиппович считал особым общественным долгом, где слово «надо» понималось как чувство личного долга, чести, как, наконец, государственная необходимость, что позволяло ему и себя считать не просто Командующим, а человеком государственным.

Прочитав мои воспоминания, кто-то может подумать — Маргелов был просто святым,

да и только! Нет, святым и праведником он не был, да, наверное, и не смог бы быть. Это был человек со всеми слабостями, но с большим талантом военачальника, организатора и воспитателя. Он мог многое предвидеть и, в силу железной воли и таланта, провести в жизнь.

Говорят, счастлив тот, кто нашел свое призвание в жизни, и счастлив дважды, если удалось осуществить свои желания и замыслы. Василию Филипповичу это удалось!

В 1998 году Василию Филипповичу Маргелову исполнилось бы 90 лет, верному сыну Отечества, большому труженику, талантливому военачальнику, представителю той категории людей, за которыми стоит славная часть нашей Великой Истории.

В воспоминаниях об этом легендарном человеке я лишь честно изложил малую толику того, что хорошо знаю, в чем участвовал, видел и лично пережил.

*** * ***

Сейчас страна и Вооруженные Силы переживают глубокий кризис. Благодаря величайшему предательству политиков, «перестройщиков и реформаторов», а точнее — проходимцев от политики, великое государство и сильнейшая в мире армия оказались разрушены, и разрушены без войны.

Переживают не лучшие времена и воздушно-десантные войска. За годы нелепого «реформаторства» численность их сократилась почти вдвое.

Нынешнему командующему Шпаку Георгию Ивановичу и штабу приходится вести непрерывную борьбу за сохранение целостности войск, их боеготовности, сильного духа и славных десантных традиций.

И, дай-то Бог им, как говорится, сохранить войска и все героическое, что оставил в наследство легендарный Маргелов Василий Филиппович…

Кукушкин Алексей Васильевич
Москва, 1999–2000 гг.